Р.С.Ф.С.Р.

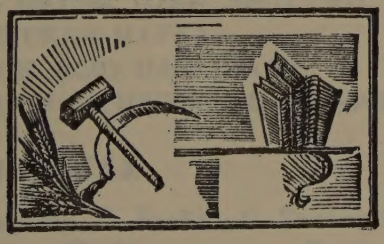
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ТРЕТЬЯ
АПРЕЛЬ-МАЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923

Редакция
номера закончена
1 мая.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. Н. Кашин. СМЕНА КЛАССОВ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. Н. ОСТРОВСКОГО. (К столетию со дня рождения) . 1

НА ТОМ БЕРЕГУ.

2. Г. Сандомирский. РАЗМЫШЛЕНИЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА. 14
3. М. Павлович. БУРЖУАЗНЫЙ ПАЦИФИЗМ И КОНГРЕСС МИРА В ГААГЕ 24
4. Валерий Брюсов. ВЕРХАРН НА ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ 35
5. Д. Благой. ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ТУРГЕНЕВ РЕДАКТОР ФЕТА 45
6. М. Фабрикант. РУССКИЕ ГРАВЕРЫ. В. А. ФАВОРСКИЙ 65

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

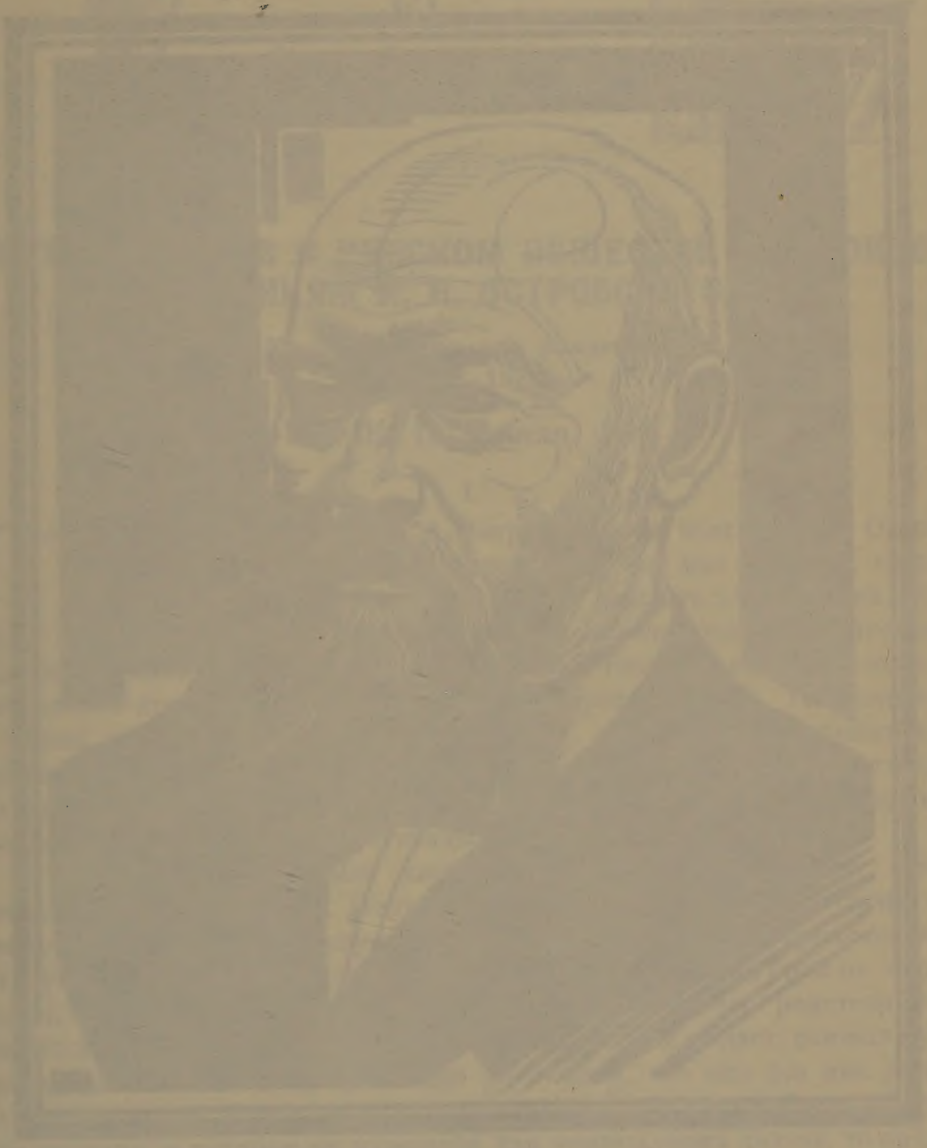
7. Б. Арватов. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕТИШИЗМ 86
8. Валерий Брюсов. СУД АКМЕИСТА 96
9. М. Н. Покровский. О ПЯТОМ ТОМЕ „ИСТОРИИ“ КЛЮЧЕВСКОГО . 101
10. В. И. Невский. СОВЕТСКАЯ НАУКА 105
11. И. Звавич. КНИЖНОЕ ДЕЛО НА ЗАПАДЕ 117
12. А. Пионтковский. ОБЗОР ЮРИДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ в 1922 г. . . 135

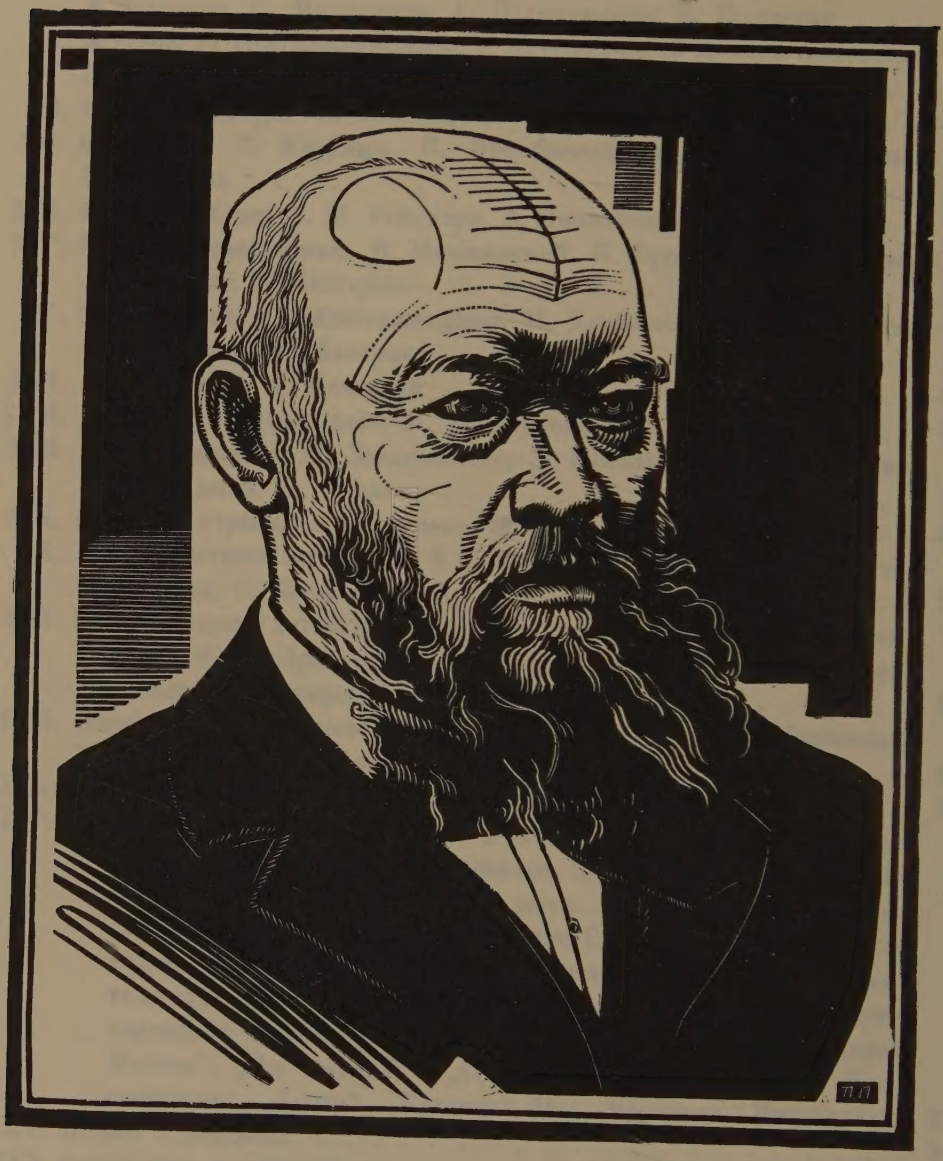
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. Г. Бройдо, С. Гоникмана, С. Членова . . 148
II. Гражданская война. Н. Мещерякова, К. Скерского, Г. Даяна, А. Гольдфарба 153
III. Империализм и международная политика. М. Брагинского, И. Звавича. 159
IV. Экономические науки и народное хозяйство. С. Членова, М. Зеликмана, А. Кона, А. Теснера, Н. Мещерякова, А. Бессера 162
V. Промышленность и техника. А. Теснера, В. Цигульского, И. Траубенберга, В. Обручева, С. Обручева 171
VI. Рабочее движение. Ф. Капелюша, В. Яроцкого, В. Виленского (Сибирякова) 178

VII. Организация труда. А. Гастева 183
VIII. Национальный вопрос. Ц. Фридлянда 184
IX. История революции. Ц. Фридлянда, В. Виленского (Сибирякова), В. Кнорина, С. Мицкевича, А. Шляпникова, Б. Козьмина . . . 187
X. История. П. Преображенского, А. Неусыхина, Н. Лукина-Антонова, М. Рейснера 196
XI. История культуры. Н. Попова, Т. Анатольского, Г. Бройдо . . . 203
XII. Философия. В. Юринца, П. Преображенского, А. Неусыхина, В. Кряжина 205
XIII. Науки об обществе. М. Рейснера, А. Пионтковского, П. Стучки . . 215
XIV. Народное просвещение. В. Менжинской, Н. Бродского, Н. Чехова, А. Сергеева, М. Пистрака 221
XV. Библиография и библиотековедение. Н. Здобнова, М. Слуховского, В. Адарюкова, Л. Хавкиной 227
XVI. Архивное дело. В. Нечаевой 234
XVII. Книжное и печатное дело. М. Щелкунова 236
XVIII. Науки о природе. М. Завадовского, Э. Шпольского, Н. Андреева, В. Костицына, А. Чернова 237
XIX. Народы и страны. О. Куусинена, М. Брагинского, В. Кряжина . . 241
XX. Теория и история литературы. В. Брюсова, В. Переверзева, В. Фриче, М. Лирова, С. Боброва, Б. Арватова 245
XXI. Художественная литература. И. Аксенова, Д. Горбова, В. Волькенштейна, Ю. Добранова, Н. Асеева, С. Боброва, А. Барковой, К. Локса, А. Елизаровой, Е. Херсонской 254
XXII. Искусства. Л. Сабанеева, И. Эйгеса, Н. Лебедева, Н. Щербакова, В. Брюсова, А. Сидорова, С. Милеева, В. Адарюкова 270
XXIII. Заметки о журналах. М. Эйхенгольца, В. Ваганяна 284
XXIV. Литературная хроника. I. НА ЗАПАДЕ. Германия. Франция. Италия. Англия. Среди эмигрантов. II. В Р.С.Ф.С.Р. Российская академия художественных наук. Юбилей А. Н. Островского. Выставка частных издательств. Среди пролетарских писателей. Московская ассоциация драматургов. Среди издательств. Государственное Издательство. Издания Социалистической Академии. Издательство „Красная Новь“ „Новая Москва“, „9-е января“ — „Госиздат Украины“, „Путь Просвещения“, „Книга“, „Кузница“. Изд. Френкеля. „Петроград“. 290
XXV. Письма в редакцию. 309
XXVI. Список книг и журналов, полученных редакцией для отзыва. 312

СТАТЬИ

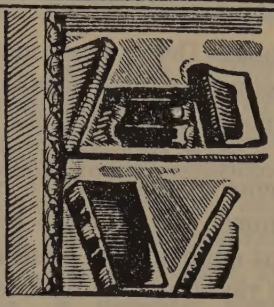




Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ.
1823 — 1923

Гравюра на дереве
П. Павлинова

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



СМЕНА КЛАССОВ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. Н. ОСТРОВСКОГО.

К столетию со дня рождения
(1823—1923).

Н. П. Кашин.

I.

Посылая 2 декабря 1857 г. Н. А. Некрасову свою пьесу, А. Н. Островский писал ему: «она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьезная». Эта маленькая пьеска была: «Не сошлись характерами. Картины московской жизни», которые и были напечатаны в некрасовском «Современнике», в январской книжке 1858 года. Драматург оказался безусловно прав: это была действительно серьезная вещь. Позволю себе в общих чертах напомнить ее содержание, так как она принадлежит, повидимому, к числу незаслуженно забытых произведений нашего драматурга, представляя в настоящее время в высокой степени ценный документ для историка общественных отношений.

Единственный отпрыск дворянской помещичьей, теперь совершенно разоренной семьи, Поль Прежнев для поправления своих финансовых обстоятельств вступает в брак с богатой вдовой, происходящей из купеческого рода Толстогораздовых. Но расчет его на брак не оправдался, так как его жена, памятуя наставления своего родителя, чтобы она не проживала денег, так как он ей их больше не даст, решила мужу своему денег не давать, правильно рассуждая, что она без них ничего не будет значить. Когда же ее муж обратился к ней с просьбой о презренном металле, в котором он нуждался для уплаты своих долгов, то она, не долго думая, тотчас же собралась и уехала к своему папеньке, не забыв даже захватить подаренную мужу шубу и оставив супругу на память только вышитый ею щегольской, но—увы!—пустой бумажник. Покинутый женой, Поль благодарит свою маменьку за то, что она прожила все их состояние, а его, Поля, ни к чему не приучила, и благодаря данному ему воспитанию он теперь никуда не пригоден.

Вот в сущности несложная фабула этой пьесы, расцвеченная с присущим Островскому мастерством богатейшими, хотя и не бьющими в глаза, красками. Остановлюсь на некоторых подробностях, особенно для нас

ценных. Перед нами дворянская семья, состоящая из трех членов: отца—совершеннейшей развалины, проводящего все время в креслах, в которых его возит лакей, для его услаждения читающий ему газеты; затем—маменьки, Софьи Ивановны, прожившей все их имение на своих любовников, обычно гувернеров ее сына, и, наконец, этого сына Поля, ни к чему не годного, так как его ничему не учили, как следует, и, если хотите, без вины виноватого,—так как при правильном воспитании из него мог выйти и не такой никчемный человек. «Теперь,—говорит он своей маменьке,—вы, может-быть, будете иметь удовольствие видеть меня выгнанным из службы, праздношатающимся, картежным игроком, а может-быть, и хуже. Что-ж мне делать? Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз».

Для этой семьи все в прошлом, даже в их доме «все углы сгнили, пол провалился»; не даром Островский, согласно своему обыкновению давать своим персонажам так называемые знаменательные имена, заранее намекающие читателю на существенные черты их личности, дал этой семье фамилию Прежневых.

В этом случае характерна одна подробность. Прежнев-старик спрашивает своего сына, кто теперь играет на сцене маркизов, вспоминая о том, как он, бывало, хорошо играл их роли. Но—увы!—сын с каким-то плохо скрываемым озлоблением, точно отмахиваясь от вопроса отца, как от назойливой мухи, отвечает, что теперь их уже не играют. Эта подробность глубоко знаменательна. Все говорит о том, что перед нами жалкие остатки когда-то богатой семьи. А если взять пьесы Островского, изображающие дворянство, во всей их совокупности, то можно сказать, что перед нами изображены жалкие остатки когда-то сильного класса, время которого прошло: в действительной жизни этот класс уже не будет больше играть ту роль, что прежде, как на сцене теперь не играют уже маркизов. Островский художественно, нередко мелкими штрихами, и зарисовывает этот упадающий класс, отмечая также и причины, приведшие к его падению, а кроме того, показывая, в свою очередь, кто приходит к нему на смену.

Этот новый класс, приходящий на смену дворянству, новый, конечно, потому, что он теперь начинает играть новую роль,—купечество,—представлено в данной пьесе также тремя персонажами: купцом Толстогораздовым, его женой Улитой Никитишной и дочерью Серафимой Карповной. Впрочем, главный его представитель Карп Карпыч Толстогораздов ничем не выявляет новой роли, выпавшей этому классу. Это все тот же ветхозаветный купец, который даже не может слышать слова «дама», когда его жена так называет себя. «Да вот можешь ты чувствовать,—говорит он своей жене,—не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь». Первое место здесь должно принадлежать Серафиме Карповне, уже несколько вышедшей из своего сословия после своего выхода замуж за господина Асламевича, который, по выражению Устиньи Филимоновны Перешивкиной, «один раз генералом был». А теперь ей предстоит своим капиталом поддержать достоинство «благородной, хорошей», но—увы!—разорившейся помещичьей фамилии.

Островский уже не в первый раз отмечал тот факт, что промотавшееся дворянство для поправления своих финансов роднилось с купечеством; припомним, правда, неудачную, попытку Вихорева в комедии «Не в свои сани не садись» жениться на купеческой дочке, конечно, с целью подобраться к ее капиталу. Тут же вводится эпизодическое лицо, чиновник Баранчевский, который в этом отношении был более счастлив, женился на богатой купчихе и зажил припеваючи. Таким образом, драматург обрисовывает нам те взаимоотношения, в которые встали два класса русского общества, точнее — один момент в этих взаимоотношениях.

В данном случае Островский, конечно, не был одинок. Стоит только указать на картину художника Федотова: «Сватовство майора», чтобы увидеть, что тут и там изображается уже ярко наметившееся общественное явление. Но у Федотова мы видим только одну сторону дела; большего, впрочем, может-быть, и нельзя ожидать от одного только произведения художника. Судя по всему в этой картине, можно сказать, что майор— желанный гость в той купеческой семье, с которой он желает породниться. У Островского мы видим несколько иные отношения. Его Русакова ни в коем случае нельзя себе представить в образе того купца, который на картине Федотова так поспешно застегивает свой сюртук, готовясь к встрече дорогого гостя, поправляющего тем временем перед зеркалом свои усы. Нет, он очень, если хотите, предубежден против Вихорева и не верит, чтобы тот искренно любил его дочь, прекрасно понимая, что тому нужны только ее деньги. А представительницы прекрасного пола на самих себе испытывают справедливость этой истины, с тою только разницею, что одна из них, Дуня Русакова, узнала это до замужества и, по выражению проф. Ф. Д. Батюшкова, «ожглась на Вихореве», а Серафима Карповна— увы!—постигла это, совершив опрометчивый шаг, выйдя замуж за Поля, с которым теперь должна расстаться. И ее письмо к покидаемому ею мужу—это один из перлов, которых мы, привыкши к ним, не замечаем у Островского, тем более, что они не выставлены напоказ.

Вот это письмо: «Милый Поль! Как я ни люблю тебя, но нам должно расстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будет разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебе. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а дом этот продам. Теперь уж ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мне сегодня показал, что будто ты меня любишь из денег. Но в нашем купеческом кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будет денег?—тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будет денег— я кого полюблю, а меня, напротив того, не будут любить. А когда у меня будут деньги—я кого полюблю, и меня будут любить, и мы будем счастливы. Я приготовила тебе к именинам бумажник и сама вышила, и как я чувствовала, что тебе мой подарок будет очень приятен, то и посылаю тебе. Ты к папеньке не езди, он у нас очень сердит и очень разгневается на тебя, когда все это узнает; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться в деньгах, я тебе готова помочь потихоньку

от своих, только немного—рублей сто, не более. Будь счастлив. А я должна плакать всю жизнь. Твоя навеки Серафима».

В только что цитированном письме прекрасно, необыкновенно художественно переплетены сентиментальность Серафимы Карповны, имеющая своим источником, быть-может, и чисто природные ее качества, и то, что она «ученая» и «в пансионе воспитывалась», и затем ее чисто купеческая расчетливость, унаследованная, очевидно, от папеньки. Не даром она, уезжая от мужа и проливая слезы, не забыла захватить, должно-быть, подаренную ему шубу, помня слова своего родителя: «А ты вот что: ты скажи жениху, коли будет ко мне почтителен—я ему шубу подарю хорошую, а коли не будет—назад отниму». Карп Карпыч, хоть он и Толстогораздов, не будет спешить навстречу к дорогому зятю, он сам потребует от него почтения, в противном случае отнимет у него шубу, им же самим подаренную.

Но это сближение купечества с благородным дворянством отравило первое, возбудило в нем своего рода тщеславие. Даже Улита Никитишна мечтает о том, что если ее дочка вновь выйдет замуж, так она для свадьбы сошьет платье из вышедшего в моду муар-антика, потому что «все дамы носят». На вопрос же своего мужа: «А ты нешто дама?»—уверенно отвечает: «Обнакновенно дама». И хотя Карп Карпыч слышать не может этого слова, когда она себя дамой называет, Улита Никитишна не может примириться с мыслью, что она не дама, и как будто некоторое чувство зависти слышится в ее словах: «Какая Серафима у нас счастливая. Была за барином—барыня стала, и овдовела—все-таки, барыня. А как теперь, если за князя выйдет, так, пожалуй, княгиня будет». И никак не может понять, что это обстоятельство, вторичный брак ее дочки, совершенно не отразится на социальном положении ее маменьки. «Ну, а как за князя выйдет, неужто я так-таки ничего. Ведь она мое рождение».

Такого рода тщеславию оказались подвержены не одни женщины. Амос Панфилыч Барабошев («Правда хорошо, а счастье лучше»), имевший сначала в предмете в качестве жениха негоцианта «черновой отделки, без палитуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, суздальского письма», на деле потерпел конфуз.

«Почему же так, миленький», спрашивает его мать, Мавра Тарасовна.

«Извольте, маменька, понимать: я сейчас вам буду докладывать,—отвечает он.—Сосед, Пустоплесов, тоже дочери жениха ищет... Стало-быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтобы себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете». Фабриканта, говорит. Я думаю: «Значит, дело вровень, ушибить ему нас нечем». Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит «Шато ля роз», новый сорт, мягчит грудь и приятные мысли производит. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах: «Вы, говорит, отдавайте, дело хорошее, вам такого и надо; а я раздумал».—«Почему?» спрашиваю.—«А вот увидишь», говорит.

Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг,—кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компаньона. Гляжу,—полковник в лучшем виде и при всем параде... Как я на ногах устоял,—не знаю. Что̀ я вина выпил с огорчения. «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает...» Но Амос Панфилыч не сдается и предлагает маменьке раскошеливаться, а он камуфлет изготовит. «К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят,—и сейчас—без четверти семь — подъезжает к нашему крыльцу генерал. Вот мы им глазами-то и покажем».

Амосу Панфилычу, однако, не пришлось торжествовать над своим противником-соседом. Во-первых, с ним самим случилось кораблекрушение: ему пришлось на выбор—или поклониться своему бывшему приказчику, которого он раньше хотел посадить в яму и который становится теперь его зятем, или самому сесть в яму. А во-вторых, и у его противника, Пустоплесова, тоже все дело врозь вышло. «У них вчера,—рассказывает нянька Фелицата,—такая баталия была, что чудо. Сам-то пьяный согрубил что-то жениху, так тот за ним по всему дому не то с саблей, не то с палкой бегал, уж не знаю хорошенько. Так все дело и врозь».

Островский, отметив один момент в взаимоотношениях двух классов, останавливался до сих пор, как видим, только на комической стороне этого момента. Но была и другая его сторона—драматическая или, если хотите, трагическая. Татьяна Даниловна Жмигулина, дочь отставного приказного, воспитанная богатой помещицей, своей крестной матерью, и мечтавшая выйти замуж за ее сына Валентина Павловича Бабаева, в силу стесненных обстоятельств принуждена согласиться на предложение стать женой лавочника Краснова, и в результате получилась самая жуткая трагедия,—жуткая по своей обыденности и кончившаяся, как известно, смертью Тани.

Раньше было указано, что драматург мимоходом отметил и тот момент в взаимоотношениях двух классов, когда браки кончаются благополучно для обеих сторон, как это было с Баранчевским. Сделано это мимоходом, вероятно, потому, что этот случай не представлял материала, необходимого для создания драматического произведения, а потому драматург и не остановился подробно на этой стороне данного вопроса и не сделал подобного случая предметом самостоятельного изображения.

Как бы то ни было, Островский, как можно заключить из вышепроизведенного анализа его произведений, довольно полно обрисовал один момент в отношениях двух классов—дворянства и купечества, выражавшийся в заключении браков этими двумя сословиями друг с другом.

Должно остановиться еще на одной подробности. Комедия «Не в свои сани не садись» появилась в 1853 г., Картины московской жизни—«Не сошлись характерами» — в 1858 г., а написаны еще в 1857 г. Островский был, таким образом, одним из первых писателей, подметивших упадок дворянства и попытки его поддержать себя путем браков с купечеством.

II.

Но не только эту сторону данного процесса отметил наш драматург. В его пьесах есть и другие подробности, чрезвычайно ценные при изучении нашего вопроса.

В 1871 г. появилась комедия: «Не все коту масленица», герой которой Ахов живет «почитай что один», а «дом-то у нас,—рассказывает ключница Ахова Феона,—старый, княжеский, комнат сорок,—пусто таково; скажешь слово, так даже гул идет; вот он и бродит один по комнатам-то. Вчера пошел в сумерки, да и заблудился в своем-то дому; кричит караул не благим матом. Насилу я его нашла, да уж вывела». В этой подробности, введенной Островским, между прочим, и с целью рассмешить публику, опять-таки подмечено известное общественное явление, а именно—переход владений от дворянского, помещичьего класса к купечеству.

Еще яснее отражено это явление в комедии «Лес» (1871 г.): там уж прямо идет речь о продаже калиновской помещицей Раисой Павловной Гурмыжской калиновскому купцу Ивану Петрову Восьмибратову леса на сруб в пустошах Горелой и Паленой и двух десятин в Пылаевой.

Годом раньше «Леса» была написана комедия «Бешеные деньги», особенно ценная для нас в настоящем случае. Там тоже затронут этот интересующий нас вопрос. «Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на-днях продается. Жалко! И завод может приносить большой доход, и лесу много». И это имение с торгов покупает Васильков, женившийся на Лидии Юрьевне Чебоксаровой. Потом в конце пьесы является судебный пристав с целью описать обстановку самой Лидии Юрьевны, покинувшей своего мужа и принужденной теперь принять его предложение—сделаться его экономкой. В уста другого персонажа, не покупающего имений, а прожившего их и забывшего о том, что у него уже ничего нет, важного барина Григория Борисовича Кучумова, вложены, между прочим, такие слова: «А что нынешнее время,—лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка,—я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами... а потом огни... а посланники-то смотрят... Ведь это слава России».

Что касается славы России, то, пожалуй, это скорее можно отнести на счет красноречия Кучумова, чем действительности. Но, конечно, самую неподдельную действительность отражают слова Кучумова о княжеских и графских дворцах. В одном из таких дворцов, доставшемся ему, заблудился и Ахов. А эти пренебрежительно произнесенные фамилии Петровых, Ивановых, к кому перешли эти дворцы, ясно говорят нам о том, что это фамилии—не дворянские. Припомним еще, как ярко характеризуется у Островского дворянское оскудение в монологе Телятева, где он обрисовывает свое собственное материальное положение. На вопрос Лидии Юрьевны, страшно нуждающейся в деньгах и повсюду их разыскивающей,—на ее вопрос, обращенный к Телятеву, есть ли у него свои деньги, этот последний откровенно заявляет: «Я уж и не помню, когда они были. Я

вчера узнал, что я должен тысяч до трехсот. Все, что вы у меня видели когда-нибудь,—все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денег не плачено, за все это писали счеты на меня, потом векселя, потом подали к взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины—взяты на прокат и нынче же обобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет. Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате: это единственная моя собственность; предложу им по сигаре—у меня еще с десяток осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «гуляй, Иван Петрович, по белому свету!». Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять свободен, и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать теток и бабушек, и всем им я—наследник. Что́ я гербовой бумаги извел на векселя,—вы не поверите. Если ее с пуда продавать, так больше возьмешь, чем с меня».

Нет сомнения, что имения этих одиннадцати тетушек и бабушек, раз они достанутся Телятеву, уйдут туда же, что и прежние. Так ярко и неоспоримо засвидетельствовал наш драматург в нескольких своих пьесах переход дворянских имений в чужие руки и оскудение всего этого класса, некоторые представители которого, подобно Меропе Давыдовне Мурзавецкой, доходят уже до подлогов, чтобы только завладеть чужим имением, а другая представительница, Харита Игнатьевна Огудалова, хотя и из порядочной фамилии, чуть не торгует своею дочерью. И любопытнее то, что все это высказано Островским гораздо раньше того времени, когда Салтыков увековечил данное явление в своем «Монрепо» (1878—1879 гг.) или Сергей Атава в своем «Оскудении» (1880 г.). Наконец, накануне революции 1905 г. к этому процессу перехода владений от одного класса к другому обратился А. П. Чехов в своей комедии «Вишневый сад», первое представление которой состоялось 17 января 1904 г. Как видим, и здесь наш драматург был как бы своего рода пионером, отметив этот процесс в самом его начальном периоде.

III.

Комедия «Бешеные деньги» дает материал и для некоторых иных соображений, между прочим, о глубокой перемене, происшедшей в составе русского общества. В этой пьесе выведен представитель того нового класса, который пришел на смену дворянства, именно—буржуазии, в том смысле, как она понимается в настоящее время, вовсе не объединяясь только с купечеством, а включая в себя лиц и из других сословий. Герой названной комедии Васильков, несомненно, является представителем этой новой силы, впервые появляющейся в русском обществе, и должно обратить внимание на то, как Островский характеризует его.

Как только Глумов хочет сыграть на счет Василькова комедию, чтобы посмеяться, так как все приуныли что-то, Телятев тут же предупреждает его, что в этой комедии комические роли, пожалуй, достанутся на их долю, а не на долю Василькова, над которым Глумов собирается посмеяться. Когда последний строит планы наврать с три короба про богатство Василькова Чебоксаровым, довести маменьку и дочку до экстаза и потом разочаровать их, Телятев вновь замечает: «Не ошибись, поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его,—точно сила какая-то идет на нас»; а когда Васильков предлагает держать пари, что он женится на Лидии, то Телятев отказывается держать его, потому что боится проиграть, и, как известно, оказывается правым: Васильков действительно женился на ней и, в конце-концов, именно увез ее, если не в Чебоксары, то к себе в деревню.

В чем же сила этого человека? Автор награждает его всяческими достоинствами, солидным образованием,—он учился многим наукам, о которых Телятевы и Чебоксаровы и не слыхивали, знанием многих языков, до греческого и татарского включительно. Но дело не только в этом. Главное его достоинство, конечно, заключается в силе воли. Васильков сам про себя говорит: «Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю». И что бы он ни задумал сделать, он этого добьется, но из бюджета не выйдет, и это дает ему перевес над окружающими. Характерно еще то, что драматург не наделяет его несметным богатством, а делает его обладателем только порядочного состояния. Но это нисколько не вредит делу. Васильков, говорит Телятев Лидии, «не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь, так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет миллион, а через пять—пять». Как же наживает он эти капиталы? Из рассказа Телятева той же Лидии мы узнаем, что по окончании образования Васильков «поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в бараках, да Василий Иваныч с ним». А этот Василий Иваныч, его камердинер, так говорит своему хозяину: «Помилуйте, Савва Геннадич, мы, может-быть, с вами нужду видали вместе, может-быть, тонули вместе в реке по нашему делу». Первый подряд ему удался, он взял побольше, потом еще побольше, а теперь, когда происходит действие пьесы, он уже меньше миллиона не хочет и мириться. То, что драматург заставил Василькова взяться за железнодорожные подряды —тоже знамение времени: наступала эпоха грюндерства, эпоха постройки железных дорог, на чем можно было особенно хорошо заработать, или, попросту, сорвать здоровый куш.

Итак, все дело в том, что перед нами деловой человек в положительном смысле этого слова, а не прожигатель жизни, образцов которых много в произведениях самого Островского. И Лидия Чебоксарова как раз тоже принуждена прийти к сознанию неизбежности происшедшего поворота в ее жизни, а также и в жизни всего общества. «Мне надо поплакать о

том, чего воротить нельзя,—говорит она.—Моя богиня беззаботного счастия валится с своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя—бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми». И это говорит как раз одна из представительниц этих эфирных созданий, не знавшая счета деньгам, знавшая только, что нужно купить то-то и то-то, ехавшая в магазин, выбиравшая там, что нужно, и не заботившаяся уже больше ни о чем.

Характерно и то, что Васильков, являющийся ярким представителем этих новых деловых людей, сам тоже дворянского происхождения, но в пьесе это обстоятельство вовсе не играет никакой роли: очевидно, дело уже не в его дворянстве. Если, быть-может, и нельзя еще сказать, что он окончательно порвал с этим классом, то, несомненно, что у него уже ничего общего со всеми этими Телятевыми, Кучумовыми, доживающими свои последние дни,—хотя, правда, по словам самого же Телятева, в таком городе, как Москва, они еще не скоро погибнут, так как и без копейки денег будут иметь и почет и кредит, так как долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что они ужинают и пьют шампанское за его счет.

Герой «Талантов и поклонников», Иван Семеныч Великатов, очень богатый помещик, отставной кавалерист, владелец отлично устроенных имений и заводов, притом сам устроивший имение, которое папенька оставил ему разоренным, человек практического ума, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам. И купечество, надо полагать, идет ему навстречу. Когда Великатов хочет купить бенефис Негиной, а последняя сомневается, боится, не смеются ли над ней, не желает брать подарка в виде дорогой цены за бенефис, то молодой купчик Вася, успокаивая ее, замечает, что «уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет». Конечно, вполне естественно предположить, что ярмарочные деятели сближались с Великатовым и ему подобными лицами не только на почве бенефиса провинциальной артистки, хотя бы и знаменитой, но и более крупных и чисто деловых предприятий.

На ряду с Великатовым выдвигаются теперь на первый план Кнуровы, «из крупных дельцов последнего времени («Бесприданница» 1879 г.), Вожеватовы, эти будущие Кнуровы. Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы, по костюму европеец; так характеризуется он в авторской ремарке. А буфетчик Гаврило так отзывается о нем: «Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается, а в лета войдет, такой же идол будет». Такой же, т.-е. как и Кнуров. К этой же группе можно отнести и помещика Беркутова («Волки и овцы» 1875 г.), одного из тех дельцов, которые присасываются к общественному пирогу, при содействии спасаемых ими помещиц Мур-

завецких пробираются в земства, забирают в свои руки весь уезд, в котором находятся их имения, и правят там почти самовластно, не забывая при этом построить и винокуренный завод у себя в имении.

Должно сделать еще одно замечание относительно всей этой группы. Между ними нет большой классовой разницы, и если бы автор не указывал в ремарках их социального положения, то читатель нередко и не знал бы, куда, к какому классу причислить то или другое действующее лицо. Так, напр.,если бы о Великатове не было сказано, что он отставной кавалерист, то легко можно было бы его отнести к представителям крупного купечества, а Кнурова, наоборот,—к дворянскому помещичьему классу. Так стерлись грани между этими двумя сословиями и создался новый класс,—буржуазия в современном смысле этого слова.

Вот тот сдвиг, происшедший в русском обществе, та глубокая в нем перемена, которые можно установить на основании произведений Островского, кажется, ранее других писателей отметившего в своих пьесах это социальное явление первостепенной важности.

IV.

Мне остается коснуться еще нескольких частностей нашего вопроса.

Вернемся к комедии «Не все коту масленица». Выше было указано, что в этой пьесе Островский отметил факт перехода имений из рук дворян к другим сословиям. Но названная комедия, с точки зрения изучаемого вопроса, интересна не только одной указанной подробностью. Личность главного ее персонажа Ахова любопытна и в других отношениях.

Чуть ли не впервые здесь отмечено горделивое признание силы капитала. «Ведь богатство-то чем лестно?—говорит Ахов Кругловой.—Вот чем: что захотел, что задумал только,—все твое...» «коли вся жизнь-то... может, не одной даже сотни людей в ваших руках, так как нам собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенького хочется... А что уж про тех, кому и вовсе-то есть нечего. Ой, за́ дешево людей покупали, ой, за́ дешево! Поверишь ли, иногда даже жалко самому станет». На замечание же Кругловой: «Что капиталом-то гордиться!»—он отвечает: «А то чем же? (Со вздохом.) Сила, Федосевна, сила!»

Кстати упомянуть здесь Курослепова («Горячее сердце»), который видит честь только в том, что: «нажил капитал,—вот тебе и честь, что больше капиталу, то больше и чести».

Приведу еще маленький отрывок из диалога Кнурова с Вожеватовым.

«Кнуров.—Да, с деньгами можно дела делать, можно. (С улыбкой.) Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов.—Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров.—Знаю, Василий Данилыч, знаю».

Вот три различных образчика выражения сознания силы капитала,—сознания, присущего представителям купечества и вообще буржуазии.

Один из критиков А. Н. Островского, Д. А. Коропчевский, вскоре после смерти драматурга посвятил ему большой этюд под заглавием: «Бытописатель денежной силы» («Дело» 1886 г. № 2, отд. II, стр. 70—85; № 3, отд. II, стр. 1—54), где на основании произведений Островского чрезвычайно полно очерчена власть капитала в жизни разных сословий. Мне нет надобности подробно останавливаться на этом пункте: моя задача иная, и я отсылаю интересующихся к названной статье.

Необходимо только сказать еще, что в этой же комедии «Не все коту масленица» подчиненный Ахова, его племянник Ипполит, заведующий у того всеми делами, «мученик,—по словам Феоны,—страстотерпец: один за всех дело делает, покою не знает, а кроме брани, себе ничего не видит»,—впервые задумывает вступить в борьбу с своим хозяином, побуждаемый к этому любимой девушкой, будущей его невестой, и ее матерью. И раньше Островский отмечал, что сила хозяев заключалась именно в этой экономической зависимости от них их приказчиков. Еще в «Грозе» драматург показал нам это, с одной стороны, в лице Бориса, с другой—в лице Кудряша. Борис находится в полной зависимости от Дикого, с которым может справиться только Кабаниха, экономически совершенно от него не зависящая. Когда он вздумал было прикрикнуть на нее, она резко обрывает его: «Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога! Ступай своей дорогой, куда шел»... Характерны слова «подешевле» и «дорога», ясно указывающие на чисто материальную сторону дела. Вполне естественно, что Борис, все благосостояние которого в руках Дикого, не смеет возвысить против него голоса, боясь, что тот не выплатит ему должной части наследства. Другое дело—Кудряш. Этот прекрасно понимает, что он нужен Дикому, что тот без него обойтись не может, и потому он, Кудряш, совершенно не боится своего хозяина и не молчит перед ним, а на его ругань отвечает тоже бранью. Но этим дело тогда и ограничивалось. Разве еще в отсутствии Дикого выскажет Кудряш сожаление, что у того нет дочерей, так как он, Кудряш, «больно лих на девок-то». Теперь Ипполит вступает уже в своего рода борьбу с своим хозяином, чтобы получить с него заработанные им деньги, прибегая, правда, только к «игре ума», т.-е. попросту обманывая Ахова и запугивая его мнимым решением покончить с собой. Интересен также тот факт, свидетельствующий о том, что у последних твердо укоренилось сознание необходимости борьбы с такими людьми, как Ахов, потому что иным путем от них не добьешься ничего. «Жалованья просить скоро будешь?» спрашивает Ипполита Круглова мать. «Как его просить,—отвечает тот,—коли и заикаться не велели. Вот что дальше будет, посмотрю».—«И дальше то же будет, коли зевать будешь, — замечает Круглова. — Приставай к горлу,—вот и все тут».

В параллель к этому персонажу можно вспомнить еще Платона Зыбкина («Правда хорошо, а счастье лучше») с его манерой открыто и безбоязненно говорить правду в глаза хозяину Амосу Панфилычу Барабошеву, всячески над ним издевающемуся вместе со своим главным приказчиком Мухоровым и своей маменькой Маврой Тарасовной, этой Каба-

нихой нового образца. «Твои «нынче и завтра»,—говорит она своей внучке Поликсене,—для меня все равно, что ничего; для меня резонов нет. Меня не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно». Но все это открытое и безбоязненное высказывание правды, собственно говоря, не играет никакой роли в смысле достижения практических результатов. «Игра ума», примененная Ипполитом, была в этом отношении действительнее. Платону же Зыбкину только счастливая случайность—появление на сцене Силы Ерофеича Грознова помогло одержать верх над своими мучителями, так как иначе наплакался бы он с своей правдой, по меткому замечанию самой Мавры Тарасовны Барабошевой.

Однако, то обстоятельство, что Платон Зыбкин уже безбоязненно может говорить правду прямо в лицо своим угнетателям, до некоторой степени знаменательно. Знаменательно же оно не столько само по себе, сколько по тому, как относятся к словам и поступкам Платона его «благодетели». Всего яснее выражено это в последнем монологе Платона в III действии, когда, всячески ошельмованный, он перед своим уходом благодарит своих хозяев: «Вы разговору моему не препятствуете? И за это я вас благодарить должен. Все вы у меня отняли и убили меня совсем, но только из-под политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Уж на что́ еще учтивее и политичнее: дочь-девушку, богатую невесту, при себе целовать позволяете! И кому же? Ничтожному человеку, прогнанному приказчику! Ах, благодетели, благодетели мои! Замучить-то вы и ее и меня замучите, высушите, в гроб вгоните, да все-таки учтиво, а не попрежнему. Значит, наше взяло! Ура!! Вот оно—правду-то вам говорить почаще, вот! Как вы много против прежнего образованнее стали! А коли учить вас хорошенько, так вы, пожалуй, скоро и совсем на людей похожи будете».

Еще интереснее реприманд, выпавший на долю Ахова. «Как жить? Как жить?» в недоумении спрашивает он, когда Круглова отказывается отдать дочь свою на позорище. «Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! Дядя говорит: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищий, хоть за деньги! Не хочу. Умереть уж лучше, поскорей, за́годя. Все равно ведь; разве свет-то на таких порядках долго простоит? А как отцы-то жили! Куда они делись, те порядки, старые, крепкие? Разврат, что ли, в мире пошел? Так его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бес, что ли, какой промежду людьми ходит да смущает их? Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?»—«Оттого, Ермил Зотыч,—отвечает ему Круглова,— ...что не все коту масленица, бывает и великий пост».

Как видим, некоторого рода сдвиг произошел не только в среде купечества, в среде обладателей капитала, но и в среде лиц, ему подвластных, понявших, что без борьбы с первыми, без приставания к горлу от них ничего не получишь. Конечно, было бы нелепо обвинять Островского, что в своих пьесах он не указал никаких других средств этой борьбы, кроме «игры ума» да открытого высказывания правды. Большего ничего и

нельзя требовать, принимая во внимание объективные условия того времени и, конечно, воззрения самого автора.

Резюмируем вкратце все сказанное, но предварительно сделаем одно замечание. Я не имел в виду всецело исчерпать данную тему в смысле приведения всех цитат из Островского и анализа всех фактов, встречающихся в его пьесах и относящихся к нашей теме. Моей задачей было наметить те стороны данного вопроса, которые затронуты нашим драматургом. В этом случае все наблюдения можно свести к следующим положениям.

А. Н. Островский один из первых коснулся в своих пьесах вопроса об оскудении дворянства и упадке этого класса, выразившемся, между прочим, в переходе дворянских имений в руки других сословий. В целом ряде типов драматург выяснил и причины этого оскудения, а также попытки данного класса поправить свои финансовые обстоятельства, на первых порах приведшие его к сближению с приходившим ему на смену купечеством, с которым дворянство начало заключать брачные союзы. В дальнейшем дворянство само стало на путь торгово-промышленных предприятий, теряя свои классовые дворянские особенности, объединяясь с богатым купечеством, и вместе с ним составляя новый класс, буржуазию в современном смысле этого слова. Касался Островский в своих пьесах и власти капитала, не только обрисовывая ее проявление в жизни лиц, подвластных капиталу, но и отмечая осознание этой власти у его обладателей. Что касается лиц, так или иначе зависящих от капитала, то Островский отметил возникновение у них сознания необходимости вступления в борьбу с капиталистами, и если драматург не предлагал никих мер для этой борьбы, кроме «игры ума» и открытого высказывания правды, то означенный факт объясняется и объективными условиями того времени и воззрениями самого драматурга. А. Н. Островский был одним из первых писателей, отразившим в своих произведениях отмеченный социальный процесс, можно сказать, в самом его зародыше.

НА ТОМ БЕРЕГУ.

I. РАЗМЫШЛЕНИЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА. — Г. Сандомирский. II. БУРЖУАЗНЫЙ ПАЦИФИЗМ И КОНГРЕСС МИРА В ГААГЕ. — М. Павлович.

I. РАЗМЫШЛЕНИЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА.

(П. Бурже и К. Набоков о русской революции [1]).

Герм. Сандомирский.

I.

Мы не сомневаемся, что самое сопоставление имен заштатного русского дипломата (одного из даровитейших представителей русской кадетской, ныне тоже заштатной, партии) и почтенного maître'а из навеки закостеневшей французской академии, вызовет живейшее недоумение у читателя. И, тем не менее, отказаться от этого сопоставления нам было бы очень трудно, так как делаем мы его ради определенной цели. Уже давно обращают на себя внимание литературные упражнения наших бывших государственных людей и отставных царских дипломатов на столбцах иностранной печати,—имена Извольского, Сазонова, Набокова и даже Алексинского так и пестрят на каждой цветной обложке заграничных «магазинов». Умный завет о карете прошлого, в которой далеко не уедешь, давно забыт нашими соотечественниками, и они заполняют своими мемуарами изрядную часть иностранной печати. Разумеется, эти мемуары, по большей части, пишутся ad hoc, со специальной целью очернения русской революции, ее главнейших деятелей и русских революционных масс. Они насквозь пропитаны вполне естественным озлоблением людей, потерявших с революцией все, что у них было—свои усадьбы, фабрики, банки, родовые привилегии,—людей, все теперешнее прозябание которых превратилось в одну «грустную историю». За последнее время к соотечественникам нашим начинают присоединяться и более или менее знатные иностранцы, к счастью или несчастью своему, имевшие возможность «жить и работать» в России. Один уже бывший французский посланник в Пе-

[1]) *Paul Bourgel.* Psychologie des révolutions. («La Revue Universelle», 1 Févr. 1923).

«Why Russian statesmanship failed»,—by *C. Nabokoff.* («The Contemporary Review», Febr. 1923).

тербурге г. Морис Палеолог грозит создать на столбцах «Revue des Deux Mondes» целый цикл своей литературы о России и русской революции. В этом журнале долгое время печатались его общие мемуары о пребывании в России, выпущенные на русском языке, в настоящее же время, начиная со второй январской книжки, печатаются воспоминания Палеолога, относящиеся к «трагическому роману Александра II» (с его морганатической супругой, кн. Юрьевской).

Отличаются ли чем-либо существенным мемуары наших отставных государственных деятелей, переживших самое революцию в России, от писаний маститых иностранцев, по старой традиции судящих о России и русской революции, по большей части, с птичьего «дуазо»? Почти ничем! Разумеется, некоторое различие нюансов есть, но лейтмотив один и тот же. И тем и другим одинакова чужда Россия, одинаково (пусть по разным личным мотивам!) ненавистна русская революция, одинаково враждебны трудящиеся массы, свергшие с пьедестала своих хозяев и их порою медоточивых, порою откровенно циничных идеологов и бардов. Невольно приходит на память пушкинское:

...Ревет ли зверь в лесу глухом,
. . . . . .
Поет ли дева за холмом...

Ревет ли Марков II в заграничном логове своем о засильи жидов, «распявших Россию», выводит ли отставной кадетский лидер грустные рулады на тему о попранной «закономерности», нашептывает ли зарубежная белая демократия о прелестях всеобщего голосования и призрачных свободах, на их же глазах приведших уже Италию к диктатуре фашистов, вспоминает ли блестящий дипломат, порхавший по петербургским паркетам о «сказочной роскоши полувосточного русского двора»,—все это лишь разные перспективы одного и того же надоевшего мотива, голос одного и того же *класса*, отброшенного русской революцией в стан ее бессильных врагов. За всеми ламентациями об оскорбленной морали, о преступном психозе масс, о пошатнувшихся устоях права и справедливости так явственно слышатся злоба и ненависть к черни, осмелившейся подвергнуть суровому анализу все эти абсолютные идеалистические ценности, отнять у певцов права и морали теплый угол, безгрешные доходы и беспечальное житье... Самое любопытное во всех рацеях этих господ,—это то, что, разоблачая психическую «паранойю» восставших революционных масс, они не замечают (да, верно, и не могут заметить) острого психоза, разъевшего за эти 5 лет их собственные мозги. У старых дев, кокетливо примеряющих в течение десятков лет перед давно потускневшим зеркалом одну и ту же шляпу, должно-быть, та же психология, что и у составителей этих мемуаров и обвинительных актов против русской революции. И те и другие проникнуты все той же счастливой уверенностью, *что время ради них может остановиться*.

Эта уверенность, постепенно принимающая явно маниакальный характер, делает бесполезным и скучным всякие споры с ними. С больными не полемизируют, но их интересно и полезно бывает описывать.

Что сказать, например, о никогда неупывающем г. Алексинском, который и по сей день продолжает подписывать свои статьи «Член 2-ой Государственной Думы»,—точно, на самом деле, после этой 2-ой Думы ровно ничего в России не произошло,—и сам он, попрежнему шустрый Гриша Алексинский, произносящий свои оппозиционные речи в Думе, а не травленный волк русской контр-революции, посылающий новогодние поздравления «Вождю Русской армии Генералу Врангелю», рядышком с ним сидящему у «разбитого корыта»? О чем же пишет этот неустанный разоблачитель большевиков и их изменнического союза с Вильгельмом, достойный соратник Вл. Льв. Бурцева? На этот раз он счел нужным поведать солидным читателям скучного «Fortnightly Review» (эпитеты, по желанию, можно переставить) об одному ему известных тайных пружинах восточной политики большевиков? Оказывается, что вся эта политика—не что иное, как продолжение разоблаченного им в 1917 г. союза Ленина с Вильгельмом; договор в Раппало ничем существенным не отличается от циммервальдских козней,—тройственный большевистско-германо-турецкий сговор против европейской цивилизации и демократии, блестяще представленный Алексинским, Врангелем и Сорокиным, преблагополучно здравствует. И даже, мало того, самую речь свою на съезде народов Востока Зиновьев произнес под диктовку генерального штаба (несуществующей) германской армии. История, как видите, великодушно предоставляет Алексинскому попрежнему смотреться в свое зеркальце и даже находить себя красивым.

Разница не только в нюансах, но и в стиле между юродивыми выкриками Алексинского и блестяще-завитыми периодами «бессмертного» Поля Бурже, знаменитого знатока женской души и физиологии, неожиданно обратившегося к исследованиям русской революции,—разумеется, есть, хотя сущность их ламентаций на тему о взбунтовавшемся хаме, конечно, одна и та же.

Поводом, заставившим маститого академика обратить свое неблагосклонное внимание на русскую революцию, явились закончившиеся теперь печатанием в «Revue Universelle» записки княгини Палей, морганатической вдовы великого князя Павла Александровича, в которых она рассказывает о своей жизни в России в период 1916—1919 гг. Разумеется, личная драма княгини Палей, в конечном счете, мало трогает изящного академика. В своей статье он ей почти не уделяет совершенно места. Бурже бросает лишь мимоходом несколько небрежных слов о гостеприимном особняке княгини в одном из аристократических углов Парижа, который, еще накануне наступления ненавистной русской революции, так часто бывал местом очаровательных causeries и встреч для избранных представителей фешенебельного, космополитического Парижа. Личные переживания кн. Палей дают этому завзятому врагу всяких революций только удобный повод обрушиться на русскую революцию,—впрочем, не только на русскую, но и на французскую 1789—93 гг. В своем обвинительном резюме, направленном против обеих революций, П. Бурже

краток и, надо ему отдать справедливость, прямолинеен до конца. Всякая революция представляется ему результатом массового умопомешательства, охватывающего народ; выражаясь более научно, всякая революция — не что иное, как «коллективный психоз». Вот почему, — все они одинаково вредны и достойны одинакового осуждения. Бурже категорически отрицает всякую созидательную роль за революцией,—даже тогда, когда, покончив с разрушением, она вступает в последующую фазу творческой работы. Невежественные историки любят приписывать участникам Великой французской революции большие заслуги в деле последующего возрождения страны, которую они якобы спасли от разрухи и застоя. Бурже считает это утверждение величайшей ложью. Эта заслуга, по мнению бессмертного Бурже, принадлежит, на самом деле, целительным силам... природы (natura medicatrix); эти живительные силы естественным путем залечивают страшные раны, наносимые стране революцией, и мудро используют для возрождения страны все то, что революционеры не успели подвергнуть дьявольскому разрушению.

Из всех тяжких грехов революции перед академиками, профессорами, удалившимися на покой, а иногда и в лучший мир, королями, царями, сановниками, помещиками и банкирами,—каков, однако, величайший,—тот, «губительные последствия которого мы чувствуем на своей спине до сих пор»?

С отмеченной выше прямолинейностью и, в похвальную противоположность всем розовым социалистам и медоточивым сторонникам нашей «российской общественности», все еще пытающимся найти себе уютное место между молотом революции и наковальней реакции, Бурже говорит: «*Благодаря революции, священный принцип собственности потерял свою силу*».

А вместе с этим принципом, как известно, катится под гору весь воз буржуазной цивилизации со всеми ее драгоценными атрибутами: внеклассовой гуманностью, любовью «ко всему человечеству», демократическими свободами и... безудержной эксплуатацией трудящихся.

В другом месте ученый академик дает в выражениях, которые в изящных салонах допустимы лишь по адресу плебса, еще более красочное определение революции: «Это—разбойничье предприятие, затеваемое простофилями, осуществляемое интриганами и используемое злодеями». И все же он вынужден признать, что для того, чтобы «разбойничье предприятие» могло одержать успех, налицо необходимы два предварительных условия:

1) Носитель высшей власти в государстве должен оказаться слишком мягким.

2) Власть должна оказаться дискредитированной в широких народных массах при помощи *правдоподобной клеветы*.

Бурже признает, что не только первое, но и второе из перечисленных условий были налицо и во Франции и в России. Автор вообще сторонник крайней аналогии между французской революцией 89 г. и февральской революцией 1917 г. (Октябрь его интересует сравнительно

меньше,—это только следующая глава все той же книги. «Всегда и везде Керенские неизбежно порождают на свет Лениных, как Вернио готовят пришествие Робеспьеров»).

Людовик XVI стоит Николая II. Не станем оспаривать «доброты и мягкости» обоих,—Бурже считает это общепризнанной истиной. Оба они проникнуты глубоким религиозным чувством. Их жены? Знаменитый процесс об ожерелье королевы стоит, по мнению Бурже, распутиниады, которую он объясняет только как излишнее доверие, оказанное доброй русской императрицей «святому» проходимцу. Арест кардинала Рогана произвел такое же впечатление во Франции, как в России убийство Распутина. В обоих случаях врагам монархии, ковавшим измену против своих повелителей, эти события непосредственно сыграли на руку.

Дойдя до этого места, Бурже жестоко обрушивается на русских либералов, приложивших все усилия к тому, чтобы дать вспыхнуть революции. Именно, они, эти ученые и либерально-настроенные профессора (в их числе, конечно, и Набоков), в преступном сообществе с врагами родины подготовили все необходимые предпосылки для наступившего «коллективного психоза». В лице кн. Палей Поль Бурже находит себе полную единомышленницу. «Эти безумцы-кадеты,—жалуются в один голос кн. Палей и П. Бурже,—потребовали либеральных реформ в то самое время, когда продовольственное дело в Петербурге находилось в самом критическом положении». Впрочем, поступая так, они выполняли лишь часть обычной программы революционеров всех времен и народов. Разве не так же поступали «профессора» Конституанты, употребившие сентябрь 1789 г. на рассуждения о тех или иных проектах конституции. Восстание уже было в воздухе,—а они занимались вопросами о том, будет ли одна или две Палаты? Получит ли король право veto и в каком объеме? Профессора дебатируют и голосуют, а смертельное дыхание голода уже нависло над Парижем. Разразились октябрьские дни...

В России все происходило по тому же трафарету. Оба салонных исследователя февральской революции отказываются верить в то, что главной причиной, вызвавшей революцию 1917 г., была война, усталость и недовольство народных масс. То недовольство, которое вылилось в мятеж, было искусственно вызвано врагами царя. «Внести разруху в транспорт, вызвать непомерное вздорожание жизни, довести до минимума производительность труда»,—таков обычный рецепт всех революций. Он был применен и в России.

Бурже выражает уверенность, что кадетские профессора, преступно-попустительствовавшие разнузданной революционной черни, теперь со вздохом вспоминают эти строки г-жи Ролан, написанные ею, накануне казни, одному из своих единомышленников: «Мы погибнем все, друг мой... В прекрасные дни революции невозможно было предвидеть такое жестокое будущее».

А между тем все ужасы этих страшных дней революции (которые только безумцы могут называть прекрасными!) можно было и во Франции и в России избежать, по мнению Бурже, весьма легко. И здесь ученый

академик устанавливает поразительную аналогию между положением обеих стран накануне разразившейся революции. Тысячу раз были, по его мнению, правы те приближенные Людовика XVI, которые советовали ему применить крутые военные меры или, как он образно выражается, «сесть на белого коня». В своих записках кн. Палей рассказывает о каком-то верноподданном Иванове, письмоводителе у нотариуса, с которым она встречалась в одном из благотворительных учреждений военного времени, вздыхавшем все по том же «белом коне». Если бы царь согласился вернуться из ставки, причитал этот новоявленный Сусанин из нотариальной конторы в беседе с вел. кн. Павлом Александровичем, «сел бы на белого коня и совершил бы триумфальный въезд в северную столицу,—все еще могло бы быть спасено».

Но таковы властные веления истории—ни Людовик XVI, ни Николай II этих советов не послушали. Слабохарактерный царь мечтал о священном единении с народом в целях доведения войны до победного конца, в то самое время, как измена была уже у ворот его дворца.

Наступил февраль, затем—октябрь. «Коллективный психоз», охвативший русский народ, потряс все вековые устои. Даже Бурже не может не признать всей мерзости царских порядков. Но все преступления царского режима, по его мнению, бледнеют перед деяниями, порожденными февральской и октябрьской революциями, «опрокинувшими великолепное здание, возведенное Петром Великим и его преемниками».

Какой же урок, по мнению ученого академика, можно извлечь из опыта русской революции?

Этот урок для него ясен.

Революция губит всякую страну, в которой она зарождается. Из опыта русской революции все европейские народы должны сделать для себя чисто-эгоистический вывод—о той гибельной опасности, которую несет с собой для Европы этот опыт. Но если легкомысленная Европа, балансирующая на краю бездны, не захочет услышать этого урока,—пусть им воспользуется Франция,—эта цитадель мировой реакции наших дней.

Мы же, читая высокопарные суждения П. Бурже о русской революции, невольно извлекаем другой урок. Ненависть Бурже—голая и безусловная—ко всякой революции так сильна; его попытки доказать, что реакция и есть период настоящего прогресса, в то время, как революция способна лишь принести с собой застой и развал, аргументируются столь невежественным способом, что отныне печальной памяти отечественный Иловайский может смело считаться превзойденным. Худший враг возрождающейся французской буржуазии не мог бы придумать более злой карикатуры на ее идеологов и присяжных бардов, слагающих гимны во славу «самого святого принципа частной собственности». Рассуждение Бурже—лишнее доказательство того, что в наше время реакция не может остановиться *на полдороге*. Бурже—логическое завершение чаяний и устремлений той буржуазной интеллигенции, которая под лживыми лозунгами давно дискредитировавшей себя демократии ведет бешеную борьбу против социальной революции.

Обанкротившаяся демократия, на заре своей юности почти граничившая с социализмом, а теперь описавшая полукруг в 180° в сторону международного фашизма,—таково резюме бешеной кампании, ведущейся на Западе против русской революции соединенными усилиями нашей эмиграции и махровых представителей европейской реакции.

Лощенный, энглизированный statesman из разряда николаевской «оппозиции его величества» и влиятельный кадетский лидер К. Набоков, анализируя «причину гибели русского государства» (так озаглавлена его статья), приходит к убеждению, что оно погибло из-за отсутствия способных государственных деятелей. Славянство завоевало себе почетное место в области литературы и искусства, но по количеству даровитых государственных деятелей занимает последнее место в ряду остальных европейских народов. Это положение, кажущееся ему бесспорным, Набоков иллюстрирует на России.

«В самом деле,—с горечью восклицает он,—где наши Вашингтоны, Джефферсоны Питты, Гладстоны, Ришелье и Бисмарки? Кто из русских—со времен Петра Великого—мог бы претендовать на равное место с ними? Сперанский, председатель совета министров при Александре I, организатор русской бюрократической машины, существовавшей вплоть до марта 1917 г., и Витте,—вот два человека, деятельность которых может итти в сравнение с выдающимися государственными людьми Европы и Америки».

Набоков довольно зло бичует раболепие русских сановников, обладавших исключительной способностью к политической мимикрии. При Александре II, в период его либеральных реформ, большинство из них было либералами,—но с тем, однако, чтобы их либерализм не шел дальше *царского*. Когда, после убийства Александра II, в царствование его сына наступила злейшая реакция, большинство из них, ни минуты не колеблясь, превратилось в отъявленных монархистов. Один только С. Ю. Витте—из современников Набокова—представляется ему государственным деятелем, ведшим свою самостоятельную линию. Но и он не давал того России, что мог, по мнению Набокова, дать—именно из-за давления, оказывавшегося на него царем. Набоков, служивший, как известно, по министерству иностранных дел, был одним из участников Портсмутской конференции, где находился в близких деловых сношениях с Витте и мог наблюдать всю его деятельность. Если верить фактам, приводимым Набоковым и относящимся до взаимоотношений Витте и царя во время Портсмутской конференции, нетрудно убедиться в том, что пресловутая «слабохарактерность» Николая II, на которой так настаивает в своих рассуждениях Бурже,—окажется мифом. Напротив,—в Портсмуте Витте, по выражению Набокова, пришлось сражаться на два фронта. С одной стороны, ему приходилось бороться с необычайно изворотливыми и настойчивыми японскими дипломатами; с другой—его бомбардировали грозными телеграммами ультимативного характера царь и приближенная к нему военная клика.

Набоков рассказывает о том, что перед самым окончанием переговоров, когда японцы приняли последний ультиматум, посланный им русской делегацией с ведома и санкции царя,—Витте получил от Николая II шифрованную телеграмму, содержание которой сводилось к необходимости немедленно прервать переговоры. Но Витте сохранил твердость и, отправляясь на заключительное заседание конференции, продиктовал ответную телеграмму царю, в которой он напоминал ему, что ультиматум был послан японцам с одобрения Николая и, если японцы примут его, для дальнейшего отступления русским не остается пути.

В другом месте Набоков дает ключ к пониманию столь противоречивого поведения «высших сфер». Дело в том, что военспецы того времени неустанно уверяли царя в том, что Япония находится накануне полного истощения, и если Россия затянет войну еще на несколько месяцев, военный успех будет на ее стороне. Но, с другой стороны, Витте (а с ним и Набоков) был убежден в том, что, если бы война продлилась еще хотя бы 6 месяцев, революция 1905 г. разразилась бы в такой форме и таких размерах, что подавить ее было бы невозможно. Таким образом, эту заслугу Витте перед Россией Набоков считает несомненной: подписанием Портсмутского договора он задержал развитие русской революции на целых 12 лет.

К сожалению, мы не имеем возможности, не отклоняясь от нашей темы, останавливаться дольше на перечислении всех достоинств Витте, содержащихся в набоковском дифирамбе. Отметим, с его слов, недостатки этого «единственного государственного деятеля России за последние шестьдесят лет». Главнейший из них заключается в том, что Витте не шел навстречу либералам; мало того, он отпугивал их, выдавая себя всегда за «покорного его величества слугу». Набоков, однако, старается реабилитировать Витте от собственной характеристики, данной им самому себе—и заверяет, что «Витте служил не царю, а России». Второй недостаток даровитого премьера заключался в том, что он «не понимал истинного духа русских народных масс. Западно-европейский государственный деятель калибра Витте, несомненно, уловил бы этот дух».

Как мы видим, из числа исключительных достоинств этого единственного русского сановника выпадает главное: понимание духа народных масс. В этих условиях дифирамб, пропетый ему либералом Набоковым, становится еще менее понятным [1]).

Впрочем, Набокову можно многое простить в его статье за ту великолепную галлерею типов из числа руководителей министерства иностранных дел, которую дает этот оппозиционно-настроенный чиновник. К руководству министерством иностранных дел в царской России, по его словам, всегда привлекалась отъявленная *бездарь*. Такова была освященная

[1]) Кстати, о появившихся в свет мемуарах Витте Набоков говорит, что они не могут служить удовлетворительным материалом для оценки его личности и деятельности. Дело в том, что в их основу положены, главным образом, материалы, собранные Витте в 1906 г., после его отставки, — когда он впал в состояние озлобления и депрессии. *Г. С.*

у нас долгими десятилетиями традиция; дипломатия—удел знати, золотой молодежи, маменькиных сынков. К сожалению, мы вынуждены ограничиться лишь двумя-тремя едкими характеристиками, заимствуемыми у Набокова. О министре Гирсе (он занимал этот пост к моменту вступления на престол Николая II) его преемник кн. Лобанов-Ростовский отозвался так: «Il est resté toute sa vie consul général» (дело в том, что Гирс раньше был нашим генеральным консулом в Бухаресте). Феноменальную беспечность и гомерическое невежество на посту министра иностранных дел проявил гр. Муравьев, переведенный на этот пост с должности российского посла в Копенгагене. Набоков рассказывает, что для остальных членов совета министров не было лучшего развлечения, чем выслушивать на своих заседаниях детски-наивные суждения этого министра о государственных делах. Он никогда почти не просматривал докладов, ежедневно посылавшихся царю из министерства. По средам у Муравьева бывал на приеме дипломатический корпус. Обычно, за час до приема, товарищ министра Ламздорф запирался с ним в кабинете,—и здесь объяснял Муравьеву, что̀ ему нужно сказать на сегодняшнем приеме тому или иному дипломату. Каков же был ужас Ламздорфа, когда ему однажды стало известно, что Муравьев, не запомнив, как следует преподанного ему урока, сказал *французскому* посланнику то, что нужно было сказать *германскому*,—и наоборот?!

Самым неожиданным образом для одного из этой славной плеяды, а именно, для гр. Ламздорфа, в палитре Набокова нашлись нежнейшие краски. Он возмущен плохими отзывами о Ламздорфе, данными Витте, Извольским и бароном Розеном. Но разве не из кадетских, набоковских кругов шел в свое время рассказ о том, что благорасположение Николая и портфель министра иностранных дел бравый граф заслужил только тем, что прославился уменьем готовить прекрасные шашлыки на царских охотничьих пикниках?

«Время сглаживает многое»,—особенно легко ему было затушевать ту небольшую щель, которая только на время думского периода образовалась между кадетами и монархистами. В самом деле, почему Набоков ни разу с думской кафедры не обмолвился и словом о достоинствах этого министра—не столько иностранных, сколько шашлычных дел? То было время голой борьбы за власть между кадетами и монархистами. Теперь, когда они уселись рядышком у разбитого корыта, они начинают проявлять больше «объективности» во взаимных отношениях. Так, Набоков идеализирует слепую преданность Ламздорфа монарху, глухо говорит о какой-то личной своей благодарности бывшему министру и подчеркивает, что Ламздорф не раз проявлял больше дальновидности в политических делах, чем сам Витте Портсмутский. Ламздорф, например, лучше Витте предвидел, до наступления русско-японской войны, что политика царя приведет к вооруженному конфликту,—о чем не раз предупреждал царя, но безуспешно.

За всем тем, по мнению Набокова, конечно, и Ламздорф не принадлежал к числу тех деятелей, которые могли спасти Россию от катастрофы

Спасти ее были призваны *кадеты*,—те самые профессора, всегда, в момент возникновения революции, рассуждающие в парламентах и своих уютных кабинетах о преимуществах той или иной системы избирательного права, до той самой минуты, пока революция с улицы не ворвется и в парламент, и в кабинеты,—и не прогонит их в Кобленц или Белград; те самые либеральные болтуны, которые, по мнению Бурже, некогда погубили Францию, теперь—Россию своим преступным попустительством «коллективному психозу революции».

Вряд ли даже Набоков считает своих читателей настолько наивными, чтобы они могли верить в спасение России путем замены Ламздорфа Милюковым. Либеральные «болтуны» французской революции проявили гораздо больше энергии и жизнеспособности, чем наши отечественные Мирабо, сдавшие власть спустя несколько месяцев. Ведь и кадеты дали не Джефферсона и не Питта, от отсутствия которых погибла Россия, а человека с чеховской фамилией—Терещенко. Велик ли, даже с точки зрения Набокова, грех Октябрьской революции в том, что она прогнала этого юного и хорошо упитанного сахарозаводчика с поста руководителя нашей иностранной политики? И не от того, конечно, погибла царская и керенская Россия, что земля наша не может «собственных Невтонов» рождать. Прошедший школу Витте—Муравьева—Ламздорфа Конс Набоков и до мозга костей своих энглизированный statesman П. Милюков—чего же лучше? Кого еще искать? Это ли не Питты? Отчего же не сумели они спасти все те картонные постройки из «демократических свобод», которые рухнули при первом дуновении октябрьского вихря?

Когда революция врывается с улицы в парламенты и уютные кабинеты, ученые люди исчезают с отечественного горизонта — и только где-нибудь, на чужбине, в Кобленце или Белграде, скрипят их злые перья, строча пасквили на ненавистный им плебс, осмелившийся усомниться в их удобных теориях. И у них никогда не находится умного ответа на волнующие мир вопросы современности. Так не нашлось этого ответа и у Набокова. Под конец, меланхолически цитируя пушкинское:

> Славянские ль ручьи сольются в русском море,—
> Оно ль иссякнет?—вот вопрос...

Набоков готов совсем похоронить Россию, уверяя, что «при нынешнем ее положении, вторая часть этой альтернативы представляется гораздо более правдоподобной». Это оттого, что Россия не родила Вашингтонов до появления на политическую арену Милюковых, Набоковых,—а когда они появились, наотрез отказалась от их услуг.

Цитируя пушкинскую оду, не следует забывать, что она была адресована поэтом—«Клеветникам России»,—особенно, не следовало бы забывать об этом ученому государствоведу Набокову.

II. БУРЖУАЗНЫЙ ПАЦИФИЗМ И КОНГРЕСС МИРА В ГААГЕ.

Блиох. Будущая война. *Норман Анджел.* Великая ошибка (The great illusion). *Нитти.* Европа без мира. *J. Caillaux.* Où và la France. Où va l'Europe. (Куда идет Франция. Куда идет Европа). *Эстурнель де Констан.* Близкая опасность. Европа и ее соперники. *Мещеряков. Конгресс мира в Гааге и опасность войны,* стр. 31, издат. «Красная Новь». Москва, 1923.

Мих. Павлович.

Уже до мировой войны мы имели обширнейшую пацифистскую литературу и целый ряд периодических органов, посвященных описанию ужасов будущей войны и опасности, связанной с последней *именно для господствующих классов.* Вспомним такие книги, как многотомное произведение варшавского банкира Блиоха «Будущая война» и ряд брошюр, написанных им же против войны, далее знаменитую книгу Нормана Анджела «Великая ошибка» и всю ту пацифистскую пропаганду, которую вели Эстурнель де Констан, Фредерики Пасси и сотни других виднейших буржуазных писателей и государственных деятелей. Мы уже цитировали тов. Лозовского, отметившего возникновение многочисленных пацифистских организаций в результате мировой войны. Что̀ лежало прежде и что̀ лежит теперь в основе пацифистского движения?

Деятели пацифизма никогда не выступали в роли мучеников идеи, мечтателей о всесветном мире. В большинстве случаев это спокойные положительные, деловитые люди. Когда Эстурнель де Констан развивал уже в 1896 г. в статье, напечатанной в «Revue des Deux Mondes», tome CXXXI (Le péril prochain. L'Europe et ses rivaux—Близкая опасность. Европа и ее соперники), идеи пацифизма, он доказывал опасностью вооруженного мира и в особенности войны между европейскими государствами, возможностью глубоких социальных и экономических потрясений в самой Европе в результате создавшегося положения; он противопоставлял Европе три континента: *Америку,* Австралию и Азию, и указывал на страшную экономическую конкуренцию, которой С. Штаты, Япония и возрождающийся Китай грозят в недалеком будущем европейским фабрикам и заводам, ее земледельческому хозяйству, ее металлургической и угольной промышленности. Он высказывал опасение, что рано или поздно, после того, как у *Европы будут отняты ее американские и азиатские рынки, наступит очередь и за африканскими рынками,* которые, в свою очередь, будут вырваны из рук у европейской индустрии. Такими аргументами Эстурнель де Констан доказывал необходимость европейского мира и убеждал господствующие классы и правительства держав европейского континента прекратить, во имя обще-европейских интересов, подпольную или явную борьбу друг против друга и вступить в дружеские отношения между собой. Франко-германское соглашение, прекращение франко-германской распри путем тех или других взаимных

уступок было с самого начала заветной мечтой европейских пацифистов в качестве наиболее действительного средства борьбы *против надвигающейся экономической гегемонии С. Штатов,*—гегемонии, которая теперь в результате мировой войны представляет совершившийся факт.

Впоследствии С. Штаты, а затем и Япония были, в свою очередь, включены в число тех стран, на которые должны распространяться блага «пацифистского мира». В настоящее время идеалом пацифизма является достижение такого международного положения, которое обеспечивало бы державам-победительницам возможность завоевания рынков и насильственного или мирного присоединения тех или других облюбованных территорий без риска крупных войн, которые могли бы вызвать падение или даже обесценение государственных и промышленных бумаг и повести к внутренним потрясениям и социальным катастрофам, опасным для господствующих классов. Для осуществления такого идеального порядка вещей пацифисты считают необходимым добиться соглашения между державами-победительницами по всем спорным и конфликтным вопросам международной политики. Пусть Германия, говорили пацифисты накануне войны, сделает известные уступки России в Турецкой Армении, а Россия признает законными германские притязания в областях, лежащих по обе стороны Великого Багдадского пути; пусть Франция, Германия, Англия придут к полюбовному соглашению относительно Сирии и Палестины; пусть миролюбивым и выработанным во всех деталях, не подлежавших никаким кривотолкам, договором будет разрешен «африканский» вопрос о Катанге, об Анголе, о Занзибаре, о великих африканских рельсовых путях. Пусть вся Срединная империя и весь остальной подлежащий разделу мир будет строго распределен на твердо установленные с мельчайшей точностью отграниченные зоны влияния. Тогда только крупные державы, действуя каждая в предопределенной ей сфере, сумеют продолжать с невиданным до сих пор успехом свою завоевательную политику, без особого напряжения финансовых сил населения, начинающего уже роптать против тяжкого налогового бремени; сумеют продолжать эту завоевательную политику, не опасаясь нападения с тылу со стороны какого-либо могучего соседа и не рискуя вызвать невиданной силы социальный пожар и взрыв, грозящий потрясти до основания устои современного общества. В достижении полюбовного соглашения относительно раздела земного шара между крупными державами заключается вся квинт-эссенция буржуазного пацифизма.

Многие представители господствующих классов Европы ясно предвидели все возможные роковые последствия надвигающейся всеевропейской войны,—войны между крупнейшими державами, в которую, как это было всем очевидно, будут фатально вовлечены и державы второго ранга, и страшились последствий этого грозного конфликта. Вот в каких поразительно сильных выражениях английский министр Винстон Черчилль говорил 29 ноября 1912 г. в момент австро-русских трений о последствиях всеобщей войны, которая, как предсказывал он, может возникнуть в результате обострения австро-русских отношений.

«Никто не может предугадать последствий всеобщей войны. Первоначальная причина этой войны будет забыта посреди новых более важных и более страшных вопросов, которые возникнут в процессе грандиозной схватки. Никто не может угадать, удастся ли хотя одной великой державе избежать катаклизма. Никто не может ручаться, что в результате этого страшного кризиса хотя бы один социальный институт во всей Европе останется целым. *Все может быть ниспровергнуто, и разрушительная работа, произведенная в течение нескольких недель или месяцев, может в такой степени потрясти всю нашу экономическую и социальную жизнь, что мы будем ввергнуты в нищету, мрак и варварство средних веков*».

«Единственная надгробная надпись, которую человечество будет иметь право вырезать на памятнике об этой катастрофе, должна будет заключаться в следующих словах:

«Все это поколение людей внезапно сошло с ума и начало истреблять друг друга».

Не в столь сильных выражениях, но более обстоятельно и определенно, ставя все точки на и, писали о том же вопросе многие другие пацифисты, ясно указывая, что̀ именно более всего страшит их в качестве результата «будущей» войны.

Вот что писал в 1912 г. главный редактор немецкого журнала «Nord und Süd» Людвиг Штейн по поводу неизбежных последствий войны между крупными европейскими государствами:

«Все великие цивилизованные государства нуждаются в внутреннем мире и в внешнем спокойствии, *чтобы справиться с борьбой классов*. Необходимо с помощью всемирной торговли создать рынки для нашей индустрии и путем социального законодательства ослабить неизбежные конфликты между социальными классами, соперничество труда с капиталом. Наша основная задача заключается в установлении социального равновесия между этими двумя силами. Пусть будет нарушен европейский мир и работа десятилетий сведется к нулю. В случае несчастной войны мы увидим революцию со всеми ее ужасами у наших ворот. Европа нуждается в спокойной внешней политике, в мире, основанном на равновесии. Пусть разразится европейская война,—а будущая-война между двумя группами держав, связанными соглашениями и союзами, не может иначе быть, как войной всеевропейской,—и вот *настанет момент «великого» переворота*. Безразлично, называются ли враги современного общества здесь антимилитаристами, там анархистами, в третьем месте как-нибудь иначе. Все эти разрушительные элементы лишь выжидают подходящего момента, чтобы уничтожить нашу цивилизацию, позвоночным хребтом которой служит государство. Все ужасы коммуны и гильотины монтаньяров—ничто в сравнении с разрушительными химическими средствами, коими обладают ныне непримиримые враги общества и государства. Только фантазия ада в духе Брегеля может дать представление о том, что ожидает нашу цивилизацию, когда революционные банды всех стран неожиданно захватят в свои руки власть, пользуясь потрясениями и катастрофами, вызванными европейской войной».

Таковы мрачные перспективы, которые рисовались пацифистам довоенной эпохи, как неизбежный результат грядущей войны. Господство власти над «анархией», имущих классов—над вечно недовольным и бунтующим пролетариатом, господство организованного на военный лад государства, грозно покоющегося на жерлах четырнадцатидюймовых пушек и на остриях штыков, над разрушительными элементами, стремящимися к потрясению и ниспровержению священных основ современного социального правопорядка — с точки зрения пацифистов мыслимо лишь при условии сохранения мира между первоклассными европейскими государствами.

Современный и довоенный пацифизм по своей кардинальной идее и по своим основным тенденциям есть не что иное, как своеобразный утопический империализм, *империализм, застрахованный круговой порукой всех крупных держав*—определенными договорами, трактатами о разделе всех подлежащих международному грабежу областей на строго разграниченные сферы влияния—*от опасности каких-либо вооруженных конфликтов между могучими государствами* и, стало-быть, от возможности внутренних потрясений, связанных с внешними войнами. Одним словом, буржуазный пацифизм, признающий лишь безопасные «верные войны», одобряющий лишь нападения на слабые страны, резко осуждающий политику «авантюр», является с точки зрения его творцов и теоретиков лучшим средством консолидации современного социального развития всех отраслей национальной промышленности и успешной завоевательной политики.

При всех этих рассуждениях буржуазные пацифисты забывают основной факт, который подчеркнул т. Ленин в своей книге «Империализм как новейший этап капитализма», именно, что характерной чертой империализма является завершение территориального раздела земли между крупнейшими державами. Уже до мировой войны раздел земного шара был закончен. К началу XX столетия почти все незанятые территории на нашей планете были уже захвачены. Делить в Азии и Африке уже было нечего. Оставалось только *переделять*, т.-е. отбирать у других владельцев. Таким образом, стремление капиталистических государств к приобретению колоний должно было привести к переделу, т.-е. к войне.

Буржуазный пацифизм являлся до войны в известной мере выражением интересов тех банков и вообще торгово-промышленных кругов Европы, которые заинтересованы были преимущественно в европейских делах. Быстро возраставший рост экспорта из одной европейской страны в другую (Англия и Германия, Германия и Россия, Германия и Франция и т. д.) укреплял зависимость между передовыми европейскими странами. В этом покойный тов. Бебель видел лучшую гарантию мира. На этом расширении товарообмена и усилении экономических связей между передовыми капиталистическими странами буржуазные пацифисты, Фредерики Пасси, Нормапы Анджелы, строили все свои надежды на постепенное изживание экономической борьбы между европейскими странами и на близкое наступление «вечного мира» между сильными державами. Од-

нако, уже до войны рост экспорта передовых капиталистических стран (Англии, Франции, Германии и С. Штатов) в отсталые страны превышал по своей быстроте рост *взаимного* товарного экспорта этих стран. С 1880 г. по 1908 г. экспорт Англии во Францию, Германию, С. Штаты, по сравнению с ее общим экспортом, пал с 27,2% до 21,6%, экспорт Германии в другие три страны—с 40,6% до 32,1%, экспорт Франции—с 45,7% до 43,5%, экспорт Соединенных Штатов—с 70% до 52,5%.

Тов. Ленин доказал уже всю утопичность и реакционность взглядов Каутского, который, исходя из данных о росте взаимного товарообмена между мировыми державами, приходил, подобно буржуазным пацифистам, к заключению, что «Стремления капитала к расширению легче всего могут быть достигнуты не насильственными методами «империализма», а мирной демократией». То же самое, что и Каутский, утверждал Норман Анджел накануне войны в упомянутой книге «Великая ошибка». И теперь бывший министр-президент Кайо в своей недавно вышедшей книге: «Où va la France. Où va l'Europe» («Куда идет Франция. Куда идет Европа»), Париж, 1922, снова повторяет старые аргументы относительно того, что «война не обогащает», что она не содействует промышленному развитию страны и т. д. Все это мы слышали тысячи раз до мировой войны, и однако все эти рассуждения не помешали некоторым капиталистическим кликам провоцировать мировую бойню. С другой стороны, теоретики пацифизма забывают, что если даже европейские торговые и промышленные дела превалируют над колониальными, этим не устраняется опасность войны именно из-за подпочвенных богатств Европы. Если Англию интересует особенно моссульская нефть, зато для французских империалистов прежде всего важен рурский кокс.

В довоенную эпоху пацифизм являлся также выражением недовольства определенных экономических категорий, представляющих интересы хлопчатобумажной, шерстяной, сахарной, мануфактурной и других важнейших отраслей национальной индустрии против засилия металлургической и в частности военной промышленности, против той доминирующей и все усиливающейся роли, которую металлургия и военная индустрия начинали все ярче играть в экономической жизни страны, в ее внешней и внутренней политике, в ее финансовом хозяйстве. Возраставшая с головокружительной быстротой милитаризация бюджетов, отвлечение всех жизненных сил страны на непроизводительные расходы, колоссальные затраты, специально на казармы, пушки и дредноуты, извлекавшие из обращения свободные капиталы, которые могли бы пойти на более полезные цели, на сооружение каналов, туннелей и т. д.—все это, как доказывали буржуазные пацифисты, начинало с бо́льшей, чем когда-либо, силой, становиться поперек развитию производительных сил во всех европейских странах, мешало нормальному росту всех важнейших отраслей промышленности, кроме военной. Целый ряд симптомов свидетельствовал о том, что всеевропейский режим «вооруженного мира» начинает с необычайной силой давить на международную биржу, колебать устои финансового организма самих могучих и богатых государств. С каждым днем

становилось все труднее и труднее доставать свободные капиталы для производительных предприятий, и вопреки теориям экономистов о неизбежности параллельно с ростом капитализма понижения процента на ссужаемый капитал—мы присутствовали накануне войны при зрелище, когда на самых льготных, по сравнению с прежними, условиях, невозможно было уже заключить никакого займа внутреннего или внешнего на Парижской, Лондонской или Вашингтонской биржах. Удивительно ли, что самые прочные государственные бумаги, французская рента, английские консоли падали с головокружительной и неудержимой быстротой, что министры могучих государств и крупные акционерные общества со вздохом вспоминали о том счастливом времени, когда займы под $3^0/_0$ или $4^0/_0$ покрывались 20 или 30 раз.

Вместе с тем опасность, которой режим вооруженного мира грозил господствующим классам, была очевидной уже до войны даже многим государственным деятелям, несмотря на консерватизм их мысли. В этом отношении в высокой степени характерна речь английского министра Эдуарда Грея, произнесенная им в 1911 г. в связи с вопросом об англо-американском арбитраже. «Налоги, падающие на народные массы,—заявил Грей,—для поддержания вооруженного мира, становятся для последних все более и более невыносимыми и в конце вызовут крайнее обострение нищеты и голода. Утверждают, что народные массы постараются сбросить с себя это непосильное налоговое бремя, объявив войну специально режиму вооруженного мира. Я этого не думаю, я полагаю, что *народы освободятся от страшного ярма, наброшенного на них, путем социальной революции*».

Мы видим, что уже до мировой войны призрак социальной революции пугал многих представителей господствующих классов и заставлял их опасаться войны, как могучего фактора, который обострил революционное движение в народных массах. Страх перед войной, как прологом к социальной революции, был главным мотивом пацифистских настроений многих представителей буржуазии. Не удивительно, что в результате мировой войны значительная часть буржуазии, *крупная промышленность*, как констатирует тов. Чичерин в своей беседе, напечатанной в «Известиях» и «Правде» от 15 февраля, *«является носителем пацифизма»*.

Но если социал-пацифисты—деятели 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов—и буржуазные пацифисты боятся войны, как пролога к социальной революции, еще более боятся они проявления всякой самостоятельности со стороны пролетариата в борьбе с призраком надвигающейся войны. Это-то обстоятельство и сводит к нулю все попытки социал-пацифистов и буржуазных пацифистов предотвратить мировую войну и придает всей их «войне против войны» характер пустой и лицемерной болтовни. Только коммунистическая партия, призывая пролетариат к организации и сплочению, ведя революционную пропаганду в войсках, создавая комитеты действия и т. д., ведет реальную борьбу с войной, которая исчезнет лишь с уничтожением капиталистического общества,—истина, которой не понимали или не хотели понять до 1914 г. Норманы Анджелы, Блиохи,

Эстурнели де Констаны, и которой теперь не понимают Нитти, Кайо, Каутские, Гильфердинги и другие буржуазные пацифисты и социал- пацифисты.

Большое достоинство брошюры тов. Мещерякова о Гаагском конгрессе мира заключается в том, что если эта брошюра и не останавливается на мотивах пацифистских настроений значительной части буржуазии, зато она ярко выявляет страх социал-пацифизма перед революционным пролетариатом и коммунистической партией и этим самым обнаруживает всю реакционную сущность пацифизма и его бессилие в борьбе с призраком войны.

Небольшая брошюра т. Мещерякова посвящена разоблачению лицемерия социал-пацифистов, т.-е. деятелей 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов и так называемых буржуазных пацифистов (сторонников мира) в их борьбе с надвигающейся опасностью войны.

Тов. Мещеряков был делегирован на конгресс мира в Гааге, но не получил разрешения на въезд в Голландию и только на четвертый день конгресса попал в Гаагу.

«Всемирный конгресс мира», созванный социал-предателями в Гааге в декабре 1922 г.—доказывает т. Мещеряков—представляет собой новую очередную попытку надувательства пролетариата, стремления усыпить его беспокойство перед призраком надвигающейся войны, оттолкнуть рабочие массы от пути революционной самодеятельности, на который пролетариат хочет вступить, взяв в свои руки дело борьбы с опасностью.

Прислужники буржуазии, прикрывающиеся именем социалистов, пишет т. Мещеряков, хотят показать, что и они не остаются равнодушными перед опасностью войны, что и они хотят взять на себя дело борьбы с этой опасностью. И они время от времени собирают съезды, на которых принимают лицемерные резолюции о том, что они примут все меры, чтобы предотвратить грозную опасность войны. После всякого такого съезда старые предатели разъезжаются по домам, а дело борьбы против войны не двигается ни на шаг.

Вот как характеризует т. Мещеряков пресловутый конгресс мира в Гааге.

Конгресс назывался «всемирным». Он был организован людьми, которые называют себя «социалистами». Казалось бы, что на нем необходимо должны были присутствовать представители всяких рабочих социалистических организаций, каковы бы ни были расхождения между ними в области политической и программной.

В действительности было не то. Коммунистический Интернационал и все партии, в него входящие, организации, насчитывающие более 2 миллионов членов и пользующиеся громадным авторитетом среди рабочих, которые пока еще не входят членами в коммунистические партии,—все эти организации не получили приглашения на «всемирный» конгресс, организованный людьми, которые осмеливаются называть себя сациалистами. Не приглашены были на конгресс наиболее энергичные, ноиболее

революционные организации пролетариата, которые больше всех могут сделать в борьбе против войны.

Не приглашен был и так называемый Красный Профинтерн, насчитывающий в своих рядах 12 миллионов революционных рабочих. Не было представителей и от революционных меньшинств—иногда очень могущественных,—которые, оставаясь в рядах желтого амстердамского профессионального объединения, признают своим вождем Красный Профинтерн.

На Гаагском конгрессе не было далее представителей трудящихся ни одной страны Востока—Китая, Японии, Кореи, Индии, Персии, Турции, Египта и т. п. А между тем эти страны, как справедливо подчеркивает т. Мещеряков, больше всех страдают от шовинистической политики империализма, и из-за них, по всей вероятности, разгорится грядущая мировая война.

Зато на конгрессе было очень много вождей 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов. Были приглашены на него даже такие партии и организации, которые существуют только в воображении своих вождей, не имея никакой опоры, никаких корней в массах. Были, например, делегаты от проживающих за границей русских меньшевиков, было целых 3 делегата от грузинских меньшевиков и т. п.

На конгресс его устроителями, которые называют себя «социалистами», были приглашены также в очень большом количестве различные буржуазные пацифисты (сторонники мира). Эти люди—чистокровные, а иногда очень богатые буржуи,—только на словах называют себя врагами войны, а когда война начинается, они палец о палец не ударяют, чтобы ей помешать. Никакой опоры в народных массах они не имеют. С социализмом общего у них ничего нет. Вести борьбу с капитализмом,—этой основной причиной войны,—они не хотят; они с ним прекрасно уживаются. А между тем и их зачем-то пригласили на конгресс мира.

По числу делегатов конгресс был довольно многолюдным. На нем присутствовало около 630 делегатов. Коммунистов должно было быть на конгрессе только десять человек. Но буржуазия испугалась и этого небольшого числа и пыталась не пропустить на конгресс даже это небольшое число коммунистов.

Персонально состав русской делегации был следующий:

От ВЦСПС тт.: Радек, Ротштейн, Лозовский, Мельничанский, Грунин и Лепсе. От Центросоюза: тт. Мещеряков и Половцева. От женщин-работниц: тт. С. Н. Смидович и Коллонтай.

Еще задолго до конгресса—недели за три—ВЦСПС и Центросоюз послали устроителям конгресса телеграммы с указанием фамилий делегатов и с просьбой добыть для них в Гааге разрешение (визу) на въезд в Голландию. Эту визу русские делегаты должны были получить в Берлине. Но по приезде в Берлин они этой визы не нашли. Послали новые телеграммы, и только на второй день получили разрешение на въезд в Голландию, для трех делегатов—для тт. Радека, Ротштейна и Лозовского. Остальные 6 делегатов разрешения не получили.

Только на четвертый день большинство русской делегации попало на конгресс. Социал-предатели добились того, чего хотели. Они ослабили русскую делегацию и не дали возможности делегатам-коммунистам шире развернуть их работу.

Но социал-предатели пошли еще дальше.

Русская делегация должна была представлять многие миллионы не только русских крестьян и рабочих, но и многие миллионы революционных пролетариев Западной Европы, не представленных на конгрессе, многие сотни миллионов трудящихся Востока, которых не пригласили на конгресс. Хотя русских коммунистов было на конгрессе только 10 человек, но за ними стояли сотни миллионов трудящихся. Поэтому русская делегация потребовала для себя права выставить своих содокладчиков, ибо решения, которые она предлагала для того, чтобы вести действительную борьбу против войны, были совершенно непохожи на те, которые предлагали социал-предатели.

Но конгресс, состоящий из социал-предателей и из их буржуазных союзников, отказал коммунистам в этом их требовании. Русским коммунистам пришлось развивать свои идеи в обыкновенных, коротких, сравнительно, речах.

Тем не менее, русским коммунистам удалось сказать в своих речах то главное, что они хотели сказать.

Русские делегаты указывали в своих речах, что борьба против войны— дело нелегкое, что к этой борьбе нужно энергично и серьезно готовиться, что попытка объявить в начале войны неподготовленную заранее всеобщую стачку не дает никаких результатов. Войне можно помешать только путем революции, свергнув власть буржуазии. А для этого нужна крепкая, сплоченная, революционная организация, нужна дружная борьба всего пролетариата против буржуазии, против замышляемой ею войны. Русские коммунисты требовали, чтобы был разорван союз старых социал-предателей с буржуазией, чтобы взамен его был создан единый фронт всего рабочего класса против буржуазии. Они требовали, чтобы социал-предатели ясно и категорически отказались от лозунга защиты буржуазного отечества, которым они прикрывались во время минувшей мировой войны.

Русские коммунисты требовали далее, чтобы была начата немедленно энергичная, революционная работа в армиях империалистических стран, чтобы образовались среди солдат тайные и явные ячейки, которые в случае начала новой войны могли бы стать во главе армии, восставшей против преступной буржуазии.

Русские коммунисты требовали, чтобы в каждой стране был осуществлен общий фронт всех рабочих для борьбы против войны. Для этого в каждой стране должен быть организован «Комитет Действия», составленный из представителей всех рабочих организаций — коммунистической партии, социал-демократической партии, из представителей профессиональных союзов, кооперативов и других рабочих организаций.

Социал-предателям и буржуазным делегатам эти энергичные предложения очень не понравились. После речи каждого русского коммуниста выступал ряд ораторов из среды социал-предателей. Эти ораторы забывали свою задачу—борьбу против войны; они обращали все свои удары против коммунистов, которые осмелились на конгрессе предложить такие энергичные меры борьбы, которые зовут всех рабочих на борьбу против войны, и не хотят оставить это дело попрежнему только в руках социал-предателей. Русский меньшевик Абрамович попробовал отвлечь внимание русских делегатов в сторону. Он выступил с упреком, что Советская Россия сама напала на меньшевистскую Грузию.

В заключении своей содержательной брошюры т. Мещеряков останавливается на рурских событиях и связанной с последними опасностью мировой войны и указывает на то, что социал-предатели решительно ничего не делают, чтобы предотвратить надвигающуюся войну. «Они попрежнему отклоняют предложения коммунистов об образовании общего единого фронта рабочих и крестьян. Они ограничиваются платоническими, невинными протестами, которых никто не слушает, как никто не обращал внимания на Гаагский конгресс социал-предателей».

Брошюра т. Мещерякова, написанная ясным, простым языком, делающим ее вполне подходящей для самого рядового читателя, поможет последнему разобраться в сущности пацифистского движения, которое в последнее время приобретает все больше и больше сторонников в определенных кругах буржуазии.

Тов. А. Лозовский, участвовавший вместе с т. Мещеряковым на международном конгрессе мира в Гааге, констатирует в одной из своих статей, что всевозможные пацифистские общества выросли после войны как грибы. Так, на съезде в Гааге фигурировали представители Униона Международных Ассоциаций, Международного Союза Обществ Мира, из Бельгии Национального Совета Мира, Международного Союза Обществ Мира, Униона Демократического Контроля, Союза «Никогда больше войны», Международного Союза Дружественных отношений между различными церквами, Международной женской лиги—за мир и свободу, Международного Бюро Мира, Английского Совета для борьбы против голода и реконструкции Европы, Немецкой Лиги Прав Человека, Федерации Пацифистских Об-в в Германии, Международного Союза Пацифистских об-в, Международного союза бывших солдат и жертв войны, Союза франк-масонов «К восходящему солнцу», Французской Лиги Защиты прав человека и гражданина, Союза Национальностей, Международной Лиги женщин за мир и свободу, Федерация французских ассоциаций за общество наций, Лиги Республики, Международного Блока средних классов из Франции и т. п.

Чем объяснить рост всех этих «пацифистских» организаций, возникающих как грибы, и все эти конгрессы мира?

С точки зрения т. Мещерякова, все дело в том, что «прислужники буржуазии, прикрывающиеся именем социалистов, хотят показать, что

и они не остаются равнодушными перед опасностью войны, что и они хотят взять на себя дело борьбы против этой опасности».

Создается впечатление, как будто пацифисты не боятся войны, а только делают вид, будто не желают последней. Такое толкование было бы неправильным.

Из анализа пацифистской литературы, сделанного нами в первой части настоящей статьи, мы видим, что буржуазия и деятели желтого интернационала как огня боятся войны, опасаясь, что последняя приведет к социальной революции. «Наши сыновья переживают еще более страшную трагедию, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения... Существует не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования», восклицает Нитти, рисуя перспективы будущей войны. Однако, боясь войны, буржуазия и деятели 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов из страха перед классовым пробуждением пролетариата делают все от них зависящее, лишь бы убить самодеятельность и активность рабочих масс в борьбе с надвигающимся призраком войны, и таким образом буржуазные пацифисты при поддержке 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов работают на руку кровожадным империалистам, подготовляющим новые мировые бойни.

ВЕРХАРН НА ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ.

Э. Верхарн. Полное собрание поэм, в переводах Георгия Шенгели. Гос. Изд. Т. II. (Вечера, Разгромы, Черные Факелы). М. 1922. Стр. 80. Т. III. (Призрачные деревни, Появившиеся на моих путях, Лозы моей стены). М. 1923. Стр. 130. Т. V (Галлюцинирующие селения, Города-спруты). М. 1923. Стр. 124. Т. VI. (Многообразное сияние). М. 1923. Стр. 68.—*Э. Верхарн.* Стихи. Перевод В. Федорова. Гос. Изд. М. 1922. Стр. 128.

Валерий Брюсов.

I.

Что значит перевести стихотворение, поэму подлинного, большого поэта? Ни в коем случае это не значит пересказать стихами содержание поэмы, удержав некоторые образы подлинника, откинув другие из-за размера и рифмы, заменив третьи своими собственными, да еще присочинив четвертые, опять для рифмы. Вместо этого гораздо лучше, честнее и полезнее—дать точный перевод в прозе. В нем, по крайней мере, будут сохранены все мысли и все образы оригинала.

Стихи пишутся затем, чтобы сказать *больше*, чем можно, в прозе. Построение всего стихотворения и построение отдельных предложений (общая и частная *композиция*) и самые звуки слов, звуковое строение стихотворения (аллитерации, инструментовка, звукопись, вообще *евфония*), в стихах, имеют *столь же* важное значение, как мысли и образы. Именно стиховая композиция и стиховая евфония отличают стихи от прозы, дают возможность стихами произвести большее впечатление, нежели прозой. Если пренебречь звуковым строем, станет абсолютно непонятно, зачем иные пишут стихами,—разве только для читателей, еще не дорослих до трезвой прозы!

Можно ли признать переводы Георгия Шенгели переводом стихов? Ни в коем случае. Звуковой строй поэм Верхарна в этих переводах пренебрежен совершенно. Переводчик просто не замечал его, не обращал на него внимания. Построение (композиция) отдельных частей,—стиха и строфы,—нарушается постоянно, но нередко нарушается и искажается также построение всей поэмы, насколько то возможно в переводе, все же идущем стих за стихом за оригиналом. Но это еще не все. Из образов

Верхарна в переводах уцелели только некоторые, избранные не за свое преимущественное значение, а «по воле рифмы и стиха», как говорил Пушкин; много образов Верхарна просто исчезло, многие подменены иными, и не раз вставлены такие, каких у Верхарна нет вовсе, при чем эти подмены и вставки зачастую совсем не в духе Верхарна. Мысли подлинника тоже пострадали сильно: иные утрачены, иные искажены, большинство передано столь приблизительно, что без справки с подлинником их трудно понять. Наконец, стиль и язык переводов очень мало похожи на стиль и язык Верхарна.

Можно ли все это признать переводом Верхарна? Нет. Георгий Шенгели вяло, хотя стихами, которые иногда и не плохи сами по себе, передал *кое-что* из каждой поэмы Верхарна. Это «кое-что», конечно, взято из Верхарна, но рядом стоит многое, мало имеющее общего с Верхарном, а то и прямо ему чуждое. Более половины образов не похожи на Верхарновы или обеднены, порой (увы!—это так) опошлены. Размеры нередко плохо соответствуют французским; выбор рифм не напоминает оригинала; внутренние рифмы, внутренние аллитерации, вся игра звуками, вся звукопись—пропали. В общем, получилось нечто бледное, прежде всего бледное, лишенное той энергии речи, той яркости картин, в которых вся сила Верхарна, нечто, постоянно срывающееся в шаблон, в общее место, в банальность. И только по сюжетам, которые переводчик, конечно, не мог истребить, читатель смутно догадывается о характере Верхарновой поэзии.

Мы хорошо понимаем, что сам Георгий Шенгели только наполовину виноват в таких результатах. Все дело в том, что он поставил пред собою задачу, разрешение которой представляет трудности неимоверные: перевести «полное собрание поэм» Верхарна, *все* его стихи. Это—работа для очень талантливого поэта на десятки лет: исполнить ее в более краткий срок—невозможно. Георгий Шенгели справился со своей задачей в два, в три года, может-быть, в один (мы не знаем) и, разумеется, потерпел неудачу. Даже поэт, конгениальный Верхарну, не мог бы, в виде очередной работы, день за днем, переводить одну его поэму за другой; столь они различны по духу, столь сложны по построению, таят в себе столь много тончайших штрихов мастера. Тут нужно многолетнее изучение, нужно вдумываться, вчитываться, нужно искать, упорно искать, соответственных слов, выражений, образов, звуков... Георгий Шенгели, вместо того, разделался с Верхарном очень просто, стал «переводить», как ремесленно переводились, бывало, романы для легкого чтения; кое-что удалось передать, чего не удалось, то отброшено, а чтобы выходили стихи, везде подбавлена, говоря по-актерски, «отсебятина».

Да, Георгий Шенгели виноват только наполовину: виноват в том, что все же решился печатать свой явно неудавшийся труд... Но ведь читателю от того не легче! Перед читателем—книжки, с авторитетной маркой Госиздата. Читатель в праве думать, что читает по-русски Верхарна. И, читая, недоумевает: почему же Верхарн признан *великим* поэтом? Что «великого» в этих стихах, порой интересных по замыслу,

но порой непонятных (без справки с подлинником), часто банальных, тягучих и вялых, везде бледных, в общем скучных. Кто же скажет читателю, предупредит его, что это—*не Верхарн*? что в переводах Георгия Шенгели Верхарн уложен на Прокрустово ложе: чего не хватало переводчику, то подтянуто, что превышало его силы, то откинуто! А предупредить об этом читателя *надо*.

II.

Теперь: как доказать все сказанное? Следовало бы разобрать, из каждого тома, по крайней мере по 5—6 переводов. Иначе всегда могут возразить, что приведенные примеры—случайны; что это—неудачные переводы, тогда как есть другие, удавшиеся; что если плохи переводы из данного сборника, то хороши—из другого, написанного в иной манере, более доступной переводчику, и т. д. Но ясно, что нельзя по поводу Шенгели писать целый том. Русский перевод Верхарна, правда, дело не маловажное. Но есть другие вопросы, может-быть, и более неотложные, есть другие темы, другие книги. Короче говоря, место для критики ограничено.

Приходится сильно сократить число примеров, но все же я прошу у читателя внимания хотя бы для двух стихотворений, чтобы рассмотреть их полностью. Стихотворения эти намеренно взяты из начального (II-го) тома как более короткие и как переведенные уже несколько раз на русский язык. Задача Г. Шенгели здесь была наиболее упрощена, облегчена его предшественниками; да и самые эти стихи в ряду других поэм Верхарна наиболее просты и по технике и по содержанию. Если переводчик не справился с простыми, сравнительно, поэмами «Вечеров» (подлинник издан еще *в 1887 году!*), то можно заранее предвидеть, что поэмы позднейших книг Верхарна, крайне своеобразные, оказались ему не под силу.

Вот маленькое стихотворение, не раз переданное по-русски, всего в 12 строк, «Доспехи вечера» (Г. Шенгели, II, 8):

Les armes du soir.

Tandis que la nuit froide étage sa terrasse
Par au-delà des bruyères et des forêts,
Le soir qui meurt, le soir jette sur les marais,
L'eclair de son épée et l'or de son armure,
Qui vont flottant au flot le flot, flottant et vains,
A peine encor frôrlés par la splendeur diurne,
Mais lentement baisés, par la lèvre nocturne
De la lune pieuse et douce, aux mains d'argent,
Seule, qui se souvient du jour, pâle évoquée,
Et des grands ciels brandis avec de l'or au clair,
Pâle évoquée, en la pâleur pâle de l'air,
Eternellement pâle et lointaine, la lune!

Прежде всего обратим внимание, что у Верхарна все три строфы образуют *одну фразу*, одно предложение, с одним подлежащим: le soir (вечер); эта характерная композиция (связанная с образами II. Вер-

лена и т. д.) в переводе пропала: у Г. Шенгели *несколько фраз*, несколько подлежащих, и после второй строфы даже поставлена точка. Весь строй стихотворения разрушен (не понят?). Затем, шаг за шагом, стих за стихом, идет обезличивание, обеднение подлинника.

«В то время, как холодная ночь *воздвигает свой помост* над вереском и лесами...» у Г. Шенгели:

Когда *восходит* ночь в холодном небосклоне
И над кустарником, над рощами *плывет*...

«Вечер, который уже умирает, вечер, бросает *на* болота молнию своего меча и золото своего доспеха»...—у Г. Шенгели отброшено в высшей степени характерное для стиля Верхарна повторение слова «вечер»; «молния меча», т.-е. олицетворение Вечера в образе рыцаря с мечом и в доспехе, которые дают отблеск на воде болот, заменено нелепой, неуместной здесь молнией:

И вечер меркнущий роняет *в* глубь болот
Блеск мечной молнии и злато тяжкой брони...

«Отблеск, который, *колыхаясь*, плывет с зыби на зыбь, *колыхающийся* и тщетный,—отблеск, к которому еще едва касается дневное сияние»...—у Г. Шенгели все утонченное построение этого образа исчезло, заменено шаблоном:

Бесплодным пламенем дрожащие в волне,
Еще хранящие величие (?) дневное...

«Но медленно целуемый *ночными губами* луны, *благоговейной* и кроткой, *с серебряными руками*»...—вместо всего этого своеобразия, у Г. Шенгели:

Но медленно дарит лобзание ночное
Луна бесстрастная в своем легчайшем (?) сне...

Более исказить, обаналить образы подлинника, кажется, невозможно. Но третья строфа доказывает иное. У Верхарна: «(целуемый ночными губами луны), которая одна еще помнит о дне (луны), *бледного привидения*, помнящего об ярком солнце, взносившемся в золоте на высоту,—*бледного привидения* в *бледной бледности* воздуха, бесконечно *бледной* и удаленной луны!» У Г. Шенгели:

Луна,—она одна мечтанье сохранила
О небе, что горит, все в золоте огней,
О бледном воздухе средь палевых (?) теней,
Навеки бледное, далекое светило (?).

Так переводить, значит—ничего не переводить. Не заметить, что слово «бледный», «бледность» в подлиннике повторено *пять* раз и повторить его лишь *два* раза, заменив в третий какой-то «палевостью»; не заметить дважды повторенного образа «привидение»; не заметить, что короткие слова в последнем стихе намеренно сменяются многосложным «éternellement»; что не случайно последним словом в последнем стихе стоит «луны» и т. под.,—это значит—убить весь стиль, весь строй оригинала.

Вместо стихов остались слова, да и то, из-за рифмы и размера, не те, что у Верхарна; вместо поэзии—вялые и никому не нужные строки.

Но и это еще не все. Впечатление от этих стихов Верхарна удесятеряется звукописью; звуки слов здесь образуют тонкий и сложный узор, на который нет и намека в переводе. Не входя в подробности, укажем лишь одно место, где звукопись, так сказать, бросается в глаза:

Qui *v*ont *fl*ottant au *fl*ot le *fl*ot, *fl*ottant et *v*ains...

Весь стих построен на повторениях звуков *v* и *fl*, к которым присоединяется *t* и носовые *v*o*nt*, flott*ant*, *v*a*ins*... У Г. Шенгели вместо того:

Бесплодным пламенем дрожащие в волне...

«Доспехи вечера» вытянуты на Прокрустовом ложе Георгия Шенгели, что-то (и многое) отрублено, что-то вытянуто, и поэма—умерла. Поэмы—нет, а есть неизвестно для чего написанные в миллион-миллионный раз плохие стихи о вечере, так сказать «описание природы». Грустно за тех, кто знакомится с Верхарном через посредство Прокруста-Шенгели! [1]).

Рядом в книге (II, 7—8) другое стихотворение, которое еще больше раз было переведено по-русски и не всегда плохо,—«Человечество». Казалось бы, Г. Шенгели мог бы дать перевод, хотя бы не стоящий ниже предшествующих. Однако, его перевод едва ли не худший из всех существующих.

Подлинник—три строфы из пяти одинаковых 12-сложных стихов, которым по-русски соответствуют 6-стопные ямбы: в переводе, в 1-й строфе, из 5 стихов два—шестистопных, два—пятистопных, один—четырехстопный, т.-е. стихи *не* одинаковые. Переводчик *сократил* число слогов в стихах, считая, должно-быть, что у Верхарна много лишних слов, которые надо выкинуть. И, действительно, в переводе многое выкинуто, прежде всего—все повторения слов. А между тем в этих повторениях—стиль подлинника, его своеобразие, его сила. Вот 1-ая строфа по-французски:

Les soirs crucifiés sur l'horizon, les soirs
Saignant, dans les marais, leurs douleurs et leurs plaies,
Dans les marais, ainsi que de rouges miroirs
Placés pour refléter le martyre des soirs.
Des soirs crucifiés sur l'horizon, les soirs.

Т.-е.: «Вечера, распятые на горизонте, вечера, кровоточащие, в болота, свои страдания и свои язвы, в болота, как в алые зеркала, поставленные, чтобы отражать вашу пытку вечера!—вечера, распятые на горизонте, вечера».—И вот, что̀ тому соответствует у Г. Шенгели:

---

[1]) Мыслимо возражение, что перевести точнее стихами с рифмами вообще невозможно. Мне останется только сослаться на свой собственный перевод этой же поэмы,—см.: «Эмиль Верхарн. Поэмы». Перевод Валерия Брюсова. Изд. 4-ое, переработанное и дополненное. «Всемирная Литература». Пб.—Мск. 1923.—Оценка достоинств моего перевода принадлежит не мне, но утверждаю, что он безмерно *ближе* к подлиннику, нежели перевод Г. Шенгели.

Распятые в лазури вечера!
Их язва и тоска кровоточат в болота.
Там, в алых зеркалах отражена игра
Всей пытки вашей, вечера,
Распятые в лазури вечера!

Не только отброшены повторения («вечера»—5 раз, «болота»—2 раза), но исчезло тонкое выражение: «болота, *поставленные*, как зеркала, *чтобы* отражать...»; прекрасный образ «отражать пытку» заменен нелепым (для рифмы?) «отражена *игра* (?) *всей* пытки...»; созвучия «miroirs—soirs», «marais—plaies» не замечены и т. под.

Следующая строфа у Верхарна начинается так: «Вы, Иисусы, пастыри, идущие по равнинам, звать светлые стада к вашим светлым водопоям! Вот воздвигается смерть в огне вечернего прощания...» (или: «в вечернем прощании»). У Г. Шенгели:

Христы,—вы кличите к святому (?) водопою
Стада,—глядите, там, *в безумии костра*,
Восходит смерть, там *пышут* вечера...

Для переводчика, повидимому, совершенно ненужно повторение «стада *светлые* к *светлым* водопоям»; совершенно непонятно, что нельзя, безнаказанно для стиля, заменять подчинение предложений сочинением; непонятно, что «*светлые* водопои» имеют двоякий смысл, как намек на краски заката, а «*святые*»—никакого; и что нужно чудовищное непонимание Верхарна, чтобы от его имени сказать «в безумии костра» (вместо «в вечернем прощании») и «пышут вечера».

В третьей строфе у Верхарна: «Взнесем к ним (к черным Голгофам) нашу скорбь, наши крики, наши язвы!» У Г. Шенгели, что говорится, ни к селу ни к городу:

... железо в жарких ранах.

У Верхарна: «Ныне более не время для светлых и спокойных надежд»,—просто и ясно. У Г. Шенгели опять измышленный им костер (рифма с «вечера»!):

Испеплены надежды у костра...

У Верхарна: «(вечера) кровоточат в черные водопои». У Г. Шенгели (нужно еще рифму!):

И хлещут кровью в черные *ведра*.

Нечего и говорить, что внутренние рифмы подлинника: «blancs—saignants», «noirs—abrevoirs», Г. Шенгели уничтожены за ненадобностью.

В результате, опять, из сжатого (при всех повторениях слов), трагически-напряженного стихотворения, побеждающего именно манерой говорить, своеобразием речи, силой найденных звуков, получилась пустая реторика. Читатель, прочтя, скажет: «мелко плавает этот Верхарн!» И то будет неправда, но оклеветал Верхарна его новый переводчик, Георгий Шенгели [1]).

[1]) Эта поэма Верхарна также переведена мною; см. там же.

III.

Ограниченность места принуждает прекратить подробные разборы переводов. Но во всех томах «Полного собрания»—те же недостатки, каждая поэма может служить иллюстрацией наших общих утверждений: сплошь весь перевод Георгия Шенгели—не *Верхарн*. Понемногу,—там стих, там мысль, там образ, там слово, там рифмы, там оборот речи,—систематически весь Верхарн искажается. Есть искажения крупные, есть мелкие, иногда чуть заметные, но их так много, а верно переданных стихов так мало, что целое перестает быть поэзией Э. Верхарна. Госиздат выпустил вовсе не «собрание поэм» бельгийского поэта, а сборники стихов Георгия Шенгели на Верхарновы темы.

Чтобы не перепечатывать всех вышедших 4 томов, ограничимся отдельными примерами наиболее характерных для Г. Шенгели искажений.

Есть у Верхарна поэмы, где особенно важно было бы точно передать его *мысль:* те, где он выражает свое «credo», формулирует основы своего миропонимания (конечно, видоизменявшегося в разные эпохи жизни). Среди таких поэм, в раннем сборнике «Разгромы» (1888 г.), есть стихотворение «Молитвенно» (Шенгели, II, 38), тоже уже дважды (если не трижды) переведенное по-русски. Верхарн передает свои отношения, в те годы, к религии, к богу: «Я знаю, что (в небесах) все безмолвно, что не существует ничего из того, в стремлении к чему это сердце, жаждущее, умирает, я знаю, что ты (т.-е. бог) ложь...» Г. Шенгели переводит:

> И все ж мне ведомо, что высь твоя немотна,
> Что сердце алчное не обретет в ней хлеба.
> Мне ведомо: ты—сон...

Вместо точных выражений подлинника, у переводчика, Верхарн, почти комично, в «божией выси» («высь *твоя*») ищет «хлеба»; «немотна» (косноязычна?)—не то, что «безмолвно» (tout est taciturne), и «сон»—не то, что «ложь» (je te sais mensonge). Кстати отметить, и здесь в переводе пропали внутренние рифмы (seigneur mon coeur,—ce coeur meurt) и вся звукопись подлинника [1]).

Иной раз остается неясным, с чем имеешь дело: с небрежностью переводчика или непониманием текста?

> О Повелительница древних царств!—

восклицает Г. Шенгели (VI, 11); у Верхарна «Notre-Dame de vieux empirs». В другом месте говорится о том, что «в течение тысяч и тысяч веков *силится родиться*»; у Г. Шенгели (III, 128):

> Все вновь и вновь родится.

[1]) Мой перевод—см. там же. В дальнейшем я беру примеры преимущественно из стихотворений, мной не переведенных.

Изображая равнины, Верхарн говорит о них: «все равнины, равнины, до бесконечности, так что дух захватывает» (immensement, à perdre haleine); Г. Шенгели переводит (V, 9):

Равнины, да, равнины,
Что *испускают дух*.

От этой небрежности образы искажаются нередко почти до неузнаваемости.

У Верхарна: «На берегу дюн, что тянутся на мили и на мили, *вот*, играя с луной, голуборукая фея»; у Г. Шенгели (III, 110):

В лучах луны играет фея
Руками бледно-голубыми.

«Вот»—откинуто; «играть *руками*» совсем не то, что «играть с луной». У Верхарна: «На твоем парапете, ночной порой, *это я—тот склоненный образ*, что следит, как бледная мысль совершает полет вокруг твоего уныния»; у Г. Шенгели (III, 99):

В ночи гляжу с твоих оград
На эти бледные идеи,
Что все быстрее и быстрее
Вкруг долгих скук твоих кружат.

В другом стихотворении, у Верхарна «идеи приникают друг к другу, в отдаленности высот, близ звезд»; у Г. Шенгели (V, 117): «*порхают* вкруг планет и звезд». Верхарн говорит: «Есть души, столь робкие сами перед собой, что не смеют любить даже тех, кто верны в любви»; у Г. Шенгели (III, 114) эта изящная мысль становится плоскостью: «Есть души, что самих себя боятся, что душу верную приветствовать (?) страшатся». У Верхарна созвездия вращаются «как мельничные жернова»; у Г. Шенгели (II, 54): «кружат созвездия, как светлых мельниц строй», т.-е. звезды сравниваются с мельницами!

Где надо точно передать сжатые формулы Верхарна, Г. Шенгели совершенно бессилен. Таковы, напр., своеобразные «рефрены» Верхарна:

O ces foules, ces foules,
Et la misère et la détresse qui les foulent!

Т.-е. «О эти толпы, эти толпы, и нищета и бедствие, которые их гонят!» Что осталось в переводе (V, 71)?

О эти робкие стада,
И их гнетущая беда!

Пустое место. «De ce minuit, dallé d'ennui» передано (II, 54): «Сей (?) полночи, что вымощена скукой (?)»,—стих без внутренней рифмы, с женской, а не мужской (как в подлиннике) рифмой, с выражением «скука», далеко не соответствующим «ennui»! [1]).

[1]) Позволяю себе, для сравнения, привести свой перевод этого стиха (см. там же):

Где мрак ночной мощен тоской.

Говорить ли еще о мелочах? Что «стоны сердца»—не то, что «осколки сердца» (morceaux de coeur); что «радужные молнии золота» превращены у Г. Шенгели (III, 50) в «перламутр», для рифмы с «утром»; что в подлиннике луна названа «причастие косности» (telle l'hostie de l'inertie), а в переводе вышло (V, 27): «как бы облатка истомы сладкой»; что у Верхарна св. Георгий просто «слезает» с коня, а у Г. Шенгели (III, 81) нелепо «нисходит»; что выражение: «как риз их мягкий полог» почти непонятно без справки с французским текстом, где сказано: «как их одеяние и их мантии», и т. д.

Неумение быть точным ведет к тому, что самое течение стихов в переводе изменяется. Переводчик зачастую увеличивает число стихов, делает их 16 из 10 (V, 33), 17 из 12 (V, 11), 9 из 8 (V,70), 5 из 4, 2 из одного (часто) и т. под. Отчасти происходит это от того, что переводчик, явно для рифмы, вставляет совершенно излишние, им самим выдуманные, стихи. Есть случаи, где такие вставки—вовсе не в стиле Верхарна и не вяжутся с содержанием. Такова, напр., нелепая вставка в поэме «Равнины» (V, 9), где, ища рифму к слову «люди», переводчик домыслил: «Мечтая о неясном чуде». Но есть у Г. Шенгели и обратный недостаток: пропуски. Не только пропали, пропущены многие образы и мысли подлинника (это явно из всего сказанного раньше), но иногда, без видимой причины, пропущены целые стихи, притом стихи существенные для содержания. Так, напр., в конце поэмы «Соборы» (V, 73), после выражения «собравшиеся перед Христом века», почему-то пропущено: «века, с их недвижными папами, с их мучениками, с их героями».

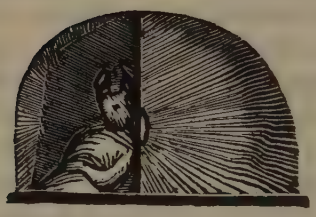
Затем огромный список можно было бы составить из отброшенных переводчиком внутренних рифм, звукоподражаний и т. под., притом—резких, бросающихся в глаза, как «les gens vaguants», «des carmagnons criants», «un train lointain», «des feux, comme les yeux» (V, 10, 11, 33, 73) и т. д.; но так как Г. Шенгели и не пытался передать звукопись, вообще звуковой строй подлинника, то эти пропуски «естественны». Столь же естественно, что рифмы перевода часто противоречат стилю Верхарна. Верхарн не любил щеголять рифмой, но все же для него немыслимы были созвучия, соответствующие русским: «твердь—смерть», «черни—терний», «бездны—звездный», «ночь—прочь», «тайны—необычайный» или «бескрайный», тогда как у Г. Шенгели такие созвучия повторяются многократно, а с ними вместе скучнейшие флективные рифмы: «прорицает—взывает», «сотворила—устремила», «влачится—шевелится», «боятся—страшатся» и т. д. Наконец, языку Верхарна глубоко чужды выражения переводчика: «злато», «златой», «град» (т.-е. «город»), «крыла», «мнится», «сей» и всякие иные славянизмы.

В заключение же надо сказать следующее: Г. Шенгели не постиг, не понял самого духа, самого пафоса поэзии Верхарна. Перевод Г. Шенгели не верен уже потому, что переводчику осталось чуждо то, что было самым существенным для Верхарна. Но эти понятия: «пафос поэзии Верхарна»—«самое существенное для Верхарна»—слишком неопределенны. Чтобы уяснить их, потребовалось бы много больше страниц, чем

заняла эта, и без того слишком разросшаяся, заметка. Мы предпочли поэтому показать внешние несовершенства перевода. Кажется, их достаточно, чтобы оправдать заглавие статьи.

IV.

О переводах В. Федорова можно сказать кратко: они в десять раз, в сто раз, безмерно слабее, чем переводы Шенгели. У Г. Шенгели все же—попытка дать именно перевод и местами он приближается к оригиналу. Целиком удачного перевода нет ни одного, но отдельные стихи, даже не так редко,—правильный слепок с подлинника. Наконец, общий ход мыслей в общем у Г. Шенгели тоже, большею частью, передан верно. Перевод В. Федорова—нечто иное. Это—неисчерпаемый источник для критика, желающего изыскивать разные переводческие «курьезы», занятие, может-быть, веселое, но автора этих строк нисколько не соблазняющее. Досадно, что и на переводах В. Федорова та же марка Госиздата.



ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Тургенев — редактор Фета.

Д. Благой.

I.

Блестящая художественная деятельность автора «Записок охотника» и «Дворянского гнезда» затенила в глазах современников и продолжает затенять в нашем историко-литературном сознании ту выдающуюся роль, которую ему довелось сыграть в середине пятидесятых годов в судьбах русской поэзии.

Эта полоса литературной жизни Тургенева совершенно не обследована, несмотря на большие его здесь заслуги перед русским художественным словом, как и на большие грехи. Между тем такое исследование имеет первостепенное значение.

Конец сороковых и первая треть пятидесятых годов были одним из самых трудных периодов во внешней жизни русского стиха.

Как реакция на золотую пушкинскую пору, которая «разнесла благозвучие по всей русской земле», до такой степени усвоив нашему языку стихотворную форму, что всякий, по словам Некрасова, мог написать в то время «гладенькое стихотворение», и «рифмобесие» действительно охватило все верхние круги русского общества—к концу сороковых годов начало сказываться, накапливавшееся задолго до того [1]), общее утомление и пресыщение стихами, вскоре обратившееся в открытое гонение на все, что замыкалось рифмой, облекалось в размеренную поэтическую речь.

---

[1]) Так, автор предисловия к стихотворениям Теплякова уже в 1832 г. жалуется: «никогда поэзия не терпела, кажется, стольких гонений, как в наше время», а некий д-р Ястребцов в пользовавшейся популярностью книге «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшим классам общества», восстает против «непозволительной забавы времяпрепровождения с музами», объясняя это тем, что «истинные дарования даются природою чрезвычайно редко, а полезным членом общества обязан быть всякий». Таким образом, знаменитое утверждение Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан», было сформулировано за тридцать лет до него. Ср. жалобы Пушкина на то, что в публике «распространилось в большой степени чтение романов холодных, скучных повестей и оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии». «Современник», 1836, I, стр. 218.

Лучшие журналы, «имевшие сильнейшее влияние на публику», вовсе прикрыли у себя «стихотворный отдел», совершенно прекратив печатание стихов; «приют» последним давали только в «третьестепенных» органах, но и стихи, здесь появлявшиеся, равно как изредка выпускаемые отдельными сборниками, встречались самым страшным приговором— удушались гробовым безмолвием критики.

И как бы последним комом земли на довременную могилу русского стихотворчества падают слова одного из самых могучих будущих русских лириков, в то время тоже отошедшего от стихов и печатавшего в своем «Современнике» в сотрудничестве со Станицким бесконечные романы, так же бесследно истаявшие в лучах его поэзии, как в сиянии тургеневской прозы померкли бледные тургеневские стихи. «Стихов нет», пишет Некрасов в статье, которой как раз было суждено послужить впоследствии одним из толчков к возрождению этой «в нетях» обретавшейся русской поэзии — статье о стихах Тютчева. «Немногие об этом жалеют, многие этому радуются, большая часть ничего об этом не думает» [1]).

Однако, к середине пятидесятых годов в настроениях журналов и пасомой ими широкой публики обнаруживается резкий перелом.

Дать ясное представление об этом переломе может простой статистический подсчет. В «Современнике» за весь 1849 г., например, не было помещено ни одного стихотворения и ни одного отзыва о стихах. Между тем в одной только мартовской книжке того же «Современника», 1854 года, напечатано 192 стихотворения.

Останавливаясь на причинах, как этого перелома, так и предшествующего отрицательного отношения журналов к стихам, современный критик утверждает, что как то, так и другое «совершилось само собой». «Просто,—добавляет он,—пришел на это час воли Божией» [2]). Новейший историк литературы таким объяснением удовлетвориться едва ли может. Да и во всяком случае в то время, о котором идет речь, эта «Божья воля» нашла свое воплощение в лице Ивана Сергеевича Тургенева.

Последовательным проведением в публику поэтов прежних, то забытых как Боратынский, а то и вовсе при своем первом и давнем появлении оставшихся незамеченными, как Тютчев,—и выдвиганием поэтов молодых, как Полонский и Фет, Тургенев могуче способствовал тому ренессансу русской поэзии, той яркой вспышке таимого в течение нескольких лет под спудом лирического пламени, которая имела место к середине пятидесятых годов.

Первым вестником этого возрождения, равно как и первым возбудителем его, был выпуск собранного усилиями Тургенева, средактированного им и изданного с коротким предисловием, сперва в виде вложения

---

[1]) «Современник», 1850, I, отд. VI, стр. 56.

[2]) *М. Н. Лонгинов.* Стихотворения А. Н. Майкова, «Атеней», 1858 г., ч. III, стр. 217.

в «Современник» с особой нумерацией, а затем и отдельно, сборника стихов Федора Ивановича Тютчева.

«Появление стихотворений Тютчева было как будто сигналом окончательной реакции» против предшествующего гонения на стихи, вспоминает несколько позднее, в 1858 г., тот же современный критик, перечисляя опубликованные вслед за этим многочисленные издания старых поэтов и бесконечное множество новообразовавшихся поэтических имен, отмечая, что после длительного молчания снова вернулся тогда к стихам и Некрасов [1]).

Фет в «Моих воспоминаниях» также отзывается о «великом значении появления в свет небольшого собрания стихотворений Тютчева», приветствованного в его кругу (т.-е. в кругу литературной молодежи, группировавшейся, главным образом, около Тургенева и редакции «Современника»), «со всем восторгом, которого заслуживало это капитальное явление» [2]).

«Странная судьба» поэзии Тютчева в печати и публике отмечалась неоднократно. Не обошлось здесь и без некоторых преувеличений. Так, даже такой компетентный знаток Тютчева, как В. Я. Брюсов, указывает на краткое упоминание имени его в рецензии «Московского Телеграфа», 1831 г., как на первый и единственный отзыв о нем вплоть до статьи Некрасова. На самом деле существует ряд отзывов, заметок и рецензий о Тютчеве, как задолго до 1831 г., так и позднее, вплоть до 1836 г., когда его стихи начали большими сериями печататься в пушкинском «Современнике». Но, действительно, эти стихи не встретили никакого отклика в печати, и имени Тютчева вообще с 1836 по 1850 г. не называет ни один из журналов (не считая коротенькой отметки «Русского Инвалида» в 1848 г.), несмотря на то, что его произведения продолжают появляться количествами, правда, все уменьшающимися, и в «Современнике», и в некоторых других изданиях. И только отдельные ценители и знатоки с умилением вспоминают о «божественных» стихах Тютчева, обмениваются его именем, как некиим талисманом, по которому «посвященные в таинства истинной поэзии» различают друг друга. «Что касается до вашего спора о Тютчеве,—пишет, например, Тургенев Фету,—о Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии—und damit Punctum» [3]).

И только в 1850 г. в статье «Второстепенные поэты», помещенной на задворках «Современника», в отделе смеси, между модами и письмами из провинции, и принадлежащей, как было упомянуто, перу одного из издателей журнала, Некрасова, дается чрезвычайно высокая, но и такая запоздалая оценка «стихов, присланных из Германии» (название стихотворений Тютчева в пушкинском Современнике) некоего автору статьи неизвестного Т. Ф-ва (так стоит в подзаголовке, в самой статье стихи правильно приписаны Ф. Т-ву).

---

[1]) *М. Н. Лонгинов*, ib.

[2]) «Мои воспоминания», I, 134.

[3]) «Мои воспоминания», I, 283.

Статья эта прямо оканчивается пожеланием, чтобы «стихотворения Ф. Т. были изданы отдельно». «Мы можем ручаться,—добавляет автор,—что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения» [1]).

Как бы в прямой ответ на это пожелание через некоторое время в одном из журналов появляется короткое сообщение о предстоящем напечатании «Полного собрания стихотворений Тютчева» [2]).

Однако, со времени некрасовского почина проходит еще четыре года, прежде чем издание сборника Тютчева могло осуществиться,—да и Тургеневу, по словам Фета, «стоило большого труда выпросить тетрадку его стихотворений для «Современника» [3]). Позднее мы скажем об обстоятельствах, этот «большой труд» обусловивших.

Не ограничиваясь изданием стихов Тютчева, Тургенев, с целью более легкого проникновения их в публику, дальнейшей их пропаганды, помещает в следующем же номере «Современника» небольшую заметку «Несколько слов о стихотворениях Тютчева», в которой в весьма энергичных выражениях утверждает исключительную ценность и значение их. Это вмешательство Тургенева в дальнейшую судьбу выпущенной им книжки было, кстати сказать, как нельзя более уместно и своевременно. В литературе о Тютчеве рядом с указаниями на полную незамеченность его ранних стихов обычно подчеркивается то единодушное внимание и одобрение, с каким отнеслась критика к его произведениям в пятидесятые годы,—«восторженная встреча всей печатью» [4]). На самом деле эти восторги отнюдь не были так уж единодушны и велики. Хваля стихи Тютчева в одной своей книжке, «Отечественные Записки» осуждают их же в другой [5]). А критик «Пантеона» в ряде рецензий и заметок [6]) ополчился на Тютчева с такой резкостью, что даже Лажечников, писатель старого закала, человек традиционных литературных вкусов и восприятий, счел нужным в частном письме к редактору журнала Ф. А. Кони вступиться за «несправедливо униженную» поэзию Тютчева [7]).

Изданием Тютчева Тургенев в своей деятельности по «восстановлению» русской поэзии не ограничился. В одном из последующих томов «Современника» с его предисловием напечатаны им же доставленные 15 стихотворений Боратынского [8]).

---

[1]) «Современник», 1850, I, отд. VI, стр. 56.

[2]) «Раут», 1852, стр. 201—4.

[3]) «Мои воспоминания», I, 134.

[4]) Ср. Брюсов, «Ф. И. Тютчев», крит.-биографич. очерк при издании сочинений Тютчева 1912 года, стр. XXIV и друг.

[5]) «Отечественные Записки», 1854, VIII, отд. IV, стр. 55—75 и VII, отд. IV, стр. 44—6.

[6]) «Пантеон», III, отд. V, 17—18; IV, отд. V, 31; VIII, отд. V, 5—6 и X, отд. V, 20—1.

[7]) «Русский Архив», 1912, III, стр. 144.

[8]) Большая часть их была напечатана в прежних изданиях; меньшая—опубликовывалась впервые.

К Боратынскому, начавшему свое литературное поприще всеобщими одобрениями и большим успехом, вместе с «сумерками» (название последнего сборника его стихов) жизни и поэзии—тяжелый душевный кризис, решимость одно время вовсе уйти от художественного творчества—пришли и сумерки славы, под влиянием отзывов об его «стихотвореньицах» Белинского, сгустившиеся в долгую могильную ночь.

В противовес этим отзывам, долгое время имевшим все значение последнего приговора, Тургенев в своем предисловии заявляет о намерении «оживить в памяти всех любителей русского слова образ одного из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы» [1]).

Около того же времени Тургенев начинает принимать живейшее участие в литературной судьбе Фета. Знакомство между Тургеневым и Фетом состоялось в период вынужденного пребывания первого в Спасском, между 1852 и 1854 гг. [2]). По просьбе Тургенева, Фет познакомил его со своими стихами и сразу же был совершенно очарован «тонкими указаниями», «замечаниями знатока», «восхищен его чутьем»,—чувство, которое не замедлило перейти в «фанатическое поклонение» [3]).

Тургенев устроил ему—«совершенному новичку в журнальном деле»—сотрудничество в «Современнике» и «Отечественных Записках», самых не только видных, но и выгодных органах того времени, «сам вызвался проверить вместе, из строки в строку» переводы его из Горация, а несколько позднее стал настаивать на новом издании его стихотворений, при чем сам брался и за редакцию его [4]).

В 1856 году это издание под верховным руководительством Тургенева, снабдившего его своим, написанным как бы от лица самого поэта, предисловием, и было осуществлено.

Словом, первые профессионально-литературные шаги Фета были настолько направляемы Тургеневым и настолько способствовал он популярности его поэзии в России и за границей [5]), что шутливое заявление: «нет Фета, кроме Фета, и Тургенев пророк его» [6]), сделанное значительно позже самим же Тургеневым, приобретает, для этого, по крайней мере, периода, характер полной истинности.

---

[1]) Тургеневым подготовлялась и специальная статья о творчестве Боратынского, в печати, однако, не появившаяся, см. «Русские Пропилеи», т. III, стр. 311.

[2]) «Мои воспоминания», I, 5, и автобиография Тургенева. «Русские Пропилеи», III, 232.

[3]) «Мои воспоминания», I, 5, 7, 33.

[4]) Ib. I, 35—7, 40.

[5]) По указаниям Тургенева ряд стихов Фета был положен на музыку Полиной Виардо (см. «Мои воспоминания», I, 409, 433 и др.). В деле пропаганды Тургеневым русской поэзии на Западе отметим, кстати, его перевод на французский язык поэмы, Лермонтова «Мцыри», напечатанной с его же предисловием в «La Revue Moderne», 1865 г.; переводы нескольких стихотворений Пушкина («La République des lettres») 1877 г.) и предисловие к английскому переводу басен Крылова («The Academy» 1871 г. Его высокая оценка деятельности ряда русских поэтов в частных сношениях с французскими друзьями-литераторами известна.

[6]) «Мои воспоминания», I, 361.

Еще большим, чем в отношении Фета, пророком был Тургенев для Полонского.

Их сближение начинается около того же времени. В первом же из дошедших до нас писем к Полонскому Тургенев выказывает досаду, что его стихи испорчены дурным изданием, и сожаление о невозможности из-за своих в данное время «тесных обстоятельств» взять дело в свои руки [1]).

Полонского Тургенев так и не издавал. Однако, в многочисленных своих письмах к нему он широко использовывает данное ему право делать всякого рода замечания и указания по поводу его стихов до появления их в печати. Так что фактически почти все печатаемые Полонским в пятидесятые и шестидесятые годы стихи проходили через дружескую критику и редакцию того же Тургенева [2]).

Мало того, за все эти годы Тургенев и оказывает многократную материальную поддержку зачастую тяжко нуждавшемуся поэту, и постоянно готовы у него слова одобрения и участия по поводу того «заговора молчания», который Полонский усматривал по отношению к своим стихам в современной критике. Особенно часто приходит ему Тургенев на помощь в «моровую» для чистой лирики пору «жестокоголовых» шестидесятых годов.

В то время с новой, небывалой еще силой подымается гонение на поэзию. Слова Писарева о предпочтении стихам «белых полос» бумаги, которые дешевле обходятся редакции и не поощряют «предосудительного тунеядства» поэтов, становятся девизом эпохи; в литературе властвуют стихи Некрасова, представляющиеся современным эстетам «жеваным папье-маше с подливкой из острой водки»[3]); под влиянием «бестиальской» травли его стихов журнальными фельетонами, в катакомбы частной жизни, устроения своего деревенского благополучия уходит «не желающий ничего слышать о литературе и отпускающий себе бороду до чресл» [4]) Фет.

Сам Полонский испытывает нечто «в роде отчаяния», и письма его к Тургеневу от этой поры «проникнуты таким унынием», что последний, «кажется, денег бы дал, чтобы найти слова, способные ободрить и развеселить единственного поэта», в котором еще «горит в наше время огонек священной поэзии» [5]).

И одними дружескими подбадриваниями Тургенев не ограничивается. Как в пятидесятые годы, и теперь он, несмотря на свой вообще к тому времени в литературе «сильно поколебленный авторитет» [6]), решается на публичное выступление в защиту гонимой поэзии. В январе 1870 г. появляется в форме письма к редактору «СПБ. Ведомостей», задуманный и начатый еще в 1869 г., пространный «фельетон» Тургенева о творчестве

[1]) Первое Собрание писем, стр. 11.
[2]) См. по указат. письма Полонскому в «Первом собрании писем Тургенева».
[3]) Тургенев. «Письма», 130.
[4]) «Мои воспоминания», II, 188, и Тургенев. «Письма», 89.
[5]) Тургенев. «Письма», стр. 134, 146, 167.
[6]) Ib., стр. 165.

Полонского [1]). В этом письме-фельетоне Тургенев решительно и гневно противопоставляет свою высокую оценку Полонского отзывам современных критиков, не усматривавших в его поэзии ничего, кроме «бессодержательного сотрясения воздуха» и «бесконечной канители слов» [2]). Письмо это вскоре было перепечатано Страховым и, несомненно, сыграло немалую роль в деле усвоения поэзии Полонского критикой и публикой.

Таким образом, оставляя даже в стороне не вполне довершонную попытку Тургенева воскресить образ и стихи Боратынского, должно отметить, что деятельность трех замечательнейших русских лириков—Тютчева, Фета и Полонского, являющих собой как бы то алмазное звено, которое соединяет пушкинскую эпоху с периодом современного нам поэтического цветения,—прошла под знаком непрерывного содействия ей со стороны Тургенева. Знаменитый уже в то время писатель мужественно подставлял себя под удары враждебной критики, решительно идя против господствовавших течений, образовывая внутри этих самых течений иной, противоборствующий им и, в конце-концов, заворачивающий их в свою сторону, встречный поток.

Насколько Тургенев был одинок в этих своих провозвестиях и апологиях, показывает хотя бы только что упомянутое нами «письмо» в «СПБ Ведомости». Письмо это было сопровождено примечанием и рядом оговорок редакции, объяснявшей напечатание его «общим», и своим в частности, «уважением к *личному мнению* такого первоклассного писателя, каков г. Тургенев», но подчеркивавшей, что это мнение противоречит взглядам самой газеты, почитающей стихи Полонского устарелыми и вообще произведениями таланта «не очень сильного». «Нельзя не отдать полной справедливости,—добавляла редакция,—благородству порыва, заставившего г. Тургенева взяться за перо, чтобы сказать доброе слово в защиту собрата по литературе, нельзя не признать» и т. д.... но—«оговорки, которыми мы сопровождаем письмо г. Тургенева, кажутся нам существенно необходимыми» [3]).

Такое примечание прямо как бы уничтожает все значение тургеневской критики.

В период издания книжки Тютчева и тургеневских «Нескольких слов» об его поэзии, рецензент «Пантеона» высказывался еще определеннее и резче по адресу нового своего соперника на критическом поприще, приглашая оставить «не дающуюся ему критику» и возвратиться к писанию собственных художественных произведений, «в которых он так велик» [4]).

Сам Тургенев трезво и отчетливо сознавал свои заслуги перед русской литературой, обусловливаемые его выше обрисованной издательской

---

[1]) Видимо, фельетон был послан Тургеневым в качестве статьи, форму же письма придала ему сама редакция.

[2]) «Русские Пропилеи», III, стр. 325—6.

[3]) «Русские Пропилеи», 326.

[4]) «Пантеон», 1854, IV, «Петерб. Вестн.», стр. 31.

и критической деятельностью, полушутя ставил их даже выше своего непосредственного дела художника.

В «Моих воспоминаниях» Фет рассказывает о небольшом дружеском обеде, данном в честь Тургенева петербургскими литераторами, очевидно, в связи с его возвращением из ссылки... «Собеседники не скупились на краткие приветствия, выставлявшие талант и литературные заслуги Тургенева»; произносились шутливые спичи; приветственные экспромпты прочли М. А. Языков и сам Фет. «Минуты две спустя, Тургенев, в свою очередь, попросил слова и сказал:

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться,
И Фету вычистил штаны».

«Гомерический смех,—добавляет Фет,—был наградой импровизатору» [1]). Для того, чтобы сделать понятным значение этого смеха, должно указать, что Тургеневу, как ценителю и, в особенности, редактору чужих поэтических произведений, была исключительно присуща одна черта—постоянное стремление находить те или иные погрешности в читаемых или слушаемых им стихах и настаивать на исправлении их в желательную ему сторону.

Вообще давать всякого рода советы и указания, зачастую не ограничиваясь отрицательными отметами, но прямо подсказывая новый возможный вариант, в дружески-профессиональных отношениях писателей между собой является делом весьма принятым. В переписке любых двух поэтов мы почти всегда найдем явные тому подтверждения. Как наиболее характерный пример, отметим, что даже такой поэт, как Тютчев, о котором его биографы, не совсем, правда, справедливо, отзывались, как о совершенно равнодушном к самой технике писания стихов, к работе над ними, дает неоднократно своему другу, кн. П. А. Вяземскому, варианты изменений, которые он желал бы ввести в его стихи [2]). Но у Тургенева это обычное и совершенно естественное во всяком писателе и критике стремление достигает необыкновенных размеров. Ни одно из присылаемых ему стихотворений не обходится без многочисленных указаний, самых разнообразных обсуждений то того, то другого неудачного, по его мнению, места, настойчивых требований провести те или иные исправления.

Фет рассказывает нам об одном особенно характерном случае, имеющем видимость почти анекдотическую.

В 1864 году он встретился с Тургеневым на похоронах Дружинина и прочел ему свое стихотворение, посвященное памяти покойного и написанное под первым впечатлением от его смерти, «прося, по обычаю, сказать, стоит ли оно того, чтобы прочесть его публично».

---

[1]) «Мои воспоминания», I, 135.

[2]) П. А. Плетнев. Сочинения, т. III, стр. 280, 470.

«Вы видите, я плачу,—сказал Тургенев,—это лучшая похвала стихотворению, но все-таки следует исправить стих: ты чистым донесен в могилу, так как доносят *до*, а не *в*».

Однако, Фет напечатал стихотворение с сохранением инкриминируемой строки, и, год спустя, Тургенев в письме вспоминает: «а вы, злодей, оставили: «донесен в могилу» [1]).

Настойчивость Тургенева победила: при перепечатке стихов строка оказалась измененной: чистым *унесен* в могилу — и в таком виде вошла во все последующие издания [2]).

И такая настойчивость, не ослабевающая в течение очень продолжительного времени и сламывающая всякий отпор, если даже он и возникал, была постоянно свойственна Тургеневу в его отношениях с поэтами, доверявшими свои произведения его дружеской критике.

Так, Полонский пробовал отстаивать свои первочтения. 21 октября 1867 г. Тургенев пишет ему по поводу стихотворения «Вакханка и сатир»: в последнем куплете эпитет *ветряный* не хорош. Не смею тебе советовать, но на мой вкус—яростный, бешеный—был бы лучше этого слабого «*ветряный*». Однако, Полонский, проведя все другие указываемые Тургеневым изменения, медлит с заменой осужденного эпитета, очевидно (соответствующее письмо его Тургеневу нам не сохранилось), выдвигая какие-то соображения в его пользу. В ответ следует категорическое: «с эпитетом *ветряный* я помириться не могу: он выходит из тона». И Полонский покорно заменяет «ветряный» на подсказанное Тургеневым слово «*бешеный*» [3]).

В другом аналогичном случае, после такой же бесплодной защиты, Полонский лаконически примечает: «все это было исправлено и стихи эти (Тургенев находил их излишними) были выкинуты» [4]).

Наконец, Фет прямо рассказывает об упорной борьбе, «ревностном отстаивании» текста своих стихов, издание которых, как упоминалось, было поручено им Тургеневу, осуществлявшему его совместно с кружком друзей, близких к редакции «Современника», и добавляет: «но по пословице: один в поле не воин,—я вынужден был соглашаться с большинством» [5]).

На самом деле мы увидим далее, что это «большинство» играло здесь самую маловажную роль, подчас становясь даже на сторону Фета, — и все «поле» сводилось обыкновенно к поединку между ним и Тургеневым. К описанию этого поединка мы сейчас и перейдем.

---

[1]) «Мои воспоминания», II, 5—6.
[2]) Ср. полное собрание стихотв. А. А. Фета. СПБ., 1910, т. I, 43.
[3]) Тургенев. «Письма». 127—8. Полонский, Стихотворения. СПБ., 1885, стр. 292.
[4]) Тургенев. «Письма», стр. 129.
[5]) «Мои воспоминания», I, 105.

II.

После выпущенного Фетом в 1840 г. «Лирического Пантеона», в который вошли самые ранние стихи его, он издал сборник своих произведений в 1850 г. Однако, опубликованный в самый разгар «антистихотворных» настроений, сборник хотя и разошелся [1]), но остался мало отмеченным критикой. Тургенев, как мы упоминали, почти сразу после своей встречи с Фетом стал настаивать на новом собрании его стихотворений под своей редакцией, на что Фет тогда же охотно согласился. Несколько позднее, в 1856 г., это издание и состоялось.

Незадолго до того Тургенев писал Фету: «Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров,—словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. А так как вы пишете о значительном улучшении ваших финансов, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают *самой ревностной очистки* [2]) и красивого издания, для того чтобы им лежать на столике всякой прелестной женщины» [3]). Эта «самая ревностная очистка» не замедлила. Написанное от лица Фета Тургеневым предисловие гласит: «Собрание стихотворений, предлагаемое читателю, составилось вследствие строгого выбора между произведениями, уже изданными автором. Многие из них подверглись поправкам и сокращениям». Заканчивалось предисловие в обычном, при обращении Тургенева с читателями, тоне: «автор надеется, что в теперешнем своем виде они более прежнего достойны благосклонного внимания публики и беспристрастной критической оценки». Сам Фет позднее, в предисловии к изданию стихов 1863 г., на этот раз проведенному лично им, выражает свою «искреннюю признательность друзьям-поэтам, эстетическому вкусу которых он вверил вполне издание 1856 г.». Однако, в свете других его заявлений придется основательно заподозрить, как «искренность» этой признательности, так и авторское одобрение принятым тургеневским изданием текстам.

В «Моих воспоминаниях», написанных за последние годы жизни поэта, рассказывая об издании его стихов Тургеневым, Фет прямо отмечает: «издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько изувеченным» [4]). С такой оценкой издания 1856 г. были, очевидно, согласны и многие друзья его поэзии. Аполлон Григорьев, университетский товарищ Фета и «от начала горячий поклонник» его стихов [5]), предостерегая его от критических замечаний друзей-писателей,

---

[1]) Так, по крайней мере, утверждает сам Фет («Мои воспоминания», I, 40). Н. Н. Страхов в своем биографическом очерке Фета указывает, наоборот, что издание 1850 г. «расходилось плохо» (полное собрание стихотворений Фета, СПБ. 1910, XXXI).

[2]) Курсив наш.

[3]) «Мои воспоминания», I, 104.

[4]) «Мои воспоминания», I, 105.

[5]) Н. Н. Страхов, биографический очерк Фета при полном собрании стихотворений 1910 г., стр. XXIX.

пишет: «верь только критикам в этом деле, а не поэтам, т.-е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму. Наилучшее доказательство—*несчастное издание второе, тургеневское* [1])...

Однако, это «несчастное» издание с его «изувеченными» текстами было положено в основу всех последующих собраний сочинений Фета. Дать действительно «очищенный», т.-е. критически выверенный и в значительной части возвращенный к его первоначальному виду фетовский текст—является поэтому первой и основной задачей всякого исследователя-специалиста. Но и помимо того, история этого «изувечения», вернее, самоизувечения Фета, произведенного им под энергичным давлением Тургенева и по его непосредственным указаниям, представляет разнообразный историко-литературный интерес. Прежде всего это дает нам возможность установить ту тургеневскую «призму», сквозь которую смотрел на стихи не только он сам, но, как мы убедимся в этом, и вся почти современная журнальная критика, т.-е. помогает определить литературный канон эпохи пятидесятых годов. Установка этого канона способствует выяснению роли Тургенева в редактировании стихов Тютчева, каковые, как мы постараемся это доказать, были «изувечены» уже непосредственно самим редактором, без всякого участия в том доверившегося ему поэта. В литературном облике Тургенева все это выявляет несколько новых, до сих пор не отмеченных штрихов. Наконец, изучение истории издания 1856 г. дает в руки исследователя не только материалы, способствующие уяснению творческого процесса Фета, но и целый ряд новых, никогда не появлявшихся в печати текстов, подчас непререкаемо-высокого художественного значения.

Во время подготовки издания 1856 г. Фет находился вне Петербурга, и все сношения его с Тургеневым и предводительствуемым последним «дружеским кружком» происходили по почте. «Почти каждую неделю,—рассказывает Фет,—стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений [2]). Однако, этот рассказ не совсем точен. Вместе с письмами между Фетом и «кружком» все время ходил печатный экземпляр его стихотворений издания пятидесятого года, положенного, как упоминалось, в основу нового собрания. Все подчеркивания стихов и отметки с требованиями их исправлений, часто подробно мотивированные, делались не в письмах, а непосредственно в печатном тексте. Если изменения, даваемые Фетом тут же на полях книги, не удовлетворяли «кружок»,—следовали новые указания,—и так до получения окончательного текста 1856 года.

Все эти, как первые, так и повторные отметки и указания, *принадлежат руке самого Тургенева* [3]).

---

[1]) Курсив наш. «Мои воспоминания», I, 223.

[2]) «Мои воспоминания», I, 104.

[3]) Курсив наш.

Впоследствии этот экземпляр находился у Фета, никому им при жизни не показывался, а после смерти найден был в его библиотеке.

Сейчас он хранится у одного из родственников поэта, Ильи Семеновича Остроухова, благодаря любезности которого мы и получили возможность с ним ознакомиться.

Вместе с письмами Тургенева данные этого экземпляра позволяют с полной точностью установить характер редактирования им стихов Фета [1]).

В области воззрений, как на существо поэзии, так и на самый творческий процесс, Тургенев и Фет расходились диаметрально.

Для Фета в основе художественного творчества лежал «бессознательный инстинкт (вдохновение), пружины которого для нас скрыты». Для Тургенева художественная деятельность, как и всякая человеческая деятельность вообще, имела своим единственным источником разум. На эту тему между ним и Фетом происходили «вечные горячие споры» [2]).

«Пора перестать хвалить Шекспира за то, что он, мол, дурак,—пишет он Фету в одном из более поздних писем,—это такой же вздор, как утверждать, что российский крестьянин между двумя рыготинами сказал как бы во сне последнее слово цивилизации» [3]). На самом деле, если Фет отнюдь и не утверждал, что Шекспир—дурак, то рассудочности творческой стихии в Тургеневе он всегда противопоставлял особое состояние иррационального «лирического восторга», некоего «поэтического безумия».

И в своем собственном творчестве Фет постоянно, «самозабвенным полетом» «порывается» туда, «куда несет его крыло» «бессознательного инстинкта».

И постоянно же на этом пути восстает преграждающий ему дорогу его редактор.

Требования перемен, мотивируемые «непонятностью», «темнотой» того или иного стиха, имеем мы особенно часто. «Необъятно-непостижимое стихотворение», «темнота, от которой волки взвоют со страха», «стихи, которых я до судороги не понимаю»,—вот обычные фразы, встречающие нас в отзывах о новых стихах Фета в письмах ему Тургенева [4]).

Особенно характерный пример этого рода имеем в связи с известным стихотворением: «Мы одни, из сада в стекла окон...» Эта, действительно, «иррациональная» пьеса, в которой «все растет и рвется вон из меры», яркостью своих красок, пышной экзотикой образов сразу же подпала под тургеневский остракизм. Целый ряд эпитетов (розою китайской, све-

[1]) В нашей работе мы далеко не использовываем весь материал экземпляра И. С. Остроухова, ставя себе задачей дать не столько историю фетовского текста, сколько характеристику редакторской деятельности Тургенева.

[2]) Ib. II, 78.

[3]) «Мои воспоминания», I, 40;

[4]) «Мои воспоминания», I, 312, 433 и др.

том ложным, лотос богомольной и др.), был предназначен к перемене, взято под сомнение несколько отдельных строк [1]).

Фет сейчас же согласился на все изменения. Однако, и это не удовлетворило редактора, в конце-концов, вовсе опустившего одну из наиболее экзотических строф—

Знать, цветы, которых нет заветней,
Распустились в неге своевольной.
Знать, и кактус побелел столетний
И банан, и лотос богомольной,—

несмотря на сделанные Фетом требуемые исправления (в неге *сокровенной* и лотос *драгоценный*).

Но особенно долгая переписка шла по поводу отмены стиха: «на суку извилистом и чудном». «Очень понятно,—вспоминает Фет,—что высланные мною, скрепя сердце, три-четыре варианта оказались непригодными, и, наконец, Тургенев писал: «не мучьтесь больше над стихом — на суку извилистом и чудном,—Дружинин [2]) растолковал нам, что фантастическая жар-птица и на плафоне и в стихах может сидеть только на извилистом и чудном суку рококо; и мы согласились, что этого стиха трогать не надо» [3]).

На полях экземпляра И. С. Остроухова сохранился один из этих данных, «скрепя сердце», вариантов (серьезности его мы не имеем основания подозревать: Фетом дана к нему и соответствующая рифма) [4]), который показывает, до какой степени изнеможения и даже, видимо, равнодушия к дальнейшей судьбе своего текста доходил подчас поэт перед лицом беспощадной требовательности его редактора. Взамен: «на суку извилистом и чудном», Фет дает: «на суку ни с чем несообразном».

Совершенная уже «несообразность» этого варианта, очевидно, и послужила главной причиной сохранения стиха; но зато пьесе, в оправдание всей ее «экстравагантности», Тургеневым было придано ранее отсутствовавшее название — «Фантазия», так за ней и сохранившееся [5]).

Небезлюбопытно, кстати, отметить, что и в творчестве самого Тургенева тот «бессознательный инстинкт», на который он столь восставал у Фета, иногда, повидимому, к его собственному удивлению, торжествовал неожиданную победу. Так эпиграфом к своей повести «Призраки» (вначале она носила название «Фантазия», перешедшее потом

---

[1]) Экземпляр И. С. Остроухова, стр. 26—27. Стихи, которые Тургенев считал подлежащими исправлению, им подчеркивались с обычной отметой на полях «переменить», часто обозначавшейся одной или несколькими первыми буквами.

[2]) Известный критик, один из членов редактировавшего Фета «литературного ареопага».

[3]) «Мои воспоминания», I, 105.

[4]) Вместо «в сияньи изумрудном»—«в сиянии алмазном».

[5]) Ср. Полное собр. стихотворений Фета, СПБ., 1910, т. II, стр. 56.

в подзаголовок [1]), Тургенев взял как раз осужденные им строки фетовской «Фантазии» [2]).

Фету он по этому поводу, с некоторой полушутливой растерянностью, писал: «угобзился сочинить вещь, которая, вероятно, вам понравится, ибо не имеет никакого человеческого смысла, даже эпиграф взят у вас. Вы увидите, это замечательное произведение очепушившейся фантазии» [3]).

На ряду с требованием поэту не выходить за пределы «человеческого смысла»,—того разума, культ которого, сам обладавший им в высокой степени, западник Тургенев свято отправлял, в отношении его к стихам встречает нас и другая, на первый взгляд даже несколько противоречившая первой черта. Отрицая всякое «заумное» творческое «исступление», требуя, чтобы стихи не противоречили критериям рассудочного постижения — «рассудительности» [4]), Тургенев твердо усвоил известный пушкинский афоризм о «прости, Господи, глуповатости» поэзии.

Область, доступную изображению поэта, лежащую «в его средствах», он неуклонно ограничивал пределами так называемого поэтического в кавычках,—миром «сладких звуков и молитв». Отсюда совершенное непризнание им гражданской поэзии Некрасова, в которой, поэзия-то, по его словам, «и не ночевала», и неизменно-отрицательное отношение к постоянно заявлявшему себя в Фете стремлению к «мудрствующей», философической лирике [5]).

«Фет-Шеншин,—писал он позднее в эпоху написания Фетом своих «Вечерних огней»,—до того погряз в философствовании, что только пузыри пускает, и пузыри неблаговонные» [6]). И всякий элемент такого «философствования», обнаруживаемый им в ранних, прошедших через его редакторство, стихах Фета, Тургенев упорно и безжалостно искоренял.

В отделе «Вечера и ночи», изд. 1850 г., имеется, например, пьеса: «Каждое чувство бывает понятней мне ночью»... В ней поэт противополагает дневному ясному сознанию особое, сумеречное, «ночное» восприятие, «наяву» проникающее в область «невозможно-возможного», чуящее объемлющую весь мир единую «сокрытую силу».

---

[1]) «Мои воспоминания», I, 433.

[2]) «Миг еще—и нет волшебной сказки, и душа опять полна возможным». В экземпляре И. С. Остроухова около последней строчки—переменить; тоже, рядом со строкой рифмующей—«раздражая око светом ложным». Фет меняет: «раздражая резким светом очи» и «разлетелись чары майской ночи». У Тургенева, однако, хватило чутья на этот шаблон не пойти, и стихи были сохранены в их первоначальном виде.

[3]) «Мои воспоминания», I, стр. 439.

[4]) Ib., II, 77.

[5]) К «философствованию» Тургенев вообще относился неблагосклонно Полонский, напр., о нем говорит: «Хотя он и был в юности поклонником Гегеля, отвлеченные понятия, философские термины давно уже ему не по сердцу. Он терпеть не мог допытываться до таких истин, которые, по его мнению, непостижимы». «Нива», 1884, стр. 62.

[6]) Письма, стр. 347.

Около двух последних строк этой пьесы —

Так посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя —

встречаем обычную отметку «переменить» [1]). Фет заменяет неодобренное двустишие новым, где в иной форме, но с еще большей четкостью выражена все та же античная мысль о «посвятительном» значении ночи.

Кстати, эти две строки, как отвергнутые Тургеневым, в печати никогда не появлялись:

Если дано человеку увидеть Психею нагую,
Верю, доступней всего дева в подобную ночь.

По поводу нового варианта Тургенев высказывается уже определеннее: «к чорту филозофию», читаем на полях, рядом с ним [2]).

И «филозофия» Фетом покорно упраздняется. В печатном тексте инкриминируемые строки звучат:

Так между влажно-махровых цветов снотворного мака
Полночь роняет порой тайные сны наяву.

Схожий пример—пьеса: «Помедли люди спят»... [3]). Вся она зачеркнута целиком; около отдельных строк, сбоку отчеркнутых, многочисленные знаки вопроса; но четыре стиха 3-ей строфы обведены карандашом и против них, на полях: «удивительно! из этого стихотворения можно сделать прелесть, если начать тихой картиной ночи и кончить последним стихом: «я не пойду туда»... но святость звездолюбивых дум — к чорту». Поэт покорно выполнил все ему предуказанное, и стихотворение приняло совершенно новый вид [4]).

На этом примере мы переходим уже от указаний Тургенева в области так называемого «содержания» поэзии Фета к требованиям формальных исправлений, и можем на нем же убедиться, с какой чисто-профессиональной, по собственному определению Тургенева, «смелостью» перетряхивал он подчас редактируемые им стихи, не только совершенно нарушая первоначальную их композицию, органический внутренний строй, но и давая точные предписания, по которым они должны были быть перестроены наново. Примеры тому имеем не только со стихами Фета. Полонскому, в самом начале их отношений, Тургенев, например, пишет: «я от ваших «Наяд» пришел в восторг. Это—вещь великолепная, но так как я бы желал видеть ее напечатанной, то позвольте мне предложить следующие изменения.

---

[1]) Экземпляр И. С. Остроухова, стр. 39—40.
[2]) Ib., 40.
[3]) Ib., стр. 79.
[4]) Ср. Полное собр. стихотвор. Фета СПБ., 1910, I, стр. 285.

Вместо: «современные песни отчизны моей»—скажите: народные песни... следующие два стиха «там молчали каменья... святые права» надо изменить. Они, сверх того, прозаичны. Потом вместо «бедные дщери морей»—поставьте «нимфы», и на конце прибавьте в двух словах следующую мысль: «я не Титан, но вы слышали точно песню Титана, который, как Прометей, прикован к скале и его коршун грызет»... Тогда, по-моему стихотворение выйдет истинно прекрасно» [1]).

Но самый яркий пример этого рода, чрезвычайно характерный и для отмеченного чисто-рационалистического отношения Тургенева к процессу художественного творчества, имеем в том же экземпляре И. С Остроухова [2]).

В зачеркнутом вовсе стихотворении «Утром курится поляна» две внутренние строки—

Утро, как сон новобрачной,
Полно стыда и огня—

выделены карандашной чертой, и на полях протих них редактор диктует «сохранить эти прекрасные два стиха для будущего стихотворения».

Выполнить редакторскую волю поэт, видимо, не сумел: зачеркнутая пьеса была выпущена и не вошла ни в одно из прижизненных изданий, в посмертных же появилась в прежнем виде.

Основными требованиями, предъявляемыми к стихотворной форме Тургеневым, были: ясность, чистота и литературность языка, отсутствие натянутости и излишней эксцентричности в образах, правильная грамматика, сжатость слога, благозвучие стиха, точность рифмовки и т. п.

Критерием всегда и во всем был для него «хороший» литературный вкус. Упреки в безвкусии при обращениях его к Фету постоянны [3]).

Но все эти требования, в которых Тургенев совпадал с современными школьными руководствами по теории словесности [4]), проводились им с крайним, как он сам его называл, «неумолимым» ригоризмом. «Стихотворение, присланное вами, очень мило и безукоризненно,—пишет он Фету.—Жаль, что находятся два *и*—«*и* негой» «*и* всеобъемлющий». Но это мелочная придирка d'un blasé» [5]).

«Стихотворение это—он же Полонскому—так хорошо, что я решаюсь указать тебе на три пятнышка» [6]).

И в издании стихов Фета 1850 года нет почти ни одной пьесы, на которой «пресыщенник» Тургенев не усмотрел бы того или иного «пят-

---

[1]) Тургенев. «Письма», стр. 38.
[2]) Стр. 14.
[3]) Ср. хотя бы «Мои воспоминания», I, 3
[4]) Так очень часты у него совпадения с известным словарем Остолопова.
[5]) «Мои воспоминания», I, 306.
[6]) «Письма», стр. 127.

нышка» и не позаботился об его самом тщательном вытравлении [1]). Даже наиболее пришедшиеся ему по вкусу стихи не свободны от мелких упреков. «Это стихотворение—chef d'oeuvre», отмечает он около пьесы «Диана». Однако, и в этом шедевре оказывается один не нравящийся ему эпитет [2]).

Критика Тургенева со всей ее «мелочной придирчивостью» оказала, однако, в данном случае русской литературе свои услуги: Фет вынуждался ею все на новые переработки своих стихов, новые и новые варианты. Огромное количество их, непринятое Тургеневым, в печати никогда не появлялось и для любителей поэзии Фета таит ряд новых и ценных находок. Отнюдь не претендуя, как упоминалось, исчерпать все богатства этого рода, укажем только еще один тому пример.

В известном стихотворении «Ночь светла, мороз сияет» из цикла «Снега» последняя строфа:

И летучею ездою
Зимней ночью при луне
Я душе твоей раскрою
Все, что ясно будет мне—

редактором зачеркнута [3]). Видимо, жалеющий расстаться с ней, Фет дает последовательно два варианта—две новых строфы, внутри себя также содержащие разночтения. Обе эти строфы никогда не были напечатаны.

Первый вариант—

Без мечтаний, без печали
Будем по полю скакать,
Чтобы мысль твоей вуали
Не успела обогнать—

—снова перечеркнут редактором. Тогда следует второй, также отвергнутый вариант:

В вихорь пыли своевольно
Злая пара унесет
И рука твоя невольно
Крепче руку мне сожмет [4]).

Но вообще редакция Тургенева придала стихам Фета целый ряд чуждых, несвойственных им черт, одновременно уничтожив ряд существеннейших особенностей его поэзии.

Если требования понятности и отсутствия философского момента подрезали крылья его «дерзновенным порываниям», то, в погоне за

[1]) В выше цитированном предисловии к изд. 1856 г. Тургенев ссылается на «строгий выбор» перепечатываемых стихов. И, действительно, из числа 179 пьес издания 1850 г. было выкинуто больше половины—86 пьес, у 12 были «ампутированы» концы, иногда в несколько строф длиной, все же почти остальные стихи подверглись тем или иным изменениям.

[2]) «Зефир вечеровой». Фет меняет последовательно: «ветер заревой» и, в виду продолжающегося неудовольствия редактора, «ветер на заре»—экземпляр И. С. Остроухова, стр. 101.

[3]) Экземпляр И. С. Остроухова, стр. 6—7.

[4]) Ib , стр. 7.

школьной правильностью его стихов, редактор постоянно стирал смелую новизну его оборотов, строгую четкость образов, толкая беспомощно-покорного поэта, иногда, в прямом ущербе и внутреннему смыслу стиха, по линии наименьшего сопротивления,—на первый попавшийся трафарет.

Тонкий рисунок девушки за пяльцами, которая задумалась, «склонив *иглы* ресниц на канву», целиком, например, пропадает, разрешаясь в шаблон: «бархат ресниц» [1]).

Луна, которая «зыбким находит лучом все промежутки» в листве дерева, сквозь которую она светит, из-за «неясности» образа заставляется редактором «проходить лучом между ветвями». Может быть, так и стало яснее, но зато не стало самого образа [2]). Такой же пример имеем в упомянутом нами выше стихотворении «Диана».

Вся пьеса залита лучами заката античной культуры, что неуловимо подчеркнуто поэтом в эпитете *вечеровой*. С опущением его, существеннейший мотив вечера, как реальной картины, символизирующей вечер античности,—выпадает [3]).

Подобным же образом, почти все остальные, проведенные Фетом, по редакторским требованиям, исправления наносят тот или иной, больший или меньший, ущерб его стихам. Подробное выяснение этого ущерба, обнаружение в стихах Фета постороннего, инородного их первоначальному замыслу элемента, наконец, установление их окончательного текста подлежит будущему редактору его произведений.

Нам же остается только разрешить еще один, несколько загадочный, на первый взгляд, вопрос. Текст «тургеневского» издания явно и многими чертами исказил стихи Фета. Сам поэт, как мы упоминали, прямо называл впоследствии эти искажения—«изувечениями». Находили неудовлетворительным новый текст многие критики и личные друзья поэта. Однако, почему же Фет,—не говорим уже—согласился на это «несчастное, тургеневское» издание, но и во всех последующих перепечатках им своих стихов не вернулся к первым редакциям, а неизменно, за самыми малыми исключениями, в полной неприкосновенности сохранял «изувеченные», «тургеневские» тексты.

Несколько разъяснить это может, пожалуй, указание на одну, вообще в высшей степени свойственную Тургеневу черту—непреодолимую его насмешливость. В частности, Тургенев умел необыкновенно забавно и талантливо издеваться над пришедшимися ему не по вкусу стихами.

Фет приводит тому много примеров.

«Тургенев радовался окончанию перевода од Горация и сам вызвался проверить мой перевод... Между прочим, в XXI оде книги первой он восстал против стиха—На Краге ль, по весне.—Так как Горациева Крага изгнать было невозможно, то Тургенев привязался к слову—«по весне», и спрашивал, что это такое. Напрасно я ссылался на обычные

[1]) экземпляр И. С. Остроухова, стр. 80.
[2]) Ib. стр. 40.
[3]) Ib. стр. 101.

в устах каждого русского выражения: по весне, по зиме—в смысле: в весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводил я ему стих Крылова: «Он в море корабли отправил по весне». Тургенев уверял, что ему хорошо известно, что краснокожие с перьями на голове и с поднятыми томагауками бегают по лесам Америки, восклицая: «На Краге по весне», при чем он выговаривал *весне* так, как будто в конце стояло оборотное э» [1]).

Особенно восставал всегда Тургенев против искусственной приподнятости и тяжелой риторической торжественности стиля, свойственного нашим одописателям XVIII в. Реминисценции из этого стиля он зачастую обнаруживал и у Фета и с беспощадной насмешливостью на них обрушивался. Так, разбирая однажды переводы из Шенье, он писал: «вот, что я заметил:

Ст. 8. «В какой свои стада пасешь ты стороне»,—уж коли подделываться под Петрова,—лучше так поставить слова: «пасешь в какой стада свои ты стороне».

Ст. 15. Манят—из Нелединского Мелецкого.

Ст. 16. Твой деву робкую и т. д.—Петров! Петров!

Ст. 23—24. А *детских щек... будет дар.*—Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, завыл бы от ужаса и побежал бы прочь от этих двух хаотически-мутно-непостижимых стихов...

Ст. 38. Спешит и т. д. Украдено у графа Хвостова.

Ст. 44. Победу меж друзьями—темнота... вывих.

Ст. 49. Таким ты народиться... канцелярский слог времен Сильвестра Медведева.

Ст. 61. Мирры шел—взято из надписи на триумфальных воротах после взятия Азова.

«*Уразумев его враждебный вид*»—в маленьком стихотворении Шенье может тоже постоять за себя, как образчик канцелярского слога с оттенком семинарии» [2]). Такие же комические характеристики ненравящихся ему стихов находим и на полях экземпляра И. С. Остроухова.

Рядом со строкой: «что дней недальних грез у ней не устеречь» Тургенев отмечает: «переменить—этот стих, как червяк на розе». В другом месте («Красавцу»)—«и гребню в их руках искусство придаешь»—«разве он учит их искусству коафёров» и т. п. [3]).

Зачастую, по словам Фета, такие ненравящиеся ему стихи Тургенев «очень забавно пародировал» [4]).

«Amicus Fethus,—sed magis amica veritas», читаем в письме от 1858 г. Я выправил ваши стихи, любезнейший друг, и отдал их сегодня

---

[1]) «Мои воспоминания», I, стр. 36.
[2]) «Мои воспоминания», I, стр. 230.
[3]) Стр. 83 и 113.
[4]) «Мои воспоминания», I, 307.

Дружинину. Но пускай меня «на площади трехвостником дерут»—не могу признать хорошими стихов в роде:

Иль тот, кто зародясь пленять богинь собою
Из недра Мирры шел, одетого корою—

и предлагаю уже, кстати, прибавить к ним следующие два в том же роде:

В чей, приосанясь, зрак,—вид уст приняв живой,
Прелестниц,—взор полн нег—игрив вперяет рой». [1])

Все это не могло не действовать на Фета в желаемом его редактору направлении. Ничто не убивает, как смех, и едва ли не правильно будет предположить, что возврат поэта к так остроумно и жестоко осмеянным стихам становился психологически почти невозможен.

Однако, Тургенев за все время редактирования им Фета, настойчиво, как мы видели, требуя изменения большинства фетовских текстов, очень часто давая даже подробную программу самих изменений, все-таки, в конечном счете, предоставлял действовать, т.-е. изменять свои стихи, самому поэту. Правда, в только-что цитированном письме он употребляет выражение: «я выправил ваши стихи». Но следы такого «выправления» в экземпляре И. С. Остроухова сохранились только в двух местах. Первое поэту удалось отвергнуть (один из трех случаев победы его над своим редактором на протяжении всего издания), но второе так и сохранилось навсегда. Оно касается известной, приводившей, кстати, и самого Тургенева в такой восторг пьесы: «Облаком летучим пыль встает вдали». В издании 1850 г. взамен слова *пыль* стояло *прах;* изменение дано на полях рукой самого Тургенева.

[1]) «Мои воспоминания», I, 283.

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

В. А. ФАВОРСКИЙ.

М. Фабрикант.

Wer da nichts thut als das Seine,
Der schafft erst recht für's Allgemeine.

«Яснее всего мы видим на известном расстоянии от предмета; детали смущают; надо отделаться от всякой связи с тем, о чем хочешь судить».

Ибсен к Лауре Петерсен.

Владимир Андреевич Фаворский родился в 1886 году в Москве и, за исключением двухлетнего пребывания в Мюнхене (в частной академии венгерского живописца-иллюстратора Holloschi и на философском факультете) и службы на фронте, живет безвыездно в Москве

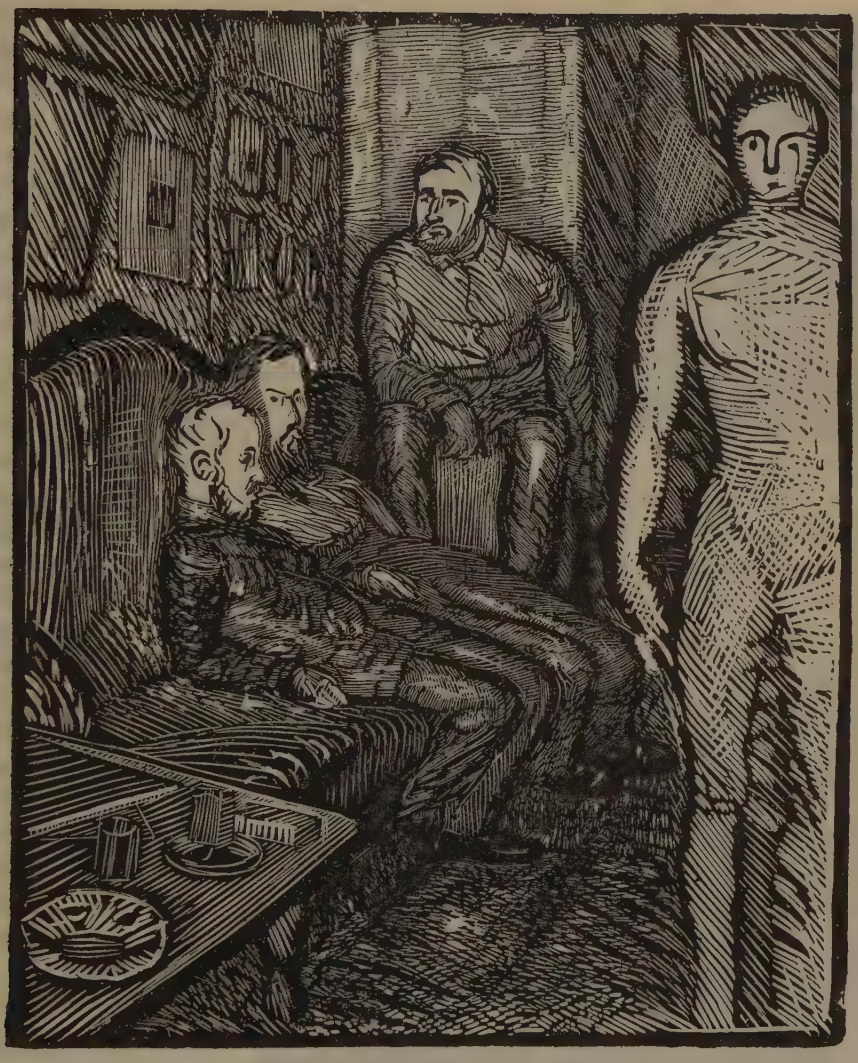
Фаворский в гравюре—самоучка. Еще в Мюнхене, вдалеке от родины, в среде международного художничества, инстинктивно угадат предстоящую роль деревянной гравюры в России и Германии еще тогда, когда у нас безраздельно властвовала рисовальная по преимуществу графика «Мира Искусства», приблизительно в 1908 году он берется впервые за опыты резьбы по дереву и линолеуму, пробует также офорв и сухую иглу, очень скоро остановившись окончательно на деревянной гравюре. О том, как неуклонно и стремительно совершенствовался он, свидетельствует наименование его в недавнем исчерпывающем обзоре современной русской графики—«главою школы московской гравюры на дереве» и «классиком современной ксилографии». Это в устах даже благожелательного критика говорит о том, что в лице Фаворского мы имеем дело с художником исторического значения. А в применении к своему современнику и тем более молодому (36-ти лет!) мастеру это значит, что—независимо от степени его дарования—творчество его выражает основные черты, характерные особенности данного этапа художественного развития. Другими словами, Фаворский не только—как всякий другой художник—подчиняется законам исторического развития, но он сам дает им наиболее яркое выражение, становясь как бы

собственным каноном. Однако, примечательный факт: Фаворского знает и бесконечно ценит круг специалистов и аматёров (отнюдь не собирателей и «знатоков»), но дальше их вряд ли идет его популярность. До последнего времени его лучшие, вернее, его настоящие серьезные работы не вышли в свет: инициалы к «Аббату Куаньяру» Анатоля Франса (1918), украшения бальзаковских «Озорных сказок» (1920), иллюстрации к роману П. П. Муратова «Эгерия» (1921). Вполне зрелая уже работа—обложка к собственному (совместно с Н. Б. Розенфельдом) переводу книги Гильдебранда «Проблема формы» (1914) прошла почти незамеченной по отсутствию в то время широкого интереса к вопросам поли-

Эдвард Мунх.—«Покойник». 1910 г.

графических искусств. Наконец, год плодотворнейшей работы, 1922-й («Фамарь»—библейская драма Глобы и «Домик в Коломне» Пушкина), принес пока только публикацию одного-двух ex-libris'ов, обложку к «Мнимостям» П. Флоренского да «Кофейню» П. Муратова. Зато неизменно верным Фаворскому остается настоящий журнал, художественный остов которого однажды был дан нашим гравером. Обратимся к его произведениям.

Последняя четверть XIX века—под влиянием известной триады: живописца Марэ, скульптора Гильдебранда и теоретика Фидлера—знаменуется в художественной жизни Германии борьбой за «чистую форму», освобожденную от пут сюжетного реализма и относимую к миру автономных ценностей зрительного восприятия. Мюнхен 90 и 900-х



В. А. Фаворский. — Групповой портрет с моделью. 1911 г.

годов одинаково как в среде художников, так и академических исследователей искусства болел «проблемой формы». Ее сущность заключалась в том, что не только изобразительные искусства в целом подчиняются своим, им одним присущим законам, но и каждое из них имеет особую художественную логику. Так, в живописи основными являются проблемы цвета, в скульптуре—проблема круглого тела, в декоративных искусствах—ритмика пятен и т. д. Естественно, в области графики—и в частности, книжной гравюры—возникли те же искания. Первоначально, однако, и здесь предстояло решить основную задачу всякого искусства на плоскости: взаимоотношение пространства и человеческой фигуры в нем. Отсюда и первые опыты и более зрелые работы Фаворского посвящены именно этой задаче. В этюдах нагого те-

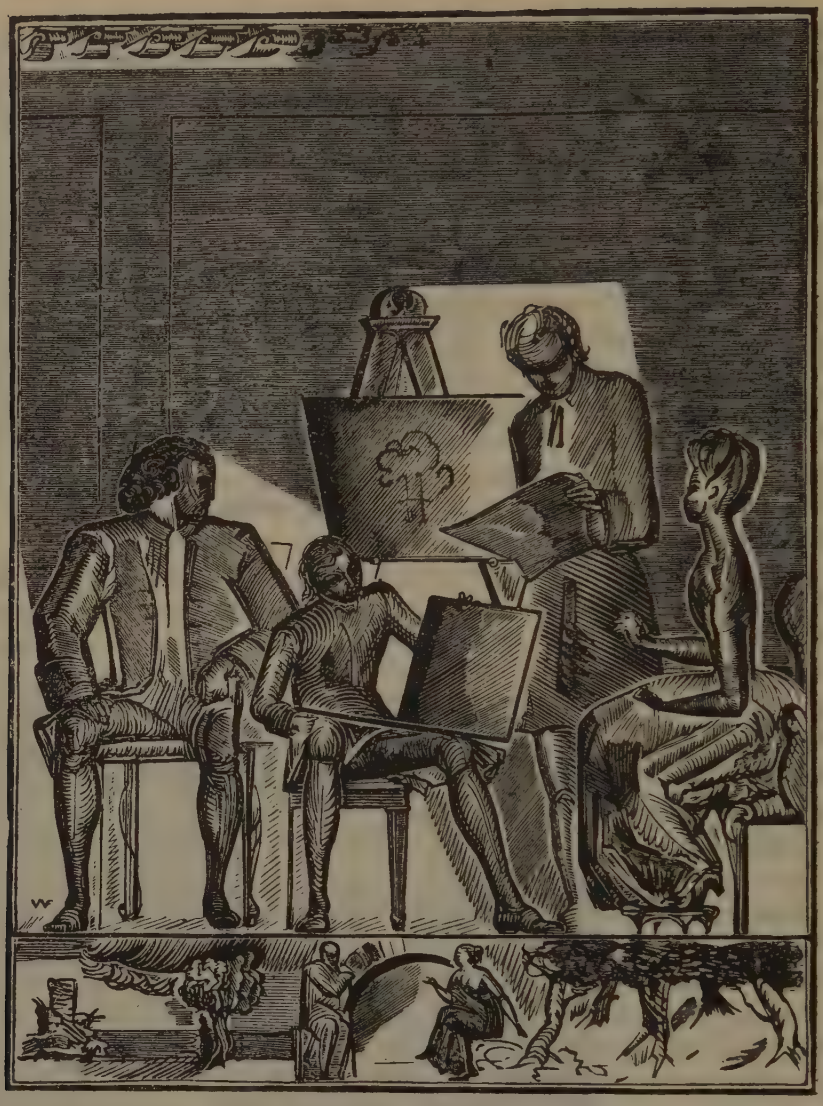
В. А. Фаворский. — Книжная иллюстрация. 1910 г.

ла (сухая игла), в групповом портрете с натурщиком (1911, на выставке «Моск. Тов.»), в «Шахматистах», в условном («Св. Лука» — 1911, «М. Тов.») и в индивидуальном позднейшем портрете Истомина (1918) — одно и то же стремление типически выразить пластическую форму и передать пространственную глубину минимально простыми средствами. Наиболее наглядно сказалось это на традиционной теме «Св. Георгия» (1911, «Моск. Тов.»), где взамен стремительного движения, борьбы и мощного усилия демонстрируется спокойное сосуществование в поле изображения почти отвлеченных фигур всадника, лошади, женщины, чудовища и стереометрических масс замка. Особенно поучителен в этом отношении упомянутый групповой потртрет 1911 года. При всей лапидарности фактуры (напоминающей, кстати, графическую манеру Ван-Гога) и неуверенности рисунка, это уже огромный шаг вперед к самостоятельной деревянной гравюре. Художник работает в дереве, и каждое мускульное усилие его руки стремится вызвать из доски надлежащий эффект... развертывания тесного уголка комнаты в многообразное пространственное целое, тактильно осязаемое в каждом вершке листа. При этом, чем дальше, тем художник все меньше прибегает к собственно живописным средствам передачи пространственной глубины. «Воздух», искусные перспективные сокращения, обильный аксессуар и проч.,—все это в его глазах ничто, сравнительно с человеческой фигурой, являющейся как бы воплощением, конденсацией пространственных форм. Так, в групповой сцене фронтисписа к «Аббату Куаньяру» (1918) от комнаты остался лишь небольшой краешек лепного карниза потолка, пол сжался в прямую горизонталь, а обстановка свелась к необходимым сиденьям. Этот лаконизм, так подходящий именно к гравюре на дереве, доведен до предельной, повидимому, степени в иллюстрациях к «Фамари» с их однотонным почти абстрактным, а то и вовсе отсутствующим фоном. Здесь все—в человеке, и человек—во всем. Здесь деревянная гравюра незаметно, но вплотную подошла к проблеме формы в скульптуре; а ведь именно, исходя из последней, старался понять основной закон изобразительных искусств вообще Адольф Гильдебранд, чудесным переводчиком которого был именно Фаворский. Не случайно и то, что В. А. сам владеет искусством скульптуры: шахматные фигуры (1910—1911) и рельеф из слоновой кости его работы весьма интересны чувством компакт-

ной массы. Не случайным совпадением является также тот факт, что немецкий экспрессионизм в деревянной гравюре пошел тем же путем, что и Фаворский, в лаконической упрощенности и сконденсированных пространственных формах ища «своего» языка для этого вида искусства. Сравни «Покойника» Эдварда Мунха (около 1910 г.) с групповым портретом Фаворского, чье искусство; как мы увидим дальше, бесконечно далеко от современных немецких художников, но в известный критический для деревянной гравюры момент они одновременно, хотя и независимо друг от друга, пришли к чему-то общему.

В настоящее время нам уже даже трудно себе отчетливо представить, какой резкий перелом произошел в области гравюры на дереве как раз в период первых выступлений Фаворского и его сотоварищей по работе. Деревянная гравюра к этому времени сделалась служанкой не только иллюстрации и репродукции других видов искусства, но даже фотографии. Бесконечно расширив свое чисто культурное и общественно-полиграфическое значение, она тем самым была совершенно обезличена в художественном отношении. Свободно «болтая на всех языках», мастер деревянной гравюры потерял свой язык и стал, в сущности говоря, немым. Вернуть способность речи помогло обращение к самим истокам искусства гравюры, «примитивам» его—к XV веку. Общеизвестна роль примитивов вообще и экзотического искусства дикарей, в частности в судьбах современных художественных течений: именно, в них—иногда сознательно, чаще же интуитивно—художник наших дней искал опоры для своих дерзаний. Германский экспрессионизм, находящийся в антагонизме с Возрождением, тоже не раз заявлял открыто о горячей любви к доренессансному творче-

В. А. Фаворский.—Автопортрет. 1911 г.



В. А. Фаворский. — Фронтиспис к книге «Размышления аббата Куаньяра». 1918 г.

ству. В свою очередь, и в художественном развитии Фаворского нетрудно найти момент провиденциального сближения с ранними мастерами гравюры на дереве. Достаточно сопоставить его обложку к «Озорным сказкам» Бальзака с иллюстрацией из Ars moriendi (XV век). Черт различия несравненно больше, чем сходства (достаточно обратить внимание на совершенно иное понимание перспективы), и все же на всем протяжении истории гравюры от XV века до наших дней не найти более близкого к нашему листу произведения.

Основное, что связывает современную чистую гравюру на дереве с традицией классической, до-«тоновой» гравюры, есть черный штрих в отличие от так наз. «белого», являющегося характерным признаком

упадочной поры гравюры на дереве. Дело в том, что гравюра не представляет собой произвольного соединения черных и белых линий или черных и белых пятен: в ней эти элементы должны сочетаться в некоем рациональном порядке, выполняя каждый свою определенную функцию. Существует, несомненно, своя архитектоника или, если хотите, экономика гравюрного изображения. Ее принципы наиболее рельефно выявляются на первоначальной стадии развития и в момент разложения гравюры. Так, примитивная и, во всем контрастная ей, репродуктивная гравюра на дереве XIX в.—первая положительно, вторая отрицательно—свидетельствуют о роли и качестве «белого штриха». Белый или вообще нейтральный фон бумажного, печатного листа есть некоторая аморфная масса, полная скрытых тектонических возможностей, выявляющихся моментально наружу, как только по этому фону будет проведена хотя бы одна черта. Здесь линия является в роли мага, волшебно вызывающего пластический образ, таившийся до тех пор в недрах безличной и немой поверхности бумаги. Чем больше линий—черт, тем больше и сложнее пластические образы, возникающие в процессе работы, сменяющиеся, улетучивающиеся и вновь появляющиеся, пока все не оформится в законченном виде. Ничего лишнего, неоправданного, произвольного. Белый фон в гравюре играет, далее, роль *света*, приобретая в таком случае чисто живописное, хотя и в условном смысле (так как речь идет о графически-живописном), значение. Черный штрих, в свою очередь, выступает или как контур, или как элемент моделировки, или, наконец, в качестве тени. Правильное соотношение между этими двумя основными элементами гравюры — фоном и штрихом — не может нарушаться без ущерба ее художественному эффекту. Там, где «белое» бумаги выступает то как нейтральная масса, то как моделирующая (напе-

В. А. Фаворский. — «Св. Георгий». 1911 г

Иллюстрация к «Ars moriendi». Гравюра XV в.

ребой с черным тоном линия, то как свет,—разбивается всякое единство зрительной основы гравюрного образа, и перед нами выступает жалкая иллюзия пестрой хаотической действительности. По признанию самого Фаворского, замена «белого» штриха черным явилась для него началом самостоятельной и серьезной работы над задачей создания чистой гравюры на дереве. Критическим в этом отношении был 1911 год (выступление на выставке «Московского Товарищества»). Так, если пейзажи 1910 г., автопортрет, «Ярмарка» и «Св. Лука» 1911 года еще целиком или отчасти сработаны белым штрихом, то второй вариант «Св. Георгия» (того же года и на той же выставке) восстанавливает в этом отношении здоровую традицию деревянной гравюры. Обложки для издательства «Мусагет» (1914) представляют собою некоторое завершение этого второго, вернее *первого* этапа развития творчества Фаворского, и именно в той области, где он окажется впоследствии наиболее сильным—области книжных украшений Обложка книги Гильдебранда «Проблема формы», с изображением известной скульптурной группы ее автора «Похищение Европы» (Мюнхен, фонтан) является чуть ли не первой оригинальной гравюрой на дереве, примененной для этой цели, после долгого периода совершенного забвения искусства книжного украшения. В переработке шрифтов, в расположении надписей и изображения мы узнаем будущего мастера книжной композиции. Некоторые следы старой традиции «тоновой» гравюры дают еще себя чувствовать, но они тонут в общем впечатлении силы и скульптурной выразительности фигур.

Тут война и фронт полагают предел столь быстрым успехам Фаворского, и мы его снова встречаем за работой только в 1918—1919 гг.,

бесконечно занятым службою в штабе, преподаванием живописи в училище (к этому времени относится «трудный» по фактуре и глубокомысленный колористически автопортрет за палитрой, в фиолетово-зеленых тонах, виденный нами в то время в мастерской художника). О том, что гравер не потерял протекшего времени даром, красноречиво говорит приготовленная им сюита инициалов к «Размышлениям аббата Куаньяра» (для издательства А. М. Кожебаткина), к сожалению, незаконченная и неопубликованная до сих пор в целом. Эти 17 маленьких букв были и величайшим подвигом, и триумфом художника. Подвигом—потому, что традиция украшенного алфавита настолько зачахла к нашему времени, что всякому берущемуся за него нужна была исключительная сила творческого воображения, вкуса и чувства современности для того, чтобы создать что-нибудь подлинно ценное. Триумфом—потому, что отныне Фаворский является призванным мастером книжной ксилографии. Да и до сих пор, вероятно, многим эти инициалы дороже всего остального oeuvre'а мастера.

«Азбука—к мудрости ступенька». И действительно, история украшенного алфавита открывает зачастую смысл одновременных художественных явлений гораздо большей значительности, чем книжная графика. Так, в мелких брызгах отражается солнце. Античность не знала украшенной заглавной буквы; и древние кодексы в лучшем случае выделяли ее несколько из строки размером. Родилась она и развивалась в пору изощренной любви к украшенным рукописям (VIII—XIII вв.), в эпоху создания всего станового хребта современного искусства. Дав новую жизнь и органический смысл букве путем антропоморфного или тератологического преображения ее, готика проявила свою буйную волю к самовыраже-

В. А. Фаворский. — Обложка к «Озорным сказкам» Бальзака.

В. А. Фаворский. — Иллюстрация к «Домику в Коломне». 1923 г.

нию: зачаровывающая динамика готического инициала заключает в себе in extenso весь стиль эпохи. Возрождение—в духе общего художественного мастерства эпохи — использовало заглавную букву или чисто декоративно («Детский алфавит» Дюрера), или в бесхитростном соединении с сюжетной сценой (Гольбейновский «Алфавит смерти»), дав тем самых начало двум основным типам украшенного алфавита: так наз. alphabet fleuri и lettres historiées.

XVII в.—с его академическим уклоном—пошел по второму пути, несколько курьезно подчеркивая свою ученость тем, что сюжеты, украшавшие инициал, обычно связывались со смыслом какого-либо понятия, начинающегося с данной буквы: так, напр., «I» изображало Прометея, несущего огонь (ignis) и т. п. XVIII же в., наоборот, предпочитал поверхностную орнаментику цветочных завитков, выродившуюся позднее в лишенные всякого характера и стиля инициалы библиофильских изданий Дидо, Кантэна и др. Разве не было бы естественно, если бы современный художник, увлеченный абстрактным рисунком буквы, захотел использовать ее в духе модного «беспредметничества», как это сделала несколько позже Экстер в книге Таирова «Искусство режиссера» 1921 г. Но в Фаворском для этого, с одной стороны, черезчур силен был еще интерес к проблеме формы в мюнхенской ее трактовке, а с другой стороны, он не мог подойти к своей задаче иначе, как настоящий *мастер* книги. Понятие мастерства, пока еще совершенно не разработанное теорией искусства и отличное от понятий гения, таланта, искусного художника и проч., характеризуется больше всего органическим или конструктивным подходом к своей задаче. Мастер книжной иллюстрации не украшает и даже не иллюстрирует (тоже устаревший термин) книги, а строит свое изображение, как некоторый элемент книжной страницы, самое же начертание буквы понимает не как безличную жердочку для прихотливо сплетающихся завитков, а как своеобразную, предопределяющую связанную с ним композицию изображения. В результате—

жемчужины современной графики: инициалы к «Аббату Куаньяру».

Не будучи в состоянии уделить их анализу достаточного места в настоящей общей статье, мы лишь вкратце можем отметить главные особенности их. Из намеченных выше основных этапов эволюции украшенного алфавита Фаворский примыкает более всего к ренессансному типу, в духе всей эстетики мюнхенской школы. И все же он дает *свое*, невиданное еще, а следовательно, и единственно ценное решение. Как и всегда, Фаворский исходит из необходимости разрешения нейтральной плоскости белого листа, на ограниченном пространстве, занимаемом буквой (почти правильный квадрат $5 \times 4{,}5$), в многопланную глубину трехмерного пространства. Первый или передний план дается «плавающей в воздухе» буквой, которая уже самой своей линейной формой определяет расположение фигур: так, «О» смыкает их в тесный круг, буква «Г» заставляет их неизменно сидеть, ибо, несмотря на свою видимую вертикальность, отличается все же скорее тяжеловесным и горизонтальным характером (перевешивание поперечиной «столба») и т. д. И здесь так же, как и ранее, пространство больше всего дается фигурами, размещенными на однообразном, чуть-чуть расчлененном фоне, при минимальном, вообще говоря, стаффаже. Они освещены спереди от зрителя или поверхности страницы. Отсутствие реального источника света делает всю обстановку развертывающихся сцен ирреальной, что так соответствует характеру чуть-чуть отвлеченного морализирования аббата. Тут мы подошли как раз к самой замечательной черте наших миниатюр: они *сюжетны*, иначе говоря в своих инициалах Фаворский противопоставил схоластике «украшения» буквы растительным орнаментам полносочную иллюстрацию текста, органически слившуюся с остовом буквы в одно целое. Без излишних подробностей, с красноречивым лаконизмом открывает инициал главу книги, соответствующей ее содержанию сценой. И на этой содержательности, сочетающейся с чисто графическими и формально-художественными достижениями, хотели бы мы поставить главный акцент, ибо можно ли сомневаться в том, что разделение формы и содержания—особенно опасное в обла-

В. А. Фаворский. — Обложка. Уменьш.

В. А. Фаворский. — Загл. буквы к «Размышлениям аббата Куаньяра». 1918 г.

сти книжной графики — всегда свидетельствует о тяжелой болезни искусства.

Величайшую добросовестность Фаворского в отношении к разрешаемой задаче мы видим и в области книжного знака, которую очень часто превращают в обычный декоративный petit estampe, ничем, кроме формата, не связанный с книгой. В истории книжного знака работы Фаворского бесспорно займут совершенно исключительное место. В них мы почти всегда найдем книжный сюжет, что как-то сразу дает им надлежащее лицо. Начиная с первого книжного знака M. Schick'a (1910), впрочем, кажется, не употреблявшегося владельцем, и кончая последними «польскими» (В. Свитальского, А. Бахульского, Э. Звалевского, (1922) художник остается рыцарем книги. Не мертво стоящей на полках книги, или не только ее одной, а книги — живого существа и предмета неустанной работы, вплоть до разбросанных каким-то вихрем в безвоздушном пространстве — в ex-libris'e Ю. Вольфа (1919). Впрочем, как понимает художник жизнь неодушевленных предметов, это он показал нам в большом «Натюрморте» (1919) — редчайший в гравюре сюжет!

В. А. Фаворский. — Загл. буквы к «Размышлениям аббата Куаньяра». 1918 г.

В. А. Фаворский. — Загл. буквы к «Размышлениям аббата Куаньяра». 1918 г.

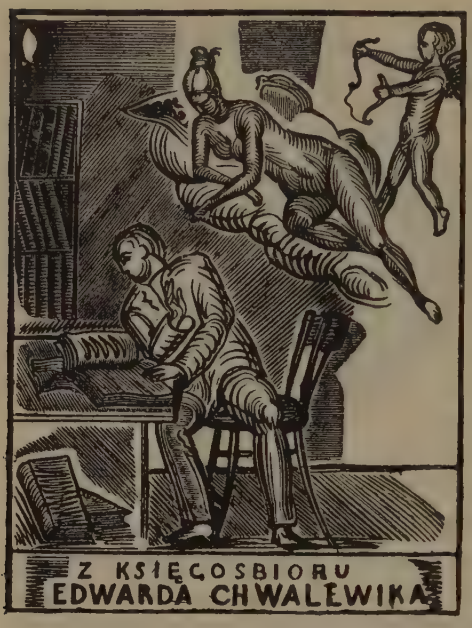
Мы не останавливаемся на замечательных видах Москвы и Троице-Сергиева (1919), которые было бы так любопытно сопоставить с многочисленными работами на ту же тему других художников, и переходим к тому, что готовы были бы

В. А. Фаворский. — Загл. буквы к «Размышлениям аббата Куаньяра». 1918 г.

назвать эпохой в творчестве Фаворского и всей графики последних 50 лет, если бы иллюстрации к роману И. Муратова «Эгерия» (а мы именно их имеем в виду) не остались без влияния и в одиночестве, даже в творчестве самого гравера. Они, скорее,—чудо. Ни подражать им, ни делать из них каких-нибудь дальнейших художественных выводов—невозможно. Они относятся к категории предельных достижений. Фронтиспис и четыре en tête's (1921) сработаны уверенной рукой мастера, равно свободно владеющего и искусством изобразительного рассказа (концентрация внимания на главном моменте изображения: прикрытое плащом тело убитого в последней сцене! — несмотря на миниатюрные, сравнительно со всем полем иллюстрации, размеры фигур), и разнообразнейшей фактурой деревянной гравюры. В точности и четкости резца, не менее гибкого и тонкого в его руках, чем у классиков медной гравюры, он не уступает и знаменитым «малым мастерам». Это не гравюры, сначала задуманные и зарисованные, а потом вырезанные в дереве; они нераздельны с доской, они есть лицо ее,—сквозь них смотрит на нас рельеф дерева, через них мы инстинктивно прощупываем его выпуклости и впадины. Не даром Фаворский считает идеалом гравирования полное слияние рисунка с процессом резьбы. Нужно рисовать прямо резцом в дереве. Как дразняще выступает здесь перед нами известная проблема Возрождения: а) о

В. А. Фаворский. — Марки издательства «Мусагет». 1914 г.

В. А. Фаворский. — Троице-Сергиевская лавра. 1919 г.



В. А. Фаворский. — Книжный знак Э. Хвалевика. 1922 г.

художнике, б) рисовальщике, переносящем на дерево его рисунок и в) резчике — собственно, гравере!

Выше мы говорили о том, что Фаворский обрел *свой* язык в гравюре; это не было фразой. В настоящее время (мы особенно чутки к новым средствам выражения которые раньше назвали бы техническими; мы их так назвать не можем, потому что знаем, что технических завоеваний нет без формальных, а формальных — без идейно-художественных). Фаворский нашел свой штрих или свою манеру гравирования, и это есть столь же ремесленно-профессиональное, сколько и интеллектуально художественное достижение, ибо в основе изобретения новой манеры лежит здесь не случайность (как это бывало неоднократно в истории гравюры) и не искание сенсационной и небезвыгодной популярности изобретателя (как это тоже бывало), а закономерное влечение к обретению языка, адэкватного новому художественному сознанию. После импрессионизма ни один художник уже не мог остаться глухим к звучанию материальной субстанции предмета или пройти мимо его поверхности то шершавой, то гладкой, то глянцевито-сверкающей, то глухо пожирающей световые лучи. Не даром ведь натюр-морт является излюбленным родом современной живописи!—И Фаворский решительно порывает с перекрестным штрихом, которого не знал XV век, не очень охотно пользовался XVI, возлюбил XVII (репродуктивная гравюра круга Рубенса) и без которой не представишь себе академической гравюры XIX века. Фаворский пользуется или параллельной штриховкой ровных и тонких, как волос, линий или бросковым штрихом, состоящим из коротких, жирных и сходящих на-нет линий, или же, наконец, «рваным», зигзагообразным, уподобляющимся обычной тушевке. Направлением штриховки, степенью утолщения штриха, длиной его и т. д. он

В. А. Фаворский. — Книжный знак В. Свитальского. 1922 г.

вызывает нужные ему эффекты упругого человеческого тела, лакированного верха кареты, округлости лошадиных крупов, глухо шумящей листвы деревьев, мелкой ряби воды или нежной дали ландшафта. Тут своих несомненных предшественников он имеет в анонимных граверах страсбургских изданий Грюнингера (конца XV века), а также в лице безвестных, хотя и не анонимных, французских граверов 30—50-х гг., блестяще интерпретировавших в гравюре, весьма посредственные часто, иллюстрации к тексту.

В. А. Фаворский. — Книжный знак П. Д. Эттингера. Гравюра на дереве.

В следующей за «Эгерией» работе — иллюстрациям к драме Глобы «Фамарь» — он на ряду с прямолинейным штрихом вводит и закругленный (в виде параллельных дужек или скобок), в конце-концов, свертывая его в пружинную спираль и создавая этим совершенно новый чудесный мотив в орнаменте, оттеняющий экзотический характер драмы. Одной из самых больших заслуг Фаворского является его книжная орнаментика: так, медальоны с фронтисписа «Фамари» или заставки «Печати и Революции» кажутся головками золотых гвоздей, вбитых в страницы книги. Украшая ее, они лишены милой поверхностности шаблонных виньеток; нося выпукло-скульптурный характер, они не нарушают декоративной плоскостности книжного листа. В них есть что-то от ювелирного мастерства, связь с которым была некогда столь плодотворной для гравюры. Разве марка издательства «Дельфин» не напоминает драгоценной геммы?

Для структуры современной книги Фаворский сделал, однако, нечто большее, чем ее иллюстрирование и украшение. Он—первый, быть-может, художник — мастер композиции книги. В последнее время очень охотно говорят на тему искусства книги, имея в виду ее производственное созидание. Не потому ли, кстати, что все ниже становится искусство писания книг? Но... так или иначе, область современной материальной культуры обогатилась еще одним элементом: целостно и с художественным чутьем сотворенной книгой. Опытом в этой области является «Фамарь» А. Глобы, выпускаемая Государственным Издательством. Обложка, фронтиспис и титульный лист, четыре иллюстрации внутренних фронтисписа, открывающих каждое действие

В. А. Фаворский. — Книжный знак В. Ю. Вольфъ. Гравюра на дереве. 1919 г.

В. А. Фаворский. — Иллюстрация к книге П. Муратова «Эгерия». 1921 г.

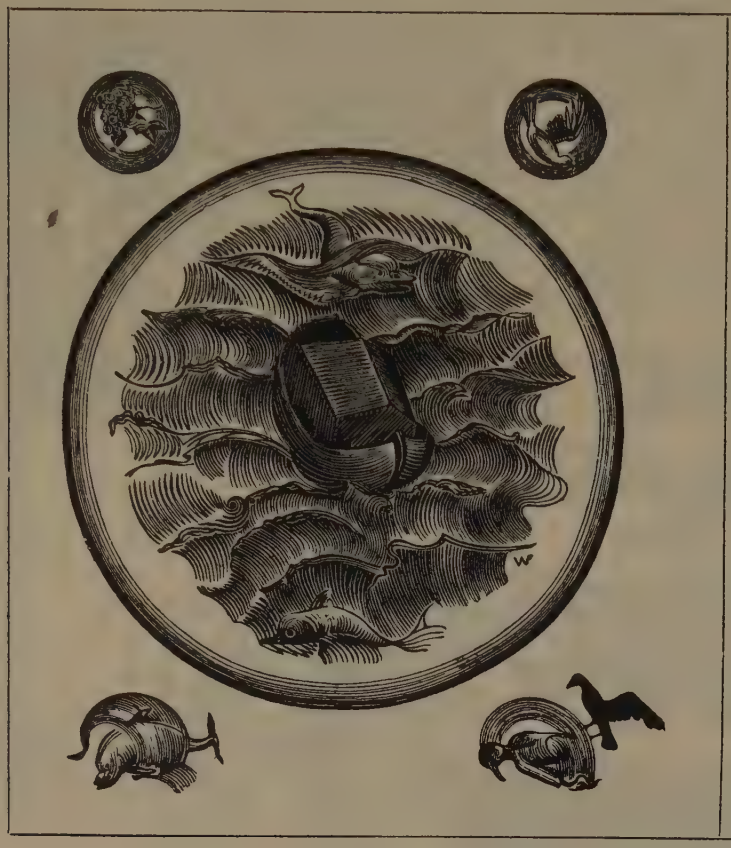
трагедии, ряд заставок и концовок. Все резко отличается от «Эгерии». Суровый, монументальный и обобщенный характер. Библейский дух простоты, энергии и действия, следующего немедленно за решением, заразили гравера. Его резец работает с такой же меткостью, как кинжал посланцов Авессалома. Особенной торжественной значительностью отмечен фронтиспис «Ноев Ковчег», состоящий из центрального большого и четырех малых, в окружении, медальонов. Космическое чувство и ритмика бегущих волн никогда не были выражены с такой силой в гравюре! Совершенно по-иному, но не менее созвучно музыке Рока сделан и другой фронтиспис—«Эдип» — к трагедиям Волькенштейна.

В. А. Фаворский. — Иллюстрация к книге П. Муратова «Эгерия». 1921 г.

В отличие от обычных фронтисписов, представляющих собою замкнутую композицию, не считающуюся с назначением и самим местом гравюры, здесь основное движение направлено слева направо, т.-е. к титульному листу, носящему на себе заглавие книги.

Одна подробность кажется на первый взгляд странною в иллюстрациях «Фамари». Они не ограничены определенной плоскостью гравюры и, с другой стороны, не брошены свободно в качестве виньетки на чистое поле страницы. Здесь изображение словно переливается за край отведенных для него пределов, переходя на белую поверхность листа. Чтобы понять этот прием, необходимо на время вернуться к «Эгерии». Уже там мы могли видеть соединение нескольких точек зрения в плане одного изображения. Так, напр., изображается дорога с едущей по ней каретой, и тут же дан вид из окна кареты, или в последней сцене—место действия, разыгрывающегося перед невидимым зрителю фасадом здания, как бы повертывается, на величину прямого угла, по направлению к зрителю (этот сдвиг отмечен отличающимся от прочих «разреженным» штрихом), а приближающаяся слева фигура дана, в свою очередь, в новом плане. Еще поучительнее, в этом отношении, вид «Свердловского» (бывш. «Екатерининского») зала в Кремле, исполненного для альбома «Революционная Москва». В простенке двух колонн, едва намеченных на переднем плане, открывается вид на зал. Поразительно чувство компактности в изображении, дающее какую-то особую эмоциональную жизнь косным массам архитектуры. Художник не довольствуется этим. Он хочет передать всю объемность зала и вычерчивает на переднем плане сегмент круга,—в котором стоит он сам, рисуя, или зритель,—с базами и «висящими в воздухе» капителями колонн. Здесь Фаворский отдает дань новейшим исканиям множественности точек зрения в изображении предмета, динамики конструктивных плоскостей и проч. Однако, мы уже отмечали, что, оставаясь всегда современным, он никогда

Иллюстрация к «Домику в Коломне». 1923 г.



АНДРЕЙ ГЛОБА

ОМАРЬ

ТРАГЕДИЯ

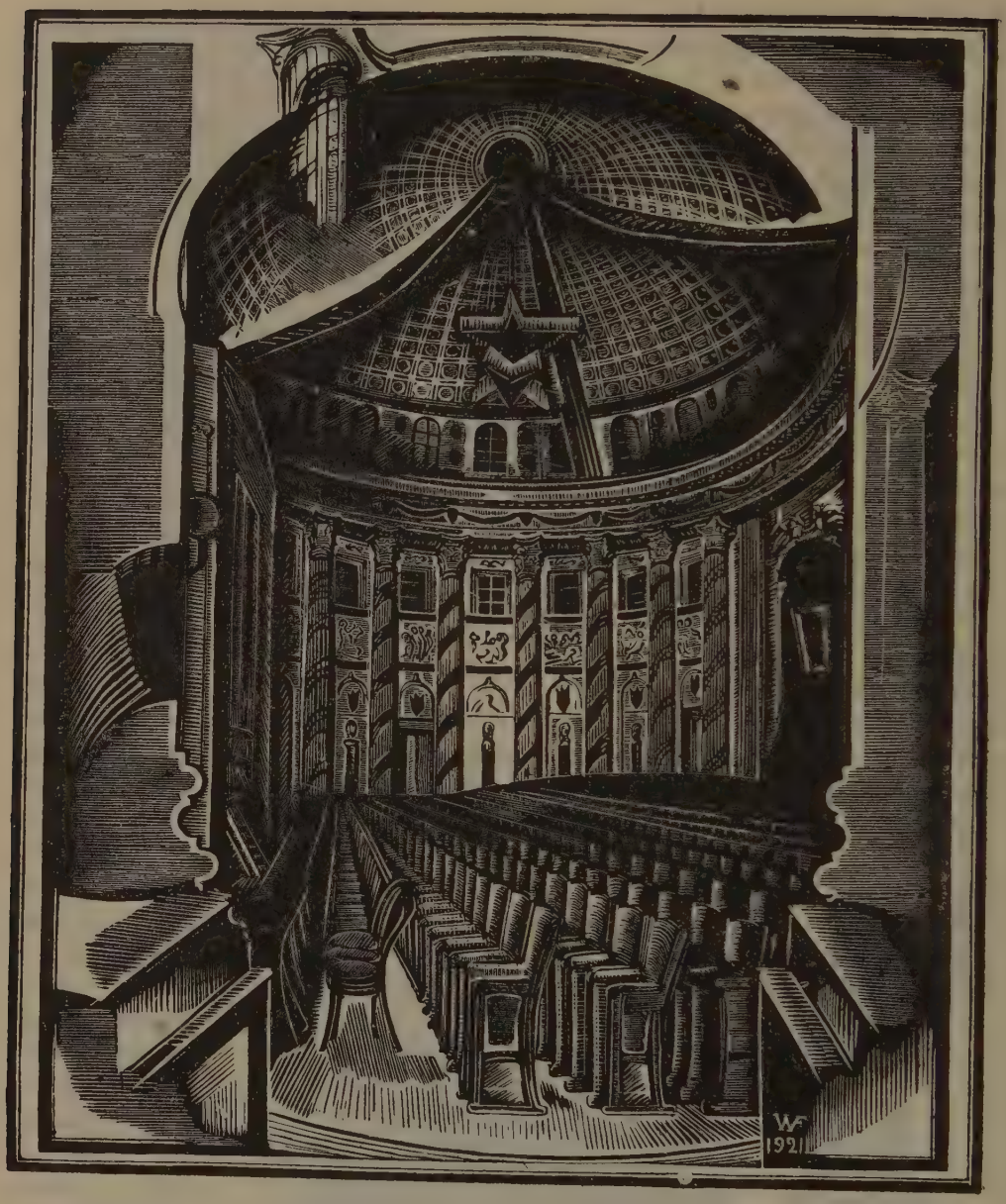
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923

В. А. Фаворский. — Фронтиспис и титульный лист. Уменьш. 1923 г.

не увлекается модернизмом. В действительности и тут Фаворский не кажется ни смешным, ни претенциозным конструктивистом потому, что он руководствуется совершенно иным и мало популярным принципом *единого оптического образа* в художественном произведении. Это значит, что центральное место в изображении занимает то, что и для нормального зрения в действительности находится в фокусе, в центре зрительного внимания, но изображается (в отличие от «реалистов», игнорирующих это) и то, что неизменно сопутствует созерцанию какого-либо предмета или сцены, именно находящееся в поле так наз. неясного зрения. Ни эмоциональная, ни художественная, ни физиологическая роль этого элемента в процессе зрения не учтена до сих пор, а между тем значение его, по крайней мере для художника, которого этот процесс интересует не только с утилитарной стороны, несомненно. И вот в «Фамари» Фаворский, на ряду с центральным пунктом всей сцены (плачущая Фамарь, убийство Амона и др.), в затененные прямоугольники помещает изображение того, что психологически менее важно,

А. В. Фаворский. — Иллюстрация к книге А. Глобы. «Фамарь». 1923 г.

В. А. Фаворский. — Иллюстрация к книге А. Глобы «Фамарь». 1923 г.

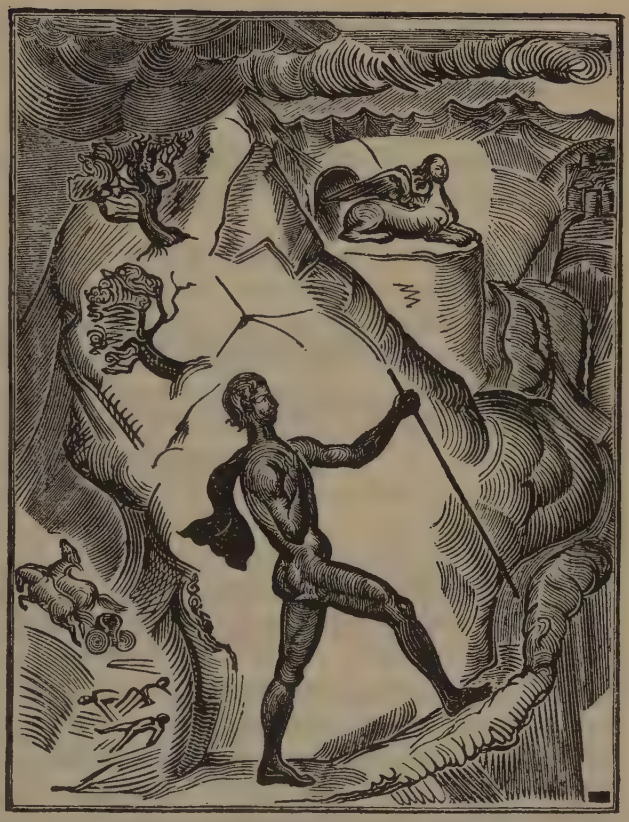


В. А. Фаворский. — Свердловский зал Большого Кремлевского дворца. Из альбома «Революционная Москва III Конгрессу Коминтерна». 1921 г.

или то, что реально происходило в другой комнате, вне здания и т. д. Так, когда мы смотрим сквозь стекло на какой-иибудь предемет, то, фиксируя на нем свое внимание, мы одновременно видим и отражение в стекле окружающего. Здесь сказывается влияние расширенного и углубленного опыта, граничащего уже почти с метафизикой зрительных восприятий, по крайней мере, поскольку мы видим их в художественном воплощении.

Мы заканчиваем наш обзор творчества Фаворского, не затронув, однако, ряда весьма существенных вопросов, как, напр., проблемы цвета в деревянной гравюре, постоянно занимающую его [1]), шрифта и проч.

Мы ясно отдаем себе отчет в том, насколько бессильны слова перед художественным образом, насколько искусственными могут показаться всякие комментарии к живому творчеству живущего среди нас мастера. И все же, кто сможет утверждать полную ненужность их? Разве это творчество не составляет часть общекультурного достояния современности? И разве оно не способствует, в свою очередь, оформлению нового художественного и общего мировоззрения, вплетаясь, таким образом, в непрерывный круговорот идеологической работы человечества. В. А. Фаворский — один из самых деятельных участников ее. Уяснить это и было задачей настоящих строк.



В. А. Фаворский. — Фронтисписс к «Трагедиям» В. Волькенштейна. 1922 г.

[1]) Весьма интересное начинание, инициатива которого принадлежала Главмузею, именно, дать в связи с устроенной в 1921 году выставкой ряд воспроизведений в различных техниках гравюры, где на долю Фаворского выпала гравюра на дереве с картин барбизонцев, — к сожалению не осуществилось. Иначе мы были бы свидетелями возрождения новой репродуктивной гравюры, где вопрос о передаче *цвета* черно-белым был бы поставлен с невиданной до того остротой.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

I. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕТИШИЗМ — Б. Арватов. II. СУД АКМЕИСТА — Валерий Брюсов

I. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕТИШИЗМ.

Б. Арватов.

Товарищем Вл. Кирилловым в журнале «Твори!» (М., 1921 г., №3—4) был напечатан рассказ «Первомайский Сон» (отрывок из фантастической повести). Рассказ состоит из $5^1/_2$ страниц и вкратце сводится к следующему: лицо, от имени которого ведется рассказ,—коммунист и бывший подпольник,—увидел во сне Москву 1999 года в день первомайского праздника; все земное человечество составляло единую мировую социалистическую республику; одна из жительниц Москвы показывает герою рассказа город. Описанию города и посвящен рассказ.

Одним из основных средств, так наз. «чистого» описания, т.-е. описания не действий, а явлений, служат эпитеты. Обращаюсь поэтому сначала к ним.

Прежде всего, останавливает внимание их полное однообразие,—самые различные вещи описываются одинаково: в рассказе имеется набор немногих эпитетов, повторяющихся буквально на каждом шагу и встречающихся по нескольку даже в одной и той же фразе. Вот наудачу пример:

«....Я прилег на кровать и стал размышлять о *Великом* Празднике Первомае, встречаемом завтра, на четвертом году *великой* борьбы... Лицо близкого праздника омрачалось скорбными тенями наших *великих* страданий»...

Еще любопытнее самый характер эпитетов; подавляющее большинство их может быть отнесено к трем разрядам: количественные эпитеты, материально-эстетические и отвлеченно-эстетические эпитеты.

Начну с первых.

Все, что описывается в рассказе, оказывается грандиозным. Слова «*великий*», «гигантский» «огромный» и «большой» встречаются на $5^1/_2$ страницах более 30 раз.

1) «Поезда пробегают *огромные* расстояния в безвоздушных каналах, напоминающих *огромные* трубы. Это—последнее *величайшее* открытие...»

2) «*Огромные* ворота Пантеона в одну минуту проглотили нас вместе с *сотней* других товарищей».

3) «*Десятки* людей, подхватываемые *гигантскими* лифтами».

4) «*Величественно* проплывали *гигантские* аэронауты [1]) и пестрели *яркие* аллегорические фигуры, поднятые в воздух в честь *великого* праздника».

5) «Я следовал... в *массе* людей. *Гигантские* дома из белого камня и *чистейшего* стекла (так мне казалось) встречали и провожали нашу колонну».

В последнем примере по отношению к одному из эпитетов («*чистейшего*») применена смысловая мотивировка: «*так мне казалось*». Автор хочет оправдать силу эпитета (превосходная степень прилагательного) аберрацией сновидения. Тем самым возникает вопрос, так ли это, употреблен ли данный эпитет, данная языковая форма, как служебная по отношению к «содержанию», или, наоборот, «содержание» привнесено ради оправдания языковой формы.

Рассмотрим имеющийся материал. Возьмем эпитеты, относящиеся к увиденному героем рассказу:

«*Гигантские* дома», «*гигантские* корабли», «*гигантская* волна», «*гигантские* лифты», «*гигантские* крыши», «*гигантские* аэронауты», «*огромный* корабль», «*огромные* расстояния», «*огромные* трубы», «*огромные* ворота» и т. п.

До тех пор, пока идет описание будущей Москвы, всем этим эпитетам можно создать мотивировку: дома и пр. действительно могут быть крупными,—хотя некоторый, даже в приведенных примерах замечающийся шаблон («корабли» в одном случае «огромные», в двух—«гигантские») указывает на формализм описания. Беру место, не требующее «грандиозности» и читаю: войдя в зал, герой видит там «*большие* колпаки», изображения эпизодов «*великой* эпохи» и знамя 1917 года, про которое сообщается, что оно «большое». Даже надпись «Коммунальное питание» оказывается «*крупной*».

Иначе говоря, такого рода эпитеты употребляются тов. Кирилловым не соответственно тематическому материалу, а чисто формально, ради них самих, ради того эффекта, которого он хочет достичь формой описания.

Языковые средства, использованные в рассказе, построены в расчете на формальный эффект; это не конкретные эпитеты, это—абстрактные утверждения, ничем не связанные с сюжетом.

Можно было бы, пожалуй, оправдываться, во-первых, впечатляемостью сновидений, во-вторых, поразительностью наблюденных фактов для новичка. Но и подобная тематическая мотивировка не выдерживает никакой критики:

«*Великий Праздник*», «*великая* борьба», «*великие* страдания» вспоминаются героем до сна и относятся к 1921 году; тот же «*Великий Праздник*» отнесен в другом месте к 1999 году, затем, с одной стороны, «вы увидите нашу *величайшую* святыню, нашу гордость, *Пантеон Революции*», а с дру-

[1]) Кстати: аэронауты—название не воздушных кораблей, а летчиков.

гой—«Кремль поет нам страстную песнь о *величавой* и суровой истории *Московского Государства*»; наконец, нахожу открытое сопоставление:

«...Там, где когда-то *сотнями* торговых фирм выползал на площадь *Китай-город*, сверкал, пел и кричал о победе пролетариата *величественный Пантеон Революции*» [1]).

Автор нанизывает свои эпитеты повсюду; «великим», «большим» и прочим оказывается что угодно.

Художественное творчество есть творчество выразительных форм, и любая смысловая мотивировка всегда привносится в искусство извне [2]), как идеологическое оправдание, нужное потребителю на известной стадии его социально-эстетического развития. Тов. Кириллов в этом отношении только подчиняется основному свойству художественного мастерства. Беда его не здесь. Беда его в том, что он, во-первых, не сознает природы своей собственной профессии (как известно, группа пролетарских писателей, к которой принадлежит тов. Кириллов, придерживается явно антинаучного и неверного мнения, будто «содержание определяет форму»), а во-вторых, употребляет штампованные, вне-утилитарные формы, предназначенные не для *практического воздействия* на сознание, а для *самоцельного* эстетического *созерцания*. Вышеуказанные эпитетные приемы от первой и до последней строки переполняют рассказ без какой бы то ни было целесообразной связи друг с другом, без нарастания или контрастности, а главное, без малейшего намека на самостоятельную изобретательность автора. Они способны удовлетворить лишь глубоко авторитарную психику, для которой фразы, в роде приведенных мною, сами по себе звучат «эстетично» и «величественно». Расчет на внешний и традиционный эффект, расчет на чистое словесное утверждение виден в любой фразе. Приведу еще ряд примеров.

Про людей как 1999, так и 1917 года говорится: «*великие вожди*», «*великие* деятели», «*известные* деятели *Великой* эпохи», «*знаменитые* деятели», и непременно «*знаменитый* ученый», произведший «*блестящие* опыты»; затем «*герои*», «*сказочные герои*», «*титаны*». О делах людей: «*великие подвиги и беспримерные доблести*», «*бессмертные подвиги*», которые «*сияют*», «*великая* борьба», «*величественно* проплывали», «*величайшее* открытие» [3]).

Еще:

«*Величественная* панорама», «*величественный* Пантеон», «*величественная* архитектура», «*величайшая* святыня», «*необъятная* панорама», «*непостижимый* образ *прекрасного*», «*непостижимая красота*», «*невиданный* праздник», «*великий* праздник» (2 раза), «*великая* эпоха» (2 раза), «*необычайное* зрелище», «*неузнаваемая* Москва» и уж, конечно, «*необыкновенная* отчетливость», «*молниеносная* скорость» и «*головокружительные*

---

[1]) В одном месте тов. Кириллов вспоминает современные ему формы, но и тут ему приходят в голову «*колоссальные* краны».

[2]) Установлено впервые В. Шкловским.

[3]) В одном месте, исключающем всякое «сновиденческое» толкование, спутница героя обещает ему показать «нечто *необычайное и для нас*».

петли», «*удивительные* вещи», «*удивительная* планета», «*удивительная* легкость», «*удивительный* металл», «*удивительный* покрой» [1]).

Если «площадка», то обязательно «*широкая*» или «*самая верхняя*»; если «формы» и «ограда», то «*массивные*» и «*массивная*»; если «гимн», «звуки», «новь» и «любовь», то «*могучий*», «*могучие*», «*могучая*» и еще раз «могучая»; если «школа воздухоплавания», то «*высшая*» и т. д.

Затем:

«*Многотысячная* толпа», «*многотысячный* поток», «*бесчисленные* шоссе», «*бесконечные* коридоры», «*бесконечно* пересекающиеся линии», «*самые отдаленные* пункты», «*самые отдаленные* окраины», «*самые отдаленные* пригороды», «*многочисленные* каюты», «*многочисленные* лозунги» и даже «одна из *многочисленных* кнопок».

Естественно, что количества должны играть в рассказе большую роль, но характерна их шаблонность:

«*сотня* товарищей», «*сотни* фирм», «*десятки* людей», «*десятки* лиц», «последние *десятилетия*», «над *десятью* человеками», «*удесятерили*», «*несколько* взглядов», «*несколько* рейсов», «*несколько* лет», «*несколько* десятков лет», «*несколько* секунд» и, наконец, «*несколько* бутербродов».

Это типичный, но значительно преувеличенный, «испорченный» язык детей («Мамочка! Дядя мне подарил, вв-о-о, какую конфетку»,—и ребенок демонстрирует руками величину, по крайней мере, арбузную) с «взрослым» выбором словарного материала («головокружительный», «массивный» и т. п.): там, где ребенок сказал бы «большой-большой дом», тов. Кириллов говорит «гигантский». Такое словоупотребление всегда свидетельствует об языковой бедности, об отсутствии в запасе говорящего разнообразного и конкретного словарного материала и полном неумении им пользоваться.

Было бы, однако, нелепостью думать, будто пролетарский писатель до такой степени нищ; дело здесь в другом,—в эпидемическом художественном фетишизме, овладевшем пролетариатом на первых ступенях его творческих поисков. Пролетарские писатели, в том числе и тов. Кириллов, войдя в литературу, восприняли литературные формы на буржуазный манер. А именно: язык искусства для них существовал и существует, как язык, противопоставленный языку практическому,—в искусстве надо говорить иначе, «по-красивому»,—а следовательно, надо отбросить весь тот словарный материал, которым пользуется квалифицированный пролетарий в социальной практике [2]). Но пролетарий, в противоположность буржуазии, не имеет своей эстетической традиции с ее богатым художе-

---

[1]) «*Торжествующий* народ», «*торжествующая* масса», «*торжественное* заседание» (2 раза), «*торжество* труда», «*торжество* Революции», «день *торжества*», «песня *торжества*».

[2]) Есть другой тип фетишизма: экзотическое культивирование «фольклора», «народного языка»,—об этом в своем месте.

ственным материалом,—отсюда чрезвычайная бедность языка, необходимость подражать канонам буржуазии, делать это хуже любого интеллигента и без конца повторяться в страхе употребить слово или выражение, «непринятое» в «высоком» искусстве.

Есть еще и другая, не менее существенная причина таких результатов: бессознательность творчества. Пролетарские писатели, решив исходить из так наз. «содержания», забыли, что идеологическое социальное воздействие есть не метод, а *цель* изобразительно-художественного производства; что цель эта может быть достигнута лишь тщательной работой и экспериментальным сознательным изучением средств такого воздействия, т.-е. реального вещественного материала искусств, в литературе—живого слова. Пролетарские писатели реально не увидели в искусстве ничего, кроме формы, несмотря и скорее именно благодаря своему «идеологизму». Поскольку проблема искусства свелась, по их мнению, к взаимодействию «формы» и «содержания» поскольку единственным вещественным элементом произведения оказалась, таким образом, форма; поскольку, наконец, художественная работа всегда вещественна,—постольку эта работа стала концентрироваться на форме, и притом на форме шаблонизированной. Между тем форма эта только продукт организации конкретного материала — вещи. В каком-нибудь стихотворении рифмы, аллитерации, комбинации образов, ритм и т. д. являются лишь результатом обработки реального языка. Не понимать этого—значит, во-первых, быть рабом материала, как случается всегда с теми, кто организует материал бессознательно, а во-вторых, быть рабом формы.

Когда офицер, командующий ротой солдат, думает, что вся его задача сводится к разгрому врага с помощью установленных приказательных форм, то такой офицер только при исключительно счастливой случайности не потерпит поражения: у него нет самого главного — умения организовать для данной задачи данную группу людей. То же самое с писателем. Не знающий своего материала, но вынужденный им оперировать в силу своей профессии, он неизбежно употребляет шаблонные, до него выработанные формы, как самоцель, как нечто самодовлеюще-активное, потому что самостоятельно изобретать он здесь неспособен—и в результате получается проигрыш сражения, т.-е. полная мертвенность пресловутого содержания.

Так, например, тов. Кириллов, употребив все вышеприведенные выражения, думал ими обрисовать техническую и организаторскую зрелость социализма. Вместо этого получилась эстетическая фразеология и авторитарно преподнесенная схема, не могущая дать никакого эффекта (исключая авторитарного потребителя, но надеюсь, что развивать авторитарность не входило в задачи тов. Кириллова), во-первых, благодаря своей отвлеченности, т.-е. неприменимости к данной конкретной цели, т.-е. самоцельности, во-вторых, благодаря полному шаблону.

Доказывать это примерами буду дальше, а сейчас покажу, в чем и как проявился эстетический фетишизм тов. Кириллова.

II.

Буржуазное искусство характеризуется, в первую очередь, абсолютностью своих эстетических канонов. Не сознавая всей относительности, всей изменчивости социальных, в том числе художественных явлений, буржуазная практика фетишизировала временные эстетические нормы, как вечные, а тем самым превратила их в абстрактные формулы. Из всего мира природы и вещей были вырваны немногие элементы, которым приписывалось специально эстетическое значение. В поэзии роль таких элементов играли слова и речевые обороты, семантически [1]) отвечавшие представлениям буржуазии о «красоте» и связывавшиеся с понятием о «возвышенном», «величественном», «надобычным». Это были прежде всего названия светил («звезды», «солнце» и пр.), цветов («розы» и т. д.), красок («белый», «алый» и т. п.). Затем к тому же кадру «красивого» были отнесены названия всех тех материалов, которые в быту буржуазии служили для изготовления предметов роскоши и которые были противопоставлены обычным, «грубым» материалам («золото», «шелк», «хрусталь», «бронза», «кружево» и т. д.). Задача такого словоупотребления заключалась в том, чтобы противопоставить мир искусства, как нечто жречески-вдохновенное, миру действительности, как чему-то низменному, мир отвлеченной «красоты»— миру реальному. Иначе говоря, с помощью всех этих средств буржуазный художник уводил своих потребителей из жизни, организовывал их не для практики, а для успокоения от всякой деятельности.

Если такого рода творчество могло быть полезно буржуазии, обществу, стихийно развивавшемуся и потому нуждавшемуся в иллюзорной гармонии, то в рядах пролетариата оно становится глубоко вредным и реакционным, объясняясь лишь чрезвычайно сильной зависимостью от буржуазного культурного наследия.

Средством поэтического обособления служили у буржуазии, кроме того, те слова, которые уводили в прошлое и были эстетическими шаблонами архаического порядка: названия древних архитектурных форм («башня», «колонна», «арка» и т. п.), слова религиозно-феодального обихода («боги», «сказки», «волшебство», «чудо» и пр.).

Самое существенное в этих приемах то, что они оказались канонизированными, что их употребление никак не связывалось с конкретно-целесообразным применением в каждом отдельном случае, что они были формальными фетишами, самоцельными и универсальными. Какие-нибудь эпитеты, в роде «золотистая даль» или «радужный свет», характеризовали явление не по существу, а чисто-эстетически, являлись шаблонами для перевода любого факта на поэтический язык. Отсюда их повторяемость, превращение их в ремесленно-цеховой штамп.

Проникновение такого штампа в пролетарскую литературу нельзя не считать болезнью, опасной для молодого, неокрепшего еще движения.

---

[1]) Т.-е. по своему вещественному значению.

Между тем достаточно просмотреть любой сборник пролетарских писателей, взять любой номер журнала с их произведениями, чтобы увидеть, насколько эпидемична буржуазная зараза.

Рассказ тов. Кириллова показывает это с исчерпывающей полнотой. Выписываю под ряд:

«*арка* из живых *цветов*», «сочетания *цветов*», «осыпал *цветами*», «букеты *цветов*», «словно *зацветший* лепестками *алых роз и гвоздик*», «сольется с *цветами*», «хмельней *аромата цветущих* черемух», «*струи ароматы* гармонически *расцветшей* личности; «сказала Мэри, вдыхая аромат букета *цветов*»; «*разноцветная* зыбь», «*солнечная* зыбь *цветочного* моря»; «*цветущие* селения», «целованы *солнцем*»; «*солнечный* гимн», «*солнечная* музыка», «радостней *солнца*», «забрызганный *золотом солнца*», «тисненные *золотом* слова», «синий с *золотом* пропеллер», «*золотистые* шоссе», «казалось, что *сверкали звезды*», «*лучистый* взгляд», «букеты *алых золотистых и голубых цветов*», «*алые розы*», «*голубой* металл», «*голубой* плакат», «*голубой* глобус», «*Голубой* зал» («голубой»—с большой буквы, эстетическое наименование); «корабли, горящие *хрустальными* стеклами», «*жемчуг* смеха», «*изумрудная* зелень», «*бронзовые* установки», «похожая на *бархат* шапочка», «в *шелке* знамен», «*шелковое* знамя», «*белоснежный* цемент», «*белоснежные* кубики», «*белоснежное* платье», «*кружевная* легкость».

Улицы будущей Москвы тов. Кириллов сравнивает с «*волшебным дворцом*» и «*сказочно-мертвым* городом»; площадь ее была украшена «*арками* и *башнями*», «здание *венчала богиня*», «установки» были с «*барельефами*», а люди были гордые, «как *боги*» и т. д.

Описывая «Пантеон Революции», тов. Кириллов заявляет, что там не имелось «ни колонн, ни статуй, ни мраморной облицовки». Тов. Кириллов хочет уверить читателя, что там были «воплощены в совершенстве» идеи современности: «инженер и художник сливались воедино». Таково «содержание». К сожалению, форма решительнейшим образом опровергает утверждения автора. Не говоря уже, что здание названо «*Пантеоном*», что людям будущей Москвы даны имена сентиментально-буржуазной литературы конца XVIII столетия («Мэри» и «Алекс»), что голос Мэри сравнивается с «весенней песнею Мендельсона» (характерен патетический славянизм: «песнь» вместо «песня»), т.-е. самого мещанского из буржуазных композиторов и любимца немецких «Гретхен»,—весь стиль рассказа архаистичен (места жительства Москвы 1919 г., напр., дважды называются по-библейски «селениями»). Для примера возьму осуждение «колонны»; если бы оно было действительным, то «колонна» не могла бы фигурировать у тов. Кириллова, как эстетическая форма: «колонна» в литературе есть литературное, а не архитектурное явление. Между тем вот список: «наша *колонна*», «шествующие *колонны*», снова «наша *колонна*» и еще раз «наша *колонна*», «новая *колонна*», «ряды *колонны*». Понятие «колонна» является в глазах автора чем-то эстетическим, и он употребляет его, как средство образного построения.

Ср. с этим:

1) «... как *нетленный* корабль *вечности*, выплывал *златоглавый* Кремль. Вот они, зубчатые стены с *высокими* стрельчатыми *башнями*, вот они, *дивные храмы средневековья*».

2) «... Кремль во всем *очаровании средневекового зодчества...*»

3) «... Словно качался *причудливый древний Собор Василия Блаженного*».

Наконец, о самом «Пантеоне» говорится:

1) «Стекло, гранит и сталь сливались здесь в *дивную симфонию*».

2) «*Белоснежный* цемент, стекло и сталь, *причудливо* переплетаясь между собой, уходили *ввысь*».

Тов. Кириллов с одинаковой легкостью эстетизирует все, о чем он ни пишет. Одним из средств такой эстетизации служат слова, связанные с освещением, но принявшие шаблонную поэтическую форму:

«*сверкали* стекла», «город *сверкал*», «*сверкали* звезды», «*ослепительно сверкали* стекла», «все *сияло*», «*сияние* глаз», «*сверкали* крыши», «*ослепительно белый* город», «*сияют* подвиги», «*сияла* радужным светом Москва».

Другим средством пользуются при описании эмоций:

«*Безумный восторг охватил* меня», «как *безумный*, я смотрел»; «*веселье и смех струились* вокруг»; *веселый* взгляд», «*веселая* беседа», «взрыв *восторга и веселья;* «вспыхнула *восторженно*», «*ласка и сиянье восторженно-юных* глаз»; «*лучисто-детский* взгляд», «*восхищали и ласкали* мои *взоры*», «*ласково* сказала» и т. п.

Затем: «песня весны», «песня радости» и пр.

От абстрактности подобных эпитетов и метафор весьма недалеко до голого эстетического утверждения: вместо того, чтобы конкретными приемами характеризовать явление; вместо того, чтобы действовать выразительной энергией самостоятельно-отшлифованного языка,— тов. Кириллов использовывает готовые эстетические формы, могущие убедить лишь таких потребителей, голова которых уже заранее воспиталась в духе буржуазного самоцельного «эстетизма». Для них вполне достаточно не только употребление шаблонных приемов, но даже простое указание на эстетический момент, представляющийся им чем-то абсолютным и, следовательно, самим по себе понятным.

Ср. у тов. Кириллова:

«*красота* и разум», «мощь и *красота*», «величавость и *красота*», «*красота* кранов», «*красота* панорамы», «*дивный* город», «*дивная* панорама», «*дивные* храмы», «*дивная* спутница», «*дивные* формы», «*дивная* симфония», «*роскошные* небоскребы», «*роскошные* арки», «*роскошный* праздник», «*роскошные* сады и селения», «*роскошные* залы», «*разукрашенные* залы», «*украшенные* площади», «*прекрасная* жизнь», «*прекрасная* девушка» (2 раза), «*прекрасная* песня», «образ *прекрасного*» и, между прочим, «*прекрасно* возделанные поля», «*чудесные* фабрики», «*чудесный* Кремль», «*чудесный* облик», «*чудесный* город», «*чудесная* музыка» и даже «*чудный* бинокль»; затем «*мелодичный* шум», «*изящный* покрой» и т. д.

В одном месте тов. Кириллов пробует мотивировать свое словоупотребление: «все люди *казались* мне *красивыми*».

Достаточно, однако, любого сравнительного примера, чтобы убедиться в механичности авторской аргументации.

Читаю:

«*Красиво и стройно* пела толпа».

На той же странице нахожу:

«*Красивый и стройный* юноша».

Перед нами—типичный шаблонный эпитетный прием. Насколько тов. Кириллов формалистичен, насколько самостоятельная работа над литературным материалом в этом рассказе чужда ему, видно из другого отрывка. Читаю:

«О, как хороши и прекрасны эти люди!»

Оригинал этого куска известен: «Как хороши, как свежи были розы» (повторен даже ритм). Но в то время, как последний дает в эпитетах развертывание приема («хороши», а именно «свежи»),—тов. Кириллов не идет дальше элементарной тавтологии («хороши»— «прекрасны»).

Тов. Кириллов, судя, по крайней мере, по «Первомайскому Сну», весь находится в цепях буржуазного традиционного формализма. Помимо приведенных уже образцов, укажу еще на некоторые другие: они продемонстрируют распространение шаблона на весь решительно языковый материал:

1) «— Мэри,—произнес я с дрожью в голосе».
2) «Я задрожал мучительно сладкой дрожью».
3) «Переживаний, которые потрясли меня до глубины души».
4) «Каждую минуту я готов был зарыдать».
5) «К глазам подступали слезы».
6) «Мне хотелось прикоснуться устами к этим кусочкам полуистлевшей материи, я не в силах был оторваться от них».
7) «Я не встречал в своей жизни ни в снах, ни наяву».
8) «Отдаваясь мечтам»...
9) «Уходили ввысь».
10) «Словно уходя в даль»...
11) «Стремление к космосу»...
12) «Расторгнув грани веков»...

И т. п.

Про девушку 1999 года говорится:

«Это было живое воплощение замыслов тех древних художников, которые мечтали слить воедино грезу о боге и правду о человеке».

В этой фразе нет буквально ни одной запятой, поставленной самостоятельно: архаизм феодально-буржуазного искусства.

Не случайно поэтому пристрастие тов. Кириллова к церковнославянскому синтаксису.

«Где ты, Москва, окрашенная кровью бурно-пламенных Октябрьских дней? Где вы, дома, пронзенные пулями? Что осталось от вас?»

Приблизительно так строил свои реторические обороты Феофан Прокопович в надгробном «Слове» на смерть Петра Великого.

Еще примеры:

1) «Что скажу я об его дивных формах?» (т.-е. о сооружении социалистического (!!) общества).

2) «Бедный язык мой, убогая мечта, вашими ли средствами передам я...?»

3) «Вы умерли, но не напрасны были ваши страдания. Живут ваши дела, сияют бессмертные подвиги и звучат ваши страстные песни во славу человечества...»

Последний пример формализма:

«... Это вызвало еще большее изумление и смех у моих спутников...»

А через 21 строчку:

«... Все время вызывал смех и удивление в моих спутниках...»

В данном случае мы имеем не только уклон в сторону полного трафарета, но и доказательство слабой квалификации автора: тов. Кириллов, пренебрегая литературным производственным мастерством, неизбежно впадает благодаря этому в рабство к готовым формулам.

Спрашивается теперь, что же осталось при таких условиях от так наз. «содержания»? Поскольку рассказ лишен какого бы то ни было действия, поскольку описание сплошь базируется не на конкретном, а на абстрактном материале,—постольку сюжет ликвидируется сам собой; говорить можно только о стереотипном мотиве сна, сам же сон не развернут никак. Но сюжет это такая же форма, как и все в искусстве; «содержание» относится к сюжету так же, как к любой другой форме (синтаксис, семантика и пр.). А именно: «содержание» есть *цель* художественного произведения, его социально-утилитарная задача.

Приходится констатировать, что тов. Кирилловым она не решена ни в какой мере.

В самом деле.

Задача была поставлена для современной русской литературы до известной степени новая (советско-социалистическая утопия), решалась же она негодными средствами и при помощи негодного материала.

В результате получалась эстетическая картинка, которая с одинаковым правом могла бы быть названа (при изменении некоторых бытовых мелочей: годы, название города и т. п.): «Феерия из жизни селенитов», «Сказка о добром мальчике», «Пасхальное сновидение», «Мужик в раю», и т. д. в том же стиле.

Шаблонная форма убила агитационную идею, стала средством созерцательной эстетической иллюзии, т.-е. оказалась самоцелью.

Вывод: без самостоятельно производственной работы над литературным материалом (язык, сюжетное построение), без изучения и экс периментирования над ним, без разрыва с канонизированными при-

емами искусства,—невозможно никакое использование художественного творчества в плане современного идеологического воздействия. Форма эта—не механическое средство,—форма организует психику по всем направлениям, и забывать о ней, это значит стать ее рабом.

III.

В заключение же предлагаю сравнить три фразы, отделенные друг от друга немногими строками:

1) «Вашими ли средствами передам я *всю величавость* и *непостижимую красоту...?*»

2) «... Новый мир, воплотивший *всю мощь, всю величавость* человеческого *гения...*»

3) «... Вы выявили *всю мощь* и *красоту...*»

II. СУД АКМЕИСТА.

Русская поэзия за семилетие 1909—1915 гг

Валерий Брюсов.

Н. С. Гумилев. Письма о русской поэзии. Центральное кооперативное изд-во «Мысль». Пгд. 1923. Стр. 334.

Собрать в отдельном издании, в книге, рецензии, притом рецензии *о стихах*,—испытание, которое выдержит далеко не каждый критик. Рецензии—работа журнальная, поэтому срочная, нередко спешная. Рецензируются большею частью стихи начинающих; о поэтах, вполне определившихся, даются целые статьи. Чтобы угадать по первому опыту степень дарования автора, чтобы в беглой заметке охарактеризовать его ярко, нужно много литературного вкуса и большое писательское умение, особый критический талант и особое чутье. Сколько раз рецензенты выдвигали дебютанта, позднее обнаруживавшего полную бездарность, и сколько раз осмеивали и оплевывали первые книги поэта, впоследствии становившегося в ряды самых значительных!

Книга Н. Гумилева заслуживает внимания уже потому, что из трудного испытания автор вышел победителем. В «Письмах» собрано *все*, что он писал о поэтах и поэзии в те годы, когда выполнял ответственную обязанность рецензента стихов в журнале «Аполлон». При этом сам Н. Гумилев не успел приготовить этих заметок к отдельному изданию (мысль такая у него была); они перепечатаны без переделок, без малейшей ретуши, без поправок и дополнений, подсказанных позднейшими фактами. Тем не менее, когда перечитываешь эти старые журнальные отзывы, в

свое время знакомые немногим («Аполлон» никогда не достигал широкого распространения), мало находишь, что к сказанному прибавить, что в нем изменить. У Н. Гумилева было чутье подлинного критика, его оценки метки, выражают—в кратких формулах—самое существо поэта. Это не значит, что с критиком всегда приходится соглашаться, и что его книгу нечем—и весьма важным—пополнить. Но большинство приговоров Н. Гумилева об отдельных поэтах подтверждено их дальнейшим развитием, а главное, Н. Гумилев выдерживает пропорциональность в своих суждениях: выдвигает вперед более значительных, относится отрицательно к тем, которые и теперь, спустя десять лет, не смогли опровергнуть такого к себе отношения.

«Письма» охватывают семь лет, от 1909 по 1915. То была эпоха, когда завершалось развитие символизма, как боевой и передовой школы, когда только намечался русский футуризм, не выходивший еще из границ первого, беспорядочного натиска, и когда руководство судьбами словесного искусства мечтал взять в свои руки акмеизм, вдохновляемый самим Н. Гумилевым. Как ни безуспешны остались притязания акмеистов, все же это семилетие в значительной мере характеризуется в жизни нашей поэзии их усилиями. Конечно, это—не особый «период», это—одно из подразделений символистического периода, но являющее свои отличительные черты. Символизм к началу 910-х годов частью уже выполнил свое назначение, частью довершал свое историческое дело, и чувствовалась потребность найти новые пути в поэзии. Разные течения, возникавшие в среде самих символистов («мистические анархисты», «индивидуальные соборники», «мифотворцы» и т. под.), искали такого выхода, и акмеисты, пожалуй, делали больше других. Н. Гумилев *ощущал* смысл своей эпохи (ясно его сознавать современникам не бывает дано), и это придает его «Письмам» единство точки зрения, цельность общего тона.

Однако, это единство является в то же время и первым основным недостатком «Писем». Как зачинатель и руководитель «школы» акмеистов (совместно с С. Городецким), Н. Гумилев переоценивал ее значение. Он верил или хотел верить, что акмеизм — новая стадия в эволюции мировой поэзии. Ему казалось, что писатели, приближающиеся к выработанной им программе,—на верном пути, а поэты, чуждые этих взглядов, идут в разрез с веком. Поэтому критика Н. Гумилева была все же узко-«партийной», односторонней критикой человека, отстаивающего интересы своей фракции. Защищать своих сторонников (тогда их было еще мало) и нападать на врагов—обязанность «вождя» школы, а Н. Гумилев играл роль maître de l'école. В конце-концов, «Письма» есть суд акмеиста над всей русской поэзией.

По счастию, Н. Гумилев достаточно любил словесное искусство само по себе, обладал слишком хорошим и развитым вкусом, чтобы резко выказывать свои личные симпатии. Уже было сказано, что его оценки метки, его характеристики в общем правильны. Но это во многом зависело и от того, что некоторые из принципов акмеизма были теми общими требованиями искусства, которые в те годы еще могли объединять большинство поэтов на одной платформе.

Так, трудно оспаривать Н. Гумилева, когда он зло высмеивает эпигонов до-символического периода. «Есть в деревнях,—пишет он,—такие лавочники, которые умеют только писать, но не читают; я думаю, таков и Ратгауз» (стр. 83). У Ив. Бунина, отмечает критик, «мечтательность при отсутствии фантазии, наблюдательность без увлечения наблюдаемым» (стр. 100). А. М. Федоров «производит впечатление какого-то скопца в поэзии» (стр. 106),—и т. п.

Приговоры отдельным символистам тоже почти не подлежат оговоркам, поскольку они произносились в период, когда символизм угасал и застывал в мертвых традициях. «Как объяснить К. Бальмонту,—спрашивает критик,—что эссенция сахара горька на вкус?» (стр. 126). «Если поэты Конфуций и Магомет, то поэт и Вяч. Иванов» (стр. 156). Ю. Балтрушайтис не в силах «вырваться из паутины метафор, и его стихи, бесконечно похожие одни на другие, проходят перед читателем строгие, торжественные и ненужные» (стр. 127). Эллис «мог бы написать прекрасную книгу размышлений, но при чем здесь стихи?» (стр. 113). Таковы же отзывы об Ю. Верховском, являющим «пример того, что можно сделать в поэзии, не обладая талантом», о З. Гиппиус, с ее «застывшим на одной точке мастерством», об Андрее Белом, пытавшемся тогда «внести красочный импрессионизм в самые повседневные переживания», тем более о С. Кречетове, С. Соловьеве, А. Скалдине и т. под. Исключение в рядах символистов Н. Гумилев делает, кажется, только для трех поэтов: для пишущего эти строки, для А. Блока и М. Кузмина; впрочем, двух последних акмеисты считали почти за «своих».

Гораздо резче чувствуется партийно-акмеистическая точка зрения, когда заходит речь о самих акмеистах и близких к ним. Правда, Н. Гумилев нигде не дает совершенно ослепить себя дружескому пристрастию. О своем ближайшем соратнике, о со-вождe акмеизма, С. Городецком, он говорит, что в его книге «много недостатков, может-быть, даже больше, чем в наши дни позволено для книги поэта»... (стр. 188). О Георгии Иванове: «он не мыслит образами, я очень боюсь, что он никак не мыслит... но ему хочется говорить о том, что он видит, и ему нравится самое искусство речи» (стр. 194). О Б. Лившице: «темы его часто нехудожественны, надуманны... эпитеты односторонне ярки, словно при электрическом свете найдены» (стр. 113). Но эти острые замечания тотчас оговорены так, что окончательный вывод получается совершенно иной. Если стихи С. Городецкого, как своеобразного, стихийного таланта, может-быть, и требовали таких оговорок, то странно звучат, после высказанного, уверения, что «Георгий Иванов дорос до самоопределения» и что «книга Б. Лившица не только обещание, но и достижение». Повидимому, та же «партийность» привела критика и к оценке, которую уже трудно признать справедливой, О. Мандельштама, как поэта, в котором сильна «любовь ко всему *живому* и прочному» (стр. 179). Можно ценить мастерские строки О. Мандельштама, ныне возглавляющего неоакмеизм, но существо его поэзии, кажется нам, совершенно иное, чем то хотелось бы Н. Гумилеву.

Еще более узко-акмеистический взгляд сказывается на тех страницах «Писем», где Н. Гумилев спешит приветствовать,—хотя, будем справедливы, очень сдержанно,—несколько дебютантов, совершенно не оправдавших даже этих осторожных поощрений. Дело в том, что в их стихах, шаблонных и слабых, критику почудилась «здоровая радость мироздания» и еще что-то в этом роде из круга акмеистических заветов. Наконец, почти комично звучит утверждение Н. Гумилева, что поэзия Вяч. Иванова тем несвоевременна, тем несовершенна, что... чужда акмеизма. «Между Вяч. Ивановым и акмеизмом,—прямо пишет Н. Гумилев, рецензируя сборник «Нежная Тайна» 1913 г. (стр. 166),—пропасть, которую не заполнить никакому таланту... Как далек этот индивидуальный, одинокий расцвет (т.-е. поэзии Вяч. Иванова) от того равновесия всех способностей духа, которое теперь грезится многим» (т.-е. от акмеизма). Характеристика поэзии Вяч. Иванова, — «индивидуальный, одинокий расцвет»,—может-быть, и удачна, но противоположение ей поэзии акмеистов вряд ли кого-нибудь убедит.

Наибольшая несправедливость критика выявляется в его отношении к футуристам. Это были противники, которым суждено было исполнить то самое, о чем тщетно мечтали акмеисты: найти дальнейшие пути поэзии после символизма. В первых опытах футуризма, конечно, было трудно угадать его позднейшее значение. Но взглянуть на футуризм как на явление значительное, заслуживающее внимания и разбора,—было можно и было должно. Н. Гумилев почти не попытался сделать это. Достаточно отметить, что в «Письмах» («Указатель» к которым заключает больше 250 имен) *ни разу* не назван В. Маяковский. Между тем до 1915 г. им уже было издано несколько особенно-характерных для него произведений («Утро» и «Ночь» еще 1909 г., позже «Послушайте», «Война объявлена», «Я и Наполеон», «Гимн судье», «Военно-морская любовь» и др.). Нет в «Письмах» даже самого термина «футуризм», и футуристы отнесены Н. Гумилевым просто к разряду очередных «дерзателей», наравне с Ф. Кашинцевым, Ладо-Светогорским и т. под. (стр. 111).

Впрочем, и здесь надо внести несколько поправок. Все то же правильное критическое чутье не позволило Н. Гумилеву совсем не заметить ничего ценного в группе новаторов. Он был один из тех (вместе с Ф. Сологубом и мною), кто указал на действительно свежие элементы в ранних стихах Игоря Северянина (стр. 109), хотя и позволил себе заподозрить в них «желание скандала». Н. Гумилев сделал и большее: он угадал своеобразное дарование В. Хлебникова (стр. 113). Затем он без брани упомянул имя В. Каменского (стр. 111). Из других футуристов отметил только тех, которые в те годы были еще близки к традициям символизма,—К. Большакова и Вад. Шершеневича (тогда—только автора «Carmina»).

В целом из «Писем» получается достаточно живая картина русской поэзии 1909—1915 гг., только как бы отраженная в не совсем верном зеркале. Движение футуристов почти исчезло в тени и едва представлено несколькими, не самыми видными, его участниками; акмеисты выдвинуты на передний план; большинство символистов охарактеризовано

с отрицательной стороны их поэзии. При всем том, пропорции фигур сохранены достаточно верно: характерные особенности отдельных поэтов подмечены зорко. Читатель «Писем», несомненно, жизнь русской поэзии за семилетие перед Войной и Революцией — узнает.

Но остается указать еще два существенных недостатка «Писем», лежащие в самом существе Н. Гумилева, как критика.

Во-первых, в «Письмах» совершенно отсутствует социальный фон. Конечно, критика—не история литературы, и нельзя требовать от современника, чтобы он вскрывал связь нового литературного явления, новой книжки стихов, с борьбой общественных сил данной эпохи. Но у Н. Гумилева—преднамеренное, предвзятое разъединение поэзии и общественности. В «Письмах» поэзия развивается в безвоздушном пространстве, и, напр., отклики поэтов на современность (у Вяч. Иванова, у меня, у др.) не вызывают в критике никакой реакции: он их не замечает, не хочет видеть. И только один раз, по поводу стихов Н. Клюева (стр. 150), задает себе вопрос, значение которого как будто сам не вполне понимает: «Что это? Только крестьянин, пишущий безукоризненные стихи, или провозвестник новой силы, народной культуры?»

Во-вторых, у Н. Гумилева, как критика, нет никакого метода. Само собой разумеется, что марксистский подход был для него невозможен. Но вполне приемлем для Н. Гумилева был бы, напр., подход формальный,—оценка, исходящая из анализа формы. Это дало бы критику некоторую прочную основу, позволяющую делать точные выводы. Но Н. Гумилев, тщетно попытавшись очертить грани своей поэтики (статьи «Анатомия стихотворения», «Жизнь стиха» и др., стр. 13 и сл.), тотчас забывает о ней. В одном месте (стр. 190, 191) он пробует *доказывать* свои положения, объяснить особенности поэзии Анны Ахматовой особым приемом в сопоставлении эпитетов и в употреблении прилагательного в смысле существительного, но это остается исключением. Обычно доказательства заменены восклицаниями: «не правда ли?» или «это не убедительно!» Чаще же всего Н. Гумилев пользуется сравнениями: «Их поэзия (Пушкина или Брюсова) — озеро, отражающее в себе небо; его поэзия (Вяч. Иванова)—небо, отраженное в озере» (стр. 118). «Убедительно» ли это для читателя или нет, критик не считает нужным доказывать строже.

И все же, при всех своих недостатках, «Письма» Н. Гумилева—интересная и ценная книга. Да, это—критика импрессионистическая. Да, это—поэзия, оторванная от всех течений общественной жизни. Да, это—не чуждый пристрастности суд акмеиста над всей литературой. Но это—книга поэта, любившего и понимавшего искусство. Она имеет и объективную ценность, как яркая и, часто, верная характеристика отдельных поэтов, выступавших за семилетие 1909—1915 гг., и ценность субъективную, как важный исторический документ: ясно выраженное суждение видной группы нашей интеллигенции о движении и успехах русской поэзии за это семилетие. Последнее значение останется за «Письмами» навсегда; историкам литературы и историкам нашей *общественности* еще придется обращаться к книге Н. Гумилева.

О ПЯТОМ ТОМЕ „ИСТОРИИ“ КЛЮЧЕВСКОГО [1].

(Заметка).

М. Н. Покровский.

Большой публике долго пришлось ждать последнего тома «Курса» Ключевского. Предисловие редактора (Я. Л. Барскова) помечено январем 1919 года (!), на титульном листе стоит 1921 г., а на обложке—1922. Солидно работал старый Госиздат!

От долговременного пребывания в недрах одного из советских учреждений книга, конечно, не «осветилась» и вообще не стала более современной. В этом отношении «большой публике» предстоит большое разочарование. Основной текст напечатан с литографированного издания 1883—84 года—того самого, по которому наше поколение когда-то готовилось к экзаменам. Было это почти ровно тридцать лет тому назад

От книги такого возраста можно не ожидать свежих мыслей, даже независимо от какого-либо специфического отношения автора к изображаемой им эпохе, а такое отношение было. Новая русская история, которой посвящен этот том—охватывающий период от Екатерины II до смерти Николая I—не принадлежала к любимцам В. О. Ключевского. Филигранно отделывая древнейший период, до Петра включительно, покойный историк скользил по дальнейшему довольно бегло. То, что это дальнейшее приходилось обычно на конец года, когда всякий профессор спешит свести концы с концами, очень помогало этой беглости и отчасти извиняло ее перед слушателями. Некогда подробно этим заниматься, а «дать понятно» аудитории все же нужно. Поэтому сообщается «самое существенное», без подробностей.

«Подробности» и шли поэтому в убывающей прогрессии. Об эпохе Екатерины их сообщалось еще довольно много, хотя больше бытовых и анекдотических, нежели исторических в серьезном смысле этого слова. Но крепостное право, например, отделывалось довольно тщательно: это был уже отрезанный ломоть истории, по отношению к которому безопасно было говорить, что угодно, не касаясь только легенды 19 фе-

[1] *В. О. Ключевский.* «Курс русской истории», часть V. Гос. Изд. Петербург. 1922 г.

врали. В ином положении было, конечно, самодержавие. Тут приходилось лавировать между студенческой массой, красневшей год от году, и начальством, становившимся год от году все более черносотенным. Вообще говоря, эта лавировка удавалась столь умному человеку, как В. О. Ключевский, раз только он сорвался вправо, в своей речи об Александре III, в 1894 году.

Об этой речи, печатавшейся обыкновенно в приложении к последней части «Курса» (имевшей, кроме литографированных, еще два печатных издания «на правах рукописи»), редактор нынешнего издания говорит, что ее «настоящее место» не при «Курсе», а «в полном собрании трудов Василия Осиповича». С полным правом это можно сказать о всей V части. Ибо, даже помимо той лавировки, о которой сейчас говорилось, курс 1883—84 года должен был страшно устареть в чисто академическом смысле, так как истории России XIX века, как научной дисциплины, в те дни не существовало. Создана она, преимущественно, марксистами—в наиболее широком понимании этого термина, т.-е. включая сюда и «легальных марксистов» (работы Струве о крепостном хозяйстве и Туган-Барановского о русской фабрике), а помимо них тут больше всего поработали полулегально историки-народники (В. И. Семевский, Богучарлкий и др.), военный историк Шильдер (биографии Павла, Александра I и Николая I) да берлинский профессор Шиман, давший недурной и свежий материал о Николае I, в самом черносотенном освещении, какое можно придумать. И труды всех перечисленных авторов вышли *после* 1884 года. Историк, читавший свои лекции в этом году, многих фактов просто не знал, не мог знать.

Что должно было получиться из этого сочетания политической лавировки и фактической неосведомленности, легко показать на любой секции «Курса», хотя бы на той, где Ключевский говорит о декабристах например. Конечно, вожди движения везде именуются «вожаками» (кроме страницы 212—не из более ли свежей это редакции?). Конечно, о Пестеле подчеркивается, что это был «сын прославившегося взяточничеством сибирского генерал-губернатора», а о «Русской Правде», лежавшей в то время в «секретных» архивах за семью печатями, ни слова. Едва ли Ключевский ее и видел в 1884 году. О Рылееве сказано буквально: «Кондратий Рылеев, бывший артиллерист, потом служивший в Петербургской казенной палате по выборам дворянства и вместе с тем управляющий делами Русской северо-американской компании». Пишущий эти строки весьма мало склонен благоговеть перед памятью человека, первым жестом которого, после ареста, было выдать Пестеля: но тут все же нельзя не почувствовать и обиды за Рылеева—как никак, а это был крупнейший, после Пушкина, русский поэт 1820-х годов... Представьте себе историка, который позволил бы себе аттестовать Пушкина, как «титулярного советника и камер-юнкера», «позабыв» отметить, что этот человек написал «Евгения Онегина», какой бы гвалт поднялся во всей русской литературе! А вот Ключевский охарактеризовал приблизительно так Рылеева—и три поколения русской интеллигенции глотали это безропотно.

Но это все номенклатура и «этикет», так сказать, иначе говорить о каких бы то ни было революционерах с университетской кафедры при Александре III не полагалось. Перейдем к фактической стороне. На стр. 208 нам сообщают, *после* упоминания о Пестеле и Рылееве, о «северном» и «южном» союзах, что «существование этих союзов не было тайной для правительства... но никакие меры против замыслов обществ не были приняты». Тут явная путаница: Александр I знал о невинном «Союзе Благоденствия», распавшемся в 1821 году, но о республиканском заговоре Пестеля он узнал только летом 1825 года от провокатора Шервуда, донос которого имел следствием совершенно определенные «меры»: целый обширный провокаторский план, в центре которого стал главный начальник военных поселений юга России, гр. Витт. Александр неожиданно умер за несколько дней до «ликвидации» пестелевской группы (19 ноября ст. ст. 1825 г., а Пестель был арестован 13 декабря) и только поэтому «мера» случайно оказалась не связанной с его именем.

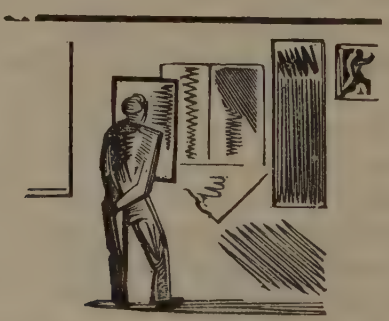
На стр. 209 повторяется давным-давно устраненная, еще Шиманом, легенда о том, будто Николай не знал о завещании Александра, делавшем Николая наследником престола вместо Константина. На стр. 210 «по Корфу» (автору официальной истории 14 декабря, вышедшей в 1850-х годах) рассказывается о мерах кротости и увещания, якобы предпринимавшихся Николаем до картечи, и сообщается совершенно неверный факт, будто и из пушек сначала стреляли холостыми зарядами. Этого даже 1884 годом не объяснишь—все-таки мемуары-то декабристов кое-какие были в печати и тогда. К убийству Милорадовича «товарищи Каховского» отнеслись «с отвращением», а накануне Рылеев, как мы теперь знаем, уговаривал Каховского убить самого Николая! и т. д. Все это кончается совершенно достойным всего остального выводом, что «14 декабря не было бы в том случае, если бы заранее приняты были меры»,—выводом, который не становится убедительнее и содержательнее от того, что к нему присоединился впоследствии прусский реакционер Шиман, говоривший даже еще определеннее об *одной* мере: аресте Рылеева.

Совершенно естественно, что от автора, так смутно представлявшего себе конкретную сторону событий—мы не хотим думать, что Ключевский знал, что в действительности происходило, но скрывал это от своих слушателей—не приходится ожидать их глубокого понимания. Декабристы для Ключевского—«большей частью добрые, умные, образованные молодые люди с горячим желанием быть полезными отечеству, руководившиеся чистыми побуждениями, но неопытные, без знания света, людей и отношений...» Знание света начиналось, очевидно, в те времена с III класса петровской табели о рангах—с дивизионного генерала и тайного советника: ибо полковников и бригадных генералов, равномерно и гражданских особ до IV класса табели о рангах включительно среди декабристов было достаточно.

Мы остановились на декабристах подробнее только потому, что эти страницы в обычных курсах этого рода бывают обыкновенно наиболее интересными. Но глубина понимания на всем протяжении этих

глав приблизительно одинаковая. Хотите ли вы знать, например, отчего медленно шло крестьянское дело при Николае I? Вы, может, думаете, что объективные экономические условия мешали? Но об этом марксистском мудровании в 1884 году и помину не было. Ключевский, правда, не мог не заметить интенсификации барщины в начале XIX века (стр. 230), но он далек от мысли, чтобы это имело какие-нибудь причины, более общие и глубокие, чем помещичий произвол, и какие-нибудь последствия, кроме раздражения крестьян. Влияние рынка, кризиса хлебных цен и т. д.,—все это для него оставалось такой же книгой за семью печатями, как «Русская Правда» Пестеля, и на этот раз уже вовсе не из-за политической обстановки: просто в русской литературе тогда ничего на этот счет не было. И умнейший Ключевский довольствуется совершенно детским объяснением неудачи Николая I в крестьянском деле: «высочайшая воля издавала законы, а исполнительные учреждения втихомолку прибирали эти правила к рукам, крали их» (там же). А крестьяне, зная о «высочайшей воле», но не видя улучшения своему положению, волновались. Вот и все.

Непонятно, зачем эту архаическую книгу понадобилось печатать в 50.000 экземплярах. И уж если вообще ее печатать, то поручить редакцию следовало не Я. Л. Барскову, благоговеющему перед каждым словом покойного учителя, а какому-нибудь историку-марксисту, который снабдил бы ее соответствующими комментариями. Печатать ее и тогда не было бы необходимости, даже для того, чтобы «Курс» имел внешне законченный вид: ибо ведь все равно царствование-то Александра II напечатать не решились, больно уж, очевидно, резало современный взгляд. Так что книга все-таки обрывается «на полуслове»—на смерти Николая I. Но с комментариями от книги не было бы, по крайней мере, прямого вреда. А теперь ее издание, конечно, очень на руку всем, кто мечтает о режиме Александра III, как о пределе благополучия. Тут уж марксизмом и не пахнет! И глядишь, книжку начнут рекомендовать даже на наших рабфаках—рекомендуют же Корнилова.



СОВЕТСКАЯ НАУКА [1].

В. И. Невский.

Победить буржуазию в открытом бою, разбить государственную машину буржуазного государства, овладеть властью в результате победоносного восстания пролетариата—это колоссально трудное дело, но это только небольшая часть той задачи, какая поставлена историей пролетариату. Гораздо более трудная, неизмеримо более сложная задача, которая возникает сейчас же, на другой день революции,—это организация социалистического производства и создание того идеологического организующего аппарата, без которого не может жить современное общество и которое носит название *науки*.

Создать такие органы, где разрабатывались бы научные проблемы, где вырастала бы новая наука, где подготовлялись бы новые научные силы, создать такие научные органы, где творцами и строителями науки был бы пролетариат в лице его представителей, молодого пролетарского поколения,—это колоссально трудная задача, разрешить которую, однако, пролетариат и его партия должны во что бы то ни стало. Вне разрешения этой задачи невозможно, просто немыслимо окончательное завоевание старого мира, обладающего достаточно широким и вышколенным буржуазией кадром техников и ученых, и невозможно это потому, что необходимо теперь же, немедленно дать десяткам миллионам молодежи, воспитывающейся все же в недрах старой мелкобуржуазной крестьянской семьи иной, построенный на данных науки, фундамент взамен тех китов и устоев, на которых строилось все миросозерцание целых поколений. Комсомольское Рождество, может-быть, и хороший прием агитации, может-быть, и полезен этот прием в некоторых отношениях, но он никогда не разобьет религиозных воззрений, а главное, не даст взамен старых и прочно сросшихся со всем укладом жизни традиций, если взамен этих традиций не дать прочного фундамента точных знаний. Скажут на это, что в наших высших учебных заведениях уже существуют элементы, из которых вырастут и новые техники, и новые ученые, и что поэтому беспокоиться нечего. Да, конечно,

[1] «Вестник Социалистической Академии», №№ 1—2. Гос. Изд. Москва. 1923 г.

вырастут, но для того, чтобы они выросли скорей, и для того, чтобы этот рост протекал под могучим идейным влиянием коммунистической струи в науке, необходимо, кроме учреждений чисто-практических, преследующих узко практические цели момента, чтобы был еще и идейно-научный коммунистический центр, где бы творилась теоретическая мысль и откуда бы исходили теоретические импульсы, толкающие науку, и в этих практических учреждениях, подготовляющих, главным образом, техников,—словом, нужен коммунистический научный центр. Только тогда, когда в таком коммунистическом научном центре будет биться живая научная мысль, выношенная и развитая учеными коммунистами,—только тогда будет создан прочный фундамент, стоя на котором можно будет с успехом обстреливать твердыни буржуазной науки, вытеснить из их позиций буржуазных специалистов ученых и заменить их своими. Вот почему та работа, какую ведет сейчас Социалистическая академия, имеет огромное значение, и вот почему к тому, что делает она, должны с величайшим вниманием относиться все, кому дороги и коммунизм и советское государство. Социалистическая академия должна стать творцом такой науки, которую будут двигать *наши* ученые, *наши* исследователи,—академия должна стать таким центром, откуда должны быть протянуты невидимые, но прочные теоретические нити ко всем тем учреждениям, где молодое пролетарское поколение призвано завоевать позиции, доселе занятые старыми специалистами и учеными.

Отсюда понятен тот интерес, какой вызывается появившимися двумя томами, так сказать, трудов Социалистической академии,—мы говорим о двух номерах «Вестника Социалистической Академии».

Просматривая эти книжки, невольно обращаешь внимание на то, что у них уделяется внимание только общественным наукам—политической экономии, истории, статистике, философии и т. д.—и совершенно не отведено места огромной и важнейшей области современной науки—естествознанию. Мы говорим не об узко-специальных статьях и докладах по естественно-историческим дисциплинам, которым место, конечно, не здесь, мы говорим о таких отраслях и проблемах естествознания, без которых не может плодотворно разрабатываться и общественная наука. Не подлежит никакому сомнению, что без преподавания естествознания в определенном объеме не может быть удовлетворительно поставлен и общественный факультет наших высших учебных заведений. Кажется, теперь против этого спорить никто не станет. Даже *наш* непродолжительный опыт в этом отношении дал положительные результаты. Взять хотя бы Свердловский университет, где еще в бытность ректором пишущего эти строки при весьма недоброжелательном настроении очень известных теоретиков коммунистов было введено естествознание в программы 3-годичного курса и где была основана научная ассоциация с отделением и естественно-исторических дисциплин. Опыт Свердловского университета, по нашему мнению, дал положительные результаты, но об этом ниже, а сейчас скажем, что, если и в программах общественных факультетов должно быть уделено место

естествознанию, то тем более в учреждении, где должны закладываться научные основы нашей теории, где должна создаваться наша новая наука, в Социалистической академии должны быть такие институты или органы, при помощи которых мы могли бы теоретически влиять и на такую область, как естествознание. Мы не хотим этим сказать, что в Социалистической академии непременно нужно сейчас, в данный момент, приступить, напр., к постройке Физико-Химического института, где бы наши собственные Лавуазье и «Невтоны» делали гениальные открытия; мы говорим о том, что в Социалистической академии все же уже теперь должны быть товарищи, могущие уже сейчас наладить аппарат, в котором товарищи могли бы изучать и разрабатывать те области естествознания, без коих теперь не в силах обойтись и общественная наука. Хотя и с трудом, но это можно поставить. Небольшой кадр (очень, очень небольшой, правда) молодых естествоиспытателей, даже коммунистов, у нас уже имеется. Это, конечно, не Ньютоны и Дарвины, но это молодые ученые, пускай еще не признаваемые буржуазными авгурами, но серьезно принявшиеся за работу, насколько возможно сейчас работать научно. Привлечь их, заставить их, связать их частные узкие научные области точных дисциплин с общественными науками—это важнейшая задача, которую надлежит разрешить Социалистической академии. Вероятно, эта задача уже поставлена академией, и в ближайшем будущем мы прочтем в ее научном органе отчеты и рефераты по этой секции.

Академия уже сейчас обладает одной из лучших библиотек в мире по истории и теории социализма, кстати сказать, собранной усилиями т. Д. Б. Рязанова, поистине, в этом смысле создавшего академию. В этом отношении нужно прямо сказать, что только такой знаток дела и ученый, как Д. Б. Рязанов, мог сорганизовать и библиотеку и научно поставить все кабинеты академии и института имени Маркса. Стало-быть, одно из главных условий для работы—прекрасная библиотека—налицо.

В отношении общественных наук два вышедших номера дают интереснейший и богатый материал. Остановимся прежде всего на экономике. Здесь следует обратить внимание на два отчета,—по докладу тов. Богданова «Версальское устройство» и т. Милютина «Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства». Особенно интересен второй доклад. Тов. Милютин начинает свой доклад с вопроса о том, что такое государственный капитализм, и, исходя из определения, что государственным капитализмом называется та стадия капитализма, когда капиталистический аппарат подчиняется государственной капиталистической власти, когда буржуазное государство овладевает хозяйственной деятельностью и ведет ее активно, приходит к заключению, что государственного капитализма у нас нет, а есть только государственный капиталист. Анализируя далее это понятие, т. Милютин приходит к утешительному выводу, что в то время, как государственный капитализм в буржуазном хозяйстве является высшей формой хозяйства,

у нас то, что носит название государственного капитализма, не может стать высшей формой, ибо, если бы частный капитал, допущенный в наше хозяйство, достиг бы высшей формы, то превратиться в государственный капитализм он все же не мог бы. «Когда государство, в лице Советов, т.-е. органов диктатуры пролетариата, производит огосударствление этого развившегося капитализма, тогда он, как капитализм, перестает существовать». При условиях теперешней экономической политики возможно лишь развитие частно-хозяйственных капиталистических форм, но соподчиненных национализированной крупной промышленности. Переходя затем к конкретной действительности, т. Милютин констатирует, что в области крупной промышленности частный капитал не достиг никаких завоеваний. Завоевания сделаны им там, где капитал более низкого строения, именно в области экономических отношений города и деревни. Концессий, заключенных в области крупной промышленности, у нас нет или почти нет, да и допускаются они постольку, поскольку отвечают нашим стремлениям развить производительные силы Советской России. Из 3874 предприятий, сданных в аренду на 1 сент. 1922 г., 40% приходится на пищевую и кожевенную промышленность, на деревообрабатывающую, металлообрабатывающую и химическую—25%, на текстильную и синдикатную—10% и 25% по остальным отраслям. По размерам сданные в аренду предприятия незначительны, в среднем на предприятие 15—20 человек. Далее, частные лица составляют только половину всего числа владельцев предприятий. Отсюда т. Милютин заключает, что роль частно-хозяйственных форм в промышленности у нас незначительна. Не то в торговле, где частная торговля во всем торговом обороте страны составляет 40%, при чем частно-хозяйственные формы торговли укрепляются, главным образом, в области розничной торговли. Оптовая торговля находится в руках государства, так что и в торговле опасаться накопления частного крупного капитала нельзя. За всем тем, у частно-хозяйственных форм есть один плюс—это меньшие издержки на аппарат, чем у нас. Выводы, к которым приходит т. Милютин, таковы:

«В области промышленности, в отношении частно-хозяйственных форм мы должны поставить границы, руководствуясь определенным планом в смысле сдачи в аренду предприятий»; ...«мы должны сохранить полную монополию в области топливной (я говорю здесь об угле и нефти), металлообрабатывающей промышленности,—мы должны сами вести это дело». Сдавать в аренду допустимо предприятия, где частно-хозяйственный капитал будет направляться на производство средств производства, машиностроение и т. д. Угрозу нам от частного капитала т. Милютин видит в том, что частный торговый капитал «обслуживает массового потребителя между городом и деревней, между крестьянами и рабочими». Командные высоты—крупную промышленность, транспорт—мы должны оставить в своих руках, оптовая торговля должна быть целиком наша, частно-хозяйственный капитал должен быть подчинен национализированной промышленности, и тогда никакие опасности нам не угрожают. Прения,

развернувшиеся по докладу т. Милютина, интересны и высоко-поучительны. Тов. Преображенский, возражая т. Милютину, подчеркнул, что и при государственном капитализме три основные черты, присущие капиталистическому производству, должны остаться, это — частная собственность на орудия производства, присвоение прибавочной стоимости рабочего капиталистом и отсутствие планового хозяйства и рыночная система регулирования хозяйственного процесса в области продуктов потребления и в области распределения производительных сил во всем хозяйстве при посредстве рычага цен. Две первые основные черты у нашего «капитализма» отсутствуют, а третья «вот здесь, товарищи,— сказал тов. Преображенский,—зарыта вся собака». Здесь, по словам т. Преображенского, у нас сожительство двух систем — рынок, рыночное хозяйство и госплан. Но сожительство это не в нашу пользу, ибо наше плановое социалистическое хозяйство ниже даже планового германского хозяйства эпохи войны. Исчисляя валовой доход от национализированной промышленности в $1^1/_2$ милл. зол. р. (при чем чистый доход равен половине этой суммы), а доход всей страны—в 5 милл., т. Преображенский полагает, что $^4/_5$ пирамиды нашего хозяйства—хозяйство мелкое, крестьянское. И вот наше государственное хозяйство находится в состоянии товарообмена, «со всей этой громадой, которая его превышает по размерам продукции в 4 раза». Здесь среди этой громады и царит колупаевско-разуваевский капитализм анти-государственный, — в то время, как наше пролетарское государство враждебно капитализму. Принимая же во внимание указание т. Милютина, что частно-хозяйственный аппарат дешевле советского, и здесь тоже кроется опасность натиска капитала на наше хозяйство. Правда, государство своим давлением может уменьшить эту опасность, «но,—говорит тов. Преображенский,—если превосходство капиталистической формы и дальше будет продолжаться, то это чисто политическое давление государственного аппарата на большой промежуток времени спасти положения не может. Уменьшение издержек производства, уничтожение посредничества—вот важнейшие задачи момента, и, разрешив их, имея в руках командные высоты, мы предотвратим ту опасность, какая нам угрожает от частного капитала». Не останавливаясь на интересных соображениях т. Преображенского о том, как должен быть учтен наш хозяйственный опыт при социалистическом перевороте пролетариатом на Западе (мы думаем, что истина здесь на стороне т. Преображенского), остановимся на тех точках зрения, какие наметились при обсуждении. Их можно разделить на три разряда—оптимистический, пессимистический и средний. К оптимистам, кроме т. Милютина, можно причислить т. Дволайцкого, полагающего, что советское государство обладает могущественнейшими методами, которые помогут нам укротить враждебную нам стихию. К пессимистическому разряду причисляет себя сам т. Кассиор. Остальные оппоненты, т. Горев и т. Лежава, занимают среднюю позицию. Тов. Кассиор полагает, что «все дело в том, как сохранить нашу социалистическую верхушку», т.-е. наше национализированное хозяйство. «Я на этот счет,

повидимому, настроен весьма пессимистически», заявил т. Кассиор. Основаниями для его пессимизма являются: развал верхушки, распадение тяжелой индустрии и транспорта. Но, настроившись в начале своей речи весьма пессимистически, т. Кассиор в конце речи, продолжая утверждать, что основания для его пессимизма налицо (развал тяжелой индустрии и транспорта), почему-то превратился в оптимиста. «Но тот факт,—заявил он,—что тяжелая индустрия у нас восстанавливается крайне медленно или даже вовсе не восстанавливается и что наша южная металлургия находится сейчас в ужасающем положении, не должен нас настраивать пессимистически». Как это можно: быть в начале речи при развале тяжелой индустрии пессимистом, а в конце при том же развале и даже ужасающем положении южной металлургии не пессимистом, — неизвестно. Сие, повидимому, надлежит понимать «трояко и духовно». Нам думается, что правильно подошел к разрешению вопроса т. Преображенский, а т. Горев и т. Лежава дополнили его положения очень важными соображениями. Определяя государственный капитализм, т. Преображенский указал на три черты, присущие капиталистическому хозяйству, частная собственность на средства и орудия производства, присвоение прибавочной стоимости капиталистом и отсутствие планового хозяйства. Допустим, что последняя черта стерта, и остаются две первые; ясно, что и при наличии частной собственности на средства и орудия производства и при условии присвоения прибавочной стоимости капиталистом имеются все данные для пессимизма т. Кассиора. Тов. Преображенский полагает, что средства и орудия производства принадлежат государству, прибавочная стоимость поступает в карман государства и, стало-быть, оснований для пессимизма нет. Но ведь есть еще громада в $^4/_5$ дохода всей страны. Спрашивается, там, в этой громаде, в этом океане мелко-буржуазной стихии, там прибавочная стоимость присваивается капиталистиком и мелким хозяйчиком или нет? Там средства и орудия производства принадлежат мелкому собственнику. Конечно, присваивается, конечно, принадлежат. Можно на это возразить, что ведь это мелкое производство, а где нет теперь прибавочной стоимости, там национализированное крупное производство. Да, это верно. Но громада остается громадой, и все мы знаем, что, как выразился т. Горев, «самый грозный враг всякой пролетарской революции—мелко-буржуазное крестьянство, и этот враг должен быть нейтрализован. Именно потому, что некоторые товарищи, работающие в тяжелой индустрии, повидимому, настроены весьма пессимистически, т.-е. именно потому, что тяжелая индустрия не налаживается и собирается перекочевать на Урал,—туда, откуда она передвинулась на юг, когда высшие ее формы вытеснили низшие, именно потому и грозит нам опасность от этой громады, о которой говорит т. Преображенский. Мелко-буржуазный собственник и в городе и в деревне покупает, продает, нанимает рабочего и батрака, эксплуатирует его, получает прибавочную стоимость и... накопляет. Да, накопляет. Накопляет потихоньку, понемножку, но накопляет. И попробуйте-

ка теперь сразу, насильственно прекратить те реставрационные процессы, которые идут в самой толще этой громады; думается, что это, пожалуй, сразу не удастся. В этом вся опасность, и будет дотоле она существовать, доколе не прекратится «развал», как выразился т. Кассиор (он производственник, ему и книги в руки), южной металлургии и транспорта (кстати, транспорт разваливается не только потому, что ему приходит время разваливаться, а, между прочим, и потому, что он свободен: ведь те 20 т. вагонов, в которых выражается в среднем в сутки его работа, далеко не то, что может дать даже *наш транспорт:* нечего иногда просто возить). Да т. Преображенский и не отрицает этой опасности, ведь он закончил свою возражение т. Милютину так: «Может - быть, я его (т. Милютина) не понял, но факт тот, что он говорил: «мы можем быть спокойны: капитализм не будет развиваться. Это—утопия, которая ничего общего не имеет с учетом реального положения нашей промышленности, и от этой утопии нам нужно отказаться». Да от утопии нужно отказаться—и отказаться как можно скорее». Думается, что т. Лежава, стоящий, по нашему мнению, ближе, чем кто-либо, к действительности, ошибается в одном, а именно, что «у мужика лавочки нет ни кооперативной, ни частной». Что нет лавочки кооперативной, это верно, а вот насчет частной можно усомниться. Неизмеримо меньше этой лавочки, чем прежде, это верно, но верно также и то, что она рождается, создается, да и не может не создаваться, коль скоро мы сами эту возможность создавать лавочку даем. Да, пожалуй, и не опасна эта лавочка, если, как правильно выражается т. Горев, мы, задавшись целью нейтрализовать крестьянство, сделаем еще одно дело: будем не пессимистически восстанавливать нашу крупную промышленность, для чего нужно пойти на концессии и пустить к нам капитал, как это нам будет выгодно. Это трудно, очень трудно («но этого капитала нет. Если бы он пошел, то это дало бы колоссальное облегчение в деле восстановления промышленности»—это слова т. Лежавы), но это сделать нужно, а сделать это можно, ибо мы все же обладаем пока еще командными высотами. Значит, опасность есть (да и странно, если бы ее не было, когда есть десятки миллионов мелкобуржуазного крестьянства), но отсюда нисколько не следует, что нужно ударяться в пессимизм. Насчет опасностей новой экономической политики можно сказать так: «дывитесь, бисови очи, що куповалы», но раз сами купили, так уж нужно использовать до последней крайности, и в таком случае иметь дело не с мелкотравчатыми нэпманами, а уж с настоящими капиталистами шкуродерами,—обдерет шкуру, но и его зато, в конце-концов, после этого слопать можно совсем.

Животрепещущий интерес представляет доклад т. Милютина, и потому его прочтут все с большим вниманием. Но не только вопросы экономические, хозяйственные и организационно - производственные нашли свое освещение на страницах журнала (этим вопросам посвящены интересные статьи «Финансовая система в период первоначального социалистического накопления» Кузовкова во 2-м номере, «Основные положения организации предприятий»—проф. Шиллинга и инж.

Герлиц—в 1-м ном. и «Проблема трудового ритма» Ерманского), большой интерес представляют и статьи исторические и доклады и статьи философского характера. Работа т. Покровского «Внеклассовая теория развития русского самодержавия»—лучшее, что есть вообще в двух номерах «Вестника». Блестящая, как всегда по стилю, статья научно и глубоко трактует вопрос о «внеклассовом развитии русского самодержавия». Автор находит корни этой теории в писаниях тамбовского полукрепостника и профессора Чичерина. Он показывает на полемике Чичерина с Герценом по вопросу освобождения крестьян, как родилась эта теория внеклассового самодержавия в голове человека, которому, во что бы то ни стало, нужно было создать такую идеологическую схему, в какую бы безо всяких противоречий можно было втиснуть то, что впоследствии получило название — перекрепощение крестьян и что официально носит название освобождения. Понятно, что такая реформа могла окончиться благополучно при одном лишь условии—диктатуре правительства. И Чичерин, несмущаясь даже своего приятеля Герцена, отстаивал ее и упрекал «властителя дум» за те топоры, какими иногда щеголял безобидный изгнанник, желая припугнуть не особенно сговорчивых крепостников. Эта необходимость правительственной диктатуры при проведении реформы, перенесенная в историю, и дала ту теорию внеклассового происхождения русского самодержавия. Далее Покровский показывает, что эта чичеринская теория была развита Соловьевым, создавшим концепцию, по которой вся история России и, пожалуй, весь исторический процесс построен на борьбе леса и степи, оседлых и кочевых народов. Эту ненаучную, не соответствующую действительным экономическим отношениям гипотезу Покровский опровергает интереснейшими соображениями и фактами о хозяйстве кочевников, с которыми приходилось бороться русскому лесу, заимствованными из неопубликованной, но уже почти готовой работы проф. Баллода о раскопках в районе города Царева. Из этой работы, приозведенной уже в дни советской власти, выясняется, что дикие кочевники—татары, покорившие Русь XIII века, были весьма недурные хозяева, имевшие очень сложную систему орошения, водопроводы, мастерские, духовое отопление,—словом, весьма сложное городское хозяйство, наличие которого разрушает легенду о диких кочевниках. Эта борьба с кочевниками, ограждение народа от внешней опасности, как господствующий интерес, будто бы создавший русское государство, проходит и в наиболее талантливом произведении другого русского историка Ключевского, в его «Истории сословий».

Замечательную работу т. Покровского рекомендуем особенно читателю, как блестящий образец применения метода Маркса к изучению исторических событий, ибо т. Покровский показывает корни всех этих теорий происхождения государственной власти, Чичерина, Соловьева, Ключевского, уходящие глубоко в ту классовую структуру русского общества, которое воспитывало и формировало всякие идеологические надстройки, в том числе и исторические схемы названных историков. Неру

нашего талантливого историка-марксиста принадлежат и две интересные рецензии,—одна на книжечку П. Козьмина «П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов» и другая т. С. Айнзафта «Зубатовщина и гапоновщина». По поводу второй рецензии, или, вернее, по поводу той оценки, какую дает тов. Покровский книжке т. С. Айнзафта, необходимо сказать несколько слов. Тов. Покровский совершенно правильно указывает на основной недостаток брошюры С. Айнзафта, именно, на его веру в то, что «кружок инициаторов гапоновской организации состоял из рабочих, безусловно честных, развитых и культурных, хорошо знакомых с состоянием рабочего движения в России и на Западе». Тов. Покровский ошибается здесь только в одном, будто весь кружок рабочих умных и развитых, шедших за Гапоном, состоял из людей, которых всех целиком можно отнести к «желтым». Были и честные среди них. В нашей петербургской организации доселе живут и работают некоторые из товарищей рабочих, которые искренно думали «использовать» Гапона, оставаясь честными и преданными рабочему делу людьми. Тов. Покровский скажет: бывают и такие чудаки! Да, к таким чудакам после 9 января и даже в день 9 января принадлежал весь большевистский петербургский комитет, который ни минуту не сомневался, что Гапон—провокатор. Что касается предположений т. Покровского, не было ли вызвано 9 января правительственной провокацией и что нужно еще порыться в военных архивах с этой целью, то думается, что документов, а главное, фактов, довольно для того, чтобы предположение стало уже уверенностью: ведь задолго до шествия правительство прекрасно знало о нем и готовилось встретить рабочих. Знали об этом: охранка из писем Гапона, градоначальник Фуллон, тов. министра внутренних дел, сам министр Святополк-Мирский, Витте, Муравьев; за несколько дней до 9-го была выработана подробная диспозиция войскам, заготовлена артиллерия. Документы военных властей, подтверждающие провокацию найти было бы хорошо, но когда, скажем, за неделю до предполагаемого шествия знают два министра, один их товарищ, градоначальник, охранка, когда заранее обдуманно и расчетливо готовятся войска,—разве провокация здесь не налицо? Интересная тема затронута и в статье т. Крицмана «О русской революции», являющейся, впрочем, очень небольшим отрывочком из подготовляемой автором работы. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие русской революции от всех происходивших доныне революций буржуазных, и определяет это отличие так: «В великих буржуазных революциях происходило политическое и экономическое крушение феодально-крепостнического землевладения. Общество в основном переходило от феодально-крепостнического строя к капиталистическому Но поскольку революция являлась буржуазно-капиталистической революцией—она оставалась революцией в известном смысле слова чисто политической. Ибо только в области политики происходило перерождение общественных отношений: прежний политически господствующий класс—крепостники-феодалы—теряли свое господство, прежний политически

угнетенный класс—капиталисты—приобретали господство». С этой точки зрения т. Крицман рассматривает все буржуазные революции, как неполные, незавершонные, изменяющие только количественные соотношения. Нам кажется, что здесь высказаны интересные соображения, если принять во внимание, что действительно во время всех буржуазных революций институт частной собственности оставался незыблемым, изменялись только его несущественные второстепенные свойства, происходило перераспределение собственности, но частная собственность как была основой всех имущественных отношений, так и оставалась незыблемой, между тем как в революции социалистической этот институт уничтожается.

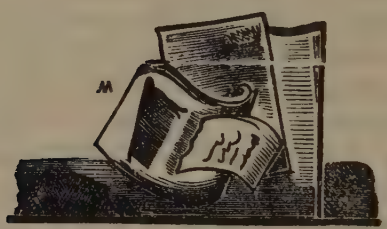
Статья т. Богданова посвящена изложению книги Michel' Petrovitsch «Учение об аналогиях». Автор книги при изучении явлений природы и общества исходит из положения Вильяма Томсона: «Понять явление — это значит быть в состоянии установить его механическую модель». Исходя из этого положения, Петрович классифицирует аналогичные явления и действительно добивается некоторых ценных результатов в своем исследовании. Нужно только заметить, как это подчеркивает и т. Богданов, что попытки французского ученого включить в круг своего изучения и явления общественные весьма неудачны.

Действительно, ничего, кроме улыбки, не может вызвать такое, напр., сопоставление,—давлению соответствует предложение, температуре—спрос, объему—ценность, количеству теплоты—капитал, энергии—богатство, механической работе—экономическая; или, напр., сопоставление цикла солнечных пятен с циклом сельско-хозяйственных кризисов. Тов. Богданов совершенно справедливо относится с улыбкой к такого рода научным изысканиям. Дело в том, что все такого рода попытки грубо применить некоторые методы естествознания к области общественных явлений кончаются крахом, между прочим, потому, что забывают одно в высшей степени важное обстоятельство, а именно, что, сравнивая два явления в области физики, вы имеете возможность проследить аналогию до мелочей и, так сказать, количественно проверить ее. Например, разряд электрического конденсатора и движение маятника в упругой среде. Количественные соотношения, выраженные числом, формулой, дают возможность очень быстро сказать о ходе процесса, его скорости, напр., и, кроме того, характеризуют процесс и качественно. К величайшему сожалению, в области сложнейших явлений мира—общественных—доселе изучение не подвинулось так далеко, чтобы можно было уже сейчас облекать эти явления в формулы, охватывающие их существо числовыми символами. Только, только-что намечено Марксом одно из величайших обобщений, открыт путь, идя по которому можно надеяться на плодотворные открытия и достижения. Попытки, подобные трудам Петровича, без сомнения, заслуживают внимания, но ждать от них особенных открытий и достижений едва ли возможно. Интересно, что т Богданов, рассматривающий подобные попытки, как стремление выработать монистическое мировоззрение

заканчивает свою статью утверждением, что другую такую попытку—теорию относительности Эйнштейна—нельзя считать философской доктриной. Это, без сомнения, так, но дело в том, что с Эйнштейном в тысячный раз повторилось то, что повторялось со многими великими естествоиспытателями, напр., с Гельмгольцем. Великий физик был, несомненно, естественником-материалистом, стоит только просмотреть его статьи и работы,—но сколько раз он, подчиняясь своей профессорской среде, проникнутой философским идеализмом, притягивал Канта к своим поразительным умозаключениям и открытиям. Так и Эйнштейн. Конечно, его теория должна проверяться чисто опытным путем в физике, химии, астрономии, кристаллографии и т. д. Но ведь не только буржуазные ученые идеалисты, но и сам Эйнштейн привешивают к чисто математической теории чисто идеалистические привески,—вспомним, напр., доклад Эйнштейна об аксиомах геометрии в берлинской Академии Наук, где он пытался доказать внеопытное, идеальное существование. Такими методами исследования никогда нельзя отрешить от должности эту служанку богословия, философию, и никогда не построить вполне монического мировоззрения. Во всяком случае необходимо приветствовать такие статьи в «Вестнике», где дается попытка ознакомить читателей с открытиями и новейшими достижениями естествознания; только хотелось бы, чтобы и здесь критический дух Марксова учения всегда витал над страницами таких статей, ибо естественники, даже если они остаются материалистами у себя в лаборатории, очень быстро превращаются в самых беспардонных метафизиков, которые берутся за перо.

Но рецензия разрослась, а хотелось бы сказать еще очень много об этих интересных двух книжках «Вестника» (обращаем внимание читателя еще на интересный доклад т. Горева—«О религии» и любопытную статью т. Волгина о бабувизме). Очень хорошо составлен библиографический отдел, хотя он и не отличается достаточной полнотою: здесь имеются рецензии Покровского, Луначарского (литература и искусство), Фриче, Горева (исторический материализм), Стучка (по теориям права и государства), Рейснера. Уже этот список имен специалистов и больших знатоков ручается за интерес и научную глубину статей и рецензий. Всевышесказанное в нашей статье, надеемся, показало читателям, что наша «Социалистическая академия», действительно, становится тем научным академическим центром, где будет выковываться *наша* наука, и оттуда будут исходить толчки, побуждающие *нашу* советскую пролетарскую интеллигенцию завоевывать те научные твердыни, которые пока заняты учеными, воспитанными в среде нам чуждой, враждебной, пропитанной метафизикой, идеализмом и контр-революцией. Только тогда наши практические выступления, наша борьба с буржуазной идеологией будет приносить плодотворные результаты, когда мы будем чувствовать, что имеется умственный центр, где веет духом Маркса, где бьется его теоретическая мысль, где его верные ученики продолжают в области науки дело, им начатое. Тогда мы создадим *нашу* науку не в

метафизическом смысле пролетарскую науку (социализация алгебры, геометрии и пр. пустяки), а науку, которую, в соответствии с учением Маркса, разрабатывают наши пролстарские ученые. Уже и сейчас научно-просветительная роль академии велика (ее курсы, участие ее ученых во всякого рода научных и государственных работах и т. п.), и надо надеяться, что мы, коммунисты, возьмем, правда, не приступом, а медленной осадой и эти высоты врага,—высоты науки, даже в таких ее областях, как естествознание. А сделать это необходимо во что бы то ни стало, ибо пролетариату больше, чем какому-либо другому классу, прилично восклицать вместе с Петрашевским: «Знания, больше знания—и торжество поборников истины и общечеловеческого счастья несомненно». И не только восклицать, но и насаждать эти знания. Так пускай же насаждает эти знания *наша Социалистическая академия*. Vivat Marxismi Academia!



КНИЖНОЕ ДЕЛО НА ЗАПАДЕ.

(Письмо из Лондона).

И. Звавич.

Настоящий статистический обзор является продолжением статьи, помещенной мною под тем же заглавием в третьей книге журнала «Печать и Революция» за 1921 год. Прошедший год дал возможность значительно пополнить статистические данные, иллюстрирующие «Книжное дело на Западе». Благодаря необыкновенно полному подбору книг в библиотеке Британского Музея, книжными богатствами которого мне удалось воспользоваться, возможным стало привлечь ряд новых материалов и статистических данных. Надо сказать, что книжная статистика не объединена в каком-либо международном библиографическом бюро; не существует поэтому и специального периодического издания, которое бы давало полные или в какой бы то ни было мере исчерпывающие указания. Существующее в Берне бюро по защите авторского права издает очень полезный ежемесячный бюллетень под заглавием: «Le droit d'Auteur» («Авторское право»). В этом бюллетене сосредоточивается вся информация по вопросам авторского права: законодательные, международные и иные акты правового значения. Здесь же, в одном из номеров в году, дается и книжная статистика. Полного отчета здесь не имеется; сведения несколько запаздывают, но, главным образом, важно то, что в привлечении статистических данных журнал исходит из своих специальных интересов, как органа бюро защиты авторского права.

В частности, журнал дает для каждой страны статистику иностранных переводов, новых изданий старых книг и т. под.

Таким образом, нам приходится в основном изменить этот специальный подход к статистике книжного дела, подойти к этому как со стороны библиографической, так и с точки зрения чисто культурного интереса. Статистические данные, находящиеся в наших руках, позволяют нам работать в обоих направлениях: это, с одной стороны, статистические данные по годам издания, — этот материал характеризует преимущественно мощность издательского и печатного дела той или иной страны. Сюда же относятся данные о характере изданий, как-то: книги, брошюры,

газеты, журналы, ежегодники (ср. статью «Книжное дело на Западе» в 3-ьей книге нашего журнала за 1921 год). Статистика другого рода — статистика по отраслям знания, на которые распадается вся печатаемая литература. Распределение литературы по отраслям знания позволяет заключать о культурных особенностях той или иной страны, о проявлении интереса к той или иной научной дисциплине Кроме того, данные по отдельным странам дают возможность кое-какой суммарной характеристики.

Для сведения воедино предлагаемой в настоящем обзоре вниманию читателя книжной статистики мне пришлось пользоваться следующими изданиями, имеющимися в библиотеке Британского Музея в Лондоне:

Германия. 1). Halbjahrsverzeichnis der im deutschen Buchhandel erschienenen Bücher, Zeitschriften und Landkarten. 1921 г. Erstes Halbjahr. Zweites Halbjahr, 1921, 1922, 2) Bibliographisches Monatsbericht G. Hock. Leipzig 1914—20 гг.

Кроме того, для Германии, как и для остальных стран, имеет значение указанный выше: Le droit d'Auteur и французский журнал: Polybiblion (1920).

Англия. Английская книжная статистика разработана значительно меньше. Отчеты помещаются в журнале Publishers Circular. Имеются каталоги различных издательств. Отдельные сведения можно почерпнуть из Statesman's Jear Book за 1922 год (преимущественно для периодической печати в английских колониях).

Соединенные Штаты. Американская книжная статистика ведется Copyright office в Вашингтоне и регистрируется в алфавитном порядке в Publishers Weekly. Кроме того, сведения периодической печати исходят от Bureau of Census.

Франция обладает прекрасным статистическим изданием: «Bibligraphie de France» (для наших целей—II серия том 65 за 1921 год). Здесь регистрируются все печатные издания; издается соответствующий недельный бюллетень, и в конце года к образовавшемуся тому издается специальный указатель (алфавитный и предметный, а также библиографический, распределенный по отраслям знания). Итоги не подведены, но их вычисление облегчается, благодаря указателю. Между тем в Германии указателя ни к Halbjahrs-Vorzeichnis, ни к Bibliographie der deutschen Zeitschriftenliteratur нет. Для журналов имеется полезное издание Henri Soudier: Annuaire des Journaux, Revues et Publications pèriodiques. 1922. Paris.

В Италии книжная статистика поставлена еще лучше, чем во Франции, благодаря изданию: Billettino delle Publicazioni Haliane ricevute per diritto di Stampa. В этом прекрасном библиографическом издании в декабрьском номере помещаются итоги печатной литературы за год, с распределениеем по отраслям знания, и, кроме того, по географическому признаку. Это последнее позволяет характеризовать сравнительный культурный уровень отдельных частей Италии.

По Японии довольно исчерпывающие сведения даются в очередном Japon Jear Book за 1921—22 гг. Здесь статистика запаздывает; зато имеются очень любопытные данные о действиях цензурных властей в Японии.

Более мелкие страны часто имеют свои собственные библиографические издания: Голландия—Brinkman's Alphabetische List—75-ste Jaargang. Leiden. Швеция Arskatalog for svenska Bokhandeln. Об остальных сообщается в более общих изданиях. Следует отметить, что мировая война гибельно повлияла на книжно-статистическое дело. Много журналов перестало выходить—напр., Bibliographie der Schweiz, норвежский Arskatalog. Предполагается к закрытию и великолепный германский Bibliographisches Monatsbericht фирмы Fock в Лейпциге, печатавший статистические сведения о содержании и количестве немецких академических диссертаций (см. ниже).

В предыдущем обзоре нам пришлось опустить Германию. В настоящий момент мы имеем возможность заполнить этот важный пробел.

Побежденная Германия в культурном отношении оказывается, если судить по статистике книг и периодических изданий, значительно сильнее своих противников-победителей. Германское издательское дело, восстановляется, несмотря на постоянное недовольство издателей дороговизной бумаги, отсутствием спроса и т. под. Это недовольство служит лишь предлогом для повышения цен на книги. Между тем статистические данные показывают, что в 1920 г., или через 2 года после войны, число названий книг, выходивших в Германии достигло почти уровня 1911 г.:

1911 — 32.998	названий.	1916 — 22.020	названий.
1912 — 34.801	»	1917 — 14.910	»
1913 — 35.078	»	1918 — 14.743	»
1914 — 29.308	»	1919 — 26.194	»
1915 — 23.558	»	1920 — 32.345	»

Мы видим из приведенных здесь данных, насколько тяжело повлияла война на книжное дело в Германии. Во время войны число выходящих книг не только сразу значительно понизилось в первый год войны, но и продолжало понижаться до 1918 года, когда цифра выходивших книг стала менее половины настоящего (1920) их количества.

Германия, однако, еще быстрее начала оправляться от кризиса. Уже в первый год мира число книг почти удвоилось; за год 1919—1920 оно также возросло на 6 с лишним тысяч (названий).

Немецкий ежегодник издательского дела насчитывает в 1920 году 13.044 немецких издательств на земном шаре против 12.475 в 1919 году. Новых издательств в 1920 году образовано 895 и закрылось 386; в 1919 году образовано 723, закрыто—184 издательства.

Издательская жизнь в Германии кипит ключом; если и не достигнут уровень 1913—1914 гг. непосредственно перед войной, то относительно других стран, своих противников в мировой войне, Германия занимает блестящее положение.

К вопросу о распространении немецкой культуры на земном шаре (культуртрегерство) интересные данные дает тот же ежегодник. Из

германских издательств в 1920 году 9.901 находились в самой Германии; 494—в Австрии; 375—в Швейцарии; 2.005—в других европейских странах; 208—в Америке; 24—в Африке; 34—в Азии; 8—в Австралии.

Статистика распределения книг по отраслям знания в Германии дает также интересные и часто неожиданные результаты. За 1919 и 1920 годы данные о распределении изданий по отдельным группам таковы:

	1919 год.	1920 год.
1. Теология	1.847 (7½%)	— 2.302 (7½%)
2. Философия, теософия, оккультизм	654 (2½%)	— 950 (ок. 3%)
3. Педагогика	2.614 (10%)	— 3.149 (ок. 10%)
4. Филология и лингвистика	1.054 (4%)	— 1.726 (ок. 5½%)
5. История и биография	966 (3½%)	— 1.303 (4%)
6. Беллетристика и изд. для юношества	6.067 (23%)	— 8.098 (25½%)
7. Изящн. искусства, муз., театр	833 (3%)	— 851 (2½%)
8. Естеств. науки и математика	1.138 (4½%)	— 1.345 (4%)
9. Медицина и ветеринария	1.072 (4%)	— 1.489 (4½%)
10. География и путешествия	734 (3%)	— 913 (ок. 3%)
11. Право и политика, статистика	4.321 (16½%)	— 4.411 (14%)
12. Торговля, промышленность, пути сообщ.	1.494 (5½%)	— 2.085 (6½%)
13. Народное хозяйство, агрикультура	788 (3%)	+ 989 (3%)
14. Военное дело	311 (ок. 1½%)	— 220 (бол. ½%)
15. Архитектура	731 (мен. 3%)	— 981 (3%)
16. Библиография, спр. изд.	580 (2%)	— 582 (1½%)
17. Разн.	939 (3½%)	— 971 (3%)
	26.194 назв.	32.345 назв.

Приведенные данные дают прежде всего интересную картину постоянства относительного соотношения отдельных групп изданий. С увеличением общего числа изданий соответственно растет и число книг каждой группы; изменения в общем очень невелики.

Самым характерным является преобладание так называемых гуманитарных наук, называемых науками естественными. Группы 3, 4 и 5—педагогика, филология, история—образуют компактную массу в 6.178 книг в 1920 году, или около 19% всей выходящей литературы. При этом надо отметить, что количество изданий по гуманитарным наукам в Германии обнаруживает тенденцию к абсолютному и относительному увеличению. В то же время группы 8 и 9 — естеств. науки, математика, медицина и ветеринария—дают всего лишь 2.402 книги, или 7½%. Эта последняя цифра меньше даже двух философских дисциплин (1—2 группы), из которых одна теология дала 2.302 названия в 1920 году, или лишь на 100 названий меньше, нежели естеств. науки и медицина. Вместе с философией теология дает добрых 10% всей выходящей в Германии литературы. Ниже мы еще будем иметь случай убедиться, что, несмотря на развитие атеизма, в области книжного дела богословская литература занимает одно из крупных мест. Современный Вольтер мог бы с успехом провозгласить в этой области свое Ecrasez l'infâme.

Прикладные дисциплины, или группы 12, 13, 15, обнимают собой 4.037 названий (1920 год), или $12^1/_2\%$ всей литературы, вышедшей в 1920 году. Эта группа дисциплин обнаруживает также тенденцию к росту. Сравнительно с гуманитарными науками, однако, это, сравнительно, немного; расчет наш усложняется еще тем обстоятельством, что и наиболее крупная из гуманитарных дисциплин—педагогика—в большей части своих изданий носит практический характер (учебники).

Две других крупных группы—общественная наука и право, с одной стороны, и беллетристика—с другой, показывают уравновешивающие друг друга изменения относительно общего количества выходящей литературы в 1919 и 1920 гг. Мы должны обратить внимание на относительное падение интереса к общественным наукам в Германии за годы 1919—1920. Переход к беллетристике именно этой же части всей литературы как бы характерен.

Отметим также маленькую группу (14)—военное дело. В Германии как раз эта группа не только относительно, но и абсолютно падает, составляя в 1920 году всего лишь 220 названий, или $^1/_2\%$.

Из числа поименованных в статистике по отраслям знания книг оригинальных произведений—19.078, повт. изданий—8.815 и журналов—4.552. Здесь, однако, причислены к числу книг далеко не все журналы и периодические издания. Число последних сообщается в различных источниках весьма неодинаковым образом. Швейцарский «Droit d'Auteur», доходит даже до цифры в 22.000 названий. Количество одной лишь профессиональной печати приблизительно равно 4.300 названий (газет и период. изданий).

О движении немецкой научной мысли давала некоторое представление прежде печатавшаяся в специальном ежегоднике (Jahresverzeichnis der an den deutschen Universitäten erschienenen Schriften) статистика выпуска германских академических диссертаций. В настоящее время положение академической Германии настолько бедственно, что считавшееся прежде обязательным представление диссертаций в печатном виде было отменено и предоставлено желанию студентов-кандидатов. Тем не менее, и по сие время статистика диссертаций в означ. Jahresbericht'е сохраняет свой интерес, так как в нем учитываются не только печатные, но и рукописные диссертации.

За 1920 г. по отдельным факультетам общее число диссертаций составляло 3.948 экз. По факультетам это число распределялось след. образом:

	Общее число диссертаций.	Из них:	
		В печатн. виде.	Рукописн. или на машинке.
Теологич. (богословск.) отделение	31	28	3
Правовое и экономич. отделение	992	508	484
Медицинский факультет	2.191	957	1.234
Философское отделение	590	484	116
Технич. училища	144	98	46
	3.948	2.065	1.883

Таким образом, диссертации по медицине несколько восполняют сравнительный пробел, который мы отметили выше при сравнении гуманитарных и естественных наук. Характерно, что окончившие теологическое и философское отделение в подавляющем большинстве имели средства на печатание своих диссертаций,—напротив того, на правовом, экономическом и медицинском отделениях число напечатанных работ почти равно или даже меньше рукописных (медицинский факультет).

II.

Во вторую группу мы выделим англо-саксонские страны: Англию и Соединенные Штаты. Книжная статистика Англии дала нам материал, относящийся уже к 1921 году; Соединенные Штаты—пока лишь полную статистику 1920 года. В прошлом обзоре мы уже имели случай привести статистические данные прошлых лет по Англии и Соединенным Штатам. Для характеристики положения издательского дела в Англии скажем лишь, что за последний—1921 год—число книг, издававшихся в Англии, застыло на мертвой точке; увеличение на 22 названия по сравнению с 1920 годом нельзя считать сколько-нибудь серьезным изменением. Число книг, изданных в 1921 году, составляло 11.026 названий (в 1920 году—11.004 назв.), или на 411 названий меньше, чем в 1 гол войны—1914 г. с его 11.538 названиями книг.

Таким образом, Англия отстала в области книжного дела от Германии и абсолютно—11 тысяч названий против 32 с лишним тысяч, или менее 40%,—и относительно, по сравнению с довоенным уровнем издательского дела.

По отдельным группам—отраслям знания число изданных в 1921 году в Великобритании книг выражалось в следующих цифрах [1])—см. таблицу на следующей странице; (для сравнения привожу статистику 1920 года; за более ранними данными отсылаем читателя к нашему первому обзору).

Гуманитарные науки в Англии не имеют такого крупного значения, как в Германии. Группы 4, 5, 15 и 17, образующие группу гуманитарных наук, дают всего вместе 1.234 названия, или приблизительно $11^1/_2\%$ всей вышедшей в Англии в 1921 году литературы. Почти таково же количество книг, выходящих под рубрикой естественных наук и медицины: 1.036—в 1921 году, или почти 10% всего числа книжных названий. Необходимо отметить, что гуманитарные науки обнаруживают тенденцию к понижению числа выходяших изданий. Прикладные науки—группы 7,9,10 и 11—дают всего вместе 1.195 названий, или приблизительно 11% всей выходящей литературы, т.-е. почти столько же, сколько гуманитарные науки. Это практическое направление английской литературы мы отмечали уже и в прошлом нашем обзоре. Значительное падение дает группа

[1]) Число книг, распределенных по отраслям знания — 10.588 в 1921 г., не сходится с общим числом 11.026 названий. Это вызывается неудобными приемами английской статистики: не включены некоторые брошюры к концу года.

	1920 год.	1921 год.
1. Философия	276 назван.	274 назван.
2. Религия	679 »	775 »
3. Социология и право	1.233 »	1.097 »
4. Педагогика	253 »	261 »
5. Филология	205 »	148 »
6. Естественные науки	597 »	600 »
7. Технология	720 »	743 »
8. Медицина и гигиена	446 »	486 »
9. Агрикультура	218 »	211 »
10. Домашнее хозяйство	73 »	59 »
11. Торговля и промышленность	138 »	182 »
12. Изящ. искусства и музыка	249 »	340 »
13. Игры, спорт, развлечения	161 »	148 »
14. Литература, беллетристика, поэзия, произведения для юношества	3.803 »	3.303 »
15. История	525 »	478 »
16. География и путешествия	604 »	636 »
17. Биография	374 »	347 »
18. Общие сочинения, энциклопедии	181 »	193 »
19. Армия и флот	269 »	307 »
	11.004 назв.	10.588 назв.

14—литература, беллетристика, поэзия, произведения для юношества с 3.803 названий в 1920 до 3.303 названий в 1921 году. Все же относительно на эту группу в Англии падает несоразмерно крупный % выходящей литературы. Это почти треть всего количества вышедших книг.

Упало также общее количество книг по социологии и общественным наукам. Хотя, с одной стороны, мы склонны полагать, что некоторым объяснением этому может служить исключение довольно значительного числа брошюр. Из общего числа названий, тем не менее, это падение числа издающихся на общественные темы книг показательно.

Отметим также увеличение числа книг по военному делу. В этой маленькой группе увеличение на 38 названий книг относительно велико. Число книг по военному делу в Англии превышает число изданий по праву [1]) как и по философии. Во всяком случае в Англии не только относительно, но и абсолютно, больше заняты военным делом, чем в побежденной Германии.

Религия в Англии занимает почетное место, обнимая собою более 7% всех вышедших в 1921 году книг, и обнаруживая при этом стремление к увеличению. Это стремление, как мы увидим далее, есть проявление тенденции восстановить потерянное было место перед войной.

В обозрении «Publisher's Circular» за 1921 год мы находим любопытную табличку, иллюстрирующую изменение культурных интересов

[1]) Число изданий по праву за 1921 год составляет 274 против 363 в 1920 году. В нашей статистической таблице это число оба раза включено в рубрику: общественные науки.

за 8 лет с момента начала войны (1914—21). В приводимой нами ниже таблице (несколько измененной сравнительно с планом указанного журнала в соответствии с приведенными нами выше данными) расположены в постепенном порядке дисциплины, занимающие первые 10 мест в общей схеме распределения изданий по отраслям знания:

	1914 год.	1921 год.
1-ое место	Беллетристика	Беллетристика
2 » »	Религия	Социология
3 » »	Естественные науки	Религия
4 » »	Социология	Технология
5 » »	Технология	Естественные науки
6 » »	География	География
7 » »	История литературы [1])	История
8 » »	История и медицина	Медицина
9 » »	Биография	История литературы [1])
10 » »	Армия и флот	Биография

Мы видим, таким образом, из означенной таблицы, что религия уступила занимавшееся ею прежде второе место социологии; но, как мы указывали уже выше, за последний год наметилась как раз обратная тенденция; появление социологии и общественных наук на месте религии является результатом войны,—послевоенные годы в этом отношении представляют реакцию.

Значительно упали по своему значению теоретические естественные науки, зато требования практической жизни выдвинули уже на четвертое место технологию.

Исчезновение «военного дела» в группе наук 1921 года есть своего рода фокус английской официальной статистики. На самом деле военное дело и в 1921 году занимает принадлежащее ему 11 место. Иллюзия исчезновения военного дела из 10 важнейших групп получается в результате статистического равенства в 8 группе за 1914 г. истории и медицины. Благодаря этому, военное дело заняло в 1914 г. 10 место. На самом деле интерес к милитаризму не менее силен в 1921 г., чем в 1914 г.

Развитие книжного и издательского дела в Соединенных Штатах носит несколько другой характер, чем в Англии и Германии. В этих двух странах, бывших, несомненно, главными участниками мировой войны в 1914—18 гг., число изданий во время войны беспрерывно падало, и лишь с момента заключения мира стало подыматься с тем, чтобы постепенно достичь довоенного уровня. Другая картина наблюдается в Соединенных Штатах, как мы видим из приведенной ниже таблицы, иллюстрирующей развитие книжного дела в С.-А. Соед. Штатах с 1912 года.

[1]) История литературы, сборная рубрика, состоящая из произведений литературы и филологии.

	Нов. книги.	Нов. издания.	Итого.
1912	10.135	768	10.903
1913	10.607	1.623	12.230
1914	10.175	1.835	12.010
1915	8.349	1.385	9.734
1916	9.160	1.285	10.445
1917	8.840	1.211	10.060
1918	8.085	1.152	9.237
1919	7.625	969	8.594
1920	7.336	1.086	8.422

Если в 1915 году в первый год войны депрессия на книжном рынке вызвала и в нейтральных тогда Соединенных Штатах понижение числа изданий, то все же цифра издаваемых в Штатах книг никогда еще за последние 9 лет не была столь низкой, как в 1920 году. Именно в последнее время Соединенные Штаты переживают такую же эпоху падения числа изданий, как Англия и Германия в течение мировой войны.

Кроме того, как любопытную особенность состояния издательского дела в Штатах следует отметить выдающуюся роль повторных изданий в общем их числе за 1920 год. Число новых книг беспрерывно падает уже с 1916 года, число новых изданий в 1920 году даже поднялось. Если в 1912 году новые издания составляли всего лишь 7%, среди общего числа книг, то в 1920 г. новые издания обнимали собою уже 13%, или относительно почти вдвое; это показывает, что американский книжный рынок рассчитывает на консерватизм покупателей в области их литературных интересов. В этом отношении Соединенные Штаты, впрочем, несколько отстают даже от Англии, где число новых изданий в 1920 году составляло 2.266 на 11.004, или 20%.

По отраслям знания изданные в 1920 году в Соединенных Штатах книги делились следующим образом—см. таблицу на следующей стр. (для сравнения приводим и данные за 1919 год).

Как видим, и в Соединенных Штатах религиозные вопросы продолжают обнимать собою достаточно высокую цифру изданий—всего 665, или 8% всей вышедшей в 1920 году литературы. Незначительное понижение общего количества книг по религии и теологии может быть поставлено в связь с общим понижением числа изданий за год.

Гуманитарные науки—группы 6, 7, 17 и 19—обнимают собою 1.503 названия, или 17—18% всей литературы. Это очень значительный %, уступающий только германскому отношению 19 к 100. При этом гуманитарные науки обнаруживают тенденцию к уменьшению; притом только 19 группа—биография и генеалогия—составляет исключение. В стране американской демократии биографией и генеалогией занимаются почти так же усердно, как в консервативной и монархической Англии.

Общественные науки дают вместе с другой группой—право—всего лишь 925 названий против 1.050 в 1919 году. Это серьезное пони-

	1919 год.	1920 год.
1. Философия	266 назван.	274 назван.
2. Религия и теология	695 »	665 »
3. Социология и экономика	846 »	759 »
4. Право	204 »	166 »
5. Армия и флот	80 »	— »
6. Педагогика	244 »	234 »
7. Филология	250 »	244 »
8. Науки точные	580 »	512 »
9. Прикладные науки, технология, инженерное искусство	507 »	535 »
10. Медицина и гигиена	401 »	290 »
11. Агрикультура	407 »	290 »
12. Домашнее хозяйство	98 »	49 »
13. Торговля и промышленность	337 »	246 »
14. Изящные искусства и музыка	161 »	202 »
15. Игры, спорт, развлечения	64 »	112 »
16. Беллетристика, поэзия, произведения для юношества	2.176 »	2.562 »
17. История	812 »	711 »
18. География и путешествия	146 »	222 »
19. Биография и генеалогия	265 »	314 »
20. Библиография, энциклопедия, справочники	49 »	35 »
	8.594 назван.	8.422 назван.

жение соответствует падению интереса к общественным наукам после войны в Германии и Англии. Прикладные дисциплины—группы 9, 11, 12 и 13 —дают 1.120 названий в 1920 году против 1.349 в 1914 году, или уменьшение на 229 названий, составляя, таким образом, 13% общего количества выходящей литературы. Таким образом, положение общественных и прикладных наук в Соединенных Штатах, если судить по статистике книжного дела, весьма печально. Особенно резкое понижение наблюдается в 1920 году в области агрикультуры, одной из основ народного хозяйства Соединенных Штатов. Тем не менее, даже при заметном сокращении, прикладные науки сохраняют крупное значение в системе распределения изданий по отраслям знания и придают литературному направлению в Штатах практический характер.

Значительное уменьшение наблюдается и в числе изданий по вопросам естественных наук. Обе группы — 8 и 10 — точные науки и медицина—дают в 1920 году 802 названия против 987 в 1919 году, или около 9% всего числа вышедших в 1920 году книг.

Общее уменьшение изданий по научным вопросам отчасти компенсируется крупным увеличением изданий беллетристического и поэтического характера. Соответствующая 16 группа дает 2.562 названия, или 30% всей выходящей литературы.

Некоторые дополнительные данные в области издательского и печатного дела в Соединенных Штатах даются нам статистикой Bureau

of census периодической печати. По последнему его подсчету в год в Соединенных Штатах выходит $14^1/_4$ биллионов экземпляров периодической печати разных наименований или по 1 экземпляру на каждых $3^1/_5$ жителей Штатов в день.

2.433 ежедневных газеты печатают 32.735 тысяч экземпляров в день (по сравнению с 1914 годом наблюдается увеличение на 13,8%). 592 воскресных газеты дают 19.929 тысяч экз. каждую неделю (увеличение на 14,9%).

Таким образом, из приведенных нами статистических данных явствует, что наблюдающееся в Соединенных Штатах понижение количества научной литературы компенсируется беллетристикой и газетой.

III.

В прошлом нашем обзоре мы уже имели случай останавливаться на положении книжного дела во Франции. Мы ограничимся, поэтому, для Франции лишь сообщением новых статистических данных о выпуске книг (с распределением по отраслям знания) за 1921 и 1920 гг. и о положении периодической печати на 1922 год—также цифровые данные.

Всего в 1921 году во Франции было издано 8.296 томов или на 2.354 тома больше, чем в 1920 году. Франция мало-по-малу восстанавливает свое издательское дело; за один год увеличение более $^1/_3$ всего количества изданных книг за 1920 год.

По отраслям знания изданные в 1920 и 1921 гг. книги распределялись следующим образом:

	1920 год.	1921 год.
1. Социология	235 томов.	359 томов.
2. Народное хозяйство	680 »	830 »
3. Право, законодательство, администрация	163 »	248 »
4. Армия и флот	193 »	315 »
5. Педагогика и лингвистика	709 »	900 »
6. Религия и теософия	422 »	632 »
7. История, археология, биография, история религий	1.155 »	1.425 »
8. География и путешествия	93 »	205 »
9. Естественные науки и математика	199 »	374 »
10. Медицина	392 »	543 »
11. Изящные искусства	142 »	223 »
12. Философия и мораль	108 »	194 »
13. Литература, беллетристика, поэзия	1.115 »	1.569 »
14. Театр	178 »	242 »
15. Издания на иностран. языке	158 »	237 »
	5.942 тома.	8.296 томов.

По сравнению с другими, уже рассмотренными нами выше, странами обращает на себя внимание, прежде всего, сравнительно небольшой %, приходящийся на группу 13—литературу, беллетристику, поэзию—всего 1.569 томов, или 19% всего вышедшего количества книг. Все же по сравнению с 1920 годом мы имеем большое увеличение в числе, хотя относительно никакого изменения в %-ом отношении этой группы к общему количеству изданных книг мы не замечаем.

Особенностью Франции, как мы видим из таблицы, является значительное преобладание гуманитарных наук над естественными, общественными и прикладными. Группы 5 и 7—педагогика, история, биография и т. д.—дают в общей сложности в 1921 году 2.325 томов, или более 28% всего количества из данных книг. В то же время науки естественные и медицина—9 и 10 группы—составляют всего лишь 917 томов, или 11%, общественные науки—1 и 3 группы—617 томов, или немногим более 7%, науки прикладные (народное хозяйство)—830, или 10%.

Таким образом, гуманитарные науки дают во Франции приблизительно столько же литературы, сколько науки естественные, прикладные и общественные, вместе взятые. Этот уровень гуманитарных наук не достигнут и в Германии. Не даром за последнее время во Франции подымается реакция против классического и гуманитарного образования, одного из пособников этого своеобразного «гуманитарного засилья».

Францию иногда называют страной безрелигиозной,—этого нельзя сказать, судя по цифре изданий по религии и теософии. В общем религия дала 632 тома в 1921 году, или на 15 книг больше, чем социология и право, вместе взятые. Франция в отношении религии обладает как раз обычным для англо-саксонских стран процентом—$7^1/_2$.

«Гуманитарная» Франция в отношении военного дела преуспевает. Армия и флот дают 315 названий, или увеличение на 60 с лишним % по сравнению с 1920 годом. Любопытно сравнить, в отношении числа изданий, посвященных военному делу, Францию и Германию. На 32.345 названий в 1920 году (посл. год.) в Германии издано 229 изданий, или около $^1/_2$%; во Франции на 8.296 томов, или почти в 4 раза меньше, издано 315 томов, или в $1^1/_2$ раза больше абсолютно; относительно около 4%.

Согласно статистическому ежегоднику, составленному Le Sondies на 1922 год, во Франции имелось 1.773 зарегистрированных периодических издания. Эти 1.773 издания делились по различным отраслям на:

1. Изящные искусства	86	названий.
2. Полит. экономия, финансы, история, география, дипломатия	250	»
3. Педагогика	50	»
4. Спорт, иностр. журн. разн.	63	»
5. Право, законодательство, администрация	159	»
6. Общие журналы и журналы по гуманит. наукам	398	»
7. Военные науки, флот и авиация	35	»
8. Модные журналы	112	»
9. Ежедневные политические газеты	79	»
10. Агрикультура и технология	280	»
11. Общие научные журналы	40	»
12. Математика, естественные науки, медицина	167	»
13. Теология	49	»
Итого:	1.773	названия.

Италия в 1920 году дала несколько бо́льшую цифру изданий, чем Франция,—именно 6.230 названий. Не следует забывать, однако, что превышение итальянской статистики объясняется включением в число книг всех новых периодических изданий: таковых в 1920 году насчитывается 853 названия.

Развитие книжного дела в Италии с начала войны характеризуется следующими цифровыми данными:

Общее число книг и новых журналов составляло в Италии:

1914 год.	11.523	1918 год.	5.401
1915 »	11.431	1919 »	6.066
1916 »	8.641	1920 »	6.230
1917 »	8.349		

Число новых книг за годы 1919—20 фактически понизилось; общее повышение составляет всего лишь 464 названия; между тем увеличение числа переизданных книг составляет 276; увеличение числа новых журналов—283—всего 559. Таким образом, число новых книг фактически уменьшилось на 395.

По отдельным отраслям знания изданные в Италии книги распределялись в 1919 и 20 гг. следующим образом:

	1919 год.	1920 год.
1. Библиография, энциклопедия, изд. учен. общ.	32	36
2. Философия	143	174
3. Религия	184	231
4. Педагогика и учебники	607	794
5. История	396	383
6. Биография	343	334
7. География и путешествия	77	88
8. Филология	231	296
9. Поэзия, роман, театр, беллетрист.	577	770
10. Разные	95	136
11. Право	310	226
12. Общественные науки	830	636
13. Естественные науки	262	184
14. Медицина	406	277
15. Технология	157	144
16. Военные науки	105	71
17. Изящные искусства и музыка	605	660
18. Агрикультура, торговля и промышл.	427	383
19. Новые политические журналы	239	384
Итого:	6.066	6.230

Отмечавшийся нами во Франции сравнительно небольшой % изданий беллетристического характера еще поразительнее в Италии. Соответствующая группа дает всего лишь 770 изданий в 1920 году, или около

$12^1/_2\%$, приблизительно $^1/_8$ всего вышедшего в 1920 году количества книг. Однако, недостаток книг по беллетристике компенсируется значительным количеством книг по изящным искусствам и музыке—около 11%—всего 660 названий в 1920 году.

Общественные науки и право дают в 1920 году 862 названия, или около 14%. Такой % довольно велик для Италии; но вместе с тем необходимо отметить его понижение не только сравнительно с 1919 годом, но и с 1918. Число книг по общественным наукам в Италии понижается уже третий год,—напротив того, число книг по беллетристике растет. С 960 названий в 1918 году общественные науки упали в 1919 до 830; в 1920 году далее—до 636.

Гуманитарные науки так же, как и во Франции, охватывают значительную часть всей издающейся литературы. Соответствующие группы—4, 5, 6 и 8—дают 1.807 названий, или 29% всего изданного в Италии количества книг (в 1920 году). В то же время естественные науки и медицина дают всего 461 назв., или 7 с небольшим процентов; прикладные науки и технология—524 названия, или $8^1/_2\%$. Таким образом, и в Италии, как во Франции, гуманитарные науки дают столько же изданий (за 1920 год), сколько науки общественные, естественные и прикладные, вместе взятые.

Италия значительно меньшее количество литературных произведений посвящает армии и флоту—71 из 6.230; при этом число этих изданий уже 3 года падает. Все же относительно % выше, чем в Германии, составлял немногим более 1% против приблизительно $^2/_3\%$ в Германии.

Из нейтральных стран, подлежащих нашему рассмотрению, выделим прежде всего Скандинавию. Статистические данные, относящиеся к *Швеции*, очень неполны; шведский «Arskatalog för Svenska Bokhandeln» имеется в Британском музее только по 1918 год. Общее количество изданных в этом году в Швеции книг составляет 2.565 названий. Гуманитарные науки дают из них 581 название, или 23%, т.-е. % крупный и относительно и абсолютно; религиозные вопросы и философия—283 названия, или 11% всего количества вышедшей в 1918 г. литературы; общественные науки всего лишь 169 названий, или $6^1/_2\%$. В то же время прикладные науки охватывают 223 названия, или 9%; естественные науки и медицина—260 названий, или 10 с лишним %. Необходимо отметить, что шведская книжная статистика поставлена вообще довольно плохо и поэтому вызывает сомнения в правильности некоторых цифр.

По книжной статистике *Дании* мы обладаем более точными и подробными статистическими данными, собирающимися в частной конторе крупного датского издательства Ove Tryde. За последние 8 лет число книг, издававшихся в Дании (счетный год с 1 апреля по 31 марта), составляло:

1913/14 год	3.635 названий.	1917/18 год	3.687 названий.
1914/15 »	3.735 »	1918/19 »	4.305 »
1915/16 »	3.931 »	1919/20 »	4.486 »
1916/17 »	3.948 »	1920/21 »	3.757 »

Изменения общего количества книг, выходивших в Дании, очень характерны для нейтральных стран. В течение войны, особенно в течение первых трех лет ее, число книг, издающихся в Дании, увеличивается; в послевоенное время число книг рано или поздно возвращается к довоенному уровню—таково понижение 1920—21 гг.

По отдельным отраслям знания общее количество изданных в Дании книг в 1921 и 1920 гг. распределяется следующим образом:

	1919/20	1920/21
1. Теология	354 назван.	313 назван.
2. Право	45 »	28 »
3. Медицина	108 »	92 »
4. Философия	98 »	88 »
5. Педагогика	167 »	246 »
6. Политика	71 »	56 »
7. Изящные искусства	107 »	101 »
8. Естественные науки	273 »	282 »
9. Технология	237 »	186 »
10. Агрикультура и военное дело	—	46 »
11. История и география (сюда включ. и изд. вообще в Скандинавии книги по этому вопросу)	1.355 »	1.118 »
12. Лингвистика, филология и история литературы	218 »	181 »
13. Беллетристика	1.438 »	1.008 »
14. Спорт, игры	15 »	13 »
Итого	4.486 назван.	3.757 назван.

Гуманитарные науки и в Дании занимают крупное место среди прочих наук в области издаваемой литературы. Соответствующие группы — 5, 11 и 12—дают всего 1.545 названий, или 41 с лишним %. Сюда входит, правда, и география, обычно не включаемая нами в число гуманитарных наук; кроме того, среди книг по истории и географии имеются книги, изданные и в других частях Скандинавии. Тем не менее, удельный вес гуманитарных наук среди других отраслей знания в Дании не в меру велик. Тем более приходится отметить высоту этого %, что хотя по сравнению с 1920 годом в 1921 году и наблюдается абсолютное уменьшение количества литературы в области гуманитарных наук, тем не менее, относительно % литературы по гуманитарным наукам увеличился с 39 с лишним % до 41%.

Любопытно, что меньший % приходится на беллетристику: с 1920 года наблюдается падение количества беллетристической литературы, составляющей в 1921 году около 27% общего количества. Общественные науки в Дании совсем мало развиты: группы 2 и 6—право и политика—дают всего лишь 84 названия, или менее $2^1/_2$% общей цифры книг. Лучше обстоит дело с науками естественными и медициной, дающими

304 названия, или 10%. Прикладные науки—в силу особенностей датской статистики, нам и «военное дело» приходится зачислить в эту группу—дают 232 названия, или более 6%. Таким образом, гуманитарные науки дают более, чем беллетристика, общественные и естественные науки, вместе взятые.

Религиозные и теологические вопросы в Дании обнимают приблизительно столько же, сколько в других странах,—8½%. Этот % относительно увеличился с 1920 года, несмотря на абсолютное падение.

В *Норвегии* число изданных книг развивалось также независимо от войны. Так, в 1917 году общее количество книг, изданных в Норвегии, составляло 924 названия; в 1918 г.—1.074 названия; в 1919 году—758 названий и в 1920 году — 949 названий. Таким образом, в самый тяжелый для книжного и издательского дела 1918 год в Норвегии наблюдается увеличение общего количества изданных книг.

По отдельным отраслям знания общее количество изданных в Норвегии книг распределялось следующим образом:

	1919 год.	1919 год.
1. Общие сочин., библиогр., ист. литературы, изд. дело, филология	74 назван.	100 назван
2. Философия и теология	62 »	83 »
3. Математика, естествен. науки и медицина	46 »	109 »
4. История	102 »	126 »
5. География и путешествия	20 »	11 »
6. Статистика, право и обществ. науки	46 »	31 »
7. Технология, коммерция, промышленность, архитектура	44 »	114 »
8. Военные науки	— »	5 »
9. Педагогика	6 »	14 »
10. Спорт, игры	12 »	13 »
11. Беллетристика и произв. для юнош	345 »	343 »
Итого:	757 назван.	949 назван.

Последняя группа беллетристики дает в 1920 году 36 с лишним % против 46% в 1919 году—понижение почти на 10%. Гуманитарные науки, объединяющие 4 и 9 группы (под сомнением остается и 1 группа), дает всего 140 названий, или 15%. Очень мало, как и в Дании, дают науки общественные—в 1920 году всего 31 название, или 3 с небольшим %. Это—значительное уменьшение против 6% общественных наук в 1919 году. Зато прикладные дисциплины показывают значительное увеличение и дают 114 названий, или 12% всего вышедшего в 1920 году в Норвегии количества книг.

Статистические данные о выпуске книг в Швейцарии не дают нам материала для сравнительного суждения о состоянии издательского

дела до войны и в настоящее время. По отдельным отраслям знания общее число изданных в 1920 году книг распределялось следующим образом:

	1919 год.	1920 год.
1. Энциклопедия, справочные издания . . .	2 назван.	2 назван.
2. Философия, теология и мораль.	99 »	110 »
3. Право, политика, обществ. науки.	340 »	149 »
4. Военные науки	7 »	9 »
5. Педагогика.	83 »	97 »
6. Филология, история литературы	51 »	25
7. Естеств. науки, математика.	48 »	52
8. Медицина и гигиена	57 »	50
9. Техника.	39 »	28 »
10. Агрикультура, домашн. хоз	41 »	38 »
11. Торговля, промышленность, транспорт . .	57 »	103 »
12. Изящные искусства, агрикультура. . . .	105 »	79 »
13. Беллетристика, произведения для юношества	355	326 »
14. История и биография.	175 »	173 »
15. География и путешествия.	50 »	77 »
16. Разные	117 »	115 »
	1.626 назван.	1.433 назван.

Мы наблюдаем в Швейцарии прежде всего увеличение значения философии, морали и теологии (2 группа)—с 6% в 1919 году до 8% в 1920 году. Гуманитарные науки—группы 5, 6 и 14—дают всего 295 названий, или 21% общего количества вышедших в 1920 году книг, против 309 названий, или 19% в 1919 году. Таким образом, несмотря на абсолютное уменьшение количества книг по гуманитарным наукам, наблюдается относительный прирост; как обычно, и относительное и абсолютное увеличение дает педагогика.

Сильно упало количество книг по общественным наукам и праву—с 340 названий, или 21% в 1919 году, до 149 названий, или 10% в 1920 году. Прикладные дисциплины—группы 9, 10 и 11—показывают значительное увеличение—с 137 в 1919 году—8½% до 169 названий в 1920 году—11½%. Естественные науки и медицина—105 в 1919 году и 102 в 1920 году,—опять-таки относительный прирост, несмотря на абсолютное уменьшение. Беллетристика в общем осталась на прежнем уровне—в 22—23%.

Книжное и издательское дело в *Голландии*, за небольшими изменениями с 1917 года, держится приблизительно на одном уровне. За последние 4 года цифры выпуска книг в Голландии составляли:

1917 — 3.951 название	1919 — 3.746 названий.
1918 — 3.681 »	1920 — 3.129 »

По отдельным отраслям знания изданные в Голландии книги распределялись следующим образом (в 1920 году):

1. Справочники и энциклопедии	64	назван.
2. Религия и теология	411	»
3. Право	173	»
4. Общественные науки, статистика, политика	241	»
5. Торговля и судоходство	277	»
6. История и биография	99	»
7. Землеведение, география и путешествия	97	»
8. Медицина и гигиена	119	»
9. Естественные науки, агрикультура, астрономия, архитектура	383	»
10. Военное дело	35	»
11. Изящные искусства	171	»
12. Философия	69	»
13. Педагогика и учебники	324	»
14. Библиография, библиотековедение и классич. филология	68	»
15. История литературы	242	»
16. Поэзия и беллетристика	813	»
17. Спорт, игры разн.	83	»
Итого:	3.729	назван.

Религия и теология в Голландии дают % более обычного (7—8%)—всего 411 названий, или 11%. Гуманитарные науки охватывают (группы 15, 14, 13, 6) 733 названия, или около 19%, при чем почти 10% приходится на долю педагогики. Право и общественные науки—417 названий, или почти одинаково с религией—11%. Такое равенство может считаться достаточно характерным. Бросается в глаза крупное значение торговли и судоходства (5 группа—277 назв.), а также относительно немалая цифра изданий по географии и путешествиям—97. или лишь на 2 названия меньше группы 6—истории и биографии. Голландия—страна морская по преимуществу,—как нельзя лучше отражается в этой книжной статистике. Прикладные науки—группы 5 и отчасти 9—дают вместе с естественными науками (особенности голландской статистики побуждают нас к совместному счислению групп естественных и прикладных наук)—группы 8 и отчасти 9—779 названий, или 21% всей выходящей литературы. Это довольно значительное количество книг по естественным и прикладным наукам превышается числом изданий беллетристического и поэтического характера—873 названия, или $23^1/_2$%—процент для беллетристики довольно обычный и не выдающийся.

ОБЗОР ЮРИДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ В 1922 г. [1]).

А. Пионтковский.

I.

Истекший 1922 г. в области законодательного творчества характеризуется, в связи с новой экономической политикой, напряженной законодательной работой по проведению в жизнь провозглашенного начала «революционной законности»: вводится прокуратура и адвокатура, издаются Уголовный кодекс, Положение о судопроизводстве, Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс законов о труде, Земельный кодекс, Гражданский кодекс и ряд других важных законодательных актов. Система Советского права отливается «всерьез и надолго» в более или менее законченные и четкие формы. Вместе с тем появляется и потребность в теоретической разработке Советского права и выдвинутых законодательством и практикой правовых проблем. Навстречу этой потребности и идет начавшаяся развиваться с 1922 года журнальная юридическая литература.

Институт Советского Права во второй половине прошлого года приступил к изданию журнала «*Советское Право*«; институт за 1922 год выпустил два номера журнала. Помещенная в № 1 «Советского Права» вступительная статья Наркомюста *Д. И. Курского* («Ближайшие задачи изучения Советского Права») является как бы программой предстоящей работы журнала. Автор считает, что Советское право пережило, по крайней мере, три наиболее ярких момента своего развития: период разрушения старого права и временных переходных норм, период «военного коммунизма», и, наконец, период «государственного капитализма». Выявить моменты развития Советского права и подойти к построению современной системы Советского права можно лишь анализом конкретного содержания юридических норм в эти периоды в основных областях Советского права—международной, федеративной, административной, уголовной, гражданской и т. д. Этот анализ должен иметь своею целью те или иные

[1]) 1) «Советское Право», № 1, 2. Изд. Института Советского Права, стр. 148+147. 2) «Право и Жизнь», кн. 1, 2, 3. Изд-во «Право и Жизнь», под ред. проф. М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина и А. Н. Винавера, стр. 116+111+88.3) «Еженедельник Советской Юстиции». Изд. Н. К. Ю. РСФСР, № 1—47, стр. 766. 1922 г. 4) «Вестник Советской Юстиции» Изд. Н. К. Ю. УССР. Ежемесячник, № 1—4, стр. 104+155+250. 1922 г. 5) «Пролетарский Суд». Изд. Мос. Губ. Сов. Нар. Суд. 1922 г. № 1, стр. 52.

обобщения или принципы в каждой области и, в конечном счете, должен привести к построению системы Советского права, что приобретает теперь особенное значение, когда устанавливается некоторая устойчивость юридической надстройки в связи с международной и экономической политикой последнего времени. Автор считает, что основное требование, которое революционная практика может предъявить к научным деятелям, состоит в том, чтобы научная мысль охватила известную область права целиком, дала бы руководящие общие принципы (типовые отношения, анализ основных институтов права и т. д.); меньше всего теперь выиграет практика Советского права, если научная мысль остановится на отдельных казусах, разменяется на мелочи. Автор выражает надежду, что изучение Советского права пойдет первым путем, и журнал «Советское Право» будет выразителем этой обобщающей и оплодотворяющей практику научной мысли.

Существенное содержание первого номера исчерпывается следующими статьями: *П. Стучка*. Государство и революция. *Д. Магеровский*. Советское право и методы его изучения. *В. Дурденевский*. Совет Народных Комиссаров. *И. Войтинский*. Организация труда и трудовое право. *А. Вормс*. Смешанные акционерные общества.

П. Стучка в своей статье более подробно, чем он это сделал в книге «Революционная роль права и государства», разбирает вопрос об отношении революции и государства. При буржуазной революции происходит лишь *переорганизация* процесса эксплуатации человека человеком, государство же остается как категория *вечная* (стр. 6). Цель пролетарской революции не только отменить господство класса капиталистов, но и самое существование классов вообще. Тут государственный аппарат получает только временное значение *переходной* ступени к бесклассовому обществу. Вопрос об отношении пролетарской революции к государству, по мнению автора, прошел три ступени развития: 1 ступень—эпоха I Интернационала, характеризуемая верными лозунгами, но отсутствием объективных и субъективных данных для их проведения; 2 — эпоха II Интернационала—рост объективных и субъективных данных, но непонимание или притупление лозунгов первого периода; 3—эпоха мировой войны и III Интернационала—синтез объективных и субъективных данных с восстановлением лозунгов первой эпохи. Основная заслуга Ленина в выяснении вопроса об отношении пролетарской революции и государства заключается в том, что он *единственным из всех марксистов оказался политически грамотным* и умел прочесть то, что было черным по белому написано у Маркса и Энгельса (стр. 21), и теоретически проделал ту же самую критику буржуазной демократии, которую на практике произвела наша революция. Но он сделал это раньше или одновременно с нею, и независимо от нее.

Статья *Д. Магеровского* представляет интерес не только как разработка методов изучения Советского права, но и как разработка вопроса методологии права вообще, с точки зрения марксизма. Теоретический метод познания права, метод исторического материализма при изучении

права выявляется, по мнению автора, в четырех методологических принципах, в четырех точках зрения: a) *Диалектическая* точка зрения требует, чтобы мы, «исследуя правовые явления, рассматривали их в связи и в перспективе всей органически связанной системы социального бытия» (стр. 25). b) *Экономико-материалистическая* точка зрения изучает «право в связи со всеми социальными отношениями и прослеживает в конечном счете зависимость правовых отношений от производственных отношений и степени развития производительных сил» (стр. 26). c) *Социально-классовая* точка зрения необходима при изучении классового общества, и само право в этом обществе будет системой внешне-обязательных социальных норм, поддерживаемых и защищаемых от нарушений экономически господствующим в этом обществе классом. d) *Активно-организационная* точка зрения при изучении права приводит нас к анализу тех свойств права, которые направляют и координируют действия отдельных людей, групп и классов в пределах, определяемых развитием производительных сил и видоизменяют структуру социальных отношений.

На ряду с теоретическим методом познания права существует еще метод *догматический*, а также—метод *политико-правовой* или *социально-технический*. *Догматический* метод, устанавливающий логическое содержание норм действующего права, для юристов-марксистов не является методом научного познания явления, это метод—*вспомогательный, имеющий предварительное техническое значение*, дающий предварительный материал для теоретического изучения социальной природы права. Догматический метод в юриспруденции в чистом виде является редким исключением, особенно при применении его к науке публичного права. Он сопутствуется политическими конструкциями исследователя, которые нередко играют доминирующую роль, подчиняя себе логически положительно - правовой материал. Классовая природа реального права затушевывается всевозможными политикоправными фикциями. Для юриста-марксиста раскрываются следующие задания в области изучения этого вспомогательного юридического метода: во-первых, очистить его построения от политических фикций, во-вторых, отбросить технически-нецелесообразные понятия и категории этого метода и дать новые простые и более технически-совершенные. *Политико-правовой метод* есть метод прикладной юриспруденции, он следует за теорией права и всецело опирается на нее. Политика права, имея в виду те задачи, которые выдвигаются в силу хода исторического развития общества тем или иным классом, стремится найти те *правовые формы, которые лучше всего могли бы воплотить политику этого класса или группы внутри класса в жизнь*. Отсюда—классовый характер политико-правового метода, какими бы пышными словами и фикциями не стремился бы он прикрыть свою классовую природу. В таких основных чертах можно обрисовать интересную концепцию методологии права, развиваемую Д. Магеровским. Однако, мы позволяем себе не вполне согласиться с той схемой приложения исторического материализма к изучению права, которую развивает автор. Действительно, с одной стороны, нельзя разграничить *экономико-материа-*

листическую точку зрения изучения права от *социально-классовой* точки зрения его изучения, поскольку, устанавливая в *классовом* обществе зависимость правовых отношений от характера производственных отношений, мы вместе с тем выявляем и социально-классовую точку зрения,—так как производственные отношения *одновременно* образуют и классовое строение общества,—с другой стороны, в обрисовке автора теряется то различие, которое он хочет вложить в *диалектическую* и *экономико-материалистическую* точки зрения изучения права. Нам кажется теоретическое изучение права, с точки зрения исторического материализма, должно вестись в двух направлениях. Во-первых, изучать возникновение, характер и развитие правовых образований в связи со всеми социальными отношениями и прослеживать в конечном счете зависимость их от производственных отношений (классовых отношений) и уровня развития производительных сил; во-вторых, действие права на природу социальных отношений в пределах, определяемых развитием производительных сил. Первое теоретическое изучение права совпадает с изучением права с экономико-материалистической и социально-классовой точек зрения, по терминологии Магеровского, второе совпадает с его активно-организационной точкой зрения изучения права. Что касается выделяемой Магеровским диалектической точкой зрения изучения права, то она должна быть неотъемлемо присуща и первому и второму направлению изучения права, с точки зрения исторического материализма. Диалектический элемент исторического материализма, при теоретическом изучении права в первом направлении, выясняет, например, революционные моменты развития права; при теоретическом изучении права во втором направлении он дает возможность выяснить *различное* социальное действие *одних и тех же* правовых явлений, превращения их из революционного фактора, содействующего развитию производительных сил, в фактор реакционный, тормозящий развитие этих сил. Диалектический момент должен быть подчеркнут также и в политико-правном методе изучения права, поскольку этот социально-технический метод тесно связан с теоретическим методом изучения права: правовые формы, которые лучше всего должны воплотить классовую политику, не носят абсолютный характер, хороши при одних конкретно-исторических условиях, они могут быть совершенно непригодными при других; поэтому необходимо подчеркнуть присущий диалектике релятивизм политико-правных предложений юриста-марксиста. В заключение своей интересной статьи Д. Магеровский совершенно правильно отмечает недостаточную осознанность значения роли Советского права для пролетариата при осуществлении своей диктатуры, довольно распространенной среди партийных и советских работников, что служит большим ущербом при попытках налаживания советского аппарата, регулирования социальной жизни и проведения той или иной политической линии.—Статья *В. Дурденевского* («Совет Народных Комиссаров») ставит себе задачей «наметить главные линии развития и юридической структуры Совнаркома, дать правильный подход к накопившемуся за четыре года материалу и его правильную система-

тизацию». После подробного и обстоятельного догматического анализа подлежащего законодательного материала автор приходит к выводу, что Президиум ВЦИК есть рабоче-крестьянское правительство республики—Совнарком был им, и становится рабоче-крестьянским кабинетом, «управляющим делами». Эволюцию Совнаркома к его теперешнему «кабинетскому» положению автор объясняет растущим значением крестьянства, с его потребностью в устойчивых правовых формах. Автору, несомненно, принадлежит заслуга первой и обстоятельной обработки законодательного материала, определяющего структуру одного из важнейших высших учреждений рабоче-крестьянской республики, но вместе с тем его статья иллюстрирует, помимо его желания, чрезвычайную трудность применения к анализу Советского права юридических понятий публичного права, выросших на почве изучения публичного права буржуазных государств.—Статья *И. Войтинского* ставит задачу выяснить «некоторые методологические предпосылки для построения и разработки системы трудового права». Трудовое право есть правовая организация труда. Организация труда является по отношению к организации производства более узким понятием, обнимающим лишь организационные функции обеспечения производства рабочей силой. Для научной разработки трудового права особенно существенны следующие основные категории общественной организации труда: 1) экономические организационные функции общественной организации труда, т.-е. привлечение к труду, распределение рабочей силы и регулирование условий труда; 2) принципы централизации и децентрализации, т.-е. сознательно-планомерное регулирование (управление трудом) и стихийное регулирование; 3) организационные факторы социально-планомерного регулирования (факторы или субъекты управления трудом); 4) нормативный, распорядительный и карательный элементы в организационной деятельности управления трудом (элементы организационной власти в области управления трудом) (стр. 67).—Статья *А. Вормса* («Смешанные акционерные общества») освещает один из практически важных вопросов нашего экономического строительства в связи с новой экономической политикой.

Во втором номере «Советского Права» первая статья—т. *Бранденбургского* «Революционная законность, прокуратура и адвокатура» посвящена революционной законности. Эпоха революционного правосознания сменилась на наших глазах эпохой твердого революционного закона. Все стороны нашей государственной жизни как в области публичного, так и в области частного права должны быть регламентированы законом, который, с одной стороны, гарантировал бы интересы частных лиц, а с другой—защиту данной общественной структуры. Автор защищает ту форму реализации законности в области уголовного права, которую принял наш уголовный кодекс, в отличие от западно-европейского уголовного законодательства, допускающий применение уголовного закона по аналогии и тем самым не признающий старого принципа уголовного права nullum crimen sine lege (нет преступления без закона). Противоположный взгляд высказывает в том же номере журнала *М. Исаев* в статье «Уго-

ловный кодекс 1-го июня 1922 года». Не отрицая возможности пробелов в уголовном законе, он полагает, «что окрепшая государственная власть может смело итти на риск признания принципа «nullum crimen sine lege»: такой риск покупается вполне реальной ценностью уверенности и сознания граждан, что государством намечены границы запрещенного под страхом наказания, которые оно само не хочет переступать. Значение кодекса, как одного из факторов утверждения законности, оказалось бы с несравненно большей силой». Нам кажется, что допущение аналогии преступления (ст. 10 Угол. код.) вызвано тем, что в момент издания Уголовного кодекса общественные отношения были еще неустойчивы, поэтому дать исчерпывающий каталог преступных деяний не представлялось возможным, а потому было *целесообразно* допустить аналогию преступления для защиты *слагающейся* новой фазы советского строительства. При полной кристаллизации общественных отношений этой новой фазы явится возможность дать и исчерпывающий каталог преступлений, допущение аналогии уголовного закона утратит raison d'être.

М. Исаев в упомянутой статье дает общую характеристику нашего Уголовного кодекса, отмечая его двойственный характер: с одной стороны, «вы чувствуете в нем дух террора, дух беспощадной расправы, подавления всесильным государством отдельной, слабой личности», с другой— «вы не можете не усмотреть в кодексе веяния новейших течений теоретической мысли, вы убежденно можете себе представить, что вот, при господстве этого самого кодекса, кривая репрессии может с такой же молниеносной быстротой, с какой она взлетела вверх, низвергнуться вниз». Поэтому автор считает, что Уголовный кодекс, более чем какой-либо другой, является двуликим символом революции. Разрушение и созидание, в настоящем кодексе слито и прошлое и будущее.—*Н. Михайлов* в статье «Основные моменты в развитии городских советов» рассматривает эволюцию городских советов, как органов городского, общинного (коммунального) управления и хозяйства в связи с их взаимоотношениями с органами провинциального (губернского, уездного) управления, отмечая пять периодов их развития: 1) до Октябрьской революции, 2) с Октябрьской революции до издания Конституции РСФСР, 3) конституционный период горсоветов, 4) период распада и замирания горсоветов (1919—1920 гг.), 5) период начала восстановления горсоветов.—Статья *С. Котляревского* «Проблема Бюджетного Права в новейшем законодательстве РСФСР» отмечает достижения в области Советского бюджетного законодательства и важность правового упорядочения бюджета.—Новому земельному законодательству посвящена статья *Рудина* «Новейшие акты русского земельного законодательства».

С октября 1922 года Институт Советского Права приступил к ежемесячному изданию «*Спутника Советского Юриста*» под редакцией В. Н. Дурденевского и С. М. Берцинского. «Спутник» является систематическим и алфавитным указателем-ежемесячником к декретам, постановлениям, приказам и циркулярам, публикуемым в московских официальных органах печати, с приложением избранных законодательных и ве-

домственных актов. Так как согласно декрету 8 октября 1920 г. установлено, что опубликованием узаконений и распоряжений Советской власти считается опубликование их в Собрании Узаконений, «Известиях ВЦИК», «Экономической Жизни» или в органах Народных Комиссариатов, то помещение в многочисленных органах иногда очень важных законодательных актов, нигде более не публикуемых, ставит практических работников Советского права перед необходимостью ориентироваться в громадной массе разрозненного законодательного материала. Удовлетворить этой потребности в «ориентировке» имеет в виду «Спутник Советского Юриста», к ежемесячному изданию которого приступил Институт Советского Права. Новое начинание Института имеет большое практическое значение, значительно облегчая работу советского юриста-практика.

II.

Другим «толстым» юридическим журналом является «Право и Жизнь», издаваемый частным издательством того же названия под редакцией проф. А. М. Винавера, проф. М. Н. Гернета и проф. А. Н. Трайнина. Журнал начал выходить с июля месяца прошлого года и за полгода своего существования выпустил три книги. Программа журнала была формулирована в редакционной статье «Наши задачи» первого номера журнала. Задачи современной русской юриспруденции в лице ее теоретических и практических деятелей, по мнению редакции, должны определяться тем порывом к законодательствованию, исканием форм для воплощения начала законности, под знаком которого идет законодательная работа последнего года. «В момент искания точных объективных формул для новых общественных идей и отношений каждый из нас обязан сказать то, что диктует ему его опыт и знание, обязан внести в общее дело строительства новой России свою лепту, свое разумение и искреннее убежденное слово. Посвящая настоящий журнал теоретической разработке права, основанной на лучшем юридическом наследии прошлого и на учете новых политико-правовых идей, купленных ценой революционного опыта, освещая и изучая вопросы текущего законодательства и судебной практики, оценивая и критикуя беспристрастно и объективно новые, еще только нарождающиеся формы нашего правового уклада, по мере возможности учитывая все крупные факторы, направляющие путь правотворчества данного момента, мы надеемся посильно содействовать укреплению начала законности—и тем самым мы исполним долг, лежащий на русской юридической мысли». Началу законности, под знаменем которого издается журнал, в первом номере посвящены две статьи: *А. Трайнин*—«О революционной законности» и *А. Тагер*—«Проблема законности в Уголовном кодексе РСФСР». *А. Трайнин* считает, что «законы могут быть либеральные и консервативные, полезные и вредные, но *законности* не бывает дурной или хорошей, правой или левой, революционной или реакционной. Революционная законность поэтому юриди-

чески так же мало мыслима, как экономически мало мыслим «красный капитал»: есть свои законы, по которым развивается капитализм, равнодушный к окраске и кличке, и есть законность, как некоторая правовая ценность, единая в революции и реставрации,—законность, как *следование законам*, без которого ни одна регулярная власть в мире, буржуазная или пролетарская, обойтись не может» (стр. 6). Провозглашение законности с точки зрения автора является завершением первого динамического фазиса революции. «С этого момента революция, как стихия, перестает существовать, и начинается жизнь революции, как правопорядка».—*А. Тагер* при рассмотрении проблемы законности специально в области уголовного права отрицательно относится к допущению кодексом аналогии уголовного закона. Автор неправильно полагает, что Уголовный кодекс представляет суду право признать преступлением *всякое* деяние, не предусмотренное непосредственно кодексом. С точки зрения нашего кодекса, круг преступлений охватывает деяния, непосредственно предусмотренные особенной частью кодекса, и те *деяния, которые могут быть охвачены применением по аналогии статей особенной части кодекса*. Что касается признания и Трайниным и Тагером логической несостоятельности термина «революционная законность», то нужно отметить, что они упускают из виду, что «принцип законности» (регламентация общественной жизни законом, гарантирующим интересы отдельных лиц и охрану конкретной общественной структуры) в *различной* исторической обстановке принимает и *формально различные* виды своего осуществления, иллюстрацией чему может служить Уголовный кодекс РСФСР, где законность в области Уголовного права вылилась в существенно иные формы, чем те, которые обычно привыкла мыслить юриспруденция, воспитанная на изучении Уголовного права буржуазного государства; понятие законности всегда конкретно-исторично, поэтому понятие «революционной законности» не только простое указание на эпоху, но содержит в себе и «особый смысл».

Главная часть статей трех книг «Право и Жизнь» посвящена догматическому и критическому анализу отдельных новейших законодательных актов Советского права. Обстоятельная статья проф. *П. Люблинского* «Восстановление прокуратуры» (книга 1 и 2) разбирает декрет о прокуратуре. Ряд статей посвящен анализу изданного Уголовного кодекса.—*Проф. М. Гернет* в статье «Система карательных мер в Уголовном кодексе» (книга первая) дает оценку репрессивной системы кодекса с точки зрения последовательного сторонника левого крыла уголовно-социологической школы; автор делает упрек нашему кодексу, что он не освободился вполне от идеи возмездия, часто неправильно придавая большее значение преступлению, нежели самому преступнику, сбивается на старую дорогу «воздающей справедливости», вводя понятие квалифицированных преступлений; крупным достоинством кодекса автор считает введение принудительных работ без лишения свободы; приветствуя широкое введение условного осуждения, он, однако, справедливо считает ошибкой кодекса неприменение его при приговорах к штрафу.—*Проф.*

Н. Полянский в двух интересных статьях («Уголовный кодекс РСФСР и «Германский проект уголовного уложения», книга 1 и 2) проводит параллели между нашим кодексом и германским проектом. Автор считает, что наш кодекс ничего не говорит о вине и виновности, что эти понятия ему чужды. Правильней будет признать, что ему чуждо лишь понятие «моральной вины», так как ст. II Уголовного кодекса содержит ясное определение обеих форм виновности умысла и неосторожности («формальная вина»). Ряд статей рассматривает отдельные части проекта гражданского кодекса. Таковы—проф. *И. Новицкого* «Договор поручительства», «Имущественный наем», «Безвалютность займа», *проф. Винавера* «Свобода договоров и порочные сделки по проекту положения об обязательствах» и нек. друг. Уголовно-процессуальный кодекс в части, касающейся допроса обвиняемого, анализирует *М. Гродзинский* («Допрос обвиняемого в новом процессуальном кодексе», книга третья). Практически важный вопрос разбирает *проф. М. Загряцков* «Коммунальный банк и его роль в деле восстановления города» (книга вторая). Ряд статей посвящен рассмотрению новейших явлений западно-европейского права. Такова интересная статья *А. Ладыженского* «Основные тенденции новейших западно-европейских конституций»; автор отмечает новые образования европейского конституционного права: «парламентские комитеты» германской и чехо-словацкой конституции, которые функционируют во время перерыва законодательной работы парламента или в случае его роспуска, и все чрезвычайные правительственные указы могут быть принимаемы лишь при условии предварительной санкции их «парламентским комитетом»; после созыва палат указы, утвержденные комитетом, сохраняют силу лишь в случае их принятия народными представителями; «хозяйственный совет» германской конституции, состоящий из представителей организации предпринимателей и «рабочих советов», все законопроекты социально-политического и хозяйственно-политического характера должны быть, до внесения их в рейхстаг, представляемы на заключение общегосударственного Хозяйственного совета, который и сам имеет право предлагать правительству и вносить в рейхстаг законопроекты такого рода; автор отмечает, что ряд исследователей этого вопроса германской конституции доказывают, что права советов очень незначительны, так как членами их могут быть только германские подданные не моложе 24 лет, с 5-месячным стажем в предприятии и 3-летней принадлежностью к производству или профессии, и так как предприниматель может не давать советам сведений, нарушающих коммерческую тайну. Новейшему западно-европейскому законодательному творчеству (германский проект уголовного кодекса) частично посвящены и упомянутые статьи проф. Н. Полянского.

Я. Кантарович в статье «Правовые идеи в советском законодательстве» (№ 2) пытается рассмотреть социализм, как «правовую проблему», т.-е. с точки зрения норм закона—отменительных по отношению к низвергнутому старому строю и созидательных по отношению к возникшему новому строю, устанавливающих и регламентирующих этот строй. В

введении автор обещает остановиться на трех группах правовых отношений, наиболее существенно определяющих социалистический строй, на нормах, относящихся к реформе собственности, к охране труда и к организации правосудия, хотя в дальнейшем останавливается почти исключительно на эволюции института частной собственности. Автор справедливо отмечает постепенное сужение сферы автономного и свободного распоряжения имуществом, постепенно усилившегося проникновения в индивидуалистические частно-правовые отношения начал публично-правовых и тенденций коллективистических. «Процесс обобществления частной собственности, по мере и в зависимости от развития капиталистического строя, идет все шире и глубже, так как капитал все более и более монополизируется в руках отдельных крупных торговопромышленных, финансовых и банковых коллективов и организаций, диктующих свою волю, подчиняющих себе не только отдельных капиталистов, но и целые государства. Таким образом, в хозяйственной жизни капиталистических стран область частной собственности в ее чистой индивидуалистической форме все более суживается и самым естественным ходом вещей обрекается на постепенное отмирание» (ст. 10). «Социалистический строй, огосударивающий орудия производства и централизующий в руках государства все хозяйственные производственные отношения, с точки зрения эволюции права является вполне нормальным (?) правовым явлением организации известных частных отношений по принудительным началам публичного права» (ст. 14). С точки зрения автора поэтому, «можно сказать, что социализм осуществляется в буржуазных странах каждый день на наших глазах» (ст. 10). Основная методологическая ошибка Я. Кантаровича заключается в том, что он рассматривает правовые формы вне связи с их социально-экономическим содержанием: развитие организационно-правовых форм государственного капитализма буржуазных стран он принимает за осуществляющийся социализм; о социализме можно говорить лишь с момента завоевания власти пролетариатом, и организационно-правовые формы строющегося социализма *внешне* во многом могут быть похожи на организационно-правовые формы государственного капитализма, являясь *по содержанию* его диалектической противоположностью. В заключении своей статьи Я. Кантарович делает упрек марксизму в «социальном романтизме», так как «и теперь социалистическая мысль питается уверенностью, что с уничтожением законов, охраняющих капиталистический строй, воцарится истинная свобода и фактическое равенство». Автору нужно сделать упрек в некоторой неосведомленности в марксистской литературе, ознакомление хотя бы с «Критикой Готской программы» К. Маркса и распространенной книгой Ленина «Государство и революция» могли бы содействовать выяснению недоразумения.

Из других статей, помещенных в журн. «Право и Жизнь» за 1922 год, следует отметить обстоятельно написанную статью *М. Агаркова* «Юридическая природа железнодорожной перевозки» (книга вторая и третья), теоретически разбирающая вопрос, имеющий теперь большое практи-

ческое значение; интересные «Очерки тюремной психологии» *М. Гернета*; «Русско-германский договор в Раппало» *С. Котляревского*; «Государственная структура РСФСР» *Б. Плетнева* и некотор. др.

III.

Народным Комиссариатом Юстиции в течение всего 1922 года издавался «Еженедельник Советской Юстиции». Цель журнала: сделать доступным трудящимся массам понимание советского права, с одной стороны, и дать всем работникам юстиции возможность ознакомиться с деятельностью как центральных, так и местных органов. По мысли руководителей журнала он должен быть не столько органом теоретической дискуссии, но, главным образом, органом, на страницах которого постоянно и непрерывно должны освещаться все практические вопросы, волнующие и представляющие затруднение для работников на местах. «Еженедельник» в течение года всегда быстро откликался на все очередные вопросы уголовного и гражданского права и процесса, карательной политики, судоустройства, взаимоотношений органов юстиции, местной жизни суда, текущей юридической литературы. Работу в журнале вели, главным образом, ответственные работники Наркомюста: Курский, Крыленко, Черлюнчакевич, Саврасов, Славин, Лисицын, Бранденбургский, Эстрин и др.

Народный Комиссариат Юстиции УССР издавал в течение 1922 года ежемесячный журнал «Вестник Советской Юстиции». Основной задачей журнала является всестороннее освещение вопросов права, главным образом, права советского, популяризация и освещение текущего советского законодательства и ознакомление с деятельностью всех органов юстиции. Из статей теоретического характера номеров журнала, дошедших до нас, можно отметить: *М. Гродзинский* «Элементы кары и социальной защиты в системе наказания УССР», *его же* «Проект уголовно-процессуальной реформы в Германии», К. *Архипов* «К вопросу о методологии советского конституционного права» и некоторые др.

Московский Губернский Совет Народных Судей с октября 1922 года приступил к изданию своего журнала «*Пролетарский Суд*». Журнал ставит себе задачей «всестороннее освещение правовых вопросов, выдвигаемых повседневной практикой применения действующего права, освещая их под углом зрения защиты завоеваний пролетарской революции». Журнал обещает обратить самое серьезное внимание на систематизацию материалов нашей судебной практики и выяснение огромной, но незаметной работы, творимой Нарсудом, руководствующимся при разрешении многих вопросов своею судейскою совестью и революционным правосознанием. В первом номере журнала помещен интересный статистический материал о движении дел в Нарсудах Москвы.

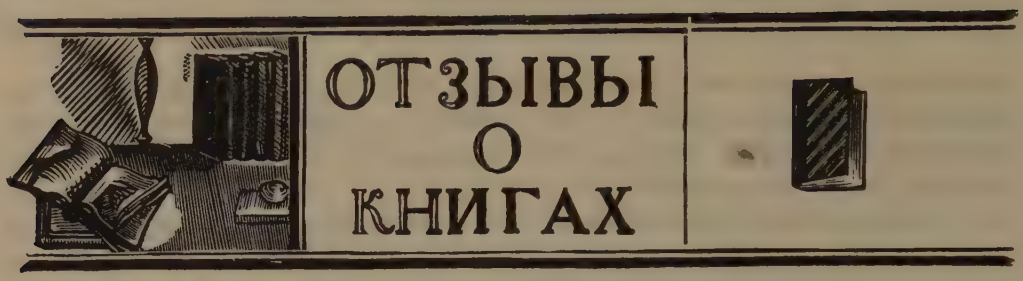
Другим юридическим журналом, издаваемым местным органом Наркомюста, является «*Народное Право*»—орган тверского губюста. Юридические статьи печатались также в органах отдельных Народных Комис-

сариатов. Народный Комиссариат Внутренних Дел в течение 1922 года выпускал журнал «*Власть Советов*», где помещены ряд юридических статей, как, например, *Рейснера* «Централизация, разделение функций и Советы», *Войтинского* «Проект нового кодекса законов о труде», *Колесникова* «Административное деление РСФСР», *Славина* «К реформе судоустройства» и нек. друг. С ноября месяца начал выходить журнал «*Рабоче-Крестьянская Милиция*»—орган управления милицией республики, где помещены статьи *Елистратова* «Бюджет полиции в западноевропейских государствах», *Добровольского* «Проект дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской Милиции» и ряд статей по криминалистике (уголовной технике) *Ивенин* «Уголовная техника»; *Есаулов* «Организация судебно-медицинской экспертизы»; *Семеновский* «Основы дактилоскопической системы регистрации преступников». Отдельные юридические статьи встречаются в «*Коммунальном Деле*»—журнале Главного Управления коммунального хозяйства НКВД; напр., *Петров* «Строительный кодекс РСФСР» (№ 2). В органе Наркоминдела «*Международная Жизнь*» встречаются юридические статьи специально по международному праву, напр., проф. *А. Ладыженский* «Инструкция консулам РСФСР» (№), *Сабанен* «Советская власть и международное право». В периодическом органе общества психиатров и невропатологов в Петрограде «*Психиатрия, Неврология и Экспериментальная Психология*», начавшем выходить в 1922 году, можно отметить интересную для юриста статью *Доброгаева* «Социально-психологическое исследование личности человека, впавшего в преступное состояние, как основа современной борьбы с преступностью» (вып. 1). Ряд статей юридического характера появился за 1922 год в некоторых непериодически издаваемых научных сборниках. В «*Материалах Народного Комиссариата Юстиции*», которые продолжали выходить в 1922 году, помещены на ряду с материалом законодательным и судебной практики ряд статей теоретического характера по отдельным отраслям права, напр.: *А. Вормс* «Национальность юридических лиц», *Урисон*, «Статьи Версальского договора, относящиеся к России», *Лунц* «О влиянии изменения конъюнктуры на обязательства частного права», *Славин* «Наш кассационный суд», *В. Вольф* «О правовом положении иностранцев в области хозяйственного права по международным договорам РСФСР», *Галле* «Явления вырождения в Германском уголовном процессе» и нек. др. Из других непериодических изданий можно отметить: «*Научные Известия*» академического центра Наркомпроса (вып. I)—статья *Магеровского* «Социальное бытие и наука права». «*Труды Белорусского государственного университета в Минске*» (вып. I)—статья *Г. Гуровича* «Право и нравственность с материалистической точки зрения». «*Известия Иваново-Вознесенского политехнического института*» (№ 6—1922 г.)—статьи *В. Догадова* «Предприятие, как объект оборота», *Э. Пантовича* «Основные проблемы теории права: 1. «Реальность права»; «*Известия Донского государственного университета*» 1922 г.—статьи: *проф. Ладыженский* «Статика и динамика в праве»; *проф. Яблочков* «Единство процесса РСФСР»; *проф. Колоножников* «Понятие коопе-

ративного товарищества по советскому законодательству». В издании Наркомпроса УССР «*Наука на Украине*» отмечаем статьи *Палиенко* «Новейшая эволюция государственно-правовых форм», *Кобалевский* «О методах изучения советского права».

Как видно из приведенного, 1922 год вызвал значительное развитие журнальной юридической литературы. Будем надеяться, что 1923 год еще более расширит и углубит теоретическую работу юристов, особенно по изучению советского права, что имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение для советского строительства.

В. А. Фаворский. Офорт. к статье «Русские гравюры».



СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. „Дарвинизм и марксизм". Сборник статей. *Г. Бройдо.*—2. Г. В. ПЛЕХАНОВ. В защиту революционного марксизма. *С. Гонинман.* — 3. Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. От НЭП'а к социализму. *С. Членов.*

I.

«ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ». Сборник статей (под редакцией М. Равич-Черкасского. Госуд. Издательство Украины. Харьков. 1923 г. Стр. 252.

Сборник представляет собой ряд статей самых разнообразных по авторитетности и отношению к марксизму авторов.

Первая статья представляет собой выписки из работ Энгельса: «Антидюринг», «От утопии к научному социализму» и «Людвиг Фейербах».

Надо отметить известную статью К. Тимирязева «Ч. Дарвин и К. Маркс», статью Эвелинга под тем же заглавием, выписки из книжки Каутского «Этика» о социальных инстинктах.

Очень интересна статья И. Дине-Динеса. В ней он обосновывает то положение, что марксизм делает огромную революцию в области естествознания. «И природа совершенно так же, как история, подвластна закону диалектического движения». На большом материале автор доказывает, что современное естествознание подтверждает мысль Энгельса—«движение есть способ существования материи». Дальше идет беспросветное болото различных формаций ревизионистов, оппортунистов и даже таких авторов, которые сами себя никогда марксистами не считали.

Остановимся на некоторых из них.

Возражая против теорий социального дарвинизма буржуазных ученых, как теорий, оправдывающих существующее классовое неравенство, политический «квиэтизм, невозмутимое философское равнодушие и законодательное dolce farniente», Лориа исходит из несправедливости выживания общественно-слабых, этически отсталых и т. п. элементов, а поэтому требует вмешательства законодательной власти (чьей? конечно, буржуазии. *Г. Б.*), чтобы «государственная власть (буржуазии. *Г. Б.*) стала на защиту неимущих и, насколько она в силах, смягчила бы бесчеловечные жестокости», в виду чего теория Дарвина у него «становится могущественным орудием социальной реформы».

Если буржуазные теоретики социального дарвинизма механически переносят теорию Дарвина в область социальных явлений и делают выводы о «разумности существующего», Лориа делает грубое методологическое извращение, не применяя основ дарвинизма (его методологической сущности) к социальным явлениям, исходя из каких-то незыблемых основ социальной справедливости и практически доходя лишь до кисло-сладкого либерализма и реформизма.

На ряду со статьей Лориа, другой реформист Геркнер в своей статье выступает по той же линии необходимости вмешательства государства для развития «состязательства», уничтожения сословных привилегий, мешающих отбору, и установления порядка, при «котором всем открывалась одинаковая возможность социального успеха». Напрасно Равич-Черкасский авансировал в предисловии,

что под статьей Геркнера, «хотя и не марксиста, подпишется любой марксист». Ни один последователь Маркса под ней подписи своей поставить не может.

Совершенно непонятно помещение статьи проф. Бюхнера, далеко стоящей по своему содержанию от темы сборника и размазывающей на 40 страницах малиновую воду о преимуществах социальной реформы, «осуществимой без применения насилия». Эти реформы, по Бюхнеру, заключаются в «отмене поземельного дохода», «реформе наследственного права» и введении государственного страхования. Автор обнаруживает в современном буржуазном государстве «не малое количество коммунистических (!!) учреждений», которые могут, *постепенно и мирно* развиваясь, привести к коммунизму.

Сборник заканчивается статьей известного вульгаризатора марксизма Рожицына, без статей которого не выходит ни одно украинское издание, к какой бы области оно ни относилось.

В статье «Дарвинизм и современный марксизм» этот автор вновь и вновь повторяет свои марксистские отсебятины об огне, как техническом явлении, определившем появление homo sapiens, о сожительстве человека с собакой, как самостоятельной эпохе развития человеческого общества, и т. п.

Весьма примитивна у автора расценка Кювье и его теории катаклизмов, значение которых и только словесное сходство с диалекто-материалистическим пониманием истории достаточно развенчал покойный Тимирязев.

Такое же поверхностное отношение проявил Рожицын к теории де-Фриза, объявив ее теорией, «более близкой к диалектике». Толкование Рожицыным понимания Дарвиным происхождения человеческого ума свидетельствует о весьма легкомысленном отношении к одному из столпов материализма —Дарвину, когда Рожицын объявляет его идеалистом.

Статья эта, которая, по мнению редакции, является итоговой в сборнике, совершенно не отвечает этой задаче.

В заключение о сборнике в целом.

Редакция правильно указывает на то, что современный издатель ищет «толстой» книги. Это не значит, что переплетенный в одну книгу ряд брошюр, не объединенных единством научной платформы, представляет толстую книгу. Такой метод создания толстой книги—метод книгопродавца—и только.

К чему было в этот сборник включать целый ряд бездарных статей оппортунистов и ревизионистов? Гораздо правильнее было бы дать выдержанный марксистски сборник о дарвинизме, включив в него многое ценное, почему-то из сборника исключенное, как, напр., Энгельса. «От обезьяны к человеку», известное письмо Энгельса к Марксу от 30 мая 73 года, дающее великолепный материал для разрушения всех метафизических классификационных систем, статьи Плеханова (не помещено ни одной), наконец, отрывки из Маркса, которые разрушили бы у читателя утверждение Дине-Динеса, что Маркса интересовали естественные науки «лишь в мере своего прямого влияния на товарное производство» и что Маркс будто бы считал «законы природы совершенно отличными от законов социальных».

Сборник представляет собой пример того, как не следует делать «толстой» книги в виде сборной селянки из статей авторов, не объединенных единством миросозерцания.

Г. И. Бройдо.

Г. В. ПЛЕХАНОВ. В защиту революционного марксизма. Сборник статей под редакцией Б. Горева, изд. Московского отд. Госиздата. 1922 г. Стр. VII+160.

Сборник состоит из статей: «Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития» (3 статьи), «Cant против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна», перепечатанных из сборника «Критика наших критиков» и предисловия к Коммунистическому Манифесту.

Первая статья из серии, направленной против Струве, рассматривает, по преимуществу, формулу последнего о «притуплении противоречий в капиталистическом обществе.

Автор манифеста I съезда Р. С.-Д. Р. П. к рабочим, сказавший: «чем дальше на

Восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия», и уже к 1902 г. превратившийся в основателя будущей кадетской партии—г-н П. Струве начинает исправление марксизма стремлением приноровить его к уровню своей пошлости.

Пытаясь доказать, что «на Шипке все спокойно», г-н Струве совершает «пустяковый» подлог: формулировку Маркса о неизбежном конфликте между производительными силами и производственными отношениями С. заменяет конфликтом между хозяйством и правом и... доказывает притупление подобного рода конфликтов.

Плеханов вскрывает этот подлог и четко формулирует, что «в Марксовой теории социального развития все вращается вокруг *противоречия между производительными силами общества и его имущественными отношениями*». И если правовые отношения быстро приспособляются в буржуазном обществе к изменениям имущественных отношений, то противоречие между производительными силами и всей буржуазной надстройкой «не может быть устранено до тех пор, пока продолжают существовать буржуазные имущественные отношения».

Чрезвычайно важен анализ категорий исторического материализма, даваемый в этой статье Плехановым. К производительным силам относятся не только техника и живая рабочая сила, но и организация труда: «Но организация труда в современной механической мастерской определяется нынешним состоянием *техники* и характеризует собой состояние *производительных сил*, а вовсе не *хозяйственный порядок нынешнего* (капиталистического) *общества*, который характеризуется, прежде всего и главным образом, свойственными ему *имущественными отношениями*, т.-е., следовательно, и принадлежностью механической мастерской не объединенным в ней рабочим, а капиталисту, эксплуатирующему этих рабочих. Таким образом, и противоположность между *общественным* трудом на фабрике и *индивидуальным* присвоением этой фабрики есть уже хорошо знакомое нам противоречие между производительными силами капиталистического общества и его имущественными отношениями».

Вскрыв подлог г-на Струве и выяснив категории исторического материализма, Плеханов на ряде исторических примеров доказывает, что реформы не уничтожают социальных противоречий, не являются путем к социальной революции: «Производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил, это—*содержание;* экономическая структура общества, его имущественные отношения, это—*форма*, порожденная данным содержанием («данной ступенью развития материального производства») и отвергаемая вследствие *дальнейшего развития* того же *содержания*. Раз возникло противоречие между формой и содержанием, оно не «притупляется, а *растет*, благодаря неостанавливающемуся росту содержания, который далеко оставляет за собою способность старой формы изменяться сообразно новым потребностям. Таким образом, рано или поздно наступает такой момент, когда становится необходимым устранение *старой формы* и замещение ее *новою*. Таков смысл Марксовой теории социального развития».

Во второй статье Плеханов оставляет на время Струве и обращается к его иностранным соратникам и буржуазным родственникам. Плеханов пророчески предсказывает распространение мелкобуржуазными разносчиками реформистских идей в социалистическом движении. Исследуя огромный конкретно-экономический материал, Плеханов опровергает тезис Бастиа и буржуазных апологетов всех национальностей о том, что с развитием капитализма положение пролетариата улучшается и *приближается* к буржуазии.

Раньше всего Плеханов рассеивает когда-то столь модную, да и теперь поддерживаемую реформистами, иллюзию «демократизации» капитала.

В высшей степени важна постановка Плехановым вопроса о теории обнищания Маркса. Он и не думает отрицать возможности некоторого улучшения в положении рабочего класса. Однако, если даже абсолютно доход рабочих вырастает,

то *относительно* он неуклонно падает; *доля* рабочего в национальном доходе уменьшается, норма эксплуатации повышается.

Г. Струве опровергает Маркса, приписывая ему теорию *абсолютного* ухудшения положения пролетариата. Плеханов доказывает, что, если в брошюре «Наемный труд и капитал», относящейся к 47 г., Маркс по преимуществу стоял на точке зрения абсолютного ухудшения, то в «Капитале» Маркс говорит об *относительном* ухудшении.

Теория обнищания и по сей день имеет злободневный характер, и статья Плеханова приобретает тем бо́льшую важность, что многие товарищи из коммунистической среды переносят в данном вопросе центр тяжести на положение пролетариата колониальных стран.

С цифрами в руках Плеханов доказывает неуклонный рост необеспеченности пролетариата, преступности и проституции: одновременно он с силой подчеркивает, что ухудшение положения пролетариата вовсе не обозначает падения его классового самосознания и организованности, но и что, наоборот, бедность не всегда является фактом революционизирующим: «*Все зависит от обстоятельств, времени и места*».

Вся вторая статья против Струве сильно напоминает 13 и 23 главы «Капитала» и является блестящим образчиком, на котором молодое поколение марксистов должно учиться применению диалектического метода к конкретным социально-экономическим явлениям.

В третьей, последней, статье против Струве Плеханов разоблачает смысл всего похода, предпринятого русскими и прочими Мальбруками, против ортодоксального марксизма. Критика усиления противоречий, теории обнищания и т. д. предпринимается с единственной целью успокоить крупного и мелкого буржуа.

«Спите спокойно,—говорят им критики,—капитализм прочен, и никакого революционного переворота ему «не угрожает». К старому выражению «Natura non facit saltus», являющемуся воплощением исторической ограниченности предшествующей эпохи, критики добавляют «intellectus non patitur saltus» (интеллект не терпит скачков), являющееся воплощением их собственной патентованной ограниченности.

На этом гносеологическомките ущемленного буржуа критиками воздвигается опровержение диалектического, скачкообразного развития.

На ряде примеров Плеханов реабилитирует скачки и вскрывает истинную подоплеку антискачкизма критиков: «Или, быть-может, он (Струве. *С. Г.*) имеет в виду только свой собственный интеллект, который, действительно, *не терпит скачков* по той «простой» причине, что он, как говорится, «*терпеть не может некоей диктатуры*».

Разделавшись со скачками, наши критики становятся на рельсы социальной реформы, провозглашая: «движение—все, конечная цель—ничто».

Обездушенный марксизм рекрутируется на службу буржуазии, потому что «решительное отстаивание социальной реформы как нельзя лучше уживается в настоящее время с *консервативным инстинктом буржуазии*».

Эта характеристика по сей день остается разоблачающим клеймом на лбу международного реформизма.

Анализ Плехановым значения конечной цели в повседневной борьбе дает блестящее обоснование *революционной* тактики пролетариата и вносит много, к сожалению, очень часто забываемого нами в понимание свободы и необходимости и понятие цели в общественных науках.

Вторая статья сборника «Cant против Канта» представляет собой разбор книги Бернштейна «Исторический материализм».

Почти вся статья Плеханова посвящена паноптикуму философских благоглупостей Бернштейна, в роде утверждения: «чистый материализм, в конце-концов, сводится к идеализму». Понятно, что поэтому статья теряет в значительной степени свой интерес для нас. Буржуазия выдвинула более умных и знающих философских апологетов, окрашивающихся в защитные марксистские цвета.

Интересны в этой статье замечани Плеханова о конкретном характере диалектики, о материалистическом понимании Спинозы и о спинозистском понимании материализма.

Анализ Плехановым причин отказа бернштейнианства от материализма и диалектики делает ясным, почему Гегель, властитель дум Германии в первый половине XIX в., был затем официальной наукой предан забвению: «Но тот же самый г. Бернштейн, вместе со всеми филистерами всего земного шара, готов городить против диалектики всякий вздор и взводить на нее самые нелепые обвинения всякий раз, когда ему кажется, что она может содействовать укреплению и развитию тех стремлений, которые кажутся им разрушительными».

Вот почему замечающееся возрождение Гегеля в буржуазной философии идет под флагом мистицизирования его, под флагом поповщины,—в то время, когда революционная марксистская мысль готовит возрождение Гегеля, освобожденного от религиозно-мистических покрывал, выдвигая на первый план диалектический метод—«алгебру революции».

Разбор Плехановым учения Бернштейна о доходах прибавляет мало существенного ко второй антиструвеанской статье.

Третья статья сборника, предисловие ко 2 изд. Комм. Манифеста, дает генезис идей классовой борьбы. Уже в 20 годах французские историки реставрации с большей ясностью выдвинули идею классовой борьбы. Тьерри, Минье и Гизо не в пример современным марксистам, в роде Каутского, хорошо понимают сущность государства: «Только силой можно добиться признания своих прав.., нет другого верховного владыки, кроме силы», говорит Минье. А Гизо, как бы специально для современной с.-демократии, растолковывает, что «представительное правление существует затем, чтоб сосредоточить в себе и выразить общественные нужды... и облекать властью тех, которые умеют понимать и удовлетворять эти стремления и нужды». Годны для этой цели, по мнению Гизо, только представители среднего сословия.

Однако, развитие классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом заставило представителей буржуазии, признававших с гордостью классовую борьбу в прошлом, отрицать ее в настоящем.

Углубление и систематизация идей классовой борьбы стало делом представителей пролетариата.

Конец Плехановского предисловия посвящен полемике с критиками, в которой он подробно выясняет вопрос о взаимодействии базиса и надстройки и со всей силой революционного пафоса защищает идею диктатуры пролетариата.

Отвечая на утверждение Бернштейна о превращении идеи пролетарской диктатуры в фразу при парламентаризме и прочих демократических прелестях, Плеханов говорит: «Называть *фразой* указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об «окончательной цели», и думает лишь о «движении»... в сторону буржуазного социализма... Там, где существуют классы, неизбежна *классовая борьба*. Там, где есть *классовая борьба*, необходимо и естественно *стремление каждого из борющихся классов* к полной победе над своим противником и к полному над ним господству».

В общем, надо сказать, что название сборника вполне соответствует его содержанию. Каждая строка—это удар революционера, направленный против рыцарей социального «болота». С неопровержимой убедительностью сборник доказывает, что наша партия является последовательным учеником и *мастером* революционного марксизма.

С технической стороны, сборник издан крайне неважно.

С. Гоникман.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ От НЭП'а к социализму. Издательство «Московский Рабочий». Москва. 1922 г. Стр. 138.

Новая книжка Е. Преображенского имеет подзаголовок: «Взгляд в будущее России и Европы». Автор использовал не новый, но все же остроумный прием: свой «взгляд в будущее» он облек в форму обзора прошлого, учиненного в 1970 году в курсе лекций некоего профессора русской истории Минаева, который, если верить т. Преображенско-

му, был одновременно слесарем железнодорожных мастерских.

Мы назвали прием Е. Преображенского не новым, ибо им уже неоднократно пользовались авторы различных утопий.

Однако, проф. Минаев ведет свое повествование от 1920 года. Поэтому, если не конец, то начало его курса читатели книжки т. Преображенского уже сейчас могут проверить и вовсе не обязаны верить проф. Минаеву даже в той мере, в какой мы обычно верим предсказаниям более или менее близкого будущего человечества.

Мы вовсе не обязаны верить тому, что в первое десятилетие НЭП'а произошла «полная революция» в сельском хозяйстве Советской России, которая фигурирует у проф. Минаева в роли меча, разрубающего Гордиевы узлы российской экономики. Утопия вступает в свои права только на некотором хронологическом расстоянии от эпохи, в которой живут ее читатели. На счет того, что будет в 1970 году, можно фантазировать. Что будет в 1927 году—надо доказывать. Нельзя летать на аэроплане утопии слишком низко над землей реальной действительности.

Нельзя, так себе, рассказывать, что «Донецкий бассейн за 5 лет (т.-е. к 1925 году) достиг довоенных размеров продукции», или, что «уже в половине десятилетия каждый завод и фабрика имели автомобили не только для грузовых перевозок и для поездок администрации, но и для обслуживания также рабочих и их детей».

Россия 1925 года—совсем не подходящее время и место для утопии.

Но если конструктивным дефектом книжки т. Преображенского является то, что его повествование начинается со слишком близкой к нам эпохи, то основной дефект лекций проф. Минаева, с точки зрения их содержания, скорее противоположный. В них слишком много сухого схематизма и мало, непозволительно мало творческой фантазии.

Дальше Госбанка и Госплана фантазия т. Преображенского не идет. Для исследователя действительности это очень хорошо. Для «взгляда в будущее»—совсем не годится.

В том и ценность и прелесть всех попыток приподнять завесу будущего, что они дают возможность нарисовать яркую картину, заимствуя только основные линии из тенденций исторической действительности. В этом громадная ценность и обаяние таких «взглядов в будущее», как «Освобожденный мир» Уэльса или «Железная пята» Джека Лондона. Но изображение крушения капитализма у Лондона или Уэльса не только гораздо занимательнее, но и несравненно глубже, чем соответствующая лекция проф. Минаева.

Посмотрите, как скучно и бледно излагает наш профессор такую интересную тему, как «бунт НЭП'а против пролетарской диктатуры».

Конечно, кое-что заслуживает внимания в лекциях проф. Минаева, но в общем все это слишком прозаично и скучно, чтобы быть утопией, и недостаточно серьезно, чтобы быть наукой.

С. Членов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

1. Г. САНДОМИРСКИЙ. Фашизм. *Н. Мещеряков.*—**2. „Разгром Врангеля". Сборник статей.** *Н. Сверский.*—**3. С. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ. Книга об еврейском погроме на Украине в 1919 г.** *Г. Даян.*—**4. O. KEUN. Sous Lénine.** *А. Гольдфарб.*

ГЕРМ. САНДОМИРСКИЙ. Фашизм. Государственное Издательство. 1923 г. 153 стр.

Трудно, больше того—невозможно найти в истории человечества время, когда борьба классов принимала бы так же такие резкие, такие обостренные формы, как в настоящее время. Непримиримее, чем когда-либо, стоят друг против друга интересы двух основных борющихся классов — пролетариата и буржуазии. Неудержимо толкает эта

борьба пролетариат в лагерь революции.

Буржуазия прекрасно понимает эту неизбежность революции, которая лишит ее власти. И она прибегает к военным методам борьбы. Она захватывает в свои руки инициативу нападения. Она наносит пролетариату жестокие удары, не давая ему оправиться и привести в порядок свои боевые колонны. Запугать рабочего, погасить в нем волю к борьбе—вот цель буржуазии. Ее тактика—тактика энергичного наступления капитала.

Это наступление ведется по всему фронту. В области экономической она стремится уничтожить все те завоевания, которые рабочему классу удалось сделать в первые годы после войны, пользуясь растерянностью буржуазии. Она понижает заработную плату, удлиняет рабочий день даже там, где он фиксирован законом. В области политической она стремится ликвидировать свой роман с социал-предателями, которые в свое время оказали ей большие услуги, отвратив от нее после окончания войны революционный гнев народа. Буржуазия стремится теперь захватить исключительно в свои руки все управление государственной машиной.

Но годы революции не прошли даром для этой машины. Пролетариат испытал свою силу в борьбе против этой машины. Он потерял страх перед ней. Он привык отказывать ей в слепом повиновении. Государственная машина потеряла свой мистический характер в глазах рабочего. Она перестала быть для него какой-то чувственно - сверхчувственной вещью. Рабочий смело вступает теперь в борьбу против этой машины и отказывает ей в повиновении. Революция убивает законность и демократию.

Буржуазия прекрасно понимает положение и сама идет навстречу событиям. В предвидении неизбежности диктатуры пролетариата она устанавливает свою диктатуру,—диктатуру класса, грубую и откровенную диктатуру буржуазии.

Буржуазная государственная машина, служившая всегда орудием подавления пролетариата, ныне перестала удовлетворять буржуазию, и она создает рядом с ней свою чисто классовую организацию, которая осмеливается делать для защиты ее интересов все то, что для этого необходимо, и чего не осмеливается делать расхлябанная государственная машина, работающая под флагом демократии.

Такая организация возникла прежде всего в Италии, ибо в Италии, классовая борьба года два тому назад достигла наибольшего ожесточения, а государственная машина под напором этой борьбы оказалась наиболее расхлябанной. Эта организация—фашизм.

Де-Фалько прекрасно определил сущность фашизма тремя словами: «фашизм—это милиция класса». Впрочем с этим определением может соперничать другое определение, данное фашистом Горголини: «фашизм — синоним антиколлективизма и антидиктатуры пролетариата».

Фашизм играет и будет играть, повидимому, в ближайшем будущем огромную роль не только в Италии, но и чуть не во всех странах капиталистического мира. В Европе можно назвать немного небольших стран, где бы фашизм уже не давал себя чувствовать. Поэтому для всякого, кто хочет понимать что-либо в современной жизни, необходимо хорошо знать происхождение, сущность и силу фашизма.

К сожалению, в русской литературе до сих пор не было ничего, дающего такое представление о фашизме. Только за последнее время стали появляться в журналах небольшие статьи, посвященные этому вопросу. Но и они не дают о нем полного исчерпывающего понятия.

Этот досадный пробел в значительной степени восполняет книга т. Г. Сандомирского. Автор ее хорошо изучил вопрос об итальянском фашизме: он хорошо знает литературу предмета, он видел его своими глазами во время своего пребывания в Италии.

Книга т. Сандомирского имеет много достоинств. Ее нужно настойчиво рекомендовать читателям. Но, к сожалению у нее есть и недостатки.

Тов. Сандомирский не коммунист, а анархист. Его анархические очки иногда дают себя чувствовать, когда он переоценивает роль, силу и значение анархизма в Италии. Но это не главный недостаток книги.

Хуже манера изложения т. Сандомирского. Его книга слишком велика. Автор часто долго топчется на одном месте, не двигаясь вперед. Он по нескольку раз и очень пространно повторяет одно и то же. Это сильно ослабляет увлекательность книги. Его книга много выиграла бы, если бы она была короче. Тогда она читалась бы «взасос».

Тов. Сандомирский пытается вывести возникновение фашизма из войны. Это идея ошибочная. Связь между войной и фашизмом гораздо слабее, чем это кажется т. Сандомирскому. Фашизм возник бы и без войны, если бы классовая борьба обострилась достаточно сильно. Кое-где он и возник без всякого отношения к войне и ее благоприятному или неблагоприятному исходу. Связь между национализмом и фашизмом в Италии не есть органическая связь. Ее могло бы и не быть.

Эта ошибка т. Сандомирского ведет к тому, что он ищет фашизм (в предпоследней главе) только в странах-победительницах и с трудом допускает его существование в странах побежденных. А между тем фашизм уже существует в Германии и в Венгрии. Теперь он возникает и в Болгарии. Эти факты плохо вяжутся с концепцией фашизма, которую дает т. Сандомирский, тесно связывающий итальянский фашизм с историей возникновения и исхода войны в Италии.

Следующим (и очень досадным) недостатком книги нужно признать то, что в ней слишком бегло, поверхностно и неполно затронут вопрос о международном фашизме, который так быстро развивается в настоящее время.

Нужно указать еще один пробел: автор ни слова не говорит об отношении различных русских белогвардейских партий и русских белогвардейских заграничных газет и журналов к фашизму. А в этом отношении есть много интересного для русского читателя.

Следует отметить также досадную манеру т. Сандомирского приводить в тексте итальянские слова. Это затрудняет чтение книги рабочими, для которых она очень нужна и полезна.

Наконец, еще одно обстоятельство, которое нельзя, однако, поставить в вину автору.

Его книга была закончена в начале ноября, когда фашисты только что взяли государственную власть в свои руки. Он поэтому не мог затронуть в своей книге вопроса об изменении роли и характера фашизма после такого захвата, не мог рассказать и об интересном опыте пользования фашистами этой государственной властью.

Я указал несколько недостатков книги тов. Сандомирского. Но в заключение я должен настойчиво повторить, что книга т. Сандомирского имеет очень много достоинств. Внимательное чтение ее необходимо для всякого, кто хочет узнать, что такое фашизм и какие насилия над рабочим классом он совершает.

Книга издана опрятно. Бумага и брошюровка хороша.

Н. Мещеряков.

РАЗГРОМ ВРАНГЕЛЯ. Сборник статей С. Гусева, И. Смилга, Бела-Кун, В. Ольберге, с приложением 2-х приказов армиям южного фронта, политической директивы и четырех схем вне текста. Стр. 54. Издательство Поюжа. Харьков.

Прошло два года, как закончилась гражданская война; пока гремели пушки на многочисленных фронтах, кольцом окружавших Советскую Россию, внимание всех было сосредоточено на капризных перипетиях войны; выпускались листовки, плакаты, газеты, в меньшем количестве печатались брошюры, и в военных журналах помещались специальные статьи, посвященные описанию отдельных операций Красной армии.

Но вот закончилась гражданская война, ее участники живы и работают над укреплением и дальнейшим совершенствованием армии Революции, но также быстро исчезает интерес к недавнему прошлому, к событиям первой революционной войны: по крайней мере, мы не имеем литературных доказательств для противоположного заключения—нет еще систематической истории войны, нет популярных отдельно изданных работ, посвященных описанию операций; даже сокращаются прежде многочисленные журнальные статьи по мере того как

гаснут и умирают, по недостатку денежных средств, военные журналы.

Что теряет благодаря этому подрастающее поколение, в частности комсомольцы и формирующаяся на рабфаках пролетарская интеллигенция, которой, быть-может, еще придется грудью отстаивать завоевания Революции,—наглядно показывает рецензируемая брошюра.

В четырех статьях, здесь помещаемых, дано подробное описание боевых действий по оперативным документам штаба южного (врангелевского) фронта.

В течение 50-ти дней своего существования южный фронт, под командованием М. В. Фрунзе, резко изменил ход событий на юге Украины и рядом сильных ударов вырвал из рук Врангеля инициативу и, обессилив его, подчинил своей воле. После надлежащей подготовки, в течение 14 дней, была разбита и уничтожена наиболее сильная, стойкая и организованная из всех армий, с которыми в течение 3-х лет вела борьбу Красная армия. Книжка и дает краткий обзор этой замечательной в истории Красной армии операции, блестящей по своему замыслу, законченности и достигнутым результатам.

К сожалению, общее благоприятное впечатление портит обилие опечаток и отсутствие на картах многих из упоминаемых в тексте названий, благодаря чему пользование картами, особенно для малоопытного читателя, будет затруднительно.

К. Скерский.

С. ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ. Книга об еврейском погроме на Украине в 1919 г. Редакция и послесловие М. Горького. Госиздат. М. 1923 г. 164 стр.

Книга составлена по официальным документам, докладам с мест и опросам живых свидетелей кошмарных ужасов погромов на Украине. Сохранены и особенности речи опрошенных. От этого книга выигрывает в убедительности, в цельности впечатления, в стильности бытовых картин.

Высказываемое М. Горьким в его послесловии суждение об основной причине погромов не следует с логической необходимостью из самой книги, а является как бы «особым мнением».

М. Горький объясняет погромы свойственным русскому народу садизмом, болезненной жестокостью и уверяет, что «тут дело не в политике, а в патологии».

Горький не учел того обстоятельства, что вожди добрармии и прочих банд не имели других более реальных и заманчивых лозунгов для темных, пьяных, оголтелых слоев народа, чем свобода «грабежа и расправы» с теми, кто «нашего бога распяли», кто «оскверняют святыни» (такие небылицы усиленно распространялись обиженными попами) и «вводят коммуну».

Эти *«идеологические» мотивы прикрывали собой самые подлинные грабительские инстинкты*, особенно обострившиеся в период обострения экономической нужды, когда деревенская беднота и городская голытьба—этот лумпен-пролетариат, всегда бегущий за колесницей временного триумфатора,—корчились в тисках безжалостной костлявой руки — голода.

Законное право поживиться чужим добром, полная гарантия безнаказанности, освященные патриотическим лозунгом: «бей жидов, спасай Россию!»— были смазочным маслом для контр-революции. Чем иным могла жить ее преступная душа!

Сказалась здесь и тяжелая рука прошлого—*векового еврейского беспразия, вековой жертвенной обреченности*, традиции Хмельницкого, Гонты и Железняка.

Некогда усмиренная русскими и польскими войсками Гайдамачина не была психологически изжита сочувствовавшими ей темными массами, а была внешними силами, иноземным владычеством, *вогнана во внутрь* народной психики, оставив в ней ядовитый след. *Социальное недовольство и классовая ненависть нередко осложнялись и сплетались на Украине* с национальным моментом.

Такие исторические события, как 1648 и 1768 гг., не проходят бесследно. В потомках истязателей сохранились остатки не целиком израсходованного горючего материала, готового воспламе-

ниться при первом удобном случае. В потомках жертв—траурный пепел от сгоревших в огне народных страстей предков, который на долгое время мрачно окрасит радужные цвета действительности.

Следы Хмельницины и Гайдамачины могут исчезнуть из психической сферы потомков героев и жертв тех исторических драм лишь в долгом процессе *новой исторической жизни, освещенной светом знания и социальной правды.*

Огромный революционизирующий сознание факт общей борьбы на жизнь и смерть за общие интересы еврейских и украинских трудовых масс, только он один сможет вырвать ядовитые семена проклятого прошлого из просветленной души украинского народа, спаянного с еврейством кровавым прошлым и борьбой за светлое будущее...

Не следует забывать и о специфически *свойственном нашей эпохе подешевении человеческой жизни*, явившейся следствием мировой бойни, залившей мир кровью и обесценившей «цену жизни».

И вовсе нет, как видим, надобности в односторонних объяснениях, в роде горьковского садизма, когда так многое объясняют и экономика, и политика, и история, и психология.

Книга тов. Гусева - Оренбургского, хорошо сконструированная, беспристрастно, живо, увлекательно и общедоступно изложенная, будет усиленно читаться. Из нее будет черпать и агитатор живые иллюстрации к вредоносности национального шовинизма и религиозных предрассудков. Она освещает кошмарную деятельность деникинцев, петлюровцев и прочих «спасателей» России и служит неоспоримым доказательством единоспасительности *классовой* позиции и *классовой* политики. Книга эта должна иметься во всех библиотеках.

Г. Даян.

ODETTE KEUN.—Sous Lénine (Ernest Flammarion.—Paris, 1922 г. 285 стр.).

На ряду с мемуарами взбалмошной мисс Шеридан, ограниченной демократки Сноуден, ловкой корреспондентки «Petit Parisien» Луизы Вейс, и других иностранных туристов, посетивших Советскую Россию, записки мало известной нам голландки Одетты Кэйн представляются наиболее искренними и любопытными.

Одетта Кэйн, корреспондентка ряда буржуазных и социалистических газет, была арестована в середине 1921 года английскими военными властями в Константинополе и выслана оттуда, как русская шпионка и большевистская пропагандистка в Советскую Россию (вместе с высланной тогда же и русской торговой миссией, во главе с Бруком). Возможно, что именно этот факт и оказал самое благотворное влияние на критические способности Одетты Кэйн, заставив ее более вдумчиво отнестись к «жестокостям» большевистского режима, сопоставив их с «джентльменским» поведением английских военных властей.

«Я посвящаю первую часть моей книги,—пишет Од. Кэйн,—высшим чинам английской военной полиции в Константинополе с целью заклеймить их действия; и вторую часть—Ленину для того, чтобы он знал, что делается в России за пределами Москвы».

Вот в кратких чертах путь мытарств, пройденный настойчивой и усердной исследовательницей освобожденной Грузии: в 1920 году Од. Кэйн едет в меньшевистскую Грузию в целях изучения ее, где она остается и при большевиках после превращения Грузии в Советскую (в феврале 1921 года). Будучи отрезана на долгое время от Европы, Од. Кэйн едет для улаживания своих личных дел в Константинополь, намереваясь вернуться в Батум или Тифлис. Но в Константинополе, неожиданным образом, она оказывается арестованной английскими военными властями, обвинившими ее в шпионаже, в участии в большевистском заговоре в целях убийства генерала Гаринтона, командующего междусоюзными войсками в Константинополе, и выславшими ее

за это непосредственно в Советскую Россию (в Севастополь). С этого момента Од. Кэйн начинает переходить из одного отделения Чека в другое, по подозрению в шпионаже в пользу англичан. Из Севастополя в Симферополь, в Харьков и, наконец, в Москву, где, разобрав ее дела, ей разрешают вернуться в Тифлис.

Следует сказать, что отдельные места книги написаны, с описательной точки зрения, весьма ярко и образно.

Так весьма характерно обрисованы некоторые меньшевистские грузинские деятели (Рамишвили, Гегечкори и другие), слабость и перешительность которых по отношению к англичанам вызывает гнев со стороны более смелой и решительной Од. Кэйн.

Жестокие и наглые английские офицеры в роде капитана Хенкина, арестовавшего Од. Кйэн, или другого... крикнувшего вдогонку несчастным рабочим, высылаемым (вместе с ней) и требовавшим отправки с ними их жен и детей: «Ладно, найдете себе достаточно других жен, когда вернетесь в Россию» и т. п.,— все эти самодовольные хозяева, дерзко распоряжающиеся в чужих квартирах, обрисованы с удивительной яркостью и неподдельным презрением со стороны автора.

Отдельные картинки из жизни Советской России (школы, больницы, базары и т. д.), а также портреты отдельных лиц (Чичерин, Паскаль и др.) зарисованы также с поразительной живостью и правдивостью.

Но, к сожалению, мы ничего не можем сказать положительного об идейной стороне книги Од. Кэйн. Рассуждения, выводы, критика ее—бедны, поверхностны и неубедительны. Идеалистка крайнего толка, демократка чистой воды из тех, что до сих пор остаются ослепленными «свободами» французской республики, узко-мещанская моралистка, Од. Кэйн не хочет и не может понять всего грандиозного экономически-социального значения русской революции (или связать воедино действия английских военных властей в Константинополе с внешней политикой английского правительства вообще).

Суровость и твердость пролетарской самозащиты окончательно затуманивают близорукие глаза проповедницы «вечной человечности», гуманности и прочих высоких материй. Конечно, она изрыгает хулы на голову «угнетателей» русского народа и, конечно, она уезжает из России, как полагается истинно-чеховской героине, с разбитым сердцем.

Кстати, о своем политическом credo Од. Кэйн сама пишет довольно странные вещи:

«Я никогда не принадлежала к партии социал-демократов. Моим политическим идеалом был всегда коммунизм, но я никогда не могу согласиться с большевизмом, потому, что он в моих глазах является системой исключительно славянской, совершенно отличной от моих западных представлений коммунизма».

Что такое этот западный коммунизм, автор так и не поясняет, но каждому сознательному рабочему на Западе, не тяготеющему к формальным «свободам», понятно, что от такого коммунизма ему не поздоровится, а буржуазия всегда готова будет с ним примириться.

За всем тем нужно признать, что искренность, которой проникнута книга Од. Кэйн, выгодно отличает ее от других «дамских» рассуждений о Советской России. Однако, одной искренности недостаточно, чтобы сделать ее, действительно, ценной и полезной для широких читательских масс Запада...

Дн. Гольдфарб.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман). Советская Россия и империалистическая Япония. *М. Брагинский.*—**2. И. А. ФАРРЕР. Англия в царствование Эдуарда VII.** *И. Эвавич.*

МИХ. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман). Советская Россия и империалистическая Япония. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва, 1923 г. Стр. 145. С приложением схемы территориальных приобретений и распространения влияния Японии.

Новая книга т. Павловича является одним из выпусков его серии: «РСФСР в империалистическом окружении». Вышедшие уже выпуски вместе с теми, которые должны еще появиться, благодаря строго обдуманному плану их издания, в общем составят как бы целую энциклопедию по вопросу, в котором т. Павлович пользуется у нас заслуженным авторитетом. При всей сложности вопроса о мировом империализме, автор в ясном и вполне доступном изложении знакомит читателя с истинной *природой этого крупнейшего явления* нашей эпохи. Ему не приходится для этого прибегать к грубому выпячиванию, к нарочитому подчеркиванию руководящей идеи, красной нитью проходящей через все выпуски его серии. Самая область исследования настолько благодарна, изобилует таким богатством и разнообразием фактического материала, что достаточно добросовестно изучить его, подойти к нему с строго-научным критерием марксистской мысли и систематизировать его в форме объективно последовательного изложения, чтобы сущность вопроса, как в целом, так и в деталях его, развернулась перед внимательным читателем со всей ясностью и полнотой. Так именно и понял свою задачу автор. Не поддаваясь никакой предвзятой мысли, чуждый трескучей фразеологии, он путем простого сопоставления объективных, исторически достоверных и документированных фактов достигает того эффекта, который является самым ценным достоинством всякого научного исследования: основная тема дана в исчерпывающем изложении [особенно в связи с темой предыдущего выпуска («Советская Россия и капиталистическая Америка»), к которой она тесно примыкает], получает всестороннее освещение, и выводы, логически вытекающие из книжки, напрашиваются как бы сами собою.

Новый выпуск серии, название которой выписано в начале нашей заметки, приобретает для русской печати сугубый интерес (не даром автор уделил ему в своей серии значительно большее число страниц сравнительно с другими выпусками). В нем идет речь о самых жизненных вопросах нашей обширной Дальневосточной окраины, где Советская Россия сталкивается на пути своей мирной созидательной работы с самым откровенным по своему цинизму хищником мирового империализма—Японией микадо и «Генро».

Резкая и коренная разница в характере двух систем дипломатии—советской, опирающейся на принцип взаимности и равенства сторон, воодушевленной единственным желанием мира и положительной творческой работы, и дипломатией империалистической, каждый шаг которой диктуется первобытными звериными инстинктами насильственного захвата и порабощения,—эта разница в изложении т. Павловича выступает с полной отчетливостью. Хотя и худо, но все же прикрываемые у культурных хищников дырявой маской привычного лицемерия все наиболее характерные проявления империализма у их азиатских выучеников выражаются в особенно отвратительных формах вероломства, измены, лжи, обмана, открытого грабежа и разбоя. Японский империализм—это империализм без фраз, империализм «прямого действия».

Впрочем, для усвоения этих приемов звериного империализма Япония прошла хорошую школу, где уроки наглядн-

ного обучения по этой части она получала от дипломатов царской России.

Истории дипломатических сношений между Россией царя и Японией микадо автор посвящает очень интересную главу своей книги. В немногих словах знакомит он нас с виднейшими представителями дипломатии этой эпохи и показывает, как все эти Витте, Абаза, Куропаткины, Алексеевы, Безобразовы, ради отвлечения растущего народного недовольства внутри страны, ради приобретения выгодных концессий, ради сохранения своих жирных окладов и других привилегий ведут по отношению к Японии самую вызывающую политику, действуя то подкупом, то обманом и ложью, то насилием. Некоторые из них (Витте, Куропаткин), даже сознавая всю опасность этой политики авантюр, все же не решались открыто выступить против нее и следовали за авантюристами лишь потому, что те встречали горячую поддержку со стороны ограниченного, тупого Николая Романова.

Эта часть книги т. Павловича характеризует события, необходимые для понимания последующей истории русско-японских отношений. Несомненно, тяжелое наследство, оставленное нам царизмом, не могло в свое время не воспитать в Японии чувства ненависти к России вообще, перенесенное затем и на Россию советскую. Но, конечно, не эта традиционная ненависть была основным движущим мотивом агрессивной политики Японии в Сибири, тем более, что Советская Россия и ДВР всей своей политикой на Дальнем Востоке свидетельствовали о своем постоянном и горячем желании добиться восстановления мирных отношений с Японией, выражая даже готовность пойти для этого на существенные уступки.

Действительные причины агрессивных стремлений Японии, как увидит читатель из книги Павловича (стр. 89—106), коренятся в экономических и территориально-географических условиях существования страны Восходящего Солнца, а также в соперничестве с американским и британским империализмом и в общих условиях ее международного положения.

Большая часть книги т. Павловича посвящена, однако, самой истории японской интервенции в Сибири, начиная с момента Октябрьской революции, когда «японские империалисты, считая Россию совершенно ослабленной, а Европу и Америку надолго запутавшимися в своих делах, с особой энергией усиливает свою агрессивную политику на азиатском континенте».

Автор книги дает яркую и довольно подробную картину этой вероломной политики и всех невероятных гнусностей, которые в течение ряда лет совершались японскими милитаристами то самостоятельно, то при помощи состоявших у нее на содержании русских белогвардейских банд. Автор подробно говорит, между прочим, о пресловутом «николаевском инциденте», лицемерно выдвигаемом японцами, как действительный повод к оккупации северной русской части Сахалина; останавливается на истории переговоров, которые велись в Дайрене и Чан-Чжуне о заключении договора между Советской Россией и Японией, и доводит свое изложение до эвакуации японцами Приморской области, разгрома Красной армией белых банд и заканчивает новейшими сведениями о советизации и воссоединении ДВР с РСФСР.

Все эти события еще свежи в памяти читателя.

Выше мы сказали, что трактуемый автором вопрос получает в его книге исчерпывающее изложение. Однако, мы должны здесь сделать маленькую оговорку. Мы находим, что т. Павлович слишком мало внимания уделил растущему в Японии рабочему движению. Между тем, если бы автор собрал и систематизировал хотя бы те сведения, часто весьма интересные, которые от времени до времени появлялись в нашей периодической печати по вопросу о развитии революционного движения в Японии, то на основании этого материала читатель мог бы составить себе более ясное представление о нарастающем рабочем движении в Японии, чем по тем отрывочным сведениям, которым автор уделил всего около двух страничек своей книги. Этот пробел следовало бы заполнить при ближайшем новом издании книги, тем более, что сам автор оценивает рабочее движение Японии, как фактор первостепенного значения для вну-

тренней и внешней политики Японии, совершенно справедливо утверждая, что от безумных авантюр империализма «спасет Японию только растущая сила рабочего и крестьянского движения, волны которого с каждым днем все выше и выше поднимаются в стране самураев» (стр. 106).

К книге приложен ряд важнейших и интересных официальных документов.

М. Брагинский.

I. A. FARRER. England under Edward VII. London. 1922. George Allen and Unwin. Pp. 270.

И. А. ФАРРЕР. Англия в царствование Эдуарда VII. Лондон. 1922. Аллен и Унвин. Стр. 270.

Содержание новой книги Фаррера значительно уже ее заглавия. Автор имеет своей задачей изображение не истории Англии в царствование Эдуарда VII, а только внешней политики Англии в эту эпоху. Король Эдуард VII для современников и для потомства остается прежде всего деятелем английской внешней политики, одним из выдающихся работников на ниве английского империализма в его теперешней, послевоенной мощи. Он остается типом коронованного дипломата-империалиста начала XIX столетия, приложившего и свою руку к подготовке мировой войны 1914—1918 гг.

История Англии в царствование Эдуарда VII в книге Фаррера совершенно стушевывается перед другой задачей автора,—задачей изображения и исследования английской внешней политики царствования, а в связи с последней и мировой политической конъюнктуры девятисотых годов. Одним из основных недостатков книги и является поэтому недостаточное внимание автора к внутренней политике Англии за этот период, неизменно оказывавшей свое влияние и на очередные выступления короля-дипломата и его министров иностранных дел.

Сочинение Фаррера ни в коей мере не является самостоятельным; оно не может претендовать на значение монографии. Автор пользуется в недостаточной степени имеющимися в его распоряжении источниками, довольно много заимствуя непосредственно из сочинений других авторов по тому же вопросу, в частности: из знаменитой книги Ревентлова (Deutschlands Auswärtige Politik. 1888—1913) о «Внешней политике Германии 1888—1913» и Шимана (Deutschland und die grosse Politik). Последняя книга стоит на грани между исследованием и историческим источником, как сочинение, современное событиям (эта книга представляет собою сборник статей профессора Шимана по вопросам внешней политики в Крейццейтунг). К сожалению, автор не использует сочинение Шимана в этом направлении.

У автора совершенно отсутствуют приемы критики источников, настолько важные при исследовании исторических проблем вчерашнего дня, какими являются для нас вопросы внешней политики Англии царствования Эдуарда VII. И. Фаррер преимущественно использует мемуарную и журнальную литературу эпохи: он, однако, не полагает необходимым выявить специальные особенности своих источников; не употребляет никакого определенного критического метода в обращении с ними. Вопросы методологии и источниковедения, равно как и критики источников, для него не существуют. Автор даже не видит разницы в журнальной статье и мемуарном произведении, как двух типах исторических источников.

Благодаря этому, самым главным недостатком книги Фаррера является ее полная неисторичность. Собрание фактов и материалов к ним, даже самым удачным образом скомпилированное, каким можно считать книгу Фаррера, не может считаться историческим исследованием, необходимо построенным на началах исторической критики.

Не будучи историческим исследованием, книга Фаррера не является и политическим произведением. Слишком мало отражается в ней авторская политическая оценка внешней политики царствования Эдуарда VII. Автор не старается извлечь из книги в виде выводов каких-либо политических принципов, — принципов тактики или политической теории

В каком качестве книга Фаррера может быть, если не необходимой, то полезной? Для английского читателя она может быть полезна для справок чисто фактического характера; при этом у читателя должно иметься собственное

отношение к сообщаемым в книге фактам и собственный критический подход к источникам, так как у автора этот подход, как сказано выше, отсутствует. Для русского читателя эта книга совершенно бесполезна, как в научном смысле, так и в смысле справочном, так как русский читатель имеет возможность с той же легкостью, или, вернее, с тем же трудом, пользоваться источниками этой компиляции.

Значение этой книги может рассматриваться лишь с точки зрения знаменательности появления впервые после войны относительно беспристрастного, по своей фактичности, изложения событий внешней политики царствования короля Эдуарда VII. Во время войны, и после ее окончания, в Англии общепринятым считалось мнение об единственной виновности Германии в мировой войне. Считалось невозможным не только принимать на веру, но даже пользоваться немецкими источниками и сочинениями, показывающими противное. На английскую агитацию в пользу войны с Германией, на стремление уничтожения германского военного флота, на постоянное науськивание Нортклиффовской и всякой другой желтой прессы набрасывалась лицемерная маска поруганной невинности, из-под которой, однако, выглядывало подлинное лицо империалистического хищника, ничем не лучше и не хуже Вильгельмовской Германии. С этой точки зрения книга Фаррера представляет исключение. Автор использует сочинения немецких авторов наравне с английскими, подчеркивает и так наз. немецкий тезис о виновности в войне англо-франко-русской Антанты и политики «Окружения» («Einkreisungspolitik») Германии, проводившейся королем Эдуардом VII. Но, не присоединяясь ни к английскому, ни к немецкому, официальному истолкованию причин войны, автор придумывает объяснение, имеющее за собой все достоинства «официальной» теории. В войне, как оказывается, не виновато ни одно из правительств; лишь небольшие националистские группы действовали с одинаковой целью начала войны в обеих странах (Англия и Германия). Правительства лишь обменивались уверениями в безграничной преданности и почтении; отношение англичан к Вильгельму II, Бюлову и Бетман-Гольвегу, по мысли автора, так же неправильно, как и отношение немцев к политике короля Эдуарда VII. Объяснение автора, поистине, замечательно удобно, но «не вполне» правильно. Скорее «отношение немцев к политике Эдуарда VII» так же правильно, как и «отношение англичан к политике Вильгельма II и других германских империалистов». Каждый видит сучок в глазу другого,—сучок, превышающий размеры иного бревна.

Таким образом, книга Фаррера интересна, не как «реабилитация» Германии, а как изложение фактов отношения английского национализма к Германии и будущей (тогда) войне.

И. Звавич.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Г. МЕЙЕР. Развитие экономических идей. *С. Членов.*—2. РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Накопление капитала. *М. Зелинман.*—3. Г. КУНОВ и Г. ЭКШТЕЙН. Изложение IV тома „Капитала" Карла Маркса. *А. Кон.*—4. В. САРАБЬЯНОВ. Промышленность. *А. Теснер.*—5. А. ЧЕКИН (В. Яроцкий). На родине кооперации. *Н. Мещеряков.*—6. Материалы местных совещаний областных конференций Народного Комиссариата Земледелия о весенней кампании 1922 г. *А. Бессер.*

Г. МЕЙЕР. Развитие экономических идей. Пер. с нем. Л. С. Зака. Центральн. Кооперативное Из-во «Мысль». Пет. 1923 г. Стр. 104.

Прежде всего, название книжки Мейера не отвечает ее содержанию. Она совсем не дает картины развития экономических идей, а только ряд отдельных, не связанных между собой очерков, относящихся к различным странам и эпохам, выбор которых диктовался соображениями, являющимися секретом автора.

Но это еще полбеды. Скверно то, что книжка Мейера на редкость бессодержа-

тельна, сентиментально-болтлива, пропитана самым беспардонным эклектизмом и изобилует ламентациями в духе наиболее вульгарного социал-реформизма и кооперативного прекраснодушия.

Книжка начинается введением, из которого читатель узнает множество интересных и поучительных вещей.

Так, например: «Реформация оставалась, главным образом, вследствие своего религиозно-политического характера, в рамках экономических воззрений римской церкви». После работ Макса Вебера, Вернера, Зомбарта, Г. Леви и других о влиянии протестантизма на развитие капитализма такая девственная неосведомленность прямо умилительна.

Очень недурны и такие перлы: «Если раньше совершенно упускали из виду физические свойства человеческого существа, то теперь, когда вдруг перед нами открылись все эти удивительные правильности экономической жизни, люди перестали ценить значение умственного фактора; распространилось убеждение, что можно учесть всю человеческую жизнь (то, что называют историей) в ее прошлом и будущем, если в точности знать ее экономические условия».

Можно догадаться, что эта блестящая характеристика относится к историческому материализму, хотя из контекста нельзя умозаключить, что именно имеет в виду автор.

Минуя целый ряд других «гениальных» мыслей, разбросанных на 7 страницах введения, мы предлагаем читателю решить что означает следующая тирада: «Такой ход развития признают все социальные страны, в том числе и оба главные течения: социализм и индивидуализм».

Впрочем, в русском переводе книжки Мейера нам не всегда удалось установить, не имея в руках подлинника, где кончается текст автора и начинается небрежность переводчика и самостийное творчество наборщика.

Первая глава называется «Культурные народы Востока». Занимает она 5 страниц, а содержание ее следующее: «Египтяне, вавилоняне, ассирийцы и пр. Евреи и первые христиане. Китайцы. Японцы».

О развитии экономических идей в этих странах мы не узнаем вообще ничего. А об Японии, напр., Г. Мейер сообщает буквально следующее: «Совершенно своеобразную картину представляет Япония, которая 30 лет тому назад одним ударом освободилась от тысячелетнего господства феодализма и сумела в короткое время стать на ряду с европейскими государствами, достигнув военного, политического и экономического развития».

Это буквально все. Больше ни слова.

Непосредственно за этой фразой начинается глава «Платон и его государство».

Она сравнительно терпима, хотя мы и узнаем из нее, что «Платон за две тысячи лет предвосхитил идеи Дарвина и Ницше».

Дальше идет очерк «об аграрном движении в древнем Риме», который представляет собой тщетную, хотя и героическую попытку дать на 7-ми страницах аграрную историю Рима от законов Лициния до Диоклетиана.

Затем следует довольно грамотное изложение утопии Томаса Мора, за которым идет плохой и бледный очерк о реформации и крестьянских войнах.

Его сменяет глава о Кольбере и меркантилистах, причем автор упорно игнорирует теорию и практику английского меркантилизма.

В этой главе совместное творчество автора, переводчика и наборщика опять дает изумительные результаты.

Так мы узнаем, что «расцвет торговли и промышленности повлек за собой гибель мелкого хозяйства (во Франции XVII века. *С. Ч.*), которое имело то преимущество, что его легко было учесть» (?!). —

Кольбер почему-то назван «баптистом» а кстати ему же приписан «навигационный акт» 1651 года. Общая характеристика меркантилизма—ниже всякой критики, зато много лестного внимания уделено Дж. Лоу. Из главы о нем мы узнаем что «на высшей ступени экономического развития индифферентный акционер уступает свое место кооператору, живо интересующемуся судьбами предприятия».

Очень поучительно также узнать, что «смелый проект Лоу об обеспечении банкнот не металлом, а всей совокупностью национального производства — теоретически правилен, ибо сумма продуктов страны представляет, конечно, несра

вненно бо́льшую ценность, чем запасы золота и серебра».

Дальше следуют 4 скучных и пустых страницы о физиократах Тюрго и Руссо. Чтобы читателю было над чем подумать, ему здесь, между прочим, сообщают, что «промышленность, сама по себе, ничего не создает, она изменяет только вещества, доставленные ей сельским хозяйством, городом, промыслом и т. д.».

Затем идет глава о промышленном перевороте и классической школе. Автор уделяет достаточно внимания Смиту и Мальтусу, давая довольно пространную вульгаризацию того и другого.

Зато о Рикардо, правда, сказано, что он самый видный теоретик классической школы, но изложению его учения почти не уделено места.

Из перлов отмечаем: «Торговля предполагает, прежде всего, производство товаров, а промышленная деятельность, в силу роста количества участвующих в ней лиц и прогрессивного увеличения вложенных в нее капиталов, все более отодвигается на задний план». Вот тебе и раз!

Еще мы узнаем попутно, что политическое развитие Англии за 500 лет «ничем не было нарушено», а потом нам открывают истинную причину экономических противоречий: «Несмотря на развитие средств сообщения, люди, в особенности бедные, менее подвижны, чем, напр., средства к существованию; поэтому (!) рядом с колоссальными богатствами может существовать самая ужасная нищета».

Недурно также открытие, что, «если бы железный закон заработной платы был верен, то из него с железной необходимостью вытекало бы вечное господство капитала над рабочим классом».

Следующая глава содержит до невыносимости плоское и невразумительное изложение взглядов Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

Здесь Г. Мейер сообщает нам, кстати, следующее: «Основное различие между англичанином Оуэном и французом Фурье заключается в их темпераменте, в понимании цели жизни. Идеал Фурье—высокие жизненные наслаждения, идеал Оуэна—христианское отречение; Фурье—эпикуреец, Оуэн—аскет». Бедные читатели!

Последняя глава называется «Прудон и современные народные хозяйства». Здесь есть «кое-что обо всем», в частности, даже полстраницы вздора о Марксе. Больше о Марксе в этой книжке ничего нет, как нет ни звука о Родбертусе, о Сисмонди, об исторической и австрийской школе и других несущественных вещах.

Зато мы узнаем, что «предпринимательская прибыль (видимо, в Германии) едва ли достигает 500 миллионов франков в год».

Но настоящий золотой дождь открытий изливается на читателя на последних страницах Мейера.

О трестах и синдикатах: «Эти гигантские союзы, вероятно, погибнут от собственного эгоизма, но они являются путеводной звездой для объединения и примирения интересов».

О революции 48-го года: «Февральскую революцию в Париже произвели в огромном большинстве не пролетарии, а—в соответствии с общим характером парижской промышленности—промышленные рабочие».

О Марксе и Прудоне: «В сущности обе доктрины друг друга дополняют: стремясь к обобществлению средств производства, люди раскалываются на борющиеся классы, а организация потребления, захватывая интересы всех, снова сводит их вместе для общей деятельности».

И наконец: «Только под защитой свободы и беспартийности (!) может нормально развиваться кооперативное и профессиональное движение».

Плохая и вредная книжка, на чтение которой не стоит тратить времени.

С. Членов.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса. (Антикритика). Перевод Ш. Двойлацкого. Госиздат. 1922 г. Стр. 108.

Розу Люксембург не даром считали мозгом рабочего класса, потому что во всех ее произведениях сквозит в каждой строчке революционная мысль марксиста. Этой мыслью проникнута лежащая перед нами книга покойной Розы

которая со всей силой своего глубокого ума обрушилась на реформистов, облачающихся красной тогой «марксизма».

«Что эпигоны сделали из теории Маркса» является исчерпывающим ответом на критику, с которой Гильфердинг, Экштейн, Паннекук и в особенности Отто Бауэр обратились в 1913 г. к читающей марксистской публике, чтобы разоблачить «еретическое» писание Розы Люксембург относительно накопления капитала, изложенного ею в книге под таким же названием («Накопление капитала»).

Этот ответ своим противникам тов. Люксембург пришлось писать в тюрьме, как отмечается в предисловии к немецкому изданию, и понятно, что это оставило некоторый след на работе узницы, которая, вследствие тюремного режима, особо сурового в кайзеровской Германии во время войны, не могла иметь в своем распоряжении всего того, чем она могла бы пользоваться на воле. Но, тем не менее, ее труд по ясности изложения и логике доводов до того сильно бьет по реформистской теории накопления, что эту работу можно смело рекомендовать, как одну из серьезных по этому вопросу работ.

Главная и большая часть книги посвящена полемике с Отто Бауэром, который, желая «спасать» Маркса от «ереси» Розы Люксембург, изложил на страницах центрального теоретического органа «Neue Zeit» целую теорию о накоплении капитала и в связи с этим теорию народонаселения. Роза Люксембург разбивает эти теории, замечая, что эпигоны, «защищающие» Маркса, «изучали буквы, формулы, «схемы», но не заметили духа» (стр. 33), которым проникнуто Марксово учение. Тем «спецам» от марксизма, которые пытались доказать, что Роза Люксембург не понимает Марксовых схем накопления, она бросает: «С принятием точки зрения «специалистов», социализм, как конечная цель, перестает быть исторической необходимостью, как империализм—его подготовительной стадией».

Разбираемая книга с точки зрения содержания полезна и, несмотря на свой полемический характер, не лишена интереса для сегодняшнего дня, потому что автор на всем протяжении книги придерживается метода того марксизма, каким она его понимает. А именно: «Марксизм—революционное миросозерцание, которое должно постоянно бороться за новые достижения в области познания, которое ничего не презирает так, как закостенение в раз навсегда данных формах, которое с наибольшим успехом черпает свою живую силу из идейной борьбы самокритики и в исторической борьбе».

Что касается техники издания перевода, то мы считаем нужным отметить, что перевод сделан удовлетворительно, за исключением встречающихся иногда не вполне понятных выражений, как, например, фраза: «Так вот что пуделя зерно» (стр. 59). Что это значит по-русски, обыкновенному смертному неизвестно. Но, может-быть, это—опечатка, которых не мало в книге. Но самый главный технический недостаток, даже больше—изъян, обесценивающий всю книгу, это то, что при брошюровке пропущено с 17 по 32 стр., зато в виде компенсации заброшюровано два раза от 33 по 48 стр. включительно. Быть-может, такие экземпляры, какой нам попался, «редкостны», но желательно, чтобы такие «редкие экземпляры» исчезли совершенно в нашей работе. Можно также пожалеть, что книга выпущена без соответствующего введения в виде предисловия к русскому изданию, что на много облегчило бы усвоение сути книги, особенно для молодых марксистов.

М. Зеликман.

Г. КУНОВ и Г. ЭКШТЕЙН. Изложение IV тома «Капитала» Карла Маркса: «Теория прибавочной ценности». Харьковское кооперативное издательство «Пролетарий». Харьков, 1923 г. Стр. 59.

Книга состоит из двух статей, уже известных русскому читателю. Статья Генриха Кунова «Теории прибавочной стоимости (до Смита)» появилась впервые на немецком языке в «Neue Zeit» 1904/05 г. I. Статья Густава Экштейна «Рикардо в критическом освещении Маркса» — в «Neue Zeit» 1905/06 г. II. На русском же языке обе статьи были изданы впервые в один из «свободных» годов, последовавших за революцией 1905 г. в виде

отдельного выпуска и совсем недавно (весной 1922 г.) появились в новом переводе вторично в сборнике «Основные проблемы политической экономии», вышедшем под редакцией Ш. Двойлацкого и Н. Рубина. По своему характеру статьи эти вовсе не являются изложением великого труда Маркса «Теории прибавочной стоимости». Они представляют лишь *рецензии* на указанную работу. Сами авторы, как видно по всему, вовсе не предназначали своих статей для популяризаторских или учебных целей, и поэтому между изобретенным издателями названием книги и ее содержанием создалась определенная невязка. Изложение «Теорий прибавочной стоимости» может преследовать одну из двух целей, которыми всецело определяется метод его построения. Если имеется в виду ознакомить читателя с работой Маркса, как таковой, необходимо прежде всего четко передать изящное построение Маркса, не стремившегося (вопреки мнению О. Бауэра) дать в своей работе историю экономической науки, но старавшегося лишь показать, что его теория является синтезом всех предшествовавших экономических учений и соответственно строившего свой труд по «трехъэтажной триаде»[1]). Если же имеется в виду с учебной целью передать содержащийся в работе Маркса материал по истории экономических учений, следует, не стесняясь формой построения оригинала, развернуть изложение истории политической экономии на фоне развития хозяйства.

Как уже сказано, авторы не ставили перед собой ни одной из указанных целей. Поэтому они дали голый очерк развития экономической мысли вне связи с развитием хозяйственных форм.

Получилось, что называется, «ни то, ни се». С одной стороны, авторы отступили от Марксова метода изложения, с другой—они не дали и истории экономической науки.

Если такое изложение, до известной степени, оправдывалось целью статей, когда они появились на страницах «Neue Zeit» в качестве рецензий, то с того момента, когда русское издательство выпустило их в виде отдельного сборника под столь обязывающим заголовком, очевидно, желая превратить их в учебное руководство, получилось острое несоответствие между этим заголовком ,с одной стороны, и содержанием книги, а также методом ее построения — с другой.

Этот основной недостаток рассматриваемой нами книги, остро бьющий в глаза, был, очевидно, замечен и самим издателем. Статье Кунова сопутствуют подстрочные примечания некоего К. Ч. К., подгоняющие под каждую экономическую школу, упоминаемую Куновым, историко-хозяйственный базис. Эти примечания могли бы, конечно, до известной степени, заполнить пробелы книги, превратив их в нечто напоминающее краткий учебник истории экономических учений. Однако, этими примечаниями снабжена не вся книга, а только статья Кунова и то лишь до Адама Смита. Кроме того, эти примечания составлены не вполне грамотно. Здесь можно найти поистине замечательные перлы. Так, из разъяснений К. Ч. К. мы узнаем, что сэр Вилльям Петти, живший с 1623 по 1687 г., т.-е. за 100 лет до изобретения парового двигателя, дал «*совершенно* правильный анализ ценности»; что современник Карла I, Джемс Гаррингтон, был... близок к историческому материализму; что меркантилизм отрицал лишь абсолютную прибавочную стоимость, относительную же прибавочную стоимость вполне признавал [1]).

Таким образом, указанный пробел книжки не может быть заполнен примечаниями К. Ч. К. Книга не приобретает самостоятельного значения. Она может найти употребление только в качестве конспекта, при изучении оригинала, т.-е. в том случае, если ей будет отве-

[1]) Примером такого изложения может служить статья Отто Бауэра «Теории прибавочной стоимости» в «Kampf'е» за 1909/10.

[1]) Так К. Ч. К. истолковал слова Маркса: «Для меркантильной системы прибавочная ценность только относительна: что выигрывает один, то теряет другой». Ясно, что Маркс говорит не об относительной прибавочной стоимости, а об относительности прибавочной стоимости в глазах меркантилистов.

дено то место, которое предназначали ей ее авторы.

Впрочем, даже при выполнении книгой этой функции, возможны некоторые недоразумения. Дело в том, что сами авторы подчас уклоняются от правильного толкования Маркса.

Так, Кунов определенно напутал в толковании понятия «производительный труд». В результате 8-ми страниц путаницы, он пришел к заключению, что «труд клоуна, находящегося на службе у своего директора, откалывающего пошлые шутки и этим доставляющего ему барыш, несомненно, «производителен». К такому печальному выводу Кунов приходит, очевидно, потому, что берет признаком производительного труда не *создание прибавочной стоимости*, подобно Марксу, а *извлечение прибыли*, подобно меркантилистам, вульгарным экономистам и... А. Богданову.

Совершенно непонятно, почему Кунов позволяет себе вслед за Марксом издеваться над вульгарными экономистами, считающими производительным «труд» проститутки. Будучи последовательным, Кунов должен был и сам прийти к подобным вульгарным выводам—и уже пришел, как видно из приведенной выдержки.

Экштейн в теории стоимости придерживается так наз. «экономической» версии, лишающей меновое общество регулятора производства, ведущей свое происхождение (через Лассаля) от Прудона и Ротбертуса и приводящей (через Петра Маслова и Тугана-Барановского) к Менгеру и Бем-Баверку.

В заключение нужно сказать, что и перевод рассматриваемой книги сильно уступает переводу тех же статей в сборнике «Основные проблемы политической экономии». Это можно видеть из последней выдержки, где «пошлые шутки» вместо клоуна откалывает его директор. Впрочем, может-быть, такой перевод не лишен остроумия.

Александр Кон.

Вл. САРАБЬЯНОВ. Промышленность. Сборник материалов. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1923 г. Стр. 98.

Настоящая брошюра состоит из трех частей. В первой части излагается в очень сжатом виде ход развития форм управления промышленностью, начиная с момента Октябрьской революции, в эпоху военного коммунизма, в переходный период и, наконец, при проведении новой экономической политики,—с характеристикой основных задач, стоящих перед промышленностью, в каждый из этих периодов. В этой части приведены также выдержки из основных декретов, намечавших изменения в управлении промышленностью, и текст примерного устава о трестировании предприятий.

Во второй части—«Стадии нашего хозяйственного развития и состояние советской экономики»—автор вначале приводит сведения о довоенном состоянии промышленности и на основании ряда цифровых данных показывает, какое разрушение в главных отраслях промышленности произвела империалистическая и гражданская война.

Остановившись на состоянии промышленности в годы СЭП'а и отметив неуклонное падение производительности за это время, автор переходит к разбору состояния промышленности в условиях НЭП'а и на ряде примеров показывает, что уже первые месяцы новой формы управления дают почти всюду увеличение производительности предприятий вместе с значительным поднятием производительности труда.

Отдельные главы посвящены автором характеристике мелкой промышленности, роль которой он считает очень важной на долгий передышечный период, и вопросам электрификации промышленности и природным богатствам России.

В третьей части автор приводит данные о состоянии главных отраслей промышленности в отдельности, при чем все отчеты составлены по одной схеме: состояние данной отрасли промышленности до войны, производство в 1918—1921 гг.-главные причины упадка и главные нужды данной отрасли, перспективы на ближайшее будущее.

Кроме многочисленных таблиц и сводок, помещенных в сборнике и взятых автором из специальной литературы и журнальных статей, в конце каждой главы указана главнейшая литература по данному вопросу, что особенно ценно в настоящее время, принимая во внимание разбросанность всего этого материала.

Несомненно, брошюра В. Сарабьянова является очень ценной для всякого, кому необходимо быстро ориентироваться в разных вопросах, касающихся состояния промышленности за последние годы, так как благодаря сжатости формы она заключает в себе максимум фактического материала, который можно уложить в таком небольшом объеме.

Инж. А. Теснер.

А. ЧЕКИН (В. Яроцкий). На родине кооперации. Изд. «Красная Новь». (Главполитпросвет). Москва. 1923 г. Стр. 54.

Быстрый рост русской кооперации в связи с той тяжелой обстановкой (империалистическая, а потом гражданская война, блокада, безтоварье, слабость оборотного капитала и т. п.), в которой она развивалась и развивается, привел к тому, чо наши кооперативы превращаются, главным образом (чуть не исключительно), в чисто торговые предприятия. Внутренняя связь члена кооператива с его обществом у нас очень слаба. У нас очень слаб тот «кооперативный дух», которым так сильно проникнуты кооперативы Западной Европы.

Это и хорошо и плохо. Хорошо—потому, что этот «дух», развившись черезчур сильно, превращается часто в так называемый «кооперативизм», в чрезмерную переоценку роли кооперации, в так называемый «кооперативный кретинизм». Кооператоры, страдающие этим пороком, упускают из вида роль и значение других рабочих организаций (политической партии, профес. союзов) и начинают думать, что кооперация все может сделать одна, что она может одними своими силами победить капитализм. Чрезмерно развитой «кооперативной дух» замыкает рабочих - кооператоров в рамки их общества, отрывая эту сторону их жизни от всей совокупности жизни рабочего класса. Чрезмерное развитие «кооперативного духа» заражает часто реформизмом и другие формы рабочего движения.

Но плохо и полное отсутствие кооперативной идеологии, ибо при этом исчезают все духовные связи между кооперативом и его членами; их отношение к обществу становится черезчур формально-равнодушным. Сверх того, кооперация не использовывается при этом в полной мере рабочим классом для поддержки его борьбы в других формах движения.

Тов. Чекин в свое брошюре рисует работу некоторых рядовых потребительских обществ Англии и Общества оптовых закупок. Он обращает усиленно внимание читателей на этот «кооперативный дух» и на умелую постановку дела. Его брошюру нужно признать полезной, поскольку она напоминает нам о том, что черезчур забыто нами и упускается из вида ко вреду для дела.

Но, с другой стороны, т. Чекин недостаточно энергично и выпукло указывает на недостатки и ограниченность старой кооперативной идеологии, недостаточно указывает на социал-предательский характер старой кооперативной идеологии, против которого начинается теперь такая энергичная борьба со стороны коммунистов-кооператоров. Слишком все «добро зело» в английской кооперации, как ее изображает т. Чекин. Он совершает такую же ошибку, какую совершил бы тот, кто стал бы чрезмерно хвалить старые профессиональные союзы в настоящее время, очень мало говоря о вредном влиянии социал-соглашательства, которым они проникнуты. А ведь кооперация находится на крайнем правом фланге рабочего движения. Даже старые идеологи старой кооперации чувствуют банкротство ее старых «рочдельских» принципов (напр., К. Реннер и другие). А в брошюре т. Чекина совершенно не чувствуется дух новой революционной кооперации. Это составляет очень крупный недостаток брошюры.

Популярные книжки по кооперации очень нужны, и брошюра т. Чекина может стать одной из таковых. Но для этого автор должен ее основательно и в кор-

не переработать, вдумавшись в ту критику старой кооперации. которая была выявлена в резолюциях III и IV конгрессов Коминтерна по вопросу о кооперации, а также в докладах, прениях и резолюциях первой международной конференции коммунистов-кооператоров, состоявшейся в Москве в начале ноября 1922 года. В непереработанном же виде брошюра т. Чекина дает неверное понятие о западно-европейской кооперации, а потому скорее вредна, чем полезна.

Н. Мещеряков.

МАТЕРИАЛЫ МЕСТНЫХ СОВЕЩАНИЙ областных конференций Народного Комиссариата Земледелия о весенней кампании 1922 г. Редакционно-Издательский Комитет Н. К. З. Москва. 1923 г. Стр. 341.

Для установления связи с местными работниками, для обсуждения текущей работы и для подведения предварительных итогов проведенной весенней с.-х. кампании, Н.К.З. были созданы в течение июня минувшего года областные земельные конференции в Москве, Самаре, Петрограде (Северо-Западная область), Екатеринбурге (Уральская область), в Ростове-на Дону (губернии северного Кавказа) и Ново-Николаевске (губернии Сибири).

Материалы, полученные на конференциях, дают возможность ориентироваться не только в итогах произведенной работы, но и наметить ближайшие перспективы по восстановлению сельского хозяйства в республике.

В то время, как в 1921 г. вся работа была сосредоточена на помощи крестьянскому населению семенами, на организации ремонта сельско-хоз. орудий, в 1922 г. указанные выше мероприятия имели место в губерниях, пораженных засухой 1921 г., в губерниях же, благополучных по урожаю в 1921 году, все силы были направлены, главным образом, на общественно-политическую, агитационную работу и на агрономическую пропаганду в крестьянской массе.

Организационная деятельность посевкампании началась с создания губернских и уездных сел.-хоз. комитетов и их местных ячеек—селькомов, но, к сожалению, работа их вялая, и они пока не проявили какой-либо инициативы.

Для проведения с.-х. кампании потребовалась мобилизация агитационных сил, кадр которых состоял из партийных и профессиональных работников, каковых по 47 губерниям было собрано около 4.500; в это число входят работники и для выполнения семенных нарядов и для работы постоянной и кратковременной.

В целом ряде губерний, помимо курсов для политработников, с задачей подготовить необходимый кадр для проведения кампании, были организованы курсы для населения с целью распространения элементарных агрономических знаний и специальные курсы для подготовки землеустроительного персонала из числа самого населения.

Большою популярностью пользовались курсы по ликвидации сельск.-хоз. безграмотности, беседы, лекции, проводимые агрономическим персоналом непосредственно в селениях; повышенный интерес проявлялся в чрезвычайно внимательном отношении к ним слушателей и в ярко выраженном стремлении крестьянского населения заполучить агронома в свое село или деревню. Печатная пропаганда велась путем издания и распространения популярной сельско-хоз. литературы. Большое внимание уделялось ознакомлению населения с новым земельным законодательством, издавались особые брошюры—постановления 9-го Съезда Советов о новом законе, о трудовом землепользовании и проч.

Особое место среди агрономических мероприятий занимает пропаганда раннего пара, проводимая с большим успехом повсеместно в форме широкой агитационной кампании. Этот вопрос был обсуждаем всюду на съездах и кооперациях и был темою множества лекций и бесед; под руководством некоторых земорганов при агробазах, в совхозах и отдельных хозяйствах были заложены показательные участки для производства учета результатов.

Несмотря на ряд препятствий при осуществлении снабжения семенами (разруха транспорта, запоздание прибытия транспортов семян из-за границы), тем не менее, план снабжения выполнен

в размере 97,7%, и отчеты голодных губерний показывают, что посев в них был произведен преимущественно семенами, полученными от государства, и только по Царицынской и Астраханской губерниям и в Немкоммуне само население располагало небольшим количеством своих семян. Точных статистических данных о размерах ярового клина не имеется. В отчетах приведены предположения местных земельных органов о размере посевной площади, полученные из разных источников; из этих данных усматривается дальнейшее сокращение этой площади в 1922 году по сравнению с 1921 г., примерно, до 15%, хотя в центральной, северной и западной части республики наблюдается уже определенная тенденция к расширению посевной площади.

Из отдельных мероприятий можно указать на отрадное явление увеличения посевной площади льна.

По данным Ярославского Губземуправления, площадь задания льна в 1922 г. увеличена против площади 1921 г. на 150%, т.-е. 9.000 десятин, и эта цифра выполнена полностью. Ныне мы уже знаем и результаты: по данным ЦСУ засеяно было в 1922 году 400.000 десятин и собрано около 8.000.000 пудов льна. Остаток от прежних лет составляет, примерно, 5.000.000 пудов и за вычетом 3—5 мил. пудов, необходимых для внутреннего потребления, можно вывезти за границу около 7—10 миллионов пудов. Уже теперь появление на рынке крупных партий русского льна создало конкуренцию, вследствие чего понизилась площадь заграничного льносеяния.

В некоторых центральных губерниях замечается стремление восполнить недостатки кормов введением культур однолетних кормовых трав, а также распространение корнеплодов и значительное увеличение площади под картофелем.

По сравнению с 1921 годом работа в области борьбы с вредителями сельского хозяйства протекала гораздо успешнее; так, в Саратовской губернии шестью отрядами очищено до 15.000 десятин садово-огородной, в Самарской—защищено посевов от саранчевых 14.000 десятин. Метод единого фронта борьбы с саранчей в Юго-Восточной области оправдал свое назначение и при сравнительно достаточном наличии инсекто-фунгисидов и опрыскивателей удалось уничтожить ее во втором и третьем возрасте, т.-е. не допущено до ее полного оживления и движения. Мероприятия в области мелиорации чаще всего носили характер подготовительно-организационных работ и по составлению мелиоративных товариществ.

В Сибири в зимнем периоде велись проектные работы по расчистке реки Ик, по устройству корчевальных машин и чигирей, по составлению плана изысканий в целях осушения заболоченных земель в даче Листвякиной, Тарского уезда; в Самарской губернии произведены обследования и изыскания в 12 хозяйствах на общей площади 7.060 десятин, при чем выяснено, что площадь, могущая быть мелиорированной (орошенной), достигает тысячи десятин; в Саратовской губернии крупные мелиоративные работы велись на площади в 1.560 десятин и состояли в ремонте валов, на Чертанлинском орошенном участке, Новоузенского уезда, в ремонте оросительных сетей в Коростынском орошаемом участке и в совхозах Орликинском и Неткачевском, Камышинского уезда, в охране сооружений при проходе весенних вод на некоторых орошаемых участках и проч.

Таковы в общих чертах итоги проделанной в течение весны минувшего года работы в области борьбы с разрухой на сельско-хозяйственном фронте по материалам местных совещаний Областных конференций Н. К. З.

А. А. Бессер.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

1. П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. Принципы организации. *А. Теснер.* — 2. I. Н. А. РЫНИН. Воздушные сообщения. III Н. А. РЫНИН. Экономика и техника аэротранспорта. *В. Цыгульский.*— 3. Бумажная промышленность. Том I. Вып. I. *И. Траубенберг.* — 4. Н. И. ТРУШКОВ. Экспертиза и оценка рудных месторождений. *В. А. Обручев.*—5. I. Геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна. II. Карта важнейших месторождений полезных ископаемых Европейской России. III. Карта важнейших месторождений полезных ископаемых Азиатской России. IV. Указатель к картам важнейших месторождений полезных ископаемых Европейской и Азиатской России. V. А. ГЕРАСИМОВ. Селитроносные известняки Турона в бассейнах Кубани, Кумы и Малки (Северный Кавказ). VI. А. А. ГАПЕЕВ. Карагандинское каменноугольное месторождение. VII. М. Д. ЗАЛЕССКИЙ. Палеозойская флора Ангарской серии. *С. Обручев.*

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. Принципы организации. Петроград. Государственное Издательство. 1922 г. Стр. 144.

Цель настоящей работы, по заявлению автора,—дать сжатое практическое руководство для рядовых организаторов, в какой бы области они ни работали, и нужно отдать справедливость автору, что его книга очень удачно заполняет существующий в этом отношении пробел в русской литературе.

Простота и ясность изложения, удачное распределение материала, обилие примеров, взятых из всем известной практики наших учреждений, и указание на присущие им недостатки и неудобства сравнительно с укоренившейся на Западе практикой делают эту книгу доступной и интересной для самого широкого круга читателей.

Не только лица, призванные к организации крупного дела, найдут здесь ряд интересных указаний, как подойти к решению разных организационных вопросов, но и всякий рядовой работник, изо дня в день делающий свою часто однообразную работу, может в этой книге найти толчок к упрощению и облегчению своей работы и к увеличению ее производительности.

Вся книга разбита на 8 глав. В первой главе автор разбирает элементы организации и останавливается на значении организационного плана. Во второй главе—о целях организации—особенно подчеркивается необходимость прежде всего правильно найти и точно формулировать очередную цель работы. Третья глава посвящена вопросу о разных типах организации, в четвертой разбираются организационные методы, т.-е. те методы, при помощи которых организационные планы осуществляются в жизни: здесь разбирается вопрос об инструктировании сотрудников, об организации заново и реорганизации, о ведении переговоров, об учете и контроле. Пятая глава посвящена вопросам о подборе работников, об испытании и использовании людей и о дисциплине.

Шестая глава занята вопросом о технических условиях организации, о значении целесообразного выбора места, орудий и материалов и о правильном использовании времени, против чего, особенно грешат у нас, в России.

Седьмая глава посвящена вопросу о стандартизации как продуктов производства и отдельных частей их, так и приемов работы. Наконец, в последней главе автор останавливается на применении организационных принципов на практике, а именно на организации фабрики и учреждений и на вопросе о применении организационных принципов к отдельному человеку.

Конечно, по всем этим вопросам автор, в соответствии с целью данной книги, касается лишь самых основных особенностей данной организационной работы, отсылая лиц, интересующихся отдельными вопросами, напр., организацией фабрик, к более подробным специальным работам.

Надо пожелать, чтобы настоящая книга получила самое широкое распростра-

нение, т. к., несомненно, знакомство с ней может принести пользу всякому, независимо от поста, который он занимает, и от рода предприятия, в котором он работает.

К тому же книга благодаря живости изложения и обилию материала, взятого из заграничной практики и у нас мало известного, читается очень легко и с большим интересом.

Инж. А. Теснер.

РЫНИН, Н. А. Воздушные сообщения. Часть I. История воздушных сообщений и сравнение их с земными. Петербург. 1922 г. Издание В. Т. К. НКПС (стр. 121, черт. 116).

РЫНИН, Н. А. Экономика и техника аэротранспорта. Петербург, 1922 г. Издание «Академия» (стр. 243, черт. 51).

Чарующая сказка о волшебном ковре-самолете стала явью, извечная мечта человечества—научиться летать осуществилась: человек завоевал, наконец, и воздушную стихию—и стал летать. Ему в этом не давалось до самого последнего времени начало, первый шаг, а затем он стал итти гигантскими шагами вперед по пути полного завоевания воздуха. Еще 20 лет не прошло с тех пор, как бр. Райт в Америке впервые на земле осуществили правильный замкнутый полет в 1 километр протяжением на механическом управляемом аппарате тяжелее воздуха (1904 г.); а теперь уже аэропланы летают без спуска тысячи верст, напр., через Атлантический океан, достигают скорости свыше 300 верст в час и поднимают десятки пассажиров, предоставляя им полный комфорт. Дирижабли же, т.-е. управляемые аппараты, легче воздуха, могут летать уже на 10 и более тысяч верст без спуска и поднимать сотни пассажиров с еще бо́льшим комфо́ртом. В культурных странах Старого и Нового Света аэроплан стал воздушным автомобилем: там заурядны путешествия в воздушных лимузинах целыми семьями, горожане летают после службы из города к себе на дачу, популярные врачи держат или нанимают самолеты для посещения своих загородных и отдаленных пациентов, и т. д. Нечего и говорить о том, что там установлены целые сети государственных и частно-коммерческих воздушных линий, на которых совершаются правильные пассажирские и почтовые сообщения.

Мы, россияне, жестоко отстали в этом отношении. Империалистическая и гражданская войны, опустошив всю страну, не могли не сказаться разрушительно и на нашей авиации, а последующая блокада и изоляция России задержали весьма сильно возрождение и развитие нашего воздухоплавания. Между тем *Россия, обладая огромным протяжением суши на земном шаре, может и безусловно будет играть величайшую роль в аэротранспорте как международном, так и внутреннем.*

Надо ли пояснять положение нашей литературы по данному вопросу: она крайне бедна и немногочисленна. Поэтому появление означенных в заголовке трудов является весьма назревшим и должно быть приветствуемо.

Оба труда рассматриваются самим автором, как две части одного целого: «Воздушные сообщения»,—хотя второй труд издан самостоятельным сочинением, без наименования 2-й частью. Следуя мысли автора, упомянем о каждой части отдельно.

Первая книга разделена всего на 2 главы. В первой главе сравниваются 3 основных способа передвижения человека: сухопутный, водный и воздушный. Приводится весьма интересная таблица скоростей передвижения свыше 80 разных живых существ, механизмов и космических тел, а также таблицы о потребной мощности на 1 тонну полного и полезного веса при 31 разных двигателях.

В главе второй излагается история последовательного развития аэропланов и дирижаблей, описание многих замечательных полетов, проекты разных заграничных аэролиний, а также проекты воздушных сообщений в России.

Об этой книге следует сказать, что изложена она достаточно просто и ясно и читается с большим интересом, поэтому пригодна не только, как курс для лиц, специально изучающих предмет, но и для всех, желающих ознакомиться с ним.

Однако, в редакционном и особенно типографском отношении книга издана неудовлетворительно: нет оглавления, мало вообще в книге разделов и заголовков, неудобно изданы чертежи вследствие помещения их на больших листах, что затрудняет пользование ими при чтении; бумага весьма плохого качества, отчего книга имеет недостаточно опрятный вид; наконец, на обложке указано приложение о факультете воздушных сообщений, а фактически такого приложения не имеется. Все это не умаляет достоинства содержания книги, но является досадным веешним недостатком.

—*Вторая книга* разделена на 11 глав. В главах 1—4 приводятся общие сведения об аэрокораблях, подробности об аэропланах и дирижаблях и некоторые расчеты для них. Следует отметить отсутствие хотя бы краткого изложения отличительных особенностей воздушных моторов вообще и разных систем их в частности; это делает значительный пробел в представлении об аэрокораблях в целом. В этом смысле было бы полезно дать также понятие о теоретических соображениях для проектирования всего аппарата, а не только тяговые расчеты его, или исключить совсем последние, как одностороннее освещение дела.

В главе 5 излагаются понятия об аэролиниях и аэробазах и об их оборудовании.

В главах 6 и 7 приводится описание замечательных перелетов и рекордов. По существу эти две главы было бы более уместно поместить в I книге; от этого выиграла бы цельность и последовательность изложения.

В главах 8—11 излагаются соображения о технической и коммерческой организации воздушных сообщений, приводятся подробные описания существующих уже примеров и многих проектов в этом отношении, а также сравнение аэропланов и дирижаблей между собой.

По поводу второй книги можно сказать в отношении общего изложения и содержания то же, что по первой книге, но в отношении редакционном и типографском эта книга издана значительно лучше первой: внешность опрятная, бумага лучше; очень плохо изданы только чертежи, еще хуже, чем в первой книге, так как помещены на вдвое большем листе, заполненном с обеих сторон, что делает чрезвычайно неудобным пользование им.

В заключение, оставляя в стороне указанные, в большинстве чисто внешние, недостатки рассматриваемых книг, следует признать последние крупным вкладом в нашу бедную аэротранспортную литературу и пожелать автору их успеха в продолжении его трудов в том же направлении.

Инж. В. Цыгульский.

БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Том I, Вып. I. Москва. Июль—август. 1922 г.

На состоявшемся в феврале 1922 г. съезде технических и экономических работников писчебумажной промышленности был избран постоянный Технико-Экономический Совет Съездов Бумажной Промышленности, одной из задач которого является объединение работников бумажной промышленности России в плоскости технических и экономических вопросов. Совет подотчетен Съезду, который избирает его персональный состав и дает общее направление работе Совета в деле содействия улучшению и развитию русской бумажной промышленности. «Бумажная Промышленность»—орган Технико-Экономического Совета Съездов Бумажной Промышленности, выходящий 6 раз в год.

Из содержащегося в этом выпуске материала отметим прежде всего статью Ф. Боброва «Этюды по механической технологии бумаги», которая составляет введение теоретического характера к ряду очерков по теории механической технологии бумажного производства, которые автор предполагает опубликовать на страницах журнала. В основу этюдов автором положена рабочая гипотеза, заключающаяся в идее обратимой эквивалентности энергии и поверхности. Значение этой гипотезы автор видит в том, что понятие поверхности является практически более легким, чем понятие энергии. Автор полагает, что подобно механическому эквиваленту теплоты, со вре-

менем будет установлен геометрический эквивалент работы. Для подтверждения правильности своей идеи об обратимой эквивалентности энергии и поверхности автор пользуется теоретическими выкладками. Для экспериментальной проверки требуется прежде всего накопление опытных данных о скорости размельчения материалов (развертывании скрытой поверхности) на машинах и измельчителях разных конструкций.

В статье «Влияние солнечного света на растительную проклейку бумаги» Л. П. Жеребов сообщает о своих опытах по исследованию вопроса о причинах потери клейности бумагой, проклеенной канифольным клеем. Опытным путем автор устанавливает зависимость этого явления от влияния света, особенно его фиолетовых и синих лучей. На основании результатов своих опытов, автор, вместе с тем, высказывает взгляд, что при проклейке имеет место не закупоривание пор бумаги смолою, а превращение открытых пор бумаги из капиллярных в антикапиллярные, по выражению автора, вследствие обволакивания поверхности волокон тонким слоем смолы. Ряду вопросов, связанных с исследуемым явлением, в том числе и вопросу об участии в нем кислорода воздуха, автор обещает посвятить особую статью. С своей стороны заметим, что участие кислорода весьма вероятно, принимая во внимание легкую окисляемость смоляных кислот, о которой мы знаем из работ Фариона и других авторов.

В статье Я. Г. Хинчина «К вопросу о статистических данных в бумажной промышленности» приводятся цифры, относящиеся к мировому производству бумаги и картона за последние годы. Мы ограничимся здесь только следующими, на наш взгляд, особенно интересными цифрами в тысячах тонн производимой бумаги, относящимися к 1913 и 1920 годам:

Германия	1610	1060
Англия	922	(650
Франция	725	(500)
Финляндия	225	162
Россия	338	31
С.-А. Соед. Шт.	3389	5020
Канада	341	1050

Цифры в скобках—предположительные.

По данным 1921 года, выработка в Соед. Шт. бумаги и картона за этот год уменьшилась, сравнительно с 1920 г., приблизительно на 27%.

Интересные данные, относящиеся к русской бумажной промышленности в 1921 г., находим в статье И. А. Никитина. В 1921 г. бо́льшую или меньшую часть года в ходу было 55 бумажных фабрик, что составляет 63% *общего числа фабрик России*. Из имеющихся на работавших фабриках 109 самочерпок (писчебумажных машин) работало 67. Следовательно, оборудование фабрик было занято на 61,4%. Однако, использование этого оборудования было еще меньше вследствие перерывов в работе, главным образом, вследствие несвоевременного получения топлива, а отчасти и из-за недостатка сырья и сукон и чулков для писчебумажных машин. Обращает внимание падение производства целлюлозы вследствие изношенности оборудования единственного целлюлозного завода и запоздания прибытия нового оборудования из-за границы.

Отдел журнала «Из заграничной литературы» содержит интересные статьи о применении хлора для производства целлюлозы. В этом же отделе имеется перевод статьи инж. Bouvier о расчете расхода силы в массных ролах.

В отделе «Исследования бумаг и материалов» помещена статья М. О. Воловника о результатах сравнительного испытания на Гос. Бум. Исп. Станции бумаги Окуловской и Троицко-Кондровской фабрик,—двух крупнейших бумажных фабрик России.

В отделе «Проф.-Техн. Образования» статьи Ф. Боброва и С. Кеслера знакомят с деятельностью и задачами высших курсов для подготовки инженеров-специалистов в области бумажной промышленности и со школой инструкторов при Полотняно-заводской писчебумажной фабрике.

Отдел «Разные известия» содержит, главным образом, сведения из заграничных периодических изданий.

В журнале имеется и официальная часть, содержащая, между прочим, подробные протоколы заседаний Т. Э. С. и его секций.

В общем первый номер журнала отличается содержательным и интересным материалом, и тем более досадна задержка в выходе в свет дальнейших номеров.

Проф. И. К. Траубенберг.

Н. И. ТРУШКОВ. Экспертиза и оценка рудных месторождений. Прил. к № 10 «Горному Журналу». Москва. 1922. Стр. 77 с 31 рисунками.

В практике многих геологов и горных инженеров встречаются случаи, когда им приходится оценивать какое-либо рудное месторождение с точки зрения его выгодности для разработки. Такие случаи представляются не только тогда, когда месторождение, только что найденное и едва разведанное, или хорошо разведанное, или, наконец, разрабатываемое более или менее продолжительное время, предлагается для покупки или взятия в аренду,— но и тогда, когда владельцу горного предприятия, безразлично — частному лицу, акционерному обществу или государству — необходимо выяснить, заслуживает ли месторождение разработки вообще или в дальнейшем, какие оно содержит еще запасы руды, стоит ли углублять старые шахты или проводить новые, заменять устаревшие машины более совершенными, вводить обогащение руд в виду начавшегося обеднения их и т. п. Тогда приходится производить более или менее всестороннюю экспертизу и оценку месторождения, иногда посредством целой комиссии, в которой участвуют нередко и инженеры других специальностей, экономисты, юристы, вообще «сведущие люди». И хотя экспертизу и оценку самого месторождения, находящегося в недрах земли его «геологического тела», непременно должно производить лицо, хорошо осведомленное в науке о рудных месторождениях, крупном и важном отделе геологии, но и прочим экспертам, в задачу которых войдет, например, оценка правильности системы разработки месторождения, состояния крепления, подъемных и водоотливных устройств, машин, методов обогащения руды, если таковые имеются, наконец, состояния построек и всего хозяйственного и административного ведения дела,—этим экспертам также очень полезно знать, хотя бы в общих чертах, как производится оценка наиболее важного в этом деле, именно рудного богатства, так как от него прежде всего зависит вся будущность горного предприятия. История горного промысла дает многочисленные примеры того, как, благодаря неопытности экспертов, незнакомству их с правилами оценки, забраковывались богатые месторождения или, наоборот, бедные выгодно продавались, или на их обстановку и разработку затрачивались бесполезно крупные суммы.

Этому важному вопросу посвящена небольшая книжка проф. Н. И. Трушкова, изданная редакцией «Горного Журнала». В введении автор указывает отличия разработки рудного месторождения от таковой каменноугольного, перечисляет важнейшие американские и английские руководства по горному делу и отмечает отсталость России в отношении размера горного промысла вообще и производительности отдельных рудников в частности, по сравнению с Соединенными Штатами. Затем определяется понятие руды и ее ценности в зависимости от цены содержащегося в ней металла или металлов, его количества, характера вмещающей породы и легкости обработки и обогащения. Так как ценность рудного месторождения зависит, главным образом, от среднего содержания металла в руде и от количества последней, то этим двум основным вопросам и посвящена почти вся остальная часть книги. Среднее содержание определяется опробованием руды в разных частях месторождения, и автор подробно излагает, какими инструментами и приемами, где и как брать эти пробы, от правильного и целесообразного взятия которых зависит конечный результат, и как подсчитывать содержание на основании проб. На второй вопрос — о количестве руды— ответ дается определением запасов в месторождении, способы которого излагаются в следующей главе, поясняемой рядом примеров. Ему должно предшествовать опробование, так как на основании его результатов подсчитываются три категории запасов: действи-

тельные, вероятные и возможные, которые необходимо строго различать, потому что ценность их не одинакова. Одна глава посвящена вопросу о протяжении руд в глубину, который разъясняется на основании теоретических соображений и данных практики. Затем следует глава об экспертизе месторождений не подготовленных, т.-е. едва—или даже не—начатых разработкой и излагаются способы опробования при разведках бурением разными способами. Последние две главы отведены прочим факторам, учитываемым при оценке, и подсчету стоимости предприятия.

Книга иллюстрирована необходимыми для понимания текста рисунками и изложена хорошо, главным образом, по английской и американской литературе, так как в С. Америке и Англии дело экспертиз и оценки поставлено наиболее широко и правильно. Автор, посетивший ряд рудников Америки, внес и свой опыт по изучению некоторых месторождений Урала. Его книга представляет необходимое пособие не только для начинающих, но и для опытных экспертов. и нужна также каждому инженеру, ведущему разведку или разработку месторождений, так как правильное и своевременное опробование—основа целесообразного ведения всего дела.

Проф. В. А. Обручев.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ДОНЕЦКОГО КАМЕННОУГОЛЬНОГО БАССЕЙНА. Петроград, 1920, 4000 экз. Масштаб 10 в. в дюйме.

КАРТА ВАЖНЕЙШИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. Петроград, 1922 г. Масштаб 150 верст в дюйме.

КАРТА ВАЖНЕЙШИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ. Петроград, 1922 г. Масштаб 250 в. в дюйме.

УКАЗАТЕЛЬ К КАРТАМ важнейших месторождений полезных ископаемых Азиатской и Европейской России, составленным Геологическим Комитетом. 1922 г. Петроград, 14 стр. 1500 экз.

МАТЕРИАЛЫ ПО ОБЩЕЙ И ПРИКЛАДНОЙ ГЕОЛОГИИ. Вып. 45. А. ГЕРАСИМОВ. Селитроносные известняки Турона в бассейнах Кубани, Кумы и Малки (Северный Кавказ). Петербург, 1922 г. 69 стр. с 5 табл. и 12 рис. 1000 экз.

ТО ЖЕ, вып. 61. А. А. ГАПЕЕВ. Карагандинское каменноугольное месторождение. Петербург, 1922 г. 16 стр., с 3 табл 1600 экз.

ТРУДЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА. Новая серия, вып. 174. М. Д. ЗАЛЕССКИЙ. Палеозойская флора Ангарской серии. Атлас из 63 таблиц с портретом Ch. R. Zeiller. Петроград, 1918, 76 стр., с 63 табл. in 4°. Издания Российского Геологического Комитета.

В течение последних месяцев Геологический Комитет выпустил несколько интересных изданий, в частности 3 карты, имеющие большое практическое значение. Первая из них — Геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна, уже давно с нетерпением ожидалась всеми практическими работниками бассейна. Около 30 лет тому назад Геологический Комитет начал детальную геологическую съемку Донбасса. Результаты этой работы постепенно издавались в виде планшетов детальной одноверстной геологической карты, сопровождавшихся рядом профилей и отдельными книжками с объяснительным текстом—издания, почти не имевшего равного в мире по точности и подробности изображения геологического строения района. К сожалению, опубликование большинства планшетов карты, совершенно необходимой для разработки Донбасса, сильно задержалось из-за типографского кризиса последних лет — карта представляет очень сложное и дорогое издание—и только сейчас появилась возможность закончить серию. Пока же, на основании этой детальной съемки, Геологический Комитет опубликовал сводную геологическую карту в масштабе 10 верст в дюйме. Карта составлена на основании работ В. В. Богачева, А. А. Борисяка, П. И. Бутова, А. А. Гапеева, Д. В. Голубятникова, А. Гурова, В. Домгера, Н. И. Лебедева, Б. К. Лихарева, А. И. Лутугина, Б. Ф. Мефферта, И. Морозе-

вича, Д. И. Мушкетова, В. А. Наливкина, Н. Ф. Погребова, Н. А. Родыгина, Н. Н. Славянова, А. А. Сняткова, В. И. Соколова, Н. А. Соколова, П. П. Степанова, Ф. Н. Чернышева, В. И. Яворского, Н. Н. Яковлева, и других. На первый взгляд скромная карта эта представляет выдающееся явление в литературе о Донбассе: впервые суммирована картографически вся тридцатилетняя работа Геолог. Комитета и, частью, других исследователей бассейна, и практические работники получают точную базу для своих работ. В настоящее время вряд ли приходится доказывать необходимость точной геологической карты для разработки месторождения полезных ископаемых—без нее невозможен и учет запасов, и правильная планировка шахтных полей, и в сущности самая разработка. Тем не менее, издание таких карт встречает значительные материальные препятствия, и Комитет, например, не в состоянии опубликовать составленной им новой стоверстной карты Азиатской России, содержащей колоссальный новый материал, значительно меняющий представления о геологическом строении северной половины Азии.

Две другие реферируемые карты—полезных ископаемых Европейской и Азиатской России — были составлены Комитетом к подготовленному им «Обзору минеральных рессурсов России». В виду задержки этого издания — опять-таки по финансовым причинам — карты выпущены отдельно. Для Европейской России Комитетом в 1915 г. уже была опубликована карта полезных ископаемых — более крупного масштаба, 60 в. в дюйме, — и новая карта предназначена для более широких кругов, интересующихся производительными силами России, и для учебных целей. Новая карта представляет значительное преимущество перед старой в отношении четкости и яркости значков, которыми обозначены полезные ископаемые, и освежена новым материалом, собранным за последние годы; более мелкий масштаб карты заставил отказаться от изображения многих второстепенных месторождений и придал карте значительную схематичность. Но для указанных выше целей это сокращенное издание является более пригодным, чем полное.

Карта полезных ископаемых Азиатской России, при своем еще более мелком масштабе (250 в. в дюйме), конечно, не претендует на регистрацию всех месторождений, и предназначена для тех же целей, что и предыдущая. Тем не менее, в виду отсутствия в настоящее время более подробных карт полезных ископаемых Сибири (100-верстная карта Реутовского издана 20 лет тому назад), карте суждено сослужить пока и более широкую службу. Обе карты надо признать весьма своевременными и полезными для многочисленных теперь учреждений и лиц, интересующихся горно-экономическими вопросами. Приложенный к картам указатель месторождений облегчает пользование.

В серии своих «Материалов по общей и прикладной геологии» Комитет выпустил недавно работы А. Герасимова и А. Гапеева.

Первая из них освещает вопрос о нахождении селитры в известняках Северного Кавказа. В начале войны вопрос этот усиленно дебатировался в нашей общей и специальной прессе, и некоторыми лицами, доказывавшими, что в известняках содержится в среднем до 6% селитры, создан был вокруг «Кисловодской селитры» большой шум. Работами геологов Геологического Комитета Герасимова и Огильви было выяснено, что найденная селитра представляет выцветы на поверхности известняков, т.-е. результат вытягивания минеральных солей вместе с влагой из скал под влиянием испарения, а сами известняки содержат практически ничтожные количества селитры. Рецензируемая книга Герасимова дает подробный отчет об этих работах, с рядом анализов, описаний обнажений, карт и фотографий, и выясняет большое научное значение нахождения азотнокислых солей калия в известняках; по мнению автора, соли эти происходят от гниения организмов, живших во время отложения известняков и погребенных в последних.

Статья А. Гапеева—небольшая сводка по работам в Карагандинском каменноугольном месторождении Киргизской степи, обычного типа фактического отчета

Геолог. Комитета с разрезами, анализами и картой. Работы эти заслуживают нашего внимания в том отношении, что в результате их известные нам запасы Карагандинского месторождения увеличились в десять раз и достигли цифры 300 миллиардов пудов.

Таким образом, Киргизская степь, запасы угля которой еще в 1914 г. оценивались всего в 6 миллиардов пудов, выдвигается сразу на четвертое или пятое место среди русских каменноугольных бассейнов (Кузнецкий, Иркутский, Донецкий и, может-быть, Подмосковный бассейны).

Из других новых работ Геологического Комитета следует отметить книгу М. Залесского, помеченную 1918 годом, но вышедшую в конце 1922 г. Книга эта является ярким примером того, какой огромный и сложный предварительный научный труд необходимо положить в основу изучения стратиграфии угленосных свит и чисто практических работ в каменноугольных бассейнах. Книга Залесского, лучшего нашего знатока палеозойской флоры, представляет атлас (за которым позже должен быть издан текст) образцов пермской и верхне каменноугольной флоры Киргизских степей, Тарбагатая, Кузнецкого бассейна, Монголии, Минусинского края, Ангары, Нижней Тунгузки и Хатангского края. Залесский определяет целый ряд коллекций, собранных русскими геологами в этих отдаленных районах северной Азии, подвергает критическому анализу прежние определения Шмальгаузена (относившего некоторые из этих сборов даже к юрскому времени), и устанавливает общий характер флоры. Работа Залесского имеет огромное значение для стретиграфии весьма мало изученных каменноугольных бассейнов Сибири — Киргизских степей, Кузнецкого, и особенно для колоссального Тунгусского бассейна, — введенного в региональную геологию Сибири пишущим эти строки в 1918 г. Последний бассейн, занимающий в Северной Сибири между Леной и Енисеем свыше 800.000 квадратных километров, весьма мало изучена и доказываемая М. Залесским общность флоры отдельных его частей очень важна для установления единства бассейна. Чрезвычайно любопытны также обнаруженные Залесским в остатках нового рода Angarodendron с. р. Ангары следы деятельности бактерий и самые бактерии пермского периода.

С библиографической точки зрения книга Залесского должна быть отмечена особенно, — появление атласа 63 фототипических таблиц in 4°, превосходно исполненных, в наше время не такое частое явление, чтобы пройти не отмеченным.

С. Обручев.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. С. ЛЕДЕР. Действительно ли амстердамцы—желтые? *Ф. Капелюш.* — 2. Н. АУЭРБАХ. Маркс и профессиональные союзы. *В. Яроцкий.* — 3. А. САЙМОНС. «Классовая борьба в истории Америки». *В. Виленский (Сибиряков).*

S. LEER. SDind die Amsterdamer Gelbe? Tatsachen und Kritik. Berlin. Fuhrer Verlag. 1922. 116 S.

С. ЛЕДЕР. Действительно ли амстердамцы—желтые? Факты и критика. Берлин. 1922 г. Страниц 116.

Эта небольшая книжка безусловно заслуживает перевода на русский язык. В ней с убийственной яркостью и систематичностью, в цитатах из речей и постановлений вождей амстердамцев, собран материал, характеризующий их истинное лицо. Не обойдена ни одна страна, начиная от Англии и кончая Венгрией. Сгруппирован материал по следующим главным вопросам: измена постановлениям международных конгрессов и поддержка воюющих правительств во время мировой войны; отношение амстердамцев к Версальскому договору, к репа-

рациям, к мировому экономическому кризису; отношение к мировой революции и к Советской России; отношение к проблеме социализации (национализации); отношение к революционным восстаниям пролетариата, отношение к экономической борьбе пролетариата, так наз. «дикие стачки»; отношение к социальным реформам, рабочий контроль в производстве, международное бюро труда; отношение амстердамцев к единству рабочего класса, их «нейтральность», их преследования коммунистических членов и раскалывание национальных и интернациональных организаций.

Очень рельефно выступает позиция амстердамцев во время войны. Они строят свое новое учение о солидарности интересов буржуазии и пролетариата, об «экономическом империализме», как «необходимом этапе на пути к социализму». На практике они прекращают все конфликты и борьбу за заработную плату, в Англии профсоюзная бюрократия заключает 19—25 марта 1915 г. с правительством и предпринимателями формальное соглашение, по которому отказывается на время войны от важнейших прав и обычаев профсоюзов; она участвует в выработке и проведении так наз. закона об обороне, который (как констатировал Бристольский Конгресс Лейбур-Парти) «служил средством ограничить свободу мнений, отменить фабричное законодательство, усилить работу детей на фабриках». Как свидетельствует министр Вильгельма II, Дельбрюк: «Профсоюзы выполняют важные задачи, без них немыслима вся наша экономика», а генерал Грэнер заявляет: «Без помощи профсоюзов мы не можем добиться успеха»— и профсоюзы старались! Не даром сотни профсоюзных секретарей были освобождены от фронтовой службы... 800 чиновников профсоюзов подписывают адрес Вильгельму по поводу его пресловутого «Предложения мира от победителя» в 1916 г. А орган Генеральной Комиссии профсоюзов называет Брест-Литовский мир «вполне соответствующим желаниям рабочих, в том числе и русских»! Во Франции Жуо, Мерргейм и др. подавляют стачку парижских рабочих в мае 1917 г. и стачку 180.000 металлистов в Париже в июне 1918 г.; это последнее движение грозило вылиться в открытое восстание, но профсоюзы сыграли роль клапана, спасавшего существующий строй. В докладе о своей деятельности Лионскому Конгрессу C. G. T. в сентябре 1919 года профсоюзные бюрократы во главе с Жуо похваляются «сходством воззрений C. G. T. и президента американской республики». Автор брошюры приводит все эти исторические документы (в цитатах) в хронологическом порядке, вплоть до речей вождя английских железнодорожников Томаса и Жуо на Лондонском Конгрессе амстердамцев; Томас обещает здесь немецким рабочим, что пролетариат стран Антанты не допустит оккупации Рура, однако тот же Томас впоследствии высказывает в палате общин доверие правительству, когда оно подверглось нападкам из-за последовавшего, тем не менее, занятия трех пунктов в прошлом году; книга доведена до сентября 1922 г. Автор сообщает, что провал демонстрации протеста 20—21 июля 1919 г. (французских, анлийских и итальянских рабочих) против военной интервенции был последним ударом, погубившим Венгерскую Советскую республику; этот провал вызван позорным поведением вождей C. G. T. Когда в августе 1920 г. имеет место выступление английского пролетариата против интервенции английского империализма в польско-русской войне, Гендерсон, Томас и др. всеми силами саботируют это движение и объявляют его «экстремистским, направленным против всей конституции». Приводятся далее возмутительные факты из области транспорта амуниции. Приводится ложь и клевета амстердамцев: «Октябрьская революция есть не революция, а голод»; «большевики продают Россию иностранному капиталу». В марте 1921 года официальный орган германских профсоюзов открыто хвастает: «Только профсоюзы спасли Германию от большевистского потопа». Приводится еще целый ряд других красноречивых фактов.

На наш взгляд, желтое лицо амстердамцев ярче всего проявляется в их отношении к проблеме социализации. Когда в 1919 году в Рурской области и в Средней Германии вспыхнуло массовое движение углекопов, поставившее своим

девизом немедленную национализацию шахт, берлинские вожди заявляют, что «подобными вспышками безумия нисколько не подвинуть вперед дело социализации». «На развалинах нельзя строить»... Самым упорным образом амстердамцы заявляют, что социализация невозможна без участия предпринимателей! Эти цитаты надо смаковать полностью; к сожалению, за недостаком места не можем привести их. А в апреле 1921 года Северинг, один из вождей профсоюзов, открыто хвастает в прусском парламенте: «Это мы помешали социализации рудников в марте 1920 года». Здесь уже ни фразы; шулера открыли свои карты. В Австрии президентом «Комиссии по социализации» был «сам» Отто Бауер, а когда она скончалась, эти господа сами заявляют, что их социализация не была настоящей, что настоящая требует «полного экономического и психологического сдвига общества». Во Франции Жуо и братия придумали мещанский план выкупа железных дорог путем облигаций; но когда в конце апреля 1920 г. французские железно-дорожники забастовали и выставили требование национализации железных дорог, реформистские вожди открыто саботируют генеральную забастовку, и похоронили самую идею национализации. В Англии профсоюзы после войны тоже ставят себе целью национализацию железных дорог и угольных шахт, но вождям и здесь удалось свести это движение на-нет. Томас, председатель Амстердамского Интернационала, категорически заявляет: «Я против забастовки, потому что она должна перейти в открытое восстание, а я не разделяю мнения тех элементов, которые считают необходимым кровавое восстание для свержения существующего режима». Вождь английских горнорабочих Франк Ходж заявляет, что национализация — чисто политическая проблема. Вместо нее он призывает рабочих ограничиться стремлением к повышению заработной платы. И таков припев всех амстердамцев: постепенство самой злобной марки.

В приветственной речи Лондонскому Конгрессу Томас заявляет: «Мы хотим не кровавого восстания, а интеллигентного использования рабочими своих политических прав». «Левые путчи,—заявляет на том же конгрессе немецкий амстердамец Грассман, — это гусарские атаки, они вызывают лишь волну справа... Мы против *всякой* диктатуры». Амстердамцы аргументируют, что «не следует каждый момент прибегать к генеральной забастовке, этому сильнейшему орудию пролетариата, так как оно, таким образом, притупится, и вся экономическая жизнь страны радикально развалится». Автор вполне правильно возражает реформистам, что экономика больше развалится от многократных, мелких неудачных конфликтов, чем от одной решающей битвы. Но для амстердамцев на первом плане—не революция, они ее боятся, а восстановление нарушенного войной капиталистического хозяйства. Сначала «экономическое восстановление», а потом «реформы». При нынешнем состоянии экономики, говорят они, рабочие ничего не могут достигнуть для себя. Поэтому—«рука об руку с капиталистами». Этот фетиш «восстановления» есть пресловутая «новая ориентация» амстердамцев вместо девиза классовой борьбы. Коллекция цитат из речей Томаса, Аппльтона и др. великолепна! Интересны также факты, сообщаемые автором о так называемых непризнанных (профсоюзами) стачках в Америке, Германии и т. д.; профсоюзы цинично выступают даже в роли штрейкбрехеров. В феврале 1922 г. железно-дорожные служащие в Германии забастовали, им собирались последовать сотни тысяч железно-дорожных рабочих; тогда «верхи» издают свою прокламацию: «невыносимо, что отдельная недисциплинированная группа смеет играть судьбою всей нации», и — сорвали стачку. Канцлер имел все основания выдать после этого амстердамцам аттестацию, что они «ставят интересы государства и общества выше всех частных интересов». А именно выше интересов класса, интересов пролетариата! А вот другой аргумент: L. Dicat, новая звезда среди французских амстердамцев, заявляет: «Рабочие теперь стали такой силой, что несут ответственность за экономические последствия их выступлений».

Единственные «реформы», добытые амстердамцами: в немногих предприятиях капитал удостоил рабочих голоса в

вопросах о приеме новых и увольнении старых рабочих. И об этом амстердамцы трезвонят, как об «участии рабочих в управлении производством»! Необходимо сначала подготовить рабочих к делу управления индустрией, в противном случае социализация будет лишь разорением и катастрофой,—так спрягают они на все лады старый трафарет о незрелости пролетариата, умышленно закрывая глаза на то, что социализация есть прежде всего политический вопрос силы. И учат рабочих довольствоваться ничтожными подачками.

Самыми злободневными в книжке Ледера являются последние страницы, освещающие пресловутую «нейтральность» амстердамцев и их позицию по отношению к единому фронту пролетариата. Автор собрал воистину возмутительные факты: уже одно предположение, что рабочий вступает в профсоюз с целью проводить в нем коммунистическую пропаганду, достаточно, чтобы отказать ему в приеме. Так гласят инструкции амстердамцев в разных странах, и автор вполне правильно видит здесь крах принципа большинства и демократии, за которой обыкновенно лицемерно прячутся амстердамцы в своих нападках на диктатуру.

Форма изложения у автора не везде равноценна. Тогда как первые главы: «До войны» и «Во время войны», сжаты и рельефны, остальные страдают некоторым многословием, и стали бы более выпуклыми, если бы устранить повторения. С другой стороны, столь важной главе об отношении к Советской России надо было бы уделить больше места. Наконец, недостатком в книге (в особенности для исследователя) является то, что цитаты приводятся, хотя и в кавычках и с именем цитируемого, но в большинстве случаев без указания источника.

Ф. Капелюш.

Н. АУЭРБАХ. Маркс и профессиональные союзы. Перевод с немец. Э. Берковица, под ред. Г. Смолянского. Изд. «Красная Новь». М. 1923 г. Стр. 30. Цена не указана.

Марксистская литература не богата теоретическими работами о профессиональном движении. В частности—совершенно не разработан вопрос о взглядах К. Маркса на профессиональные союзы. Есть лишь, фактически, одна работа Германа Мюллера «Маркс и профессиональные союзы», одна глава в недавно вышедшей работе Адольфа Брауна, посвященная этому вопросу, да специальная книжка, написанная Н. Ауэрбахом и теперь ставшая доступной русскому читателю в чрезвычайно урезанном издании «Красной Нови».

Н. Ауэрбах поставил себе особенно интересную цель—показать, насколько *ревизионизм*, пытающийся отыскать во взглядах К. Маркса на профессиональные союзы какое-то непримиримое противоречие, не только ни на чем не основан, но и продиктован стремлением *уйти* от выводов, которые диктуются профессиональному движению учением основателя современного коммунизма. Он, поэтому, исходит в своем освещении Марксова взгляда на профессиональные союзы не только из отдельных, несистематизированных и порой высказывавшихся Марксом по случайным поводам мыслей его о профессиональном движении. Этому у него посвящена, главным образом, вторая глава («Профессиональные союзы в социальной теории Маркса»), где, впрочем, не приведена сжатая характеристика профессиональных союзов, данная Марксом в письме к Гамману, казначею союза металлистов, и предвосхищающая формулу, столь хорошо известную русским профессионалистам: «профессиональные союзы—это для рабочего класса школа социализма». Что гораздо ценнее в работе Ауэрбаха—так это то, что автор пытается обосновать—совершенно, разумеется, закономерно и, надо сказать, чрезвычайно удачно, — взгляд Маркса на профессиональные союзы *экономическим анализом*, данным основоположником научного социализма в его основных работах. Вся первая глава представляет собою опыт построения теории профессионального движения на основе экономического учения К. Маркса.

Ауэрбах совершенно верно говорит: всякая политика профессиональных союзов является первоначально политикой заработной платы; всякая теория профессионального движения должна по-

этому исходить из теории заработной платы. «Эта же теория» приводит нас... к выводу, что *регулирование предложения труда* является *предпосылкой всякой деятельности профессиональных союзов*... Специфическим же полем деятельности объединений является борьба... за заработную плату» (стр. 9 и 15). Как известно, заработная плата конкретно предопределяется тремя условиями: длиной рабочего дня, интенсивностью труда и производительностью труда. Таким образом, изменением союзными объединениями одного из этих условий достигается выполнение союзами своих функций.

Иначе говоря, анализ выводов из экономического учения К. Маркса приводит Ауэрбаха к признанию необходимости *определять сущность* профессионального движения по *функциям* профессиональных объединений, а не по целям их. И этот совершенно правильный марксистский подход к вопросу вытекает из самой природы изучаемой проблемы в той ее постановке, какую ей дает экономическое учение Маркса...

К каким же выводам приводит нас такой подход к вопросу? «Профессиональные союзы,—говорит Ауэрбах,—в пределах современной формы хозяйства представляют собою застрельщиков рабочего класса». И на профессиональные союзы падает задача «привести рабочий класс к сознанию своего классового положения» (стр. 24—25)...

«Красная Новь» дала перевод лишь первых двух глав работы Ауэрбаха, являющихся *теоретическим* введением к основному содержанию ее, к *анализу* германского профессионального движения при свете этих теоретических посылок. Русскому читателю пока, таким образом, недоступны те иллюстрации, которыми изобилует оригинал. Этим достигнуто то, что работа Ауэрбаха оказывается доступной читателю в самом непопулярном—абстрактно теоретическом виде. Вообще написанная недостаточно популярно, она еще теряет в конкретности...

Перевод сделан хорошо.

В. Яроцкий.

А. М. САЙМОНС. Классовая борьба в истории Америки. Перевод В. Дитякина. Очерк основных явлений истории Соединенных Штатов за 1900—1920 гг.—В. Дитякин. Приложение. Библиографический указатель русской литературы по истории и общественной жизни Соединенных Штатов. Государственное Издательство. Казань. 1922 г. Стран. 140. Напечатано 1500 экз.

Среди ряда работ, посвященных Соединенным Штатам, книжка Саймонса выделяется своей сжатостью и марксистским подходом к обзору истории Америки. Недостатком является то, что Саймонс доводит историю Соедин. Штатов до конца прошлого века, тогда как для нас особый интерес представляет современная Америка. В. Дитякин, переведший книжку Саймонса, взялся восполнить указанный недостаток и дал свой «Очерк основных явлений истории Соедин. Штатов» за последние два десятилетия 1900—1920 гг.

Сейчас уже в достаточной степени разрушены сказки об Америке, как о «счастливой» стране. Если еще для недалекого прошлого Америка представляла «идеал» государства и общества, а вопросы организации крупного хозяйства и трестирования давали возможность целому ряду экономистов смотреть на Америку как страну, которая открывает новую эпоху социального и экономического развития, то сейчас Америка выросла в мировую империалистическую державу, которая отбросила остатки своих демократических покровов и безвастенчиво демонстрирует власть торжествующей плутократии.

Саймонс безжалостно вскрывает истинную природу американского капитала на заре его расцвета, когда он еще кутался в демократическую тогу. Гражданская война в Соедин. Штатах, ведшаяся против рабовладельчества, была предлогом для развития американской индустрии. «Гражданская война сделала железо королем американской промышленности», говорит Саймонс. А это привело Америку к власти плутократии.

В. Дитякин в своем обзоре последних двух десятилетий Соед. Штатов дает много интересных данных, рисующих капиталистическое развитие современной

Америки. Америка сегодняшнего дня—страна крупной промышленности и крупных городов. Если в 1850 в городах жило лишь 12% всего населения Соедин. Штатов, то в 1920 г. население городов представляло уже 50% всего населения. На ряду с этим 30% национального богатства уже в 1907 году находилось в руках двухсот американских миллиардеров.

Неудивительно, что политический строй Соедин. Штатов оказался приуроченным к нуждам этих миллиардеров. Пресловутый Вильсон довольно удачно характеризовал этот строй: «Исполнительная власть фактически безответственна, законодательная—беспринципна, народная воля—бессильна». Мировая война, превратившая Америку в мирового кредитора и увеличившая миллиарды Америки, увеличила бессилие народной воли в Америке и беспринципность ее правителей. Вместе с тем, наступивший послевоенный кризис в американской промышленности увеличил число безработных и выдвинул на очередь социальные проблемы.

Последние, равно как и история рабочего движения в Америке, хотя и нашли свое отражение в рецензируемой книжке, но страдают всеми недостатками компилятивного труда.

Библиографический указатель русской литературы истории и общественной жизни Соединенных Штатов, составленный В. Дитякиным, хотя и не представляет собою исчерпывающего библиографического указателя, но, тем не менее, является очень ценным пособием для всех, кто желает на основании русских источников познакомиться с заокеанским капиталистическим колоссом современности—Соединенными Штатами Америки.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

1. Д-р Ф. БАУМГАРТЕН. Психотехника. *А. Гастев.* — 2. С. ШЛЕЗИНГЕР. Психотехника и наука о производстве. *А. Гастев.*

Д-р ФРАНЦИСКА БАУМГАРТЕН. Психотехника. Часть I. (Изд. Б. И. Н. Т'а). Берлин. 1923.

В книге д-ра Ф. Баумгартен дана сводка всех психотехнических школ Европы и Америки. Сжатое, но полное изложение некоторых систем сделано впервые (Трамм). Основным достоинством книги является редкая по бесстрастию объективность изложения, везде подкрепленная строго проверенной документацией. В современной психотехнике далеко не все обстоит благополучно. Появилось громадное количество школ, резко враждующих между собой (Липпман и Меде, например, настоящие враги, не садящиеся за один стол). Одни обвиняют своих противников в шарлатанстве, другие едко осмеивают кабинетную науку за ее скептицизм и трусливое чурание практики. Есть и третий сорт людей, которые составляют шумящий, бесталанный хор крикунов то безудержно славословящих, то панически ругающих. Д-р Баумгартен задалась целью дать прежде всего материал. Шаг за шагом, от эмбрионального развития психотехники, от школы к школе, она подводит читателя к современным теоретическим и практическим проблемам психотехники.

С такой исчерпывающей полнотой к вопросу не подходил еще ни один автор на Западе. И немудрено, что книга Ф. Баумгартен одновременно выходит на двух языках — русском и немецком: она явится богатейшим вкладом и в немецкую литературу.

Сам автор является в то же время видным работником по психотехнике в Германии; мало того, Ф. Баумгартен

известна и за пределами Германии, как участник международных психотехнических конгрессов и автор нескольких докладов на них.

Книга Ф. Баумгартен может служить единственным и незаменимым руководством для всех работников по научной организации труда.

Надо лишь пожалеть, что берлинский Б. И. Н. Т. так долго мариновал эту ценную книгу в своих типографиях.

Будем надеяться, что II часть книги не подвергнется такой продолжительной засолке.

А. Гастев.

С. ШЛЕЗИНГЕР. Психотехника и наука о производстве. М. (Госиздат). Стр. 98. 1923 г.

Шлезингер — настоящий отец нового германского движения в области научной организации труда. Он является одновременно и инженером и главой психотехнической лаборатории шарлоттенбургского политехникума. Его книжка интересна именно тем, что она представляет из себя стык психолога и инженера. В интерпретации Шлезингера дан синтез работ Тэйлора и Джильбрета, с одной стороны, и Меде и Пиорковского—с другой. Почти нетронутым оказались проблемы физиологии труда.

Мы считаем, что книжка Шлезингера может быть введением в изучение научной организации труда, но отнюдь не исчерпывающим руководством, какого до сих пор, к сожалению, еще нет ни в русской, ни в иностранной литературе. После книжки Шлезингера читатель может уже приступить к подробному изучению Тэйлора и его школы по линии технико-административной и Мюнстенберга по линии психо-технической.

Книга издана очень кстати.

Остается пожалеть лишь, что как в расположении материала, в компановке отдельных страниц (приложения) заметна спешка, которая привела к неприятным казусам (см. стр. 81). Видимо, это объясняется смертью одного из редакторов—Л. А. Левенстерна, который был известен, как опытный переводчик и компановщик литературного материала.

А. Гастев.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

1. Г. САФАРОВ. Национальный вопрос и пролетариат. *Ц. Фридланд.*

Г. САФАРОВ. Национальный вопрос и пролетариат. Петроград. Госиздат. 1922 г. 205 стр.

Книга Г. Сафарова—ценная попытка революционно-марксистской, систематической трактовки национального вопроса. Работа посвящена национальной теории, практике и политике.

Но, кроме того, Г. Сафаров дает сжатый очерк истории нац. движений XIX века, а также характеристику освободительного нац. движения в годы войны 1914 г. и эпоху социальных битв после войны. Автор вводит специальный отдел, посвященный восточному колониальному вопросу. Он трактует его, как вопрос национальный в эпоху империализма. Его разрешение он связывает с будущим европейской классовой борьбы. В книге «Нацвопрос и пролетариат», наконец, дана характеристика национальных движений в период от февраля до октября и, что особенно ценно, собраны данные о положении свободных трудовых наций в пределах первой пролетарской республики. Последнее трактуется в плоскости постановки проблемы о нацвопросе в переходящий период пролетарской диктатуры. Таков объем кни-

ти. Масса вопросов, которые занимают внимание автора, не дают ему возможности подробно останавливаться на анализе каждого вопроса. Это придает отдельным главам характер случайных заметок. Но для нас важно общее содержание книги, чтобы отметить то новое, что она вносит в обычную постановку нацвопроса. Это прежде всего то место, которое занимает в книге восточный, колониальный вопрос. В известной книге Бауэра ему отведено только две главы, а другие работы под нацвопросом понимали исключительно вопрос о нацменьшинствах. Но нацвопрос, как вопрос колониальный, составляет сердцевину империализма. И поскольку Г. Сафаров, как коммунист, оперирует опытом разрешения нацвопроса в РСФСР, поскольку он ему может противопоставить национальное угнетение и нацконфликты балканизированной Европы, постольку его книга безусловно ценная, систематическая работа. Но, однако, все это моменты—храктеристики формального характера. Посмотрим, как автор справляется с своей задачей по существу.

Прежде всего: «что такое нация?» Эта глава открывает книгу. Мы думаем, что уже здесь Г. Сафаров с точки зрения революционного марксизма допустил одну методологическую и методическую (поскольку книга предназначена для широкой массы читателей наших дней) ошибку. Эта ошибка—в недостаточно ясном подчеркивании, что нацвопрос только подчиненная часть социальной проблемы, даже в смысле происхождения наций. Когда буржуазные идеологи превращают нацвопрос в самостоятельную научную дисциплину (что делают и теоретики типа Бауэра), то это понятно, но именно здесь следует коммунисту отграничить себя от буржуазных теоретиков. «Что такое нация?» Если вести поиски в плоскости исследования социальных форм, то вряд ли будет необходимо конструировать особое социальное понятие, которое не содержалось бы в понятии класс или социальный коллектив, общество. Нация будет лишь особым сочетанием признаков, или, даже вернее, несколько своеобразной формой этих основных социальных понятий. Но, когда Сафаров утверждает: «нация служит организующей силой в борьбе того или иного народа, обособившегося от других на почве экономических условий, за государственную самостоятельность», то, по нашему мнению, здесь автор допускает две ошибки. Он понятие «нации» из социального объекта превращает в сознательное орудие, находящееся вне «народа», но им употребляемое для политических целей, т.-е. он «нацию» превращает в категорию надэкономическую и тем самым он расширяет понятие нации, что служит основой для всех, кто по доброй воле или бессознательно ставят нацию над классом.

Совершенно правильно Г. Сафаров определяет судьбы «нации» на пути ее исторического развития: «с переходом к феодализму, племя из патриархальной кровно-родовой организации становится организацией территориальной»... Через эпоху торгового капитала, как преддверие национального объединения, в обстановке промышленного капитализма, конструируется нация. Но в это время уже не кровное родство, и не территория, а идеология, как бы становится выражением нации. Но именно поэтому неправильно, как это было указано еще Бауэром, конструировать понятие нации из элементов, ее составляющих или комбинации этих элементов. Основа нации, это только условия производства данного коллектива, как базой класса является его отношение к орудиям производства: класс определяется его положением в производственном процессе, нация—это комплекс всех способов приспособления к природному и историческому своеобразию условий производственного процесса. Вот почему определение Сафарова: нация есть объединение людей, говорящих обычно на одном языке и живущих на одной территории, «которое создается развитием капиталистического способа производства и обмена и выражается в общности их экономического, политического и культурного развития», нас не может удовлетворить. Тов. Сафаров здесь пошел по старому пути, и мы получили более правильную трактовку того развития, которое в эпоху капитализма привело к созданию нации, но само понятие нации

осталось, как самостоятельная социальная категория.

Мы не можем проследить шаг за шагом ход исследования Г. Сафарова, но отметим еще некоторые моменты, по нашему мнению, ошибочно представленные. Так Г. Сафаров пытается объяснить причины и значение национальной дифференциации Европы, как последствия войны 1914 г., и видит в ней исключительно отрицательное явление; он не разграничивает двух моментов: фиктивности национальной независимости народа б. Российской и Австрийской империй в условиях Версальского мира от исторического значения свободного, самостоятельного существования этих государств. Для будущего пролетарской борьбы это государственное распыление Европы имеет то значение, что пролетариат большинства стран Европы теперь свободен от национального гнета,—обстоятельство, препятствовавшее классовой борьбе.

Правда, Г. Сафарова специально не занимает вопрос об окончательных судьбах наций. Но отдельные замечания его по этому поводу могут ввести в заблуждение: Сафаров слишком переоценивает темп ликвидаций «национальных различий» и рост международной солидарности. Автор совершенно не уделяет внимания рецидиву национализма, столь широко охватившего некоторые слои рабочего класса.

Отдел книги (в Польше, скажем) посвященный восточному вопросу, чрезвычайно важен, как принципиально-новая постановка нацвопроса. Но и сам по себе этот раздел книги значителен по тому большому материалу, который подвергся обработке автором. Это одна из первых попыток марксиста на основании скудных замечаний Маркса и Энгельса по восточному вопросу разобраться не только в общих вопросах освободительной борьбы Востока, но и в конкретной обстановке нацжизни его народов. Здесь т. Сафаров бесспорно углубил то, что он наметил в своих предшествующих работах. Так, вопрос о судьбах капитализма на Востоке, об его органичности, так сказать, в последней работе Г. Сафаровым гораздо удачнее представлен, чем в книге «Колониальная Революция». Главы о Востоке в книге «Пролетариат и национальный вопрос» могут быть рекомендованы для наших партшкол в виде пособия при прохождении истории З. Европы в связи с Версальским миром.

Наконец, те главы книги, где дан анализ нашей Советской нацполитики и судеб «российских народов» должны быть отмечены особо в сравнении с работой В. Станкевича (см. «Печать и Революция» книга первая, за 1923 г., наш отзыв). Тов. Г. Сафаров действует классовым методом, и поэтому ему понятна различная судьба этих народов. Почему окраины стали местом всех контр-революционных попыток? Г. Сафаров отвечает: «Различия экономики национальных взаимоотношений должны были отразиться и на ходе гражданской войны». Здесь свое значение имела и «разница в политическом уровне развития», которая становилась источником нац. вражды. При этом «Сепаратизм контр-революционной буржуазии и буржуазной интеллигенции нашел поддержку в немецком и антантовском империализме». Для выяснения этого чрезвычайно важного момента об участи отдельных народов России в ходе революции Г. Сафаров приводит цифры социального состава этих народов и распределение городского населения РСФСР по различным ее областям к 1920 г. Подобная аргументация, конечно, гораздо более убедительна, чем всякая другая.

В общем и целом книга Г. Сафарова: «Пролетариат и национальный вопрос» безусловно ценная работа.

Ц. Фридлянд.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1. ЖАН ЖОРЕС. История Великой французской революции. Т. III. *Ц. Фридлянд.* — 2 Ф. БУОНАРРОТИ. Гракх Бабеф и заговор равных. *В. Виленский (Сибиряков).* — 3. А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР. Якобинцы и большевики. *В. Кнорин.* — 4. А. ШЛЯПНИКОВ. Канун семнадцатого года. Часть II. *С. Мицкевич.* — 5. В. ДЕГОТЬ. В «свободной» подполье. *А. Шляпников.* — 6. Памятники агитационной литературы. Том I. Черный Передел. *Б. Козьмин.*

ЖАН ЖОРЕС. История Великой французской революции. Том III. Конвент. Ч. I. Выпуск I. Республика 1792 г. Госиздат. 1923 г. Перевод с французского под редакцией Н. М. Лукина и Н. М. Попова с предисловием Н. М. Лукина. Стр. 332.

Приступая к изданию «Социалистической истории» на русском языке, Госиздат выполняет огромной важности задачу. Коллективный труд «Соц. истории» (12 томов) является одним из наиболее монументальных трудов по истории революционного движения и социализма во Франции XIX в. и его недоступность для руского читателя была большим и ощутимым пробелом. В первую очередь Госиздат печатает III и IV тома «истории», посвященные Конвенту, эпохе якобинской диктатуры, «эпохе наиболее интересной для современного русского читателя». Пока мы имеем ч. I третьего тома, выпуск I, посвященный Республике 1792 г.

Предисловие к книге Н. Лукина имеет самостоятельную ценность: оно дает интересную и ценную марксистскую характеристику Жореса, как историка. Буржуазная наука долго замалчивала «Социалистическую историю», как чисто научный труд. Проф. Олар сорвал этот «бойкот». Он в статье, помещенной в 1902 г. в «La Revolution Française» писал: «удивительно то, что в такое короткое время этот политический деятель, занятый еще многими другими делами, мог не эскиз набросать, а воздвигнуть настоящее научное здание, «создать исторический шедевр», который «долго удержится на уровне науки». Это мнение Олара, одного из лучших исследователей революции, имеет решающее значение. Жорес написал не только общеполитическую историю революции. Книга его ценна именно тем, что она содержит много нового, сырого материала. Жорес «написал социальную историю революции, обстоятельно останавливаясь, как на самом движении, так и на социальных теориях того времени». Как отмечает Н. М. Лукин, «Олар считает работу Жореса «*Общей историей*» революции (курсив Н. Л.), в которой особенное внимание уделено «экономической и социальной стороне». Но Жорес не только дает богатый материал: «у него есть своя «философия истории». Оценке и разбору ее Н. М. Лукин и посвящает свое предисловие. Жорес—марксист, но «это марксистское понимание исторического процесса кажется Жоресу недостаточным», он ищет «примирения материалистического понимания истории с идеалистическим», и в результате мы получаем «теорию прогресса в ее идеалистическом истолковании». Почему Жорес прибегает к Мишле, чтобы «углубить» Маркса? Он ищет объяснения «изумительного разнообразия» идей и страстей, он не может их объяснить материалистически и прибегает к идеализму. Это уменьшает безусловно марксистскую и научную ценность труда, но это не уничтожает значения творческих попыток Жореса понять конкретные действия людей, воспроизвести с поразительной художественной интуицией отдельные штрихи мощной картины революции. Идеализм «философии и истории» Жореса идет рука об руку с реформизмом его политических взглядов и это, конечно, кладет серьезный отпечаток на научный анализ революции. «Во время великих переломов,—пишет Жорес,—в ходе мировой истории экономические силы не являются единственными действующими фак-

торами; иногда решающее значение имеют также силы морального порядка—благоразумие, единодушие, беспристрастие». Этот эклектизм мысли определяет оппортунизм Жореса в политике «Увы!—даже находясь на службе у свободы, насилие порождает еще большее насилие. В этом для нас великий урок», пишет он о политике Конвента. ...«Пролетариат придет к власти... путем систематической и мирной организации своих собственных сил на почве легальности и использования всеобщего избирательного права», замечает он в другом месте. Эти две стороны «философии истории» Жореса, прекрасно вскрыты Н. М. Лукиным в предисловии, на основании конкретного материала истории революции Жореса.

1-ый выпуск III тома о Конвенте посвящен переходной, но чрезвычайно интересной эпохе в истории Революции: от 10 августа до 1793 года. Революция 10 августа только свершилась, Франция уже не была монархией, но еще не была республикой. На основе все более углубляющегося экономического кризиса, в обстановке внешней и внутренней опасности для страны и революции, развертывается борьба уже не между единым «третьим сословием» и «старым порядком», классовая борьба раздирает и «единый народ». В бурлящем котле революционных событий рождается Конвент, развертываются первые стычки между монтаньярами и жирондистами. Жорес дает прекрасный анализ этих основных сил революции и обстановки, условий революционной борьбы. Тем более, беспомощным кажется его «философия истории» когда он высказывает сожаление по поводу бурных столкновений в Конвенте, когда он жалеет об отсутствии единства. Он делает неоднократно отступления... «Если бы Конвент сумел укротить бушевавшие в его среде чувства зависти и вражды, если бы ему удалось утишить партийные страсти, обуздать властолюбивые замыслы... он спас бы свободу Европы»... Мы здесь подходим к интересному вопросу, как пишет Жорес. Его книги дают огромную массу материала: статьи, речи, декреты, воспоминания, ссылки на историков-классиков. И это все в таком количестве, что читателя иногда прямо подавляет этот материал. Но захватывает, гл. обр., способ изложения материала. Книга временами принимает характер прекрасной ораторской речи, автор вступает в дискуссию с деятелем революции. Его *собственное*, часто только комментарий к прекрасно подобранному материалу. Комментарий, который иногда художественно красив. Он рисует возбуждение народа в дни падения Лонгви и Вердена: «мужчины на полях битвы или в здании городской думы сражаются или выбирают, т.-е. опять-таки сражаются; женщины трудятся в церквах, трудятся над работой, озаренной большим экстазом, чем молитва; лучи света, исходящие из этих очагов и собиравшиеся в одном фокусе, разгорелись в яркое пламя Конвента». И в восторге Жорес восклицает: «Матерью, великой матерью является родина,—родина свободы». Излагая знаменитую речь Дантона: «смелость, смелость и еще раз смелость—и Франция будет спасена», Жорес замечает: «Дантон говорит о тревожном набате... мне кажется... он старается очистить грозный и печальный звон, который готов прозвучать над Парижем, от всего беспокойного и нервирующего, что дремало в нем, очистить и оставить ему лишь его героический тон»...

Таков стиль этой прекрасной книги.

Конечно, подобная историческая работа представляет большую трудность для перевода. Но нужно сказать: перевод сделан хорошо. Он точно передает французский текст. Мы сравнивали некоторые места перевода с французским оригиналом и ошибок и неточностей не заметили. Конечно, перевод в некоторых местах не воспроизводит всех нюансов мощного ораторского языка Жореса и все эти «А!» и «О!» в переводе звучат весьма неуклюже, но в этом нет вины переводника. Встречаются, правда, некоторые весьма тяжеловесные фразы («так как поражение наступающей армии сказалось гораздо глубже на духе, чем расстроило ее ряды, то Келерман и Дюмурье сначала совсем не поняли всего значения этого решительного дня»), но весьма редко.

Перевод книги Ж. Жореса бесспорно ценный вклад в историческую литературу о революции на русском языке.

Ц. Фридлянд.

Ф. БУОНАРРОТИ. Гракх Бабеф и заговор равных. Перевод К. М. Горбач. Под редакцией и с предисловием проф. В. В. Святловского. Госиздат. Стр. 207.

Франсуа-Ноэль Бабеф, известный под именем Гракха Бабефа, является родоначальником революционного социализма XIX века. Он провозгласил «диктатуру бедноты», из которой впоследствии родилась «диктатура пролетариата», воплощенная в теории марксизма. Гракх Бабеф также первый в 1795 году противопоставляет догматики мелкобуржуазных якобинцев боевое революционное действие, когда он основывает «общество равных» и делает попытку революционного выступления во имя «диктатуры бедноты».

Благодаря предательству провокатора-офицера Гризель, который выдал «заговор равных», в мае 1796 года, Бабеф и его друзья были арестованы, и часть из них сложила свои головы, а часть пошла в ссылку. Из ближайших друзей Бабефа сравнительно счастливо отделался итальянец Филиппо Боунарроти, который был тоже арестован. Он сидел на скамье подсудимых в течение всего процесса, слушал речи обвинения, защиты и затем, оставшись живым, он написал книгу о «заговоре равных», где воспроизвел все то, что могло иметь интерес для характеристики Бабефа и «Общества равных» на основании своих личных воспоминаний.

Эти воспоминания Буонарроти и лежат перед нами в русском издании. Впервые эта книжка появилась в 1828 году в Брюсселе, затем она была несколько раз переиздана. Настоящий перевод сделан с шестого издания, которое было выпущено А. Ранком в 1869 году. О «заговоре равных» имеется еще двухтомное сочинение Адвиэля. Но книжка Буонарроти, несомненно, представляет больший интерес не только потому, что она представляет собою записки участника, но еще и потому, что в ней имеется целый ряд документов и фактов, известных только благодаря Буонарроти.

К числу минусов книги Буонарроти нужно отнести то обстоятельство, что автор, останавливаясь на моментах внешнего изложения процесса «Заговора равных», не дал того, что могло бы характеризовать связь «общества равных» с массами рабочих предместий. Между тем это обстоятельство является чрезвычайно важным не только потому что самый заговор вовлек до 17.000 человек, но и потому, что те лозунги, которые были выдвинуты Бабефом должны были получить ту или иную оценку трудящихся.

Для нас именно интересна эта сторона, ибо здесь мы имеем Бабефа в качестве революционного мыслителя, который выпустив 45 номеров «Народной Трибуны» и несколько номеров «Просветителя Народа» был популярным в широких массах писателем-трибуном, идеи которого находили доступ в толщи трудящихся масс Парижа.

Бабеф не мог, конечно, предугадать развития капитализма во всем его объеме, но то, что составляет основное содержание его доктрины в изложении Буонарроти дает картину чрезвычайно рельефно выраженной будущей теории классовых противоречий. И когда мы читаем: «Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа», то, несомненно, здесь нам слышится тот основной лозунг социальной революции, который выброшен Бабефом и который поддерживается современным пролетариатом. Именно в этом связь Гракха Бабефа и его «заговора равных» с нашими днями. Поэтому выпущенную книжку нельзя не приветствовать.

Вл. Виленский (Сибиряков).

А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР. Якобинцы и большевики (психологические параллели). Издательство «Мысль». Берлин. 1922 г (Книга для всех, № 78). Стран. 55.

В развитии Великой французской и Великой русской революции есть много аналогичных моментов. Развертывание нашей революции нам часто напоминало факты и эпизоды из событий 1789—1793 гг. во Франции. Мы намечали параллели, часто пытались сравнивать героев и организаторов нашей революции с вождями якобинцев. На этих параллелях мы учились познавать самих

себя. И для многих мыслящих людей исторические примеры якобинства яснее, чем современность, доказывали правильность пути русской революции.

А. А. Гольденвейзер пишет свои «психологические параллели», как враг революции, не только большевистской русской, но и Великой французской революции, как враг *всякого массового движения*. В его брошюре чрезвычайно ярко выявилась психология, взгляды современного буржуазного интеллигента, который через ненависть к большевизму пришел к ненависти против минувших революций своего класса, который с трусливой злобой смотрит на все героические периоды истории.

А. А. Гольденвейзер с похвальною откровенностью рассказывает, как он пришел к своему теперешнему враждебному отношению к Великой французской революции. Он делится впечатлениями, полученными от чтения книги Ипполита Тэна «История французской революции»: «В первый раз,—говорит он,—я читал эту книгу вскоре после 1905 года, после нашей первой — усмиренной — революции. Я вынес тогда крайне отрицательное мнение о ней. Она показалась мне собранием мелких фактов, произвольно и пристрастно подобранных; я не видел в ней общей линии развития исторических событий, мне недоставало связного изложения революционного законодательства и партийных программ, меня шокировало пренебрежительное и злобное отношение Тэна к провозглашенным французской революцией лозунгам, которые в то время всецело господствовали и над нашей политической идеологией».— «В последние два года, пережившие новую, на этот раз победоносную, революцию в России, я стал все чаще и чаще вспоминать о Тэне и об его интерпретации французской революции. Еще не притронувшись к его книге, уже по своим довольно смутным воспоминаниям о прочитанном 15 лет тому назад, я вчуже отверг свой прежний приговор над ней».— «Я был восхищен психологическим мастерством Тэна, его чутьем подлинной правды и жизни, я оценил его метод...» и т. д. Так, Гольденвейзер доказывает, что положение читателя в происходящей революции определяет его отношение к минувшим революциям и участвовавшим в них классам. И буржуазный интеллигент, почувствовавший у себя, что такое революция, с восхищением воспринимает литературную похабщину, изливаемую на события, активным творцом которых были его предки.

Гольденвейзера не интересует революция в целом, он не разбирает исторических законов ее развития. Он исходит из психологии людей и ею «объясняет» историю. Аналогии отдельных фактов русской и французской революции для него объясняются аналогичными историческими типами якобинца и большевика. «Психологическое сродство деятелей определяет собою характер и созданного ими дела».

«Внизу раздавлена—вся элита нации, все ее нотабли, все, что сколько-нибудь выдавалось по происхождению, культуре, состоянию. Наверху — подонки». Так пишут все эмигрантские газеты про Октябрьскую революцию, так пишет Гольденвейзер про революцию 1792—1793 гг. Но Гольденвейзер—добросовестный передатчик Тэна. Он подобрал из его «истории» самые нелепые обвинения против французских революционеров, он собрал вместе всю ненависть реакционера против того нового, что дала революция. Ненависть против 28-летнего сына армейского сержанта, который в революции оказался властелином над своей провинцией, ненависть против объявленных революцией свобод, против почетного звания революционера—«гражданина» и «патриота». И когда все это читаешь в цитатах из Тэна, то убеждаешься только в том, что и в своих нападках на Октябрьскую революцию русская буржуазия не придумала ничего нового, а повторила лишь клевету и вопли Тэна и идущих за ним «историков» французской революции. Для того, чтобы это понять, для того, чтобы подметить еще кое-какие аналогии между положением якобинцев в 1783 г. и большевиков в РСФСР, книжка Гольденвейзера может принести пользу. Разбираться же в его «психологических исследованиях» нет никакого смысла. «Якобинец оказывается эмпирическим предтечей большевизма, а большевик теоретическим углубителем якобинства. Большевики

пошли в своей социалистической практике несравненно дальше якобинцев. По сравнению с большевиками—якобинцы наивные эмпирики, робкие экспериментаторы»... Таковы «выводы» Гольденвейзера.

Книжка Гольденвейзера показывает нам, что ненависть буржуазии к пролетарской революции имеет обратную силу, и то, что еще 15 лет тому назад самим Гольденвейзером почиталось, теперь, по аналогии с большевизмом, топчется ногами.

В. Кнорин.

А. ШЛЯПНИКОВ. Канун семнадцатого года Часть II. Госуд. Издат. Москва. 1922 г.

Работа т. Шляпникова несколько восполняет пробел в нашей литературе о революционном движении в годы войны—накануне революции. Как и 1-ая его книга, 2 часть знакомит нас с работой, которая велась большевистской соц.-дем. организацией в Петербурге и в других городах России, с другими течениями в русском рабочем движении этого времени, а также и с оппозиционным движением буржуазных кругов.

Книга начинается главой «борьба буржуазии за власть», в которой излагается, как наша буржуазия в конце 1916 года, встревоженная дефектами политики «царизма, проводившейся не только в интересах торгово-промышленного капитала, но имевшей и чисто династические цели, часто подчинявшей интересам двора «конечные цели» российской буржуазии». Буржуазия за время войны создала ряд организаций: Всероссийский Земский Союз, Всеросс. Союз городов, Военно-промышленные Комитеты. Эти организации «черпали организаторские силы из среды демократической интеллигенции, а через нее имели опору и в самой толще народа». Центром борьбы буржуазии за свое господство являлась Государственная Дума.

В день открытия осенней сессии Думы 1 ноября 1916 г. и дан был правительству бой оппозиционными фракциями: были произнесены речи и прочитаны декларации Милюковым, Чхеидзе, Керенским и др. Речи эти были запрещено печатать, но они распространялись в громадном количестве нелегальным путем.

Думские выступления должны были быть подтверждены на съездах общественных организаций, которые имели состояться в декабре, но были запрещены правительством. В ответы на эти запрещения представители земств, городов и др. организаций собрались 11 декабря на совместное заседание, принявшее резолюцию протеста против действий правительства. Движущей силой либеральствующей буржуазии «была война и связанные с ней захватные стремления. Путь «спасения» России они видели в необходимости сломить врага, получить Константинополь и проливы». Их оппозиция правительству была самой поверхностной и требования минимальные: уже смену, последовавшую после думских речей 1 ноября, главы правительства Штюрмера Треповым они расценивали как свою победу, и когда левая часть Думы—фракции Чхеидзе и Керенского—решила встретить первое выступление в Думе вновь назначенного председателя Совета Министров Трепова враждебной демонстрацией, то поплатилась исключением на 8 заседаний,—исключением дружно поддержанным всем «прогрессивным блоком».

Но и самые выступления лидеров левых фракций были достаточно бледны и тусклы и отражали всю неопределенность и шаткость их позиций. Во время выступления 1 ноября Чхеидзе не нашел ни слова возражения против откровенных империалистических замыслов, выявленных в декларации «прогрессивного блока». «Люди, называвшие себя соц.-демократами, не только не смогли отразить борьбу против войны, которую вели пролетарии нашей страны, но даже вели себя так, как будто и самой борьбы-то не было».

Выступления Керенского были еще более неопределенны: «по основным вопросам внутренней и внешней политики, по вопросам войны, у этого представителя партии соц.-рев. не нашлось своего мнения».

Думская оппозиция искала и находила свою поддержку в части рабочего клас-

са, находившейся под влиянием меньшевиков-оборонцев, попавших в качестве представителей от рабочих в Военно-Промышленные Комитеты. «Все стремления их сводились к поддержке Госуд. Думы». Они выпускали листки с лозунгами поддержки Думы в ее борьбе с правительством и за образование правительства «спасения страны», опирающегося на Думу, на все существующие, общественные, рабочие и демократические организации. Большевики же, в лице организации Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б), развили в то время контр-агитацию, разоблачавшую «лакейскую политику Думы, ложь ее лозунгов, а также предательство военно-промышленных социалистов».

По поводу ноябрьских думских выступлений Пет. Комитет выпустил листок, в котором были развернуты большевистские лозунги: «Долой войну. Долой царское правительство! Да здравствует революционное Временное Правительство. Да здравствует революция! Да здравствует 3-й Интернационал! Да здравствует социализм!»

Далее т. Шляпников обрисовывает (в главе III) работу партии соц.-дем. большевиков в провинции, которая к концу 1916 года значительно оживилась. Всей русской работой непосредственно руководило Бюро Центрального Комитета (сам Ц. К. партии был в это время в Швейцарии), имевшее свое местопребывание в Петербурге, в него входил т. Шляпников. «Московская организация за все время войны страдала от отсутствия общего руководящего, организационного центра», причиной чего был хорошо поставленный московской охранкой шпионаж.

Бюро Ц. К. вынуждено было прибегнуть к созданию руководящего центра в Москве «сверху, путем назначения по соглашению с московскими работниками областного Бюро Ц. К».

В ноябре 1916 г. Бюро Ц. К. имело сведения о работе след. организаций: Московской, Тверской, Нижегородской, Харьковской, Екатеринославской, Пермской, Екатеринобургской, Кременчугской, Донецкой, Кронштадтской.

Теперь можно дополнить эти сведения: имелись еще соц.-дем. (большевистские) организации и работа в след. пунктах—Самаре, Саратове, Иваново-Вознесенске, Киеве, Ростове-на-Дону, Иркутске, а также в других городах Сибири, шел вопрос об организации «Сибирского союза» [1]).

Тов. Шляпников дает интересный материал о провинциальной работе, приводит ряд прокламаций комитетов партии. Все они проникнуты тем же боевым большевистским духом, содержат те же лозунги, как и прокламации Петербургского Комитета.

Велась работа и среди солдат и матросов. Главный Коллектив Кронштадтской военной организации выпускал прокламации, одна из которых приведена в книге (стр. 51). В ней солдаты и матросы призываются к борьбе против войны, к борьбе за революцию.

Среди студентов вел работу «Организ. Ком. Студ. Соц.-Дем. фракций высш. уч. заведений», выпустивший в декабре 1916 года прокламацию «К революционному студенчеству России» антимилитаристического характера также приведенную в книге (стр. 54—59).

Далее, т. Шляпников приводит много интересного об условиях подпольной работы того времени. Эти условия были крайне тяжелы: аресты следовали за арестами, для Петербурга установилась средняя норма продолжительности нелегальной деятельности работника, равная 3 месяцам. Т. Шляпников сам спасался от ареста, только прибегая к усиленным мерам конспирации, напр., никогда не ночуя два раза под ряд в одном и том же месте. Бюро Ц. К., в которое с осени 1916 года, кроме Шляпникова, входили еще тт.. Молотов и Залуцкий, нередко

[1]) См. об этом периоде в сборниках: 1) Майоров. «Из истории революционной борьбы на Украине». Киев, 1922 года; 2) «Красная быль». Самара, 7 ноября 1922 г , 3) «Накануне Великой революции». Новая Москва, 1922 г.; 4) Саратовский сборник (точного заглавия не помню) и 5) «Обзор деятельности Соц.-Дем. Раб. Партии за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.». Изд. Департам. полиции. О легальной большевистской печати за время войны—см. ст. в «Красном Архиве», № 2.

устраивало свои «заседания», прогуливаясь втроем темными вечерами по пустынным улицам Петербурга. Во-всю работали провокаторы: Мирон Черномазов, бывший депутат 3-ей Гос. Думы рабочий Шурканов, печатник Михайлов и др. Некоторых из них подозревали и разоблачали еще в то время, другие же без помех производили свою Иудину работу вплоть до революции, которая разоблачила почти все тайны охранки (за исключением того, что им удалось уничтожить в первые часы и дни после революции).

Трудно было работать и за крайним недостатком в средствах; большие услуги в этом отношении оказывал А. М. Горький.

Издательство листков в это время встречало большие препятствия: нелегальные типографии проваливались одна за другой; было проведено большое предприятие вооруженного захвата легальной типографии и напечатания там 4-го № «Пролетарского Голоса», но вследствие выдачи всего этого дела провокатором Михайловым все участники этого дела были арестованы со всеми отпечатанными экземплярами газеты.

И не только русская царская охранка работала над разрушением большевистских организаций, но и международный военный и полицейский сыск и провокация не давали покоя большевикам-эмигрантам. Были и попытки со стороны социалистов воюющих и нейтральных стран использовать революционное движение в России в интересах воюющих с нами стран. О ряде таких попыток рассказывает тов. Шляпников. Все такого рода предложения, конечно, решительно отвергались и разоблачались.

Но всего этого было недостаточно: «Правительство, помещики, буржуазия, зная и учитывая рост недовольства, рост антивоенных настроений, усилили репрессивные меры борьбы. Против нас повелась усиленная агитация, как в прессе, так и через различные организации, работавшие по «организации обороны». Все средства клеветы были пущены в ход: обвинения в провокации «преждевременной» вспышки, в немецких интригах и подкупе. Но и клевета не остановила рабочего движения»...

Бюро Ц. К. и Петерб. Комитет начали деятельно подготовлять открытое выступление пролетариата в виде демонстрации в Петербурге, Москве и Иваново-Вознесенске, приурочивая их к 9 января.

На этом и оканчивается в высокой степени интересная 2-ая часть «Кануна 17-го года».

В приложениях даны следующие материалы: 1) Протокол совещания с А. Д. Протопоповым у М. В. Родзянко 19/X 1916 г. (этот материал приведен также в книге Блока «Последние дни императорской власти»), 2) «Съезды Всероссийских Союзов Земств и Городов»—Речь главноуполномоч. Союза Земств кн. Г. Е. Львова от 9/XII 1916 и др., 3) материалы о работе Петерб. Междурайонного Комитета (плехановцы и троцкисты) и 4) материалы о деятельности социалистов-революц., трудовиков, военно-промышленных социалистов и фракции Чхеидзе.

С. Мицкевич.

В. ДЕГОТЬ. В «свободном» подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919—1921 годах). Государственное Издательство. 1923 г. Стр. 87.

Всякий читатель, взявший книжку т. Деготя, несомненно, заинтересуется, в первую очередь, ее заголовком. Пролетариям и революционерам крестьянам нашей страны известна подпольная революционная работа, но она была вызвана отсутствием свободы. «Свободное» же подполье, по т. Деготю,—это революционная работа в странах прославленной демократии, где господствует ожесточенная классовая борьба.

Воспоминания т. В. Деготя охватывают период от конца 1918 года, когда автор работал на юге России, в Одессе, при гетмане, Деникине, а затем в 1919 году, по поручению Коминтерна, направляется на работу за границу, в Италию и Францию. Это было в первый, так сказать, период «кустарной» работы Коминтерна, когда работники посылались за границу для «разработки связей» и т. д.

Читатель напрасно будет искать то, что озаглавлено в книжке—«свободное»

подполье. Никакого подполья ни в Италии, ни во Франции, как системы организации и работы, не видно из рассказов тов. Деготя. Нельзя считать «подпольем» проживание и даже поездки т. Деготя по чужому паспорту. В нашем русском понятии подполье означает определенную постановку работы. Такое подполье было на юге и в интереснейший период немецкой оккупации, а затем прихода французских и др. войск. Но всему тому периоду автор посвящает всего лишь 14 страниц.

Годы пребывания т. Деготя за границей (1919—1921) были годами подъема революционной борьбы рабочего класса. В эти годы товарищу Деготю пришлось побывать в Италии, во Франции, но в его воспоминаниях нет почти ничего о могучем подъеме рабочего движения в этих странах.

Товарищ Деготь упоминает целый ряд событий, лиц и совещаний с партийными представителями, но в большинстве случаев как-то скользя по событиям и по людям. Сжатый характер писания воспоминаний понижает их качество, и автор не достигает той воспитательной цели, которую он поставил в предисловии.

В конце книги приведен тюремный дневник т. Деготя, в котором есть картинки постыдного режима для «демократической» республики.

А. Шляпников.

ПАМЯТНИКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Т. 1. «Черный Передел», орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. Предисловие В. Невского. Вступительная статья О. В. Аптекмана. Петроградское бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и Рос. Коммун. Партии. Государственное Издательство. Петроград. 1923 г. Стр. 355. Тираж 4.000 экз.

«Черный Передел» является в настоящее время большою библиографической редкостью. По сообщению редакторов рецензируемого издания, в России имеется лишь один экземпляр № 5 «Черного Передела», да и тот с испорченными страницами. Уже одно это обстоятельство дает основание признать чрезвычайно удачной мысль о переиздании этого журнала. Почти недоступный до настоящего времени для широких кругов читателей, этот журнал ценен тем, что его содержание дает возможность познакомиться с одним чрезвычайно важным моментом в развитии русской революционной мысли. При таких условиях переиздание «Черного Передела» можно лишь приветствовать. Вместе с тем нельзя не пожалеть, что издатели его не сочли нужным присоединить к тексту журнала весьма необходимых для читателя хотя бы минимальных комментариев и примечаний, которые облегчили бы ознакомление с воспроизводимым текстом. В новом издании не раскрыты даже авторы напечатанных в «Черном Переделе» статей, что по отношению ко многим статьям можно было сделать безо всякого труда. Издатели не сочли нужным даже пояснить, что означают поставленные в скобки и напечатанные жирным шрифтом цифры, во многих местах прерывающие текст «Черного Передела»; они предоставили читателям самим догадываться, что эти таинственные цифры, повидимому представляют собою не что иное, как разметку страниц подлинника. Не менее досадно, что в рецензируемом издании не дано никаких указателей содержания «Черного Передела» и даже простого оглавления. Все это весьма понижает научную ценность издания и вызывает тем большую досаду, что рассчитывать на новое более научное переиздание «Черного Передела» в ближайшее время не приходится.

К тексту 5-ти номеров «Черного Передела» в рецензируемом издании присоединена вступительная статья О. В. Аптекмана. Зная, что автор этой статьи являлся одним из основателей группы «Черный Передел» и что его перу принадлежит напечатанное в № 1 журнала «Черный Передел» *письмо к бывшим товарищам*, являвшееся до известной степени декларацией программного характера, читатель с большим интересом приступает к чтению этой статьи, надеясь найти в ней много новых и ценных фактов и сведений относительно мало до сих пор выясненной истории группы «Черный Передел». Однако, при чтении этой статьи читателя с первых же страниц охватывает полное недоумение.

До сих пор мы привыкли думать, что произошедший в августе 1879 г. раскол тайного общества «Земля и Воля» на партию «Народная Воля» и группу «Черный Передел» явился результатом весьма глубоких разногласий, обнаружившихся в рядах «Земли и Воли» и касавшихся основного вопроса тогдашней революционной действительности,—вопроса о ближайшей и главной задаче, стоявшей перед революционной партией. Участники революционного движения того времени в оставшихся от них воспоминаниях свидетельствовали, что разногласия эти были чрезвычайно *серьезными* и что разрыв произошел лишь после того, как выяснилась полная невозможность примирить между собою спорящие группы. Другими словами, по свидетельству весьма компетентных современников, разрыв был неизбежен. Но вот, из статьи О. В. Аптекмана оказывается, что все наши представления о расколе не соответствуют действительности. С первых же страниц своей статьи О. В. Аптекман начинает уверять нас, что «раскол отнюдь не был вызван *необходимостью*», что никаких существенных разногласий принципиального и тактического характера, делавших раскол неизбежным, не имелось. В чем же дело? Что же в таком случае вызвало раскол? «Тогда, сорок два года тому назад,—отвечает автор статьи,—раскол казался будто *неизбежным*: страсти разгорались, вмешалось много субъективных моментов, начиная с незаметных *уязвлений* самолюбия и кончая трудно скрываемой личной антипатией» (в скобках замечу исключительно среди *редакторской* группы «З. и В.»). Итак, никаких разногласий не было; разрыв же явился результатом «печальной склоки» членов редакторской группы (т.-е. Плеханова, Морозова и Тихомирова), не сошедшихся друг с другом характерами. «Общество «З. и В.» приказало долго жить потому, что не поладили между собою прежде всего члены редакционной группы «З. и В.» из-за «сугубой аллилуи», которая потом ввела в соблазн и остальных товарищей по «З. и В.», порешивших с болью в сердце «разбрестись врозь»... таково (дословно) объяснение, которое дается автором расколу «Земли и Воли». Поверим ли мы в это наивное объяснение? Конечно, нет; в нашем распоряжении находится слишком много данных, показывающих, что дело обстояло далеко не так просто, как утверждает О. В. Аптекман. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с другой работою того же О. В. Аптекмана, с написанными им еще в 1883—84 гг. (т.-е. тогда, когда его память была еще свежа) воспоминаниями о «Земле и Воле». Из этих воспоминаний мы узнаем, что в среде «З. и В.» еще с весны 1879 г. обнаружились разногласия, что в особенно бурную форму эти разногласия вылились во время обсуждения предложенного Соловьевым плана убийства Александра II, что никакие личные симпатии и никакие попытки предотвратить разрыв оказались недействительными. Когда О. В. Аптекман писал эти воспоминания, он еще помнил, что «разногласия о приемах борьбы перешли в разногласия принципиальные: *одни предлагали политическую борьбу на первом плане, другие — экономическую*» (О. В. Аптекман.—Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. «Русская Историческая Библиотека», № 19, стр. 196; курсив автора). Но для того, чтобы убедиться в наивности объяснений, данных Аптекманом в вступительной статье к рецензируемому изданию, нет даже нужды обращаться к его более ранним воспоминаниям; достаточно прочитать его же упомянутое нами выше «письмо к бывшим товарищам». В этом письме, написанном по поручению группы «Черный Передел», автор должен был выяснить все разногласия, разделявшие эту группу от «Народной Воли» и послужившие поводом к расколу. Автор письма называет странной уверенность народовольцев в необходимости политического переворота в России. Он указывает на то, что «реорганизация общества на более справедливых основаниях возможна лишь при помощи экономической, социальной революции, что политические перевороты нигде и никогда не могли обеспечить народу экономическую и политическую свободу». Он говорит, что задачей революционной партии в России должен быть не захват власти в свои руки, а «орга-

низация в народе боевой партии», имеющей задачей «подготовлять умы, средства и орудия борьбы—в мирное время; регулировать, направлять движение — в революционное». «Наша роль в народе,— говорит он,—по преимуществу инициаторская, все остальное должно делаться самим народом, лучшими его представителями». «Вы не верите в народ, вы не верите в революцию!» упрекает он народовольцев и кончает свою статью указанием, что «революционная партия, которая отказалась бы теперь от народа, стала бы партией застоя и реакции».

Думается, что приведенные выше выдержки из «письма» О. В. Аптекмана достаточно ясно свидетельствуют о том, что распад «Земли и Воли» не был случайностью и что не в личных отношениях и качествах Плеханова, Морозова и Тихомирова надо искать причин его. Все это заставляет прийти к выводу, что вступительная статья О. В. Аптекмана, внушая читателям совершенно превратное представление об истории «Черного Передела», является излишним балластом в рецензируемом издании.

Те немногие, ценные исторические данные, которые читатель найдет в этой статье, совершенно тонут в массе никому ненужного материала: О. В. Аптекман счел почему-то уместным в этой статье говорить об отношении Берви-Флеровского и Михайловского к террору, подробно излагать содержание всех передовиц «Земли и Воли» и т. д.

Итак, единственная ценность рецензируемой книги — это текст самого «Черного Передела».

Б. Козьмин.

ИСТОРИЯ.

1. СОЛОМОН ЛУРЬЕ. Антисемитизм в древнем мире. *П. Преображенский.* — **2. Профессор С. Г. ЛОЗИНСКИЙ. Средние века.** *А. Неусыхин.* — **3. ФРИЦ ВОЛЬТЕРС. Исследование по аграрной истории Франции в XVIII веке.** *Н. Лукин-Антонов.* — **4. А. СОЛОГУБ-ЧЕБОТАРЕВСКАЯ. Женщина накануне революции 1789 года.** *Н. Лукин.* — **5. С. П. МЕЛЬГУНОВ. Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв. в России.** *М. Рейснер.*

СОЛОМОН ЛУРЬЕ. Антисемитизм в древнем мире. Изд. «Былое». Птг. 1922. Стр. 159.

Автор настоящей работы не является историком в собственном смысле этого слова. Он принадлежит к той, ныне почти исчезающей в России школе классических филологов, которые, обладая весьма малой социологической или теоретической в области истории подготовкой, брались за разработку тем исторического характера. Естественно, что их исследования всегда носили более археологический и источниковедный, чем исторический характер, и, по мере того, как их темы становились общее и «социологичнее», историческая беспомощность автора сказывалась более и более. Не избежал этой участи и проф. Лурье. С одной стороны, его труд отграничен пределами его специальности — греко-римской цивилизацией,—с другой, по мнению автора, «антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно присущих еврейскому народу» (стр. 7). Это явление не может быть объяснено «случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами» (там же). Получается какая-то своеобразная «богоизбранность» еврейства в смысле обладания им какими-то особыми, постоянными свойствами на всем протяжении всемирной истории. Любопытны и исследовательские пути автора. Прежде всего — самонаблюдение: «автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях» (стр. 5), а затем поверка этого

«изучения современности» на данных эллинистической эпохи. Это соединение интроспекции с изучением источников и приводит проф. Лурье к утверждению следующего положения: «Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм... была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории или своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее... оставался национально-государственным организмом» (стр. 8). Классический пример обычной для классического филолога терминологической путаницы! Оказывается, «наличность национальности и государства» (как будто это одно и то же) определяется рядом «чисто-психологических социально-нравственных переживаний» (там же). Вряд ли и стоит останавливаться на этой едва ли приемлемой для государствоведа, на какой бы точке зрения он ни стоял, конструкции. Ее конкретно-историческое раскрытие (гл. обр., стр. 116—120) должно при более пристальном историческом анализе указать автору, что не государственность вообще, а ее теократизация и, как результат последней, церковный тип социальной организации был тем своеобразным элементом, который был принесен иудаизмом в мир эллинистическо-римской культуры. Эта точка зрения будет нами обоснована в ближайшее время в работе, посвященной истории первохристианства.

Если чрезвычайно слаба теория проф. Лурье, то этого никак нельзя сказать про данный им в своей книге материал. Он очень интересен и обилен. Использованы не только классические авторы, но и чрезвычайно любопытная папирологическая литература. Благодаря этой последней перед нами оживает конкретный бытовой антисемитизм. Мы только бы указали автору, что антисемитские черты оксиринхских папирусов стоят в несомненной связи с своеобразной оппозицией восточного эллинизма романтизму, которая проявляется в этих папирусах. Не даром римские императоры часто рисуются как юдофилы. Это обстоятельство должно быть учтено и при интерпретации этих интересных, но весьма трудных для критической оценки источников. Не совсем удовлетворяет нас и использование автором такой критической для иудейства эпохи, как национальная революция с восстания при Нероне, кончая восстанием Бар-Кохбы. Иудейский мессианизм вообще почти не задет автором, а его, несомненно, приходится принимать в расчет при характеристике такого многогранного явления, как антисемитизм. Он является продуктом той же исторической эволюции, как иудейская церковность или национальная государственность по невразумительной терминологии проф. Лурье. Наконец, при оценке экономической роли еврейства в древности надо принять во внимание блестящую характеристику хозяйственного этоса иудаизма, которая дается Максом Вебером в III томе его «Religionssoziologie». Это—единственная серьезная работа в этом направлении, если не считать легкомысленной книги Зомбарта, и остается только пожалеть, что она не знакома проф. Лурье или не использована им. Также, повидимому, незнаком нашему автору интересный очерк Соломона Рейнака «De la prétendue race juive» в его «Cultes, mythes et religions».

И, last not least, в серьезном научном исследовании надо все-таки отрешиться от чувства некоторой придавленности и ущемленности, которая сквозит и в предисловии и в самом изложении. Это только придает несколько неприятный привкус очень интересному по своему фактическому содержанию исследованию проф. Лурье.

Проф. П. Преображенский.

Проф. С. Г. ЛОЗИНСКИЙ. Средние века. Очерк социально-экономической жизни средневековья. Издательство «Просвещение». Петроград. 1922 г. Стр. 191.

Книга представляет собою в общем довольно стройное, ясное и доступное по форме изложение основных линий развития средневекового общества. Изложение захватывает большой период—с первых веков нашей эры до конца XV века, т.-е. до того пункта, который обычно считается гранью, отделяющей «Средние века» от «Нового времени». Автор

начинает свою книгу очерком основных явлений разложения Римской империи, затем рисует общественный строй германских народов и изображает основные типы «варварских» королевств, образовавшихся на Римской территории. Это дает ему возможность, не нарушая стройности плана, перейти к изложению того комплекса явлений, который называется феодализмом, и в связи с ним остановиться в общих чертах и на аграрной эволюции. Далее автор, переходя к эпохе так называемого позднего средневековья, изображает сравнительно подробно другую сторону средневековой жизни—город и его внутреннее развитие—и заканчивает книгу очерком образования крупных государств (Англии и Франции) и раздробление Италии и Германии

Вся книга носит характер общего обзора и притом довольно скупого на подробную трактовку процессов и явлений, хотя и весьма содержательного. Для первоначального ознакомления с основными явлениями средневековой истории книга вполне пригодна, но лишь для *первоначального*; ибо на ряду с отмеченными выше достоинствами, она отличается и рядом недостатков, и притом как раз в научном отношении.

Подзаголовок книги и краткое предисловие сразу же указывают на стремление автора сделать центром тяжести изложения социально - экономическую историю средневековья. А между тем как раз в этой области автор больше описывает процессы, чем объясняет их, а там, где пытается объяснить, делает это не всегда удачно, часто придерживаясь спорных или вовсе устарелых точек зрения. Так, напр., происхождение колоната объясняется из задолженности (стр. 11 сл.); процесс разложения Римской империи описан довольно точно с его внешней стороны, но при попытке объяснения его причин мы встречаем старую ссылку на латифундии, погубившие Италию (стр. 12). Средневековье попрежнему объявляется эпохой безраздельного господства натурального хозяйства (стр. 93), и о возникновении торговли идет речь лишь в связи с появлением города, которое приурочивается опять-таки лишь к позднему средневековью (стр. 87 и сл., 93 и сл.).

Конечно, нельзя требовать от популярной книги качеств научного исследования, и мы далеки от подобных требований. Но из этого не следует, что в такой книге не могут или не должны быть использованы приобретения науки или должен быть слабо представлен элемент объяснения. Как раз напротив: этот последний чрезвычайно важен для вводной книги, которая должна будить мысль читателя и вызывать у него ряд вопросов.

К сожалению, наш автор не освободился еще от представления о «Средневековьи», как каком-то замкнутом в себе органическом целом, как о второй стадии некогда столь знаменитой всемирно-исторической схемы: «Древность—Ср. века—Новое время». Так, мы не раз встречаем у него выражения: «сущность средневековья», «призрак единой Римской империи», а в конце I главы находим следующие строки, написанные совсем в духе старой «философии истории»: «Так из борьбы двух *начал*, объединяющего и разъединяющего, при сильном преобладании первого и при резком падении культурного уровня всего общества *родились Средние века* (курсив наш. *А. Н.*), в недрах которых будет итти дальнейшая *борьба этих двух начал*, пока победителем — впрочем, опять не полным—выйдет первое *начало*, которое и возвестит приближение новой эпохи, *нового времени*» (стр. 32 курсив автора). Странное впечатление производит и своеобразная манера автора делать ссылки. Так, напр., чувствуя, очевидно, недостаточность своей характеристики возникновения колоната, автор делает примечание: «подробно об этом см. в учебниках по истории Рима» (стр. 12) Но в каких? Уж одно из двух: либо вовсе не делать ссылок, если считать их излишними в популярной книге, либо делать точно. Несмотря на все эти недостатки, книга, повторяем, вполне пригодна в качестве вводного пособия для изучения средневековой истории.

Д. Неусыхин.

ФРИЦ ВОЛЬТЕРС. Исследование по аграрной истории Франции в XVIII веке (1700—1790). Перевод Н. М. Попова. Государственное Издательство. Москва — Петроград. 1923 г. Стр. 340.

На немецком языке книга Вольтерса вышла еще в 1905 году. Она состоит из четырех очерков, которые представляют из себя четыре отдельные самостоятельные исследования. Первый очерк посвящен распределению земельной собственности накануне революции, второй — аграрным теориям XVIII века, третий — аграрному движению 1750 — 1789 годов и, наконец, четвертый—истории борьбы за земельные владения французской церкви в XVIII веке до 2-го ноября 1789 года.

При рассмотрении сложного и спорного вопроса о распределении земельной собственности накануне революции Вольтерс не привлекает свежего архивного материала, но им превосходно изучен и использован громадный печатный материал, начиная с книги Артура Юнга и кончая новейшими исследованиями Саньяка, Ковалевского и Лучицкого. Точка зрения самого автора мало оригинальна, но он дает хорошую сводку того, что сделано по этому вопросу в исторической науке, осторожно выбирая лишь наиболее твердо установленные факты и выводы.

Значительно больший интерес представляет второй очерк, построенный на тщательном изучении теории земельного передела и аграрного коммунизма в дореволюционной Франции. Очерк распадается, в свою очередь, на две главы, при чем в первой рассматриваются аграрные теории до 1780 г., носящие чисто академический характер; во второй—теории, появившиеся в 1780—1790 гг. под впечатлением глухого брожения, происходившего в тогдашней французской деревне, а потому пропитанные революционным духом и рассчитанные на немедленное осуществление.

Под рубрикой «аграрное движение», которому посвящен третий очерк, автор помещает экономические теории влияния Англии и расцвет агрономической литературы, новые явления в области сельско-хозяйственной культуры и технологии, споры о преимуществах крупного и мелкого хозяйства в земледелии, очерк феодальных прав, наконец, обзор правительственной политики в аграрном вопросе и его отражение в наказах.

В четвертом очерке главное место занимает история вопроса о церковной собственности в дореволюционной литературе и дореволюционном законодательстве. Судьбам церковных имуществ в эпоху Учредительного Собрания отведено сравнительно весьма скромное место, а то обстоятельство, что автор ограничил себя датой 2 ноября 89 года, придает очерку незаконченный характер. Вообще этот последний очерк мало связан с тремя предыдущими, и без ущерба для дела мог быть выпущен при переводе.

Вольтерс—не марксист, и это сказывается на всем построении его работы. И все же она явится весьма ценным пособием при изучении аграрных отношений во Франции накануне революции и дореволюционного аграрного социализма и коммунизма. Книга может быть рекомендована как для самообразования, так и для университетских занятий. В последнем случае ее первый очерк может служить весьма полезным введением к изучению более специальных работ Кареева, Ковалевского и Лучицкого.

Перевод сделан Н. М. Поповым весьма тщательно, при чем, что особенно ценно, сохранен весь колоссальный «ученый аппарат» (цитаты, ссылки, приложения), занимающий в работе Вольтерса весьма почтенное место и превосходно ориентирующий читателя в специальной литературе. Благодаря этому последнему обстоятельству, книга и в русском переводе вполне сохранила свою чисто-научную ценность.

Н. Лукин-Антонов.

АНАСТАСИЯ СОЛОГУБ-ЧЕБОТАРЕВСКАЯ. Женщина накануне революц и 1789 г. С портретом автора и вступительной статьей Федора Сологуба. Издательство «Былое». Петроград. 1922. Стр. 152.

Предлагаемый очерк был прочитан в 1921 году в виде публичной лекции и должен был войти в подготовлявшуюся

А. Чеботаревской большую работу, оставшуюся незаконченной за смертью автора. Заглавие книжки не совсем соответствует ее содержанию: речь идет не о французской женщине конца XVIII в. вообще, а о женщинах, принадлежавших к высшему обществу того времени. Быт этого общества, вплоть до характерных особенностей языка и стиля тогдашней литературы, прекрасно знаком автору. В живых и ярких образах проходит перед читателем «век галантности» с его культом женщины, блестящими литературными салонами и их «изумительными» руководительницами, с его своеобразной любовью—«желанной», «капризной» и в то же время «очаровательной», с его «терпимостью» к супружеским изменам, как необходимому «коррективу» к браку. В заключение автор дает ряд женских типов в роде маркизы дю-Деффан, г-жи д'Эпинэ, известной по «Исповеди» Руссо, графини д'Удето и прочих представительниц тогдашней аристократии.

Каждая из них по-своему мила сердцу А. Чеботаревской и приводит ее в восхищение тонкостью ума, способностью к науке, искусству, к сложным и в то же время красивым переживаниям в области чувства. Против подобного рода симпатий русской интеллигентки начала XX века к прекрасным дамам века «галантности» можно было бы и не возражать: о вкусах не спорят, но... все дело в том, что автор не ограничивается талантливым (это надо признать) описанием света и нравов высшего французского общества конца XVIII: он дает им известную оценку, связанную притом с некоторыми положениями, которые приводят нас из безобидной области художественной литературы в сферу социологии и... политики (!!), как бы ни открещивался от последней сам автор (см. стр. 30).

XVIII век, как «эпоха наибольшего развития личности, привлекает к себе его внимание по резкому контрасту с нашей эпохой небывалого в истории оскудения личного начала, когда слово «человек» исчезает из обихода, когда люди... обращаются в стертые номера...» (26, 28—29).

В своем увлечении «веком галантности» А. Чеботаревская забывает, что для «спасения чести» какой-нибудь благородной семьи король мог засадить на неопределенно долгое время в Бастилию даже весьма высокопоставленную «личность», если об этом просила ее влиятельная родня, а какой-нибудь литератор мог просидеть в училище десятки лет за оскорбление королевской фаворитки.

XVIII век особенно ценен и потому, что политическое бесправие позволило людям целиком уйти в частную, интимную жизнь, «придав ей удивительное очарование» (28).

Экскурсия в область социологии начинается с положения, что «чем сложнее и отчетливее разделение... общества... на группы, сословия, цехи, чем законченнее... прикрепление каждого к его подлежащему месту в обществе, тем... общество... более в праве называть себя культурным. С этой точки зрения Америка не относится автором к странам с глубокой культурой; зато, напр., французское общество XVIII века достигло наивысшего расцвета культуры (31—34, 50). Правда, в другом месте отмечается, что для кануна революции как раз характерно сближение между классами, своего рода классовая «диффузия», напр., финансовая буржуазия сближается с родовитой знатью. Но автор не замечает этого противоречия.

Могут еще возразить, что нельзя считать «высоко культурною нацию, 90 процентов которой живет в невежестве и в бедности при высоком проценте смертности». Но оказывается, что подобного рода утверждения основаны на чистейшем недоразумении, порожденном «догматическим освещением (эпохи) социологами». Последние зря «потратили горы бумаги... на доказательства неизбежности революционного взрыва, как следствия экономического банкротства Франции, вместо того, чтобы изучать «галантный век» лишь по мемуарам и прочим *литературным* памятникам, как это делает А. Чеботаревская (45—46, 48). В действительности «очаровательные» и «изумительные» аристократки и аристократы XVIII в. «пришли в мир для того, чтобы доставить себе и *другим* (курсив мой. *Н. Л.*) как можно больше приятных ощущений» (86).

Хотите доказательств?—Их сколько угодно. В литературе того времени немало упоминаний «о патриархальных отношениях дворян к своим вилэнам» (поселянам), которые потом, уже в эпоху революции, «зачастую восставали против революционного правительства вместе с владельцами дворянских поместий». Нет никаких намеков на классовую вражду. «Герцог Шуазель ежегодно устраивает у себя в отеле так называемые «балы слуг»; «мемуары изобилуют ссылками на преданность аристократам их слуг и камеристок, зачастую погибавших за это на эшафоте». А чего стоит деятельное участие «торговцев, привратников, лимонадников, слуг» в попытках к освобождению королевской семьи.

«Мы тщетно старались,—говорит автор,—отыскать *во всей литературе того времени* (курсив мой. *Н. Л.*) отражение угнетенного положения крестьян или симптомы классовой вражды, вызываемой униженным состоянием низшего слоя населения» (стр. 39—42).

Последнее положение звучит особенно «уничтожающе», особенно если вспомнишь не только содержание крестьянских наказов,—этого рода исторические источники для А. Чеботаревской не существуют,—а, скажем, известное место из «Исповеди» Руссо, где красноречиво рассказывается о французском мужике, прятавшем свой хлеб и вино из боязни, как бы местный сеньор или сборщик податей хоть на минуту не подумал, что крестьянин не умирает с голоду.

Но допустим на минуту, что прав автор, что умные, тонкие, блестящие графы и маркизы умели жить не только красиво, но и безвредно, что мир и взаимная симпатия царили между низшими и высшими классами, пропасть между «благородными» и «ротюрами» сглаживалась. Вспомним еще, что «закон взаимного уподобления и общественной диффузии» является, как утверждает А. Чеботаревская, «несравненно более могущественным двигателем истории, чем закон классовой борьбы» (45).

Остается все-таки мучительной загадкой: откуда же взялась тогда революция? Как это случилось, что милые дамы и их галантные кавалеры, никого не обижая, доплясались до эшафота?

Но и из этого затруднения автор выходит с присущей ему изящной легкостью «Верхи» утомились и пресытились, наконец, своей беспечальной жизнью и первые (?) пошли на уступки, «низы» позавидовали барам и, почувствовав в один прекрасный день «вкус к благам и утехам... культуры», решили овладеть ими, «хотя бы путем насилия, ценою крови» (47). А впрочем... впрочем, «история... полна загадок, случайностей и экстравагантностей, а, следовательно, также загадочны и причины переворотов». «C'etait fou comme l'histoire» (это безумно, как история)—вот наилучший ответ на подобного рода вопросы (50, 49).

Остается только пожалеть, что, кроме «очаровательного лика, соответствующего возвышенным учениям философов», революция показала и свой «сатанинский лик, тот, который... отразился в кошмарных неистовствах террора» (94), и утешаться вместе с автором тем, что герцогини и маркизы умели не только жить, но и с достоинством всходить на эшафот (65, 66).

Антидемократизм, антиобщественность, культ личной жизни, идеализация французского барства XVIII века, плохо скрываемая ненависть к классовой борьбе, к революции вообще, и революции наших дней в частности, отказ от применения научных методов в истории—таково впечатление от книжки Чеботаревской.

Когда-то личный секретарь М. Ковалевского, автор «блестящей», по словам Сологуба, работы по истории и современному положению русской общины, человек, близко стоявший к кругам русской революционной интеллигенции, потерявший брата, казненного по приговору столыпинской юстиции, ищет в наши дни свой общественный идеал в дореволюционной Франции. Откуда такая перемена?

Объяснение дает в своем предисловии Ф. Сологуб. С 1917 года оба супруга претерпевали только «огорчения и неприятности». Пришлось уйти из профессионального союза деятелей художественного слова... «закрытие газет, независимых от правительства; и прекращение свободного издательства книг поставили нас в крайне тяжелое моральное и материальное положение. За границу, где мож-

но было бы жить «по-человечески», не пускали, но и «бежать из России мы не хотели» (9—21).

Перед нами типичные представители той части русской писательской и академической интеллигенции, которая, правда, не приняла активного участия в борьбе с пролетарской революцией, но для которой последняя навсегда осталась лишь «безумием стихий», чем-то досадно испортившим столь привычный и милый интеллигентскому сердцу буржуазный уклад жизни. В этом и надо искать разгадки общественных превращений А. Чеботаревской.

Издана книжка с большим вкусом и изяществом.

Н. Лукин.

С. П. МЕЛЬГУНОВ. Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв. в России. Изд. «Задруга». Москва. 1922 г. 1—196.

Книжка С. П. Мельгунова представляет собой перепечатку без изменений его статей из книг для чтения по истории нового времени, выходивших в свое время при Обществе распространения технических знаний. Автор оправдывает такую стереотипную перепечатку тем обстоятельством, что «за истекшее десятилетие ничего нового в этой области не появилось». Мы оставляем на совести автора столь печальную характеристику движения исторической науки у нас и, надо полагать, на Западе по истории религий, которая так-таки внезапно и остановилась. Или же мы неверно поняли автора—и наука при всем своем движении лишь ничем не могла дополнить и исправить автора, так как он исчерпывающе раз навсегда изложил свой предмет... Если даже стать на точку зрения автора, то нельзя не отметить другого обстоятельства, которое не только требовало пересмотра книжки, но, сказали бы мы, пересмотра коренного. Прошедшее десятилетие в силу известных автору обстоятельств радикально изменило того читателя, к которому теперь обращается С. Мельгунов. И этот новый читатель даже от весьма популярной книжки требует гораздо большего, чем он найдет в «Религиозно-общественных движениях» нашего автора. Новый читатель уже не удовлетворяется простым и многократным указанием на свойство «протеста», присущее тому или другому движению, но желает в подробности знать, из каких материальных условий этот протест произошел, почему именно такие условия дали определенную форму протеста, какие моменты классовой и групповой психологии, рожденной экономикой, предопределили не только содержание, но и форму протеста, какое отношение религиозная форма протеста имеет к другим формам и видам классовой или групповой борьбы, почему данные идеологические формы потерпели определенные изменения и перерождения и т. д. Мы не можем сказать, чтобы случайно, иногда в интересах рассказа, а порою и в интересах исторической правды наш автор не касался поставленных нами вопросов. Но, к сожалению, это делается в таких общих чертах, почти намеках, в такой капризной связи и зависимости, с такой, вообще говоря, легкостью, что никакого цельного впечатления не остается, а получается нечто в роде собрания исторических анекдотов, более или менее связанных между собою. Приходится сделать неизбежный вывод: что было, может-быть, не так плохо в просветительной работе десять лет тому назад, когда нужно было дать историческое чтение средней школе и людям, жаждущим самообразования в царской России, то нуждается в серьезной переработке сейчас. Ни вторая ступень советской школы, ни марксистски подготовленные рабочие, ни даже пережившие революцию трудовые массы книжкой С. П. Мельгунова в ее старом виде удовлетвориться не могут.

М. Рейснер.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. К. ВЕЙЛЕ. Первобытное общество и его хозя˜ство. *Н. Попов.* **— 2. Проф. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ. Как научились читать египетские письмена.** *Т. Анатолийский.***—3. ДАЕНСОН. О боге и чорте.** *Г. Бройдо.*

ВЕЙЛЕ, К. Первобытное общество и его хозяйс во. Перевод Анны Мейер. 153+ III стр. Изд. «Книга». Москва. 1923 г.

Разбираемая книга представляет из себя третий выпуск серии обзоров по первобытной культуре, написанной Вейле для издательства «Kosmos». Автор, большой знаток этнологии и умелый популяризатор, имеет в виду широкие круги читателей. Этим объясняется характер изложения, живого и непринужденного, изобилующего яркими примерами и параллелями, но вместе с тем не всегда равномерного и достаточно обстоятельного.

Заголовок книги не вполне соответствует содержанию: автор почти не затрагивает «общества» и главное внимание уделяет «хозяйству». Последнее определяется след. образом: хозяйство—это совокупность «всех действий, направленных на поддержание нашей жизни; оно вместе с тем «первый и сильнейший побудитель всякого развития культуры». Далее автор рассматривает следующие темы: формы и ступени хозяйства; хозяйство животных и хозяйство человека; хозяйство современных беднейших народов (пигмеи, бушмены) и архаические элементы в хозяйстве более высоко стоящих народов; постепенное развитие труда (здесь в основе лежат воззрения Бюхера); разделение труда на ранних стадиях развития общества (в этой главе автор несколько выходит за пределы чисто-хозяйственных тем и касается вопроса о характере ранних общественных форм); возникновение и развитие земледелия (на основе теории Эд. Гана, с меткой критикой ее фантастических элементов); ранние виды денег и, наконец, средства сообщения и транспорт.

Как видно из приведенного перечня, автор затрагивает все важнейшие темы, относящиеся к области раннего хозяйства. Можно лишь пожалеть, что не была подвергнута рассмотрению проблема, в настоящее время спорная, о первобытном коммунизме. Достоинством книги является также и то, что автор во многих случаях излагает различные точки зрения на вопрос.

Несколько слов о переводе. Вейле пишет весьма своеобразным языком, который представляет большие трудности для перевода. Это обстоятельство могло бы оправдать некоторую шероховатость перевода или известную отдаленность его от подлинника, но ни в коем случае не прямые ошибки, искажающие иногда весьма важные положения автора. Между тем такие ошибки встречаются. На стр. 87 напечатано: «У нас земледелие было развито еще в самом начале древнего каменного века», нужно «нового каменного века». На стр. 102 мы читаем: «Начало скотоводства, в нашем смысле, происходит, таким образом, из охотничьей жизни и находится в связи с земледелием...» Точный перевод подлинника гласит: «Начало скотоводства... выпадает из рамок охотничьей жизни...» На стр. 95: «Ган предполагает, что плуг предшествовал появлению запряжки»; в подлиннике же автор хочет сказать, что «повозка предшествовала плугу» и т. д. Это лишь наиболее грубые ошибки, притом на сравнительно небольшом числе страниц, сличенных на выдержку с подлинником. Приходится выразить сожаление, что эти недочеты сильно помешают русскому читателю использовать хорошую книгу Вейле.

Н. Попов.

Проф. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ. Как научились читать египетские письмена. Научно-популярная библиотека. Изд. Всер. Научной Ассоциации Востоковедения. 1922. Стр. 62.

Настоящая брошюра открывает ряд книжек «Научно-популярной библиотеки», предпринятой к изданию Всер. Научн. Ассоциац. Востоковедения, и является первым звеном историко-этнологической серии.

Книжка известного египтолога проф. Франк-Каменецкого связана с столетней годовщиной гениального открытия Шампольона — установления им чтения иероглифов. Таким образом, историко-этнологическая серия открывается юбилейной памяткой величайшего достижения востоковедной науки.

Свою книжку профессор Франк-Каменецкий открывает указанием, что вопрос о происхождении египетской письменности есть в то же время вопрос о происхождении нашего теперешнего письма. (Египет—Финикия—Греция—Рим и Греция — Болгария — Россия — таковы были пути современной письменности).

Затем излагается сущность письмен иероглифических и вытекших из нее письмен иератических (священных) и демотических (народных).

Следует краткий исторический очерк существования, исчезновения и забвения этих систем письмен и, наконец, их открытие, постепенное изучение и окончательное постижение их смысла.

Очень живо и ярко описана двадцатилетняя работа ученых над раскрытием загадки иероглифов.

Выпукло обрисована фигура неутомимого исследователя Шампольона, отыскавшего, наконец, ключ к загадке, разгадка которой дала возможность ознакомиться с культурой древнего Египта.

Книжка пр. Франк-Каменецкого написана чрезвычайно просто, понятно и интересно. Доступна пониманию всякого грамотного человека и обладает большим и полезным качеством. Обрисовывая трудности, преодоленные наукой, давая портреты героев, поборовших эти трудности, десятками лет добивавшихся поставленной цели, книжка пр. Франка-Каменецкого вызывает в читателе жажду знания и стремление к борьбе за научные достижения. В виду этого книжка заслуживает быть рекомендованной для чтения рабочим массам и особенно рабочей молодежи.

Первый опыт Всер. Научн. Ассоц. Востоковедения в деле издания научно-популярных брошюр, предназначенных для широких масс, следует признать безусловно удачным.

Т. Анатолийский.

ДАЕНСОН. О боге и чорте. Памфлет. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 160. 32 рис.

Книга Даенсона, памфлет «О боге и чорте», использовала богатый материал религиозных предрассудков католической церкви. Книжка представляет собой ряд небольших, часто изящных по остроумию рассказов, в которых при реалистическом изложении тех или иных религиозных легенд, выдвигается их детская нелепость, до очевидности ясное отсутствие каких бы то ни было «высоких начал» морали, явная глупость и безнравственность.

С эпическим спокойствием рассказанная история с ноевым ковчегом (гл. IV), дополненная обстоятельствами, вполне вытекающими из сути библейского рассказа, может стать интересным «номером» в программах вечеров рабочих клубов.

Маленькая глава (VII), перечисляющая всех уродов, созданных господом с заключительным аккордом: «да будет имя его святое благословенно», удар жестокого остроумия по твердому положению всякой церкви: «всякое творение благо».

В главе XII великолепно с французской легкостью рушится всезнание бога и идея о сотворении им мира, когда Люцифер учиняет Исусу экзамен по геометрии, математике и т. п. и когда оказывается, что создатель мира не в состоянии доказать ни одной теоремы, не умеет нарисовать карту созданной им земли, когда «ходящий по воде» не знает закона Архимеда и т. д., и т. п.,—одним словом, когда до очевидности он знает меньше ученика школы 1-й ступени.

Глава XXII прекрасно вскрывает сущность исповеди, как источник разврата..

Вся лживость, разнузданность и лицемерие церковной организации гомерически отразились в «тарифе за отпущение грехов» (гл. XXX). Книжка Даенсон— это сборник памфлетов, блещущих остроумием, отличным знанием религии, ее истории, ее институтов.

Для нашей читающей публики многое останется непонятным, вследствие незнакомства с католической церковью.

Сознавая это, редакция приложила очень подробные примечания И. А. Шпицберга, многие из которых представляют собой содержательно изложенные, обстоятельные статьи, как, напр., об Исусе, происхождении Евангелия, истории католической церкви, инквизиции и т. д. Однако, эти статьи (весьма ценные) могли бы быть приложены к любой антирелигиозной книге с таким же успехом. Между тем пояснения, которые дали бы возможность углубленно осмыслить блестящее остроумие автора, т.-е. изложение различных легенд, положений и т. п в их религиозных, церковных редакциях, к сожалению, почти отсутствуют.

Чувствуется необходимость во вступительной редакционной статье, которая ввела бы в сущность книжки, что дало бы малопосвященному возможность разобраться в выписках из различных теологических источников (первые страницы с комментариями на полях).

Имеющееся маленькое предисловие от редакции этой потребности не удовлетворяет и притом написано, очевидно, человеком, умеющим говорить с попами, а не с массой, к которой обращается наша антирелигиозная пропаганда.

Г. И. Бройдо.

ФИЛОСОФИЯ.

1. А. ДЕБОРИН. Введение в философию диалектического материализма. *В. Юринец.* — 2. Г. ШПЕТ. Очерки развития русской философии. *П. Преображенский.* — 3. ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР. Деньги и машина. *А. Неусыхин.* — 4. Л. П. КАРСАВИН. Восток, Запад и русская идея. *В. Кряжин.*

А. ДЕБОРИН. Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г. В. Плеханова. Государственное Издательство. 1922 г. Стр. 376.

Марксистская литература крайне бедна философскими работами, излагающими систематически принципы диалектического материализма, как «науки о познании» и «науки о бытии», его связь с предшествующими течениями в философии и отличия от других философских направлений современности. Ленин и Плеханов являются до сих пор и в этой области одинокими гигантами марксистской и «марксистской» мысли. «Социалистическая мысль» Запада, погрязшая в мелкобуржуазной тине соглашательского ревизионизма, поплелась и в философском отношении в хвосте буржуазной мысли, блуждая в темных дебрях кантианства и махизма. Ее корифеями являются такие «философы» как Адлер и Форлендер, пережевывающие отбросы прошлого, прошедшие горнило разных школ и направлений трансцендентального идеализма или берклеянства, разводящие в жидкое болото этического социализма элементы марксизма и кантовского практического разума.

Этот недостаток восполняет названная мною в заголовке книга Деборина, появившаяся недавно во втором издании. Будучи «Введением в философию диалектического материализма», она дает нам не только «чистую систему», а старается тоже изобразить исторически, как вся новая философия, начиная с Бэкона, силой логики внутренних, имманентных ей противоречий, должна была прийти, наконец, к диалектическому материализму. Такая трактовка предмета только укрепляет позиции последнего.

Уже у родоначальников новой философии заключалось в скрытом состоянии противоречие между материализмом и идеализмом, как гносеологическое противоречие между материалистическим и психологистическим пониманием опыта. Долгое время они уживались, пока количество не перешло в качество и оба противоположные полюса не развернулись в полноте своего содержания, в виде разветвлений философии на материалистическое и идеалистическое течение. Мимо нас проходят тени Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли, Юма, Канта, а потом их мелкие, оригинальничающие эпигоны.

Очень кстати ставит Деборин во главе новой философии *Бэкона*. Правда, у него были уже некоторые предшественники. Идеи эксперимента, индуктивного метода не чужды были, с одной стороны, Галилею, с другой стороны, некоторым номиналистам. Но Бэкон первый согласовал сознательно свои гносеологические исследования с духом и потребностями новой эпохи, нарождающегося в недрах феодализма буржуазного общества. Открытие Америки, целый ряд изобретений XV и XVI столетий окрылили стремления буржуазии. Перед ней мелькали далекие перспективы нескончаемого процесса овладевания силами природы, господства «культуры» над необузданной стихией. И эти тенденции являются spiritus movens философии Бэкона. Совершенно прав Деборин, замечая, что в афоризме «знание есть сила» заключается весь смысл философской деятельности Бэкона. Отсюда выводит автор идеи Бэкона об эксперименте, его преобладающем значении в области естествознания, затем учение об индуктивном методе. Сознание исключительного значения развития техники, лабораторного метода исследования для прогресса науки преломилось в уме Бэкона как стремление к сведению всего качественного к количественному, к устранению «психологизирующего» и обоснованию материалистического опыта. Тут ключ учения об «идолах». У него начинается рациональная обработка данных, доставляемых нам внешними чувствами, в чем Маркс видит основное свойство материалистического метода. Одно возражение можно, однако, сделать Деборину. Он черезчур идеализирует Бэкона, не видит в нем остатков прошлого. Правда, — и это верно подмечает и подчеркивает Деборин,—Бэкон старался связать свои мысли с мыслями *крупнейшего материалиста и крупнейшего диалектика классической древности Демократа*[1]), но, с другой стороны, у него налицо много остатков «философии форм» оспариваемого им же *Аристотеля*. Впрочем, иначе и быть не могло; новая мысль не могла родиться сразу, как Минерва из головы Зевеса, должна была перетерпевать продолжительные родовые муки.

Материализм *Гоббса* означает собою по сравнению с Бэконом гигантский шаг вперед. Гоббс развил, с одной стороны, до конца мысли, находящиеся у Бэкона лишь в зачаточном состоянии, в виде смелых намеков, с другой стороны, довел до полной ясности противоречия, заключающиеся в философии Бэкона, чтобы именно благодаря их раскрытию найти их единство в *материалистическом монизме*. Бэкон говорит о господстве человека над природой. Эта мысль ведет к правильной оценке эксперимента. Но идея эксперимента не имеет у него еще руководящей теоретической основы. Тут, по Деборину, и начинает свое дело Гоббс. Что значит властвовать над природой? Это значит *предвидеть*,—отвечает Гоббс,—рассматривать будущие явления, как следствия прошлых причин. Понятие неумолимой причинности, *абсолютного детерминизма* во всех областях действительности вот idée maîtresse философии Гоббса. Она ведет его к чисто-механическому объяснению природы, к обоснованию действительного сенсуализма в противовес чистому сенсуализму, источнику различных разновидностей *берклеянства*. Только на почве материализма возможен действительный сенсуализм. Сенсуализм, с одной стороны, обращен к внешнему миру, к объективной базе наших восприятий, с другой — к субъективным переживаниям — ощущениям. Этот материалистический исходный пункт еще резче оттене-

[1]) Сравн. отзыв. о нем. *Гегеля* в *предисловии к «феноменологии»* и в *«Истории философии»*.

няется Гоббсом путем критики дуализма, общего Бэкону и Декарту. Декарт и Бэкон исходили в своих доказательствах существования «духа» из факта: «Я мыслю—значит существую». Гоббс обнаруживает софизм, заключающийся в этом умозаключении. Я мыслю значит: я есмь мыслящий, мышление это только предикат субъекта, его способность. Психическое — только функции материального; «дух»—состояние тела. Объективно существует только материя, субъективно же, в пределах сознания, она принимает форму представления. Деборин сопоставляет эту мысль Гоббса с известным афоризмом *Фейербаха:* «Что для меня, субъективно есть чисто духовный, имматериальный, нечувственный акт, то само по себе объективно есть акт материальный, чувственный». Формуле *Беркли:* «esse est percipi» противостоит материалистическая формула: «esse est corpus esse».

Одной из интереснейших глав книги является глава о *Джоне Локке.* Локк стоит на *перепутьи двух течений гносеологии—материалистического и субъективистически - феноменалистического.* И у Бэкона и у Гоббса есть уже намеки на психологистический феноменализм. По Гоббсу, истина заключается в согласованности наших представлений. Тезис Гоббса развивает дальше Локк. В своем основном труде задается он вопросом о происхождении и границах познания. Он не исходит, как эмпирики Бэкон и Гоббс, из объекта, а из субъекта, *эмпиризм превращается у него в сенсуализм.* Из материала многообразной чувственности он строит отвлеченные понятия, *первичные качества,* являющиеся объективно действительными, как, напр., протяженность, величина, фигура. И тут начинается заколдованный круг, мастерски проанализированный автором до мельчайших деталей — одно из самых удачных и врезывающихся в память мест книги. Не будь объективной действительности, выраженной в общих понятиях — не было бы и опыта, так как последний — только результат действий этой объективной действительности. Но не будь опыта, не будь наших способностей отвлечения — не было бы и объективной действительности. Причина становится следствием, следствие превращается в причину. Порочный круг, который, правда, в другом контексте повторится потом у Канта. В не меньшей степени поучительны рассуждения Деборина по поводу критики Локка декартовых врожденных идей и по поводу постановки этого вопроса (именно под влиянием Локка) у французских материалистов XVIII столетия.

У Беркли превращается сенсуализм Локка в чистый феноменализм или *гносеологический импрессионизм,* как принцип познания. Предметом исследования Беркли становятся наши ощущения, из которых *предмет конструируется.* Представление предмета заменяется предметом представления,—замечает не без выразительности Деборин. Он указывает на звенья, соединяющие берклеянство с современным махизмом и эмпириокритицизмом. И Беркли был сторонником чисто механистической физики и «научной философии». У него начинается именно этот симбиоз «научности» и чистого субъективизма.

С другой стороны, Деборин обнаружил—и весьма убедительно—*точки соприкосновения берклеянства с имманентной философией.*

Тут система Беркли, как замечает Деборин, дает трещину, в нее вводится чуждый ей элемент (как и у махистов вдруг вкрадывается, неизвестно откуда и как, «среда»), или психология превращается явно в *теологию.* Здесь автор проводит поучительную параллель между *рационалистическим и фономенали-стическим идеализмом* (так как теология — разновидность рационалистического идеализма). Первый объективирует логическое содержание субъекта, второй субъективирует объективное содержание мира. Рационализм превращает логические понятия в онтологические категории, феноменализм, наоборот, онтологические, т.-е. реальные—в психологические, т.-е., в конечном счете, в логические. Следовательно, абсолютный объективизм переходит в абсолютный субъективизм и наоборот.

Всякое «абсолютное» мышление ведет в окончательном счете в тупик противоречий. Как на большое достоинство главы о Беркли следует еще указать на

то, что Деборин устранил путаницу, связанную с теорией Беркли об «общих абстрактных» и «общих» идеях.

Критика абстрактных общих идей увенчалась введением в систему самой абстрактной общей идеи—бога. *Юм* выходит из тех же предпосылок, из которых исходил Беркли, но он хотел превратить мир абсолютного импрессионизма в самодовлеющее целое, не нуждающееся уже ни в каком трансцендентном обосновании. Чувство «убедительности», «веры» (belief, «живости»), сопровождающее все наши психические состояния, должно быть единственным критерием истины. Деборин определяет поэтому философию Юма, как *философию практического анархизма;* хаос, неопределенность является основой какой-то высшей гармонии, не доказуемой, но существующей на деле, как пресловутая гармония противоречивых интересов *Смита.* С большой проницательностью изложены автором «кантовские мотивы» у Юма.

Трансцендентальный метод Канта понимает Деборин как синтез противоречий рационализма и эмпиризма в своем крайнем выражении, юмовском феноменализме. Момент рационализма выступает у Канта в виде логического формализма (категории), — момент феноменализма в толковании опыта, как «мира явления». В юмовском феноменализме субъективируется рационалистический реализм, в рационализме логизируется психологизм Юма. Философия Юма была феноменализмом содержания.

В то время, как для Юма ощущения, т.-е. «содержания», были формой исследования, так у Канта «формы» становятся содержанием исследования. Идея феноменализма повторяется в другой плоскости, как противоречие «вещи в себе» и явления. В идее «вещи в себе» заключается у Канта материалистические моменты. Но они скоро испаряются. Все нити философии Канта спутываются в клубок противоречий, которые аналогичны противоречиям, замеченным Дебориным у Локка. Опыт является синтезом материи и формы познания, вещь в себе, доставляющая материю познания, но преломляющаяся в формах, непознаваема. Но опыт определяется все-таки в некоторой степени «вещью в себе».

Следовательно, вещь в себе непознаваема, хотя свойства ее до некоторой степени познаваемы. Но «свойства» «вещи в себе» — только определения наших внутренних чувств, о «вещи в себе» они не говорят ничего. Для трансцендентального идеализма выхода из этих противоречий нет. Вот здесь и лежит противоречие: вещь в себе действует на нас, является причиной нашей чувственности.

Ergo категория причинности к ней применима, следовательно, она подвержена тем же законам, каким подвержены явления, она вся «явление», а наши субъективные формы имеют объективное значение. В таком случае исчез бы дуализм Канта, наши формы познания были бы и формами действительности. «Вещь в себе» превратилась бы в «вещь для нас». Кант таких выводов не сделал.

Как мы видим, у Канта имеются моменты, которые в своем последовательном развитии могут завершиться и материализмом и идеализмом. Экономическая отсталость Германии, необходимость философствовать «в пустоте», невозможность связать философию с мощным революционным движением прогрессивного общественного класса (буржуазии), т.-е. те моменты, которыми Маркс объясняет идеализм немецкой философии конца XVIII ст. в статье: «Das philosophische Manifest der historischen Rechtschule». Эти моменты дали перевес идеалистическим тенденциям. Так возрождается у Фихте субъективный идеализм.

Отсутствие главы о послекантовском идеализме, особенно главы о *Гегеле*, является ощутительным пробелом в книге. Правда, автор восполнил отчасти этот пробел в приложении к VII главе, в своих критических заметках о книге *Я. Бермана: «Диалектика в свете современной теории познания».* На возражения Бермана и других критиков, которые видят в диалектике схоластический пережиток идеалистической немецкой философии, Деборин дает краткую, сжатую, но сочную и убедительную характеристику *Гегеля, как реалистической натуры* par excellence. «Вся философия Гегеля представляет собою и логически и исторически протест против абстрактного мышления, а в то же время направлена на утверждение кон-

кретного, реального. Борьба этих двух начал составляет внутренний антагонизм, имманентное диалектическое противоречие всей гегелевской системы. Задача Гегеля заключалась в превращении абстрактного в чувственное, в конкретное, или в *растворении идеи в реальности. Не созерцательный, деятельный, а действительный характер жизни и познания отличает философию Гегеля.* Внутренним содержанием абстрактного является для Гегеля конкретное, *материальный мир* (244—245).

Таким образом, совершенно прав Деборин, когда он говорит: *«Истина гегелевской философии — марксизм»*. Какой Pathos der Distanz между пониманием конкретного у Гегеля Дебориным и *плотиновски-бергсонианским конкретным*, которое старается навязать Гегелю *Ильин!* (И. А. Ильин. «Философия Гегеля, как учение о конкретности бога и человека», 2 тома, Москва, 1918).

Затем хотелось бы иметь главы о диалектическом материализме, главу о *Фейербахе*, его философии гуманизма и материализма. Статья Деборина о Фейербахе, помещенная в журнале «Под знаменем марксизма», может лечь в основу такой главы в новом издании «Введения»...

Глава о *диалектическом методе* дает, к сожалению, только исходные точки и линии направления диалектического материализма.

Уже немецкий послекантовский идеализм восстановил *монизм* (в противовес к кантовскому *эклектизму*), с одной стороны, и «параллелизм» бытия и мышления—с другой, что означало в известном смысле возвращение к *Спинозе*. Необходимо было только сбросить теологически-спекулятивную оболочку, чтобы прийти к материализму. Диалектический материализм кладет в основу бытия материальную субстанцию, как вечно изменяющийся материальный процесс. Противоречие между мертвой количественной материей и субъективными качествами наших ощущений разрешается в процессе вечного изменения. Деборин в этой связи дает меткие сопоставления того, как решалась проблема «вещи в себе» у Канта и у французских материалистов. Диалектические намеки французского материализма XVIII в. должны бы были, однако, занять гораздо больше внимания, чем уделил им Деборин.

Главы VIII—IX посвящены разбору западных философских течений (неоюмизм, махизм), являющихся продуктами распада западно-европейского общества. Процесс разложения этого общества сопровождается бегством от нелестной для «хозяев жизни» действительности в лоно субъективизма, идеализма, романтизма и т. д., с целью оправдать свое собственное «бытие» и отвлечь внимание пролетариата от той самой неприглядной действительности, которую он стремится революционно преобразовывать. Так, трезвому реализму, объективизму и диалектическому материализму, составляющим философскую основу научного социализма, противопоставляется европейскою буржуазною мыслью философия иллюзионизма, нигилизма и субъективизма! Нужно только пожалеть, что эта часть книги носит несколько суммарный характер. Многие стороны Авенариуса (напр., идея Kongregalsystem и т. д.), имеющие связь с Юмом (Posizional-belief), остались не затронутыми. Заглавие — «неоюмизм» — поэтому неубедительно. В критическом обзоре современных течений европейской буржуазной мысли нельзя пройти мимо Гуссерля. Последний одно время уже отметил свою связь с Юмом («relations of ideas», «Philos. als str. Wiss.»). Это тем более должно было заставить автора направить критический нож и против Гуссерля, возведенного ныне в princeps philosophorum. Борьба с ним — это жизненная очередная задача марксистов наших дней — и хотелось бы, чтобы автор в новом издании своей книги взял на себя инициативу в этом большом и важном деле.

Владимир Юринец.

ГУСТАВ ШПЕТ. Очерк развития русской философии. Первая часть. Петроград. Изд. «Колос». 1922 г. Стр. 349+XV.

«Что касается историчности или неисторичности моих суждений, то тут вопрос сложнее и более спорен. Исто-

ричность или неисторичность определяется не характером оценок и не изображением фактов, а введением их в должный «контекст», установлением и выбором этого контекста. Здесь самый простой, хотя методологически еще не оправданный, путь есть путь объяснения. И едва ли в этом смысле можно найти что-нибудь удобнее марксизма. Я хотел бы быть марксистом... *Но я всяких объяснений избегал, зато от интерпретации, от усилия «дать понять» не хотелось отказываться.* Ближайшим контекстом в таком случае для моей темы было бы развитие у нас науки и просвещения вообще. Но и здесь я свою задачу сузил и сгустил, чем, не знаю, достиг ли нужной ясности» (стр. IX—X), так определяет приемы своего исторического исследования проф. Шпет. Не надо думать, что за этими замысловатыми и не свободными от противоречий словами (см. наш курсив) скрывалось что-нибудь принципиально новое от обычных академических историй литературы, философии и т. д. Развитие русской образованности, или, вернее, русского невежества, так как—по проф. Шпету—«Наша история есть организация природного, стихийного русского невежества» (стр. 256),—попрежнему происходит in vacuo, вне всякой связи с общим культурно-историческим процессом. Только слова везде замысловатее. Правда, всякий танец над пустотой, в конце-концов, утомляет, и проф. Шпет прикрепляет свой «контекст» к следующей тройственной схеме — интеллигенция церковная, правительственная и анти-правительственная, оппозиционная. Исторические разрубы — Петр I, александровские походы за границу. Опять старые знакомцы, только в новых, и снова очень замысловатых, словах. Таким образом, государство начинает служить своего рода осью для исследования; с каким правом вообще происходит это присоединение проф. Шпета к весьма распространенной историографической традиции и насколько оправдана эта последняя — вопрос другой.

Но проф. Шпет не только движется по традиционным, академическим схемам — в его труде есть и нечто новое. Сам автор спрашивает, «как я могу писать историю русской философии, которая, если и существует, то не в виде науки, тогда как я признаю философию только, как знание» (стр. VIII). И, действительно, русская философия, по проф. Шпету, есть еще дело грядущего. До сих же пор она имела моральный, проповеднический и, что еще хуже, утилитарный характер. Заря философии, как знамя, только еще занимается. Загадка для очень немногих. Философия, как абсолютное знание, обладательница вечных истин, еще более раскрывая скобки, гуссерлеянство — вот Молох, перед которым проф. Шпет заклал и историю русской философии и историю русской культуры. Как верный рыцарь своей дамы, проф. Шпет не перестает укорять представителей русской философии, или, вернее, приспособленной на русский лад западно-европейской, в психологизме, в антропологизме,—одним словом, во всех смертных грехах с гуссерлеянской точки зрения. А за этими обличениями следует вечный припев о русском невежестве и мечта о философии, которая находит свое приложение только в своем «вольном бытии» (стр. 17).

По поводу этой особенности книги проф. Шпета и хочется сделать несколько замечаний. Прежде всего, может быть глубоко понятно, когда Чаадаев с ужасом смотрел на прошлое и настоящее России. В своем откровенном «психологизме» и «антропологизме» он выстрадал себе право на это осуждение и на связанную с ним муку. Дает ли право на рассмотрение русской истории, как истории сплошного невежества, гуссерлеянское «знание»? Да простит нам проф. Шпет, это право мы у него оспариваем. Ведь это даже не «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом», а что-то библейское, да уснащенное такими словами, которые, пожалуй, действительно, зависят от того, что «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский» (стр. 12), как-то: «коригированы» (стр. XII), «дегенерировавшие» (стр. 16), «репрезентирует» (стр. 30) и т. д.

Кроме того, получается какая-то странная несоизмеримость между отдельными явлениями русского культурно-исторического процесса. Открываются сокро-

вища русского искусства — иконописи и архитектуры, — даже русская государственность с ее организацией и дипломатией предстает перед нашими глазами в несколько иных чертах. И всему этому оказывается только один коррелат— комментируемое на всякие лады русское невежество. Квази-исторические построения европейской науки любили одно время открывать и на заре истории и в прошлых культурах переодетых европейцев. Проф. Шпет пошел еще далее— и не вина русской культуры, что среди ее деятелей не оказалось гуссерлеянцев.

Мы позволим себе несколько раздвинуть рамки нашего обсуждения и задаться следующим вопросом. Макс Вебер в своей «Religionssoziologie» отмечает целый ряд черт в западно-европейской культуре, которые противопоставляют ее культурам Ближнего и Дальнего Востока. К числу таких черт он относит и исключительную принадлежность той науки, которую мы единственно считаем значимой, Западу. При последовательном применении метода проф. Шпета, конечно, окажется, что и Индия и Китай коснели в невежестве, пожалуй, еще бо́льшем, чем Россия. Вот тогда мы и получим вполне исторический очерк истории индийской философии. Проф. Шпет, повидимому, твердо уверен, что мы находимся в стадии «угасшей и истлевающей христианской культуры» (стр. XII), а манера писания и истолкования истории у него чисто христианская, точно та, за которую еще Цельс упрекал Оригена. И вся история и весь мир только для христиан и существовали. На место этой христианской философии истории у проф. Шпета появилась гуссерлеянская. Кажется, что у Оригена и его преемников обработка исторического процесса происходила глаже и убедительнее.

Таковы особенности подхода проф. Шпета к истории русской философии. Анти-историческая история или надругание над русской культурой «Ad majorem gloriam Husserlii». Гуссерлеянский нигилизм или гуссерлеянская базаровщина. Только навыворот—Базаров сомневался в нужности Рафаэля, а проф. Шпет жалуется: «К мысли, как мысли, к философии, общество наше осталось равнодушно, оно проникалось лишь государственной и семейной полезностью трамваев и граммофонов» (стр. 29). Откуда же такая немилость к трамваям и граммофонам? Отбросив все шутки в сторону, нам все же кажется, что всякая рационалистическая философия, не исключая даже и гуссерлеянской, находится в несомненной исторической или социологической связи и с трамваями и с граммофонами и никак не ведет вольного бытия. Даже язвительность проф. Шпета нас здесь не пугает. А чтобы нам не остаться одинокими — сошлемся хотя на Зиммеля с вышеупомянутым Максом Вебером. А тогда и русское общество не так достойно презрения за то, что стремилось и к трамваю и граммофону. Если бы россиянин мог свободно на трамвае ка́таться и стрекотание граммофона слушать, то он при благоприятном стечении обстоятельств мог бы и гуссерлеянизироваться. Проф. Шпет, конечно, другого мнения. «Почему же Петр не мог сделать даже того, что сделали его ближайшие соседи — Фридрих и Карл? Как только русская философская мысль поставила перед собой проблему «России», она нашла ответ на это. Ни государство русское, ни его культура не уходят своими корнями в классическую почву» (стр. 35). Отсюда и история русской философии «как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли» (ibid.). Проф. Шпет отказывается видеть в этом исторический рок, отгораживаясь, таким образом, и от славянофилов и от философов типа Шпенглера, и видит в этом только культурное несовершеннолетие, так как Россия еще не обратилась к источникам Возрождения. И снова вопрос, почему же не обратилась? Почему коснела в ненавистном для проф. Шпета утилитаризме? Думается, что без граммофона в ответе на этот вопрос не обойдешься. Кроме же этого неизбежного граммофона, есть и еще одно своеобразное обстоятельство в российском прошлом, которое является более важным, чем стремления тех, кто для проф. Шпета оказывается демиургами исторического процесса. Еще В. О. Ключевский дал ему блестящую характеристику, указав на историческую миссию России—служить щитом для Запада от монгольских орд. Это непомерное напря-

жение государственного и общественного организма, благодаря которому Западная Европа спокойно могла переживать и свой гуманизм и свое Возрождение. Так что и проблематическое невежество России имеет свои корни. Мы вовсе не склонны напоминать об этом проф. Шпету, как о факте — только хотим ввести некоторую долю психологизма в его изображение, ибо, зная это как факт, проф. Шпет все же с язвительной иронией утверждает: «Народ русский охранял свое невежество за непроницаемой бронею и умел заставить молчать мечтателей» (стр. 9). Бедный русский народ и философский Катон, гремящий с университетской кафедры!

Нет, историческое исследование, несмотря на занятия теорией истории, плохо дается проф. Шпету. Когда-то на своем магистерском диспуте, отвечая проф. Випперу, проф. Шпет заметил, что историки—плохие философы. Не станем разбирать это утверждение. Заметим только, что, если судить по книге проф. Шпета, обратное положение доказывается. Вспоминается монолог Гамлета об актерах. Столько горьких слов по адресу русской культуры, русской интеллигенции, столько настойчивых указаний на столь дорогую для русского человека стихию невежества, столько остроумия и даже «развития» на эту дорогую для проф. Шпета тему. И все из-за чего? Из-за Гекубы. А на место престарелой троянской царицы Гуссерль с его «знанием»...

Проф. П. Преображенский.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР. Деньги и машина. Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием проф. Г. Генкель. Центральное Кооперативное Издательство «Мысль». Петроград. 1922 г. Стр. 74.

Книжка представляет собою русский перевод последней главы II тома столь нашумевшего «Заката Европы». В этой главе Шпенглер пытается осветить в соответствии с своей общей концепцией проблемы и явления хозяйственной жизни. Деньги и машина рассматриваются им не с точки зрения каких-либо закономерностей развития, а все тем же методом интуитивных прозрений и параллелей, который сам Шпенглер называет *«морфологическим»* методом. В древнем мире, в полном созвучии с общим стилем аполлоновской культуры, деньги были действительно имуществом, вещью, звонкой монетой, слитками благородных металлов, которые имели вполне реальную, конкретную ценность, как и всякая собственность.

В наше время,—время фаустовской культуры, клонящейся к закату и уже вступившей в фазу цивилизации,—«деньги наравне с числом и правом представляют собою категорию мышления» (стр. 37). «На место мышления имущества становится мышление деньгами». Банкир, предприниматель или владелец фирмы, благодаря своей способности мыслить деньгами, владеет и управляет, торговец становится господином и центром влияния, и его денежное богатство есть лишь выражение его потенциальной энергии, его способности и воли к власти, к преобразованию внешнего мира; деньги—лишь функция его силы и ценятся им именно как таковая, а не как имущество или особая форма собственности. Двойная бухгалтерия и кредит—наиболее яркие выражения этой функциональной роли денег, которая ставится Шпенглером в связь с общим стилем культуры,—с стремлением фаустовской души к безграничному расширению. Ошибка политической экономии и права именно в том и заключается, что они, не понимая этого стиля и находясь под гипнозом античных воззрений, рассматривали деньги как имущество и как платежное средство.

Машинная техника есть другая форма выражения того же стремления к безграничной власти, но уже не только над людьми, а и над природою. «Люди подглядели жизнь природы и заметили известные признаки ее. Они начинают подражать ей такими средствами и методами, которые извлекают пользу из законов космического такта. Человек осмеливается разыгрывать роль божества» (стр. 63). И вслед за тем Шпенглер набрасывает не лишенную художественной выразительности картину господства человека над природой через посредство машины и вместе с тем его нового

рабства,—рабства машине, которое автор называет «сатанизмом машины» (стр. 71). Господство машинной техники приводит к истощению природы, «земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению энергиями» (стр. 71). Такое положение вещей вызывает необходимость известного обуздания духа технических изобретений, организации техники, что, в свою очередь, предполагает устранение власти денег. «Меч победит деньги, воля властителя подчинит себе снова волю к добыче» (стр. 73). Нам предстоит поэтому цезаризм, и «нам предоставлено делать необходимое или ничего» «Ducunt fata volentem, nolentem trahunt» (стр. 74).

Отрывок из Шпенглера, только что бегло изложенный нами, мало понятен вне связи со всей его книгой. Поэтому при попытке дать оценку изложенного нам придется говорить не о данной главе, а о Шпенглере вообще. Но о нем и так говорено много, пожалуй, слишком много... Постараемся поэтому быть краткими, несмотря на риск остаться бездоказательным. Последнее почти неизбежно в тех случаях, когда дело идет о Шпенглере или ему подобных. Ибо Шпенглер движется в процессе своего мышления не путем логических рассуждений или доказательств, а путем *художественной интуиции*, несмотря на столь часто отмечавшийся релятивизм и скептицизм Шпенглера, несмотря даже на некоторые элементы рационализма, его книга живет *эмоциями*, а не мыслями, и воздействует на *чувство* читателя, а не на его разум. «Порывы мысли, чувством вечно пленной», не только не освобождаются у него от этого плена, но, напротив, настолько порабощены им, что создают *органическую неспособность мыслить иначе, как иррационально*. Эту свою неспособность Шпенглер со всей силой и блеском своего художественного дарования стремится возвести в ранг всеобщего и необходимого и единственно истинного (несмотря на относительность всех истин!) метода познания и понимания жизни и мира. *Иррациональность мышления возводится, таким образом, во всеобщий его закон*. Но иррациональное, насквозь проникнутое эмоциями мышление, отнюдь не свойственно ни науке, ни философии; оно—удел поэзии. И Шпенглер, по своему психологическому складу, конечно, *поэт*, а не философ, не социолог и не историк, сколько бы его ни именовала таковым стоустая молва моды. У Шпенглера нет никакого научного или философского *мировоззрения* (а поскольку оно у него имеется, оно представляет собою смесь разных элементов, взятых из всех предшествовавших Шпенглеру философских систем); зато у него есть определенное *мироощущение*, т.-е. способность по-своему видеть, чувствовать и воспринимать, ощущать жизнь. Будь он гениальным поэтом, не только по психическому складу, но и по способности к поэтическому выражению своих эмоций, он излил бы свое мироощущение в грандиозной метафизической поэме. Но, несмотря на несомненное художественное дарование Шпенглера, оно все же не настолько велико, чтобы он был в состоянии выполнить такую задачу; к тому же ему сильно мешает здесь его скептицизм. Отсюда и выросла внутренне-противоречивая попытка примирить непримиримое, в quasi-научных терминах *выразить мироощущение*. Оттого его книга абсолютно лишена чисто-научной ценности, как целое, не говоря уже о бесчисленных отдельных его ошибках в различных отраслях знания, которые столь усердно раскрывали немецкие критики. Но это—бесплодное занятие: книгу Шпенглера надо рассматривать как неудавшуюся попытку метафизической поэмы, долженствовавшей обратить мироощущение целого поколения людей определенного психологического типа (наподобие Дантовской «Божественной комедии» или Гётевского «Фауста»). Разве имеет какой-нибудь смысл возражать цепью логических умозаключений автору такой поэмы? Разве не смешно спорить путем каких-то доказательств с тем, кто отрицает всякие доказательства, всякие научные «истины», ставя на их место интуицию и «физиологический такт». Нет, с Шпенглером можно спорить лишь его же оружием: понять его характерные особенности, а затем—принять или отвергнуть, как принимают или отвергают ту или иную религию, то или иное произведение искусства. А как

решить этот вопрос,—отвергнуть или принять,—это зависит от мировоззрения того, кто его решает. С точки зрения современной европейской науки, конечно, невозможно не отвергнуть Шпенглера.

Перевод сделан, хотя и точно, но не особенно хорошо. Красочный язык подлинника тускнеет и бледнеет. В предисловии слишком сильно звучит нотка увлечения редактора перевода Шпенглером,—увлечения, которое приводит его к странным и порою неожиданным оборотам речи. Так, он называет «Закат Европы» — «исследованием» (стр. 5), «кропотливейшим многосторонним трудом» (там же), а самого Шпенглера несколько раз величает крупным историком и в довершение всего упорно ставит рядом эпитеты: «модный» и «выдающийся», «интересный». Так, о Шпенглере сказано: «самый модный в настоящую минуту и, пожалуй, самый выдающийся немецкий мыслитель-историк» (стр. 4), а об его книге: «во всяком случае сейчас наиболее модное и интересное произведение западно-европейской мысли» (стр. 5). Осмеливаемся думать, что ценность того или иного мыслителя обусловливается все же не только его модностью...

Д. Неусыхин.

Л. П. КАРСАВИН. Восток, Запад и русская идея. Петербург. Изд. «Academia». 1922. Стр. 80.

Реставрация монархии во Франции, как известно, сопровождалась пышным расцветом реакционной публицистики, которая в лице Бональда, Деметра и др. объясняла исторический процесс божественным промыслом и видела в Великой Революции кару со стороны последнего.

Русской революции выпало на долю сомнительное удовольствие наблюдать воочию зарождение подобной же публицистики, проникнутой таким же мрачным фанатизмом, нетерпимостью и мистицизмом.

Ярким образчиком подобной литературы является книжка Л. Карсавина, которая лишь поэтому и заслуживает быть отмеченной.

Книжка производит буквально отталкивающее впечатление противоестественным соединением чисто немецкого гелертерства и какого-то старообрядческого изуверства. Как показывает заглавие, задача ее заключается в выяснении отношений между культурами: Востока, Запада и России. Проблему эту автор сразу переносит в плоскость чисто религиозную, ибо, как он совершенно безапелляционно заявляет: «к пониманию «русской идеи» можно подходить от любого момента русской действительности», в данном случае от религиозного.

Как же понимает этот последний Л. Карсавин? Путем целого ряда богословско-логических скачков всю разницу между западным христианством и православием автор объясняет расхождением по вопросу о так наз. filioque, т.-е. об исхождении Духа Святого и от Отца и от Сына. Католичество приняло это учение—и вот начинается его «грехопадение», уклон в сторону рационализма, эмпиризма, релятивизма и т. п.

Православие, отринув этот догмат, сохранило интуицию всеединства и пр. мистические ценности. Но, сохранив последние—она не развила их, отсюда вытекает русская лень, скотоподобие, стремление «не делать, а поспать» и т. п.

Но к какому же делу призывает сам автор? В области мировой жизни он и не задумывается: конечно, он не зовет читателей в такие прозаические сферы, как политика, общественная жизнь и пр. Основной задачей момента является воссоединение церквей Западной и Восточной. Но что же надлежит делать в более узкой сфере текущей повседневной жизни? Автор здесь становится замечательно сдержанным и предпочитает пользоваться «эзоповским» языком. «Надо осуществление каждым его собственного идеального задания во всякий и прежде всего в данный момент его бытия». С другой стороны, в жизни сейчас царит положение «довлеет дневи злоба его». Очевидно, что необходимо преодоление этой «злобы» и борьба за какое-то лучшее будущее. Не буду рассматривать всех этих ныне довлеющих «злоб», понять их во всяком случае гораздо легче, чем догмат триединства или filioque.

Таково общее содержание профетически-эзо овского произведения Л. Карсавина. Относиться к нему сколько-нибудь серьезно-критически, конечно, не приходится. Ведь это то же самое, что с точки зрения современной науки опровергать учение раскольников о спасительности двуперстия.

Л. Карсавин, впрочем, заранее бронируется от всякой критики: «вера в науку для него является «свойством малообразованных людей»; ссылками историческими его опровергнуть нельзя, так как он с великолепной самоуверенностью заявляет, что «Истории Востока у нас нет» (а Э. Майер, а Винклер, а Масперо, а Б. Тураев, а В. Бартольд и десятки других, неужели это все, по уверениям Л. Карсавина, «филологи... которые просто-напросто не знают и не понимают, что такое история» (стр. 15)?). Наконец, отрицает автор даже специальную, философскую критику, предлагая «разным там остроумничающим критикам не передергивать его положений».

Эта маниакальная самоуверенность является, впрочем, вполне закономерной для способа мышления рецензируемого автора. Прорицатели и теологи, как известно, не особенно долюбливают критику, и средневековые схоласты (по которым, кстати, мечтательно вздыхает автор) не одну тысячу критиков отправили в геенну огненную.

Книжка Карсавина, написанная, кстати, необычайно тяжелым, суконным языком, конечно, не может сыграть никакой роли в мышлении нашей даже дипломированной верхушечной интеллигенции. Она просто останется лишней, совершенно бесполезной, квази-философской стряпней, обреченной пылиться в складах издательства «Academia».

Но, с другой стороны, она имеет определенную социологическую ценность: она дает нам возможность проникнуть в те заповедные уголки, где ютятся черные рыцари нашей современности, окруженные тучами летучих мышей и слоями пыли, копоти и всякой рухляди, накопившейся в течение многих столетий

В. Кряжин.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ.

1. ВИЛЬЯМ ПОЛЬ. Коммунизм и общество. *М. Рейснер.*—2. Проф. Я. Э. НЕМИРОВСКИЙ. Основные начала уголовного права. *А. Пионтковский.* — 3. Д-р ИОСИФ КАРНЕР. Социальные функции права. *П. Стучка.*

ВИЛЬЯМ ПОЛЬ. Коммунизм и общество. Перевод с английского С. В. Антропова. Издательство «Красная Новь». Москва. 1923. Стр. 1+130.

Книга В. Поля предназначена для английского читателя и ставит себе целью пропаганду коммунистических воззрений на государство и революцию среди английских рабочих. Но перевод ее на русский язык нельзя считать бесполезным. Наоборот. В этой книге на ряду с главами, которые для русского читателя представляются изложением давно известных истин, имеется и много интересного. Отметим некоторые места. Во-первых, большую ценность представляет очень *обстоятельный анализ массовой психологии английского рабочего класса*, как она сложилась на основе развития английской промышленности и местных производственных отношений. Этот анализ исчерпывающим образом объясняет нам и систему английского тред-юнионизма и печальную политику рабочей партии и непонимание, которое встречает до сих пор среди масс революционный марксизм. Здесь, однако, мы находим и необычайно отрадные картины. Так, относительно углекопов Южного Уэльса, Нортум Берланда, Файфшира и механиков Кляйдского района Поль прямо свидетельствует, что они не только имеют у себя

на полках сочинения Маркса и Энгельса, но и в достаточной степени усвоили себе их содержание, так что имеется надежное ядро для сильной коммунистической организации. С другой же стороны, как раз обострение принципиальных споров в рабочей массе предшествует, как это было и в других странах, объединению и революционизированию рабочего движения. Вторым достоинством книги Поля должно признать очень обстоятельную и *серьезную критику буржуазной демократии и парламентаризма*. Правда, эта критика в общем не представляет особой новизны. Еще задолго до империалистской войны и справа и слева сыпались тяжелые обвинения на пресловутую систему народного суверенитета, территориального представительства и великих прав свободы. Стоит вспомнить в этом отношении хотя бы литературу, приведенную у Магазинера эпохи 1905 года в его «Самодержавии народа». С тех пор дело значительно усовершенствовалось, и сейчас при расцвете фашизма и Ку-Клукс-Клана можно разве пожалеть о слабоумии тех, кто все еще видит в современной демократии воплощение всеобщего интереса, равенства и свободы. В книге тов. Поля мы находим неопровержимые доказательства сказанному. Она ценна именно своей фактической стороной. Необычайно красочная коллекция парламентских иллюстраций проходит перед читателем. И во всех проявлениях взяточничества, продажности, надувательства, насилия, тиранний и зверства торжествует одна всепобеждающая сила капиталистической плутократии. Особенно интересно преследить у Поля *действие особого механизма дурмана и духовной отравы*, которому подвергает пресловутая капиталистическая культура массы пролетариев. Потрясающими чертами рисует тов. Поль работу церкви, школы, театров, мюзик-холлов и кинематографов в борьбе труда с капиталом. Но особенно страшна роль, которую играет *пресса на службе буржуазии*. Это в буквальном смысле слова грандиозный аппарат массового внушения, мегафон, у одной стороны которого говорит класс капиталистов от лица имущественных интересов, а у другой—слушает рабочий. Распространяя идеи и новости, «английская печать» в то же время «есть самая антирабочая организация в мире. Социалисты других стран не могут представить себе, как трудно английскому революционному движению существовать под ударами молота при гнусной клевете, тонких инсинуациях и ловкой пропаганде субсидируемой печати».

Власть капитала над прессой является тем «лишним фактом и притом чрезвычайно могучим» классового господства, ибо «благодаря этой власти имущие группы, хотя и составляющие меньшинство в государстве, могут удерживать классовую диктатуру над рабочим классом». Третьим моментом, который останавливает на себе особенное внимание в книге тов. Поля, является его интересное указание на *одновременность рождения*—если можно так выразиться—*советской системы в головах пролетариата в самых различных частях света*. В этом отношении Поль подтверждает, не раз высказанную автором настоящей заметки, мысль о том, что уже давно, по мере увядания парламентаризма в Европе, обнаруживалась потребность создания экономического и классового представительства, которое должно было заменить собой политическое представительство современности. И если в российских Советах мы находим осуществленной эту идею на основе диктатуры пролетариата, то любопытно отметить, что подобная же идея совершенно самостоятельно родилась в голове знаменитого американского социалиста Даниеля Де-Леона, который задолго до революции 1917 г. утверждал, что на место подлежащей полному уничтожению правительственной машины будут созданы избранные рабочими «промышленные комитеты», и они уже, со своей стороны, назначат местные и государственные административные советы. Так, предполагалось, возникнет новая форма правления, основанная на промышленном избирательном округе. Не надо только забывать, что промышленная форма правительства и российские Советы не совсем одно и то же. Ибо последние созданы на классовой основе пролетарского господства, но не

сотрудничества с буржуазией. А как показывает германский пример, иногда делаются попытки и в направлении соглашательства.

Перевод книги тов. Поля сделан грамотно. Книга читается легко, и ее можно рекомендовать русскому читателю, как английский коммунистический комментарий к современной борьбе против капиталистического государства. Не повредил бы делу и перевод некоторых упоминаемых в книге тов. Поля характерных для современного положения буржуазного общества материалов, собранных даже руками врагов пролетариата. Такова хотя бы книга *Джона Гобсона—Демократия после войны*. К ней достойно присоединяется и книга *Джемса Брайса—Современные демократии*. С надлежащей вводной статьей и примечаниями такие книги могли бы много дать русскому пролетарию и красному студенту. В особенности же это можно сказать о таких книгах, как книга *Кеннеди Джонса—Флит-стрит и Даунинг-стрит* или проф. *Эдварда Росса—Америка на переломе* (меняющаяся Америка). Нет лучшей агитации в пользу строя Советов, как демонстрация буржуазных порядков, показанная самими буржуа или же уцелевшими кое-где честными интеллигентами демократии.

М. Рейснер.

Проф. Я. Э. НЕМИРОВСКИЙ. Основные начала уголовнаго права. I. Введение. II. Действие уголовного закона. III. Сущность и цели наказания. IV. Учение о преступлении. Одесса. 1917 г. Стр. 644.

Во время гражданской войны сообщение с югом России надолго было прервано и не представлялось возможным следить за издаваемой там научной литературой. Изданная на юге за годы революции научная литература лишь сравнительно недавно начала появляться на книжном рынке Москвы. Из сравнительно немногочисленных среди них работ по праву обращает на себя особое внимание рецензируемая работа проф. Я. Э. Немировского. Сейчас у нас, в связи с проведением в жизнь начала революционной законности и издания целого ряда кодексов по отдельным областям права, появляется настойчивый спрос на учебные руководства по отдельным юридическим наукам, в частности—и по уголовному праву. Пока еще, конечно, дело будущего создание марксистских учебников по отдельным правовым дисциплинам. Марксистская ревизия основных проблем отдельных юридических наук лишь только ставится. Поэтому хорошо, если существуют руководства, которые отражают с достаточной полнотой современное состояние соответствующей правовой науки. В области уголовного права дело в этом отношении обстоит далеко не удовлетворительно. Те идеи, которые за последнее довоенное десятилетие волновали криминалистов («опасное состояние», меры социальной защиты и нек. др.) и которые ныне нашли в значительной мере выражение в уголовном кодексе РСФСР, не успели еще войти в ходячие руководства по уголовному праву. Работа проф. Я. Э. Немировского, которая представляет собой почти что курс общей части науки уголовного права (не хватает лишь, при обычном понимании конструкции общей части, анализа отдельных видов наказания), является в этом отношении счастливым исключением. Автор поставил себе задачей дать в сжатой форме полную картину достижений современной юридической мысли, поскольку они относятся к основным вопросам уголовного права, сопоставить точки зрения нашего времени со взглядами, проводившимися в прежней литературе и принятыми в кодексах XIX века, установить свое отношение к выдвинутым проблемам и попытаться найти самостоятельное их разрешение там, где предлагаемые решения или неудовлетворительны или еще только намечаются (IV). Если мы не всегда можем согласиться с предлагаемым автором решением основных уголовно-правовых проблем, то все же мы должны признать, что автор прекрасно справился с основной своей задачей, дал полную картину современного довоенного состояния уголовно-правовой мысли. Теоретическая позиция автора, сторонника так наз.

«третьей школы», занимающей промежуточную позицию между *двумя враждующими лагерями* науки уголовного права «классической» и «позитивной» школой, позволяет ему с достаточной объективностью выявить в своем труде разногласия обоих школ в основных вопросах науки уголовного права. Читатель в работе проф. Немировского найдет достаточно полную картину тех споров, которые велись в последнее время в науке уголовного права вокруг вопросов о понятии вины, о формах виновности (особенно неосторожности), об «опасном состоянии», мерах социальной защиты, соучастии и друг.

Мы не можем согласиться с предлагаемым автором решением основного вопроса науки уголовного права о вине, от которого зависит также решение целого ряда связанных с ним уголовно-правовых проблем (юридическая природа наказания и мер социальной защиты, конструкция институтов покушения соучастия и ряд друг.). Автор справедливо отмечает постепенную модификацию в законодательстве, новейших проектах и в науке старого понятия вины, как элемента преступного деяния, выражающегося в умысле или неосторожности. Рассмотрение этой модификации приводит автора к выводу, что «вина личности должна заключаться не только в том, что от нее исходит данный волевой акт, что ею совершено данное преступное деяние, но и в том и даже—главным образом—в том, что в ее характере есть неудовлетворительные, с точки зрения правопорядка, свойства, которым это деяние в большей или меньшей степени обязано своим возникновением и которые в своей совокупности могут быть названы *преступным настроением*» (стр. 191). Преступное настроение не должно быть непременно длительным психическим состоянием, но может быть и переходящим психическим процессом; в этом автор видит отличие своего понятия вины от понятия «опасного состояния». Там, где преступное настроение пустило глубокие корни, оно представляет в то же время и «опасное состояние» личности (стр. 193). Таким образом у автора понятие «вины» сливается частично с понятием «опасного состояния». Нам кажется, следует сделать дальнейший шаг и признать, что старое понятие вины в законодательствах, в проектах, в практике и науке модифицируется постепенно *в понятие «опасного состояния»*. Возражения о безответственности в таком случае случайного преступника, об устранении различий между душевно-больным и здоровым преступником и мерах, применяемых по отношению к тому и другому, неправильны, так как следует различать и *степень и форму* опасного состояния, в зависимости от которых уголовная ответственность примет ту или иную форму. «Опасное состояние» не есть непременно хроническое состояние, случайная преступность есть «острая» форма опасного состояния (ср., напр., Gefährlichkeit Thyren'a Principien einer Strafgesetzreform). Рамки настоящей рецензии не позволяют отметить целый ряд существенно важных выводов от принятия такой точки зрения.

Среди существующих русских руководств по уголовному праву по новизне теоретического материала работа проф Я. Э. Немировского должна занять первое место. Поэтому «Основные начала уголовного права» проф. Немировского можно рекомендовать каждому желающему получить наиболее полное представление о довоенном состоянии науки уголовного права.

А. Пионтковский.

Д-р ИОСИФ КАРНЕР. Социальные функции права. Перевод Л. В. Геркон. Госиздат. 1923 г. Стр. 132.

Интерес к теоретическим вопросам права у нас сейчас велик, но эта область литературы должна быть названа самою бедною из всех. Поэтому появление в русском переводе книжки Карнера (австрийского с.-д. Реннера) весьма кстати.

Работа эта не новая, она вышла в серии «Marxstudien» Венской школы марксистов, пожалуй, лет 16 тому назад, и если она до сих пор не издана в русском переводе, то скорее всего виновато ее крайне непопулярное изложение. Это, впрочем, общий грех всей немецкой

юридической литературы, не исключая и марксистской.

Но, приветствуя появление этой интересной работы на русском языке, я не могу воздержаться от упрека издателю или, вернее, редактору в том, что книжка появилась без всякой оговорки. В таком виде она, если и не опасна, то в значительной степени бесплодна. Только критическому читателю она даст обильный материал для размышлений и выводов; читателя же, не имеющего еще определенной точки зрения, она только спутает, если он вообще будет в состоянии разобраться в этих сплетениях отвлеченных юридических и экономических формул, подчас прерываемых блестящим фейерверком мысли.

Это своеобразное сочетание юриста старой школы (не даром у Реннера за спиною многолетняя служба австрийского бюрократа) и экономиста новейшей формации, марксиста. И задача современного русского читателя—заменить рассуждения юриста старой школы завоеваниями нашей революции. С этою оговоркою работа пригодна и ныне; были времена, когда мы все читали Реннера с большим интересом.

Работа Карнера-Реннера относится еще к тому времени, когда в порядке дня стоял вопрос о примате хозяйства или права, когда выходили работы в роде Штаммлеровских и т. д. Конечно, не случайность, что это совпадало с революционным периодом (1905 г.) и что все теории тогдашней «*юридической* мысли» сводились к вариациям на тему «юридический социализм». Автор так и ставит вопрос: «Врастаем ли мы *также* и в области права *органически в государство будущего?*» Он кончает тем, что в предисловии обещает во второй части работы осветить «*превращение* буржуазного права *в социальное право* грядущей общественности», а в последнем слове: «показать *путь*, по которому *капиталистическое общество превратится в социалистическое*». Второго очерка автор не дал, он его на практике проводит в австрийской «демократии», где он, как с.-д. вождь, был даже государственным канцлером.

Автор в своей работе на основании, главным образом, I тома «Капитала» показывает, как первоначальная собственность (самодовлеющий дом, двор, семья) путем фактической экспроприации субъекта, собственника, и путем расчленения объекта, «наследственной собственности», на его элементы и новой их группировки привело к современной капиталистической собственности, как к чему-то прямо противоположному первой.

Он далее излагает, как параллельно с этим процессом появился институт личной свободы, в виде «права собственности на свою рабочую силу». Этот процесс одновременно превращает орудие производства (машину) в господина над людьми и предоставляет юридическому владельцу орудиями труда деспотизм, в институте личного найма. Одновременно он, как владелец средств производства, денег и товаров, овладевает всею совокупностью не только производственных отношений (как крупным производством, так в лице торгового капитала—и домашней промышленностью), но и всею сферою распределения. Это путем договора отчуждения; путем договора о возврате «капитала с процентом» собственность принимает фетишеобразную форму капитала, автоматически приносящего процент. Аренда и ипотека, как институты, соединенные с собственностью земли, доводят до совершенства эту новую систему господства. «Объект собственности в руках собственника стал последовательно титулом власти, прибыли, процента, предпринимательского дохода, ренты, т.-е. он стал капиталом».

В дальнейшем, путем экономической экспроприации, аккумуляции капиталов и ассоциации владельцев капитала, с одной стороны, и владельцев одной рабочей силы—с другой, как заключает автор, *способ производства* потерял свой капиталистический характер, но *способ* присвоения остается прежним, капиталистическим. Автор показывает, как одновременно рушится старая семья, а вместе с тем и «естественное» наследственное право, и приходит в заключению, что собственность, без изменения соответственных норм, изменила свои «социальные функции» до неузнаваемости. И в этой части работы мы находим

много весьма интересных и глубоких мыслей, но...

Но, если автор и в экономической части работы допускает непростительные ошибки в передаче мыслей Маркса (смешивая, например, понятие труда и рабочей силы), то с юридической стороны он без разбора подкладывает К. Марксу свои собственные мысли. А представления его о праве пахнут глубокою стариною. «Всякое право есть волевое отношение и прежде всего подчинение индивидуальной воли воле коллективной». «Право, т.-е. акт власти *сознательно действующего общества*». «Норма представляет собою свободный акт *осознавшего себя общества*». Соответственно тому, по Карнеру, «правовой институт есть *комплекс норм*», и только. Если Маркс местами как бы еще придерживается волевой теории права, то автор, приписывая ему подобные юридически - математические формулы, наносит ему прямое оскорбление. Если в буржуазной общественной науке господствует юридическая логика, то как раз Маркс выдвинул тот новый, историко-материалистический метод, который должен разрушить старую буржуазно-классовую, т.-е. юридическую логику. Это Маркс в противовес «демократической общественности» выдвинул *классовый признак*. Всюду, где Карнер твердит, что «общество держит в своих руках орудие закона, законодательство», или «общество *суверенно* в качестве законодателя», К. Маркс ставит господствующий класс.

С этой стороны Карнер и проталкивает в марксизм свою теорию «о социальных функциях права». Как известно, Маркс все общество рассматривает в его разделении на классы, в распределении людей в процессе производства и говорит, *в этом только смысле*, о роли, о социальных функциях групп или лиц. У него капиталист, земледелец, рабочий являются в этом смысле персонификациею капитала, земли, рабочей силы. Без малейшего намека на какую бы то ни было *телеологию*, на какое бы то ни было *возложение* этих функций или задач! Напротив, он зло высмеивает буржуазных экономистов, выставляющих подобные теории. Карнер—юрист чистейшей вод. Понимая правовой институт только как *комплекс норм*, а нормы, как сознательные, т.-е. содержащие определенную цель, императивы, он, конечно, в понятие «социальных функций правового института» вносит определенно телеологический смысл. Сопоставляя и смешивая это понятие «социальной функции» в субъективно-юридическом смысле с объективно-экономическим понятием социальной функции у Маркса он совершает, допустим, бессознательную фальсификацию учения К. Маркса, а сам Карнер чрезвычайно сближается, напр., с Дюи, этим чисто-буржуазным писателем, всеми силами открещивающимся от звания социалиста, но обосновывающим свое социалистическое истолкование капитализма именно теориею о социальных функциях правовых институтов. Если, напр., Карнер говорит (стр. 46): «право капиталистов—это делегированная публичная власть», то невольно напрашивается вопрос: «кем же оно делегировано?» Неужели опять-таки «обществом» или просто классом капиталистов, в силу своего господства?

Если спросить по совести, что, собственно, излагает Карнер в своей работе, то приходится ответить: развитие экономики от общества простых товаропроизводителей до капитализма. Это сильная сторона всех ревизионистов, как чистых экономистов. «Субстрат общества не знает перерывов и скачков, он знает *лишь эволюцию*, а *не революцию*», или «эволюция собственности не знает остановок», вот «credo» любого ревизиониста.

Карнер—безусловно умный человек. Не даром он как-то в начале нашей революции писал, что, будучи в России, он, может-быть, мыслил бы по-большевистски. Поэтому в его книге, несмотря на его непростительно отсталые юридические взгляды, проглядывают и новые веяния, но не сознательно, скорее по интуиции. Подходя к его работе критически и с уравновешенными нервами,— без таковых я не советую отправиться в эти дебри юридических размышлений,— мы можем вынести и пользу и лишний материал для выяснения понятия и сущности права. Сам Карнер и не пытается дать таковое и сам, повидимому, его не имеет, иначе он не мог бы писать,

что *«правопорядок приказывает людям»* или «право приказывает индивидам и т. д. и т. п.». «Власть имущий индивидуум, который *от имени общества* должен осуществлять юридическую власть, должен в качестве индивидуума также иметь фактическую силу, будь то сила физическая или сила авторитета» и т. д. Рядом же понимание общества в смысле, ничего общего не имеющем с марксизмом. Все это надо поставить в минус работы, и все-таки работа остается ценною.

Перевод чрезвычайно трудно передаваемой на другом языке работы сделан хорошо. Единственным недостатком перевода надо признать некоторые неточности в переводе цитат из К. Маркса (немецкого текста всей работы я перед собою не имею). Так, например, стр. 12: «каким образом производственные отношения и (по-немецки «als», т.-е. *как*) правоотношения проходят «treten», т.-е. *вступают на* неодинаковый путь развития» и т. д. В таких цитатах К. Маркса, у которого каждое слово употребляется сознательно, необходима безусловная точность. Иностранные слова, столь излюбленные для немецкого юриста, необходимо по возможности заменять русскими или, по крайней мере, более нам привычными выражениями. «*Фингированное* вне общественное состояние», «социально-*характеристичная* маска» и т. д. не облегчают чтение и без того трудно понятной работы.

П. Стучка.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. «Современная Школа». Сборник статей. *В. Менжинская.*—2. «Изучение литературы в школе». Сборник статей. *Н. Бродский.*—3. «На путях к новой школе». Журнал №№ 1, 2 и 3. *Н. Чехов.* — 4. «Педагогическая мысль». Журнал №№ 1 — 6. *Н. Чехов.* — 5. «Труды Белорусского Государственного университета в Минске». № 1. *А. Сергеев.*—6. «Учительская Школа». Сборник. *М. Пистран.*

СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА. Сборник педагогических статей. Под редакцией Д. Н. Ангерта, Р. Г. Лемберг, Б. Е. Райкова и А. Г. Ярошевского. Культурно-Просв. Кооп. Тов. «Начатки Знаний». Петроград. 1922. Стр. 240.

Судя по разбираемой книге, педагогическая мысль движется в Петрограде, но движется, главным образом, в направлении разрабатывания методики отдельных предметов. Очень интересна статья Яхонтова, настаивающая на необходимости проводить занятия зоологией в саду, на экскурсии, выводя учеников из узких и искусственных пределов класса и кабинета. Статья Анциферова об историко-культурных экскурсиях показывает нам, какие успехи сделало экскурсионное дело в последние годы (они характеризуются для автора, скорее, как годы разрухи, чем как годы революции) в смысле количества экскурсантов и разработки методов. Очень содержательна статья Верховского об изготовлении простейших приборов для опытов, при изучении неживой природы. Эту работу можно считать серьезным шагом в деле приближения нашей элементарной школы к лабораторному методу. Эти статьи отвечают назревшей потребности в активной работе учеников. Более слабый отклик дает сборник на выдвинутое революцией стремление разрушить перегородки между предметами. В статье Кавуна прорабатывается сближение арифметики и геометрии, но материал для этого дается совершенно отвлеченный,—гимназического типа, и трудовой школе придется переложить все, что здесь приемлемо, в другие формы. Вероятно, многим преподавателям будет интересно познакомиться с теми выводами, к которым

пришли петроградские методисты-практики.

Но не найдут они в этом сборнике того напряженного искания трудовой школы, толчок которому дала революция. «Трудовая Школа не изобретена в наши дни в процессе пореволюционного строительства в России», говорится в предисловии. И в ряде статей путем исторических экскурсов доказывается эта мысль, а трудовая школа сводится к трудовому методу обучения, к трудовым процессам. Подновленное Тенишевское училище. И авторы как бы не замечают, что этот тип школы, удовлетворявший просвещенную буржуазию, теперь уже является устарелым, да и не жизненным, так как ударным моментом является не создание отдельных привилегированных училищ, а массовой школы, близкой к жизни и к населению. В очень живой статье «Школьный день» А. С. Гинотовт суммирует опыт нескольких школ в деле постановки самоуправления учащихся и клубных занятий: экскурсии, устройство школьных праздников, ведение хозяйства школы—всюду проявляется инициатива детей. Перед нами живые, деятельные дети, но в какой стране они живут? Ясно, что Пушкин их родной поэт, но как им приходится Ленин? Что знают они о советах и революции? Кого думают эти школы выпустить в жизнь: интеллигентов, стремящихся к какому-то неясному идеалу и не знающих, куда приложить свой труд, или сознательных граждан Советской России? Хочется верить, что этот сборник неполно, односторонне отражает жизнь петроградской школы, что уже создается в Петрограде тип учителя, который не считает себя «педагогом-мечтателем в дикой обстановке современного быта», как говорится в предисловии, а является, пусть пока еще неполно, с ошибками строителем новой школы, нужной Советской России.

В. Менжинская.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ. Сборник методических статей и примерных уроков. Под редакцией А. М. Лебедева. Государственное Издательство. М. 1923 г. Стр. 133.

Редактору сборника пришла хорошая мысль выбрать из журнала «Родной Язык в Школе», давно разошедшегося, несколько статей, наиболее показательных для истории преподавания языка и литературы в наше время. Он сосредоточил внимание читателя на тех статьях, авторы которых являются сторонниками лабораторного метода. Как привлечь учащихся к самостоятельной проработке художественного материала, какими приемами изучать поэтические тексты, что нужно делать словеснику в классе и вне его для пристального внимания и изучения подлежащего его ведению материала,—все это в наглядных примерах иллюстрированно показано в настоящем сборнике.

Главный интерес всех статей в том, что они являются отражением опыта самих преподавателей, иногда делящихся материалом, обработанным учащимися. Практики-учителя получат много свежих возбуждений от целого ряда статей (напр., Е. Г. Качарова, М. А. Рыбниковой, Ю. М. Соколова); начинающие преподавательскую работу от книги в целом заразятся хорошим возбуждением мысли и примерными схемами организации урока, литературного вечера, собеседования в кружке, школьной инсценировки народных игр, обычаев, литературной экскурсии и проч. Общий методологический уклон представленного коллективного опыта преподавания литературы—стилистический—соответствует научным запросам нашего времени. Освобожденный от некоторой упрощенности и схоластики (ср. стр. 65—67), без забвения глубокого социального и идейно-философского значения поэтического материала, подталкивающий самодеятельность как педагога, так и школьника, этот метод, по справедливому замечанию редактора, встречающий в школьной практике серьезные препятствия в неподготовленности массового учителя к подобной работе, должен занять в современной

школе надлежащее место. Помочь этому учителю в применении нового метода, освященного первым всероссийским съездом словесников, было задачей редактора сборника. Мы должны сказать, что книга эту задачу выполнила.

Н. Бродский.

НА ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ. Орган научно-педагогической секции Государственного Ученого Совета. 1922 г. № 1—Июль, № 2—Сентябрь, № 3—Ноябрь.

Много у нас было различных типов педагогических журналов, но среди них не было ни одного, который бы соответствовал журналу «На путях к новой школе». Это не только не официальный орган НКП или Г. У. Совета, каким был, например, журнал Министерства Народного Просвещения, каким является для Украинской Республики журнал «Новый Путь», это даже не официоз, так как свободно допускает на своих страницах статьи представителей разных педагогических направлений, по одному общему признаку—стремлению вперед к новой школе. Еще одною особенностью отличается этот журнал: большинство его статей имеют не временный, а более длительный характер. Это часть большого исторического процесса в жизни нашей педагогики; многие статьи войдут в нашу литературу как основные по некоторым вопросам.

Краткое и скромное, всего в одну страницу, введение «От редакции» в первом номере, констатируя современное оживление педагогической мысли, указывает на необходимость подведения итогов педагогической работы последних лет. Задача журнала определяется как «выявление с учета коллективного опыта российского учительства, сплочение учительства на определенной педагогической платформе»,—на ряду с разработкой основных проблем воспитания и образования.

Последней задаче пока уделяется главное место, и здесь мы находим ряд руководящих статей членов Государственного Ученого Совета и других работников Центра. Сюда относятся статьи общего Отдела:

№ 1. Г. И. Гордон. «Новая Школа,—принципы, структура, методы».

Н. К. Крупская. «Задачи школы I ступени» (четырехлетка).

П. П. Блонский. «Педагогические задачи Начальной Школы».

№ 2. Н. К. Крупская. «К вопросу о программах».

П. П. Блонский. «Начальная школа в промышленном районе».

В. М. Шульгин. «К вопросу о работе с учительством».

№ 3. П. П. Блонский. «Схема занятий в трудовой школе 1 ступени».

Н. К. Крупская. «Схема программы 1 концентра II ступени».

Г. И. Гордон. «Проблемы воспитания и образования в Советском государстве».

В том же отделе помещена и обширная, идущая через все три номера и еще не законченная статья *С. Т. Шацкого*: «Школа для детей или дети для школы». Это—ряд очерков, представляющих результат практической педагогической работы, проходящей под руководством автора и иллюстрирующей ряд его оригинальных и самостоятельных выводов.

Главный интерес статьи—исследовательский, лишенный всякой предвзятой точки зрения; подход к решению педагогических проблем, подход, значительно отличающий эту статью от других работ общего отдела.

В третьем номере в тот же общий отдел включен еще ряд статей, посвященных вопросу об обучении рабочих подростков и борьбе с беспризорностью. Главное внимание в этих статьях обращено на школы фабрично-заводского или промышленного ученичества. Хорошо выяснено их происхождение и развитие за границей и у нас в статье *А. И. Радченко*. По этому же вопросу имеются еще три статьи: той же, *А. И. Радченко*, *И. Г. Розанова*, *В. Смирнова*. К ним примыкает и статья *И. Н. Шпильрейна*, к вопросу о психологическом профессиональном подборе.

Не менее важен и другой, главный отдел журнала «Из педагогического опыта». И здесь, как и в предыдущем отделе, в третьем номере сделан подбор статей по одному вопросу, разби-

рающих его с разных сторон. Статьи эти имеют связь и с только что упомянутым вопросом о фабрично-заводском ученичестве, разобранном в первом отделе того же номера: они касаются, по преимуществу, работы с молодежью. Здесь и статьи о самоуправлении учащихся (М. М. Пистрака), и о работе с беспризорной рабочей молодежью (И. Я. Свет), о том, что из себя представляет современная молодежь (Е. С. Лейтнекер), замоскворецкий клуб рабочей молодежи (И. Г. Розанов). Еще ближе стоят к вопросу о фабрично-заводских школах статьи *В. Никитина* (Институт инструкторов фабрично-заводских школ) и *В. Иванова* (Школа трудового воспитания при центральном доме рабочей молодежи в Москве).

Такое объединение материала по одному или нескольким смежным и близко соприкасающимся вопросам надо признать весьма удачным. Оно значительно повышает ценность книжки журнала, превращая ее в педагогический сборник, значение которого более длительно, чем обычного номера журнала.

В №№ 1 и 2 в отделе «Из педагогического опыта» заслуживают внимания решительно все статьи. Материал очень разнообразный, но с педагогической стороны вещь исключительно ценная. Здесь помещены статьи: *Челюсткина* (Летние занятия в одной из петроградских школ), *Свентицкая* (Жизнь дошкольников), *Татаринова* (Спектакли в детском клубе), *Радченко* (Школа с индустриальным уклоном), *Пистраж* (Школа и фабрика), *Бенкен* (Детские выставки), *Жаворонков* (Работа по обществоведению с детьми I ступени). Все эти статьи—результат длительной опытно-педагогической работы с живым материалом, и работы глубоко продуманной, учтенной и приведшей работников к твердым и ясным выводам.

Оба рассмотренные отделы настолько богаты ценным педагогическим материалом, что они делают и весь журнал ценным и необходимым для всякого педагога не только в данный момент,—пройдет 5—6 лет, и книжки эти не потеряют своего значения.

Вопросам временным и текущим отвечают в журнале отделы хроники и библиографии. Первый—очень разнообразный, касается, главным образом, работы педагогических конференций и съездов, как в России, так и за границей, здесь же еще ряд кратких рефератов из журнальной, а отчасти и книжной современной литературы на Западе. Материал ценный и разнообразный. Не менее разнообразно - богата библиография. Журнал не задается целью охватить все стороны педагогической работы и всю ее совокупность в России,—и это хорошо. Он подходит к делу с наиболее интересных и очередных вопросов и рассматривает их достаточно полно и разносторонне. Это большая заслуга—суметь ограничить себя, сосредоточить внимание на нескольких пунктах. Все сказанное приводит нас к выводу, что журнал «На путях к новой школе» в настоящее время является едва ли не лучшим нашим педагогическим журналом, и он мог бы с честью занять почетное место и среди нашей более богатой педагогическими журналами литературы недавнего прошлого. Он действительно выполняет свою задачу—расчищать и указывать путь к новой Школе.

Н. В. Чехов.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. Общепедагогический журнал, под редакцией И. С. Симонова, И. М. Гревса и В. А. Герда. Петроград. 1922. №№ 1—2; 3—4; 5—6. Стр. 395.

Настоящий журнал—орган определенных, широких и довольно влиятельных кругов петроградского педагогического мира. Журнал выходит уже 6-й год и дал довольно большое количество ценного педагогического материала. Каждый номер его состоит из трех больших отделов: общий отдел, библиографический отдел и педагогическая хроника. Направление журнала определяется, главным образом, статьями первого отдела,—статьями, которые в большинстве имеют не только журнальную временную ценность, но могут считаться вкладами в постоянную литературу. Но вклад этот ценен, как ценно всякое искреннее мнение при разработке оче-

редных вопросов, как ценна всякая добросовестная критика. Дело в том, что значительная часть статей этого отдела представляет из себя или критику господствующих в официальных кругах течений или изложение более умеренных проектов.

Так, статья И. М. Гревса «На путях обновления образования» (Что есть трудовая школа?) (№ 3—4) излагает историю этого вопроса с 1918 г. у нас. Политехническую трудовую школу автор считает понижающей уровень школы. «Из такой школы будут выходить малограмотные люди и плохие работники». По его мнению, трудовой школой должна считаться всякая серьезная школа, а производительным в ней может быть только умственный труд. Господство естествознания перед гуманитарными дисциплинами в современной школе «искажает понятие о трудовом начале». Цель трудовой школы—«активный идеализм». «Лучшим из объектов знания... будет сосредоточение курса на родине малой—родном крае, и большой—русском отечестве». Вот основные мысли автора, явно идущие в разрез с пониманием трудовой школы, проводимым в жизнь официальными руководителями нашей школы.

Такой же полемический характер и также против «Московского направления» носят статьи Рождествина («Опыт научного преподавания родного языка»), В. А. Герда («Естествознание в начальной школе»), Щербы (К вопросу о летней школе), Лепилова («Краткосрочные педагогические курсы»). И тем не менее, все эти статьи дают много продуманного материала, указывают на разные слабые стороны современных проектов и программ.

Объективную ценность, как материал, дают статьи Бахтина («Этюды по детской литературе»), Досычевой («Творческое чтение и письменные работы») и Н. Ольденбург («Детский театр и рассказывание»).

Педагогическая хроника разнообразна и интересна. Она не охватывает всего движения в области школьного дела и педагогики, но дает ряд живых заметок и картинок, касающихся самых разнообразных сторон его. Есть материал и из области педагогической работы за границей. Также богат и ценен отдел библиографии. В общем, несмотря на свое общее направление, идущее несколько в разрез с господствующим течением, а отчасти именно благодаря этой черте, журнал занимает определенное место в нашей педагогической литературе, и знакомство с ним вдумчивых педагогов очень полезно.

Н. В. Чехов.

Труды Белорусского Государственного университета в Минске. 1922. № 1. Госиздат Белоруссии. Стр. 218.

Белорусский (Минский) университет счастливо одолел тяжкие препоны, приведшие к закрытию целого ряда провинциальных университетов, рожденных Революцией. Этим он обязан прежде всего, без сомнения, той крупной творческой роли, которую ему приходится играть на западной окраине нашей Республики. Минский университет, по словам редакции его «Трудов», должен быть «ферментом развития национальных культур края, и прежде всего культуры белорусской, столь долго подвергавшейся внешним стеснениям». Летопись событий университетской жизни, напечатанная в настоящем выпуске «Трудов», ярко рисует ту культурно-общественную миссию, которую приходится осуществлять юному университету в жизни Минска и белорусского края.

Вместе с тем Минский университет восстановил добрую традицию старых университетов изданием собственного научного органа. В этом первом выпуске «Трудов Белор. Госуд. университета», содержащем ряд оригинальных статей по гуманитарным дисциплинам, бросается в глаза свежая черта, выгодно отличающая журнал нового университета от архиакадемичных «Трудов» и «Записок» старых университетов. Это—научная трактовка на страницах университетского органа живейших проблем современности. Таковы живо написанные статьи: «Диалектический материализм в творчестве Плеханова»—С. Я. Вольфсона и «Право и нравственность

с материалистической точки зрения»—Г. С. Гурвича.

Другой положительной чертой «Трудов» является стремление к научному освещению культурно-политической истории местного края. В этом отношении ценны—написанная по первоисточникам превосходная статья нынешнего ректора Белорус. унив. проф. В. И. Пичеты: «Волочная устава королевы Боны и Устава о волоках», и несколько глав из магистерской работы молодого ученого А. Савича: «Униатские школы для западно-русского юношества до Брестской церковной унии 1596 года».

Из прочих статей, помещенных в первом выпуске, необходимо отметить статью Н. М. Никольского, посвященную выяснению феодальных отношений в древнем Израиле. Журнал, как мы видим, сразу же взял верное направление, и с тем бо́льшим интересом приходится ждать его дальнейших выпусков.

А. А. Сергеев.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА. Педагогический сборник, выпущенный по случаю 50-летнего юбилея Петроградского Практического Ин-та Нар. Обр., б. Земской Учительской школы. Гос. Изд. 1922 г. Стр. 132. 3000. экз.

Бывшая Земская Учительская школа в Петербурге (на Петровском Острове, т. наз. Городок Сан-Галли), теперь Практический Институт Народного Образования, оригинально, но глубоко правильно ознаменовал свой 50-летний юбилей, выпустив книжку, где не более $^1/_4$ места уделено собственно истории Института, остальные $^3/_4$—посвящены—в форме отчета—освещению ряда педагогических и методических вопросов, которые, несомненно, сослужат хорошую службу русскому учительству и русской школе.

Не вдаваясь в изложение истории Института, отметим только, что это было учреждением земства, а потому в темные времена царского режима имело возможность несколько свободнее развиваться и работать. И эта относительная свобода и цель Учительской школы — готовить учителей из крестьян петербургских окрестностей, прошедших через начальную школу,—обеспечили ей (школе) приток наиболее прогрессивных и свежих педагогических и методических сил.

Октябрьская революция застала в Учительской школе людей, готовых посильно помочь в строительстве трудовой школы,—людей, несших в себе значительное число здоровых, оформившихся методических идей, начинающих сейчас проникать в широкие ряды школьных работников.

С этой точки зрения, авторы книжки по праву утверждают, что Октябрь как бы освятил их старые традиции.

В статьях о «Воспитании в Учительской школе», «Теоретической и практической подготовке к учительской деятельности», особенно же в статьях, посвященных образцовой школе I ступени при Ин-те и Школьном детском клубе, учитель найдет для себя массу интересных и важных сведений и указаний, особенно методического характера.

Характерно то (и это сквозит во всех почти статьях), что последние 5 лет жизни Института—в невероятно тяжелых условиях—значительно укрепили и расширили Институт.

И все же мы не можем пройти мимо того факта, что Октябрьская революция, захватив и укрепив Институт, наложив на него свой отпечаток, как-то не пришлась по самому нутру Института. Мы имеем в виду то, что характер задач Института остался тот же—углубленная, полная большого знания дела, работа в области почти исключительно методических вопросов, разработка деталей, частей, шлифовка и полировка. Не видно новых больших идей социальной педагогики, не видно совсем связи с Комсомолом, не видно непосредственного влияния школы на внешнюю жизнь—на близлежащую улицу; в Институте еще не чувствуется коммунистического зернышка.

Правда, один из новых путей может иметь в будущем большое значение для Института—это конференции его бывших питомцев, уже проработавших некоторое время (до года) в качестве практического школьного учителя. К сожа-

лению, отсутствие средств сильно тормозит эти конференции, и «надо пожелать, чтобы средства на конференцию отыскались».

В кратком отзыве невозможно остановиться на интересных деталях книжки, укажем только на характер учреждений Ин-та: это 1) школа II ступени (4 года) и 2 года педагогического института (третий год—практический); 2) пятилетняя (сейчас шестилетняя) школа I ступени в качестве опытного поля-лаборатории.

В состав II ступени и Института принимаются крестьяне, гл. обр., Петерб. губернии: все в интернате.

I ступень — для приходящих, гл. образом, детей рабочих местного района.

М. Пистрак.

БИБЛИОГРАФИЯ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

1. М. АЗАДОВСКИЙ. Обзоръ библіографіи Сибири. *Н. Здобнов.* — **2. П. КОЛМАКОВ. Внекурсовая самоподготовка библиотекарей.** *М. Слуховский.* — **3. Каталог изданий Татгосиздата.** *В. Адарюков.* — **4. О. ВОЛЬЦЕНБУРГ. Библиография библиотековедения.** *Л. Хавнина.*

МАРКЪ АЗАДОВСКІ Обзор библіографіи Сибири. Томскъ. 1920. Типо-лит. Томской жел. дор. 8°. Стр. IV+46+загл. лист.+ненум. отдѣльный листок «Поправки». (Труды О-ва Этнографіи, Исторіи и Археологіи при Томскомъ университете. Выпускъ первый).

Обзоръ библіографіи Сибири»—М. Азадовского представляет собою систематическое описание трудов по библиографии сибиреведения. Необходимость такой работы ощущалась уже давно (кстати сказать—давно ощущается необходимость приведения в известность вообще всей русской местной библиографии). Начавшееся в половине прошлого века библиографическое изучение Сибири дало значительные результаты. Правда, широкой известностью пользуется только один капитальный труд В. И. Межова—«Сибирская библіографія», изданный в начале 90-х годов. Однако, на ряду с трудом Межова, существует довольно многочисленная библиографическая литература по сибиреведению. Большей частью это—отрывочные или вспомогательные к другим исследованиям работы, охватывающие литературу или только по некоторым отраслям знания, или только по некоторым частям Сибири, или, наконец, за небольшие хронологические периоды. Но, несмотря на свою отрывочность, эти труды являются ценным, единственным и необходимым пособием при изучении Сибири. Разбросанные по самым разнообразным изданиям, частью забытым и малодоступным, они нередко остаются неизвестными даже библиографам. Поэтому назрела необходимость в такой работе, которая, приводя в известность сибирскую библиографическую литературу, помогала бы ориентироваться в ней, а также избавила бы сибирских библиографов от повторения уже ранее исполненных работ. Кроме того, подведение итога библиографическому изучению Сибири имеет и самостоятельный научный интерес, поскольку этот итог показывает пути и достижения сибирской библиографии в прошлом и помогает правильнее поставить ей задачи в будущем.

Между прочим, необходимость такого рода труда была отмечена первым съездом по исследованию Сибири, состоявшимся в Томске в январе 1919 г.

К сожалению, работа М. Азадовского страдает значительной неполнотой и не может в должной мере удовлетворить назревшей потребности в подобного рода труде. Как видно из предисловия, автор и не стремился к исчерпывающей полноте. Он сознательно сузил свою задачу. Так, он ограничился только обзором трудов общего характера и тру-

дов, относящихся к циклу гуманитарных наук, оставив в стороне труды, относящиеся к наукам физико-математическим и прикладным. Далее: отдел личной библиографии ограничен только трудами об *авторах*, деятельность которых в той или иной степени связана с изучением Сибири. Труды о сибирских деятелях в области литературы, искусства, государственно-административной и общественно-политической жизни, как равно и труды о выдающихся уроженцах Сибири, оставлены в стороне. Таким образом, автор преднамеренно не включил в свой «Обзор» значительную часть литературы по сибирской библиографии, чем и умалил ценность своего труда. Но, помимо преднамеренной неполноты, «Обзор» страдает неполнотой и непреднамеренной, которую, впрочем, автор и сам сознает. Часть существенных пропусков объясняется отсутствием в Томске необходимых материалов (некоторые из них автор отмечает в предисловии), но такие издания, как, напр., Венгеров — «Источники словаря русских писателей» и университетские биографические словари, в которых имеется био-библиография многих писателей и исследователей Сибири, отсутствуют в «Обзоре» по непонятной причине (в Томской университетской библиотеке они имеются, и автору «Обзора», несомненно, известны).

Напрашивается возражение и против системы распределения материала. Он распределен по следующим семи рубрикам: I. Указатели общего характера. II. Библиография периодической прессы: а) указатели к отдельным периодическим изданиям и б) перечни периодических изданий, выходивших на территории Сибири. III. Библиография отдельных частей Сибири. IV. Библиография отдельных народностей. V. Библиография отдельных наук. VI. Библиография отдельных вопросов. VII. Библиография авторов.

Достаточно подчеркнуть рубрики IV, V и VI, чтобы показать ненаучность и практическое неудобство такой «системы». Жаль, что автор игнорировал международную десятичную классификацию. Она придала бы «Обзору» больше стройности и дала бы возможность легче ориентироваться в нем. Приложенные к «Обзору» вспомогательные указатели лишь отчасти облегчают нахождение нужных материалов. Таких указателей приложено три: I. Алфавитный указатель трудов, вошедших в «Обзор». II. Указатель периодических изданий, упомянутых в «Обзоре». III. Указатель народностей и географических названий. Необходимы еще указатели личных имен и предметный. Отсутствие их в библиографическом труде непростительно.

Положительным качеством «Обзора» является, между прочим, порядок расположения материала внутри отдельных рубрик не в алфавитном порядке, как обычно принято, а в хронологическом—по годам издания, что дает возможность проследить общую картину и последовательность развития библиографического изучения Сибири по отдельным отраслям знания. В «Обзоре» описано 133 нумера. Кроме обычных библиографических данных, помещено содержание каждого обозреваемого труда (перечень отделов и перечень использованных для него изданий), а также число №№, описанных в каждом обозреваемом труде. Эти сведения дают довольно ясное представление о вошедшем в «Обзор» материале.

В общем, несмотря на неполноту и другие недочеты, «Обзор» является желанным и ценным вкладом как в сибирскую библиографическую литературу, так и вообще в русскую местную библиографию. Следует пожелать, чтобы поскорее появилось восполнение вольных и невольных пропусков и продолжение труда обзором сибирской библиографии по физико-математическим и прикладным наукам.

В заключение позволю себе сделать некоторые дополнения к «Обзору», отнюдь не претендуя на полноту. Помещаю только те материалы, о которых сведения у меня имеются под руками. В виду небольшого числа их, располагаю в алфавитном порядке. Труды, сведения о которых мне не удалось проверить, отмечаю звездочкой.

1*. Алфавитный указатель къ Извѣстіямъ Иркутской Городской Думы за трехлѣтіе ихъ существованія, съ 1886 по 1888 гг. включительно. Иркутскъ. 1889.

2*. Т о ж е. За 1903 и 1904 гг. Иркутскъ. 1907.

3*. Алфавитный указатель къ Протоколамъ Иркутской Городской Думы 1879—1885 гг. Томъ I. Иркутскъ. 1908. Стр. 352.

4. Алфавитный указатель литературы по вопросамъ Азіи и Дальняго Востока за 1911 г. Книги и брошюры, вышедшія въ свѣтъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. СПБ. 1912. Стр. 26. Прилож. къ «Дальневост. Обозрѣнію».

В «Обзоре» М. К. Азадовского под № 69 заглавие этого труда указано неточно.

5. Библіографическій указатель текущей литературы объ Якутской области.—«Ленскія Волны». 1915. №№ 13—25 и след.

См. ниже № 20.

6. Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библіографическое описаніе. Томъ II. М. 1913.

На стр. 1008—1010, 1018, 1030—1032 выделены каталоги некоторых сибирских библиотек и литература о последних.

7. Бируля, А. Обзоръ работъ по зоогеографіи Россіи за 1891—1893 гг.—«Ежегодн. Имп. Русск. Географ. Общ.» V. СПБ. 1896. Стр. 51—182.

О Сибири, см. стр. 110—123. Вошла русская и иностранная литература, с указанием содержания.

8. То же. За 1894—1895 гг.—Там же. VI. СПБ. 1896. Стр. 190—297.

О Сибири—см. стр. 236—239.

9. Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ I. СПБ. 1900. Ааронъ-Гоголь. Т. II. СПБ. 1910. Гогоцкая-Карамзинъ. Т. III. СПБ. 1914. Карамышевъ-Ломоносовъ Т. IV. СПБ. 1917. Ломачевскій-Некрасовъ.

Имеется библиография многих сибирских писателей и ученых.

10. Геннади, Г. Указатель географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ статей, помещенныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 г.—«Вѣстн. Геогр. Общ.» 1859. Кн. III. Стр. 1—51.

Материал расположен в алфавитном порядке «Вѣдомостей». См. Иркутские—11 назв., Тобольские—38 назв. и Томские—1 назв.

11. Геннади, Г. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол. Т. I. А-Е. Берлинъ. 1876. Т. II. Ж-М. Берлинъ 1880. Т. III. Н-Р. «Чт. въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс.» 1906. Кн. 4. Стр. 1—80; 1907. Кн. 1, стр. 81—224; кн. 4, стр. 225—291 и отд. М. 1910.

Имеется библиография некоторых сибирских писателей и ученых.

12. Географическая литература Россіи Европейской и Азіатской и прилегающихъ странъ по даннымъ библіотеки И. Р. Г. О.—«Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.». Томъ XXVII. СПБ. 1892. Стр. 133—134, 251—252, 345—346, 430—431, 525—526, 660. Томъ XXIX. СПБ. 1893. Стр. 49—50, 108, 214—215, 344—345, 490—492, 687—688; томъ XXXI. СПБ. 1895. Стр. 108—110, 247—249, 379—380, 676—677; томъ XXXII. СПБ. 1896. Стр. 82—86, 409, 451—453; томъ XXXIII. СПБ. 1897. Стр. 313—316, 560—565; томъ XXXIV. СПБ. 1898. Стр. 246—248, 396—398, 515—516, 657—658, 821—823; томъ XXXV. СПБ. 1899. Стр. 139—140, 250—254, 529—531; 542—543, 722—723.

Во избежание излишней пестроты цифр, здесь указаны страницы не всего труда, а только те, на которых помещены материалы, относящиеся к Сибири.

13. Городецкий, Б. М. Местная библиография России. Краснодар. 1922. Стр. 36.

На стр. 30—32 помещен далеко не полный перечень трудов по библиографии Сибири,—вошло 29 номеров.

14. Іохельсонъ-Бродская, Д. Л. Къ антропологіи женщинъ племенъ крайняго сѣвера Сибири.—«Русс. Антропол. Журн.». СПБ. 1907. № 1—2. Стр. 1—87.

На стр. 86—87 перечислена русская и иностранная литература по антропологии северо-востока Сибири. Вошло 33 названия.

15. Каталогъ сочиненій, составляющихъ русскую историческую и археологическую библіотеку Н. Бокачева. Томъ второй. Вып. II—III. Исторія русскихъ земель и городовъ. СПБ. 1896. Стр. 1—385.

О Сибири—см. №№ 1679—1711.

16. Кожевниковъ, Григорій. Отчеты о русской зоологической литературѣ.

Вып. I. Отчетъ о литературѣ по позвоночнымъ. (1885—1839).—«Изв. Им. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этнограф.». Т. LXXXII. М. 1893. Стр. IV+446.

Материал расположен по отделам и в пределах каждого отдела по областям. С изложением содержания.

О Сибири см.: I. Млекопитающие. Стр. 18, 25—27, 51—53, 56, 66, 77, 105; II. Птицы. Стр. 128—133, 145, 150—159, 205—206, 217—225, 228—229, 242—248, 297; III. Чешуйчатые и голые гады. Стр. 305—307, 355—368.

16. Кузнецовъ, Н. И. Обзоръ работъ по фито-географіи Россіи за 1894 г.—«Ежег. Имп. Рус. Геогр. Общ.» VI. СПБ. 1896. Стр. 133—189.

О Сибири—см. стр. 178—185. Материал с изложением содержания.

17. Кулагинъ, Н. М. Отчетъ о литературѣ по насѣкомымъ за 1895 г.—«Изв. Им. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.», т. LXXXVIII. М. 1898. Стр. 9—10.

О Сибири—см. стр. 8—13, 46, 49, 62, 64—65, 81. Материал с подробным изложением содержания.

18. Никитинъ, С. Успѣхи геологическихъ знаній за 1892—1893 г.—«Ежег. Имп. Рус. Геогр. Общ.» VI. СПБ. 1896. Стр. 1—68.

Обзор трудов по геологии Сибири—см. на стр. 61—62.

19. Обзоръ статей и замѣтокъ Сибирского и Азіатского Вѣстниковъ. 1818—1822 гг.—«Вост. Обозр.». 1885. №№ 27 и 29.

Вошла археологическая литература.

20. Олейниковъ, Н. Е. Библіографическій указатель текущей литературы объ Якутской области.—«Ленскія Волны». 1916 (в конце каждого №-ра).

См. выше № 5.

21. Поршневъ, Г. И. Книжная лѣтопись Иркутска за годы революціи. (1917 — 19 гг.) Иркутскъ. 1920. Стр. 75.

Описание книг, листовок, плакатов и периодических изданий, вышедших в Иркутске в 1917—19 гг. Материал распределен по годам издания; в пределах каждого года разбит на две рубрики: 1) книги, листовки и плакаты и 2) периодические издания. В пределах каждой рубрики материал расположен в алфавитном порядке авторов и заглавий. Всего описано 903 №-ра.

Описанию предпосланы предисловие и введение. В конце приложены: 1) «Сводная таблица»—статистических данных о книжной производительности в Иркутске за годы 1913, 1914, 1917, 1918, 1919; 2) Указатель авторов; 3) Закон о печати 27 апреля 1917 г.; 4) Список типографий, библиотек, книгоиздательств и книжных магазинов г. Иркутска и Иркутской губ.

22. Рудневъ, А. Д. Мелодіи монгольскихъ племенъ. Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. по отд. этногр. Т. XXXIV. СПБ. 1909. Стр. 395—430.

На стр. 395—399 приложена литература вопроса.

23. Справочникъ по сельско-хозяйственной періодической печати. 1915 г. Подъ редакціей В. В. Морачковскаго. П. 1915.

24. То же, 1916 г. П. 1916. Стр. XXXIV+171.

В обоих выпусках (за 1915 и 1916 гг.) помещено подробное описание сельскохозяйственных, кооперативных, общеземских и др. периодических изданий, уделяющих вопросам сельского хозяйства бо́льшую или меньшую долю своего внимания, выходивших в означенные годы в России, как на русском, так и на других языках. Материал расположен в систематическом порядке по многим специальным рубрикам и в пределах каждой рубрики—по губерниям, при чем сибирские губернии выделены в особые группы. В обоих выпусках имеются «Общие обзоры» с.-х. периодической печати за соответствующие годы с погубернскими статистическими данными. В конце каждого выпуска приложен алфавитный указатель вошедших в него изданий.

Н. Здобнов.

КОЛМАКОВ, П. Внекурсовая самоподготовка библиотекарей. Изд. Воен. Ред. Совета Зап.-Сибирского Военного Округа. Омск. Стр. 46.

Автор исходит из идеи самодеятельных библиотечных кружков, целью для участников которых является взаимная по-

мощь друг другу путем коллективного обсуждения и проведения различных заданий. Библиотекаря автор выставляет широким, активным политпросветчиком. В программу работ ему он включает очень многое: и техническую премудрость, и доклады, и экскурсии, и рукописный журнал, и т. д. Захват—наполеоновский. Поэтому по каждому виду работы автору приходится ограничиваться буквально несколькими строками, указывая самое главное и общее. Недостаток детализации возмещается у него приведением библиографии на каждую тему. Формально библиография ему удалась и составлена достаточно подробно. Жаль только, что в ней, помимо автора и названия, не указаны другие данные,—год, место и пр. Несколько досаден так же не-библиотечный подход автора к различным формам массовой работы: т.-е. касается он какой-нибудь устной газеты, инсценировки—и не чувствуется у него связи с книгой, органически библиотекой не пахнет. Можно было бы углубить специфически - библиотечные методы, а не оставаться на общих положениях.

Вообще ценность книжки—не в освещении тех или иных путей работы, не в оригинальности толкования, а в ее основном связующем назначении, в ее цементировании, спайке этих путей, в выставлении их на одну общую дорогу. Здесь издание книжки вполне своевременно. Она может послужить прекрасным, широким дополнением к разосланным в свое время циркулярам Главполитпросвета об уездных съездах-курсах и об объединении библиотечной работы на местах. Хотя рассчитана она на военных работников, но гражданским политпросветчикам принесет также немало пользы. Пусть посмотрят они на нее, как на сырой конспект, самый суммарный, который дает лишь канву и который надо пристально прорабатывать. Пусть попытаются они хотя часть его проверить на практике. Тогда назначение свое книжка выполнит.

М. И. Слуховский.

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ ТАТГОСИЗДАТ. Казань. 1923 г. 16⁰. 56+12 стр. 1.000 экзем.

Среди издательств провинциальных городов России, Казань бесспорно в настоящее время занимает первое место. Настоящий каталог дает перечень изданий, вышедших в Казани с 1919 г. по 1922 г. Здесь мы видим трúды по всем отраслям науки. Наибольшее количество изданий—40 названий вышло за это время по истории революции, и памятники общественно-политические, затем по педагогике—19 названий, по медицине и ветеринарии—10, по искусству—8, по социологии—5, по сельскому хозяйству—6, по естествознанию—5, по истории русской и всеобщей—6 названий, по 2—3 названия по философии, филологии и математике. Весьма значительное число названий вышло по беллетристике. Обращает на себя внимание отдел периодических изданий, которых в Казани выходит 9. Среди них мы можем назвать: «Новое Дело», «Научно-Педагогический Вестник Рабочего Факультета Казанского Государственного Университета», «Сборник Института Научной Организации Труда Татреспублики», «Казанский Медицинский Журнал», «Казанский Библиофил», «Казанский Музейный Вестник» и др. Последний журнал является у нас первым журналом, посвященным вопросам музееведения. На Западе уже давно существуют специальные журналы, обслуживающие нужды музеев и пропагандирующие среди широких масс населения музейное дело, как, напр., «Museumskunde «The Museum's» и др.; у нас же пока таких журналов не было. Вряд ли нужно доказывать, как нужен такой орган у нас, в особенности теперь, когда, с одной стороны, взгляд на музеи коренным образом переменился, когда они из совершенно замкнутых учреждений, больше походивших на склады, превращаются в школы, а с другой стороны, когда число самых музеев у нас за последнее время увеличилось в несколько раз. Существование журнала, посвященного вопросам музееведения, является насущно необходимым, прежде всего для огромного числа провинциальных музейных работников, поставленных в тяжелые усло-

вия работы при той бедности литературы по музееведению, в особенности по идеологии музея, методике и технике музейного дела, которая существует у нас.

В настоящем каталоге перечислены главнейшие статьи и список сотрудников; «Казанского Музейного Вестника», из этого списка мы видим, что в журнале был за это время помещен целый ряд статей по общим вопросам музееведения, по истории казанских музеев и музеев местного края.

В каталоге приведен перечень 12 названий, печатающихся в настоящее время трудов по всевозможным отраслям знаний и приведены проспекты: «Г. Л. Малицкий.—Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства», «Д. Денике.—Искусство Востока», «Проф. В. С. Груздев.—Гинекология», «Д-р медицины М. М. Хомяков.—Пища здорового рабочего» и др. Последние 12 страниц каталога напечатаны на татарском языке. Издан каталог очень изящно на хорошей бумаге, с виньетками и заставками в восточном вкусе. Очень красива обложка, печатанная золотой и синей краской с орнаментом восточного стиля.

В. Адарюков.

О. Э. ВОЛЬЦЕНБУРГ. Библиография библиотековедения. Вып. I. Систематический указатель книг и статей на русском языке по вопросам библиотечной техники. Изд. «Книжный Угол». Петроград. 1923 г. Стр. 50.

Как гласит предисловие, этот указатель предназначен в помощь «библиотекарю, который часто ищет в книгах того, чего он не может узнать ни на краткосрочных курсах по библиотечному делу, ни на практике... Именно эти соображения заставили составителя настоящей библиографической работы придать ей характер *систематического* и *рекомендательного* указателя, сохраняя при этом в ней все же возможную полноту библиографического материала». (Курсив подлинника). При этом составитель ставит себе целью «также давать о сочинениях, входящих в указатель, отзывы не только исчерпывающие содержание и характер их, но и заключающих (sic!) в себе часто критическую оценку».

Прежде чем говорить, соответствует ли книжечка О. Э. Вольценбурга предпосланной ей характеристике, остановимся на его утверждении, что «после 1916 года не делалось никаких попыток издать библиографический материал по библиотековедению». Последней попыткой он считает главу в «Указателе литературы по внешкольному образованию» *Медынского и Лапшова*. А так же: 1) «Указатель литературы по вопросам внешкольн. образования», 2-ое изд. Всер. Совета Коопер. Съездов 1919 г. (стр. 44 и след.). 2) Библиография журнальной литературы по вопросам внешк. образования за послереволюционный период. Изд. Внешк. Отдела Наркомпроса 1920 г. (стр. 12—15). 3) *Невский, В. А.* Что читать по внешкольному образованию. Кострома. 1920 г. (стр. 23—29). 4) Толково аннотированный указатель *И. С. Ежова*, в первом издании озаглавленный «Культурно-просветительное дело». М. 1919 (см. стр. 28—48), во втором—«Пути культуры». М. 1922 г. (стр. 60—82). 5) Указатель в сборнике «Библиотека». Смоленск. 1922 г. (стр. 69—81) и т. д.,— не считая библиографии в специальных руководствах по библиотечному делу, вышедших за последнее пятилетие. Считая свою работу «первой попыткой дать библиографию библиотековедения на русском языке, обнимающую все стороны библиотечного дела», он начинает с игнорирования целого ряда аналогичных работ в нашей литературе последних лет.

Распределяя «по техническим соображениям» собранный им материал на три выпуска: 1) книги и статьи по библиотечной технике, 2) книги и статьи по истории, развитию и современному положению библиотечного дела в России и за границей, 3) культурная роль библиотеки, комплектование библиотек и подготовка библиотечного персонала, он дает сейчас разгонисто - напечатанный первый выпуск из 179 названий. Не так велика библиография библиотековедения, чтобы ее расчленять на три выпуска, да и все вопросы в ряде книг переплетаются между собою, вслед-

ствие чего придется неоднократно делать ссылки, но главное то, что библиотечная техника вовсе не представляет чего-либо самодовлеющего, а есть лишь внешняя форма, соответствующая внутреннему содержанию библиотечной работы. Поэтому отрывать технику от всего библиотечного дела и преподносить ее в первую очередь даже не педагогично, так как библиотекари, ищущие профессионального самообразования, могут понять, что техника—самое важное, и «за деревьями леса не увидят».

Перечень свой составитель начинает с пятидесятых годов и ведет его в хронологическом порядке, очевидно, стремясь дать эволюцию библиотечной техники в русской литературе, при чем большинство из упомянутых работ редко где можно найти. Пропусков и здесь сколько угодно. Так, в первом разделе: «Сочинения, касающиеся библиотечной техники в целом» отсутствуют «Заметки по библиотечному делу» Старобельса 1917 г, *Смолин* «Краткая инструкция по технике библиотечного дела», Ташкент. 1919 г. *Райковская* «Небольшая библиотека и ее повседневная работа» (очень удачная книжка). Тверь. 1919 г. *Тутышкин*. «Организация школьных библиотек». М. «Задруга». 1919 г., *Скоморохов*. «Краткие указания по библиотечной технике». Мелекесс. 1921 г. *Инструкция* Иркутской Губернской библиотечной сети 1921 г., *В помощь библиотекарю*. Калуга. 1921 и т. д., и т. д. Допустим, что провинциальные издания могли отчасти ускользнуть из поля зрения составителя, но он пропустил даже «Материалы по организации библиотечного дела Петрограда и Петроградской губ.», изданные библиотечным подотделом Петроградского Губполитпросвета, которым сам ныне заведует, а между тем в этих «Материалах», особенно во 2-м выпуске 1921 г., технике уделено достаточно места (образцы инвентаря, статистика, отчетности и т. д., принятые в губернии). Из дореволюционной литературы не упомянуты *ни одна* из многочисленных обстоятельных инструкций по библиотечной технике, изданных в девятисотых годах земствами (Балашевское, Воронежское, Московское уездное, Нижегородское, Оренбургское и др.). Вообще земско-библиотечная литература, давшая в свое время очень много ценного, совершенно не использована, словно ее никогда не существовало. Зато составитель совершенно неосновательно утверждает (стр. 4), будто в 1917—1918 гг. преобладали издания, главным образом, кооперативных организаций. Они не могли «преобладать» уже потому, что их всего существует с полдесятка. Из более близкой составителю военно-библиотечной литературы пропущены: *Веккер*. Библиотечная работа в Красной армии. Пгд. 1920 г. и «Руководство для библиотекарей Красной армии», изд. Поарма 9, 1920 г, 135 стр. Не упомянуто и о бесчисленных перепечатках «Таблиц классификации» Покровского и «Авторских таблиц» Кеттера в красноармейских изданиях.

Не лучше обстоит и с «частными вопросами библиотечной техники». В отделе каталогизации значится предисловие (с правилами) к катологу Демидовского Юридического Лицея 1879 года, но не названо предисловие с правилами каталогизации такого авторитета, как проф. С. А. Венгеров к его труду «Русские книги». Не упомянуты: *Торопов*, «Опыт руководства к описанию книг» 1901 г., *Гольдарбейтер*, «Как надо писать библиотечную каталожную карточку». П. 1919. В отделе классификации дано много мелких статеек и перепечаток, и ни одним словом не упомянуто о крупнейшем русском оригинальном труде по классификации—Н. А. Рубакина. Пропущена также важная статья *Бахтина*. Литература в международной десятичной классификации. «Педаг. Мысль», 1921 г. Хуже всего, однако, дело обстоит в отделе статистики. Не упомянут ни один из докладов в этой области, помещенных в Трудах I-го Библиотечного съезда; относительно I Общеземского съезда по статистике народного образования не указано место, где он происходил и где изданы его труды (Харьков), не упомянуто ни одно монографическое обследование русских библиотек, как-то: *Вологдин*, Бесплатные б-ки Ярослав. губ. (по бланку, выработанному упомянутым общез. съездом). Яросл.,

1915, четыре превосходных обследования Харьк. земства, обследование Медынского, моя статья: «Наши публичные библиотеки по данным анкеты», «Всеобщ. Ежемесячник», 1911 г. и т. д. О 1-м Государственном Совещании по статистике народного образования в РСФСР. (М. 1919 г.) и сделанных там докладах по библиотечной статистике—нет ни слова. Пропущена брошюра *Южакова*. Библиотечная статистика. Барнаул. 1921 г.

Что касается аннотаций, то они очень неравномерны. К иным книгам даны полные оглавления и характеристики, к другим—извлечения с восклицательными знаками, а к третьим ничего не дано. Или, напр., под № 23 *Никитин*, «Библиотека, ее устройство и пополнение» сказано: «брошюрка является беззастенчивым плагиатом, ибо повторяет слово в слово книгу Племмер», а под № 14 аналогичная вещь: *Кузнецов, С. К., проф.* Лекции по библиотековедению, читанные в 1907—8 гг. в Московск. Археол. Институте. М. (литограф. издание)—оставлена без аннотации; очевидно, составитель сам не читал. Между тем это—перепечатки, слово в слово без указания источника, трех глав из 1-го издания книги Хавкиной «Библиотеки, их организация и техника», в чем слушатели Археологического Института в свое время изобличили лектора. А то еще встречается такой тип аннотации, напр., № 120: *Аблов.*, см. рец. в журн. «Казанский Библиофил»—и только, словно этот журнал находится у всякого библиотекаря под руками. Кстати сказать, ссылка на рецензии ценна лишь тогда, когда приведены, по возможности, все рецензии на данное сочинение, как в указателях Владиславлева или Дерунова, а т. Вольценбург только о своей брошюре за № 54 приводит семь рецензий, а в других случаях лишь по одной. Издана книга с массою корректурных опечаток.

Из сказанного выше явствует, что «Указатель» О. Э. Вольценбурга научного значения не имеет никакого, а практическое—весьма слабое, и потому ценного вклада в нашу библиотечную литературу не представляет.

Л. Б. Хавкина.

АРХИВНОЕ ДЕЛО.

1. „Архивное Дело". Выпуск I. *В. Нечаева.*

АРХИВНОЕ ДЕЛО. Выпуск I. Центрархив. Гос Изд. М. 1923 г. Стр. 174.

Рассматриваемое издание является, по заявлению редакции, «первой попыткой создания в России специального органа, посвященного вопросам архивоведения в широком смысле слова». Редакция ставит своей целью «научную обработку теоретических и практических проблем архивного дела и посильное освещение новой архивной жизни, как она проходит после реформы 1 июня 1918 года в живой работе в центре и на местах». В связи с поставленными целями содержание 1-го выпуска распадается на несколько отделов. На первом месте стоит исторический экскурс в область русского архивоведения, обнаруживающий его теснейшую связь с работой историка-исследователя и археографа (статья С. Рождественского: «Историк - археограф - архивист»). Далее следуют статьи, посвященные архивной жизни Запада (Д. Егоров: «Образование архивиста на Западе», И. Пузино: «Западно-европейские периодические издания по архивному делу»). Две статьи посвящены теоретическому освещению и разрешению проблем, назревших в практике архивной жизни (Н. Лихачев: «К вопросу о составлении перечня изданных русских актов», и С. Валк: «Архивные обзоры»).

Особо острый интерес вызывает следующий отдел выпуска, посвященный освещению архивной реформы 1 июня 1918 года и современной архивной жизни. Закрепленные за сотнями различных

государственных, общественных и частных учреждений и отдельных лиц, архивные фонды по реформе 1918 г. были объединены одним ведающим ими органом, Центральным Управлением архивным делом, которое, находясь в Москве, раскинуло по всей территории РСФСР. особые губернские архивные управления. Задачей последних было немедленно взять на учет и принять меры к охране многочисленных архивных фондов, выброшенных революцией из прежних условий существования. Архивы нелегко пережили революцию: невежество масс, продвижение войсковых частей, пожары, острая нужда в помещениях, полная материальная необеспеченность архивных служащих привели к уничтожению ряда архивных фондов, их расхищению, перебрасыванию с места на место и проч. Только после огромного труда, положенного архивными работниками на местах, и ряда организованных мер, принятых в центре, архивная жизнь начала налаживаться и перед централизованной и организованной архивной сетью открылся ряд широких перспектив. Статьи В. Шереметьевского: «Из семинария по архивоведению», М. Вишневского: «Летопись архивной жизни за 1920 г.» и В. И. Пичета: «1-я Всероссийская Конференция архивных деятелей»—в водят читателя, как в недавнее прошлое архивной жизни, так и в очередные проблемы, вставшие перед ее деятелями и получившие освещение и разработку в разнообразных докладах, прочитанных на конференции. Вторая статья дает, кроме того, огромный фактический материал по выяснению наличности архивных фондов в губерниях: Витебской, Воронежской, Иваново - Вознесенской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Могилевской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Рязанской и Кубано-Черноморской области. К сожалению, сведения, даваемые журналом, не касаются времени после конференции, состоявшейся осенью 1921 г., и не сообщают о судьбе резолюций, принятых на конференции.

Если научно-теоретический отдел журнала и отдел, осведомляющий о современной архивной жизни, представлены богато и разнообразно, то совершенно случайным кажется помещение на его страницах одинокого обзора «Архива помещиков Опочининых» (заметка С. Талантовой). Между тем подобные обзоры должны занять в такого рода издании более почетное и обширное место. За это говорит и практика европейских подобных изданий (напр., «Archivarische Zeitschrift», изд. в Мюнхене), и назревшая потребность у нас. Не даром само «Архивное Дело» помещает теоретическую статью С. Валка по этому вопросу, не даром и на конференции, в докладах А. Шилова и О. Корнилович, прозвучало заявление, что составление обзоров отдельных фондов—очередная насущная задача (стран. 115 и 124). Если Центрархив в ряде других своих изданий («Красный Архив», «Сборники материалов» и пр.) ставит своей задачей опубликование наиболее ценной части документов, то все же в его хранилищах всегда останется ряд фондов, не имеющих широкого интереса или исключительного значения, но важных для ряда специалистов - исследователей. Дать последним, посредством опубликования обзоров содержания, архивных фондов, руководящую нить в их поисках нужного материала—действительно насущная задача, и «Архивное Дело» должно откликнуться на нее.

I выпуск журнала заканчивается некрологами архивных работников, умерших в 1918—1921 гг., и библиографией новых изданий, имеющих отношение к архивному делу.

В заключение надо пожелать успеха изданию, которое рядом с разработкой специальных теоретических проблем по архивоведению ставит своей задачей правильное освещение современной архивной реформы, пропаганду научного взгляда на архивный документ и его охрану.

В. Нечаева.

КНИЖНОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

1. И. ГАЛАКТИОНОВ. Первопечатник Иван Федоров. *М. Щелкунов.*

ГАЛАКТИОНОВ, И. Первопечатник Иван Федоров. Госиздат. Пгр. 1922. Стр. 88.

В день пятилетия Октябрьской революции лучшее графическое учреждение Советской республики — 15 Государственная типография в Петрограде, бывш. т-во Р. Голике и А. Вильборг, получило название, которым в праве гордиться—«Типография имени первопечатника Ивана Федорова».

К этому празднику типографией напечатана работа И. Галактионова, одного из очень немногих у нас фотографов-практиков, работающих также и над вопросами теории и истории полиграфических искусств. В этой брошюре автор очень кстати напоминает о полузабытом русском первопечатнике, при чем собрал богатые материалы, разбросанные повсюду, об Иване Федорове.

К сожалению, постоянные ссылки автора, без более точных указаний: книг и страниц: «Карамзин утверждает», «Погодин приводит факты», «Флетчер пишет», «Румянцев замечает», «историк говорит», даже без указания, какой историк (стр. 24)—сильно понижает научную ценность книги, а приведение совершенно легендарных сведений, например, о половце враче Смере, будто бы печатавшем железными литерами свои письма при Владимире Святом, или о книгах, напечатанных Максимом Греком до 1564 г.,—и не нужно и, без приведения точных источников, вредно.

Как известно, до сих пор деятельность Ивана Федорова мало обследована; больше того—не мало имеется данных, чтобы упрекнуть многих лиц, подходивших к этому вопросу, в тенденциозности. И понятно, почему: так как Иван Федоров печатал только церковные книги, то в роли исследователей его деятельности, выступали представители духовенства, с одной стороны, мало или совсем незнакомые с техникой книгопечатания, с другой—несомненно, видевшие ту весьма некрасивую роль, которую духовенство сыграло в деле изгнания Ивана Федорова из Москвы, но не желавшие, конечно, ее разоблачить.

К сожалению, И. Галактионов также не взял на себя этой задачи, хотя ничто не мешало ему, кажется, ее сделать, и он почти подходит к ее решению: одного указания (стр. 22), что рамка на гравюре, изображающей евангелиста Луку в первопечатном Апостоле в 1564 году,—исполнена в стиле Возрождения,—достаточно, чтобы найти ключ ненависти к Федору духовенства, веками воспитывавшегося на византийском стиле, к нововведению Ивана Грозного, а несомненное участие в деле введения книгопечатания Максима Грека, также ненавидимого духовенством,—не считая ряда других причин,—решило участь Ивана Федорова. И поэтому объяснять изгнание первопечатника из Москвы «завистью» (стр. 25) нет никаких оснований, как нет оснований обходить роль духовенства и считать виновниками сожжения печатного двора на Никольской ул. «начальников приказов».

Есть и явные ошибки: Ходкевич, у которого нашел приют Иван Федоров вместе с своим товарищем Петром Мстиславцем, не был гетманом (стр. 29), он — только каштелян виленский, и сам И. Федоров называет его «попом». «Апостол», изданный И. Федоровым в Львове, в 1574 году, при внимательном сличении его с московским 1564 года, весьма отличается, ибо страницы его набраны так: вверху и внизу страниц полное сходство обоих изданий, но почти все средние строки набраны по-разному, и сказать «ничем не отличается» (стр. 34)—нельзя.

Наиболее серьезная ошибка И. Галактионова—это повторение, вслед за духовенством того, что мы называем «еврейской легендой» и что упорно повторяют, не желая считаться с истиной, почти все пишущие об Иване Федорове. И. Галактионов говорит (стр. 35): Иван Федоров «дожил до такой крайности,

что принужден был заложить все напечатанные книги и принадлежности своей типографии, формы или матрицы и 140 книг на русском языке за 411 злотых какому-то еврею, что видно из решения Львовского суда 1584 года».

Этот «какой-то еврей»—Израиль Якубович (его так и называет автор на стр. 44) и копия с документа о закладе ему типографии приведена священником А. С. Петрушевичем в книге: «Иван Федоров, русский первопечатник», Львов, 1883. Но в том же 1883 году, в мартовской книжке «Русской Старины», напечатано исследование С. Л. Пташицкого, целиком построенное на документах, найденных в львовских архивах, дающих этому объективному ученому право сказать: «Все оставшееся после Федорова имущество было засеквестровано кредиторами единоверными и единоплеменными» (стр. 475).

Дело обстояло так: в Львове Иван Федоров, пользуясь порядочным кредитом, задолжал ряду лиц около 1600 злотых, из которых Якубовичу — только 411 злотых.

Затем события развивались так: И. Федоров умер 5 декабря 1583 года, а 3 декабря на его имущество наложил арест—за 150 злотых—пушечный мастер Даниил, а 4 декабря — типичный ростовщик, называемый в документах «Сашка» Сенькович, налагает второй арест. Тот же Сашка в марте 1584 года избил сына Ивана Федорова, тоже Ивана очевидно, на денежной почве, поранив ему голову и обе руки.

И лишь 4 декабря 1584 года, через год после смерти Федорова, Израиль Якубович наложил арест на имущество сына первопечатника. Таким образом, «еврейская легенда» в освещении не духовенства, а документальных данных— поворачивается совсем в другую сторону, и единоверцы, на которых И. Федоров вообще жалуется в своих послесловиях к «Апостолам»,—вели себя гораздо хуже чужеверца. Впрочем, капитал не знает национальностей.

Конечно, И. Галактионов избег бы этой тяжелой ошибки, познакомившись с драгоценной для изучения трудов и дней И. Федорова работой Пташицкого, незнакомство с которой сильно повредило автору и в ряде других пассажей в его книге.

Но в остальном книга производит прекрасное впечатление, а глубокое знакомство автора с типографской техникой делает ее чрезвычайно ценной.

Нельзя не пожалеть, что брошюра издана всего в 500 экземплярах. Впрочем, может-быть, это и к лучшему: исправленное второе издание можно будет смело рекомендовать для широкого распространения.

М. Щелкунов.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Проф. К. А. ТИМИРЯЗЕВ. Насущные задачи естествознания. *М. Завадовский.*—**2. Проф. Л. ГРЕЦ. Теория атомов в ее новейшем развитии.** *Э. Шпольский.* — **3. Э. РЕЗЕРФОРД. Строение атома и искусственное разложение элементов.** *Н. Андреев.* — **4. М. ПЛАНК. Природа света.** *Н. Андреев.* — **5. С. НЬЮКОМБ. Звезды.** *В. Костицын.* — **6. Э. ОГ. Геология.** *А. Чернов.*

Проф. К. А. ТИМИРЯЗЕВ. Насущные задачи естествознания. Изд. «Книга». 1923 г. 234 стр. 4-ое, просмотренное издание с портретом автора и биографическим очерком, составленным Л. С. Цетлиным.

Между прошлым и настоящим легла пятилетняя крепкая грань, похоронившая под своими днями даже совсем недавнее. Кому из читателей, взявшему литературу дореволюционного времени, не приходила в голову мысль: как чужды те мысли, те чувства, тот быт нынешним дням. «Свежо предание, а верится с трудом». Еще совсем недавно так близки были нам: Чехов, Алексей Толстой, Куприн, Горький, Бальмонт и как мало живой жизни в них на фоне текущих дней,

даже для тех, кто имел прочные корни в прошлом или возрастом своим или социальным положением.

Жизнь переломилась надвое. Изменился читатель, изменилось «общественное мнение», изменилась постановка социальных и этических проблем; забыты старые «боги», создаются новые. Из обломков бывшего по ту сторону подымается лишь наиболее сильное и крепкое, требующее и дающее жизнь на обильно политой кровью почве.

Когда видишь попытки воскресить старое из нашей литературы, невольно задаешься вопросом: «Примет ли жизнь?»

Встают эти мысли и перед сборником речей К. А. Тимирязева, который вышел первым изданием еще в 1895 году. Где его право на жизнь по эту сторону грани? Где право на жизнь идеям о насущных задачах естествознания в социально-этической постановке, высказанным 30 л. тому назад.

Естествознание гордится необыкновенным темпом своего развития,—что же может дать книга, написанная еще в XIX веке?

— И все-таки этот сборник найдет и займет свое место в наши дни по эту сторону грани. В нем так много воли к жизни и пафоса глубокой убежденности, в которых нуждается текущая жизнь, что она его примет.—И не может не принять. В речах К. Тимирязева на то есть элементы вечно юного. Он умел ставить проблемы естествознания на фоне широких общечеловеческих интересов, преломляя их в гранях своего чувства крупного художника, гражданина и этической личности, страстно-стремящейся к осуществлению правды на земле.

На-днях мне пришлось просматривать сборник статей недавно умершего крупного русского естествоиспытателя, выдающегося популяризатора, стилиста [1]), вступившего на это поприще даже несколько позже, чем К. Тимирязев. Но каким дряхлым выглядит его письмо в сравнении с сильными чувством и мыслью речами К. Тимирязева.

Первый популяризировал, излагая факты и мысли, по необходимости чаще чужие, чем свои, и их постигла неизбежная участь. Наука в ее популяризации быстро старится. Медленно старятся лишь методы научно-аналитического исследования, которым дано владеть и чувствовать в совершенстве лишь немногим. Эту тайну постиг К. Тимирязев.

На ряду с немногими он умел сообщить своему читателю красоту в логике научного анализа, заражая его ритмом.

Если среднему популяризатору свойственно, выражаясь словами Чехова, сказанными по адресу Мережковского, «держать себя за веревочку», то Тимирязеву столь же свойственно в каждой его статье давать широкий простор волне своей обширной эрудиции и глубокому чувству.

Последнее обеспечивает его жизнь еще на многие годы.

Посмертному 4-му изданию сборника речей К. Тимирязева удачно предшествует краткий, но живо составленный биографический очерк Л. Цетлина.

М. Завадский.

Проф. Л. ГРЕЦ. Теория атомов в ее новейшем развитии. Авториз. перевод с 4-го нем. издания. Изд. «Восток». Берлин. 1922 г. Стр. 122.

Проф. Л. Грец — один из лучших популяризаторов физики. Его книги всегда отличаются ясностью изложения и удачным подбором материала. Рецензируемая книжка посвящена одной из самых увлекательных и животрепещущих проблем современной физики. Она возникла из лекций, читанных автором в разных местах, и по характеру изложения рассчитана на широкий круг лиц, имеющих некоторую естественно-научную подготовку. И, действительно, для понимания ее требуется весьма незначительный запас знаний из области физики и химии, а между тем, внимательно прочитавши эту книжку, читатель получит ясное понятие о современной теории строения вещества.

Простое перечисление глав лучше всего охарактеризует содержание книжки. I. Молекулы и атомы в химии и в кинетической теории газов. II. Атомы и ионы в электрических явлениях в жидкостях

[1]) Проф. Н. Холодковского.

и газах. III. Распадение атомов в радиоактивных веществах. Ядерная теория атомов. IV. Спектры рентгеновских лучей и ядерная теория атомов. V. Линейные спектры и модель атома Бора. VI. Дальнейшие исследования строения ядер, атомов, ионов и молекул.

Последняя глава вызывает несколько замечаний по существу. Автор довольно подробно излагает замечательные работы Резерфорда, но почему-то останавливает изложение на работе 1920 года и не упоминает о том, что впоследствии Резерфорду удалось разложить ядра натрия, алюминия и других элементов. Гипотетический изотон гелия, от которого Резерфорд вскоре отказался, фигурирует в качестве реального элемента.

Модели атомов, приводимые в этой главе, с современной точки зрения, страдают чрезмерной упрощенностью. Разумеется, никто из физиков теперь не думает, что, напр., атом лития построен так, как описывает автор.

Как всегда бывает, накопление фактического материала заставляет осложнять первоначальные простые теоретические схемы, и это нужно было, по крайней мере, оговорить. В конце главы сообщаются результаты самых последних работ Бора в виде таблицы числа электронов на различных орбитах у благородных газов. К сожалению, автор не отмечает одного весьма существенного пункта, а именно пространного расположения орбит.

Книгоиздательство «Восток» в Берлине постаралось придать русскому переводу книжки Греца весьма аккуратную и даже изящную внешность. Можно пожалеть, что оно не позаботилось о том, чтобы перевод был проредактирован специалистом. С точки зрения литературной, перевод этот выполнен хорошо. Но некоторые ошибки, иногда довольно существенные, сильно его портят. Так изложение метода химического анализа при помощи каналовых лучей (стр. 36) искажено просто потому, что переводчик не понял многих весьма существенных деталей. Терминология русского перевода также сильно хромает. Так, экстраток именуется «побочным» током, время распада—«полузначным» периодом; индуцированная активность — «отраженной» и т. д. На стр. 51 неверное утверждение, будто при опытах Вильсона «обнаружилось, что порою происходят большие отклонения в 90° и больше», как показывает сличение с оригиналом, обязано своим происхождением фантазии переводчика. Всех этих ошибок, повторяю, легко можно было бы избежать, и вина за них ложится скорее на издательство, нежели на переводчика.

Э. Шпольский.

Э. РЕЗЕРФОРД Строение атома и искусственное разложение элементов. (Подготовил к печати Э. В. Шпольский). Современные проблемы естествознания № 3. Гос. Изд. Москва—Петроград. 1923. Стр. 177.

Появление на русском языке работ Розерфорда, занимающих такое видное место в современном развитии наших сведений об атоме, будут приветствовать и специалисты физики и более широкие круги: химики, педагоги, врачи. Ведь английские оригиналы доступны немногим избранным. Вдобавок надо сказать, что перевод, редакция и дополнения исполнены Э. В. Шпольским безукоризненно и с большим знанием дела; наконец, и внешняя сторона издания безукоризненна. Кроме хорошего, о книжке сказать нечего. Желаем ей заслуженного успеха.

Н. Андреев.

М. ПЛАНК. Природа света. Пер. М. А. Блох, с предисловием акад. П. П. Лазарева. Петроград. 1922. Стр. 20. Научное Химико-Техническое издательство.

Речи таких творцов науки, как Планк, не только интересны: они нередко дают новые толчки мысли другим работникам науки. Надо, однако, сознавать, что популярность их, выражающаяся, главным образом, в отсутствии математических формул,—чисто внешняя, и не для широких масс они читаются и пишутся. Но если вряд ли можно согласиться с акад. П. П. Лазаревым, что эта речь «популярная»,—он, тем не менее, совершенно

прав, говоря, что она принесла пользу физикам, химикам, физиологам, врачам.

Перевод и издание хорошие.

Н. Андреев.

С. НЬЮКОМБ. Звезды. Пер. под. ред. проф. В. В. Серафимова, 240 стр. in 8⁰. Научное Книгоиздательство — Госиздат. Москва. 1923 г.

Книга эта в свое время — двадцать лет тому назад — принадлежала к лучшему, что имелось в мировой литературе по этому вопросу. Но эти двадцать лет именно по вопросу о звездном мире совершенно изменили лицо науки. Книга безнадежно устарела, тем более безнадежно, что она не принадлежала никогда к тем произведениям, которые переживают свою эпоху. Как и «Очерки астрономии» *Гершеля*, это была высоко-талантливая компиляция, написанная крупным научным деятелем. В настоящее время в ней нет страницы, которая не нуждалась бы в полной переработке. Укажу хотя бы главу о звездных спектрах. В настоящее время принятая классификация спектров — Гарвардская, и о ней в книге не говорится ни слова: описанные же там классификации Секки и Фогеля устарели. В главе о собственных движениях звезд нет ни слова об открытиях *Каптейна*, *Босса*, *Кэмбелля* и др., не говорится о звездных потоках, о движущихся кучах, о различии средних скоростей звезд различных спектральных типов, т.-е. нет того материала, который лежит в основе современных взглядов на строение вселенной. В главе о переменных звездах не говорится о Цефеидах и о главнейших работах *Рэсселя* по определению размеров и масс затмевающихся звезд. В главе о звездных параллаксах не учтены все новые способы измерения звездных расстояний и вытекающие отсюда результаты. В главе о строении звезд нет исследований *Рэсселя* и *Эддингтона*, совершенно изменивших наши представления о звездной эволюции. Вот на-удачу пробелы, при чем нужно прибавить, что подобные указания можно было бы дать по поводу каждой главы. Это не вина давно умершего автора, а вина редактора и «Научного Книгоиздательства», дающих русской читающей публике книгу, каждое слово которой было устарелым еще десять лет тому назад, без малейших изменений и дополнений. Издание выполнено настолько небрежно, что в таблице I — названия отдельных звезд — названия переведены, но сохранен их порядок сообразно латинскому алфавиту, и сбоку напечатаны указания редактора типографии в виде нумерации.

Проф. В. А. Костицын.

Э. ОГ., проф. Парижского унив.—Геология. Перев. с франц. под ред. проф. А. П. Павлова. Том I. Геологические явления. 2-е изд. с дополн. редактора. Гос. Изд. 1922. Стр. 496.

Курс физической геологии проф. Ога пользуется заслуженной известностью и за границей и у нас. Его достоинства заключаются в свежем и оригинальном изложении предмета с широким использованием недавних завоеваний науки, в прекрасных иллюстрациях к тексту и многочисленных ссылках на литературу, указанную к каждой главе и делающую книгу ценной даже для специалистов. В книге уделено крупное внимание не только изложению фактического материала, но и широкому теоретическому его освещению. В ней много данных по физической географии и биогеографии, расширяющих круг лиц, заинтересованных предметом.

Руководство переведено хорошим литературным языком. Первое его издание (1914 г.) по своей внешности не уступало французскому. 2-е издание имеет менее нарядный вид: бумага хуже, выпущено значительное количество таблиц (фотографий), менее существенных. Зато есть и крупное преимущество перед I-м изд.: редактором внесены ценные дополнения в описание некоторых очень важных явлений (оползневых, стр. 353—356, делювиальных, стр. 370—371, приливиальных, стр. 400—401), недостаточно освещенных в оригинале, но хорошо изученных проф. А. П. Павловым и другими русскими геологами.

2-ое изд. Ога разошлось, кажется, уже в полгода, и таким образом назрела потребность в новом переиздании руководства [1]). Пожелаем ему столь же хорошей репутации, как и прежним. Хорошо было бы видеть в нем дальнейшие дополнения, в которых особенно назрела потребность. Рост различных отделов геологии идет столь быстро, что следить за ним без соответствующих специальных сводок нет возможности. В этом отношении особенно выделяется тектоника, и дополнения к этому столь важному отделу были бы особенно желательны. Оригинальная трактовка французскими геологами пород типа гранатов также нуждается в дополнительном изложении взглядов иных петрографических школ. Желательно видеть хотя бы элементарное изложение процессов почвообразования, столь тесно связанных с геологией. Есть и более частные вопросы, напр., об условиях залегания и происхождения нефти, которые за последние годы освещены целым рядом новых работ.

Проф. Д. Чернов.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. В. ИГЕЛЬСТРОМ. Очерки современной Финляндии. *О. В. Куусинен.* — 2. А. ГРАН. Прибалтийские государства. *М. Брагинский.* — 3. Ю. СМУРГИС. Китай и его рабочее движение. *В. Кряжин.*

В. ИГЕЛЬСТРОМ. Очерки современной Финляндии. Гос. Издательство. Москва и Петроград. 1923 г. Стр. 79.

Несмотря на краткость изложения, работа Игельстрома представляет вполне удовлетворительное обозрение современной Финляндии.

Автор приводит в форме доступного и ясно изложенного обзора основные данные, относящиеся к различным сторонам экономической жизни страны, сельскому хозяйству, промышленности, внешней торговли, банкам, путям и средствам сообщения и т. п. При этом он не ограничивается описанием современного состояния, но и ссылается большей частью на ход развития, прошедшего с «нормального» довоенного времени. Кроме того, автор знакомит нас с профессиональным рабочим движением, со стачками и локаутами, безработицей и законодательством о рабочем времени. Наконец, он характеризует основные черты государственного устройства и группирование политических партий в результате выборов, сообщая данные об их программах, а также говорит о государственном бюджете, о белой гвардии (шюцкоры) и т. д.

Автор не претендует на представление в данной работе основательного исследования об экономическом и политическом положении Финляндии или результатов такого исследования. Он даже не разворачивает проблем, а лишь ограничивается чисто описательным сопоставлением. Этим он значительно облегчил себе задачу. С другой стороны, нужно также отметить, что имеющийся в Финляндии официальный статистический материал еще слишком недостаточен для целей основательного научного освещения основных проблем современного экономического или политического состояния страны. Все же можно было бы пожелать от автора несколько более определенной обработки имеющегося материала по нескольким направлениям. Направления эти, к тому же, ясно выявлены. Автор сам упоминает основные факты. Он отмечает «тяжесть экономического застоя и тяжесть политического гнета», он отмечает, что «весь дальнейший период от начала войны до наших дней представляется эпохой экономической ненормальности, выход из кото-

[1]) *От редакции.* В настоящее время подготовляется 3-е издание.

рой еще не наметился». Однако, автор не приводит никаких доказательств этого важного и, несомненно, верного утверждения. А это не представлялось для него невозможным. Ему следовало бы только сгруппировать рассыпанные в разных местах его изложения факты сообразно этой точке зрения, связав их между собой, как части общей аргументации, напр., данные о сокращении производства в некоторых отраслях, имеющих решающее значение для капиталистического хозяйства Финляндии. Быть-может, было бы целесообразнее охарактеризовать в отдельности некоторые из этих важнейших отраслей индустрии и осветить их перспективы. На основе настоящего изложения Игельстрома вообще ничего нельзя заключить об экономических перспективах капиталистической Финляндии. Указание автора на будущее такого свойства, как, напр., следующее место: «только очень выгодный торговый баланс может дать необходимые для этого (для платежа процентов по внешнему долгу), средства и вывести страну и ее хозяйство из тяжелого экономического положения. Увеличение экспорта и является целью финляндской торговой политики». Такая ссылка не уясняет нам действительной тенденции развития, наоборот, читатель лишь дезориентируется. Действительно, что означает «выгодный торговый баланс»? Как известно, при «невыгодном (пассивном) торговом балансе довоенного времени» капиталистическое хозяйство Финляндии было способным к развитию; в настоящее время баланс «выгоден» (активен), но экономическое положение тяжелое.

В русской работе о Финляндии нужно было бы также особенно обосновать, «почему она (Финляндия) нуждается в России и что мы можем ждать от нее». Автор приводит факты, способные осветить этот вопрос не связно, а разрозненно, так что читатель не в состоянии получить ясного представления на этот счет.

Также и движущие политические силы современной Финляндии, насущные боевые вопросы и различные тенденции Игельстром освещает не путем анализа соответствующих проблем. Он не делает никакой попытки свести марксистским методом политические явления к лежащим в основе экономическим положениям. Заключение книги, стоящее в довольно далекой связи с остальным ее текстом, все же несколько способно восполнить эту, не совсем слаженную характеристику.

Собранные автором информационные данные о стране в общем совершенно надежны, конечно, постольку, поскольку надежен лежащий в основе их материал финских официальных источников. То обстоятельство, что статистические данные, частично довольно устаревшие (многие относятся лишь к 1919 г.), не являются виной автора, так как более новых нет. Впрочем, некоторые более свежие он все же мог бы изъять из специальных источников, как, напр., о числе голосов, поданных за партии в политических выборах летом 1922 года.

Вкралось в изложение и несколько менее значительных промахов. Так, автор указывает цифру государственного долга Финляндии в 1921 году равной 184,1 миллиона марок. Такой величины приблизительно достигал государственный долг, к 1914 г., т.-е. к началу войны, в 1921 же году он приближался к двум миллиардам марок. Вместо общеизвестной программы «Социалистической Рабочей Партии» автор приводит старую программную платформу Коммунистической партии Финляндии и говорит, что она была принята на нелегальном съезде социалистической рабочей партии летом 1920 года,—съезде, которого никогда не было. О существовании Коммунистической партии Финляндии автор же совершенно не упоминает.

Однако, в общем и целом из работы Игельстрома получаешь правильное и довольно многостороннее, хотя и не исчерпывающее, обозрение современной капиталистической Финляндии.

О. В. Куусинен.

АЛЬБЕРТ ГРАН. Прибалтийские государства (Литва, Латвия, Эстония). Изд. Высш. Воен. Редак. Совета. М. 1922. Стр. 51.

История Литвы, Латвии и Эстонии— это настоящий мартиролог, веками длившийся и по сей день еще не закончившийся. Вследствие своего географического положения и преобладающего в составе их населения мирного трудолюбивого крестьянства, эти три маленькие страны всегда были легкой добычей разных иноземных авантюристов-завоевателей. С переходом Прибалтики под власть русских царей начинается для крестьян этого края самая мрачная эпоха в их истории.

Восстания прибалтийских крестьян, отданных царской властью на поток и разграбление немецким баронам, начались с конца XVIII в. Затопляемые в крови, снова вспыхивающие и снова беспощадно подавляемые, эти восстания спорадически возникают на протяжении всего XIX в. до первой российской революции. В 1905 г. для прибалтийских и российских трудящихся масс, казалось, наступила пора освобождения. Но «дни свободы» быстро миновали и сменились долгими кровавыми днями разнузданной реакции. С небывалым ожесточением обрушилась российская контр-революция на несчастную Прибалтику. Тысячами трупов расстрелянных рабочих и крестьян, пожарами, погромами отметили свой путь свирепые палачи памятных карательных экспедиций.

Прошло около десятка лет — грянула империалистская война, и ее первые удары обрушились на крестьян и рабочих Прибалтики. Бронированный кулак Вильгельма II, под властью которого Прибалтика очутилась в течение первого же года войны, не уступал в тяжести своего гнета полицейскому сапогу Николая II. Удушение рабочих организаций, преследования печати, голод и эпидемии, которыми сопровождалась германская оккупация, тысячами косили крестьян и рабочих прибалтийских стран.

В таком положении застала их Октябрьская революция. Но только после революции в Германии, заставившей немецких оккупантов спешно очистить Прибалтику, и после занятия большой части ее территории Красной армией местные крестьяне и рабочие могли вздохнуть свободно и взяли власть в свои руки.

При невероятно тяжелых условиях пришлось им вести дело советского строительства. Страны Антанты, точившие нож против маленьких советских республик создавали не только внешнюю угрозу, но и внутреннюю опасность при помощи белогвардейских организаций туземной буржуазии. Последняя выжидала лишь удобного случая, чтобы опрокинуть Советскую власть и вернуть себе свое былое господство. И все же, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку Советской власти за короткое время своего существования в Латвии, напр., удалось пустить в ход остававшиеся в стране фабрики и дать работу 10.000 рабочих, провести аграрную реформу, организовать до 300 совхозов. В Эстонии ей удалось наладить правильный обмен между городом и деревней, организовать продовольственное дело и т. д. Но война так опустошила Прибалтику и настолько истощила силы ее трудящихся масс, а, с другой стороны, мощная поддержка, оказанная державами Антанты контр-революции, давала последней настолько значительный перевес, что Советская власть, в конце-концов, должна была пасть в этой слишком неравной борьбе.

Разумеется, торжество буржуазии сопровождалось обычными для нее жестокостями в виде массовых казней.

Мы намеренно подробнее остановились на вводной части брошюры А. Грана, главным образом, потому, что хотя автор уделил ей только треть своей книжечки, мы, однако, считаем ее, пожалуй, наиболее ценной. Можно лишь только пожалеть, что автор не остановился более подробно на истории революционного движения в Прибалтике, тем более, что он неоднократно подчеркивает крупную роль, которую сыграла в Латвии и Эстонии социал-демократическая рабочая партия (ныне коммунистическая) в общероссийской революционной борьбе. Большая часть брошюры посвящена изложению современного положения прибалтийских республики Автор приводит ряд статистических данных

(теперь уже несколько устаревших), характеризующих экономическое состояние и дает правильную оценку общественно-политических отношений, создавшихся между господствующим меньшинством буржуазной демократии и трудящейся массой. Все характерные особенности обанкротившейся буржуазно-меньшевистской демократии в карликовых прибалтийских республиках выступают в совершенно оголенном виде. Являясь послушными орудиями европейского империализма, правящие клики под покровительством держав Антанты поддерживают свое господство исключительно системой белого террора, загоняя в подполье революционный авангард рабочих масс, всеми своими симпатиями и своими жизненными экономическими интересами тяготеющих к Советской России.

Насколько возможно было в небольшой брошюре, автору удалось отметить все наиболее важные стороны современного положения трех прибалтийских республик.

М. Брагинский.

P. S. На 48-ой стр. своей брошюре автор говорит, что об отношениях Литвы к другим окраинным государствам он скажет в заключительной главе. Между тем брошюра кончается той именно главой, где дано это обещание, которое осталось таким образом невыполненным. Чем объяснить это отсутствие «заключительной главы»—забывчивостью автора или издательско-типографской небрежностью?

М. Б.

Ю. СМУРГИС. Китай и его рабочее движение. Изд. Профинтерна. Москва. 1922 г. Стр. 56. Цена 40 коп.

Книжка Ю. Смургиса представляет небольшой, но очень дельный очерк промышленного развития современного Китая и развивающегося в нем рабочего движения. Начиная с первого десятилетия XX в., Китай индустриализируется и притом с огромной быстротой. Непрекращающийся прогресс мы видим и в сельском хозяйстве, и в промышленности: производство пшеницы, бобов, риса, хлопка—увеличивается с каждым годом. В настоящее время Китай уже занимает 3-е место среди хлопко-производящих стран. При отсутствии статистических данных представляется затруднительным судить о развитии горной промышленности и металлургии, но, во всяком случае, сведения о десятках вновь открывшихся заводов и копей указывают на значительный прогресс и в этой области. Попутно с этим развивается и ж.-д. строительство; если 40 л. назад в Китае не было ни одного километра путей, то в 1920 году в эксплуатации состояло уже около 10.000 кил. ж. д. Но, конечно, не надо преувеличивать абсолютных размеров этой индустриализации; она пока лишь началась, и до сих пор народное хозяйство Китая покоится на сельском хозяйстве и на мощном городском ремесле. Социально-политическое положение соответствует этой двойственности китайской экономики: на ряду с элементами революционной ломки мы видим, как до сих пор преобладают старые архаические формы, базирующиеся на сепаратизме провинций и на фактическом самоуправлении гильдий, цехов, сельских патриархальных союзов и др. отсталых социальных единиц.

Рабочий класс Китая распадается на 3 группы: на незначительный индустриальный пролетариат, многочисленный класс подмастерьев и учеников и на многомиллионную массу чернорабочих—кули. Положение индустриального пролетариата довольно незавидно. Рабочий день достигает от 10—14 часов, заработная плата равна 5—6 долларам в месяц, наконец, не существует никакого рабочего законодательства. Еще хуже положение ремесленных подмастерьев и учеников; благодаря архаическим цеховым ограничениям они подвергаются беспощадной эксплуатации со стороны хозяев. Наконец, что касается до чернорабочих, это буквально рабочий скот Китая. Они заменяют вьючных животных, канализацию и в силу своей дешевизны делают невыгодным, напр., устройство подъемных кранов.

Рабочее движение в Китае носит пока стихийный неорганизованный характер.

Центрами его являются Кантон и Шанхай. Многочисленные забастовки, устраиваемые в этих городах, носят исключительно частный экономический характер и благодаря солидарности рабочих обычно оканчиваются их победой. Профсоюзы пока отличаются недолговечностью. Это объясняется отсутствием классового сознания, обилием в Китае наречий, делающим невозможным взаимное понимание даже для жителей двух соседних провинций. Наиболее крупные профсоюзы находятся в Кантоне, и они получают поддержку со стороны буржуазно-революционной партии Куо-мин-танг, заинтересованной в помощи со стороны рабочих.

При отсутствии или слабости профсоюзов, огромное значение имеют реакционные семейно-родовые союзы, подвергающие рабочих самой беспощадной эксплуатации. Стихийному движению пролетариата помогает Всекитайский секретариат профсоюзов и его отделения, рассеянные по всему Китаю.

Таково краткое содержание книжки Ю. Смургиса. К числу недостатков ее относится пользование почти исключительно одним «Китайским Ежегодником» (China Jear Book) для экономических сведений, тогда как существуют десятки периодических изданий промышленно-торгового характера, в роде: The Chinese Social and Political Review, The New Atlas and Commercial Gazeteer и др. Вместе с тем сам же автор принужден признать, что данные Ежегодника далеко не достаточны и часто носят случайный характер. Очень мешает усвоению книжки для неподготовленного читателя отсутствие хотя бы краткого общего очерка революционного движения в Китае с 1911 года. При всем этом книжка Ю. Смургиса является, несомненно, полезным очерком по современному Китаю.

В. Кряжин.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. Глоссалолия. *В. Брюсов.* — 2. П. КОГАН. Очерки по истории новой русской литературы. Том I. *В. Переверзев.*—3. Л. П. ГРОССМАН. Семинарий по Достоевскому. *В. Переверзев.* — 4. П. ЛАВРОВ. Этюды о западной литературе. *В. Фриче.* — 5. В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Русско-еврейская литература. *М. Лиров.* — 6. «Бука русской литературы». *С. Бобров.* — 7. И. А. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Пролетарское мифо-творчество. *Б. Арватов.*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. Глоссалолия. Поэма о звуке. К-во «Эпоха». Берлин. 1922 г. Стр. 132.

Критиковать научно меня—совершенно бессмысленно», предупреждает А. Белый. Но как же его критиковать? Искать в «Глоссалолии» *поэму*, художественное произведение? Однако, читаем (стр. 24): «агглютативные языки (китайский, туранский) приклеивают приставку к корням, а во флективном периоде приставочный и приставляющий корень теряют первичные смыслы: санскритские корни—такие». Это ли язык поэзии? Автор «Глоссалолии» сыплет терминами, щедр на цитаты, ссылается на Макса Мюллера, В. Поржезинского, на ученейший «Wörterbuch Benseles'a», читатель оглушен примерами из языков ассирийского, зендского, индустани, пали, китайского, туранского, литовского, армянского и т. под., не говоря уже о древне-еврейском, греческом, латинском, санскрите. Главное же автор оперирует понятиями, логически доказывает, и его тема—процесс возникновения слов. Почему же А. Белый настаивает, чтобы мы это все считали поэмой?

Ответ напрашивается. Потому, что А. Белый не хочет, чтобы его «критиковали научно», сознает, что научной критики его «поэма» не выдержит. Но откуда такая робость в Андрее Белом, писателе вообще «неробкого десятка»? Это вовсе не робость. Это—принципиальная ошибка в понимании того, что такое *наука* и что такое *поэзия*. В «Глоссалолии» ме-

тод автора—интуиция, и А. Белый думает, что интуиция—метод художественного творчества. Он заблуждается. Подлинный метод поэзии—*синтез*, как подлинный метод науки—анализ. Интуиция же есть вспомогательный метод, равно применимый как в научных исследованиях, так и в художественном творчестве,—метод, дающий в высшей степени ценные результаты, когда они проверены потом рационалистически, путем опыта и наблюдения, в противном же случае приводящий только к произвольным построениям, бесплодным и в точном знании и в искусстве [1]).

В основу «Глоссалолии» положено выявление *сущности* звуков, употребляемых в человеческой речи. Так, напр., А. Белый поучает (стр. 112), дойдя до этого «интуитивно», что звук *М*—это «живая вода, излиянная в нас, элексир, река жизни, животная мудрость...» Но тут сразу вспоминается, что тем же самым интуитивным путем К. Бальмонт в своей книжке «Поэзия как волшебство» (М. 1916) дошел до такого определения звука *М* (стр. 59): «мучительный звук глухонемого, стон сдержанной, скомканной муки». Потрясающее совпадение. Оно толкает на дальнейшие сравнения. Для А. Белого *В*—«волна убеленная», а *Г*—«поверхности минералов» (стр. 112 и 113), для К. Бальмонта *В*—«самое причудливое звуковое существо», которое «не даром стоит в азбуке рядом с *Г*» (стр. 64 и 65). Для А. Белого *З*—«розоватость, заря, рассыпчатость и простерстость лучей от блистаний и ясностей *С*» и т. под. (стр. 108); для К. Бальмонта *З* и *С*—«слышны в шипении змеи» (стр. 67). А. Белый знает, что *Ч*—«это проекция темноты на материю», *Н*—«глубина и вода», *П*—«уплотнение чувств» (стр. 109, 110, 113); К. Бальмонт этого не подозревает.

Не менее любопытны интуитивные постижения гласных звуков. А. Белый не только определяет их, но и называет цвет каждого из них: «звук *А*—белый... звук *Е*—желтозелен... звук *І*—синева... *О*—красноораижевый... *У*—пожары пурпурности...» (стр. 66—67). Для К. Бальмонта, «*А*—не алый рубин, а в лунной чаре опал... *И*—тонкая линия... *У*—музыка шумов...» и т. под. (стр. 60—62). А третий интуит, Артюр Рэмбо, лет 50 тому назад, утверждал: «*А*—черное, *Е*—белое, *І*—красное, *И*—зеленое, *О*—синее». Какой реальный вывод можно сделать из всех этих пустых гаданий? Как документы для изучения психологии и ее аномалий, они могут быть полезны, но это—не основа ни поэмы, ни научного трактата. Интуиция—неоценима, когда она—могучее усилие мысли, мгновенно охватывающее многообразие ранее изученных фактов и делающее из них правильный вывод. Так, совершались величайшие научные открытия и так же создавались величайшие произведения искусств. Интуиция—ничто, когда она—безудержное скитание в области произвольных фантазий и субъективных пристрастий. *Так* великие поэты не творили никогда.

Поэтому нет надобности следовать за А. Белым по его книге,—все равно, поэма ли это, трактат ли,—в которой он, пользуясь излюбленным приемом оккультистов, аналогией, строит субъективнейшие и произвольнейшие параллели между творчеством языковым и всем мирозданием. «Мир,—уверяет А. Белый (стр. 30),—абстракция круга миров; мир—момент мирозданий; понятие непонятно в понятии; эсотерический смысл его—круг; это—миф». Это все столь же убедительно, как и то, что Андрея Белого звук *А*—белый, для Артюра Рэмбо—черный, для К. Бальмонта—опаловый.

Валерий Брюсов.

---

[1]) Изложенный здесь взгляд развит мною в публичной лекции «Поэзия и наука», которая была дважды прочитана в Москве и будет напечатана в одной из ближайших книг «Печати и Революции». *В. Б.*

П. КОГАН. Очерки по истории нов. русск. литературы, I т. Изд. «Новая Москва». 1923 г. Стр. 234.

«Очерки по ист. нов. русской литературы» Когана пользуются широкой и заслуженной популярностью в читательской среде. Автор—прекрасный популяризатор, пишет живо, даже увлекательно. Его книга читается от на-

чала до конца легко и с неослабевающим интересом. Не расплываясь в подробностях, автор умело схватывает наиболее выпуклые и общедоступные черты предметов, дает четкие очерки литературных течений и их представителей. Характеристика николаевского режима, которой открывается книга, картина движений философской мысли на Западе и ее влияние на русскую мысль, изложение господствовавших в эпоху Николая I систем официальной народности, славянофилов и западников, портреты литературных вождей эпохи особенно Белинского, — все это четко доступно для самого рядового читателя.

Достоинством книги является и принципиальный подход к литературе. Автор видит в литературе функцию общественной жизни, все время подчеркивает связь литературных течений с социальными отношениями эпохи. Это особенно ценно в наши дни, когда наблюдается усиленное стремление оторвать литературу от общественности, изучать ее как проблему литературной техники, а не общественной экономики.

В качестве общественника автор является сторонником марксистской теории, и к изучению литературы он пытается подойти по-марксистски. Эта попытка, однако, мало удается автору, так как для постройки здания еще не заложен фундамент. Популярный очерк предполагает наличность солидной специальной разработки трактуемой в нем темы; для марксистской популяризации необходимо предварительное марксистское исследование литературной эпохи, которой посвящена книжка Когана. Между тем исследования такого пока еще нет, и популяризатор в сущности остается во власти традиционных схем, данных специалистами пыпинского направления. Вот почему в его книге марксизм проявляется не столько методологически, сколько лирически, в форме сочувствия материализму и социализму, элементы которого он любовно выделяет в передовых течениях и у передовых писателей эпохи Николая I. Марксизм вошел в книгу Когана не в виде методологии, а в виде публицистики. Но даже тот факт, что он вошел в «Очерки» в виде публицистической струи, представляется нам весьма ценным, ибо это здоровая публицистика, а наша история литературы вовсе не так богата популярными книгами, проводящими здоровые публицистические тенденции.

Нельзя не пожалеть, что хорошая книга испорчена неряшливостью корректуры. Нет страницы, где не было бы опечатки, иногда искажающей смысл. На стр. 123 славянофилы ведут борьбу не против «светской власти», а против «советской власти»; на странице 154 вместо «фанатический» — «фантастический»; на стр. 177 — вместо «комедиантов» — «комендантов»; на стр. 179 вместо «Белинский» — «Берлинский» и т. д. от всех этих «вместо» неприятно пестрит в глазах.

В. Ф. Переверзев.

Л. П. ГРОССМАН. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. Гос. Изд. М.—П. 1923 г. Стр. 117.

Книга Гроссмана составилась из ряда уже раньше печатавшихся работ с некоторыми дополнениями и изменениями. Нового в ней—лишь одна глава: «Заметки об языке».

Но, составленная из отдельных статей, книжка производит впечатление не случайного сборника, а единой цельной, хотя и незаконченной работы. Все вошедшие в нее статьи представляют из себя ряд начатых работ по собиранию и регистрации материалов, относящихся к творчеству Достоевского. Автор работает над составлением каталога библиотеки Достоевского, собирает рассеянные там и сям мнения его о книгах и авторах, находящихся в этом каталоге, собирает комментарии близких Достоевскому лиц к его произведениям, ищет по журналам «забытые страницы» Достоевского, занимается регистрацией писем его и воспоминаний о нем, работает над составлением словаря Достоевского.

Материал документального характера, сгруппированный в книге, свеж и интересен, и было бы очень жаль, если бы он оставался в разбросанном по разным изданиям виде. Мы не имели бы тогда хорошей справочной книги по Достоевскому, Для лиц, работающих над Достоевским

для кружков и семинариев эта книжка является весьма ценным библиографическим пособием.

Ценность книжки увеличивается еще тем, что она не сухой библиографический справочник, а живое введение в библиографическую работу, возбуждающее активный интерес к ней. Предлагая вниманию читателей собранный им материал, автор все время дает чувствовать, что начатое им собирание незакончено, что возможны и необходимы дальнейшие изыскания, сулящие радости любопытных находок и открытий. Книжка Гроссмана не только пособие служебного характера, как огромное большинство библиографических работ, но и живой родник новых тем и задания библиографического характера. Этим вполне оправдывается, показавшееся даже самому автору сомнительным заглавие книжки «Семинарий по Достоевскому».

В. Ф. Переверзев.

П. ЛАВРОВ. Этюды о западной литературе. Под ред. А. А. Гизетти и П. Витязева. Петроград. 1923 г. Стр. 218. «Колос».

В изданном в 1922 г. издательством «Колос» сборнике статей о П. Л. Лаврове последний обрисован как философ, социолог, историк и революционер—только нет о нем статьи, как о литературном критике. Теперь и эту сторону многогранного ума П. Лаврова легко осветить на основании изданных тем же издательством его этюдов о западной литературе. В книге имеется восемь статей, из которых лишь три были ранее известны, как указанные Колубовским в его «Материалах для истории философии в России», а именно, «Лаокоон» Лессинга, напечатанный в «Библиотеке для Чтения» за 1860 г. с подписью Лаврова, «Лирика тридцатых и сороковых годов», напеч. в «Отечественных Записках» за 1877 г., № 8, без подписи автора, и статья о Лонгфелло, напечат. там же в № 7 от 1882 г. за подписью П. Крюкова. Остальные пять статей, помещенных в «Этюдах», недавно только разысканы П. Витязевым, а именно: 1) «Мишле и его Колдунья» («С. П. Ведомости» 1863 г., № 29 и 30, подпись П. Л. Лавров), 2) «Два старика» (Гюго и Мишле), первая статья серии «Письма из Парижа» («Новое Время» 1872 г., подпись «Наблюдатель»), 3) «Иностранная литературная летопись («Рус. Курьер» 1881 г., № 20 и 25, подпись Ст., т.-е. Стоик), 4) «Т. Карлейль» (там же 1881, № 54 и 68, та же подпись) и 5) «Шекспир и наше время» («Устои», 1882 г., № 9—10, подпись Слепышев—статья была указана П. Витязеву т. Д. Б. Рязановым).

«Этюды» П. Лаврова имеют двоякое значение. Они прежде всего в высокой степени важны для уяснения литературных и эстетических взглядов самого П. Л. Лаврова. Мы не можем останавливаться на этой стороне значения «Этюдов», ибо пришлось бы или делать большие выписки или превратить библиографическую заметку в статью. С другой стороны лавровские «Этюды» ценны и как научно-критические очерки, посвященные известным явлениям западно-европейской и американской литературы. Разумеется, не все этюды обладают одинаковой в этом отношении ценностью. Статья о Мишле и его Колдунье (о Мишле также в «Двух стариках») трактует не о писателе-художнике, а об историке—пусть историке-поэте, однако, все же стоящем вне истории литературы в тесном смысле этого слова. Статья о Шекспире (которого П. Лавров так любил читать вслух) не ставила себе историко-литературных задач—здесь речь не идет «о творчестве Шекспира, о его гении, о концепции его драм, о их эстетическом значении, о их исторической последовательности»,—словом, не о тех вопросах, «которые преимущественно составляют предмет литературных работ о нем». «Я не считаю себя компетентным сказать что-нибудь новое по этому поводу», замечает Лавров. Статья решает лишь вопрос, что может найти современный читатель в произведениях Шекспира. Однако, если принять во внимание, что очерк написан в 1882 г., когда у нас еще даже не существовало «Шекспировской критики», то статья Лаврова просто интересна уже в историческом отношении. Гораздо значительнее этюд о «Лаокооне» Лессинга, дающий сводку главнейших эстетических теорий XVIII в. Несомненную ценность еще и в наше время имеют статьи о Карлейле, о Лонгфелло

и о лирике 30 и 40 годов. Все они чрезвычайно обстоятельны и прежде всего умны. О Т. Карлейле у нас написано так мало, что статья Лаврова и теперь не потеряла своего значения, хотя и не исчерпывает темы, рисуя Карлейля, главным образом, как историка и философа, менее всего как социального мыслителя, и хотя едва ли можно согласиться с автором, что Карлейль остался «одиноким в истории английской мысли», тогда как влияние его не только на Диккенса, Кингсли, Дизраэли, но и на Рескина несомненно. Статья о Лонгфелло, безусловно, самое обстоятельное и дельное, что до сих пор имеется на русском языке об этом американском поэте, столь прославленном и столь жестоко разоблаченном Лавровым как поэт, топивший в розовой водице обывательского благодушия серьезнейшие вопросы жизни,— статья, где Лавров впервые в России, хотя и мельком, заговорил об Уот Уитмэне, ныне каждому известному, и об Уиттире, авторе «Гимнов Труду», до сих пор едва ли известном у нас даже только по имени. Превосходна и статья о лирике 30 и 40 годов, содержащая блестящую характеристику В. Гюго (о нем также в «Двух стариках» и в «Иностранной литературной летописи») и Мюссе, *знакомящая* русского читателя с Гервегом и с Эб. Эллиотом, автором «Песен против хлебных законов», о котором (равно, как и о Т. Максе) Лавров опять-таки заговорил у нас впервые, дав в своей статье о нем больше, чем много лет спустя Н. И. Стороженко в его лекции-статье об английских поэтах «нужды и горя».

Во всех своих статьях П. Л. Лавров всегда становился на социологическую точку зрения, связывая настроения, идеи, творчество писателей с конкретною исторической и социальной средой, вскрывая, как связанность писателей с буржуазным обществом лишала их идейного и творческого размаха, приводила к туману, фразам и риторике, если не к союзу с силами реакции. Мы не можем удержаться здесь от того, чтобы не привести общую характеристику западноевропейской поэзии второй и третьей четверти XIX в., которую в одном из своих этюдов дает Лавров, значительность которой искупает ее пространность.

«В наше расчетливое время (когда спрос вызывает соответствующее предложение) явилось искусство, забавляющее и откровенно обращающееся к самым низким интеллектуальным способностям человека, к чувственным картинам, к бессодержательному смеху, к балаганной декоративности... Большинству рядом с этими гаерами и пошляками хотелось в искусстве чего-либо похожего на те монументальные слова, которые это большинство с гордостью показывало иностранцам на стенах бирж и тюрем, ему хотелось поэтов, которые, произнося громкие слова, когда-то многозначительные, волновались бы еще изящнее, чем волновались на своих кафедрах, произнося эти слова, проповедники религии, ораторы юридической правды и государственного блага. Одни (поэты), обладая действительно поэтической силой, сумели создать громкие, оглушающие своими могучими и странными аккордами симфонии, в которых именно все эти показные слова и показные чувства выступали в таких грандиозных, иногда чудовищных размерах, что их фальшь, как бы исчезала для зрителей в этой грандиозности и чудовищности... Другие... развернули перед читателем пестрые картинки из разных эпох и народов, постоянно затрогивая лишь то, что могло возбудить сознание превосходства настоящего над прошедшим, своего над чужим... В произведениях тех и других было настолько искренности, что большинство могло допустить этот условный мир чувств и образов, как художественное изображение настоящего мира—на пользу его господствующего большинства. Оно имело здесь *своих* поэтов, *своих* художников, которые повторяли его обычные мысли в изящной форме, не требуя от него жизненной борьбы, напротив, отвлекая его от этой борьбы, убаюкивая читателя до того, что он забывал о всякой жизненной борьбе и, оставаясь при своих ежедневных побуждениях, казался сам себе лучше, мог спокойно по привычке продолжать лицемерить, мог повторять привычные ему фразы, цитируя при этом популярных искренних поэтов... Поэты этого рода должны были пользоваться громадной популярностью, и она сделалась их до-

стоянием». Превосходная характеристика буржуазного общества и буржуазной поэзии.

В. Фриче.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Русско-еврейская литература. С вводной статьей Б. Горева «Русская литература и евреи». Московское отделение Государственного Издательства. Москва. 1922. Стр. 162.

Так наз. русско-еврейская литература жила до революции почти никем незамеченная и умерла с началом революции никем не оплакиваемая. Чем объяснить такое, на первый взгляд, странное явление.

Ведь как-никак, а некоторые представители этой литературы, как Богров-Леванда, Ан-ский, Фруг, Юшкевич, Айзман, каждый в своем время, все же возбуждали к себе некоторое внимание. Как же случилось, что их произведения, взятые в своей сумме, не только не составили *особой* литературы, но что они даже не вчленили себя ни в одну из смежных, казалось бы, с ними литератур,—ни в еврейскую, ни в русскую?

Это явление достойно внимания марксиста, ибо оно служит одним из самых колоритных подтверждений той марксистской истины, что идеология является отражением бытия и что, прибавим мы от себя, если бытие постылое, то и порожденная им идеология обязательно должна быть жалкой и бескрылой.

Идеологическим отражением какого бытия являлась так наз. русско-еврейская литература?

Литература эта являлась выразительницей эмансипационных вожделений еврейской буржуазии. Какой эмансипации добивалась еврейская буржуазия? Эмансипации от пут бесправия, стеснявшего ее торговую деятельность, она добивалась уравнения со всей прочей российской буржуазией в правах на эксплуатацию трудовых масс населения. Но в силу экстерриториальности еврейского народа еврейская буржуазия живет, повсеместно, а как носительница капитала торгового, финансового, банковского она витает над всеми странами и народами, по существу равнодушная к судьбам любой страны, любого народа. Еще задолго до появления таких красноречивых комбинаций, как Стинес-Любердзак, еврейская буржуазия представляла собой наиболее чистый вид безотчизнической и безнародной социальной группы, и Маркс уже около 80 лет тому назад дал ей убийственную характеристику, как «нации», единственный бог которой — Маммона. Не менее жестоко живописал ее Генрих Гейне, который в своих «Reisebilder» олицетворил ее в образе маркиза де Гумпелино (некогда, вероятно, богатей реб Гимпель). Маркиз де Гумпелино знает одну только страсть— наживу, ему ведом один только Бог— капитал. Де Гумпелино, конечно, приверженец ассимиляции, но ассимиляцию он понимает не как органическое приобщение масс одного народа к массовой культуре другого народа, — что ему до масс, что у него общего с каким бы то ни было народом? В материальной жизни он пенкосниматель, в духовной жизни ему доступна только накипь. Он с одинаковой легкостью по-своему «ассимилируется» с «культурами» всех народов, среди которых он живет или, вернее, наживается в данный момент: приезжает он в Лондон в пору чартизма—он обзаводится... скаковыми лошадьми; попадает он в Париж во время революции,—он берет... на содержание танцовщицу; оказывается в Риме в эпоху Мадзини, — он заказывает... католическую мессу...

Еврейская буржуазия в России, конечно, не лучше этой же буржуазии на Западе. Наоборот. На фоне массового движения еврейского пролетариата, совершенно отсутствовавшего на Западе, непривлекательность еврейской буржуазии в России выступала во много раз ярче. Русско-еврейская буржуазия выдвинула из своей среды целые легионы Гумпелино, — все эти династии Поляковых, баронов Гинсбургов, сахарных королей Бродских, Зайцевых и др., чайных властелинов Высоцких и проч. и проч. и проч., вместе со всей обслуживавшей их материально и духовно многочисленной интеллигенцией.

Единственным всеспасающим лозунгом этой буржуазии было — равноправие. Смысл и содержание этой сакраментальной программы еще в 60-ые годы

прошлого столетия расшифровал выдающийся идеолог рус.-евр. буржуазии И. Г. Оршанский, с наивной откровенностью заявлявший, что сущность еврейского вопроса в России заключается в достижении свободы повсеместной торговли.

Но достигнуть равноправия еврейская буржуазия надеялась не как трофея борьбы, а как частного применения либеральной доктрины, как простого следствия грядущего провозглашения droits de l'homme. Сознавая, однако, что в буржуазном обществе все должно быть построено на принципе do ut des, еврейская буржуазия увидела себя вынужденной предложить с своей стороны какое-нибудь «do», которое служило бы компенсацией за *просимые* права и гарантировала бы впоследствии их сохранность. И в качестве подобной компенсации идеологи еврейской буржуазии выдвинули — полезность еврейства новым устоям грядущего буржуазного режима, либеральную сущность еврейского духа и его ценность для развития и углубления «арийской» культуры. Таким образом, была создана теория еврейской «курицы, носящей золотые яйца» культуры и прогресса, т.-е. та же старинная теория «избранного народа» под новым соусом, националистическая апологетика под другим аспектом...

Это характерное двуединство — жажда равноправия в сочетании с филосемитской, что ли, апологетикой и составляло основное содержание русско-еврейской литературы, как духовного детища рус.-евр. буржуазии. При чем адресатом этой литературы были не массы,—ни еврейские, ни русские массы,—а «лучшие круги русского общества»: правительственные круги, сановная бюрократия, просвещенные вельможи, либеральные купцы и профессиональная интеллигенция.

Замечательно! Русско-евр. литература была порождением двух литератур: русской и еврейской. Русская литература была соучастницей в великой борьбе за освобождение масс русского народа и в процессе этой борьбы создала богатый мир великих идей и видений, глядящих в века; еврейская литература (на idisch) росла вместе с еврейскими трудовыми массами, которые вдохновляли ее на долговечные образы и символы. А русско-еврейск. литература является кладбищем художественных выкидышей и идейных недоносков, ибо за весьма незначительными изменениями она стояла совершенно в стороне от борьбы масс, а представляла собой квалифицированную форму национально-политической челобитной еврейской буржуазии...

И литература эта получила свое возмездие от исторической Немезиды: еврейская литература с Октябрьской революцией расправила свои крылья и расцвела, как литература масс, а рус.-евр. литература была выброшена за борт вместе с вдохновлявшими ее кругами еврейской буржуазии, и где-то она ютится: либо на берегах Сены в жалкой «Еврейской Трибуне» среди обломков старой «Восходовщины», или даже у нас на берегах Невы в убежище для нэпствующих рахитиков имени «Еврейского Вестника»...

Конечно, история русско-еврейск. литературы, как и история всякой иной литературы, может и должна послужить «тезой» для монографии, даже для дюжины монографий. Но...

Антисемитизм, сказал Бебель, есть социализм дураков, но филосемитизм, скажем мы от себя, отнюдь не должен стать глупостью социалистов. Кстати, еще в 1894 году конгресс II Интернационала в Брюсселе вынес резолюцию, одинаково осуждающую как «социализм дураков» (по формуле Бебеля) — антисемитизм, так и (по нашей формуле) «глупость либеральных социалистов» или «социалистических либералов»—филосемитизм...

Оказывается, однако, что книга В. Львова-Рогачевского насквозь пропитана филосемитической добродетелью. Правда, В. Львов-Рогачевский, как он сообщает в предисловии к своей книге, еще в 1915 г. получил соответствующее задание от М. Горького, который, как известно, очень «жалеет» евреев. Но 1922 г. — не 1915 г., за это время столько изменилось, взять хотя бы те два обстоятельства, что... В. Львов-Рогачевский выпустил за это время несколько книг, а в России еврейского вопроса не стало. А Львов-Рогачевский упорно продолжает дока-

зывать старому «кому следует», что и евреи в литературе на русском языке сеяли «разумное, вечное, доброе»...

Настоящая приват-доцентская диссертация, написанная в стиле модернизированного и все же крайне анахронистического Скабичевского. Ограниченность социологического кругозора, нисколько не компенсируемая правильностью эстетических оценок. Монография В. Львова-Рогачевского — это буквально компендиум филосемитической банальщины, автор мыслит и пишет готовыми клише.

«Она (русско - еврейск. литература. *М. Л.*) всегда была двуликим Янусом: одним ликом обращена к русскому читателю, другим—к еврейскому, одним ликом к русской литературе, другим—к *своей Книге—к Библии*» (стр. 40).

«Еврейский художник только менял тему, аргументы, но оставался всегда апологетом и обличителем, *идя по следам библейских пророков* (стр. 47).

«Эпиграфом к ней (к русск.-еврейск. литературе. *М. Л.*) так и хочется взять слова из *«Плачей» пророка Иеремии:* он пресытил меня горечью, напоил меня полынью, — или скорбные стихи *пророка* Иезекииля: «И увидел я, и вот рука его простерлась ко мне, и вот в ней книжный свиток, и он развернул его предо мной, и вот свиток написан был и снаружи и внутри, и написано на нем: «плач, стон и горе» (стр. 50, все курсивы наши. *М. Л.*).

Как видим, Львов-Рогаческий, имея дело с такой по существу трезвенной и прозаической литературой, как русско-еврейская, сплошь оперирует пророками и Библией.

Ибо как можно писать что-нибудь о евреях и не поминать беспрерывно Библию (и непременно с прописной буквы) и пророков. Таков уже освященный филосемитический ритуал, и такова уже природа клишеобразных умов. «Небо, усеянное звездами, не усумнюсь уподобить генеральской груди, усеянной орденами», выразился еще Козьма Прутков. Ибо существует—заранее заготовленные стереотипные мысли, уподобления и оценки, — литература словесников определенного типа.

И если по поводу творений Богрова, Леванды, Ан-ского и Юшкевича употребляется слово Библия (с прописной буквы), что же удивительного в том, что промелькнувшие в книжках «Восхода» сатирические фельетоны Гершона Баданеса весьма посредственной ценности объявляются В. Львовым-Рогачевским чуть ли не щедринскими по своей талантливости. «В остроумном и едком сатирике не успел расцвести еврейский Щедрин», пишет о Баданесе Л.-Рогачевский, введенный в заблуждение тем, что имя Баданеса больше в русск. - еврейской литературе не встречается. А между тем Гершон Баданес—это псевдоним и ныне здравствующего еврейского общественного деятеля Г. Е. Гуревича, который, принимая во внимание его преклонный возраст, «мог успеть расцвести» в еврейского Щедрина, если бы... Л.-Рогачевский не был широкодушным филосемитом...

И таков тип всех чисто-литературных оценок в трактуемой книге.

Вполне в pendant к тону и стилю книги Л.-Рогачевского и вступительная статья Б. Горева. Оба автора как бы распределили между собой роли: Л.-Рогачевский с филосемитическим вдохновением вдохновляет русско-еврейскую литературу, «несмотря на»... Б. Горев с еврейско-«восходским» пафосом защищает русскую литературу, «несмотря на» (замалчивание ею еврейского вопроса и т. п.). Оба автора пригоршнями черпают из бездонного источника либеральной и филосемитической банальщины.

Эх, кабы оба автора во-время вспомнили великий завет Вольтера: все жанры хороши—за исключением скучного!..

М. Лиров.

БУКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Статьи С. Третьякова, Д. Бурлюка, Т. Толстой и С. Рафаловича о творчестве А. Крученыха. «Маф». М. 1923. Стр. 48. Тир. 2000.

Футуризм в собственном смысле — история вчерашнего дня. Поэтому естественны всякие книжки, подводящие итоги движению уже закончившемуся. Теперь было бы не бесполезно осмотреть совершонное, расставить точки над коекакими буквами и подвести некоторые итоги. Так поступил, примерно, Якобсон в своей книге о Хлебникове. Однако, авторы, четыре статейки которых соста-

вили эту брошюрку, придают ей совершенно иной смысл, — а именно: рекламно-агитационный. Может-быть, этому причина то обстоятельство, что все они, исключая Бурлюка, давшего коротенькую заметку, познакомились с футуризмом сравнительно недавно, и он им так же нов, как все «впечатленья бытия». Только этим можно объяснить некоторые странности в роде того, как Третьяков упрекает какого-то критика в нечуткости, потому что тот подошел к Крученыху с точки зрения содержания, в то время как «единственным содержанием была форма» и проч. Несколько странно слышать эти анахронистические апологии форме, ныне, когда возня с нею—дело футуризма — уже закончена. В этом отношении правы «пролетарские» поэты, когда утверждают существенный для нашего времени примат содержания в искусстве, — и кажется каким-то старым-старым старьем, отзывающим довоенным эпатажем, эта болтовня о форме.

Разговоры о форме были заведены символистами, они были усвоены футуризмом, как некоторая редукция к абсурду: футуристы упрекали символистов в том, что те мало занимались формой и не с той точки зрения, с которой требовалось. Это перевело стих в лабораторию, с легкой руки символистов началось откапывание уже вовсе немыслимых и никому не потребных редкостей, закон символистов был подменен новым, — где грубость и антиизящество выдавали «патент на благородство». В результате стихи футуристов или погибали в их собственных тетрадях, или футуризм переставал быть самим собой. Талантливейший Хлебников, человек с признаками гениальности, убивал время на составление неисчислимых списков слов, образованных от корня «люб», он их навыдумывал так много, что типография затруднялась набрать его стихотворение: не хватало в кассах буквы «л». А потребность в таких экзерциссах чрезвычайно невелика, — на всего Толстого вы найдете таких словечек с дюжину, и как редкость, они терпимы, но не более того. Но Хлебников был поэтом, несмотря на все эти выкрутасы, так характерные для довоенного времени, когда он писал просто:

То, может-быть, Пушкин иль Ленский
По ниве идут деревенской,

было слышно, что это пишет поэт. Крученых никогда поэтом не был, и с этой точки зрения представляет собой вполне законченный образец бездарности. Он весь — коллекция футуристических недостатков, и никогда ничего дельного не смог бы сделать, несмотря на весь ассортимент своих словесных ужасиков.

Поэты, вышедшие из футуризма в публику, Маяковский, Пестернак и Асеев, или просто, как первый из них, отказались от формы для формы, либо, как два последних, никогда ею и не занимались. Хлебников, Крученых, Петников, Бурлюки, Терентьев и др. навсегда останутся курьезами, любопытными и показательными, но ничего общего с поэзией не имеющими. Только люди очень отставшие от современности и не чувствующие своего читателя могут теперь пропагандировать форму.

История Крученыха—печальная история. Сперва, в начале футурных времен,— это культивирование сплошной бессмыслицы, к которой автор питал какую-то болезненную нежность, в роде знаменитых «дыр-бул-щыл» (даже прочесть нельзя: «ы» после «ща» — какая чуткость к языку), странные песенки в роде «Помады», нарочито-поганенько изданные, с подражаниями не то пародиями на писарскую лирику, в роде:

За глаза красотки девы
Жизнью жертвует всяк смело,
Как за рай!

где основным моментом была все та же бессмыслица, пустота — и вопль ни о чем и ни по какому поводу. Теперь он несколько сдал и пробует писать что-то умопостигаемое: но все эти попытки не идут далее монтирования бытовых сценок, построенных на пустячных звукоподражаниях («Рефлекс слов», пасхальный стол и др.), иногда достигающих забавных размеров стихового анекдота, который к тому же может быть воспроизведен только автором, который, читая, помогает себе и своим словечкам присвистом, щелканьем, иканьем и стуком ногами. Сообразиться с содержанием Крученых и теперь не может: пример этому его стихотворение «Голод».

«Как бы не относиться к Крученых,— пишет Третьяков, — нельзя отказать ему в том, что «разработка слова» производится им неуклонно, добросовестно»— эти качества, неуклонность и добросовестность в составлении никому не нужных вещей, разумеется, очень характерны для Крученыха, и в них ему нельзя отказать... но при чем тут поэзия?

Статьи Толстой и Рафаловича очень бледны.

Сергей Бобров.

И. А. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пролетарское мифо-творчество». (Об идеалистических уклонах современной пролетарской поэзии). Семипалатинск. 1922 г. Стр. 18.

Брошюра направлена против «олимпийства» и буржуазной эстетности нынешних пролет-поэтов. Тенденция правильная и нужная в ту эпоху, когда каноны и штампы буржуазии особенно опасны революционному рабочему классу.

К сожалению, как это нередко случается с нашими критиками-марксистами, автор выступил с негодным оружием. Он поставил вопрос об идеологии пролет-поэтов, противопоставив им коллективизм сознания, диктуемый марксизмом. Между тем вопросы искусства не решаются в плоскости чисто-идеологической; искусство—это прежде всего организация быта и вещей (в поэзии — речи); пролетарская поэзия — это не поэзия, *говорящая о* пролетарском, а поэзия, *говорящая* по-пролетарски.

Беда пролетарских поэтов в том, что они, занявшись «содержанием», стали благодаря этому формалистами, — забывая о приемах, о методах творчества, всегда становится рабом их. Мало того: рабом уже готовых методов, т.-е. методов буржуазных.

За что агитировать — мы все знаем, но как агитировать, не знает—увы!— почти никто. А здесь-то корень вопроса: негодные средства приводят к негодному результату. Петь под Пушкина или Блока о коллективизме — значит издеваться над коллективизмом, агитировать за буржуазные вкусы, за буржуазное творчество, за индивидуалистический быт.

Вот почему брошюра т. Модзалевского неспособна ни помочь поэтам, ни переубедить их.

Б. Арватов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Освобожденный Дон-Кихот. *И. Ансенов.* — 2. «Московский Альманах». № 1. *Д. Горбов.*—3. О. ФОРШ (А. Терек). Равви. *В. Вольненштейн.*—4. 1. К. ТРЕНЕВ. Владыка. 2. К. ТРЕНЕВ. На ярмарке. *Ю. Добранов.*—5. Н. ЛЯШКО. Радуга. *Н. Асеев.* — 6. А. С. ГРИН. Алые паруса. *С. Бобров.* — 7. И. АННЕНСКИЙ. Посмертные стихи. *С. Бобров.*—8. СОФИЯ ПАРНОК. Розы Пиерии. *А. Баркова.*—9. И. ЭРЕНБУРГ. Тринадцать трубок. *К. Локс.*—10. «Веретено». Лит-худ. альманах. *Н. Асеев.*—11. «Славяне и Восток». *Н. Асеев.*—12. Н. ТАСИН. Катастрофа. *Д. Горбов.* — 13. А. Ф. НАСИМОВИЧ. «Конь-Огонь». *А. Елизарова.* — 14. ЭРНСТ СЕТОН-ТОМПСОН. Джек, король Таллакский. *А. Елизарова.*—15. А. АННЕНСКАЯ. Фритиоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к северному полюсу. *Е. Херсонская.*

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Овобожденный Дон-Кихот. М. Госиздат. 1922. Стр. 150.

Некоторые драматисты (афинские, елисаветинские, Островский, А. Толстой) писали пьесы в расчете на игру определенных актеров, другие (Байрон, Гауптманн, Пушкин) не имели этого в предмете и полагались, главным образом, на собственный вкус. Отсюда происходила обычно сценическая затруднительность постановки их произведений, литературная полемичность текста и его удлиненность. Автору второго направления приходится убеждать словами, тогда как в представлении такому убеждению

помогает игра актера. Поэтому драмы такого рода обычно приходится сокращать и изменять в постановке, что, естественно, не может служить аргументом против достоинств текста. Пьесы Пушкина лучше трагедий А. Толстого.

А. В. Луначарский в своей последней драматической фантазии следует второму пути: «Освобожденный Дон-Кихот» в своем настоящем виде — драма для чтения и, как такая, обладает весьма большими и литературными и полемическими достоинствами. Жаль, что она вышла только теперь: острое осуждение позиции поклонников автономной морали было особенно насущно в пору гражданской войны, мотивы которой ясно проступают сквозь декоративность исторических костюмов. Резкость и решительность осуждения только выигрывает от спокойного и нежного отношения к носителю беспредметной морали—Дон-Кихоту, и сатира получается гораздо более прочной, чем простое осмеянье «соглашателей», бывшее в моде года два тому назад у наших обличителей. Автор воспользовался данными старой литературой образами для того, чтобы, расположив их по-новому, осветить под углом современных нам споров и сомнений. Задача ему удалась, и «Освобожденный Дон-Кихот», несомненно, лучшая из сценических адаптаций романа Сервантеса.

И. Аксенов.

МОСКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ. № 1. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». Москва. 1923 г. Стр. 128. Тираж 2000 экземпл.

Тон книжки задают символисты: имеются стихи А. Блока (посмертные), К. Бальмонта (помещенные в непонятном для современного читателя изобилии, всего 6 стихотворений), Вл. Ходасевича; проза — Б. Зайцева и А. Белого.

Группа знаньевцев представлена, скромно по количеству, двумя рассказами: К. Телешова и В. Вересаева. Особняком стоят: повесть Вяч. Шишкова из алтайской жизни («Страшный кам») и стихи Б. Пастернака (их, конечно, здесь не шесть, а только одно) и П. Орешина.

Разберем по порядку:

Четыре восьмистишия Блока, что о них скажешь? Стихотворениями в подлинном смысле слова их не назовешь: это—автобиографические заметки, эстетически не самодовлеющие, интересные лишь по связи с автором.

Мы были вместе, помню я.
Ночь волновалась, скрипка пела.
Ты в эти дни была моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки.

Каждая строка большого поэта и литератора дорога, но надо, по крайней мере, объяснить происхождение рукописи и — биографически — стихов; хоть год написания указать. Такие вещи нельзя показывать без перспективы.

Далее, 6 стихотворений Бальмонта. Это, конечно же, сплошные пустяки. Читая их, удивляешься стихотворческой многоречивости неутомимого автора и снисходительности к нему редакции: «сафировые цветочки», бессодержательная характеристика Врубеля («пламя, лебедь, демон»), увеселения поэта с «Забавой Белой», коварные замыслы войти в сердце девушки «верней, чем яд змеи» (неужели есть еще «бальмонтистки» на белом свете, и если есть, зачем тревожить бедных старушек?)— весь, уныние наводящий, ассортимент балемонтовских побрякушек проходит перед нами. Зачем было выволакивать все это на свет божий?

Вл. Ходасевич рассказывает нам (ст. «Музыки»), по обычаю, белым пушкинским пятистопным ямбом, следующий случай: вышел он как-то зимним утром во двор — колоть дрова (как видите, по стихотворению пробегает революционный ветерок — пренеприятный). А во дворе тем же делом занят его сосед Сергей Иванович. Когда автору надоедает колоть дрова, он решает помистифицировать бедного Сергея Ивановича: «Постойте колоть. Слышите музыку?» А музыки-то никакой нет, понимаете? Сергей Иванович, по крайнему своему тупоумию неспособный понять символико-романтическую иронию (он способен только

колоть дрова, вы усвоили оригинальное глубокомыслие автора?), ничего не слышит, но из деликатности прекращает колку дров, чтобы не помешать «имеющим уши». Когда автору становится его жалко, он говорит, что «симфония» кончилась, и оба вновь принимаются за дело. Вот и все.

Не знаем, для чего подобный трюк понадобился Влад. Ходасевичу. Должно-быть, ему, как символисту (noblesse oblige!), несуществующий журавль в небе обязательно должен быть дороже реальной синицы в руках. Но нам важно это признание: для скольких еще сотоварищей символиста Ходасевича по литературной школе (или религиозной секте, что ли?) журавля в небе не существует, и они принуждены его выдумывать, по знаменитому рецепту Вольтера. А еще любопытней поискать среди них такого, для которого этот журавль существовал бы без обмана. Стихотворение Ходасевича — своего рода итог в развитии целой литературной школы: «авгуры смеются».

После подобной «мистерии» стих. Б. Пастернака «Весна в Москве» — пронизанное солнцем, городским весенним шумом, жизненной и словарной конкретностью, с его царапающими рифмами и ритмом, — радует, как животворный ветер в затхлой и душной комнате. Напрасно впустили этого озорника в такую «мертвецки»-благопристойную компанию.

Очерки Б. Зайцева об Италии (Генуя, Венеция, Ассизи) есть, несомненно, лучшее, что появилось за подписью этого автора в пореволюционные годы (к этому следует присоединить его книжечку о Данте, выпущенную к юбилею последнего). Но не характерно ли? Лучшее у Зайцева теперь то, что далеко от нашей жизни. Его рассказы из нашего пооктябрьского житья-бытья производят гнетущее впечатление: так несвободно, предвзято, раздраженно относится в них к изображаемому писатель, дарование которого исключительно лирическое. И мы можем быть только благодарны ему за то, что в октябре 1919 г., в самом разгаре гражданской войны, Б. Зайцев уходит от злобы дня, от всего, что может только угнетать его и подсказывать фальшивые интонации, — к «правде вечной кумиров», к своей любимой Италии. Если другие наши странствующие интеллигенты бродят по русским поселкам и умирают «в овсах» или под «избяным» косящетым окном, Б. Зайцев предпочитает странствовать среди «вечных образов» Италии. Отсюда его игра контрастом ночного морского ветра и кипения дневной жизни в «Венеции», отсюда его влюбленность в город св. Франциска — «Ассизи». Здесь пьет он из собственного стакана и притом свой любимый напиток: отнюдь не жизнерадостный итальянский «кьянти» — это слишком вульгарно, нет, что-то более горькое и ядовитое. «Венеция» и «Ассизи», в особенности последний, написаны мастерски.

Зато без всякой радости читаешь отрывки А. Белого из второй части его «Офейры», посвященные воспоминаниям о египетских экскурсиях. Ритмическая проза, проведенная с черствым догматизмом, упорно прокладывает себе дорогу среди встречающегося на пути материала. Для нее не существует никаких затруднений: историческая справка, чужой текст, пустыня, пирамиды, сфинкс, феллахи, сам поэт и его жена, англичане-туристы, разговоры и описания, историческая медитация и бытовая сценка — все нивелируется, растворяется, теряет очертания, превращается в призрак, под действием фейерверка словесных натяжек, ставших господствующим стилем Белого. Впечатления Белого от Египта, о котором менее блестящий, но более зоркий писатель — В. Вересаев — в той же книжке дает яркие, острые заметки (расск. «За гранью») — совершенно расплываются и обезличиваются под действием назойливого и манерного стиля, который явно господствует над писателем и гуляет на его страницах безконтрольно: «Он (Египет) — с нами; он — в нас: коридоры квадратного мрака глухих подсознаний души пробегают до мумии нашей, лежащей в громадном гробу: средь песков» и т. д.

Всему этому великолепию мы предпочтем скромный рассказ Н. Телешова («Мечтатель»), хоть и не во всем удачный: его старенький монашек, Герасим, написан в слишком бытовых, простецких тонах, чтобы мы могли поверить, что проблема зла могла волновать его в

таких интеллигентских формах: хотелось ему улететь вместе с журавлями, «ближе к солнцу, к Богу, от зла и искушения, от мира слез и утрат...» «Герасим видел, что проходят века за веками, а борьба со злом ни к чему не приводит...» Все это кажется нам слишком книжным. Для того, чтобы это было правдой, нужны какие-то другие тона, старообрядческие, сектантские, может-быть? Во всяком случае реальные, выхваченные из жизни.

Приятен своей простотой и рассказ В. Вересаева «За гранью» об умирающем в Египте от чахотки русском полковнике. Ожидание смерти отделяет его от всего окружающего, даже от его жены, которая терпеливо за ним ухаживает. Тема—тождественная со «Смертью Ивана Ильича». Близка к Толстому и Чехову и вся вересаевская манера рассказа—любовь к подробным мелочам быта, оттеняющим громадность надвигающегося ужаса, внимание к «блестящей бритве», которая «снимает со щек посеревшую пену с мелкими обрезками волос».

Наконец, большая повесть Вяч. Шишкова «Страшный кам». Кам — калмыцкий шаман. Кам Чабан — крещеный. Но живет он на вершине горы у самого снега. Напрасно удерживает его от «камланья» преданная жена Казанчи--Катерина. Он не может отказаться от общения с родными ему духами бездны, как не может уйти и от своего христианского имени. Несчастье близко. Священник о. Василий, ответственный за его поведение перед начальством, — ограниченный, хотя, быть-может, и не злой человек,—подсылает к каму «братанов Брюхановых»; те приводят свою жертву в деревню и забивают его на смерть при одобрении и поддержке русских крестьян и пассивном протесте калмыков. Но суеверие мстит за себя: все село терроризовано надвигающейся местью колдуна. Многие слышат его бубен в ночной метели. Семью убийц постигает ряд несчастий и смертей. Из всей семьи уцелел лишь тот, кто сумел попросить прощения у убитого, призрак которого явился к нему в одну из самых грозных ночей.

К неоспоримым достоинствам повести следует отнести ее богатый, не чуждающийся этнографических средств язык, динамическую, резкими бросками, манеру изложения, четкий, отрывистый стиль, владение средствами изобразительности и охват своеобразной внешней и психологической обстановки во всей ее конкретности. Сюжетный элемент использован умело. Если бы не морализирующий оттенок развязки, вещь оставляла бы вполне законченное впечатление. Впрочем, без нее она, пожалуй, не попала бы в этот сборник.

Д. Горбов.

ОЛЬГА ФОРШ (А. Терек). Равви. Пьеса в трех действиях. «Круг». Москва — Петербург. 1923 г. Стр. 82.

В пьесе Ольги Форш изображается разложение русской интеллигенции дореволюционного времени — отчасти расслабленной, запутавшейся в теософических словопрениях, отчасти лживой, занятой карьерными происками. Впрочем, социологическая перспектива в пьесе несколько расширена участием в ней представителей протестантского духовенства. (Действие происходит в большом провинциальном городе.)

В процессе драматического действия—в самом конструирующем замысле — нет единства; намечены две линии драматической борьбы, почти не соприкасающиеся друг с другом: Пастор Гельбах, потрясенный смертью прихожан, отравившихся причастием из плохо промытого церковного сосуда, протестует против ортодоксального христианства — параллельно террорист Андрей, только что выпущенный из тюрьмы, в припадке истерической совестливости сообщает своему брату, профессору и видному общественному деятелю, о своем намерении убить губернатора — и губернатора убивает.

Драма только намечена, совершенно не развита. Андрей проговаривается брату, тот едет к архиерею, иносказательно выдает молодого террориста. Архиерей хочет сделать донос, но сейчас же после этого следует убийство губернатора. С пастором также только собираются бороться; он в кирке производит антицерковную демонстрацию, возмущенная толпа его стстраняет (все это

за сценой); затем его благонамеренный противник, пастор Вернер, произносит успокоительную проповедь; тем дело и кончается.

Пьеса О. Форш—не драма, и даже не «пьеса» (если мы под «пьесой» будем подразумевать нечто цельное), а несколько сцен, написанных старомодным приемом психологической драмы (школы Гауптмана). В некоторых сценах автор пытается дать сатиру; однако, для подлинной сатиры, помимо недостатков драматургических — у автора слишком сдержанная, направленная на мелкую психологическую детализацию, манера; сатира требует крупных мазков, здесь нужны карикатуры, а не типы. Несколько приближается к такой карикатурности удачно намеченная характеристика владыки, весьма светского архиерея из бывших военных, хитрого говоруна, ловкого дельца, кокетничающего с римской церковью; но и это только легкий набросок. Занимательна первая сцена — журфикс у профессора, беседа местного общества — преимущественно на религиозные темы, прерываемая ироническими восклицаниями студенческой молодежи. Неопределенно-символический оттенок, выходящий из плана сатиры, придает пьесе сцена в сумасшедшем доме с религиозно-настроенными помешанными.

Лишенная драматизма, крайне эскизная по своим характеристикам, невыдержанная по театральному стилю, пьеса Ольги Форш не дает живого материала для сцены, в особенности для современной сцены, ищущей определенных и острых сценических положений, энергичного нарастания действия. В таких случаях приходится искать в пьесах достоинств «литературных»; и они, действительно, имеются. Следует местами отметить живую и интригующую беседу (именно, беседу, а не диалог; если полагать диалог действенным обменом борющихся реплик). Пьеса в чтении заинтересовывает; но быстрая развязка и в чтении расхолаживает, оставляет неудовлетворенным. В конце-концов, только пьесы с настоящим драматическим захватом увлекают и в чтении.

В. Волькенштейн.

К. ТРЕНЕВ. Владыка. Рассказы. Из-во «Новая Москва». Стр. 104. М. 1923.

К. ТРЕНЕВ. На ярмарке. Рассказы. Изд. «Новая Москва». Стр. 68. М. 1923.

Все рассказы двух вышеназванных книжек Тренева, за исключением «Владыки», где автор пытается дать психологию страстно верующего христианина,— быт и только быт. К тому же быт дореволюционной России, бесчисленное количество раз воспроизводившийся в нашей художественной литературе, навязнувший в зубах и уже сданный историей в архив. Современному читателю, за редкими исключениями, воскрешать его совсем не хочется. И этим, конечно, объясняется та холодность, с которой воспринимаются сейчас местами талантливо написанные рассказы Тренева. Лет 10 назад такая беллетристика служила украшением наших толстых журналов.

Теперь все эти очень остроумные порою выпады против уже рухнувшего строя: едкое обличение чиновничьей и офицерской тупости и самодовольства, помещичьего жестокосердия, ханжества и жадности церковников и старое народническое желание нашего бедного мужичка — никому не нужны и мало кого трогают.

В новой России помещики ликвидированы, церковники попритихли, офицеры — «на том берегу» или, сделавшись честными советскими военспецами, благополучно носят красную звезду; мужик сам строит свою жизнь и нуждается гораздо больше в сельско-хозяйственных орудиях, кредите и тому подобном, чем в скорбных писательских воздыханиях.

Но ведь читаем же мы классиков, тоже несовременных, тоже, конечно, устарелых, и чтение их нас и теперь захватывает. В чем же дело? Дело в том, что у очень крупных писателей, пусть изображающих преимущественно быт,—например, Чехова, есть, если так можно выразиться, много сверхбытового, не вмещающегося в рамки быта, от века присущего человеческой природе, что никогда не стареет или стареет очень медленно.

У Тренева этого сверхобытового нет. Он весь тут, в этих бытовых картинках, правда, рисуемых умело, интересно, в той старой добротной манере, которой научила его литература прошлого века.

Это четкое и вместе полнокровное без вывертов и кривляний, безыскусственной и часто никчемной стилизации, долженствующей прикрывать лишь отсутствие настоящего таланта, письмо Тренева да еще его юмор—есть самое ценное в рецензируемых книжках.

Было бы совершенно излишне разбирать все помещенные в них рассказы. Остановимся на тех, которые наиболее удались Треневу: на «Самсоне Глечике» и «Затерянной кринице», да еще на неудавшемся (Тренев не справился с психологией), но интересном по замыслу и местами по выполнению рассказе «Владыка».

«Затерянная криница» повествует о вековечном русском народном горе, о стихийном голоде. «Была уже половина мая, а чахлые нивы и сожженная трава еще не видали над собой ни одной тучки». Тщетно крестьяне ходили по полям с иконами, тщетно просили у Бога дождя, — немилосердное солнце жгло по-прежнему.

В деревне в ожидании грядущего голода было мрачно и тревожно. Хотелось чуда. И когда девяностолетняя, полуслепая старуха Гончариха вдруг вспомнила, что где-то в овраге под давно истлевшим дубом есть затерянная криница, которую во времена ее, Гончарихи, молодости старая барыня всегда приказывала чистить, дабы вызвать дождь,—истомленные, обезумевшие от страшного ожидания, сперва, как всегда, бабы, а потом и более скептические мужики поверили и принялись всей деревней искать чудесную криницу.

Эти фантастические поиски, эта жажда чуда, эта внезапная страстная вера, вдруг охватившая крестьянскую толпу, описаны Треневым бесподобно. Пока толпа искала чудесную криницу, солнце делало свое жестокое дело, и хлеб сгорел, дождь стал не нужен. И психологически обоснован и неизбежен трагический переход к полной безнадежности, к беспросветному отчаянью толпы, потерявшей все иллюзии и увидевшей горькую действительность. Чудо не пришло; вера подорвана; сердца требуют мести. И вот только теперь всплыли в сознании сразу ожесточившихся людей все наболевшие панские обиды, живым воплощением которых был страшный, как адский дух, черкес—вездесущий конный стражник имения. И когда этот черкес, попавшись на пути, ударил нагайкой одного из крестьян, мужики, еще недавно покорные, бросились на него с лопатами. Но черкес прорвался через вражеский круг и, чувствуя себя победителем, остановился и выстрелил в воздух. «Убивают... толпа заревела и страшной, не знающей преград волной хлынула к воротам усадьбы. Сверкнули на солнце рывшие криницу лопаты... В задней части двора пламя уже лизало ометы и сараи. И земля, не дождавшись от неба дождевых туч, подняла к нему горячие тучи черного дыма, и заволокли они голубое небо и заслонили собою от кровожадного солнца хутор и мужицкие нивы». Когда вера истощается, когда перестают ждать избавления сверху, тогда приходит бунт. В этой повести уже горят огни Октября.

Совсем в другом роде, но тоже хорош «Самсон Глечик».

Здесь злой, доходящий до шаржа юмор и быстрое, занимательное развитие действия восходят к самому Гоголю.

Учитель городского училища, Глечик—сыщик по призванию. В этом добровольном сыске—цель и отрада его скучной, однообразной жизни, его жизненная миссия. Он каждый вечер пишет и пишет доносы—этот истинный патриот самодержавной России. Его товарищи-педагоги—молоденькая библиотекарша, все, что есть в затхлом городишке читающего и хоть немного мыслящего, совершенно терроризовано Глечиком: Мещане, лавочники—весь темный и хитрый люд уездного городка—прекрасно сознают силу и опасность ревностного охранителя основ. Но им что: они приспособляются, снимают шапку и низко кланяются уважаемому Самсону Емельяновичу, посылают ему в презент конфеты и цыбики чаю из собственной бакалеи.

Но ничто не вечно под луною, и царствию Глечика тоже пришел конец. Нашла коса на камень. Нашелся гусь

почище—новый благочинный, о. Моисей. Сей подающий надежды муж церкви, племянник преосвященного, подчинил педалекого Глечика. Он забрал себе политический надзор за обывателями и руководство их душами на пути к спасению, оставив Глечику роль своей цепной собаки и рассыльного. Туманно пообещав ему инспекторство—вторая заветная мечта Глечика после жандармского мундира, как у ротмистра Карненко—о. Моисей выжил его с казенной квартиры, которой тот пользовался по «особым заслугам», вынудил Глечика подарить ему козу и, страшно сказать, разлучил с тетушкой, на том основании, что неудобно столь уважаемому человеку жить вдвоем с еще не старой особой женского пола. И Глечик покорился: он ждал инспекторства. Но, когда и инспекторство улыбнулось ему, он не выдержал, стал мстить. Клал в шляпу ненавистному о. Моисею лягушек, в карман рясы дохлых крыс, и, наконец, был арестован, попавшись в намерении измазать о. Моисею двери дегтем. Тут-то пробудилось его, дремавшее доселе, гражданское самосознание. Ведомый городовыми, он кричит: «Протокол составляйте, а лишать свободы личность не имеете право! Опричники!»

Таков Тренев—верный ученик и последователь великих реалистов литературы XIX века, успешно применяющий все их приемы, с ног до головы вооруженный их художническим и отчасти идейным арсеналом. Он как бытописатель с богатой наблюдательностью, немного злым юмором и прекрасным, чистым, выдержанным языком естественно занимает видное место среди современной нашей беллетристики.

Но ему недостает психологической глубины, ярких мыслей, мощных образов, оригинальности.

Он только бытописатель по объему творчества, только ученик по манере. В психологическом анализе он слаб.

Эта слабость бросается в глаза во «Владыке», где Тренев тщетно старается правдиво и ярко изобразить религиозные и нравственные мучения «Владыки» о. Иннокентия, истинного подвижника и мистика, тонкая натура которого не вынесла мертвящей догмы канонов, который погиб, не осилив своей задачи, не примирив индивидуальных исканий религиозной души с давящим их авторитетом официальной церкви. Великая борьба с воображаемым дьяволом этого человека совершенно не удалась Треневу. Зато второстепенные лица: ханжи, скупцы, сластолюбцы и карьеристы в рясах—великолепны.

В заключение можно только пожелать талантливому автору, мобилизовав все свои богатые изобразительные средства, порадовать читателей картиною быта современного, такого запутанного, такого сложного и интересного, постоянно развивающегося и трудно уловимого в своем развитии.

Ю. Добранов.

Н. ЛЯШКО. Радуга. Издательство писателей «Кузница». Москва. 1923 г. Стр. 167.

Проза Н. Ляшко несправедливо замалчивается широкой критикой. Может-быть, потому что он не берет больших—а в моде именно такие—«общемировых» или, по крайней мере, «общероссийских» тем, может, и потому еще, что им не применяются глушащие экстравагантные фанфары, в лошадиной дозе взятые стилистические приемы, весьма часто только и заставляющие преклонить туговатые уши критиков. А между тем Н. Ляшко чуть ли не единственный из группы «Кузница» экспрессионист, упорный работник над словом и, во всяком случае, наиболее смелый и свежий беллетрист, ищущий своих путей, овладевающий, вне проторенных тропок эпигонства, мастерством тяжелой индустрии слова. Отмечаемая книга утверждает нас в уже высказанном ранее мнении о Н. Ляшко. Из девяти рассказов «Радуги» нет ни одного, в котором бы не было заметно следов внимательного и четкого отношения автора к обрабатываемому им материалу. Очень удачна обрамляющая концовка первого рассказа «Радуга»; интересен словесный метафорический перенос понятий в «Лосе». Оправдано заглавие «Марева»—тягучим, густым повествовательным течением рассказа. Но что характернее всего для книги—это урбанизирование описаний

природы во всех этих «деревенских» рассказах, в которых чувствуется резкое отрицание ее автором, как незыблемой традиции. Начнет ли описывать Н. Ляшко лунный свет—он у него «косым скатом серебра лег над ущельем» и—«луна уволокла скат за макушки». Зарю ли заметит,—заря у него:

...«из-за стволов узором раскаленного железа мелькнула заря»... «И опять задрожал красный железный узор. Проалел на ветках снег, вспыхнул из-за крон березняка, осинника и щедро засыпал вынырнувшую луговину искрами».

А вот его описание степной грозы, которое напоминает грохот завода:

...«А туча еще на горизонте—лишь одно крыло выпростала. Руками бы пролить мириады брызг, а в нее, в ленивую, из мортир да в дребезги».

...«Тра-та-та-та-а, в тысячи труб стонет степь. Нож вылетает из другого конца тучи. Рев труб переходит в хрип и ломается, придавленный грохотом. Ножи чаще полосуют дали и близи, пыль и балки... Пыль никнет, и высь снижается. В ней—смятение, хаос, топоты, грохот и рев. Катятся глыбы на глыбы: Рррра-ррра-ррр-а-а-а».

Как уже упомянуто, все рассказы—о деревне. И здесь, как и в «Железной Тишине», Н. Ляшко проявляет острую наблюдательность, уменье запомнить характерное, найти резко-отточенный эпитет. Что касается самой композиции рассказов, она еще заставляет ожидать от автора долгой и упорной работы. В большинстве случаев это—формальное построение, основанное на личном небольшом опыте автора. Тем не менее, «Лось»—усложненная тема, с которой автор справился удачно. Но пока Н. Ляшко, очевидно, сознательно избегает сложности, разрабатывая свой словарь и пробуя сценку синтаксических приемов. Мы предостерегли бы автора от трафарета лаконизации, в который иногда он срывается в погоне за максимумом экономии фразы. Иногда это—протокол, как, напр., на стр. 112, «Бабка заплакала, Леска закричал»; иногда дурная аллегория (стр. 15): «вода... вкруг камней хохотала, у берегов смеялась». Но эти промашки очень редки у Н. Ляшко, и «Радуга» нам кажется очень показательной и интересной для опыта новой беллетристики книгой.

Н. Асеев.

А. С. ГРИН. Алые паруса. Повесть. К-во Л. Д. Френкеля. М.—Птр. Стр. 142. Тир. 5000. Моск. цена 40 к. зол.

Александр Грин—один из самых интересных наших прозаиков. Наша проза, и довоенная и теперешняя, тонет в быте, в пустой этнографии, в игре на нервах читателя элементами, по существу дела не имеющими прямого касательства к искусству. Быт—царство «местного колорита», на фоне такового у идеального бытовика должна бы развиваться трагедия живого (единственное содержание всякого искусства). Но всякое средство мечтает занять генеральский пост—и сделаться целью. Вот тогда-то «местный колорит» затопляет автора, трагедия (содержание) окрашивается этим колоритом, самая окраска эта является причиной порождения трагедии. Тогда вся острота уходит на скучное и назойливое фотографирование тех мелочей, какими характеризуется местный колорит. Все сооружение превращается в симптоматику существующего. Привычки и навыки человека вообще не могут равняться человеку, ибо трагедия возникает в человеке, а не в той груде тряпья, которой его окружает необходимость. Сперва имеется автор тряпья, а затем уже и оно само. Быт перевертывает это,—его тряпье стимулирует человека, трагедия выжата в закоулок,—все сооружение принимает вид жестокой по своей грубости экзотики,—читателю - «интеллигенту» демонстрируется захолустная дичь, мир прокисшего тряпья, мир невылазного свинства, и вся патетика в том, что вот-де: сие то же человеческое... Радуешься, когда встречаешь книгу, когда видишь автора, о котором всего этого сказать нельзя. Грин заметен был еще давно, при первых своих выступлениях задолго до войны. Он тогда удивлял еще—необыкновенно красиво, грациозно и изящно-развитым языком, простотой разговорного приема, чистой типичностью чу-

жой речи, полным отсутствием фальши, тонкостью и глубиной содержания—и очень хорошо придуманными формами сюжета. Грин не пишет о живой России, живой Америке, его герои—герои планет, они всюду и нигде, он авантюрен, его герои сражаются, дерутся, убивают, они живут сразу по Понсон дю-Террайлю, Эдгару Поэ, Хаггарду, Гофману. Тут же до чрезвычайной резкости обостренная чувствительность,—двойное существование, обособленная чуткость,—кошмарный утонченник Поэ стал флибустьером и отправился завоевывать мир.

Грин долго не печатался. Его не было видно за время гражданской войны. Вот перед нами его новая повесть. Видно, как автора перемолола революция,—как писатель уходит в душевное подполье, как исчезает красивость, мелкая рябь изящества, как она подменяется глубоким тоном к миру, как описание уходит от эффектов и трюков,—к единственному трюку, забытому нашими трюкодеями, трючных дел мастерами,—к искусству. Эта повесть—большой связный рассказ, почти сказка, почти фантазия, но она ласкает вас своей неприкрашенной добротой, существенностью, той толерантностью к описываемому, которая не заключает в себе никакого предательства. Идиллизм автора всюду и во всем. Его описания другой раз образцовы, его замечания и образы—так и просятся в пример. Грин пользуется тем упрощенным стилем, который привычен старому английскому роману (до Ричардсона, пожалуй, докатится эта традиция), пробирая его чуть-чуть и кое-где совершенно несвойственному этому стилю украшениями. Он доходит до простоты детского автора, это странно: бедность приема особенно обнажает содержание. Красоту этого орнамента трудно передать, вот один пример сложного и глубокого сравнения: «Глухой шум вечернего города достигал слуха из глубины залива; иногда с ветром по чуткой воде влетала береговая фраза, сказанная как бы на палубе; ясно прозвучав, она гасла в скрипе снастей; на баке вспыхнула спичка, осветив пальцы, круглые глаза и усы. Грей свистнул: огонь трубки двинулся и поплыл к нему...» обратите внимание, как переходит здесь образ речи в образ огня, и как повторяется последний.

Это еще не совершенство, книга Грина, не окончательное мастерство, экспрессионистическая жажда искусства еще дает себя знать: роман этот не столько роман вообще, сколько роман автора с его книгой,—но это живое, в этом есть истинное,—хочется верить, что Грин на этом не остановится.

Сергей Бобров.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ. Посмертные стихи. С портретом и двумя факсимиле. Под. ред. Валентина Кривича. К-во «Картонный Домик». Спб. 1923. Стр. 170. Тир. 2 тыс.

Эта книжка не может быть безынтересной для любителей поэзии, так как все сделанное таким своеобразным и крупным талантом, как Анненский, заслуживает внимания. Но приходится считаться и с тем, что сам автор при жизни выбрал из небогатого своего запаса ряд стихов для своей единственной книжки «Кипарисовый Ларец» (переиздано теперь к-вом «Картонный Домик» под ред. В. Кривича, который составлял и первое ее издание—к-ва «Гриф»—по плану автора уже после кончины его). Автору, конечно, лучше, чем кому-либо другому, известны и достоинства и недостатки его поэзии: и Анненский выбрал для своей книги самые лучшие свои вещи,—и книжка эта, разумеется, в истории русской поэзии останется. В. Кривич теперь знакомит нас с тем, что осталось в рукописях, после вычета из них «Кипарисового Ларца», и надо не без огорчения отметить, что ничего особенно ценного там не нашлось. Это то ли просто малоудавшиеся вещи, то ли—хуже того—довольно-таки неаппетитные упражнения в стиле 90-х годов, в роде Апухтина. Но Анненский—все же Анненский, и кое-что трогает и волнует. Другой раз заденет необычный речевой оборот, та сила, с которой Анненский умел придать интимному выражению какой-то особый объективный характер, ввести его в стих,—так себе, как-то шутя, походя, да там его и закрепить так, что ни стиха

от выраженья, ни выраженья от стиха больше не отделишь. Вот к примеру:

Все дольше тает твой туман,
Где все белей и выше гребни,
Но далей красочный обман
Не будет, он уж был волшебней...

Четверостишие неважное и пустоватое, но вглядитесь в последнюю строку, с этим обманом, который «был уже волшебней». Другой раз его импрессионистическая зарисовка неявной мелочи, легкой расплывчатой досады, так ни на что,—в саду—вообще—прямо дивит своей фотографичностью:

И от листьев точно сеть
На песке толкутся тени...
Все, но только не глядеть
В том, упавший на колени.
Чу... над самой головой
Из листвы вспорхнула птица:
Миг ушел—еще живой,
Но ему уж не светиться.

Стихи неровны, неотделаны, конечно, но третья, четвертая и последняя строки очень хороши. Другой раз просто очарует счастливый оборот:

Да и зачем? Цветы так зыбки,
Так нежны в холоде плиты...

И характерные для Анненского мрачные наблюдения ночных одиночеств:

Прыгнет тень и в травы ляжет...
...Но если ты слышал, забудь,
Скрипенье надломленных сосен...
... Цикада жадная часов,
Зачем твой бег меня торопит?..

Даже в заурядных иной раз местах Анненский интересен,—он не был чистым ведь символистом, он лучше и умнее других сумел прочесть и впитать предшественников,—Фета, Тютчева. И хоть иной раз он и не без Ратгауза, а все-таки в его устах и такое вот становится как-то значительным:

Что надо, безумная сказка,
От этого сердца тебе?

или вот такая реприза фетовских пейзажей:

Ни зноя, ни гама, ни плеска,
Но роща свежа и темна.
От жидкого майского блеска
Все утро таится она...

Маленькое стихотворение «Лира часов» (маятник) не до конца хорошо, но начало его преинтересно:

Часы не свершили урока,
А маятник точно уснул,
Тогда распахнул я широко
Футляр их,—и лиру качнул.
И грубо лишенная мира,
Которого столько ждала,
Опять по тюрьме своей лира,
Дрожа и шатаясь, пошла...

Последние две строки—прямо маленький клад: какой прекрасный и возвышенный образ поэта сделан из стенных часов!

Шуточные стихи «Песни с декорацией» лучше других. «Колыбельная»—на общеизвестную тему об усыпителе-коте. Кое-что очень приятно:

Выйду, стану в ворота,
Встрену серого кота...
... Кот латушку облизал,
Облизавши, отказал...
... Я кота за те слова
Коромыслом оплела;
Коромыслом по губы:
— Не порочь моей избы.
— Молока было не пить,
— Чем так подло поступить... и т. д.

Поэмы в прозе не показались нам интересными. Переводы хороши и чисты. Маленький отдел посланий в конце малоинтересен, кроме разве одного стихотворения «Кэк-уок на цымбалах», если бы кэк-уок не рисовался таким уж очень руссофицированными чертами.

В книжке мало стихов, про которые можно было бы сказать, что вот-де хорошие стихи, но, как мы показывали выше, очень много таких отдельных строк, которые немало дают читателю, и без которых наше представление об Анненском было бы, может-быть, неполным.

Сергей Бобров.

СОФИЯ ПАРНОК. Розы Пиерии. Стихи. К-во «Творчество». 1922 г. Стр. 30.

Красивые, холодноватые антологические стихи. Любителям чистой поэзии, гурманам, понравятся.

Некоторым стихам веришь: действительно, это антологии, ясные, четкие, уравновешенные, напоминающие рисунки на греческих вазах (см. четыре стихотворения цикла «Мудрая Венера», напр.).

Недурны стихи, посвященные Сафо: «Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою», «Сны», «Сафо» и др.

Другой вопрос, какое значение имеет подобная поэзия сейчас. Нарождающейся рабочей интеллигенции читать эти милые безделушки не стоит, но если их читает кто-нибудь,—пусть читает, писатель пописывает, читатель почитывает—формула, наиболее применимая к литературе этого рода.

Д. Баркова.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ. Тринадцать трубок. Кн-во «Геликон». Москва—Берлин. 1923 г. Стр. 257.

В сборнике тринадцать рассказов, каждый рассказ—история какой-нибудь трубки, случайно попавшей к автору. Так объясняется несколько интригующее заглавие книги, в которой трубки должны оправдывать, воистину, большое разнообразие и весьма любопытные курьезы. Темы рассказов действительно разнообразны—тиранния или уродливость любви, парижский рабочий коммунар, скабрезный анекдот, библейская мудрость—все в равной степени оказалось достойным внимания, по существу одинаковым и равноценным. На все с равным интересом взирает любопытствующий взор искушенного автора — для него английский лорд, заставший свою жену с конюхом, не менее занимателен, чем прифронтовый кровавый эпизод или невероятные приключения учителя истории Волячко. Это, так сказать, настроение, из которого выросла книга. Все очень занятно, иногда мило, иногда страшновато, но прежде всего курьезно или забавно. В Германии в доме лесничего статуя святого Губерта курит трубку, вставленную ему в рот военнопленным, «пензенским бобылем Фаддеем Ходошлеповым»—разве это не забавно? В Курске поставили памятник Спартаку—«с памятника сдернули покрывало — перед всеми предстал юный герой, окаймленный патриархальной бородой, в шлеме, украшенном красной звездой, с пенковой трубкой в зубах»—разве это не забавно? Молодой бегемот страдает несварением желудка, проглотив «электрический клистир»—и это должно быть забавно, или, как говорят, здесь нужно смеяться.

Перед нами очень странный рассказчик. Происходящее для него в равной степени занимательно в особенности, если об этом стоит написать рассказ, да еще с веселым концом. А если к этому можно прибавить, что один из приятелей «обладал прелестной женой с золотыми кудрями и многими иными достоинствами», то и совсем будет хорошо. Верх шика, разумеется, повествование о связи дочери с отцом. При этом автора нельзя упрекнуть в каком-либо пристрастии—каждому рассказу смело можно противопоставить другой.

Вот анекдоты из советского житья-бытья в стиле последней части «Хулио Хуренито». Вы думаете, это о революции? Ничуть не бывало. Откройте третий рассказ, и вы прочтете наитрогательнейшую историю парижского коммунара и его четырехлетнего сына, убитого буржуазной актрисой. Такова книга. Умелая и ловкая техника, выработанная на хороших образцах, легкий и плавный стиль. Воистину, здесь все легко и объяснимо.

К. Локс.

ВЕРЕТЕНО. Лит.-худ. альманах. Книга первая. К-во Отто Кирхнер. Берлин. 1922 г. Стр. 247.

А из Берлина все еще таким «стилерюсом» потягивает такая «культурная» патока ползет, что глаза приходится из страниц выдирать как из сонной одури.

Конечно, —

«уже не та канонада!»

Но безусловно же—«Веретено». Как же иначе-то? Господи! Вот еще «Лучина» хорошее название. А почему бы не «квас»? В самом деле. «Веретено» жужжит, квас шипит, лучина трещит—следовательно,

все выполняют функции звонко-патриотического названия. Но остановимся на «Веретенном» жужжаньи. О чем оно. Да все о том же: «Чаша святой Девы», «Христов крестник», «Государь», «Поиски ключа», Бунин Ив., Ремизов Ал., Немирович-Данченко Вл., Маковский, Горный, Росимов, Дроздов и, как новоявленный младенчик, удалой добрый молодец Иван Лукаш, которого даже «Веретенная» компания печатает с извинением. С этой повести мы и начнем. Называется она «Государь», начинается как будто с лирики: «Березы сгибаются».

А и как им не сгибаться, березам тем, коли хочется добра-молодца Ивана Лукаша через спину вытянуть! Да еще ли со всею редакцией веретенною!

Впрочем, это мы впали уже в древнерусский стиль. Но каким же еще можно рецензировать писания Лукашей. Ведь не серьезно же передавать этот монархический хрип какого-то великокняжеского лакея? Нет. Пускай себе сгибаются березы над Иваном Лукашем, пускай в Берлине ими любуются «бывшие» патриоты всех марок—нам нудно пересказывать это гугнявое бормотанье. Глеб Алексеев с «Чашей св. Девы»—тот же Лукаш только с запахом ладана и кипариса. Лучше других А. Дроздов, давший не плохо сделанную повесть «Ковалев, Королев и Аркадий Петрович» из эпохи гражданской войны. Советский интеллигент бежит к белым, полагая встретить радушный прием. В пограничной деревне его ловят красноармейцы, запирают в ригу вместе с крестьянином, пойманным и подозреваемом в шпионстве. Пришедшие белые, осмотрев его «советские» бумаги, отправляют его обратно под замок вместе с раньше сторожившим его красноармейцем. Обоим грозит расстрел. Но, выпущенный белыми, крестьянин потихоньку освобождает их. Рассказ смастерен не без юмора и наблюдательности, хотя примиренческие сентенции в конце ослабляют в общем достаточную его крепость. Записки С. Горного «На родине»—явно под влиянием горьковского «Детства». Ив. Бунин представлен случайным отрывком; обычно пошло-скучен Немирович-Данченко и сух как тараканьи мощи А. Ремизов. Как попал в столь «знаменитую» компанию Б. Пильняк — для нас загадка. Неужели из тщеславия? И от Лукаша не стошнило? Впрочем, как будто бы было какое-то письмо в редакцию с отказом. Ошибочка вышла. Ну, в другой раз поосторожнее.

Хорошо очень пишет из Петербурга в «Веретено» Э. Голлербах. Сразу видно европейское обращение. Вот как он, например, пишет об атмосфере:

«Здесь иная атмосфера (в Петербурге). Здесь не стойло Пегаса», здесь Геликонские конюшни; долетающие из «стойла Пегаса» ароматы заставляют нас содрогаться».

Удивительно чувствительный человек. Уж и в «стойле Пегаса» три года только проститутки приют находят, а г-н Голлербах все это стойло с Гуконскими, то бишь, с Геликонскими конюшнями путает. И нос белым платочком деликатно зажимает. А еще он несколько, впрочем, нечетко, утверждает, что:

«Среди современных поэтесс очень мало поэтов».

Ну, а как же сам г-н Голлербах? Ведь он же постоянно «среди»? Или им, этим поэтессам, и г-на Голлербаха «очень мало»? Затем он заявляет, что:

«единственный поэт современности, заслуживающий названия *национального* (?), это Блок».

И, наконец, похваливает, по плечу похлопывает пролетарских поэтов,—предупредительно вставляя фамилию завед. Петр. отд. Гиза т. Ионова. Бедный т. Ионов! Какой бы он ни был поэт, но под голлербаховское копыто попасть—все же не заслужил!

Вот и все, что есть в «Веретене». Фу! Как гора с плеч. А все-таки посоветовал бы редакции назвать следующий альманах—«чисто-русским квасом».

Н. Асеев.

СЛАВЯНЕ И ВОСТОК. Сборник под редакцией В. Е. Болановича-Зубова и А. Е. Котомкина. № 1. Прага. 1921 г. Стр. 125.

Где бы ни закисали «сливки» белой эмиграции—в Берлине ли, во Владивостоке (во времена колчаковщины), в Праге—везде отвораживанье их идет по одному шаблонному пути: славяно-

фильство—восточничество—скифство. В данном случае дело идет даже не о «сливках», а скорее об «опивках» интеллектуального отстоя, пытающихся в Праге «поддержать и развить среди широких (?) слоев славянского мира интерес к Востоку». Средства поддержания «интереса»—несложны. Это, конечно, определение большевизма как «отвратительной отрыжки Запада в стране Востока», это—творчество А. Котомкина, сходящего у чехов, очевидно, по непониманию ими русского языка, за настоящего писателя, в сотрудничестве с В. Зубовым, поднимающим интерес к Востоку посильной макулатурой, в 6 картинах с бесконечным количеством действующих лиц. В большинстве случаев лица эти характеризуются, то как—«Хая-лея, 24 лет, маленькая, худая еврейка, стриженая, в пенснэ, с револьвером, видный член партии коммунистов» и т. д., то как—«Белоусов, матрос, хриплый голос, свирепый вид, с револьвером на шнурке, сифилитик, агент Чека, присланный в Ташкент центральной властью. Его обязанности—избивать арестованных, насиловать и заражать женщин».

Это, очевидно, входит в цикл объявленных в сборнике семинариев по «изучению семитской, индо-персидской» и др. культур.

К этому же приплетены для вящшей солидности имена Хомякова, Толстого, Р. Тагора. Псевдо-научность, псевдокультура, псевдо-искусство оставляют брезгливое впечатление вязкой, липкой разлагающейся массы, после соприкосновения с которой хочется поскорее вымыть руки. Слизистая, студенистая протоплазма эта, дрожавшая в 1921 году в Праге мутным отблеском эмигрантских чаяний и надежд, наверное, теперь уже разложилась окончательно и говорить о ней более подробно не стоит даже из-за временного интереса к процессу гнилостного распада «скифских» устремлений.

Н. Асеев.

Н. ТАСИН. Катастрофа. Фантастический роман. Русское универсальное издательство. Берлин. 1922 г. Стр. 293.

Роман принадлежит к тому виду, который может быть назван научным романом. Столь блестяще разработанный Г. Уэльсом, этот жанр пользуется заслуженной любовью самых широких читательских кругов, удачно комбинируя элементы самой подлинной действительности, вплоть до научных выкладок, с элементами искусства и всеми приемами изобразительности. Самое его очарование и состоит в том, что материал науки и повседневной жизни, им используемый, превращается в одно из могущественнейших средств изобразительности. Протокол, цифра, радиотелеграмма, газетная вырезка, реклама, магазинная витрина и электромотор, социологическая доктрина и рев пропеллера, стачка металлистов и сражение в межпланетных пространствах,—вот стихия так называемого научного романа.

Что может быть в одно и то же время и современней и сказочней? Одинаково как для сказочника, так и для автора научного романа не существует пространства и времени, с той лишь разницей, что первый преодолевает их с помощью доморощенного ковра-самолета народных преданий и собственных домыслов, а в распоряжении второго имеются все технические достижения последнего времени, вплоть до таких,—которые еще не изобретены, но или будут или могли бы быть изобретенными. Фантастические линии научного романа, чуждаясь прошедшего, все устремлены к будущему (точному и определенному в таком-то году, такого-то числа). Их рисунок ослепляет своей реальностью, так как он вероятен, будучи построен из продолжения тех линий, которые берут свое начало в современной читателю культуре. Научный роман ценен, как мощный возбудитель чувства непрерывности культуры, развертывающейся на основе точных физических и социологических законов. Кроме того, он отвечает и другой тенденции современности: все растущему значению инженерии и техники в жизни и искусстве,—тенденции, которой предстоит еще самое

широкое развитие. Вот чем дорог научный роман.

Но для того, чтобы написать такого рода вещь, очевидно, нужно любить технику и науку (об обществе и о природе одинаково) любовью художника, а в пользовании средствами искусства проявлять изобретательность и точность техника и инженера.

Этим условиям в разной мере, но удовлетворяли все мастера научного романа, от Ж. Верна до Г. Уэльса. Но Н. Тасин, к прискорбию, не удовлетворяет им ни в какой мере. Это печальное обстоятельство обнаруживается с первых же страниц его «Катастрофы». Автору пришла в голову крайне неудачная мысль взять темой своего романа нападение марсиан на землю, что прекрасно разработано Уэльсом в одном из удачнейших его произведений «Борьба миров». От этого сопоставления работа Тасина решительно идет прахом. Оно губит и то небольшое положительное впечатление, которое могла бы произвести его книжка, благодаря умению автора использовать протокольную точность изложения, разнообразить рассказ документом. Вот как развертывается действие вначале: 1) заседание Французской Академии Наук, с отчетом секретаря о первых нападениях «зоотавров» — марсиан; 2) толки обывателей, собранные автором-протоколистом; 3) рассказ газетного репортера о нападении зоотавра на дом, где он жил; 4) наконец, падение мертвого зоотавра и отчет специальной комиссии, его изучавшей. Только в результате всех этих данных, сообщенных с удачной постепенностью, читателю дается полное представление об этих таинственных существах. Есть у автора и способность к изображению грандиозного, столь необходимая при развертывании подобного рода повествования: отдельные эпизоды нападения зоотавров, парение этих гигантов в вечернем воздухе, описание паники, воцаряющейся среди парижан при появлении зоотавров,—все это в некоторых наиболее удачных местах достигает известной силы. Следует также отметить довольно оригинальный замысел—не давать на всем протяжении романа никаких признаков личной фабулы в виде драмы того или иного индивидуума, всюду рисуя лишь массу и ее переживания. В этом отношении автор идет дальше своих учителей—Уэльса, Дж. Лондона («Железная Пята»), Келлермана («Тунель»),—неизменно вплетающих в хаос общих переживаний тонкую нить личной трагедии.

И все же роман Тасина вышел неудачным.

Прежде всего, использование самой темы, как композиционного элемента, крайне неудовлетворительно: зоотавры, столь удачно введенные, в дальнейшем остаются пустым местом. Несмотря на повторяющиеся на все лады напоминания, что это—существа, стоящие в культурном отношении выше человека, мы нигде не находим подтверждения этому. Вся их роль в романе сводится к тупому разрушению зданий и истреблению всего живого на земле. При этом, они действуют исключительно предоставленными им природой средствами: огромными крыльями-лапами, с серповидными когтями, тяжестью своего невероятных размеров тела, баллонами сжатого воздуха, которые представлены автором, как их природные органы, помещающиеся непосредственно в их теле, наконец, глазами, устроенными опять-таки от природы наподобие прожекторов, излучающих одновременно свет и электрический ток разрушительной силы. Читатель остается в полном неведении относительно цели их нападения, относительно уровня их умственных способностей, их взаимоотношений и т. п., так как автор не нашел нужным ни установить ту или иную связь между людьми и зоотаврами, ни другим каким-либо способом ввести читателя в мир марсиан. На всем протяжении романа, они остаются страшной, но чисто стихийной силой, в виде огромного пресса, давящего сверху на мир человека. Мы, напр., даже не знаем, сносятся ли они между собой, имеют ли представление об орудиях,—а ведь только при помощи этого штриха можно представить их либо зверьми, либо разумными существами. Автор же представляет их физически мощными и отсюда делает вывод об их высокой культуре. Это—крупный промах, и научно и художественно невразумительный, бросаю-

щийся в глаза тем резче, чем яснее стоит перед нами научно продуманное и художественно убедительное изображение марсиан у Уэльса.

Очевидно, марсиане не интересуют автора сами по себе, он только бросает их в виде тяжелого камня в человеческий муравейник, чтобы посмотреть, как это отразится на муравьях. Прием благодарный и весьма распространенный в памфлетно-комедийной литературе: вспомним Свифта, гоголевского «Ревизора» и т. д. Если крикнуть в переполненном публикой театре: «Пожар!»—и посмотреть, что из этого выйдет, то, конечно, можно сделать много любопытных психологических наблюдений.

Но для того, чтобы подобная концепция не расплылась в ничего не говорящее пятно, необходимо, чтобы автор был достаточно оборудован по части наук общественных, или просто представлял бы себе строение человеческого общества и характер соотношения его частей. Только в этом случае ему удастся научно и художественно-убедительно нарисовать линию поведения этих частей в момент катастрофы и в процессе борьбы с опасностью. Полагаем, что пережитые человеческим обществом на глазах у автора *катастрофы* мировой войны, двух русских, одной венгерской и одной германской революций (перечисляем только главнейшие *катастрофы* текущего десятилетия!) могли бы научить нашего автора этой простой истине. Увы!—он пребывает по части знакомства с жизнью общественной в полнейшей невинности, при виде которой праотцы в раю покраснели бы от зависти.

Вот краткая схема общественных отношений в Европейских Соединенных Штатах в 1980 годах по Тасину: 1) толпа, масса, обыватели—бестолковы, строптивы, не понимают собственной пользы, совершенно неспособны ничего предвидеть; если хоть на минуту перестать о них заботиться, они все погибнут; 2) кучка капиталистов—все средства в ее руках, но в виду полнейшего ее бессилия и злостного эгоизма, в нужный момент эти средства у нее отбираются в распоряжение правительства без всякого сопротивления, если не считать делегации к президенту с мотивированным протестом. Делегацию выставили, и инцидент тем самым был исчерпан; 3) анархисты—люди искренние, но ограниченные; подуськиваемые капиталистами, в трудный момент устраивают революцию, цели которой остаются неясны, как им самим, так и автору, а следовательно, и читателю; 4) наконец, правительство, состоящее из добродетельных друзей человечества, сплошь инженеров. Правительство это, вопреки марксистским бредням, не опирается ни на какой класс, во-первых, потому что никаких классов вообще не существует, а во-вторых, потому что оно ни в какой опоре, кроме своего интеллигентного, теплого отношения к человеку и человечеству, не нуждается, так как это деловое правительство, занимающееся исключительно делом, т.-е. строющее мосты, подземелья от зоотавров и т. п., и ни в коем случае не занимающееся политикой. Это хорошее, умное правительство, в противоположность некоторым другим—нехорошим, неумным, неделовым правительствам, которые только и делают, что занимаются политикой и норовят опереться на класс, не думая о человечестве.

Роман с фальшивыми действующими лицами не может выйти правдивым и содержательным. Первая часть исчерпывается все растущим перепугом толпы. От зоотавров все ломятся в подземелье, вырытое под Парижем. Когда надоедает сидеть в подземельи (толпа тоскует по небу и облачкам—какой прелестный социальный мотивчик и как он буколически любовно выведен автором) все ломятся обратно. Это составляет содержание второй части. Правительство сдерживает натиск. Ему влетает от жаждущей неба и облачков толпы. Но является новый инженер, изобретает магнитное поле, от которого зоотавры гибнут. В этот торжественный момент умирает и инженер, специально для того, чтобы автор мог закончить мощным аккордом: спасителю человечества от зоотавров во всех столицах ставят памятники. Подробное описание этих памятников по очереди составляет стильное заключение этого безвкусного романа.

Не имея материала, автор без конца длит описания: нападение зоотавров повторяется не менее десяти раз, рас-

стрел грабителей—без всякой надобности—два раза, без конца тянутся пересуды обывателей о зооотаврах и описания паники при их появлении; далее—бесконечные торжественные речи по случаю всякого нового изобретения, иллюминация и фейерверк—все это без всякого отношения к действию, по той причине, что и действия нет.

Подобными излишествами полон весь роман, он из них состоит. Нечего и говорить, что требовать от подобного произведения продуманного и динамического рисунка будущего, которое является прямой задачей научного романа, не приходится. Весь Париж превращен нашим «Уэльсом» в какой-то сплошной город Глупов, а грядущее человечества—в подглуповатое *ура* человеческому гению. Мало радости принесут такого рода «научные романы» как взрослой, так и отроческой аудитории.

Д. Горбов.

А. Ф. НАСИМОВИЧ. «Конь-Огонь». Сказки. С рис. А. Баранского. «Новая Москва». 1922 г. Стр. 107.

Издательство Моск. Сов. Раб., Кр. и Красноар. Деп. выпустило целый ряд хороших и полезных книг. Среди них есть и хорошие детские книги, как, напр., повести Фитч-Перкинс, д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика». Книжка А. Ф. Насимовича уже много хуже. Прежде всего странно, что ни автор, ни издательство не пометили, чьи эти сказки, с какого языка переведены. На обложке—«Конь-Огонь» с соответствующей полусказочной фигурой коня. По внешности книжка очень подходит для рождественского подарка. В тексте некоторые рисунки также очень недурны и написаны тщательно,—другие же, преимущественно под конец, грубы и порою похожи на иллюстрации дешевых юмористических журналов.

Это соответствует и тексту. Сказки, как «Леммекюне», «Конь-Огонь», одухотворены идеей; сказка «Старый Тулль» очень поэтично рисует морскую стихию и народные поверия. Между тем сказка «Плут Фигель-Мигель» груба и могла бы без ущерба быть опущенной. Сказка «Десять мудрецов и один дурак» безделка, но довольно груба также. Грубовата и «Бабушка Подлизенья», хотя и ищет она «зерна правдушного».

Но в общем сказки детьми в возрасте первой ступени школы могут быть прочтены с пользой и удовольствием, особенно первые три из упомянутых, к которым и иллюстрации лучше. Если идея их не вполне и не всем детям будет доступна, то это не беда.

Но совершенно непонятно, почему «Новая Москва» выпустила эти книжки с таким секретом: какому они народу принадлежат и с какого языка переведены? Северное море, сосны, имена, как «Леммекюне», заставляют предполагать, что одному из прибалтийских—но какому именно? Под иностранными словами имеются сноски: «Юмалага»—Прощай.—«Тэрэ»—Здравствуй.—Но на каком языке? Всю книгу перевернули мы, не найдя секрета, как вдруг на стр. 40 проговорился-таки переводчик: «Эстонское Тууль» по-русски «ветер».

Так нечаянно и узнали мы, что сказки переведены с эстонского. Но на будущий раз это должно быть пояснено. Сборник должен быть издан с указанием, что это сказки эстонского народа, с примечаниями, с пояснениями, где это надо,—чтобы дети знали, с чьими сказками они знакомятся,—и некоторые неудачные сказки должны быть заменены лучшими.

А. Елизарова.

ЭРНСТ СЕТОН-ТОМПСОН. Джек, король Таллакский. Гос. Издат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 288. Рассказы. Перев. с англ. Ад. Острогорской.

Книжка озаглавлена первым рассказом. Но в ней еще два рассказа: «Жизнь серого медведя» и «Крег, Гендер-Пикский герой». Оглавления в книжке нет, ни в начале, ни в конце ее, так что, начиная читать, полагаешь, что имеется лишь один рассказ. И потом уже обнаруживаешь, по мере чтения, другие. Это неудобно.

Рассказы написаны со свойственным Сетон-Томпсону мастерством. Они захватывают. Самым ярким, пожалуй, является первый из них: «Джек, король Таллакский». Перед нами проходит жизнь мощного индивидуума, который вну-

шает уважение своей силой, присутствием духа и сообразительностью, привязанность которого в детстве к воспитавшему его человеку трогает, а трагический конец—заточение в клетке, заставляет сильно переживать его ощущения. Рассказ будет прочтен с интересом и с пользой нашими подростками. Немножко черезчур героем встает перед нами огромный медведь, его ощущения и проявления черезчур близки к человеческим; но некоторая доля идеализации всегда не вредна в рассказах для юношества, а большую вдумчивость и интерес к жизни животных такой подход, несомненно, вызовет. Менее удачны страницы, вызывающие сильные ощущения, — описание состязания между медведем и разъяренным быком, в день национального американского праздника, и пари, которые держали на то, кто одолеет,—медведь или бык. Это—грубый спорт, который медведь догадался рано прервать, изловчившись убежать с арены в горы, в леса. Кроме того, язык местами черезчур фигурен.

Следующие два рассказа: о сером медведе и о диком баране уже гораздо бледнее первого, но с интересом и с пользою прочтутся детьми. Книжка вообще принадлежит к удачным изданиям Госиздата. Перевод хорош. Рисунки тоже хороши.

Д. Елизарова.

А. АННЕНСКАЯ. Фритиоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к северн. полюсу. Изд. «Новая Москва». 1922 г. Стр. 275.

Книжка Анненской—ценный вклад в детскую библиотеку. Переработка дневника Нансена в общем ей удалась. Подростки получат представление о быте, способствовавшем созданию такого характера как Нансен, с интересом проследят и его биографию и этапы его путешествий. Язык простой, классически ясный и точный, без специфического привкуса популяризационных приемов детской литературы. Пожалуй, книга слишком подробна в деталях. Подростки любят более сконцентрированное действие. Тому, кто не знаком с путешествием по северным странам, многие подробности слишком чужды. Вмешательство взрослого в чтение облегчит, конечно, работу усвоения. Без этого вмешательства длинные страницы описаний, пожалуй что, и будут пропущены молодыми чтецами.

Бодростью, энергией, свежестью порывов веет от книжки. Толчок к самовоспитанию во всяком случае она даст. «В здоровом теле—здоровый дух»—как нельзя лучше применимо к Нансену и его товарищам.

Е. Херсонская.

ИСКУССТВА.

1. Р. РОЛЛАН. Музыканты наших дней. *Л. Сабанеев.* — 2. И. И. ЛАПШИН. Художественное творчество. *Л. Сабанеев.*—3. И. ГЛЕБОВ. Русская поэзия в русской музыке. *И. Эйгес.*—4. КОКЛЕН-СТАРШИЙ. Искусство актера. *Н. Лебедев.*—5. Б. ГРИФЦОВ. Искусство Греции. *Н. Щербанов.* — 6. Н. АНЦЫФЕРОВ. Душа Петербурга. *В. Брюсов.* — 7. П. ЭТТИНГЕР. Станислав Ноаковский. *А. Сидоров.* — 8. Ф. РЕРБЕРГ. Палитра современного художника. *С. Милеев.*—9. „Среди Коллекционеров". Журнал №№ 1—12 за 1922 г. *В. Адарюков.*

РОМЕН РОЛЛАН. Музыканты наших дней. Перев. с фр. Ю. Римской-Корсаковой, под ред. А. Римского-Корсакова. «Мысль». СПБ. 1923. Стр. 193.

В Р. Роллане подкупает блеск и грация его литературного изложения, мастерски переданные в переводе. Это качество заставляет читать его книжку с неослабным интересом и забывать в процессе чтения немаловажные дефекты содержания.

Р. Роллан—не музыкант. Он любитель и «ценитель» музыки. И притом он до крайности *француз* со всеми специфическими их чертами, особенно в от-

ношении к музыке. Эти черты—некоторое самомнение, связанное с наивностью, глубокий *рационализм* подхода к музыке, которым он гордится, как достоинством, и местный патриотизм, органическое непонимание духа иной музыки, не французской. Блестящая статья о Берлиозе все же вряд ли убедит теперь многих в том, что Берлиоз был гениальным мелодистом (!) и что его мелодии даже в каких-то отношениях лучше германских Вагнеровских и других. Гораздо более соглашаешься с автором, когда он рядом метких штрихов рисует психологическую физиономию странного и великого композитора, «великого музыканта без музыкального дарования»— и фазисы его глубоко трагической жизни. Статья о Вагнере проникнута вся любовью и страхом перед могучим волшебником звуков, из чар которых Ром. Роллан тщетно хочет вырваться; он готов проклинать байрейтского Клингзора, но, видимо, неожиданно для себя склоняется перед его таинственной властью. Это, пожалуй, самая *сильная* статья в сборнике. Характеристика Сен-Санса в следующей статье сделана умело и тонко. Это—представитель той самой мудрой умеренности во всем (непосредственности ли?), которая так пленяет француза. Р. Роллан произносит тут целый панегирик «здравому смыслу» Сен-Санса и вообще здравому смыслу в искусстве,—но хочется его спросить, а куда же денет он тогда Вагнера или того же Берлиоза. Прекрасные статьи о Венсане Д'Энди и о Дебюсси могут служить хорошим образцом местного, «внутренне-французского» взгляда на это искусство--взгляда в общем, однако, очень чуждого нашему музыкальному сознанию (нашей, т.-е. германо-русской культуре). Когда же Роллан говорит о современных германских художниках звука (Штраус, Малер, Вольф), то в его тоне уже нет уверенности. Нет, пожалуй, и любви настоящей. Его похвалы военно-героическим эпопеям Штрауса и титаническим декорациям Малера—звучат холодно и не убежденно. Да и что может быть общего между утонченным вкусом французского эстета, не признающим ничего лишнего, кроме здравого смысла в искусстве, и этим творчеством, в котором, пожалуй, все «лишнее». Метко схвачен «ложный титанизм» Малера («слабая дума венского музыканта, которая силится быть по-вагнеровски грандиозной»), жаль только, что автор не заметил его же в... Берлиозе. И еще что подмечено остро и иронично—это перепроизводство музыки в современной Германии и развитие рекламизма. Но не есть ли это проявления любимого им «здравого смысла»? В искусстве все обоюдоостро...

Книга хорошо переведена и прилично издана. В нашу литературу это ценный вклад, стоящий многих «оригинальных» словесных наводнений на музыкальные темы.

Л. Сабанеев.

И. И. ЛАПШИН. Художественное творчество. 340 стр. Изд. «Мысль». СПБ. 1923.

Некоторые статьи из этой книжки были ранее опубликованы и изданы («Заветные думы Скрябина», «Муз. лирика Н. А. Римского-Корсакова», «Филос. мотивы в творчестве Н. А. Римского-Корсакова», «О музык. творчестве»). о чем, впрочем, автор скромно умалчивает. И. И. Лапшин вообще в этой работе, как и в предыдущих, являет собой тип «светского философа», продуцирующего наукообразные фельетоны, в которых quasi-философский психологизм смешивается причудливо с покушением на систематические исследования и с салонной «causerie». Благодаря этому непринужденно-светскому тону своего письма, нередко бывает чрезвычайно трудно уловить центр мысли Лапшина, и в особенности—его научную позицию, так что в результате приходишь к печальному выводу, что этой позиции вовсе не существует. И. Лапшин—в большей степени склонен к цитированию чужих мыслей, чем к изложению собственных и вследствие необычайного наплыва этих цитат—из представления совершенно уплывают немногие ориентировочные ниточки «собственных» выводов. Сплошь и рядом автор не стесняется высказывать общие места и разные «аксиомы», вызывающие своим появлением полное недоумение. К числу наибо-

лее комичных актов такого рода надо отнести всю выноску на стр. 18, где автор, не обинуясь «доказывает» феноменальную память у поэтов и композиторов тем, что... Вебер сочинял сцену в Волчьей долине не у самого водопада Герольдзау..., но позднее—по воспоминаниям... Точно так же «Тамара» Балакирева была сочинена после того, как ее творец видел Дарьяльское ущелье. В общем, главная статья сборника «О перевоплощаемости в худ. творчестве» оставляет смутное, сумбурное впечатление. Другая статья «Пушкин и русские композиторы» с наивнейшим эпиграфом... А. Лядова (ему, как дилетанту в поэзии—это простительно) такого содержания: «Пушкин — изумительное явление на земном шаре, и когда-нибудь к этому выводу придут все» (!)—сама изобилует наивностями. На стр. 168 автор утверждает, что Пушкин *получил мировое значение чрез посредство русской... оперы* (!), именно «Бориса» и «Моцарта и Сальери». Помимо этой выходки во всей статье чрезвычайно мало говорится о связи Пушкина с русской музыкой, кроме общих мест, применимых далеко не к одному Пушкину и тонущих в раздражающей салонной болтовне, массе анекдотов и безоглядном цитировании чего попало—и столь же бледно-расплывчатых «общих» выводов, сводящихся к тому, что Пушкин—замечательный талант (как ново!?). В статье «М. П. Мусоргский» менее всего, пожалуй, говорится о Мусоргском, а говорится о всем, о чем угодно, вплоть до «характеристики тональностей» и до причисления Рих. Вагнера к «пейзажистам» (sic). Но в этой статье все же есть и действительно любопытные сопоставления, и опыты выводов, хотя и изложенные сбивчиво и проникнутые очень сомнительного качества эстетическими предпосылками (стр. 243, теория о «слабых эмоциях», к коим будто бы способен художник и другие отрыжки старой теории об «иммунизирующем» свойстве искусства). Общее впечатление от книги—сумбурное, особенно увеличивающееся от значительного ее объема и сравнительной разношерстности вошедших в нее статей.

Л. Сабанеев.

ИГОРЬ ГЛЕБОВ. Русская поэзия в русской музыке. Петербург. Госиздат. 1921 г. Муз. отд. Н.К.П. Стр. 143.

Книжка представляет собой перечень произведений русской поэзии (включая сюда переводы с иностранного и художественную прозу), так или иначе использованных композиторами, — другими словами, составляющих текст как вокальных пьес: романсов, опер, хоров и пр., так и мелодекламации, эпиграфов к музыкальным пьесам, а также театральных пьес, к которым написаны увертюры, антракты и пр. Поэты взяты, начиная с Ив. Дмитриева и кончая Маяковским. Названия их произведений расположены по авторам в алфавитном порядке. Указаны год рождения и смерти автора; часто обозначен и год, когда написано произведение. Композиторы взяты с Глинки до наших дней. Вслед за заглавием литературного произведения перечисляются все музыкальные произведения различных композиторов, связанные каким-либо образом с данным текстом. При композициях обозначены его opus и №. Тут же отмечены нередкие случаи произведенных композиторами сокращений текста и—что важнее — изменений его или даже искажений, вплоть до произвольных вставок. Кажется, только в одном случае пропущено подобное указание. Именно, слова романса Рахманинова «На смерть чижика» есть не только видоизменение, но, повидимому, и вовсе не принадлежат Жуковскому, как их помечают, и только написаны на тот же сюжет, что стихотворение Жуковского «Чижик» (1819): размеры обоих стихотворений совершенно различны, в них нет ни одного общего стиха, ни даже выражения. Затем, в перечне стихотворений Майкова пропущено его стихотворение «Из Гейне», взятое эпиграфом к симфонической картине Вас. Калинникова «Кедр и Пальма». Еще, при перечислении романсов на слова Плещеева—Гейне: «И у меня был край родной» не указан романс на эти слова К. Эйгеса («Сон»). Некоторые другие, бросающиеся в глаза пропуски, притом иногда весьма значительных музыкальных произведений, читатель найдет в приложении в конце книжки доба-

вочном списке. Однако, неполнота общего перечня обусловлена не подобными случайностями, а тем, что составитель и не ставил себе чисто библиографической задачи. О том, какие, именно, цели преследовались им, говорит пространное введение, предпосланное книге составителем. Несмотря на заявление о более, чем скромной цели своей работы, с которого начинает И. Глебов свое введение, эта цель оказывается как-будто весьма серьезной. Именно, задуман справочник, который был бы вместе с тем, так сказать, наглядным руководством к изучению вопроса об отражении русской поэзии в музыке. Своевременность такой работы подсказывается, как говорит автор введения, потребностями нашей новой школьной жизни с ее планами художественного и, в частности, музыкального воспитания. Педагогические задания и побудили составителя не включать в список произведений посредственных и дилетантских. Таким образом, составителем сделан отбор лучших, по его мнению, или, по крайней мере, характерных для известной эпохи произведений. Однако, в сущности, составителя книжки интересовала вовсе не педагогическая сторона дела, а общекультурная, именно, собирание материала, содержащего сочетание двух искусств: музыки и поэзии. Это видно уже из того, что на ряду с музыкой на доступные детям стихотворения (известны сборники детских песен Чайковского, Кюи, Гречанинова, Черепнина и музыка Ребикова к 37 басням Крылова), многое из перечня, по своему содержанию совершенно не применимо в жизни школы. С целью указать на новые течения в русской музыке в ее отношении к поэзии, составителем включено в перечень много рукописных произведений современных композиторов. Но, конечно, этот материал случаен, так как составителю могла быть известною лишь небольшая часть рукописных сочинений. Автор введения дает и свою оценку того, удачно или неудачно представлен у нас в музыке тот или иной автор. Эти характеристики, совмещающие в себе иной раз и общую оценку творчества определенных композиторов и поэтов, интересны и подчас эффектны. Но допущены и преувеличения. Напр., конечно, никак нельзя сказать о Тютчеве при наличии романсов на его слова Рахманинова и Метнера, что «все преломления его поэзии в музыкальных зеркалах несовершенны и вялы в сравнении с силой и мощью проницательно жгучей тютчевской мысли». А главное—вопрос о взаимоотношении музыки и поэтического текста настолько сложен, что без определенного, строго продуманного решения его все суждения окажутся слишком легковесными, хотя бы и весьма красноречивыми, как в данном случае. Так, напр., что, в конце-концов, означают утверждения, что такие-то поэты «отражены довольно точно» в музыке? Разве композитор, создавая романс, всецело занят одной заботой передать музыкальными средствами содержание текста и, следовательно, является в качестве переводчика? Ведь, сам автор введения говорит о различии в музыке воспроизведения от воплощения, как поверхностного, внешнего подражания от глубокого претворения. Но очевидно, что воплощение есть в таком случае свободное творчество в новом, совершенно ином материале и о точности передачи не может быть и речи, как и в случаях переводов, воплощающих поэтический текст с одного языка на другой (Жуковский-Шиллер, Лермонтов - Байрон, Соллогуб-Верлен). Дело же может итти только об адэкватности или неадэкватности в смысле бо́льших или меньших художественных достоинств музыки и поэзии, вступивших в соединение, так как музыку следует во всех случаях оценивать по ее собственно музыкальному достоинству, а не по соответствию заглавию или тексту. И если, как отмечено во введении, на «банальные стихотворные суждения Ратгауза... написаны... замечательные романсы Чайковского», то проявленную здесь неточность передачи можно только приветствовать, так как она в интересах музыки. В том, что Брюсов, по словам И. Глебова, отражен в музыке «нарочито безвкусно», этому, быть-может, причиной как раз точность передачи поэзии Брюсова. Довольно сложная характеристика своеобразия романсов С. Танеева на стихотворения Полонского заканчивается за-

ключением, которое вопреки намерению автора введения должно быть понято в самом широком смысле. Именно «спор о том, какие элементы важнее в романсе и полноправнее (!): музыкальные или поэтические... является бесплодным» не только в отношении означенных романсов Танеева, но и вообще в отношении каждого подлинно-художественного романса. Равным образом, и «вопроса о способах достижения равновесия действующих сил, строящих вокальное произведение, ... не возникает» не только в отношении Танеева, но и других авторов художественных романсов. И. Глебов говорит: «Выводы и теорию взаимодействия поэзии и музыки оставляю в стороне». Но тогда лучше бы ограничиться чисто деловыми сообщениями, а не высказывать суждений, обоснование которых «оставляется в стороне». Кроме того, автор все время употребляет термин взаимодействия, тогда как весь собранный им материал относится только к воздействию поэзии на музыку. Материала обратного воздействия музыки на поэзию, т.-е., когда музыка служит как бы эпиграфом к поэтическому произведению, написанному под непосредственным музыкальным впечатлением, в книжке не имеется,—да он и не велик. Сюда, напр., можно отнести стихотворения Фета: «Anruf an die Geliebte Бетховена» «Шопену»; Полонского: «Музыка (Чайковскому)», «Вальс: Луч Надежды»; Вяч. Иванова: «Missa solemnis Бетховена» и отчасти большой ряд стихотворений, вдохновленных безымянными исполнителями (напр., «Певице» и мн. друг. Фета, «Скрипка» Бальмонта).

Другого рода взаимодействие музыки и поэзии существует только в применении к отдельному произведению, когда в художественном переживании музыка и текст как бы взаимно проникают друг друга и отождествляются друг с другом, как во сне: музыка говорит о содержании текста, а текст всей совокупностью своих слов и образов звучит музыкой. Вопрос о взаимодействии такого рода между музыкой и поэзией возникает уже на почве эстетики или философии музыки.

Иосиф Эйгес.

КОКЛЕН-СТАРШИЙ. Искусство актера. Перевод с французского. Под ред. А. Г. Мовшенсона. Издательство «Мысль». Петроград. 1923 г. Стр. 64.

Большой актерский талант, блестящий техник и культурный человек Бенуа-Констан Коклен-Старший (прозванный так в отличие от своего младшего брата—тоже актера) оставил после себя в числе прочего литературного наследства две небольших, но ценных книги—«Искусство и актер» и «Искусство актера». Три слишком десятка лет, протекших со времени их появления, не уничтожили ни интереса, ни значения книг.

«Искусство актера»—это талантливо набросанные мысли Коклена о том, чем должен быть актер,—актер того романтико-реалистического театра, крупнейшим представителем коего был сам автор.

Правда, в области принципиальной мысли Коклена не представляют ничего сугубо оригинального. Все это можно найти еще у Дидро («Парадокс об актере»). Но в области практических указаний, необходимых каждому активному работнику сцены, книга представляет определенную ценность и до сих пор может считаться классической.

«Актер должен быть двойствен,—говорит Коклен:—в нем одно Я—творящее; другое—которое служит ему материалом». И, исходя из этого основного положения, он выводит десятки четко формулированных правил актерского искусства, подтверждаемых многочисленными примерами из его богатейшей практики. Здесь и вопросы жеста и голоса, и формулы ситуации, и связь между «архитектурой» актера и его амплуа, и отношение к тексту роли, и прекрасные характеристики основного классического репертуара (Шекспир, Корнель, Мольер, Бомарше, Галеви и др.).

Кое-что из этих правил современным театром не без основания оспаривается (напр., вопрос о незыблемости авторского текста). Кое-что Кокленом недооценено (роль режиссера, ныне превалирующая над актером и даже над автором). Но, несмотря на эти минусы (минусы—с точки зрения современной практики,

а не объективно), с кокленовским «Искусством актера» должен быть знаком каждый работающий на театре...

Перевод сделан грамотно.

Издана книга скромненько.

Николай Лебедев.

Б. ГРИФЦОВ. Искусство Греции. Государственное Издательство. Москва—Петроград. 1923 г. 8°. Стр. 208. 10 иллюстраций.

Литература по античному искусству на русском языке, особенно оригинальная, все еще слишком бедна, чтобы можно было умолчать о только-что вышедшей книге Грифцова, тем более, что каждое сочинение по античному миру всякий раз знаменует нечто весьма утешительное, свидетельствуя о неумолкшем еще чувстве понимания этой могучей воспитательницы многих сторон и русской культуры.

Книга заключает в себе 12 глав, из коих первая, в форме диалога между «любителем древности» и его совопросником «юношей», склонном скорее к разным «футуристическим экспериментам», служит как бы программой, где мы находим отправные пункты эстетического мировоззрения автора на искусство Греции: дух последнего «вовсе еще не распознан» (стр. 17), автор многозначительно обещает юноше представить искусство Эллады таким и так, что юноша получит свободные, непосредственные впечатления. Какие же произведения выдвигает автор? Об этом речь у него во второй главе, которая является кратким пересказом успехов науки об еллинской скульптуре; автор выставляет требование достоверности зрительных впечатлений от греческих подлинников, ибо «книжность, музейность, слепки, словесные споры, реконструкции, реставрации» и т. п. «убили почти совершенно живое восприятие античности». Обрисовав в главе 3-ей «Дух греческого искусства», который проявляет себя в «музыкальности греческого искусства вообще» (стр. 57), автор переходит к «Архаике» (глава 4-ая, стр. 67—75), где, разбирая некоторые памятники, замечает, что архаические скульптуры интересны, как робкие шаги от опыта к большей свободе. Следующую, 5-ую, главу автор отводит «Аполлонам», которые нас волнуют ожиданием будущего совершенства. Особняком рассматриваются в главе 6-ой «Акропольские девушки»—выявление стиля, скорее лирического. Отдельную главу автор посвящает «Искусству рельефа». Следующая, 8-ая, глава, наиболее обширная, отведена автором «Парфенону»; при некоторой суровости, свойственной архитектурному замыслу Парфенона, «все различные части его скульптуры оказываются различными мелодиями в одном». Столь тесно связанный с Парфеноном Фидий разбирается автором в главе 9-ой; автор приходит к выводу, что Фидий был гений, полный энергии, могущий разрешать труднейшие задачи. Глава 10-ая переносит нас уже в IV век, рисуя творчество Праксителя и Скопаза, выразивших тип искусства: первый—«созерцательного и ясного, другой — подвижного и страдательного». Коснувшись в главе 11-ой «Упадка скульптуры», сказавшегося в приближении к внешнему реализму, автор заканчивает свою книгу главой «Памятные образы»; в ней перечисляет изваяния, в коих открываются нам нормы античности.

Не легко теперь, после передачи содержания книги Б. А. Грифцова, обратиться к ее оценке, ибо двоякое чувство рождается по прочтении томика. С одной стороны, автор привлекает симпатии своей горячей любовью к античности вообще. В то же время невольно пробуждается досадное недоумение от общего тона всей книги. Прежде всего самое заглавие «Искусство Греции», столь пленительное и зовущее, оказывается, в итоге, далеко не соответствующим содержанию томика, в коем автор беседует исключительно лишь об еллинской пластике, словно у еллинов все искусство ограничивалось только ваянием, не подозревая, что есть зодчество, живопись, художественная промышленность. При этом автор, сосредоточив свой кругозор исключительно на подлинниках скульптуры, оставил в стороне, как не представленные в оригина-

лах, имена Мирона, Поликлита, Лисиппа, и из подлинников привлек далеко не все (слишком ощутительно опущение, напр., фигалийского фриза). Задорный тон автора, обрушившегося почти на всю до него написанную литературу по классической археологии, печально сказался в том, что автор, в пылу обличения, забыл, что многое, им проповедуемое за новизну, имеет за собою почтенную, более столетия, давность. Так, упрекая ученых специалистов в узости эстетического мировоззрения, в предпочтении копий и литературных источников подлинникам, автор в своем увлечении унесся, думается, во вторую половину XVIII ст., эпоху Винкельмана. Но как только подлинные скульптуры Парфенона предстали взору ученых и художников, зазвучали не менее, чем у автора, горячие утверждения значения оригиналов. Мы можем назвать имена скульптора А. Кановы, английского живописца Гайдона, археолога Катрмер де Кэнси. Но, к сожалению, подлинники еллинской пластики — редкое исключение. Если бы в нашем распоряжении находились только одни случайно уцелевшие оригиналы, картина еллинской скульптуры вряд ли получилась более стройной и живой, чем составленная по копиям и литературным данным. Вот в чем таится неизбежность постоянно прибегать к копиям и источникам литературы: первые мы всегда в общем ценим не ради их самих (хотя многим копиям никто не откажет в высокой самодовлеющей художественности), а прозревая в них и через них первообразы, а в письменных документах, говоря словами Тэна, «мы различаем гул и навеянный говор многоголовой толпы, великий, беспредельный и многозвучный голос народа, который пел в унисон с ними (художниками)». Никто не возразит автору, что подлинник выше копии, это—азбучная истина; но из этого не следует выводить полную ненужность музеев отнюдь не копий, а точных научных повторений гипсовых слепков, о которых, как, напр., о Московском Музее Изящных Искусств, автор дает на редкость злобный и поверхностный отзыв. В краткой рецензии не место вступать в принципиальные прения о смысле и задачах музеев слепков, имеющихся, кстати сказать, в городах, оригиналами богатых (Рим, Париж, Берлин и пр.). По поводу парадокса Б. Грифцова о Гермесе Праксителя, укажем, что он представлен в Московском Музее: I) в реставрованном слепке, при чем реставрация выполнена с возможной для современной науки классической археологии добросовестной осторожностью, являясь, следовательно, не «подражанием»; 2) слепком Гермеса, каким он сохранился; 3) слепком головы статуи. Одно из двух: или Б. Грифцов не видел двух последних слепков или перестарался: в таком случае истинность его нападка оставляем на его спокойной совести.

Говоря чуть ли не про каждого ученого историка античного искусства почти что эпитетами, взятыми у А. К. Толстого, «Ах, какой он пошляк! Ах, как он не развит! Современности вовсе не видно!», автор, отметаясь от вскормившего его дерева, впал в неменьшие «ереси». Таково, напр., его учение об «упадке»: ведь в сущности и эпоха упадка еллинской пластики была стилем; крайне сбивчиво употребляются термины «условный», «ложно-классический»,—неужели Б. Грифцов еще держится рутинного взгляда и не согласен, что каждый стиль сам в себе и для себя искренен? Слащаво звучат места о «наивности» еллинских художников архаики,—едва ли творцы «Аполлонов» чужды были художественной опытности и творческой мудрости, создав такие загадочные статуи, кои, между прочим, Б. Грифцов находит «лишенными всякой позы»; существуют ли вообще «беспозья» статуи? В «ересь» погружается автор, отвергая у еллинской пластики ее национальный характер. Далее, какие изваяния дали автору право провозглашать, что «образ рабочего в его обделенности есть уже результат умственного процесса» нового времени и что античный мастер обходился без этого образа темной нищеты? Автор, повидимому, не желает принимать, что еллинское искусство знало образы трудящейся бедноты очень рано, не говоря уже о рисунках на вазах, вспомним, напр., хоть старого «Рыбака» в Ватикане,—жуткий

лик поздне-античной нищеты (оригинал статуи восходит к концу III ст. до Р. Хр.). Обойдя молчанием фигалийский фриз, автор естественно не постеснялся написать, что передача аффекта, страсти не входила до III ст. в задачу художника: как раз именно на фигалийском фризе развертывается целая гамма душевных эмоций. Отмежевание себя от беспристрастных указаний точной науки привело автора к ряду фактических ошибок. Напр., статую сидящей «Димитры Косидской», больше натуры, автор почему-то называет «небольшой» (стр. 170); количество голов, найденных в Тегее, автор исчисляет в три (стр. 178), тогда как их откопано четыре; всадники на парфенонском фризе, по автору (стр. 152), все изображены в профиль, что не отвечает действительности, ибо на фризе мы видим у всадников и иные повороты головы. Странно, что, анализируя фриз Мавсолея, автор уверяет, что рельефы украшали «чью-то гробницу» (стр. 184), когда все «европейцы» (стр. 154) знают, что гробница воздвигнута карийскому династу Мавсолу и что рельефы фриза выполнены не «ремесленником, мало видевшим и, с нашей точки зрения, мало ученым» (стр. 184); смеем возразить Б. Грифцову, что творцами рельефов были художники, и много видевшие, и знающие,—Скопад, Леохар, Бриаксид, Тимофей (по одному свидетельству, также Пракситель). Далее, Персей обезглавливает, говоря точнее (стр. 96), не Горгону, а Горгону-Медузу; не прав автор (стр. 111), что античные надгробия имеются будто бы в одном Афинском национальном музее: они представлены во многих музеях; напрасно автор говорит, что боги на восточном фризе Парфенона обращены спиной к панафенейской процессии (стр. 150): боги величаво взирают на развертывающееся и приближающееся ко храму шествие и во всяком случае не сидят к ней задом.

Укажем в заключение на явный недосмотр на стр. 180, где мы читаем про сказочный «Галикарнасский музей»,— в виду имеется, полагаем, «Галикарнасский Мавсолей». Приложенные в конце книги «Примечания» (стр. 203—205) и «Археологические даты» (стр. 206) носят очень личный отпечаток. В общем оценка книги должна указать, что не все главы ее равноценны, весьма слаба глава IX («Фидий»), определенно не удавшаяся автору; недурно составленная глава X («Парфенон») навеяна книгой проф. Б. В. Фармаковского «Художественный идеал демократических Афин».

Многие прочтут томик Б. Грифцова, но с пользой ли,—вопрос: археологам и искусствоведам книга нового ничего, кроме ошибок и туманности, не предлагает. Книга—не «Искусство Греции», а лишь ряд случайных, хотя бы порою остроумных размышлений и домыслов о греческой пластике.

Н. Щербаков.

Н. АНЦЫФЕРОВ. Душа Петербурга. Гравюры на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой. Изд-во „Брокгауз-Ефрон". 1922 г. Стр. 230.

Заглавие книги и предисловие к ней, услужливо написанное проф. Ив. Гревсом, вводят в заблуждение. Заглавие позволяет думать, что в книге Петербург охвачен всесторонне. Предисловие ставит книгу в один ряд с такими изданиями, как серии: «Les villes d'art célèbres», «Berühmte Kunststädter», «Italia artistica», «Medieval Town» и др. Проф. Гревс уверяет, что «в предлежащей книге ставится задача, воплощающая идею изучения города, как познание его души, его лика, восстановление его образа, как собирательной личности,—«Seelengeschichte, la psychologie d'une ville». (Кстати, обратим внимание на язык профессора: «задача, воплощающая идею»... «изучение города, как познание его образа, как личности...» и т. под.) Далее предисловие наполнено похвалами: похвалы автору книги, похвалы издателю книги, похвалы иллюстратору книги. Вот как хвалит проф. Ив. Гревс: «Душа Петербурга угадана Н. П. Анцыферовым удивительно верно, изображена с убедительной точностью, в прекрасно понятом единстве таинственного лика Северной Пальмиры на фоне грандиозной истории города трагического империализма». «Выполнен замысел, сам по себе важный и новый, с удивительной чуткостью, богатою полнотою, боль-

шою содержательностью»... «От книги веет особым оригинально-индивидуализованным ароматом»... «Большое благо, что А. П. Остроумова-Лебедева»... «Следует быть благодарным изд-ву Брокгауз-Ефрон»...

Не думаем, чтобы уместно было обращать предисловие в рекламу,—но дело не в том. Важнее то, что в книге нет ничего из восхваленного предисловием: ни «замысла, важного и нового», ни «таинственного лика», ни «фона истории», ни «полноты и содержательности», короче—нет «души Петербурга». В отсутствии кое-чего автор книги, может-быть, и не виноват. Так, «таинственный лик», вероятно, выискать трудно, не только в Петербурге, но и в ином месте. Зато «фон истории» представляется весьма необходимым для познания «души», «лика», «образа» и всего остального, как Петербурга, так и любого города. Между тем автор отделывается несколькими страницами (около 10 на общее число свыше 200), где разбросаны случайные упоминания о некоторых исторических событиях, без порядка, без системы, без дат и точных указаний. (Насколько отличаются, в этом отношении книги серии «Les villes d'art célèbres!») Также можно было бы ожидать и «полноты», т.-е. изображения, хотя бы описания, Петербурга с разных точек зрения, как центра культурной жизни, центра торгового, его театров, его музеев, его роли в революции и т. д. Но все это не входило в «задачу, воплощающую идею».

Что же есть в книге? Почти исключительно цитаты из писателей, преимущественно из поэтов, говоривших о Петербурге. Правильнее, книгу нужно было назвать «Петербург в русской поэзии». Но и такая задача выполнена далеко не безукоризненно. Во-первых, нет полноты и в подборе цитат,—упущены из виду А. Хомяков, К. Павлова, К. Фофанов, Н. Минский, из прозаиков—И. Ясинский (роман «Петербургские туманы»), П. Боборыкин и мн. др., далеко не исчерпан даже Пушкин. Во-вторых, цитаты объединены слабо, автор просто переходит от одного писателя к другому. Попытки поговорить о «процессе, протекающем в связи с развитием капитализма» ни к чему не ведут, потому что тут же приходится опровергать самого себя. («Однако, было бы несправедливо утверждать». и т. д., стр. 113. Особой «чуткости» у автора книги мы тоже не усмотрели, как не видим и ничего особого «нового» в его замысле—собрать литературные характеристики данного явления. Впрочем, это уже область субъективной оценки. Во всяком случае, думаем, что было бы правильнее просто составить сборник стихов о Петербурге и отрывков о нем из наших прозаиков, предпослав всему предисловие Н. Анцыферова. Такое издание никого не ввело бы в заблуждение, а недостатки его (напр., неполнота) выступили бы тогда столь явно, что сам составитель поспешил бы их исправить.

Книга издана старательно. Гравюры А. Остроумовой-Лебедевой, исполненные в ее давно знакомой манере, сами по себе хороши, воспроизведены просто, но хорошо. Но самая надобность такой книги очень сомнительна. Автор говорит о «пассеистах, до эстетического чувства которых красота доходит только из прекрасного далека прошлого» (стр. 159). Сдается нам, что и сам автор, и те читатели, к которым обращена книга, из числа таких «пассеистов». В предисловии говорится: «В эпохи кризисов великих культур особенно остро пробуждается сознание содержащихся в них духовных ценностей, особенно ярко поднимается... желание и жажда хранить их и защищать». Именно желанием, может-быть, неосознанным, *защищать* культурные ценности прошлого (от кого?) и продиктована книга.

Валерий Брюсов.

ЭТТИНГЕР, П. Станислав Ноаковский. Опыт характеристики. Изд-во «Светлана». М. 1922. 8°. Стр. 24+4 нен. 11 иллюстраций.

Никоим образом не первоклассный, но весьма даровитый и симпатичный художник нашел себе в рецензируемой книжке вполне адэкватное и удачное

освещение. Книжка, конечно, есть только статья, но имеет всяческие права на существование и привет; художник, которому она посвящена, мастер столь характерный и деятель нашей художественной культуры, заметный настолько, что отказать ему в праве на небольшую хотя бы монографию нельзя. Текст в ней составлен весьма тактично; автор, занимающий одно из самых видных мест среди немногочисленных наших знатоков искусства, самым счастливым образом избежал и панегирического тона, близкого художнику друга, и гиперкритического анализа, основанного на позициях, изначала бывших чуждыми скромнейшему мастеру. С. В. Ноаковский — рисовальщик архитектурных памятников России и Запада; выработавший себе в этом чудесную беглую импрессионистическую манеру рисунка, которую приходится характеризовать как вполне живописную,—как раз здесь и хотелось бы видеть очерк более подробным; автор его весьма скуп на эстетические оценки и сравнения, но именно здесь было бы бесконечно интересно положить рядом с листом Ноаковского архитектурный эскиз Е. Е. Лансере или М. В. Добужинского, указать на то, что преимущество свежести пятна и замысла всегда были бы на стороне С. В. Ноаковского, даже рядом с блестящей эрудицией Александра Бенуа. Автор не характеризует своего мастера, таким образом, в той его части, где он наиболее интересен и профессионально и теоретически; это весьма жаль, тем более, что никто помимо П. Д. Эттингера не был бы более уместно призванным к постановке и разрешению вопроса о месте С. В. Ноаковского в семье современных русских и даже западных рисовальщиков. Мы понимаем, что вопросы более общие, например, о самом смысле архитектурного рисования, или об эволюции рисунка, содержанием своим имеющего памятник зодчества,—эволюции хотя бы в одной России и в XIX веке—слишком бы увели в сторону.—Ограничимся и здесь одним только указанием, что С. В. Ноаковский нам представляется мастером всячески интересным и в самом широком распространении его темы. Думается, что все обаяние его рисунков, столь скудно развлеченных редкими человеческими фигурками, столь чуждых «жизни», заключается в том всегда явственном стремлении учесть и показать «художественную идею», мысль, архитектоническое или декоративное задание данного памятника, которое такую убедительность придавало и подсобным лекционным наброскам С. В. Ноаковского. Об этой последней стороне деятельности мастера П. Д. Эттингер говорит в конце своей книжки, и говорит снова с тою же безукоризненною тактичностью, которая отличает весь тон книжки и за которую приходится быть ему особенно благодарным. Нам предвидится в будущем серия монографий не только о художниках, но и о лекторах и писателях «по искусству»: непочатая и благодарнейшая тема.

Издана книжка безукоризненно. Это вообще одно из лучших московских изданий за последнее время. Цветные клише в тексте и на таблицах убеждают в том, что С. В. Ноаковский, если бы захотел, был бы отменным украшателем книги.—Отметим и «полиграфическое» новшество, к которому еще глаз наш привыкать не хочет. Заглавные буквы трех разных величин на одной же странице.

Отметим, между прочим, в противовес утверждению автора, что первое издание рисунков С. В. Ноаковского вышло еще в Москве до отъезда художника, в 1918 году.

Проф. А. А. Сидоров.

РЕРБЕРГ, Ф. Палитра современного художника. Государственное Издательство. 1921 г. 10 тыс. экз. in 8°. Стр. 108. Обложка работы И. Рерберга.

Казалось бы странным, что возрождающийся интерес к живописному мастерству и технике живописи, наблюдаемый в новейших устремлениях русского искусства и проводимый в жизнь в художественных мастерских в смысле восстановления утерянных традиций живописного мастерства, столь мало отразился в специальной русской литера-

туре по вопросам искусства за последние годы. Единственной книгой последних лет, посвященной вопросам живописной техники, является названная работа Ф. Рерберга, до сих пор не дождавшаяся разбора ни в одном из журналов, что также свидетельствует, если не об отсутствии интереса, то во всяком случае об отсутствии специалистов в области техники живописи, могущих углубить и развить этот бесконечно важный для всякого художника вопрос. Странным кажется это тем более, что к нему наблюдается несомненный интерес, чисто формальным элементам живописи уделяется весьма важное значение представителями новейших течений в русском искусстве, бывших до сих пор руководителями художественной жизни, если не всей России, то, по крайней мере, столиц. Последнее обстоятельство давало бы нам право ожидать издания более научного по характеру и более полного по объему и содержанию труда, нежели эта работа крайне недостаточная и совершенно не отвечающая условиям нашего времени. Потребность же в сколько-нибудь серьезном труде по вопросам живописной техники с особенной очевидностью сказывается хотя бы при посещении Московского Музея Живописной Культуры, где мы видим, что картины, насчитывающие всего несколько лет существования, уже почти что на пороге полного разрушения. Это обстоятельство как нельзя более ясно показывает, как далеки еще наши «левые мастера» от овладения тем чисто ремесленным живописным мастерством, о котором столько говорилось последнее время. Сравнивая богатство новейшей немецкой литературы по искусству книгами, посвященными вопросам живописной техники, невольно приходится пожелать перевода на русский язык известного труда A. Eibner'a; в нашей литературе, за исключением общеизвестного труда Ф. Петрушевского, почти нет сколько-нибудь ценных оригинальных работ; имеющиеся же переводные работы, как, напр., Вибера и Оствальда, также недостаточны; к тому же в большинстве случаев все они сделались почти что библиографическими редкостями. Что же касается более старых работ Маркова и Агеева, то они почти совершенно забыты, частью затеряны на страницах старых русских журналов по искусству, несмотря на то, что не потеряли интереса и для нашего времени.

Работа Ф. Рерберга, собственно, не является новым его трудом, а только несколько расширенным и дополненным изданием книги «Краски и другие художественные современные материалы», изданной в 1905 году Московским Товариществом художников. Небольшая по объему книга Ф. Рерберга в своем новом издании содержит также, главным образом, результаты исследований самого автора, дополненные в некоторых случаях наблюдениями и опытами других; в первой главе дается общий обзор материалов для живописи; вторая глава посвящена разбору отдельных красок; третья содержит списки прочных и непрочных красок. Четвертая глава содержит сведения о современной фабрикации красок, пятая посвящена связывающим веществам и различным приемам живописи и материалам, на которых выполняется живопись. Наиболее ценной и оригинальной частью книги является описание красок, их свойств, прочности и характерных свойств и особенностей, в какой области автором проделаны долголетние опыты, особенно над прочностью красок. Нельзя не отметить, что невольное чувство досады вызывает и эта наиболее ценная часть книги: автор сообщает свои исследования над красками почти исключительно иностранных фирм, чем исключается, в виду полной невозможности достать заграничные краски, какая-либо практическая ценность этой части книги для настоящего времени. Невольно напрашивается мысль, что автор гораздо ближе бы подошел к нуждам момента, если бы указал простейшие способы исследования доброкачественности красочных пигментов, пригодность в зависимости от их характера для того или иного связывающего вещества, способы простейших исследований качеств масел, выяснения фальсификаций и примесей, делающих их непригодными для живописи. Также целесообразнее бы-

ло бы указать способы приготовления возможно простыми средствами красок на различных связывающих составах, нежели говорить о различных патентованных красках иностранных фабрик. Если автор находит—вполне справедливо—и в них много слабых сторон, то, что приходится говорить о современных русских фабрикатах, к которым вынужден обращаться художник, не имеющий возможности ни необходимых сведений для того, чтобы приготовить себе самому сколько-нибудь сносные материалы?

Что касается главы о скале нормальных красок, то она недостаточно сжато и выпукло формулирована, не лишнее при этом вспомнить, что у нас есть ценная брошюра Киплика, посвященная специально этому вопросу, изданная к Всеросс. съезду художников в 1922 г. Что касается остальной части работы Ф. Рерберга, то она носит слишком поверхностный, популярный характер, что делает ее пригодной только для учащихся, содействуя более сознательному отношению к материалу. Общий тон работы, вытекающий отсюда, ставит работу Ф. Рерберга в ряд многочисленных, большей частью переводных руководств, предназначающихся для начинающих любителей и, на наш взгляд, имеющих весьма малое значение для серьезной работы над вопросами живописной техники.

С. Милеев.

СРЕДИ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ. №№ 1, 2, 3, 4, 5—6, 7—8 и 10, 11—12. Стр. 79+85 68+77+97+103+72+68. 1500 экземпляров. Москва. 1922.

Среди журналов последнего времени, посвященных искусству, первое место по продолжительности выхода журнала занимает «Среди Коллекционеров», так как этот журнал издается беспрерывно второй год. Но не только продолжительность издания выдвигает его на первое место. Художественная внешность, отличная бумага, разнообразие шрифтов, недурные репродукции, а главное—интересное и разнообразное содержание бесспорно дают этому журналу по праву исключительное положение среди современных журналов.

Отвечая своему названию, журнал прежде всего дает богатейший материал для коллекционеров: картин, рисунков, гравюр, фарфора, книг, книжных знаков и т. д. Помимо этого, огромный интерес представляют статьи общего характера по искусству, музейному строительству и коллекционерству, а также статьи и заметки, посвященные отдельным русским и иностранным художникам. Журнал дает полную картину художественной жизни России, отмечая почти протокольно хронику жизни: «Общества друзей книги», «Общества любителей старины», «Общества любителей книжных знаков», «Письма из Петрограда» и т. д. и сообщая о всех художественных новостях за границей, с отделом Rossica.

Некрологи бывших деятелей на поприщах искусства и коллекционерства также имеют место в журнале. Наконец, в библиографическом отделе даются отзывы о всех новых изданиях по искусству. Так интересно и разнообразно содержание журнала, значительно расширившего свою скромную первоначальную программу 1921 года.

В настоящем году журнал не только прогрессировал по отношению к содержанию по сравнению с прошлым годом, но и по внешности своей изменился к лучшему, начиная с формата. Скромные, но изящные обложки в №№ 1—3 работы И. Ф. Рерберга, в №№ 4, 5—6, 7—8 Н. Н. Купреянова и в №№ 9 и 10—В. Титова. Графические украшения В. М. Конашевича.

Из статей по общим вопросам искусства прежде всего надлежит указать на статью В. Воронова—«Русское народное искусство и его собиратели». Автор совершенно справедливо указывает, что до настоящего времени очень мало у нас было обращено внимания как коллекционерами, так и музеями на русское народное бытовое искусство; это крестьянское художественное творчество почти не попадало в круг собирания. «До настоящего времени,—говорит автор,—историческая наука лишь в самой слабой степени воспользовалась

материальными памятниками и далеко не извлекла из них все то, что они могут сказать. Письменные документы все еще играют преобладающую роль в области исторических построений и теорий; памятники быта еще не поставлены в ряд неотразимых, живых, сущих, «безобманных» свидетелей, на которых, часто ярче и яснее чем на бумаге, запечатлены влияния, традиции, даты; они—еще не исторические источники. Архив превалирует над музеем. Но нет сомнения в том, что ближайшее собирание и последующее пристальное и глубокое изучение бытового искусства изменит и выправит этот однобокий взгляд».

Бесспорно—вопрос, поднятый автором статьи, весьма важен. Давно пора приступить к систематическому, планомерному и энергичному собирательству памятников народного творчества. Было бы преступлением перед будущим, если бы утерялось хотя бы одно зерно из этого творчества. Народное искусство национально. Национализм есть мощь народа. Реформы XVIII и XIX веков прервали постепенное развитие русского народного стиля. Он, по силе инерции, продержавшись в деревне весь XVIII век, стал чахнуть в XIX веке и ныне почти замер. Только сравнительно недавно, почти как Америку, открыли старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью.

Дело коллекционеров, а главное—музеев, приступить немедленно к работе. Автор правильно говорит: «наши музеи еще почти не жили собственной жизнью, очень не велика и не затейлива их роль в собирании и разыскивании материалов остатков прошлой жизни. Русские музеи, по справедливости, следовало бы назвать домами коллекционеров, ибо если вынуть из них собрания, составленные любовью, трудами и средствами частных лиц, то это значило бы уничтожить их на добрую половину».

Из частных коллекционеров по народному бытовому искусству автор указывает на собрания П. И. Щукина в Москве и М. К. Тенишевой в Смоленске, являющимися наиболее крупными и полными достижениями в этом роде. Перечисляя другие собрания, автор пропустил одну из самых интересных коллекций, находящуюся в Абрамцевском музее, при школе токарно-слесарного дела, основанной Е. Г. Мамонтовой в имении Абрамцево, близ ст. Хотьково по Ярославской ж. д. Под влиянием В. М. Васнецова, Е. Г. Мамонтова, при содействии Е. Д. Поленовой, собрала значительную коллекцию народного творчества в области резного дерева и народных вышивок Московской, Костромской, Вятской, Архангельской и Вологодской губерний.

В прямой связи с этой статьей находится весьма интересная статья того же автора «Русское крестьянское искусство», написанная по поводу выставки, устроенной в 1921 году в Историческом музее.

Из числа других статей надлежит указать на статью М. Д. Гинзбурга «Татарское искусство в Крыму».

Совершенной новостью огромного интереса является статья проф. А. А. Сидорова «Рисунки старых мастеров в Московских собраниях». Вопрос о рисунках старых мастеров, находящихся в наших музеях, является очень мало разработанным: до сих пор мы не имеем ни описаний, ни подробного каталога рисунков Эрмитажа, хранящихся в нем в количестве около 12.000 листов. Во всех музеях очень значительный процент анонимных, неопределенных рисунков. Ни один музей не устраивал выставок этих рисунков, за исключением Румянцовского, организовавшего в 1917 году выставку рисунков голландских художников XVII века. Нельзя не приветствовать мысль автора познакомить публику с тем, что хранится по части рисунков в Румянцовском музее, тем более, что за время революции в этот музей поступили чрезвычайно интересные и очень редкие рисунки, о которых до сих пор ничего не было в печати. По произведенному автором статьи подсчету, в данное время в Румянцовском музее 611 рисунков, и из них только два были приобретены покупкой, все остальные поступили в музей путем пожертвований. Автор совершенно правильно дает характеристику отдельных собраний в их индивидуальности. Из

этих собраний наиболее ценным является собрание, поступившее от Н. С. Мосолова, с его знаменитой коллекцией рисунков голландских мастеров, достаточно известных, в числе которых имеется рисунок Рембрандта, не уступающий по своим живописным достоинствам красочным картинам. Во время революции в музей поступило собрание 98 рисунков Н. В. Баснина, в котором находились рисунки: Филиппа де-Шампань, Миньяра, Греза, Буше и др.

Чрезвычайно интересен поступивший в 1921 г. в музей так называемый «Долгоруковский альбом» (принадлежавший Павлу Долгорукову). Альбом этот заключает в себе 57 рисунков, собранных в XVII стол. Горэйшо Уольполем.

Рисунки принадлежат: Маскерино, Маратту, Пармеджанино, Джулио Романо, Караваджио, Цуккаро, Джованни Беллини, рисунок пером Андреа Мантеньи и др. Альбом этот представляет исключительную редкость.

Чрезвычайно также интересна статья В. Блоха «Новые поступления Румянцовского музея», в которой описываются ценные и редкие картины «вторых мастеров» голландской школы, поступившие в последние годы, и статья того же автора «Старые мастера в пролетарских музеях в Москве».

Обращает на себя внимание статья Б. Терновца «Французская скульптура в Москве».

Среди статей, посвященных отдельным художникам, весьма интересна обстоятельная характеристика творчества Д. Г. Левицкого, сделанная И. Корницким. Несмотря на то, что о Левицком сравнительно написано больше, чем о ком-либо другом, начиная с капитального исследования С. П. Дягилева, автор статьи сумел дать кое-что новое, представив яркий творческий облик лучшего нашего портретиста.

Огромный интерес представляет статья Н. И. Романова «Новый эскиз П. А. Федотова», в которой речь идет о поступившем в 1922 г. в Румянцовский музей благодаря содействию Академического центра Наркомпроса, рисунка отца русского жанра П. А. Федотова «Утро чиновника, получившего накануне первый крестик». Интерес этого рисунка усугубляется тем, что он является ранней редакцией к картине «Свежий кавалер», находящейся в том же музее. До настоящего времени не было ничего известно об этом рисунке. Несколько интересных воспоминаний о Врубеле и Серове дает И. Э. Грабарь, Д. И. Митрохин о Нарбуте, Абрам Эфрос о Венецианове, Муратове и Н. П. Ульянове.

Что касается иностранных художников, то статья Т. Г. Трапезникова о картине Иеронима Босха «Поклонение волхвов» является первой статьей на русском языке об этом художнике. Также интересны статьи Бориса Терновца «Доре—Ван Гог» и П. Д. Эттингера о лотарингском художнике Франсуа Бодио и о бывшем также в России Э. Ф. Каннингхэме. Статья Б. Р. Виппера «Рембрандты в изгнании» дает ряд сведений о картинах этого художника, бывших в России и ушедших из нее, в частности о двух портретах, принадлежавших Юсупову и проданных в данное время в Америку. Статья И. И. Лазаревского «Морган и русские Рембрандты», служит интересным добавлением к статье Б. Р. Виппера.

В журнале помещен указатель литературы о русском фарфоре, фаянсе, стекле и майолике. (Появление таких указателей на страницах журнала «Среди Коллекционеров» нельзя не приветствовать. У нас есть библиография по свиноводству, нефтяной промышленности и т. п., но нет библиографических указателей по гравюре, литографии и по предметам прикладного искусства.)

Целый ряд статей с исчерпывающей полнотой рисует нам хронику жизни наших музеев и различных обществ, имеющих отношение к искусству и книге, а также художественную жизнь на Западе, с отделом Rossica. О художественных выставках целый ряд заметок и статей дали художественные критики: проф. А. А. Сидоров, Абрам Эфрос, Э. Голлербах, Б. А. Никольский и В. Блох.

Полны интереса заметки об ушедших деятелях на поприщах искусства и коллекционерства: В. К. Мальберге, А. И. Станкевиче, В. В. Розанове, Н. В. Соловьеве, П. В. и К. В. Охочинских,

П. В. Зубове, П. П. Покрышкине, А. М. Гумилевой, Д. В. Ульянинском и У. Г. Иваске.

В общем, отражая на своих страницах художественную жизнь России и за границей, давая массу интересных сведений, и будучи не чужд вопросам «большого искусства», журнал этот вполне заслуженно пользуется успехом, одной из причин которого является та огромная любовь к делу и художественный вкус, которыми проникнут издатель журнала.

Большинство публики понятия не имеет, с какими трудностями и хлопотами сопряжен для издателя своевременный выпуск каждого нумера журнала.

В. Адарюков.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

1. „Начала". Журнал № 2. II. „Литературная Мысль". Альманах I. *М. Эйхенгольц.* — **2. „Нор-Ашхар" (Новый Мир). Журнал №№ 1—3.** *В. Ваганян.*

«НАЧАЛА». № [2. Журнал истории литературы и истории общественности. 1922 г. Петербург. 304 стр.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ МЫСЛЬ». Альманах. I. Изд. «Мысль». 1923 г. Петроград. Стр. 253.

I.

Наиболее интересной статьей в «Началах» является работа Б. Эйхенбаума о Некрасове. Интерес статьи в том, что автор ее не только по-новому освещает творчество Некрасова, но, вместе с тем, конкретно аргументирует формальный метод анализа литературных произведений. Задача Б. Эйхенбаума состояла в доказательстве ошибочности обычных утверждений, что у Некрасова «слабая форма», что в его поэзии «дело не в форме». С большой остротой, иногда ссылаясь на утверждения С. Андреевского, автор статьи раскрывает систему литературных приемов Некрасова, как осознанную им, связанную с его поэтикой, и устанавливает место Некрасова в современной эволюции литературных стилей. Стихотворный фельетон, водевиль, пародия—вот поэтическое выражение отхода Некрасова от традиций, ибо «пушкинский стих начинает в это время звучать как прекрасный, но мертвый и выученный наизусть язык». Опрощение Некрасова сознательно; это—его борьба за нового читателя. Б. Эйхенбаум проводит параллель между Некрасовым и Беранже.

Первый период творчества Некрасова характеризуется сдвигом тематического порядка, который тем острее воспринимается, что Некрасов пользуется традиционными ритмическими формами. Во втором, утверждающем периоде его творчества Некрасов пользуется самыми разнообразными видами стиховой интонации—«болтливой скороговоркой, повествовательным сказом, балагурным тоном, тоном гневным и проповедническим, шансонеткой или напевом уличного романса». Это положение подтверждается Б. Эйхенбаумом на анализе ряда стихотворений.

В статье имеется и более широкий теоретический вывод. Искусство живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига. Никакой *причинной* связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет. В этой теории литературных стилей, несомненно, правильно первое положение об эволюции литературного стиля по присущим его материалу законам. Но формальное, скажем условно, обоснование изменений стиля недостаточно. Уклоны личной психологии творца, действительно, не разрешают характера этой эволюции. Но, вместе с тем, только при социальном обосновании литературного течения, а тем самым при установлении его жи-

вой связи с «жизнью», само художественное выражение определится, как живое явление, а не как механические, рациональные сдвиги. Недостаток чисто формального (автор статьи предпочитает термин—морфологический) метода вскрывается, когда от анализа конкретного литературного произведения стремятся к построению истории художественной литературы, установлению законов ее эволюции.

Обращает на себя внимание статья А. Гвоздева—«Германская наука о театре» (к методологии истории театра), посвященная анализу работ немецкого ученого Макса Германа и его ученика Фелькера. А. Гвоздев подчеркивает все те моменты в трудах этих ученых, которые определяют основы для построения истории театра, науки очень молодой.

Смешению истории драмы с историей театра может быть положен предел лишь после принятия положения, что художественной единицей в истории театра является сценическое представление. Изучению конкретных спектаклей (трагедии о роковом Зигфриде Ганса Закса, 1557 г. и первого представления Гамлета в Берлине в 1778 г.)—их реконструкции и посвящены книги германских ученых. Определив театр, как искусство пространственное, М. Герман изучает, в первую очередь, его декорационно-конструктивное оформление, и, пользуясь в значительной степени разнообразным иконографическим материалом, прибегает к сложному сравнительному анализу данных различных видов искусств для определения, примерно, театрального жеста, характера фантазии зрителей и т. п. Исключительная научная значительность указанных трудов потребовала у А. Гвоздева пространного, четко сделанного, анализа их. Статьи И. Гревса—«Образы Италии в творчестве Тургенева», Г. Блока «Фет и Бржесская», Э. Радлова — «Диккенс в русской критике» дают лишь материал для более широких историко-литературных обобщений. Что же касается работы В. Истрина «Начало русского летописания», то методологически целесообразнее было бы дать ей место на страницах чисто исторического журнала.

В книге имеются интересные материалы—«Рукописные варианты романа «Подросток», «К цензурной истории сочинений Шевченко» и другие, а также ряд статей памяти Овсянико-Куликовского и В. Короленко. К сожалению, в краткой рецензии всего материала журнала, подобранного, однако, с холодной академичностью, не представляется возможным коснуться.

II.

В «Литературной Мысли» значительной является статья В. Виноградова о «Символике Ахматовой». Новое в ней от лингвистики, автор статьи—лингвист. Но иногда это новшество в методе анализа литературных произведений кажется внешне терминологическим. Вот как автор определяет одну из своих задач—«На анализе некоторых символических рядов показать характерные особенности семантических сплетений в поэзии Ахматовой и обусловленные ими индивидуальные отличия в значении символов, определив пути движения словесных ассоциаций в языковом сознании поэтессы». Не слишком ли условно-техничен научный язык автора статьи? Конкретно—В. Виноградов касается тематики Ахматовой, анализирует ее мотивы песни, молитвы и любви, отметив, что ее «объект поэтического языкового сознания узок», т.-е. указывает на количественную ограниченность поэтических мотивов у Ахматовой. Анализ, вместе с тем, произведен исчерпывающе и добросовестно.

Устанавливаются ряды мотивов, а иногда отмечается момент звуковой в их выражении и композиционные формы, напр., «неистовая речь» в выражении связанных мотивов любви и смерти.

Психологизм при анализе явлений тематических в поэзии автор стремится сделать закономерным, переведя его в плоскость психологии языка и пытаясь установить «типы языкового мышления».

Интересно указание В. Виноградова на роль коллективного момента в развитии литературных стилей, который им разрешается в плоскости лингвистики: «В историческом разрезе индивидуально-поэтический говор для нас важен

как центр, к которому тяготеют другие говоры, находящихся под его художественным влиянием писателей». Рассматривая науку о художественной литературе, как главу науки о языке, автор расширяет базу лингвистики и оживляет ее исследованием современной литературы. Но художественная литература прежде всего явление художественной культуры и следует обратить внимание на то, что законы художественно-литературных стилей не могут быть установлены вне связи с другими видами искусств.

Говоря о «творчестве Андрея Белого», С. Аскольдов пользуется психолого-эстетическим методом. Он считает, что невозможно дать оценку философской стороне творений Белого. «Ведь не есть же учение противоречивое сочетание Маркса, Соловьева, Гегеля, Канта, Гете, Риккерта». Анализ же «формы и приемов Белого дан в главах, психологическая формулировка которых характеризует импрессионистическую манеру автора статьи; вот эти заглавия — «Точка зрения с высоты», «Два плана жизни», «Связь двух планов». А в разделах «Лейтмотивы», «Стихи», «Симфонии», «Реализм, романтизм, символизм» нет четких определений, строгих научных терминов, свойственных определенному методу художественно - литературного анализа; и статья, сама по себе интересная, поэтому научно как-то необязательна.

А. Горнфельд в своей статье «Художественное слово и научная цифра» подвергает критике ряд работ, представляющих своеобразный уклон в «формальном» описании или характеристике литературных произведений—к статистике и графическим схемам, стройность которых считается художественно убедительной. Импрессионизму бальмонтовского «волшебства» противопоставляется, как крайний полюс, столь же научно неприемлемая фанатическая механистичность Г. Шенгели.

Оценкой работы М. Гофмана является статья «Новое о Пушкине» Б. Томашевского. А. Долинин—в очень интересной статье «Исповедь Ставрогина», в связи с композицией «Бесов», разрешает вопрос об органичности «Исповеди» в художественной концепции романа.

Журналы, рассмотренные нами, вносят много ценного в историю русской литературы. Их интересы, по существу, преимущественно методологического порядка, что явствует из лучших статей и свидетельствует о значительном оживлении научной работы.

М. Эйхенгольц.

НОР-АШХАР (Новый Мир)—общественно-политический, экономический и научный журнал. № 1 (август), № 2 (сентябрь), № 3 (октябрь). 1922 г. Тифлис.

Если еще вчера мог быть один-другой неверующий пессимист, который принимал за культурную бесплодность тот факт, что трудящиеся угнетенных народов, поглощенные борьбой на подлинных фронтах, не находили времени для культурных творческих исканий, то сегодня и эти пессимисты вынуждены будут признать себя побежденными перед лицом таких явлений, как реферируемый журнал.

«Нор - Ашхар» — орган Коммунистической партии Армении—преследует двоякую цель: во-первых, «борьба с клерикально - буржуазным и националистическим» остатком прошлого, во-вторых, «углубление сознания молодого поколения и трудящихся масс» Армении. Совершенно резонно журнал считает, что эту цель можно осуществить исключительно лишь путем систематической пропаганды марксизма, как классового мировоззрения пролетариата, с его диалектическим методом и революционной тактикой.

Неустанная пропаганда диалектического материализма, анализ и изучение конкретной действительности, жизни и быта народа с точки зрения марксизма, постоянная связь с материалистической мыслью великих пролетарских центров, борьба с возрождающейся идеологией буржуазии,—только тот единственно правильный путь, который себе наметил журнал.

Как удается ему выполнять эту работу?

Лежащие перед нами три номера дают уже полную уверенность в том, что журнал с честью выполняет эту чрезвычайно ответственную задачу. Конечно, это ни в какой мере не должно быть понято так, будто у журнала нет недостатков—их много, но еще больше достоинств.

Основное достоинство его—это последовательность: он хочет быть и является органом *ортодоксального марксизма*, он считает в числе своих задач основной—борьбу с мелкобуржуазным национализмом и неразрывно связанным с ним эклектизмом, и эту свою задачу он выполнил очень недурно.

Во всех трех номерах реферируемого журнала имеются статьи теоретического характера: статьи тов. *А. Меликяна* («Исчезновение государства»—по поводу книги тов. Ленина—№ 1 и «Научный опыт»—о книге тов. Н. Бухарина «Истор. материализм».—№ 3), статья тов. *А. Деборина* «Торжество империализма» (№ 1 и 2) и т. д. Не все они одинаково удачны: статья тов. А. Меликяна о книге Н. Ленина начинается с недурного изложения содержания ее и переходит к критическим замечаниям, при чем все эти замечания касаются таких «недостатков», которые либо совершенно ничтожны (в роде того, что часто повторяются одни и те же выражения и т. д.), либо несвойственны книге (недостаточно, якобы, оттенено то обстоятельство, что не только учение Маркса о государстве, но и весь материализм исковеркан оппортунистами).

Но всего больше дают статьи, ставящие себе целью изучать явления армянской действительности с точки зрения материализма. Такое приложение марксизма к армянской действительности тем необходимей, что вся армянская интеллигенция десятилетиями воспитывалась под идейной гегемонией «Дашнакцутюн» и имеет об окружающем чрезвычайно превратное представление.

Общераспространенный тип армянина-интеллигента, который готов с полным беспристрастием и интернационалистической последовательностью применять материализм к чужой действительности, а по отношению к своей стране—ничем не маскированный националист (впрочем, это характерно для *всех* интеллигентов *всех* мелких наций), выработался именно из этого полного отсутствия попыток изучить свою собственную историю, свой собственный быт с материалистической, пролетарской точки зрения.

«Нор-Ашхар» прекрасно знает эту зияющую потребность и всячески пытается ее восполнить.

Он сделал в этом направлении еще *мало*, но, судя по тому, что сделано, нужно в этом направлении ждать многого.

Превосходна статья тов. С. Касьяна «Хозяйственно (экономически)-классовая структура Армении». Подробный и внимательный анализ материалов приводит автора к выводам, которые для армян-марксистов не новы, но которые весьма своевременно теперь напомнить молодой, растущей, марксистской смене Армении. «Армения преимущественно и несомненно страна сельско-хозяйственная, — страна городского и сельского мелкого хозяйства», она не имеет крупной промышленности, огромная часть крестьянства—в результате эксплуатации колониального капитала, войны и дашнакского владычества—находится в нищете; городское население состоит, по преимуществу, из мелких торговцев, ремесленников и лишь назначительная доля рабочих. Подавляющая часть армянской буржуазии и пролетариата концентрирована в промышленных центрах вне Армении. Не ощущая на себе непосредственный гнет национальной буржуазии, мелкая буржуазия и крестьянство Армении находились под ее идеологическим влиянием, фактическим выразителем которой был Дашнакцутюн. Революция в России, повсеместная нищета в стране, приток из разных промышленных центров пролетариата с яркой интернационалистической идеологией, внешние неудачи и жестокая угроза самому физическому существованию народа—вот те причины, которые сделали коммунизм, тягу к коммунизму, всенародным.

Сделаны журналом несколько попыток применить материалистический метод к истории, много материала о текущей политике.

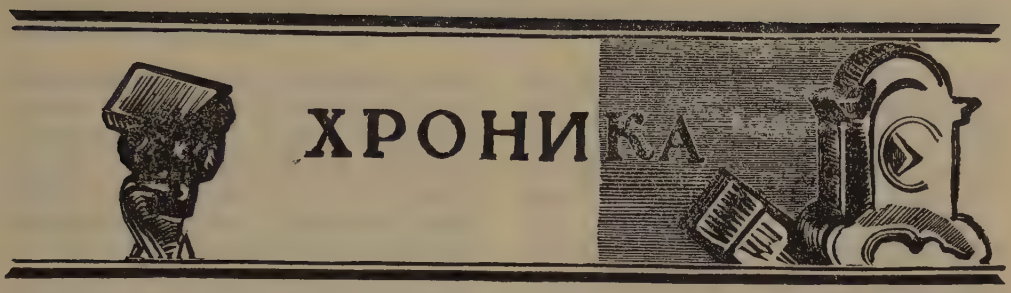
Журнал имеет и свои слабые стороны.

Очень бедна хроника жизни и литературы и чрезвычайно вялая библиография бросаются в глаза с первого взгляда.

Вероятно, можно было бы несколько расширить теоретическую часть за счет разросшейся практической и, наконец, политика сегодняшнего дня—этот слишком быстро стареющий материал—должен быть значительно более обобщен.

Эти недочеты ни на иоту не умаляют культурного значения журнала. Задачи перед ним стоят гигантские, его роль огромна, особенно в такой стране, как Армения, где националистическая мысль так рано оформилась, где вся культура развивалась по патриотически - шовинистическим лозунгам и где коммунистическая молодежь так нуждается в последовательном не искаженном марксизме.

В. Ваганьян.



НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.

▫ Профессор *А. Эйнштейн* заявил корреспонденту «Neue Züricher Zeitung», что он разрывает с комиссией интеллектуального сотрудничества, существующей при Лиге Наций, членом которой он состоял. Текст письма, опубликованный газетой, гласит: «Как убежденный пацифист, я считаю излишним поддерживать с Лигой Наций какие бы то ни было сношения и прошу вас вычеркнуть мое имя из состава членов комиссии интеллектуального сотрудничества, так как я убедился, что Лига Наций не обладает ни достаточными силами, ни доброй волей, необходимыми для осуществления возложенных на нее задач». Это письмо было послано Эйнштейном в секретариат Лиги Наций.

▫ Любопытная история разыгралась между студентами берлинского университета и студентами Оксфорда. Оксфордские студенты пригласили берлинских коллег посетить Оксфорд. Часть английской прессы подняла против этого шага оксфордцев травлю. Студенты обсудили вопрос, и большинством 176 голосов из 248 подтвердили приглашение. Однако, берлинское студенчество решило пока приглашением не воспользоваться, мотивируя отказ общим тяжелым положением и оставляя за собой право в будущем еще вернуться к этому вопросу.

▫ «Notgemeinschaft d. deutschen Wissenschaft» в целях научной помощи учащимся и учащим германских высших учебных заведений создало фонд по приобретению книг, ставших совершенно по цене недоступными не только студенчеству, но и младшей и старшей профессуре.

▫ В Германии участились случаи похищения предметов искусств из музеев и общественных собраний. Так, в Академии Искусств, где в настоящее время организована выставка «От Шадова до юного Менцеля», было обнаружено исчезновение одной из картин Менцеля. Одновременно в американских газетах появился ряд объявлений, предупреждающих американских коллекционеров против покупки картин, похищенных из различных собраний и музеев Германии.

▫ *Я. Вассерман* недавно праздновал 50-летие со дня рождения. В прессе был помещен ряд приветственных заметок. Значительным успехом пользуются два последних романа его.

В июне 1923 года в издательстве *С. Фишера* (Берлин) выйдет новый роман *Я. Вассермана* «Ульрика Войтик». Роман завершает трилогию — «Этапы Оберлина». Основной сюжет—психология немецкой женщины, которую война и революция выбросила из казавшегося незыблемым уклада немецкой жизни.

▫ В мартовской книжке «Neue Rundschau» (из-во S. Fischer'a) помещен перевод рассказа *И. Бунина* «Безумный художник». В содержательном номере журнала отметим также «Письма Г. Флобера к Луизе Колле» в переводе *Е. Фишер* и «Обращение к читателям» Рудольфа *Кайзера*, написанное по поводу «последних испытаний Германии».

▫ В издательстве Э. Рофольта в Берлине вышел большой труд *Мейер-Греффе* «Испанские танцы».

▫ Книгу о пародиях в средневековье написал Пауль *Шманн* (Paul Schmann) «Die Parodie im Mittelalter», изданную в Мюнхене в Drei Masken-Verlag.

▫ В издательстве Ровольта вышли только что в переводе на немецкий

язык письма *т-те Дюбарри*, дающие яркую картину нравов двора Людовика XV и его эпохи. Книге предпослано предисловие переводчика *Виктора Ф. Косциана*, нашедшего в старых французских архивах эти документы.

▫ Издательство «Пропилеи» в Берлине выпустило иллюстрированным изданием старый роман *Вильгельма Гейнзе* «Ардинчелло и блаженные острова». Эта книга во время своего появления в свет в восьмидесятых годах была встречена крайне враждебно, как «безнравственное» произведение. Впоследствии оно было более правильно оценено критикой.

▫ В Вене вышло в свет иллюстрированное издание книги Артура *Шницлера* «Der tapfere Cassian» с рисунками *Ласке*. Изданная в весьма ограниченном количестве экземпляров книга имеет особенность—на каждом экземпляре собственноручные автографы автора и художника.

▫ В февральском номере журнала «Das deutsche Buch» помещена библиографическая справка обо всех самостоятельных работах, вызванных книгой *О. Шпенглера* («Закат Европы»). Всего названо 35 авторов.

▫ В Мюнхене в издательстве *А. Лангена* вышел сборник новых рассказов Сельмы *Лагерлеф* «Принцесса Вавилонская». В книгу включены также несколько набросков статей и речей, произнесенных писательницей во время ее недавнего юбилейного чествования.

▫ В Берлине вышли в свет два тома воспоминаний бывшего рейхсканцлера Германии *Бетман-Гольвега*.

▫ В издательстве *Кипенгейера* вышла в немецком переводе книга *А. Таирова* «Освобожденный театр». Книга иллюстрирована целым рядом снимков с театральных работ.

▫ В серии немецких книг для юношества, выпускаемой Neue Gesellschaft, первым томом выходят избранные сочинения *Л. Н. Толстого*.

▫ В издательстве «Нева» на немецком языке в мае 1923 г. выходит том «Новелл» *Б. К. Зайцева*, включающий, между прочим, его произведения «Рафаэль», «Дон-Жуан» и «Карл V».

▫ В издательстве Drei Masken-Verlag в Мюнхене вышла книга Оскара *Риземана*—первый на немецком языке опыт истории русской музыки. В мюнхенском же издательстве «Orc his-Verlag» вышла книга Гютнера *Вестермана* «Das russische Volkslied».

▫ В настоящее время в Германии повышается интерес к русской музыке; об этом свидетельствует предпринятое лейпцигскими издателями переиздание ряда партитур русских композиторов.

▫ В Библиотеке Kunstgewerbemuseum'a в Берлине открылась выставка русских книг и русского графического искусства.

▫ Karl Stählin (Карл Штелин) — славист—издает серию «Источники и статьи по русской истории». В вышедших 4-х выпусках напечатаны—«Jacob von Stählin—Ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18 Jahrhund». Карла Штелина. «Путешествие Афанасия Никитина за три моря» (1466—1472), переведенное с пояснительными замечаниями Karl H. Meyer'ом; «Переписка Ивана Грозного с Курбским» (1564—1579), переведенная Карлом Штелином при участии Карла Мейера; «Путешествие Радищева» (1790), перевод Артура Лютера.

Издание выходит в Лейпциге в Historia-Verlag (Paul Schraepler). Подготовляются книги к изданию в Берлине.

▫ Вышел в переводе на немецкий язык 2-ой том сочинений М. Бакунина, в из-ве Verlag der Syndicalist в Берлине. Из-во предполагает выпустить полное собрание сочинений Бакунина.

▫ Вышли на немецком языке две книги, посвященные вопросу о голоде в России. Первая--перевод книги Ив. Герасимовича «Голод на Украине»—издательство «Украинское Слово», Берлин. Вторая — книга P. Mühlens'a «Die russische Hunger-und Seuchenkatastrophe 1921—1922». («Русская катастрофа голода и эпидемий»). Из-во J. Springer'a в Берлине.

▫ Вышла книга статей Alfons Paquet «Rom oder Moscau?»—«Рим или Москва?» (изданная в Мюнхене в Drei Masken-Verlag).

Это издательство предприняло печатанье «Русской Библиотеки». 1-ый из двух вышедших томов представляет собой антологию «Русский Христос»—отрывки из произведений Достоевского, Тургенева, Чехова, Лескова, Толстого, Бунина, Пришвина и Сологуба. Антология переведена и составлена А. Элиасбергом и вышла с предисловием Кайзерлинга. 2-ой том «Библиотеки» посвящен антологии Достоевского—отрывки и небольшие рассказы.

▫ В Мюнхенском Drei Masken-Verlag в переводе *А. Элиасберга* вышли на немецком языке сказки *А. Ремизова*—«Русские женщины».

▫ Коммунистическое из-во «Союз Международных Из-в» в Берлине издало том рассказов Достоевского (на нем. яз.) с предисловием А. Луначарского и послесловием Витфогеля.

▫ В Библиотеке Коминтерна на немецком языке вышли: *Л. Д. Троцкий*: Новая экономическая политика Советской России и мировая Революция (речь); *Радек*: Наступление мирового капитала и тактика Коминтерна; Тезисы и резолюции IV конгресса К. И.; Отчет IV конгресса Ком. Интернационала. (Hambourg C. Haym, Heft №№ 33, 34, 36 и 37).

▫ В №№ 11—12 за 1922 год «Die Russische Korrespondenz»—напечатана в переводе на нем. язык статья Вяч. Полонского «Русский революционный плакат», помещенная в 5 книге журнала «Печать и Революция» за прошлый год. Статья богато иллюстрирована.

ФРАНЦИЯ.

▫ С конца февраля 1923 года в Париже начал выходить новый французский журнал «Европа», официально редактируемый двумя малоизвестными писателями *Поль Коллен*'ом и *Рене Арко*. Вдохновителем журнала фактически является *Ромен Роллан*. Журнал имеет тенденцию стать органом международной культуры. В нем предполагается постоянное сотрудничество *Рабиндраната Тагора, Георга Брандеса, Сельмы Лагерлеф, Дюамелля, Пьера Гампа*. Из русских авторов приглашены к участию *И. Бунин* и *Максим Горький*. В первой книге журнала напечатано начало второго тома романа *Р. Роллана:* «L'âme enchantée» и рассказ *И. Бунина* «Безумный художник». Журнал аполитичен и мечтает об «объединении свободных умов всех национальностей». Критика, тем не менее, едко замечает, что в этом «французском органе международной культуры (подзаголовок, кстати, впоследствии стыдливо снятый редакцией) почему-то отсутствуют «свободные умы» немецкой национальности»...

▫ Из новейших французских романов, имеющих крупнейший успех, отмечаем: произведение *Жака де-Лакретелля* «Зильберман», выдержавшее до 60-ти изданий в несколько месяцев, и книгу *Луи Эммон*'а «Мария Шаделен», разошедшуюся в количестве 600.000 экземпляров.

Первое из упомянутых произведений представляет собою психологический роман, написанный под влиянием Достоевского и Толстого. *Лакретелль*, между прочим, говорит: «во французской новейшей литературе нет произведения по характеру и значению сколько-нибудь равного «Анне Карениной» или «Идиоту»...

Второе—книга *Луи Эммон*'а—имеет неслыханный успех, как говорит критика, потому, что «пресыщенным парижанам увлекательно познакомиться по этому произведению с бытом, нравами и даже наречием Французской Канады, хорошо обрисованной автором и доселе совершенно незнакомой французам».

▫ В Париже вышел том писем *Поля Верлена* к *Эдмонду Пеллетье*, написанных из Англии после бегства Верлена вместе с *Артюром Рембо*.

▫ *Рене Маран*, автор известного романа из жизни негров «Батуала», выпустил недавно в издательстве «Monde Nouveau» книгу стихов «Le visage calme», обнаруживающую значительное дарование поэта.

▫ Недавно опубликованы интересные мемуары Louis Etienne St. Denis, слуги Наполеона с 1811 года, впоследствии его секретаря и одного из немногих последовавших за Наполеоном в ссылку. Воспоминания свои, в которых автор, главным образом, останавливается

на деталях жизни Наполеона, он написал вскоре по возвращении с острова Св. Елены, но их не опубликовал. Недавно они попали в руки профессора *Сорбонны Мишо* (Michaud), который издал их под названием «Наполеон от Тюльери до острова Св. Елены».

▫ Вышел первый том «Bibliographie Alsacienne» (Библиография Эльзаса), изданный для Страсбургского университета и включающий все издания, вышедшие в 1918 — 1921 гг. (Под ред. Milford, при участии ряда профессоров).

▫ Комитет латинского единения устроил в Сорбонне торжественное собрание, посвященное памяти Виргилия по случаю сооружения ему памятника на родине поэта—в Мантуе. Присутствовали делегаты латинских стран и многочисленные представители политического мира.

▫ Вышла книга *Эррио*, посвященная России. Издательство Феранези в Париже.—«La Russie Nouvelle» Edouard Herriot, Ed. Ferenezi, Paris.

▫ Парижское книгоиздательство *Боссар* стало крупнейшим во Франции распространителем переводов с русского. Издательством приобретено право на издание на французском языке ряда романов современных русских писателей. Серия этих романов печатается в количестве 5000 экземпляров и имеет во Франции значительный успех.

▫ Под редакцией и с пояснительными примечаниями *Луи Рео* в парижском издательстве *Эдуарда Шампион* вышла переписка Фальконета с Екатериной Второй.

▫ *Камилл Моклер* посвятил творчеству *А. И. Куприна* восторженный очерк. Книги Куприна недавно появились, как нами отмечалось, во французском переводе («Поединок», «Суламифь» и др.) и пользуются большим успехом.

▫ Переведен на французский язык и скоро должен выйти из печати «Петербург» *Андрея Белого*.

▫ В переводе *Шлецера* на французском языке вышла книга *Льва Шестова* о Достоевском.

▫ На французском языке в последнее время появились (частью в новых переводах) следующие произведения русских классиков: в издательстве Plon—«Записки из мертвого дома», «Бесы», «Исповедь Ставрогина» — Достоевского; в издательстве Stok—«Рудин» и др. Тургенева.

▫ В «La Revue Mondial» напечатан ряд писем Достоевского, относящихся к роману «Идиот».

▫ В парижском литературном ежемесячнике «Les oeuvres libres» напечатана новая повесть из русской жизни *Клода Анэ* «Надя» и рассказ *Жоржа Мишеля* «Les ballets russes», в котором действующими лицами являются Дягилев, Бакст, Карсавина и др.

▫ *Франсис Карко* только что выпустил в издательстве Crès'a томик рассказов «Au coin des Rues»—сюжет ночная, уличная жизнь Парижа. Критика отмечает юмор, остроумие и мастерство, с которым написаны рассказы.

▫ Роман *Б. Зайцева* «Дальний Край» переведен на французский язык и выходит в издательстве Ридера.

▫ Профессор *В. А. Анри* (бывш. преподаватель Московского университета) в настоящее время занимает кафедру физической химии в одном из швейцарских университетов, где им создана одна из лучших в мире фото-химических лабораторий. *В. А. Анри* приступил к опубликованию на французском и русском языках книги об ультра-фиолетовых спектрах поглощения.

▫ В «Информасион» в конце марта началось печатание серии статей Фритиофа Нансена «Россия и мир».

ИТАЛИЯ.

▫ В Риме в марте 1923 года начала выходить новая большая фашистская газета «Impero». Под заглавием помещен лозунг газеты: «Вся власть Риму для блага и для мира всего мира». В первом номере в передовой прославляются: Муссолини—«Человек, которому судьбой предопределено быть императором Италии», и футурист Маринетти, «открывший перед миром гениальность возрождающейся Италии».

▫ В Риме недавно снова возобновился итальянский толстый журнал, посвященный России—«Russia. Rivista di litteratura—arte—storia», издаваемый и ре-

дактируемый профессором *Этторе Ло Гато* (Ettore Lo Gatto). Журнал, возникший в 1920 году, прекратил свое существование за недостатком средств и теперь возобновился. В журнале помещены: стихи *Александра Блока* об Италии, статья *Этторе Ло Гато* о Москве, перевод двух рассказов *Лескова*, писем *Короленко*, статьи *Достоевского* о восточном вопросе (из «Дневника писателя»), отрывок из «Детства Никиты» *Алексея Толстого* (в переводе Ольги Резневич). Затем статьи профессора *Е. Шмурло*—«Культура древней Руси», «О транскрипции русских имен», статья *А. Пальмьери* «Русская религиозная мысль и церковь», и ряд библиографических заметок. На вкладных листах два портрета: *Александра Блока* и *Владимира Короленко*.

АНГЛИЯ.

▫ Новый роман *Г. Уэллса*, о котором мы уже сообщали, «Люди как Боги»—только что вышел из печати. Произведение является утопическим социальным романом и свидетельствует о возвращении Уэллса к социальной утопии—основному и характернейшему сюжету его творчества. Критика отмечает выдающиеся достоинства той части романа, в которой Уэллс дает сатирическое изображение современной жизни; подчеркивается также общая увлекательность фабулы и остроумие сопоставлений.

▫ Одной из наиболее нашумевших книг в английской художественной прозе за последний год является роман *Дж. Джойса* «Улисс». Книга была издана во Франции, так как ни один английский или ирландский издатель не решился напечатать живой, острой, художественной летописи подлинной жизни Ирландии. Автор—сам ирландец—почти не старался прикрыть действующих лиц вымышленными именами.

▫ Много шума в английских читательских кругах—и в Англии и в Америке—вызвала монография *Робертсона* об Эдгаре По. На основании анализа биографии, сексуальной жизни и отчасти на основании рассмотрения произведений По—исследователь попытался доказать, что знаменитый писатель был душевнобольным.

▫ *Дж. Робертсон* в новой книге «Шекспировский канон» доказывает, что «Юлий Цезарь»—не произведение Шекспира, а лишь соединение двух чужих старых драм, только слегка переделанных Шекспиром; «Генрих V»—тоже переделка более ранней и тоже чужой драмы, а «Ричард II»—сочинен Марло.

▫ Значительным успехом пользуется в Англии и Америке роман *Лауренса*—«Жезл Аарона».

▫ В Лондоне в из-ве Касселя должны в ближайшие дни выйти из печати воспоминания сэра *Джорджа Бьюкенена*, в двух томах. Отрывки воспоминаний печатались в газете «Times» и на страницах французского журнала «La Revue de Paris».—Мемуары называются: «My Mission to Russia» («Моя миссия в России»).

▫ Вышло собрание стихов скончавшейся в январе этого года поэтессы Alice Meynell (Алиса Мейнэль), под названием The Poems of Alice Meynell в издании Burns, Oats and Washbourne. В том же из-ве вышел томик ее последних стихов, включающий все написанное в 1918—1922 гг. (The last Poems).

▫ Вышел новый роман Compton Mackenzie (Кемптон Макензи) «The seven ages of voman» («Семь возрастов женщины»). В Англии эта книга вышла в из-ве «Secker», в Америке в изд. Frederick A. Stokes company. О романе много пишут.

▫ Вышедшая книга D. Lawrense (Д. Лауренс) «The Ladybird»—содержит три связанных между собою рассказа. Из-во Secker'a.

▫ Вышла любопытная книга о негрских газетах в Америке — «The Negro-Presse in United States»—в изд. University ot Chicago Press F. G. Detweiler (Ф. Дотуайлер), дающая статистический отчет и интересные сведения по вопросу. Негрских газет насчитывается в С. Ш. около 500 названий, общий тираж 1¼ миллиона экземпляров. (Число читателей в несколько раз больше тиража, так как среди негров чрезвычайно распространено чтение вслух). Особенной известностью пользуются газеты: «The Crisis», изд. d-r du Bois;

«Negro Wirld», изд. Garvey; социалистическая газета—«The Messenger».

▫ Вышли две новые книги о безработице—«Третья зима безработицы» («The third winter of Unemployment»), составленная, на основании исследований, произведенных осенью 1922 года, из ряда статей по трем отделам: 1) общий обзор, 2) местные данные, 3) статистика (изд. P. C. King); вторая—R. B. Crewdson (Р. Б. Крьюдсон) «Our Unemployment Problem» («Проблема нашей безработицы»). В книге имеется «отдел по эмиграции» — написанный Page Croft (изд. Economic Publishing Co).

▫ Вышла интересная книга воспоминаний видного работника тред-юнионизма и рабочего движенья Francis William Soutter'a «Recollections of a Labor Pioneer» («Воспоминанья рабочего пионера»). Из-ние Fisher Unwin; пред. O'Connor'a.

▫ Вышла книга по экономической и социальной истории войны (Economic and Cocial History of the World War), посвященная английской угольной промышленности во время войны—«The british Coal Mining Industry during the War». Автор— R. Redmyne. Из-во Crarendon Press—Лондон.

▫ Бывший секретарь недавно скончавшегося «газетного короля» лорда Нортклиффа выпустил книгу под заглавием «Настоящий Лорд Нортклифф».

▫ На английском языке в из-ве Huebsch'a вышла автобиография С. А. Толстой.

▫ F. Rothwell перевел на английский язык книгу Charles Baudoin *о Толстом* («Tolstoi The Teacher») в из-ве Kegan Paul. Книга содержит много неизданных документов, сообщенных Baudoin'у П. Бирюковым.

▫ В апреле 23 года в Англии в из-ве Chatto and Windus вышла книга материалов о *Достоевском* под заглавием «Dostoewsky—Letters and Reminiscenses», в которую включены—письмо Достоевского к брату в день отмены казни, пять писем к Победоносцеву и 2 письма Победоносцева к Александру III после смерти Достоевского. Составитель — Котелянский.

▫ Из-во Cobdon—Sanderson готовит к печати критический очерк William Gerhardi (Вильям Гергарди) о *Чехове*.

▫ На английский язык переведены «Мертвые Души» *Гоголя* (пер. Constance Carnett) и вышли под заглавием—«Dead Souls» в из-ве Chatto and Windus.

▫ В из-ве Boadley Head вышла книга о *А. Н. Скрябине*, написанная Alfredo'м Swan'ом (*Альфред Сван*) — «Scriabin».

▫ Вышла книга рисунков *Бакста* к балету «Спящая красавица» с пред. *Андр. Левинсона* и с портретом Бакста работы *Пикассо*. В английском переводе она озаглавлена—The Designs of Leon Bakst for «The sleeping Princess». Из-во Benn Bios. Книга является одним из самых дорогих современных изданий.

▫ О русском балете вышла книга Olga Koester под заглавием «The Master of Russian Ballet» с предисловием *Анны Павловой* и 8-ью рисунками. Из-во Hutchinson.

▫ Переведен на английский язык I том мемуаров *Мориса Палеолога* о царской России (времени войны) и вышел из печати в из-ве Hutchinson'a. Названные выше—мемуары *Джорджа Бьюкенена* являются дополнением, и как бы продолжением и детализацией мемуаров Палеолога.

▫ В из-ве Kassel'я вышла книга *Асквита* «Происхождение войны», рассматривающая международные события, начиная с 1888 года (Asquith «The genesis of the War»).

▫ В из-ве Labour Publishing Co (Рабочее Из-во) выходит книга *Альберта Вильямса* о русской революции, иллюстрированная репродукциями плакатов («Through the Russian Revolution» Albert Rhys Williams).

▫ Интересную книгу по возникновению и развитию Дальне-Восточной Республики написал Henry Norton *(Генри Нортон)* («The far Eastern Republic of Siberia»). Книга вышла в из-ве Allen and Unwin и отмечается во всех библиографических обзорах и журналах.

▫ Генерал Sir Yohn Hanbury-Williams опубликовал мемуары о Николае II— «The Emperor Nicholas II as J Knew him» в Из-ве Humphreys. Критика отмечает малозначительность издания.

▫ На английском языке вышла книга *А. А. Гольденвейзера* Early Civilisation; an Introduction to Anthropology—

(«Ранняя цивилизация; введение в антропологию»). Из-во Harrap.

▫ Русский химик *М. М. Костевич*, работы которого по нитрации ароматических углеводородов опубликованы исключительно на английском языке частью в Лондоне, частью в Париже, напечатал недавно новую специальную работу, относящуюся, как и все прежние, к химии взрывчатых веществ. Список книг Костевича насчитывает до 10-ти названий специальных научных и практических исследований и пособий. В Англии и Франции широко применяются в военно-химической промышленности изобретенные им особые способы безопасного выжиганья снарядов.

▫ «The New Poland»—так называются очерки - характеристики современной Польши, написанные Charles'ом Phillips'ом и изданные в Лондоне.

СРЕДИ ЭМИГРАНТОВ.

▫ В русской религиозной философской академии в Берлине предполагается ряд выступлений немецкого философа - гуссерлеанца *Макса Шеллера* (автор трехтомного сочинения Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertehtik). К характеристике общественных воззрений Макса Шеллера не лишены интереса следующие его слова, приводимые в газетной статье: «если капиталистический строй является в действительности внутренним ядром и сущностью Европы, то пусть тогда Европа лишится занимаемого ею со времени классической древности руководящего положения в истории человечества и пусть осуществятся идеалы глубочайших русских мыслителей». Макс Шеллер в ряде сочинений, написанных еще до войны, предсказывает неизбежный конец капиталистической Европы.

▫ Профессор *С. Н. Прокопович* организовал в Берлине «Русский Экономический Кабинет». Кабинет организует доклады по экономическим вопросам, выпускает бюллетени о состоянии всех отраслей хозяйственной жизни России.

▫ Под редакцией С. Н. Прокоповича и при участии *М. В. Бернацкого*, *М. В. Брайкевича*, *Б. Д. Бруцкуса*, *С. О. Загорского*, *А. И. Каминка*, *В. А. Косинского*, *Б. Э. Нольде*, *Л. М. Пумпянского*, *Б. П. Струве* и *А. А. Чупрова* в конце апреля вышел журнал «Экономический Вестник», посвященный теоретическим вопросам экономии и социальной политики и анализу экономической жизни России и других стран. Редакции удалось сгруппировать ряд известных экономистов разных направлений, объединив их для одной цели—дать объективный анализ послевоенного состояния экономической науки и практики.

▫ Берлинский Союз журналистов и писателей, в виду вопиющей эксплуатации литературного труда, вырабатывает в срочном порядке тарифы оплаты. Предполагается выработанные тарифы сделать обязательными и принять все меры к действительному проведению ставок в жизнь.

▫ В Праге состоялось чествование писателя *И. Голечека* по случаю исполнившегося 70-летия со дня рождения чешского писателя. Чествование было организовано союзом русских писателей и журналистов при участии всех эмигрантских общественных организаций. Среди присутствовавших были *П. Б. Струве*, *П. Новгородцев*, *А. Вилков*, *Д. Вергун*, *П. Сорокин*, *Е. Ляцкий*, *Ф. Благов* (бывш. редактор «Русского Слова»), *А. Изгоев*, *М. Слонин*, *Е. Чириков*, *И. Сургучев*, *Сергей Маковский*, *Борис Лазаревский* и др.

▫ В конце апреля в Праге открылся русский педагогический институт имени *Яна Амоса Коменского*, высшее учебное заведение с двухлетним курсом. Преподавание ведется на русском языке.

▫ В Праге *П. А. Сорокиным* был прочитан доклад «Основы идеологии грядущей России». Среди оппонентов были *В. Я. Гуревич*, *В. В. Уляницкий*, проф. *Косинский*, *Б. Н. Неандер* и *В. А. Шингарев*. Среди тезисов *Сорокина* любопытно предположение докладчика об особенном типе «будущей русской интеллигенции — американизированной, — духовно примитивной, но действительно активной, «земной».

▫ В «Русском Институте» в Праге читается ряд курсов общих и специаль-

ных по изучению русской культуры, русского права, истории и географии страны, ее природных богатств и состояние промышленности. Из других русских школ функционируют: две гимназии, железнодорожное училище, технические курсы и проч.

▫ В настоящее время в Чехо-Словакии обучается около 2000 русских студентов. В качестве преподавателей состоят 90 русских профессоров. За все время университет и политехникум окончило всего 12 человек. В конце 1923 года заканчивает курс свыше 200 человек. Из закончивших никто не будет отпущен из Чехии, так как Прикарпатская Русь и Словакия нуждаются в культурных работниках. Проф. *Д. Д. Варенов*, давший эти сведения корреспонденту парижской газеты, сообщил также: «Очень тяжело обстоит с здоровьем учащейся молодежи: из 1800 исследованных студентов свыше 30% оказались либо туберкулезными, либо подозрительными по туберкулезу».

▫ В Праге недавно состоялась первая из цикла лекций *Е. Бенеша* о сущности чешской революции, в которой Е. Бенеш дал анализ русской революции и ее влияние на международное революционное движение.

С осени 1922 года в Праге существует «Общество правоведения и общественных знаний». Членами общества состоят профессора пражского русского юридического факультета. В президиум входят: *Д. Д. Гримм*, *П. Б. Струве*, *В. Я. Косинский* и *А. В. Маклецов*. С докладами выступали: *Д. Д. Гримм* «Школа свободного права», *П. Б. Струве* «Экономическая картина мира после войны», *П. И. Новгородцев* «Демократия на распутьи», *С. В. Завадский* «О несменяемости судей». Специальное заседание было посвящено памяти чешского министра финансов *Рашина*. В заседаниях общества принимали участие и приезжающие в Прагу из других стран—проф. Оксфордского университета П. Виноградов, проф. Анциферов, проф. Билимович и друг.

▫ В Праге в Народном университете организован цикл лекций по истории русской общественной мысли. Читают *А. А. Кизеветтер* *П. А. Сорокин*, *М. Л. Слонин* и *В. Г. Архангельский*. Последние двое читают: «История народничества» и «Основные проблемы народничества».

▫ В Праге возникло новое крупное издательское предприятие «Академическое Издательство» под руководством *Е. А. Ляцкого*.

▫ В Берлине начинает выходить два философских журнала: «София» (первая книга уже вышла), под редакцией Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина и С. Л. Франка; «Логос» под редакцией С. И. Гессена, Ф. А. Степуна и Б. А. Яковенко.

▫ К выходящим за границей русским литературно-научным журналам присоединилась в апреле—«Беседа»; к альманахам—«Окно» (Париж) и «На чужой стороне» (Берлин). В «Трудах русских ученых за границей» (издательство «Слово») печатаются исследования по более узким отраслям знания.

▫ Упомянутый нами журнал «Беседа» издается при ближайшем участии *Б. Ф. Адлера*, *Андрея Белого*, *Ф. А. Брауна*, *Максима Горького* и *В. Ф. Ходасевича*. Журнал насчитывает в числе своих сотрудников ряд европейских ученых и писателей—в том числе: *Дж. Голсуорти* и *Герберт Уэллс* (Англия), *Андре Жермен* и *Ромен Роллан* (Франция), *Ф. Элленс* (Бельгия), *М. Сьерра* и *А. Костиньерос* (Испания), *Б. Кларк* (Америка), а также немецких профессоров—*К. Вёйле*, пр.-доц. *Лейзеганга*, *Т. Литта*, *А. Рюлля*, *Моллеса*, *М. Ферстера*, *Г. Фрейера*, *Л. Фробениуса* и друг.

▫ В упомянутом нами альманахе-трехмесячнике «Окно», вышедшем в середине апреля в Париже, помещены: рассказ *Ивана Бунина* «Безумный художник», повесть *А. Куприна* «Однорукий комендант», *Бориса Зайцева* «Карл V», *Льва Шестова* «Из книги «Странствия по душам», *Мережковского* «Тайна трех» (ч. I «Египет»), *З. Гиппиус* «Мой лунный друг» и др.

▫ В ближайшее время в издательстве «Слово» выходят следующие книги: *Алданов* «Девятое Термидора» (исторический роман); *Зайцев* «Улица св. Николая», *Чехова* «Письма к Книппер», *Степун* «Основные проблемы театра»

и новые томы Архива Русской Революции (IX и X).

▫ В издательстве З. И. Гржебина выходит том стихотворений *Андрея Белого*, том стихотворений *Цветаевой*, художественное издание рассказа *Тургенева* «Первая любовь» и друг. В библиотеке «Летопись Революции»: *А. Луначарского* «Великий переворот», *Мартова* «Записки социал-демократа», том II-й (Годы бурь 1901 — 1903 гг.), *С. А. Покровского* «Деникинщина», *Войтинского* «Годы побед и поражений», кн. 1-ая, 1905 г., *Гуревича* «Гражданская война на Востоке» 1918—1921 гг. и друг.

▫ В издательстве «Геликон» печатается второй том «Путевых заметок» *Андрея Белого*, *В. Шкловского* «Сюжет как явление стиля» и его же «Zoo или письма не о любви». В печатаемом этим издательством журнале «Эпопея» (№ 4) помещены, между прочим: повесть *Лидина*; рассказ *Муратова* «Курга-баба», и рассказ *В. Познера* «Мэри», а также 8-ая и 9-ая главы воспоминаний *Андрея Белого* о Блоке.

▫ В «Современных записках» будут в ближайшее время печататься новый только что законченный роман *Б. К. Зайцева* «Золотой узор» и новая повесть *А. И. Куприна*.

▫ Печатается и выходит в скором времени работа *С. Н. Прокоповича* «Очерки хозяйства Советской России».

▫ Роман *Сергея Боброва* «Изобретатели Идитола» приобретен издательством «Геликон» и в скором времени выходит в свет.

▫ *Н. А. Бердяев* работает над философским трудом «Миросозерцание Достоевского»—его метафизика.

▫ *М. А. Осоргин* подготовил к печати том итальянских рассказов и заканчивает роман под заглавием «Сивцев Вражек».

▫ *Н. В. Воронович*, поместивший свои мемуары в «Архиве Русской Революции», издаваемом Гессеном, заканчивает большую хронику, охватывающую период 1890 по 1917 год. В хронике помещены материалы, рисующие придворные круги, ряд воспоминаний об исторических лицах и проч.

▫ *В. Б. Станкевич* закончил биографию Менделеева и работает над книгой «Русские полярные путешественники».

▫ *Ф. А. Степун* закончил роман «Николай Переслегин» и книгу о театре.

▫ *Юлий Айхенвальд* выпускает новым изданием «Силуэты» и том своих работ, написанных в последние годы (статьи).

▫ *С. П. Мельгунов* заканчивает книгу о французской революции. В ней, в связи с опытом России 1918—1922 гг., пересматривается ряд установленных точек зрений. Книга посвящена вопросам террора в революционную эпоху.

▫ *А. А. Кизеветтер* в скором времени выпускает в свет «Курс истории России XVIII и XIX веков».

▫ *В. А. Мякотин* занят обработкой своего труда «Очерки по социальной истории Малороссии» (I-ый том был напечатан), а также готовит к печати «Воспоминания» и ряд статей, посвященных пересмотру идеологии и практики социалистических партий.

▫ *В. И. Немирович-Данченко* также пишет воспоминания, относящиеся к истекшему пятилетию.

▫ *Е. Д. Кускова* написала книгу воспоминаний, часть которых будет скоро опубликована.

▫ Среди состоявшихся лекций и докладов отмечаем: *А. Кизеветтера* о «Декабристах», *Ф. Степуна* о «Шпенглере», *Юлия Айхенвальда* о «Смысле истории», диспут о «Сближении с Россией» (докладчик—немецкий экономист, настаивавший на необходимости полного сближения с Советской Россией,—оппоненты—белогвардейцы и эмигранты разных оттенков) и затем, наконец, вечер памяти В. Д. Набокова при участии И. Гессена, А. Кизеветтера, В. М. Зензинова, Е. Кусковой, Г. Ландау, В. И. Немирович-Данченко, Б. Харитона и друг.

В Р.С.Ф.С.Р.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

В настоящее время работа Академии ведется по следующим отделениям и секциям: физико-психологическому отделению, социологическому отделению, философскому отделению, литературной секции, театральной секции, музыкальной секции, секции пространственных искусств и секции полиграфических искусств.

План работы *физико-психологического* отделения за 1922—23 гг. сводится к следующему: завершение цикла предварительной исследовательской работы в связи с проблемой конструкции с докладами по архитектуре, культуре, живописи, полиграфическим искусствам, музыке, литературе, театру, производственному искусству и т. д., исследование искусства примитивного и всех стилизующих примитив художественных концепций.

Ближайшей целью *социологического* отделения является изучение трудов марксистов по вопросам искусства. В первую очередь, изучаются взгляды на искусство Маркса и его ближайших сотрудников и последователей: Энгельса, Меринга, Каутского, Плеханова и др. Завершением этой работы явится издание сборника по марксистской эстетике. Отделением намечен ряд докладов о новейших стилях, о формальном методе изучения художественных произведений и др.

Философским отделением в текущем году изучаются следующие вопросы: об общем характере современной эстетики, о методах изучения современной эстетики, о проблемах эстетики, вызванных современностью. В развитие общего плана отделения намечены работы: описание и объяснение истории искусств, сравнительный метод в искусствоведении и художественная и научно-художественная интерпретация.

Литературная секция в текущем году проявила большой интерес к вопросам морфологии художественных произведений и формальной поэтике. Ряд докладов был посвящен изучению вопросов композиции и стиля художественных произведений. При секции работают следующие комиссии: по изучению русской критики (комиссия, образованная в связи с юбилеями Белинского, Ап. Григорьева и Вал. Майкова, подготовила программу предстоящих юбилейных дней Белинского, выработала программу изданий и т. д.), по изучению Достоевского (приступлено к осуществлению плана по изучению текста писателя, выработан полный указатель юбилейной литературы и подготовлен к печати первый выпуск ежегодника Достоевского), по изучению исторической и теоретической поэтики и методологии литературы. Кроме того, при секции работают: издательская комиссия, комиссия по описанию архивных материалов и другие.

Театральной секцией ведется работа по изучению и описанию рукописных материалов, хранящихся в театральном музее имени Бахрушина (описано около 40 рукописей; описание будет закончено в мае тек. года и издано в виде отдельного тома), по изучению творчества Островского (подготовлены и сданы в печать два сборника под общим заглавием: «Островский и современники»), по изучению творчества актера (проводится анкета по психологии актерского творчества), по изучению современной драматургии (прочитано около 100 пьес, сданы в печать сборники пьес Кайзера и Стернгейма, подготовляются к печати пьесы виднейших германских драматургов, проведен конкурс, на который было представлено до 60 пьес). Кроме перечисленных выше групп при секции образованы комиссии по научному изучению Большого театра, по методологии истории театра, по изучению творчества актера и др.

Музыкальной секцией ведется работа по разработке отдельных вопросов по музыкальной теории, собиранию исторических материалов по русской музыке и библиографических материалов по новой русской музыке и подготовляется «Большая Музыкальная Энциклопедия».

Работа секции *пространственных искусств* разделяется между подсекциями архитектурной, скульптурной и живописи. Работа *архитектурной* подсекции осуществляется в следующем виде: использование массы в архитектуре, изучение русского гражданского зодчества, изучение вопроса рабочего поселкового строительства, архитектурная история русского города и др. *Скульптурная* подсекция ведет работу по изучению пластической формы как таковой, выяснению технического и эстетического взаимоотношения скульптуры с другими пространственными искусствами; осмысливанию и учету современной художественной культуры, упорядочению самой проблематики пластической формы и эстетическому воспитанию современного общества. План работы подсекции *живописи* разрабатывается.

Основной работой секции *полиграфических искусств* в этом году является изучение истории книги в России. Общая тема работы распадается на три группы: теоретическую, историческую и тематическую. Доклады первого рода подготовляются и обсуждаются в первую очередь. В результате эта работа должна представлять собой научный труд, объемом в 30—40 печатных листов.

Кроме перечисленных выше отделений и секций, при Академии действуют следующие организации: 1) Комиссия по художественной промышленности; 2) Библиотека; 3) Библиографический кабинет; 4) Хореологическая лаборатория; 5) Комиссия по изучению вопросов крестьянского искусства; 6) Издательская комиссия, разрабатывающая программу издательской деятельности Академии.

ЮБИЛЕЙ А. Н. ОСТРОВСКОГО.

В день столетия, со дня рождения А. Н. Островского (13 апреля) в Москве у здания Малого театра, состоялась закладка памятника великому драматургу. На закладке памятника выступали с речами: А. В. Луначарский, А. И. Южин и проф. П. Н. Сакулин.

В тот же день в Малом театре состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Островского. С речами выступали А. И. Южин, отметивший крупную материальную поддержку, которую оказывает правительство в деле увековечения памяти Островского, и А. В. Луначарский, который в своей речи доказывал, что творчество художников 60 годов возникло из недр народа и что теперь пролетариат и крестьянство должны создавать свою культуру и искусство на твердом базисе шестидесятников. Далее был оглашен целый ряд приветствий.

В Русском театральном обществе, в Доме Просвещения имени Поленова, в библитеке *Губоно*, в музее А. А. Бахрушина и в картинной галлерее Румянцовского музея были устроены выставки, посвященные памяти А. Н. Островского.

К юбилею Островского изданы следующие книги: 1) «Александр Николаевич Островский» (Издательство «Основа», Иваново-Вознесенск); 2) Н. К. Пиксанов.—«А. Н. Островский. Литературно-театральный семинарий» (издательство то же); 3) «А. Н. Островский». (Изд. «Русского Театрального Общества». Москва); 4) Петроградское Общество имени Островского—«Памяти А. Н. Островского». Сборник статей об Островском и неизданные труды его. (Книгоиздательство «Путь к знанию». Петроград.). 5) Н. Долгов.—«А. Н. Островский. 1823—1923. Жизнь. Творчество. Критика. Сценические образы». (Госиздат); 6) «Творчество А. Н. Островского». Юбилейный сборник. (Госиздат).

ВЫСТАВКА ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

В апреле в Москве в помещении издательства «Колос» была открыта выставка частных издательств. На выставке было представлено свыше 40 издательств Москвы и Петрограда, среди которых «Задруга», «Книга», «Время», «Голос Труда», «Колос», «Петроград», «Мысль», «Былое», «Русский книжник», изд. Сытина, изд. Общества б. политкаторжан», изд. Центросоюза, изд. Сабашникова, изд. Френкеля, «Академия», «Мир» и др. Следует отметить отсутствие таких издательств, как: «Петрополис», «Брок-

тауз и Ефрон», Гржебина, «Светозар», «Сеятель», изд. «Комитета популяризации художественных изданий при Академии истории материальной культуры». Изд. «Алконост», известное своими художественными изданиями, представлено 2—3 случайными книгами.

Целью выставки было показать книжную продукцию частных издательств за время с октября 1917 года. Цель эта оправдана не полностью. На выставке представлены, главным образом, издания последних двух лет. Издания же 1918 и 1919 гг. почти совершенно отсутствуют. Следует также отметить отсутствие пояснительных диаграмм.

Большой интерес представляет витрина издательских марок, исполненных лучшими русскими графиками.

СРЕДИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

▫ На последнем заседании Правления Всероссийской Ассоциации, вследствие неподготовленности многих групп, решено отложить Всероссийский Съезд пролетарских писателей на неопределенное время.

▫ *Ф. Гладков* работает над повестью «На грани».

▫ *М. Герасимов* написал антирелигиозную «пасхальную» поэму и работает над рядом стихотворений.

▫ *Г. Санников* заканчивает поэму «Фата-Моргана» и стихотворения «О железе».

▫ *В. Кириллов* заканчивает вторую часть поэмы «О детстве, море и красном знамени».

▫ *Н. Ляшко* по предложению Госиздата составил сборник избранных произведений. Работает над новым рассказом.

▫ *И. Филипченко* работает над поэмой «Гимн мира» и подготовляет к печати теоретическую книгу о пролетарском искусстве.

▫ *А. Неверов* заканчивает повесть «Ташкент, город хлебный» и рассказ «Дыр-доска».

В члены «Кузницы» приняты П. Радимов, А. Неверов, П. Яровой и Каргополов.

Московская Ассоциация Драматургов предполагает осенью выпустить серию пьес. В нее войдут: «Святейший лама» *В. Волькенштейна;* «Венчанье Хьюи» *А. Глобы*; «Карменсита и Хозэ» *К. Липскерова;* «Озеро Люлль» *А. Файко*, «Обручение во сне» П. Антокольского; «Авантюры» *В. Масса.*

В. Волькенштейн закончил новую трагедию «Святейший лама».

СРЕДИ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Работа Госиздата за первые три месяца 1923 года выражается следующими цифрами:

МЕСЯЦЫ.	Число названий.	Число листов набора.	Количество экземпляров.	Число отпеч. листов.
Январь	151	1895³/₈	1.556.400	20.556.900
Февраль	146	1863⁵/₈	1.347.200	17.333.250
Март	171	2412⁵/₈	1.797.100	25.872.725
Итого. . .	468	6171¹/₈	4.700.700	63.762.875

По социально-экономическому отделу за последнее время вышли из печати следующие книги: *Крыленко*—За 5 лет. *Шляпников*—Семнадцатый год. *Радек*—Внешняя политика Советской России. *Луначарский*—Основы позитивной эстетики. «*Врангелиада*» (сборник). *Ф. Меринг*—История германской социал-демократии, т. I-й. *Стеклов*—Революция 48-го года во Франции. *Мендельсон*—Проблема стоимости. «*Новые пути коммунизма*» (Сборник). «*Отчет Р. С.-Д. Р. П. 8-му Международному Социалистическому Конгрессу в Копенгагене*». *Вольфсон*—Очерки обществоведения.

Рубин—Очерки по теории стоимости Маркса. *Моризэ*—У Ленина и Троцкого. *Плеханов*—Собрание сочинений, т. III, IV и XI. *В. И. Ленин*—Собрание сочинений,—т. II, III, XVI, XVII. *Плеханов*—Основные вопросы марксизма. *К. Маркс*—Капитал, т. I-й. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*—Сочинения, т. II-й, ч. 1-ая. «*25 лет Р.К. П.*» (сборник). «1-й Съезд Р. С.-Д. Р. П.».

Печатаются и готовятся к печати следующие издания: Р. Люксембург—Реформы или революция. *Л. Б. Каменев*—История партии коммунистов в России и В. И. Ленин. *Ф. Меринг*—История германской социал-демократии, т. II, III и IV. *А. Тун*—История революционных движений в России. «*Сборник статей по революционному движению в России*» (под редакцией Н. Овсянникова). *Б. И. Горев*—Сборник статей. *В. И. Пархоменко*—Начало государственности у восточных славян. *Д. Савинский* — Краткий курс статистики. *Кульчицкий*—История русских революционных движений. *Р. Ю. Виппер*. Возникновение христианства. *Ф. Меринг*—Легенда о Лессинге. *Конради*—История революций (2 тома). *Глотц*—Труд в древней Греции. *Шлоттер* — История чартизма. *Г. Эрвэ*. История Франции. *G. D. Cole*.—Гильдейский социализм. *Л. Е. Гальперин*.—Революционные движения 60 — 70 гг. *Чарльз Роден Бекстон*—В русской деревне. *А. Богданов*—Краткий курс политической экономии в вопросах и ответах. *И. Майский*—Демократическая контр-революция. *Рыкова*—Дома отдыха. *Г. Эйльдерман*—Первобытный коммунизм и первобытная религия с точки зрения исторического материализма. «*Революция на Дальнем Востоке*» (1917—1921). Вып. 1-й. *Реймес*—Очерки по истории хозяйства. *Сиринов*—Очерки по аграрной статистике. *Мартынов*—Великая историческая проверка. Графиня *Клейнмихель*—Из мемуаров. *Ротштейн*—Египет. *Чироль*—Индия.

Кроме того, приступлено к подготовке издания «Социалистической энциклопедии» (издание будет вестись Соц. Академией) и следующих серий книг: 1. По научной организации труда и производства. 2. Посвященных колониям и востоку. 3. По современной географии.

СЕКЦИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для детей младшего возраста вышло из печати около 50 названий книг; печатаются и готовятся к печати следующие книги: *Дуров*—Звери дедушки Дурова, кн. I. *Елеонская, Е.*—Кто хитрее? Сказки о животных. *Ее же*. Отчего? Сказки о животных. *Клычков, С.*—Детский песенник. *Караваева, Н. А.*—В часы досуга. Сборник занятий и игр. *Колоколов*—Радужный поясок. *Насимович, А.*—Малыши. Сборник рассказов и стихотворений. Кн. IV и V. *Покровская, А.*—Сказки. Сборник I. *Соколов-Микитов*—Лясы. Пестуньины сказки. *Его же*. Кузовок. *Его же*. Василиса-Премудрая. Сборник—Айду-ду (переиздание). Сборник—Кот-Мурлыка (переиздание). *Ширяевцев*—Узоры.

Для детей среднего и старшего возраста вышло из печати 40 названий; печатаются: *Андерсен*—Сказки. Вып. II и III. *Волькенштейн* — Маугли. *Каринцев*—Герои прерии. *Киплинг*—Отважные моряки. *Его же*. Рикки-Тикки-Тави. *Лондон, Д.*—Путешествие на «Ослепительном». *Некрасов*—Избранные сочинения. *Потапенко* — Рассказы. «*Русские сказки*». Под ред. проф. Шарова. *Шмелев, И.*—Рваный барин.

Готовится к печати свыше 120 названий.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ.

I. По серии «Избранные произведения современных русских писателей» под редакцией *В. П. Полонского* и *А. Воро-*

ского печатаются и в ближайшее время выходят в свет следующие книги: *Серафимович*—Город в степи (рассказы). *Гусев-Оренбургский*—Страна отцов. *И. Шмелев*—В новую жизнь. *И. Бунин*—Чаша жизни. Суходол. *А. Толстой*—Хромой барин. Дикое поле. *А. Куприн*—Поединок. Молох. Мелюзга. *Н. Никандров*—Избранные рассказы. *И. Вольный*—Повесть о днях моей жизни. *С. Елпатьевский*—Избранные рассказы. *В. Вересаев*—Записки врача. Готовятся к печати: *П. Орешин*—Деревня в современной русской поэзии. *Н. Асеев*—Революция в современной русской поэзии. *Н. Ляшко*—Рассказы. *А. Толстой*—Хождение по мукам. Кроме того, намечаются к изданию избранные произведения: *Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба, К. Тренева, А. Чапыгина, И. Сурикова, С. Подъячего, Б. Зайцева, А. Ремизова, В. Муйжеля, Е. Замятина, И. Осиповича, Д. Айзмана, С. Юшкевича, И. Олигера, С. Городецкого, Вяч. Иванова, Н. Никитина, К. Федина, Н. Тихонова, Н. Зощенко, Н. Ляшко, М. Волкова, Ф. Гладкова, С. Семенова, С. Малышкина, Б. Пильняка, В. Лидина, А. Соболя, О. Форш, Л. Сейфуллиной, Б. Пастернака, Д. Лунца, М. Слонимского, С. Сергеева-Ценского, К. Каверина, А. Аросева, И. Оренбурга, Ю. Лебединского* и др. (В каждом выпуске от 10 до 15 листов).

II. По серии «Сокращенные беллетристические произведения для читателей из народа» под редакцией Александрийского. Готовятся к печати: Джиованиоли. Спартак. *А. Барбюс*—В огне. *Войнич*—Овод. *Э. Золя*—Углекопы. *В. Гюго*—1793 г.

По серии «Современная беллетристика», под редакцией *А. Воронского*, печатаются следующие книги: *С. Клычков*. Гость Иудейский. Потаенный сад. *Скиталец*—Воспоминания. *Казин*—Цветы труда. *Асеев*—Совет ветров. *Маяковский*—*«398 страниц»*. *Глоба*—Фамарь. *Толлер*—Человек масса. *Луначарский*—Драматические произведения. Собрание сочинений. Т. I и II. Готовятся к печати. *Г. Алексеев*—Мертвый бег, с пред. Мещерякова. *С. Гарген*—Враги. *Н. Колоколов*—Земля и тело. *И. Орешин*—Ржаное поле. *А. Коллонтай*—За стеклянной стеной. *А. Толстой*—Повесть о многих превосходных вещах. *А. Толстой*—Аэлита. Дикое поле. Под старыми липами.

По серии «Современная иностранная беллетристика (переводная), под редакцией П. С. Когана и И. В. Шубина, печатаются следующие книги: *Лефевр*—Губка с уксусом. *Мандельштам*—Аониды. Готовятся к печати: *А. Франс*—Маленький Ивер. *Г. Уэллс*—История одной жизни. *Луначарский*—Медвежья свадьба. *Эйнштейн*—Дурная весть. *Бартель*—За решеткой.

По серии «Критика. Биография. Письма». Печатаются следующие книги: *Воронский*—На стыке. *Овсянико-Куликовский*, т. I—V. Готовятся к печати: *Островский*—Письма. Под редакцией Бродского, Юбилейн. сборник *А. Н. Островского* под редакцией Шамбинаго. *Н. И. Кашин*—Этюды об Островском.

По серии «Библиотека русских романистов» под редакц. *Кузьминского*. Печатаются: *И. А. Слепцов*—Трудное время. *Шеллер-Михайлов*—Гнилые болота. Готовятся к печати следующие книги: *С. И. Терпигорев*—Оскудение. *А. Писемский*—Тысяча душ.

ИЗДАНИЯ ПО ИСКУССТВУ.

До последнего времени художественные издания Государственного Издательства носили несколько случайный характер. В целях устранения этого недостатка была организована художественно-техническая часть (во главе с Ив. Лазаревским, В. Д. Фалилеевым, Н. А. Андреевым и К. С. Вахрамеевым), которой вырабатывается программа дальнейшей работы в этой области.

В настоящее время выработан план ряда серий и отдельных изданий по искусству. Из них особенно интересна так называемая «Муратовская» серия книг по истории искусства. Надо заметить, что до сих пор история русского искусства выходила в свет лишь большими многотомными изданиями, дорого стоившими и недоступными для массового читателя. Идя навстречу требованиям массового читателя, Госиздат решил предпринять издание серии небольших (от 1 до 2-х печатных листов) книг по исто-

рии искусства, внимательно, но без роскоши, изданных и снабженных достаточным количеством четких репродукций; серия началась под редакцией П. Муратова и теперь продолжается под редакцией П. Машковцева. Намечено около 50 названий. Краткий их перечень дает представление о характере серии. В нее войдут, во-первых, обзоры главнейших наших художественных хранилищ—галлерей Третьяковской, Румянцовской, Цветковской, Московского музея изящных искусств (древняя русская архитектура), Московского музея новой западной живописи, описание оружейной палаты и т. д. Ряд книжек серии даст сжатые, но, по возможности, исчерпывающие характеристики художников, оставивших яркий след в истории русского живописного искусства от Александра Иванова до Серова. Затем выйдут книжки, посвященные отдельным течениям в русском искусстве—русской академической живописи, передвижничеству, «Миру Искусств», новейшим течениям и т. д. Следует еще отметить из этой же серии книжки о старинных русских портретах, о старой русской графике, гравюре и литографии.

Параллельно с этой серией будет выходить серия книг по истории прикладного русского искусства под общей редакцией В. Никольского. Принцип этого издания тот же, что и для серии «Русское искусство»—дать возможность широкому кругу читателей получить сведения о нашем прикладном искусстве. Тут будут иллюстрированные очерки по истории фарфора, мебели, серебра и чеканки металлов, по тканям, шитью, резьбе и проч.

Помимо небольших монографий о художниках Государственное Издательство предприняло ряд монографий исчерпывающего характера, изданных с возможным совершенством с технической стороны. Вышли уже монографии о Фалилееве, Митрохине, в недалеком будущем выходят монографии об Ульянове, Чехонине, Остроумовой-Лебедевой, Малявине. Совершенно исключительным по технике исполнения обещает быть издание труда А. Сидорова «Рисунки старых мастеров» с факсимильной репродукцией нескольких рисунков художников мирового значения. Как дань замечательному нашему графику, скончавшемуся на Украине художнику Нарбуту, выходит небольшой сборник, посвященный его памяти.

Современному искусству Франции посвящена интересная работа В. Маяковского—«Семидневный смотр французской живописи», в которой автор рисует современное положение живописного искусства во Франции. Книга Маяковского будет украшена рядом хромолитографий и трехцветок.

Большая монография посвящается крестьянскому искусству (текст хранителя Российского Исторического музея В. Воронова), которая будет обильно иллюстрирована специально для этой работы произведенными снимками (репродукции в черном и в трехцветках).

Не малый интерес представит издание, в котором будет отражен художественный облик Москвы, запечатленный в ряде очерков, рисующих ушедшую жизнь и нарождающуюся новую Москву. Текст архитектора Бондаренко. Издание украшено оригинальными работами современных московских графиков, которые будут воспроизведены в виде гравюр на дереве, линогравюры, автолитографии, офорта и цветной печати.

Русскому революционному плакату посвящает новую большую работу В. Полонский. Это издание с массой репродукций свыше 200 наших плакатов за время революции, исполненных хромолитографским способом, даст полную картину развития русского революционного плаката, в котором выдвинулось столько художников во главе с Моором, Дени, Маяковским, Лебедевым и др. Издание этой книги выходит одновременно на русском, французском, немецком и английском языках, так как внимание на Западе к нашему революционному плакату огромное: недавно в Нью-Йорке была устроена международная выставка плаката и центром был отдел советского плаката. Художникам Моору и Дени печать уделяла наибольшее число статей.

Государственное Издательство обращает серьезное внимание на вопрос о социальной роли искусства. Недавно вышедшая интересная книга Б. Арватова

«Искусство и классы» открывает собой намечающуюся серию подобных работ.

Комиссия по изучению русских иллюстрированных изданий предполагает в ближайшее время приступить к практическому осуществлению вопросов, поставленных на предыдущих заседаниях. Постановлено в первую очередь выработать и заказать шрифт для детской литературы младшего возраста. Восьмое заседание Комиссии было посвящено докладу К. С. Вахрамеева: «Шрифт для детской и народной литературы».

Для исследования и установления общих норм удобочитаемости типографских шрифтов предположено организовать при Комиссии особую экспериментальную лабораторию. В связи с этим на девятом заседании А. Г. Калашниковым был сделан доклад о «Методике физиологического действия книжных шрифтов». Кроме того, приступлено к организации секции изучения детской книги.

Очередное заседание будет посвящено докладу Н. Г. Машковцева: «Шрифты для титульных листов».

Комиссией организован закрытый конкурс на изготовление ex-libris'ов для библиотеки Госиздата и для Архива Российской Центральной Книжной палаты. К участию в нем привлечены виднейшие московские графики.

«Леф» печатает и подготовляет к изданию книги Б. Арватова «О Маяковском», Н. Чужака «К диалектике искусства», С. Третьякова—«Итого»—стихи, Б. Пастернак «Сестра моя жизнь» и В. Хлебникова—Собрание сочинений, под редакцией Н. Асеева и Г. Винокура.

В Госиздате печатается сборник «Тургенев и его время». В сборнике статьи Н. Л. Бродского, Д. Благого (Тургенев редактор Тютчева), Л. Гроссмана и др. Кроме того, в сборнике помещено много неопубликованных материалов.

ИЗДАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Издательская работа Соцакадемии расширяется. Кроме выходящего «Вестника Академии», секция международной политики приступает к изданию серии книг под общим заголовком «Библиотека по вопросам международной политики» под редакцией Ф. И. Ротштейна. В серию, между прочим, войдут переводные работы по вопросам международной политики, представляющие интерес в смысле правильной ориентировки в области международной политики западно-европейских буржуазных государств. Прежний план издания «Социалистической энциклопедии» приближается к осуществлению. В настоящее время составлена деловая редакция во главе с тов. Ф. И. Ротштейном (отв. редактор), в составе членов редакции М. Вольфсон (предст. Госиздата) и ученого секретаря С. С. Кривцова; намечен ряд редакторов главных отделов. Издание предполагается закончить в течение 2-х лет.

Академией подготовляется к изданию собрание сочинений русских публицистов и критиков (Белинский, Герцен и др.). Кабинетом общественного движения и истории революционной мысли в России издается серия книг под заголовком «Библиотека периодики». Кроме того, президиум академии утвердил план издания лучших марксистских работ членов академии и ее ближайших сотрудников в серии «Библиотека марксиста».

При ЦБ Комстуденчества создано центральное организационное бюро кооперативного студенческого издательства «Пролетарское Студенчество». Основная цель его—объединение разрозненных действий отдельных ВУЗ'ов, рабфаков и организаций в области издательской деятельности в одно студиздательство. Работа издательства направлена на издание учебных пособий, наглядных руководств, учебников, книг по различным отраслям знания, конспектов и лекций, на переиздание их и наглядных пособий, в которых ощущается острая нужда, и на распространение их.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ».

За первый год работы издательством выпущено 227 книг и журналов, с коли-

чеством листов набора 665½ и с тиражем 2.739.200 экз. Книги выпускаются по сериям: популярно-марксистской, антирелигиозной, «капиталистический мир после войны», исторической, биографической, художественно-литературной, агитационно-пропагандистской и «методы политико-просветительной работы». Издательством выпускаются журналы: «Безбожник», «Коммунистическая Революция», «Крестьянка», «Работница», «Коммунистическое Просвещение», «Бюллетень Книги», «Долой неграмотность» и «Искра». Предпринято издание «Малой Русской Энциклопедии», в составлении которой принимают участие виднейшие русские ученые.

Печатаются и готовятся к печати следующие книги: *Алексеев.* — Указатель губерний и уездов РСФСР. *Базаров.* Анархический коммунизм и марксизм. *Бебель, А.* Христианство и социализм. *Бердников и Светлов.* Лекции и программы по курсу Совпартшкол. *Библия безбожника. Бовио.* Христос на празднике Пурим. (Перевод с итальянского под редакцией Ем. Ярославского). *Бронский.* Двухсполовинный Интернационал. *Бернер, П.* Баварская Советская Республика. (Факты и документы). *Викторов.* Феодализм в древней Руси. *Викторов.* Идеолог самодержавия, Иван Пересветов. *Гофман.* Десять заповедей и правящие классы. (Перевод с немецкого, под редакцией, с примечаниями и предисловием Ем. Ярославского). *Горкин.*— Современная Италия. *Гумбель.* 4 года политики убийства. *Граше.* Современная Чехо-Словакия. *Дран, Э.,* и *Леонард, С.* Подпольная литература в революционной Германии во время мировой войны. *Каутский.* Нет больше социал-демократии. *Каутский.*—Американский и русский рабочий. *Каутский.* Социальная революция и на другой день после социальной революции. *Каменита.* Что такое религия. (Перевод с итальянского, под редакцией Ем. Ярославского). *Кекчев.* Как работают в Западной Европе и в России. *Козолькин.* Курс машиноведения. *Кан, Г.* Крушение капитализма. *Конолли.* Труд в Ирландии. *Корш, К.* Сущность материалистического понимания истории. *Корш, К.* Рабочее законодательство о заводских советах. *Кочаровская.* Критика политической экономии Богданова. *Къеза.* Черный спрут (перевод с итальянского, под редакцией Ем. Ярославского). *Лафарг, П.* Экономический детерминизм К. Маркса. *Лассаль.* Избранные речи. *Либкнехт.*—О молодежи. *Луначарский.* О науке. (Сборник статей). *Луначарский.* Об искусстве (сборник статей). *Лукин.* Новейшая история Западной Европы. *Ленин, Н.* О народном просвещении. (Сборник статей). *Лозовой.* Сельско-хозяйственная кооперация в новых экономических условиях. *Маркс, К.* Заработная плата, цена и прибыль. *Маркс, К.* Критика Готской программы. *Майский.* Современная Германия. *Мархлевский.* Современная Польша, *Мещеряков, Н.* Партия эс-эров. *Ч. Ш. Мещеряков, Н.* Задачи современной кооперации. *Мещеряков, Вл.* Кооперация в Советской России. Изд. II. *Мебель.* Крестьянская реформа. *Мебель.* Рабочий вопрос и раб. движение во II пол. XIX века. *Поль Луи.* Будущее социализма. *Панкратова.* Фабрично-заводские комитеты в России. *Подземский.* Справочник по народному просвещению. *Покровский, М. Н.* Курс русской истории. *Прусакова.* Политпросветработа в Совпартшколе. *Пионтковский.* Февральские дни 1917 г. *Пионтковский.* 9-е января. *Пионтковский,* Октябрьская революция. *Рейснер, М* Нужна ли нам вера в бога? III доп. изд. *Ротштейн.* Современная Англия. *Рудаш.* Венгерское восстание. *Раковский. Х.* Арест и освобождение за рабочий интернационал 1916—1917 гг. *Раковский, Х.* Пять лет борьбы с румынскими помещиками (1907—1912 гг.). *Сальвиоли.* Капитализм в древнем мире. *Сафонов.* Рабочее законодательство в Советской России. *Синклер, У.* Гусиная походка. *Синклер, У.* Выгоды от религии. *Слепков.* Учебник по истории для школ I ст. *Троцкий, Л.* Мысли о партии. *Фридлянд.* Хрестоматия по истории революционного движения на Западе. *Чекис.* Гобсс и современный материализм. *Цеткина. К.* Роза Люксембург и русская революция. *Шлихтер. А.* Современная Австрия. *Шестаков.* Бунт земли. (Крестьянство и крестьянское движение). *Шпильрейн.* Индустриальная психотехника. *Штерн.* Прикладная психология.

Яроцкий. История рабочего класса и рабочего движения. *Яроцкий.* Азбука профессионального движения. *Яроцкий.* Учебник по истории Октябрьской революции. *Энгельс.* Бакунисты за работой. *Энгельс.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии. *Эвелинг.* Теория Дарвина (перевод с немецкого Бронштейна).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МОСКВА».

В ближайшее время выходят: 1) 2-ая книга альманаха «Недра» (Содержание: *В. Вересаев.*—В тупике. Роман. Ч. 2. *Н. Никандров.* Диктатор Петр. *Неверов.* Андрей Непутевый. *А. Н. Толстой.*—Рукопись, найденная среди мусора под кроватью. Стихи: *М. Шкапской, В. Кириллова, Дм. Туманного, А. Макарова, Н. Тихонова, Р. Ивнева, Д. Четверикова, С. Заяицкого. В. Наседкина.* Материалы по истории литературы: неопубликованные письма Ф. М. Достоевского, неопубликованное письмо С. Т. Аксакова и вновь найденная повесть Н. Огарева). 2) М. Козырев. — Поручик Журавлев. 3) В. В. Вересаев.—Без дороги. Готовятся к печати: А. Чапыгин.—Минога, рассказы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «9-е ЯНВАРЯ».

Вышли из печати: *М. К. Парамонов.* Заметки о новой школе (практич. дидактика с пред. Н. К. Крупской). *Эрдэ.* М. Горький и интеллигенция. *Палеолог.* Распутин.

Печатаются: *Виленский-Сибиряков.* За великой китайской стеной. *Луначарский.* Революционные силуэты. *Его же.* Литературные силуэты. *Городецкий.* Солнце в оконце (с илл.). *Андерсен.* Соловей. (с илл.).

ГОСИЗДАТ УКРАИНЫ.

Печатаются: *Каутский К.* — Происхождение христианства. — *Семковский,* С. Марксизм и национальные проблемы. *«1-е Мая в России».* Сборник. *Эрдэ, Г.* Годы бури и натиска. *Сухов, А.* Экономическая география Англии. *Колесников, Б.* Профессиональное движение и контр-революция. Инж. *Дашкевич.* Строительное искусство. Проф. *Крым.* Курс общей химии. *Кард, С. Ф.* Учебник аэронавигации. Перевод с английского. *Валес Жюль.*—Баккалавр (из мира отщепенцев). *Франс, А.* Маленький Пьер. *Тагор, Р.* Садовник. *Мало, Э.* В мире тунеядцев. Обездоленные.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ».

Издательство приступило к изданию «Библиотеки для самообразования». Издания Библиотеки строятся по 3 основным группам: естествознания, технических знаний и обществоведения. «Библиотека естествознания» включает 3 серии: «Мироведение», «Живая природа» и «Неживая природа».

По серии «Живая природа» печатаются: Проф. *Лебедев.* — «Организм и среда». *В. Рыжков.* — «Сознание и жизнь» (развитие нервной системы и психической жизни). *Его же*—«Взаимоотношения между живыми существами». Проф. *Ролл.*—«Размножение растений». Проф. *Коршиков.*—«История развития природы человека». (Эволюционная теория, ее история и современное состояние). Проф. *Никольский.* — «Животные и растения». Проф. *Репрев.*—«Как организм защищается от болезней». Д-р *Лаврентьев* (под ред. проф. Воробьева).—«Что наука говорит о лечении болезней заклинаниями и молитвами». Проф. *Воробьев.*—«Жизнь органов вне организма». Проф. *Рубашкин.*—«История развития человека». Проф. *Рубашкин.*—«Происхождение пола». *Марков.*—«Паразитизм, как явление жизни». *Марков.*—«Жизнь клетки». *Николаев.*—«Растительные сообщества». *Николаев.* — «Происхождение культурных растений». Проф. *Ролл.* «Происхождение жизни». Проф. *Ролл.*—«Как питаются растения».

По серии «Неживая природа» печатаются: Проф. *В. Ф. Тимофеев.*—«Энергия и ее превращения». Проф. *А. В. Желеховский.*—«Электричество в природе и способы его применения».

В «Библиотеке Технических Знаний» печатаются следующие книги: *Р. Д. Пономарев.*—«История паровой машины». *Н. Ю. Помазанов.*—«Радиотелеграф и

радиотелефон». Проф. *Проскура.*—«Скрытые силы воды». Проф. *Мухачев.*—«Простые машины». Проф. *Зуев.*—«Из чего и как делается сахар». Проф. *Бухштаб.*—«Электричество в селе и в рабочем поселке». Проф. *Копняев.*—«Электричество в обыденной жизни». Инж. *Ксандров.*—«Воздушные пути». *Голубенко.*—«Скучная наука». Проф. *Тир.* — «Как изготовляются чугунные и железные вещи для домашнего обихода».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА».

Печатаются и в ближайшее время выйдут: Проф. *П. П. Маслов.*—Проблема продукции. Его же—О социальной проблеме. Проф. *Рожков.*—Истор. России в сравнит. историческом освещении, т. VII. Его же. То же, тома I, II, III, IV, V, вторым изданием, *Л. Мартов.*—Развитие крупной промышленности и рабочего класса в России. *Вигдорчик.*—Теория и практика социального обеспечения. Вып. «Кассовая медицина». Его же, выпуски 1, 2, 3, 6 и 8-ой вторым изданием. Проф. *Л. Д. Синицкий*— Очерки по землеведению. Проф. *Гарис*—Мировой хозяйственный кризис. *Вульфиус* — Экономический империализм. *Тюменев*—Очерк истории экономич. быта. Его же. Революция и рабочий класс во Франции. *Н. Андреев.* Очерки по истории культуры России. Его же. Средневековье. Вновь переработан. издание. Его же. Древнейшие времена человеч. культуры. Его же. «Век пара и электричества». По беллетристике печатаются: *Келлерман* — Не от мира сего. *Синклер* — Меня называют изменником. *Ив. Новиков* — Адам. Ю. *Слезкин*—Столовая гора.

ИЗДАНИЯ «КУЗНИЦЫ».

Издательская деятельность «Кузницы» направлена к возможно широкому художественному освещению современного революционного быта. Помимо изданных книг беллетристов Ляшко, Волкова, Лазарева-Темного, Гладкова, Ярового и др., издается ряд новых беллетристических произведений Герасимова, Новикова-Прибоя, Неверова, Каргополова, Бахметьева, Бибика, Четверикова и др.

В скором времени выйдет: Филипченко — II книга стихов; Маширов - Самобытник—III книга стихов: Дорохов—«Колчаковщина», роман в 3-х частях.

Подготовляются к печати: Евгений Лукашевич «О пролетарских писателях», книга статей; Обрадович—«Город» (стихи); Каргополов—«Земной тряс», повесть из партизанской жизни; Обрадович—«Стихи и поэмы», книга вторая; Кириллов—«О детстве, море и красном знамени», поэма; Семенов, С.—Повести и рассказы, книга третья. Г. Якубовский.—1 книга стихов и поэм. —«Родильный крик». Г. Санников. Поэма—«Фата Моргана». Ф. Гладков. 2-ая книга рассказов. Подготовлен к печати 2-ой альманах «Кузницы».

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ.

Печатаются: «Старопечатный русский орнамент (материал по Госуд. Румянцовск. музею). *«Спутник делового человека»* (коммерческий справочник). *«Малая энциклопедия по биологии»*, под редакц. проф. П. Шмидта. Попов и Воронцов. — «Математический словарь». *Попов.*—«История математики», *«Исторический словарь»*. Проф. *Д. Д. Плетнев* — «Терапевтические школы». *Бакмейстер.*—«Легочные заболевания», пер. д-ра *Липшица*, под ред. проф. Вихерта. *Шилинг.* — Практическое изучение крови. «Автобиография Электрона», под ред. проф. *Бабичевского.* «Веселое и занимательное в цифрах и фигурах», пер. Калменс. *Анат Франс.*—Книга моего друга, пер. Калменс. Проф. *Богораз* (Тан)—Эйнштейн и религия. *Цингер, Х.*—Путеводитель молодого физика в области техники.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕТРОГРАД».

Печатаются и в ближайшее время выйдут: «Анналы», № 3. М. Палеолог. «Царская Россия накануне революции». В. Вильсон. «Мировая война и версальский мир». Губер. «Дон-Жуанский список Пушкина». Т. М. Василевский (Не-буква). «Романовы». Бялик. Рассказы. Р. Тагор. «Перелетные птицы».

ОБРАЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

СОВЕТСКИМ, ПАРТИЙНЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ, КООПЕРАТИВНЫМ И ПРОЧ. УЧРЕЖДЕНИЯМ и ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Социалистическая академия настоящим письмом обращается ко всем учреждениям и организациям, издающим ту или иную литературу—периодическую или непериодическую—или имеющим в своем распоряжении чужие издания,—с просьбой высылать в академию всю ими издаваемую и изданную или оказавшуюся в их распоряжении и им ненужную литературу.

Социалистическая академия, являясь центральным в республике научно-исследовательским учреждением, изучающим основные вопросы общественных наук и политики. для этой цели имеет в своем составе ряд кабинетов, как-то: кабинеты экономической политики, рабочего вопроса, советского строительства, III Интернационала, истории революционного движения в России и друг. При каждом кабинете имеется особая секция исследователей, изучающая соответствующий круг вопросов и имеющая в своем распоряжении собрание книг, журналов и других печатных материалов, относящихся к данному вопросу. Но в работе кабинетов ощущается одно очень важное препятствие, которое состоит в том, что кабинеты располагают очень малым количеством материалов, изданных и издаваемых в провинции. Это явление—понятно. так как большинство провинц. изданий лишь нерегулярно доходит до Москвы, и приобрести их здесь часто не представляется возможным. Единственный путь для получения этой литературы—это получение непосредственно из провинциальных учреждений и организаций, ее издающих или имеющих эту литературу в своем распоряжении.

Провинциальная печать за последнее время сделала крупные успехи, и материалы, в ней заключающиеся, имеют громадное значение для работ академии. Появился ряд журналов, представляющих результат работы серьезной научно-марксистской мысли, а также ряд серьезных литературных журналов; получение такого рода литературы представляется уже совершенно необходимым для Социалистической академии.

В виду этого, Социалистическая академия еще раз обращается к товарищам, работающим в провинции, с убедительной просьбой регулярно снабжать академию всеми печатными материалами, имеющимися в распоряжении тех учреждений или организаций, где они работают или в их собственном.

Присылать материалы нужно по адресу: Москва, Знаменка, 11, Социалистическая Академия.

Просьба ко всем провинциальным газетам перепечатать.

Член президиума *Ф. Ротштейн.*

Заведующий библиотекой *Юз. Красный.*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

I.

ОТВЕТ т. СМУШКОВОЙ.

(По поводу рецензии на брошюру: «Вольценбург и Шлосберг. Как устроить и вести маленькую библиотеку. Руководство для фабрично-заводских, волостных и сельских библиотек. Пб. Гос. изд-во. 1921»).

После целого ряда весьма сочувственных отзывов о вышепоименованной брошюре в петроградской печати («Маховик», «Петроград. Правда», «Книга и Революция», «Красный Командир» и др.), появилась (точнее, была прочитана нами) крайне суровая рецензия тов. Смушковой в № 3 «Коммун. Просвещения» за 1922 г. Рецензия была затем воспроизведена, с *характерными изменениями*, в 6-ой книге «Печати и Революции». Считая прямой задачей нашей деятельности распространение правильных взглядов на библиотечную работу, мы не можем оставить без публичного ответа рецензию, отличающуюся в обоих своих вариантах необычайной легковесностью. Вместо деловых и вполне продуманных замечаний, которые мы могли бы только приветствовать, находим в рецензии ряд совершенно неосновательных и *голословных* утверждений, могущих только поселить сумбур в головах неопытных библиотечных работников.

Рецензент, в обоих вариантах, прежде всего поучает нас, что «даже новичку в библиотечной работе известно» (2-ой вар. в «Печ. и Рев.»), что «организацию библиотеки необходимо всегда начинать с записи в инвентарь» (1-й вар. в «Ком. Просв».), по отнюдь не с разбивки книг по отделам (классификации), как это рекомендуется в нашем руководстве. Странное недоразумение. Рецензент, повидимому, и не подозревает, что предварительная *организация книжного запаса* (классификация и расстановка) значительно облегчает и ускоряет работу по инвентаризации; мы уже не говорим о преимуществах такого размещения имеющегося в маленькой библиотеке первоначального книжного запаса (при условии индексации *однозначными* числами), чтобы однородные сочинения внутри каждого отдела по возможности стояли на полках *рядом*, а не вразбивку. Впрочем, кто знаком с литературой, особенно иностранной, по библиотековедению, тот знает, что предварительная классификация не является нашей никуда не годной выдумкой.

Еще более смело другое категорическое утверждение рецензента, что «делать полочную опись на ряду с инвентарем—это абсолютно лишнее» (см. вар. 1-й). Рецензент, по всей видимости, и не подозревает, что отсутствие полочной описи, «абсолютно» необходимой (для поверки книжной наличности) при некоторых системах расстановки книг, является одним из *больных мест* в русских библиотеках. Впрочем, 2-й вар. рецензии об этом «абсолютно» умалчивает.

Вряд ли серьезно и основательно замечание автора рецензии относительно данной нами таблицы десятичной классификации, изложенной применительно к новичкам в библиотечной работе, однозначной, но «с довольно подробной разбивкой в каждом отделе», по признанию самого рецензента. «Если давать таблицу,—заявляет тов. Смушкова в 1-й своей рецензии,—то надо давать подробно, указав, что в маленьких библиотеках можно пользоваться одним или двумя знаками». «Даже в небольшой библиотеке,—читаем мы во 2-й рецензии существенную поправку к 1-й,—хотя бы по общественным наукам и прикладным знаниям надо давать три деления»; «ведь дробная классификация облегчает работу библиотеки а с тремя знаками прекрасно справляются и библиотекари-красноармейцы». Оба суждения согласны, по крайней мере, в

том, что многозначная, дробная классификация «только облегчает работу» *неподготовленных библиотекарей фабрично-заводских, волостных и сельских библиотек*, каковых именно и имело в виду наше руководство. Прежде всего, отметим, что знакомить таких библиотекарей сколько-нибудь подробно с техникой десятичной системы совершенно не входило в наши намерения. Тов. Смушкова, повидимому, не уяснила себе задачи настоящей работы, хотя в предисловии она достаточно ясно формулирована: руководство имеет в виду «таких лиц, которые *без технической подготовки*, но с большой любовью и интересом к книге и к читателю *впервые* берутся за библиотечное дело. В помощь таким именно новичкам в области практической работы и предназначено настоящее руководство, представляющее попытку по возможности просто и наглядно изложить *простейшие* технические приемы правильной организации и планомерного ведения меленьких библиотек». Можно ли таким новичкам в практической библиотечной работе сразу дать в руки таблицу с подробными индексами, хотя бы в пределах первых трех знаков? Кто серьезно (по подлинным таблицам) изучал международную десятичную классификацию и практически с нею работал, тот не будет сомневаться относительно того, что *легче*—разбивать ли книги на одни основные отделы или еще выделять подотделы и группы, фиксируя последние соответствующими индексами. Для окончательного решения вопроса мы предложили бы тов. Смушковой самой проделать опыт с такими, примерно, сочинениями (они все относятся к одному и тому же отделу), очень часто встречающимися в наших общественных библиотеках: «Больничные Кассы», «Продовольственная политика», «Классовая борьба», «Молодежь в пролетарской революции», «Субботники», «Голод» и проч. и проч.

Подробная индексация (до 3-го знака), естественно, потребовала бы от неподготовленного библиотекаря применения уже не *простейших*, а довольно сложных технических приемов работы. И тов. Смушкова с своей точки зрения вполне права, когда она ставит нам в большую вину (а не в достоинство) то обстоятельство, «что» все сведения, даваемые нашей брошюрой, «слишком элементарны» (см. 1-й вар.). Так, она очень недовольна, что мы рекомендуем неподготовленному библиотекарю (по вполне понятным соображениям) не включать в десятичную систему журналы и беллетристику, заводить для «неопытного, особенно деревенского читателя» (см. стр. 20 «Руков.») стенной каталог (на отдельных листах с открытым доступом к полкам) и пр. (см. 2-й вар.). При этом рецензент допускает крайне странные неточности. Так, она утверждает, что нами безоговорочно рекомендуется (по ее терминологии) «тетрадочный каталог» (вар. 2-й); неточность эта, быть-может, объясняется тем, что тов. Смушкова смешивает «тетрадочный каталог с *полочной описью*, назначение которой, как указано выше, для нее непонятно. «Статистике и отчетности посвящено две непонятные странички, не приложены бланки статистики месячной и ежедневной, как взгляд и нечто». На самом же деле этому вопросу брошюра наша отводит 6 страниц (см. гл. 7 и 8, стр. 23—29), изложенных, соответственно цели и характеру данного руководства, очень просто, даже «слишком элементарно», с приложением следующих форм библиотечной статистики и отчетности: «Дневник библиотекаря» для ежедневных записей и месячных подсчетов (см. стр. 24), «состав читателей»: 1) по полу и возрасту, 2) по образованию, 3) по социальному положению, 4) по партийности (см. стр. 26—27), «Движение книжного инвентаря»—прирост и убыль распределенного по отделам систематического каталога книжного имущества (см. стр. 28). В то же время, упрекая нас за то, что мы в своей брошюре не даем того, чего мы вовсе не предполагали, рецензент заявляет (категорически только в 1-й рецензии), что руководство наше имело в виду библиотекаря с известной подготовкой; иначе, мы не стали бы ему рекомендовать «делать отбор лучших и необходимых произведений». Рецензент, очевидно, не отдает себе ясного отчета в различии между технически «неподготовленным библиотекарем» и «серым» человеком, не умеющим распознавать книги.

Рецензия в 1-м вар. заканчивается довольно неожиданным для нас заключе-

нием: «Разбираемое нами руководство как раз в своей технической части никуда не годится, зато ценно потому, что выпукло и ярко подчеркивает необходимость педагогической работы», 2-й вар. в заключение полемизирует с 1-м: «вопрос (о внутренней работе библиотекаря) разрешается правильно, роль библиотеки определена верно, но что можно сказать на 7-ми страницах..... В общем и целом книжка бесполезная, никого ничему она не научит, а если и научит, то тому, чего делать не следует».

Мы охотно выслушаем самые требовательные суждения и суровые приговоры о нашей скромной работе, но при условии, чтоб они исходили от действительно компетентного и умеющего сознательно относиться к своей задаче критика.

О. Э. Вольценбург и А. Н. Шлосберг.

II.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ Т. Т. ВОЛЬЦЕНБУРГ И ШЛОСБЕРГ.

В своем ответе на мои рецензии, помещенные в «Коммунистическом Просвещении» и «Печати и Революции» авторы брошюры «Как устроить и вести маленькую библиотеку» прежде всего сетуют на то, что мой отзыв очень суров, в то время как петроградская печать к брошюре отнеслась очень сочувственно. Конечно, подобная обида вполне понятна—ведь очень неприятно бывает после сладкого съесть горького—оно покажется еще более горьким.

Переходя по существу к разбору письма оскорбленных авторов, прежде всего надо установить, что рецензия для «Печать и Революции» была сдана в редакцию немедленно после появления брошюры в Москве, а заметка для «Коммунистического Просвещения» была написана позже одновременно с рядом других заметок, напечатанных в виде обзора новой библиотечной литературы (одновременно), дан обзор 13-ти книжек.

Рецензия в «Коммунистическом Просвещении» предназначена для практика-библиотекаря, а потому она несколько полнее и детальнее другой рецензии [1]).

Вся книжка Вольценбург и Шлосберг построена на том, что составители ее пытаются упростить всю библиотечную работу, при чем это упрощение идет за счет искажения основной формы и принятого порядка. Вместо принятой формы классификации они вводят свою, добавляя новые рубрики, что заставит заново переклассифицировать библиотеку, если она будет переходить на общепринятую систему.

С другой стороны, составители боятся трехзначного обозначения, героически отстаивают однозначное, возводя эту бессмысленную борьбу в какой-то непонятный принцип. Все возражения, очень резкие по форме, подтверждают только те ошибки, которые обнаружены и указаны мною в книжке и которые проистекают из желания составителей упростить библиотечную технику.

В обоих моих рецензиях проведена одна и та же мысль—составители правильно определяют задачи внутренней библиотечной работы, но слишком мало уделяют ей внимания; в той же части, где разбирается техника работы—книга никуда не годится, т. к. либо вводит ничем не оправдываемые новшества, либо сбивает работника.

Заканчивается антикритика заявлением, что составители брошюры готовы всегда выслушать критику компетентного лица, но меня таковым не считают.

Не вдаваясь в обсуждения вопроса о своей компетенции в том деле, которым я руковожу около трех лет, считаю необходимым подчеркнуть, что составители брошюры, очевидное признают компетентной только ту критику, которая сочувственно отзывается о брошюре, по крайней мере это можно заключить из сопоставления начала и конца письма. Со стороны авторов, конечно, требование сочувственной критики вполне извинительно, как извинительна аппробация критиков в зависимости от степени их сочувствия авторам.

Завед. библ. п-отделом Главполитпросвета: *М. Смушкова.*

[1]) Редакция «Коммунистическое Просвещение» была осведомлена о том, что рецензии на некоторые книги мною уже даны в другие журналы.

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

Государственное Издательство. Москва—Петроград.

1. **П. М. Керженцев.** «Революционная Ирландия».
2. **М. Пазерский.** «Чудотворные иконы».
3. **Жюль Амар.** «Человеческая машина. Научные основы профессионального труда».
4. **П. Карасев.** «Геометрия на подвижных моделях. Классное пособие для школ I и II ступени».
5. **И. Н. Шапошников.** «Задачи по правописанию».
6. **В. Фридман.** «Учебник методики арифметики».
7. **М. Завадовский.** «Пол животных и его превращение».
8. **В. Львов.** «Кометы и падающие звезды».
9. **Генрих Ман.** «Диана».
10. **Генрих Ман.** «Минерва».
11. **Проспер Мериме.** «Кармен».
12. **Ц. Зеликсон-Бобровская.** «Записки рядового подпольщика». Часть II. (1905—1914).
13. **Клазен и Бах.** «Сборник геометрических задач к элементарной геометрии Герхера». Вып. I. Планиметрия.
14. Проф. **С. Глазенап.** «Народный задачник для школ I ступени». Часть II.
15. **В. Мольденгауер.** «В лиственном лесу. Рассказ молодого экскурсанта».
16. **А. И. Герцен.** «Полное собрание сочинений и писем. Том XXI. Под ред. М. Лемке».
17. **М. Рейснер.** «Государство буржуазии и Р. С. Ф. С. Р.».
18. **Франц Юнг.** «Красная неделя».
19. **А. Иоффе (В. Крымский).** «От Генуи до Гааги». Сборник статей.
20. **П. Н. Столпянский.** «Старый Петербург. 1. Петропавловская крепость».
21. **И. А. Гончаров.** «Обломов». Часть I, II и III.
22. **А. Лацко.** «До последнего человека».
23. **Э. Прецанг.** «Чорт в избирательной урне».
24. **К. Рюбецаль.** «Приключение асессора Шнейдига. В борьбе за существование. Пьесы».
25. **Э. Сетон-Томпсон.** «Рогач. Тито».
26. **Морис Палеолог.** «Царская Россия во время мировой войны».
27. **Н. Рыбкин.** «Сборник геометрических задач на вычисление. Часть II. Стереометрия».
28. «Физико-химический контроль кожевенного производства. Книга I. Анализ фабрикатов».
29. **Н. Альмендинген и Г. Тумим.** «Портфель дошкольного работника».
30. **М. Н. Коваленский.** «Учебник русской истории».
31. **К. Петров.** «Русский язык, опыт практического учебника русской грамматики. Синтаксис в образцах».
32. Проф. **Н. С. Державин.** «Основы методики преподавания русского языка и литературы в трудовой школе. Часть II. Преподавание грамматики».
33. **М. Боголепов.** «Страноведение. Китай, Япония и Корея».
34. **Е. Аркин.** «Мозг и душа».
35. **Уптон Синклер.** «Машина».
36. **Эмиль Верхарн.** «Поэмы».
37. **В. Видман.** «Театр и революция».
38. **Н. Бухбиндер.** «Материалы для истории еврейского рабочего движения России. Вып. I».
39. Д-р **Ф. Орлов-Скоморовский.** «Любовь платоническая».
40. **Игорь Глебов.** «Шопен. Опыт характеристики».
41. **А. К. Толстой.** «Смерть Иоанна Грозного».

42. **Д. Маковицкий.** «Яснополянские записки».

43. **А. Филиппов.** «Курс детских болезней. Руководство для студентов и врачей».

44. **В. Шимкевич.** «Биологические основы зоологии. (Том II)».

45. «Наука в России. Справочник. Научные работники Петрограда».

46. Проф. **Б. Александров.** «Основной курс электротехники. Том II. Переменный ток и электрическое устройство».

47. **В. Крогиус.** «Прямолинейная тригонометрия».

48. **В. Перов** и **Н. Писарев.** «Руководство по испытанию исправности и нахождению повреждений в телеф. аппаратах обр. 1909—1914 гг.».

49. **В. Перов** и **Н. Писарев.** «Атлас чертежей к руководству по испытанию исправности и нахождению повреждений в телеграфных аппаратах».

50. **Р. Мандельштам.** «Художественная литература в оценке русской марксистской критики».

51. **С. Степняк-Кравчинский.** «Андрей Кожухов. (Роман)».

52. **М. Толмачева.** «Как Вася жил один в Петрограде. (Рассказ для детей)».

53. «Сказки южных славян». Перевод А. Ловягина. Под ред. А. Горлина.

54. **А. С. Грибоедов.** «Горе от ума».

55. **Н. Фонвизин.** «Недоросль».

56. «Справочник о борьбе с малярией. Вып. V».

57. **А. С. Пушкин.** «Дубровский».

58. **Н. Рогоза.** «Похождения чернушки».

59. **Г. Зиновьев.** «Коммунистический интернационал за работой».

60. «Сборник статей по невропатологии». № 1.

61. **А. Лозовский.** «Задачи коммунистов в профдвижении».

62. «В борьбе за существование. Снова в ряды борцов». Пьесы.

63. **П. Афанасьев.** «Методика родного языка в труд. школе».

64. **А. Н. Островский.** «Бедность не порок. Доходное место».

65. «Астрономический ежегодник на 1923 год».

66. **А. Богданов.** «Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах».

67. **Р. Виппер.** «Древняя Европа и Восток».

68. **Ф. Юнкер.** «Повторительный конспект и сборник задач по дифференциальному исчислению».

69. **Л. Аксельрод (Ортодокс).** «Философские очерки».

70. **В. Беллюстин.** «Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики».

71. Проф. **К. Яцута.** «Препарирование мышц, суставов и внутренностей».

72. **С. Покровский.** «Среди природы. Зимние, весенние, летние и осенние наблюдения природы».

73. **И. Пожарисский.** «Основы патологической анатомии».

74. **Франс Мазрель.** «Политические рисунки».

75. Проф. **Ф. Тредвель.** «Курс аналитической химии». Том I. «Качественный анализ». Т. II. «Количественный анализ».

76. Проф. **М. Н. Покровский.** «Русская история». Том IV.

77. Проф. **А. К. Тимирязев.** «Кинетическая теория материи».

78. Проф. **С. Глазенап.** Тригонометрия. Часть 3-ья. «Решение сферических треугольников».

79. **М. Гершензон.** «История молодой России».

80. **Е. Клетнова.** «Изучение родного края».

81. **А. Сливицкий.** «Разоренное гнездо».

82. **Л. Троцкий.** «Война и революция». Том II.

83. **Н. Бухарин.** «Мировое хозяйство и империализм».

84. **Д. Горячев.** «Основания анализа бесконечно-малых».

85. **Б. Штейн.** «Торговая политика и торговые договоры с Советской Россией» 1917—1922 г.

86. **Г. Плеханов.** «Сочинения», том II.

87. **К. Каутский.** «К критике марксизма. (Анти-бернштейн)».

88. **Ф. Ротштейн.** «Очерки по истории рабочего движения в Англии».

89. **Н. Ленин (В. Ильин).** «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Вып. I. Капитализм и земледелие Соед. Штатов Америки.

90. **И. Стрельников.** «Глинка».

91. **А. Н. Островский.** Собрание сочинений. Том III.

92. **М. Ю. Лермонтов.** «Герой нашего времени».

93. **Рихард Фатер.** «Элементы машин».

94. **Гюи де-Мопассан.** «Оливковый сад».
95. **У. Локк.** «Джеффри».
96. **Дж. Лондон.** 1. Потомок Мак Коя. 2) Красавица Ли-Ван».
97. **Н. Наумов.** «Курс фитопатологии».
98. **Э. Сетон-Томпсон.** «Лобо. Король куррумпо. Бинго».
99. Проф. **Э. Крепелин.** «Введение в психиатрическую клинику». Том I. Общий обзор.
100. Проф. **С. Богомолов.** «Основание геометрии».
101. **Н. Рыбкин.** «Собрание стереометрических задач, требующих применения тригонометрии».
102. **Д. Синцов** и **Е. Марчевская.** «Основание арифметики и алгебры».
103. Проф. **Д. Егоров.** «Элементы теории чисел».
104. Проф. **Зигмунд Фрейд.** «Методика и техника психо-анализа». Вып. IV. Под ред. проф. Ермакова.
105. **Е. Замысловская.** «Учебник истории в школах I ступени».
106. **В. Шарвин.** «Введение в химию. Краткий курс неорганической химии».
107. **В. Бонзельс.** «Приключения пчелки Майн».
108. **С. Брилинг.** «Курс водоснабжения».
109. Проф. **А. К. Тимирязев.** «Философия науки. Естественно-научные основы материализма». Часть I. Физика.
110. Проф. **Б. И. Бокий.** «Практический курс горного искусства». Том II.
111. **Г. Шенгели.** «Трактат о русском стихе». Часть I. Органическая метрика.
112. **П. С. Коган.** «Очерки по истории западно-европейской литературы». Том I и II.
113. **Г. Зиновьев** и **Н. Ленин.** «Против течения».
114. **Г. Зиновьев.** «Коммунистический интернационал за работой».
115. **И. Павлов.** «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных».
116. «Российская коммунистическая партия в резолюциях ее съездов и конференций» (1898—1922).
117. **В. Молотов.** «На шестой год. К итогам и перспективам партийной работы».
118. **Эрнест Унтерман.** «Наука и революция».
119. **Ф. Шалле.** «Рабочее движение в Японии».
120. **К. Маркс.** «Замечания на программу ирландской рабочей партии».
121. **Людвиг Фейербах.** «Сочинения». Том I.
122. **М. Швецов.** «Откуда берется чугун и железо».
123. Проф. **Юлиус Франц.** «Луна».
124. **Сади Карно.** «Размышления о движущей силе огня».
125. **Ф. Нансен.** «На крайнем севере. Жизнь эскимосов».
126. **С. Порецкий.** «Друзья растений».
127. **Э. Бернштейн.** «Ф. Лассаль».
128. **П. Столпянский.** «Петергофская перспектива».
129. «Революционный чтец-декламатор Сборник стихов. Сост. Л. Н. Войтоловский».
130. **Стефан Жеромский.** «Сизифов труд».
131. **Густав Даниловский.** «Мария Магдалина».
132. **А. Шницлер.** «Казанова в Спа или сестры». Комедия в стихах.

Государственное Издательство. Ростов н/Д.

1. «Догадливая ворона». Сказка.
2. «Звериный бунт». (Сказка).
3. «Мальчик с пальчик». (Сказка).
4. «Семь воронов». (Сказка).
5. Проф. **К. Яцута.** «Препарирование сосудов и нервов».
6. **И. Хозацкий.** «Рамные жесткие конструкции, способы их расчета и таблицы для непосредственного применения».
7. **П. Червинский.** «Учебник гидрогеологии».
8. Проф. **К. Яцута.** «Repetitorium по описательной анатомии человека». Часть II.
9. **В. Есипов.** «Литература по уголовному праву, уголовной этнологии, угол. процессу и истории угол. права Запада и Р. С. Ф. С. Р.».
10. **В. Есипов.** «Литература по статистике общей и Р. С. Ф. С. Р.».
11. «Пролетарская революция на Дону». Сборн. II. Под ред. А. Френкеля.
12. «Пролетарская революция на Дону». Сборник III. Под ред. А. Станчинского.
13. **Я. Щелкановцев.** «Насекомые вредные для сельского хозяйства Юго-Востока России». Часть 1.
14. «Программа по естествознанию и географии для школ I и II ступени». Вып. II.

15. «Программа по русскому языку для школ I и II ступени». Вып. I.

16. **Н. В. Парийский.** «Введение в курс ортопедии. Биомеханика, как основа учения об искривлениях человеческого тела».

17. **С. Курнанин, Валерий Печерский, Илья Кривошайкин.** «Трилистник». Стихотв.

18. **З. Чалая.** «Катя Чудова». Драма.

19. **З. Чалая.** «Серебряный ялик».

Государственное Издательство. Орел.

1. **А. Тиняков.** «Русская литература и революция».

2. **Н. Царев-Лунин.** «Крестьянский социалистический клуб самодеятельности».

3. **М. Францев.** «Старый рояль».(Сказка).

Государственное Издательство. Киев.

1. Проф. **Н. Делонэ.** «Как человек покорил природу машинами».

2. **В. Короленко.** «Неизданные произведения». Том XVIII.

Государственное Издательство Сибири. Барнаул.

1. **Глеб Пушкарев.** «Детвора».

2. **Н. Дмитриев и Н. Осмоловский.** «Букварь для детей».

Высший Военный Редакционный Совет. Москва.

1. **П. Зигель.** «Методика строевого обучения артиллеристов».

2. **Н. Дейч.** «Основы военного хозяйства».

3. «Огневая рота». Сборник статей С. Каменева, А. Суворова и др.

4. **А. Гусев.** «Телеграф и телефон. Пособие для практических занятий».

5. «Инструкция для разрядки французской ружейной гранаты».

6. «Инструкция для разрядки английских ручных гранат. № 23 и 36 (Миллса)».

7. «Инструкция для разрядки чугунной ручной английской гранаты № 34».

8. **М. Минковский.** «Беседа о земельном кодексе».

9. **В. Виленский (Сибиряков).** «Россия на Дальнем Востоке».

10. «Советская власть и ее устройство». Сост. Д. Кин.

11. **А. Верховский.** «Общая тактика». Часть I и II.

Издательство Н. К. З. «НОВАЯ ДЕРЕВНЯ». Москва.

1. Проф. **А. Костяков.** «Задачи и нужды исследований в области мелиораций в России».

2. «Материалы местных совещаний областных конференций Н. К. З. о весенней кампании 1922 года».

3. **Ф. Ленис.** «Начала сельско-хозяйственной бактериологии».

4. Проф. **А. Бауер.** «Уход за паром и ржаным полем».

5. **А. Модестов.** Как очистить поля от сорных трав».

6. **С. Фридолин.** «Руководство по внешкольному зоотехническому образованию».

7. **Б. Книпович.** «Главные черты сельск.-хоз. эволюции Европейской России в 1916 — 1921 гг. Материалы к плану Н. К. З. на 1923 г. Вып. I.

8. Проф. **Н. Тулайков.** «Овес. Приемы его возделывания» (для земледельцев засушливого Юго-Востока).

9. **О. Чижиков.** «Мелиоративные товарищества».

10. **А. Модестов.** «Озимая трава вика мохнатая—верная кормилица».

11. **Н. Тулайков.** «Озимая рожь, яровая пшеница, овес—приемы их возделывания».

Издательство „Московский Рабочий". Москва.

1. **А. Дорогойченко.** «Земные небеса». (Стихи).

2. **Чижевский.** «Его величество Трифон».

3. **Г. Гладков.** «Ватага».

4. «Красноармейская поэзия. Под ред. Геннадия Коренева».

5. **Шарль Вирольо.** «Легенда о Христе».

6. «Путь к октябрю. Сборник статей, воспоминаний и документов».

7. **К. Молотов.** «К истории партии».

8. «Второй съезд партии».

9. **А. Логинов.** «Религия и нравственность. Учит ли добру священное писание».
10. **В. Сарабьянов.** «Об антирелигиозной пропаганде».
11. «Под пятикрылой звездой. Сборник».
12. **А. Ефремин.** «Методическое пособие по политической грамоте».
13. **К. Маркс.** «Накопление капитала и кризисы».
14. «Четвертый съезд партии».
15. «Пятый съезд партии» (Лондонский).
16. **П. Коваленко.** «Как писать в рабочую газету».
17. **В. Муралевич.** «Старость и омоложение».
18. «Вехи октября». Альманах.

Издательство „Красная Новь". Москва.

1. **Ф. Энгельс.** «Принципы коммунизма».
2. **Ф. Кон.** «Четвертый конгресс коммунистического интернационала».
3. **К. Каутский.** «Республика и социализм во Франции».
4. **В. Либкнехт.** «Сорок восьмой год и коммуна».
5. **В. Смушков.** «Экономическая политика Р. С. Ф. С. Р.
6. **Н. Алексеев.** «Явь».
7. **К. Новицкий.** «Платон».
8. **Клод Фаррер.** «Остров большого колодца».

Издательство „Новая Москва". Москва.

1. «От февраля к октябрю (в Москве)». Сборник статей, воспоминаний и документов. Вып. I.
2. **Арк. А—н.** «История рабочего движения в Англии, Франции и Германии до 1914 года».
3. **Н. Ленин (В. Ульянов).** «Рабочее движение в России в эпоху первой революции».
4. «Культурно-исторические экскурсии». (Москва. Московские музеи, подмосковное).
5. **Н. Никандров.** «Береговой ветер».
6. **С. Федорченко.** «Народ на войне».
7. **И. Эренбург.** «Жизнь и гибель Николая Курбова».
8. **М. Феноменов.** «Разиновщина и пугачевщина».
9. «Недра». Альманах. Книга I.
10. **А. Стриндберг.** «Ключи от рая».

Издательство „Кузница". Москва.

1. **Михаил Волков.** «Заковыка».
2. **Михаил Герасимов.** «Электропоэма».
3. **С. Обрадович.** «Город».
4. **Н. Темный.** «Собачья доля».
5. **Н. Ляшко.** «Радуга».
6. **М. Герасимов.** «Завод весенний».
7. **Н. Полетаев.** «Сломанные заборы».
8. **Г. Санников.** «Под грузом». (Стихи).
9. **В. Александровский.** «Россыпь огней».
10. **М. Герасимов.** «Негасимая сила». (Стихи).
11. **А. Макаров.** «Весенний сплав».

Издательство «Книга». Москва—Петроград.

1. «Веселые сказки для маленьких детей».
2. **Лабулэ.** «Избранные сказки».
3. **И. Шмелев.** «К светлой цели».
4. «Бежим в страну краснокожих».
5. «Будь готов». Сборник рассказов.
6. «Мир животных».
7. «Новый чтец-декламатор».
8. «Два мира».
9. **Д. Мамин-Сибиряк.** «Про храброго зайца и про других зверей и зверушек».
10. **И. Шмелев.** «Виноград».
11. **Пьер Милль.** «Гарпагоны в беде».
12. Проф. **С. Лозинский.** «История труда».
13. **Г. Видгерс.** «Денежный рынок».
14. Проф. **К. Тимирязев.** «Насущные задачи естествознания».
15. **А. Алтаева.** «Шиллер».
16. **Н. О. Лернер.** «Проза Пушкина».
17. Проф. **Г. Генкель.** «Геммы и камеи».

Издательство «Красного Профинтерна». Москва.

1. Наступление капитала. «Раскольническая деятельность Амстердама и единый фронт».
2. **А. Рязанова.** «Профсоюзы и работницы». I. Работница в производстве.
3. «Резолюции и постановления 2-го международного конгресса революц. профсоюзов». 19-го ноября—2-го декабря 1922 года.

4. «Отчет исполнительного бюро Профинтерна». Июль 1921—ноябрь 1922.
5. **A. Losowsky.** «Frankreich und die Französische Arbeiterbewegung in der gegenwart».
6. «Die gewerkschafts-frage anf dem vierten kongress der kommunistischen internationale».

Издательство кружка «Вторники на Кузнецком». Москва.

1. **Игорь Шишов.** «Стихи.

Издательстзо «Дельфин». Москва.

1. **М. Фридлендер.** «Знаток искусства».

Издательство «Круг». Москва.

1. **В. Пильняк.** «Никола на Посадьях».
2. **В. Маяковский.** «Лирика».
3. **Мария Шкапская.** «Явь».
4. **Н. Асеев.** «Стихи». 1912—1922 г.

Издательство В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых.

1. Проф. **А. С. Орлов.** «Слово о полку Игореве».
2. **И. В. Устинов** и **В. С. Мурзаев.** «1-е мая в школе».
3. Проф. **А. Нечаев.** «Психологический метод обучения чтению».
4. **Н. М. Мендельсон.** «А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах».

Издательство „Сеятель".

1. Проф. **В. В. Сиповский.** «Поэзия народов».
2. Д-р **Ю. А. Васильев.** «Очерки физиологии духа».

Издательство Главного Управления Горной Промышленности. В. С. Н. Х. Москва.

1. **И. Новосильцев.** «Взрывы гремучего газа и каменноугольной пыли».

Издательство «Всерос. Научной Ассоциации Востоковедения при Н. К. Н.» Москва.

1. **В. А. Кряжин.** «Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке.

Издательство «Хобо». Москва.

1. **С. Рок.** «Сорок сороков. Диалектические поэмы.

Издательство Н. К. Ф. Москва.

1. **Г. Сокольников.** «Государственный кредит в Советской России».

Издательство «Московский Парнас». Москва.

1. **Борис Лапин.** 1922-ая книга стихов.

Издательство Ком. Университета имени Свердлова. Москва.

1. Чартизм. Перевод с английского.
2. Программные материалы коммунистического университета.

Издательство газеты «Экономическая Жизнь». Москва.

1. Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по нар. хозяйству. Декабрь 1923 г. и январь 1923 г.
2. Систематический указатель. Декабрь 1922. Январь 1923.
3. Экономическое обозрение. Вып. I, II.

Издательство Коммунистического Интернационала. Москва-Петроград.

1. Деятельность исполнительного комитета и президиума И. К. Коммунист. Интернационала.

Издательство Белтрестпечать. Минск.

1. **С. Вольфсон.** Диалектический материализм.
2. **С. Вольфсон.** Вокруг Плеханова.

Издательство «Сибирские огни». Ново-Николаевск.

1. **Г. Вяткин** «Чаша любви».
2. **Вивиан Итин.** «Солнце сердца».
3. **П. Драберт.** «Сибирь». (Стихи).

Издательство «Буревестник». Краснодар.

1. Проф. **А. Бенкен.** «Жизнь как источник знания».
2. **Ф. Морозов.** «Международная десятичная классификация книг».
3. **Ф. Энгельс.** «О возможности социальной революции в Англии». Неизданные письма.
4. **Юлиан Борхард.** «Исторический материализм»
5. **Андрей Платонов.** «Голубая глубина».
6. «Краткий очерк развития Р. К. П.»
7. **А. Бубнов.** «Основные моменты в развитии Р. К. П.».
8. **Н. Ленин.** «Основы марксизма».

Издательство «Научная Мысль». Харьков.

1. Проф. **П. Фомин.** «Экономическая характеристика».

Издательство «Харьковской Гос. Библиотеки им. В. Г. Короленко». Харьков.

1. **Борович.** «Творческая жизнь. Памяти В. Г. Короленко».

Издательство «Труд». Харьков.

1. **С. Мюллер-Фрейшфельс.** «Поэтика».

Издательство «Нижполиграф». Н. Новгород.

1. «Русский астрономический календарь-ежегодник». 1923 г.

Издательство «Нижегородского кружка любителей физики и астрономии». Н. Новгород.

1. «Объяснения к звездной карте».

Идательство «Нижегородского Губсоюза». Н.-Новгород.

1. **М. А. Вязмин, В. Н. Золотницкий, А. Н. Звездин, А. Н. Свободов, Н. П. Ульянова.** «Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко».

РАЗНЫЕ.

1. **И. Шумский.** «Разноцветы». Лирика 1918—1922 г. Солигалич.
2. **Любовь Штрейхер.** «10 песен для детского хора».
3. **А. Петрович.** «Наша жизнь». Г. Буйнакск.
4. **А. Петрович.** «Carmen sine nomine». Г. Буйнакск.
5. **А. Чарский.** «Стихи». Г. Бобров.

Издательство «Эпоха». Берлин.

1. **М. Гершензон.** Судьбы еврейского народа.
2. **А. Белый.** После разлуки.
3. **В. Гиппиус.** Лик человеческий.
4. **М. Зощенко.** Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова.
5. **Марина Цветаева.** Царь-Девица. Поэма-сказка.
6. **Киплинг.** Слоненок.

Издательство «Прогресс». Берлин.

1. Народное хозяйство России за 1921 г.

Изд. Thomas Seltzer. Нью-Йорк.

1. **A. A. Heller.** The Industrial Revival us Soviet Russia.

Изд. «Опыт». Берлин.

1. Проф. **С. С. Чахотин.** Организация.

II. ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. **«Вестник Социалистической академии».** № 2. Госиздат
2. **«Вестник хирургии и пограничных областей».** Госиздат.
3. **«Голос работн. просвещения».** № 2-3. Госиздат.
4. **«Книжная летопись».** № 18. 1922 г. Госиздат.
5. **«Естествознание в школе».** № 6—8. 1922 г. Госиздат.
6. **Книжный бюллетень Госиздата.** № 1 (20). Госиздат,
7. **«Новая книга».** № 1-2 (6-7). Госиздат.

8. **«Естествознание в школе».** № 1-2. 1923 г. Госиздат.
9. **«Человек и природа».** № 1. 1923 г.
10. **«Современный Запад».** Книга 2-ая. 1923 г. Госиздат.
11. **«Красная летопись».** № 6. 1923 г. Госиздат.
12. **«Народное просвещение».** № 3. 1923 г. Госиздат.
13. **Пролетарская революция.** № 1 (13). 1923 г. Госиздат.
14. **«На путях к новой школе».** № 2 (5) Март 1923 г. Госиздат.
15. **«Новая деревня».** № 1. Январь 1923 г.
16. **«Экономический бюллетень конъюнктурного института».** 1923 г.
17. **«Сельско-хозяйственная жизнь».** № 3. 1923 г.
18. **«Военный вестник».** № 19. Изд. В. В. Р. С. 1923 г.
19. **«Военное знание».** № 1—2. Изд. В. В. Р. С. 1923 г. Январь-февраль.
20. **«Политвестник».** Материалы к празднованию 5-й годовщины Кр. Ар.
21. **Родной язык в школе.** № 2.
22. **«Коммунистическая революция».** № 4 (43), Изд. «Красная Новь».
23. **«Долой неграмотность».** № 34. [Январь-февраль.
24. **«Коммунистическое просвещение».** № 1 (7).
25. **Красный Интернационал Профсоюзов».** Сентябрь-декабрь. № 9—12. 1922 г. Изд. «Профинтерн».
26. **То же.** Январь. 1923 г. № 1—2 (24). Изд. «Профинтерн».
27. **«Вестник Труда».** № 11—12. Изд. «В. Ц. С. П. С.»
28. **«Знамя Работаковца».** № 1—2. «Январь-февраль. Изд. Профинтерна».
29. **«Сельско-хозяйственная жизнь».** № 6. Изд. Н. К. З. «Новая Деревня».
30. **«Продовольствие и Революция».** № 1. Изд. Наркомтруд.
31. **«Горный журнал».** № 10—12. Изд. Гл. Упр. Горн. Промышл. В. С. Н. Х.
32. **«Горн».** № 1. Изд. «Серп и Молот».
33. **Каторга и ссылка.** № 5. Изд. Обществ. полит. каторжан и поселян.
34. **«Красный Перец».** Март. № 4. Изд. «Московский рабочий».

Петроград.

1. **«Корабль».** № 1—2.
2. **«Морской Сборник».** № 1—2. Январь-февраль. Изд. Моркома.
3. **«Красный флот».** № 1—2. Январь-февраль. Изд. Моркома.
4. **«Педагогическая мысль»** № 1. Изд. Брокгауз-Ефрон.

Харьков.

1. **«Врачебное дело».** Юбилейный номер. 1918—1923 г. Изд. «Научная мысль».
2. **«Бюллетень»** Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода при ВЦИК'е № 9.
3. **«Путь просвещения».** Январь. № 1. Изд. Харьковск. Отдел Н. К. П.
4. **«Вестник профдвижения Украины»** № 10—11. Январь-февраль.

Киев.

1. **«Летопись Революции».** № 2.

Ново-Николаевск.

1. **«Сибирские огни».** № 5. Ноябрь-декабрь. Госиздат.
2. **«Жизнь Сибири».** Январь. № 1. (5) Изд. Сиб. Рев. Комитета.

Екатеринбург.

1. **«Губерния в цифрах».** Бюллетень Екатеринбургского Губстатбюро. № 8. Декабрь. № 1. Январь. Изд. Центр. Стат. Упр.

Иркутск.

1. **«Красные зори».** № 1, 2—3 Изд. газ. «Власть труда».

Эривань.

1. **«Экономический Вестник» С. С. Р.** Армении № 1. Январь. Изд. Н. К. Ф.

Иваново-Вознесенск.

1. **Известия Ив.-Воснесен.** Губ. Ком-та Р. К. П.

Тула.

1. **«Новый путь».** 13—14. Декабрь-январь. Изд. Губ. Эконом. Совещания Губсоюза Потреб. Об-ств.

Тверь.

1. **«Наше хозяйство».** № 1. Изд-во Губ. Эконом. Совета.